

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Некто Бонапарт

СТОЛЯРОВ АНДРЕЙ

АНДРЕЙ СТОЛЯРОВ

Некто Бонапарт

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦИЯ

АНДРЕЙ

СТОЛЯРОВ

Некто Бонапарт

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО Terra Fantastica
Москва Санкт-Петербург
2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С81

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.01.2002.
Формат 84×108[1]/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 7000 экз. Заказ 289.

Столяров А.М.

С81 Некто Бонапарт: Сб. / А.М. Столяров. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 605, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-012645-X (ООО «Издательство АСТ)
ISBN 5-7921-0510-3 (TF)

Сквозь серые сумерки петербургских дней и ночей, сквозь истлевшие кружева облупившейся штукатурки проходных дворов, подъездов и подворотен промозглым туманом пробивается европейский мистицизм... Закручивается в фантасмагорические сюжеты, исчезающие в лабиринтах города и обыденности, жизнь героев, порожденных исполненным холодного романтизма воображением известного писателя Андрея Столярова.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Текст. А. Столяров, 2002
© Предисловие. С. Переслегин, 1994
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

Размышления о языке

...Черный круг арены. Чужое небо. И безжалостные вопросы, на которые приходится отвечать.

Звезд не существует.

Солнца не существует.

Земли не существует.

В безвременье, в безмирье контакта ждет тебя человек без лица, ждет, чтобы спросить.

«Мое имя — Осборн... Камни, падите на меня и сокройте меня от лица Сидящего на престоле... Ибо пришел великий день гнева его; и кто может устоять?»[1*]

Книга эта для тех, кто решится ответить.

«Болихат умер, Синельников покончил самоубийством, Зарьян не поверил, Мусиенко поверил и проклял меня. Это пустыня. Кости, ветер, песок. Я выжег все вокруг себя. Благодеяние обратилось в злобу, и ладони мои полны горького праха. Ангел Смерти. Отступать уже поздно. Надо сделать еще один шаг. Последний. *Войны не будет. Я хочу абсолютного знания*»[1].

1. Семиотика

Человек воспринимает Вселенную как информационную структуру. Бессодержателен спор, присущ ли порядок миру изначально (то есть природа сообразна разуму, в основе ее лежит разумное начало)[2], или же структурирование осуществляется в процессе получения информации, являясь его неотъемлемым свойством, атрибутивным признаком. Раз мы не

* Список использованной литературы см. в конце статьи.

можем ориентироваться во Вселенной иначе, чем объявив ее знаковой системой, она для нас является знаковой системой.

Но язык, любой человеческий язык, также является знаковой системой. Структура его чрезвычайно сложна, поскольку, видимо, обладает бесконечной связью.

Свойства языка совпадают со свойствами Вселенной, эти сущности равновелики и равнопознаваемы. Или — равно непознаваемы. И единственная задача, стоящая перед человечеством, перед наукой, перед каждым из нас в каждый момент нашей жизни — задача перевода. С языка природы или с языка, присущего иной нации, или с языка, на котором говорят окружающие, — ведь нет такого слова, которое бы двое поняли одинаково, и даже влюбленные, даже прожившие рядом жизнь нуждаются при общении в переводе — наконец, с собственного своего языка, ибо кто сказал, что мы понимаем сами себя, что говорим с собой на одном языке?

Наукой наук становится не физика, не история — семиотика, наука о знаковых системах.

Боюсь, что уже непонятно. Впрочем, неважно. «Если хочешь, чтобы тебе хорошо платили, занимайся тем, чего никто не понимает. То есть опять же семиотикой»[1].

А, кстати, почему никто не понимает? Этот вопрос важен. Мы вспомним его, когда окажемся в Лабиринте.

2. Отправная точка

Определения семиотики тяготеют к тавтологиям, которые не суть тавтологии. «Имя именует вещь и одновременно выражает понятие о вещи. (...) Если имя имеет детонат, то этот детонат есть функция смысла имени...»[2]. Что ж, поскольку мы следуем за семиотиками... — определения.

Литература есть информация о контакте, изложенная в доступной восприятию форме.

Это наша отправная точка.

«Это было зеркало. Обыкновенное, в замысловатой бронзовой оправе. Такие вешают на стену. Но — чудовищных размеров. Расширяясь, оно уходило вверх, в туман, видимо, до самых звезд. Рыхлые тучи обтекали ровно блестящую, серебряную поверхность его»[1].

Зеркало «Телефона для глухих» — символ контакта? Нет, но обратное верно. Контакт есть зеркало.

Ведь мы одиноки во Вселенной. Одиноки настолько, что Вселенную способны воспринять только через себя, потому она такая, какой нам ее хочется видеть. Но нельзя познать себя через себя.

Более всего нам интересны мы. И подобно тому, как в абсолютной тишине человеку слышатся далекие голоса, абсолютное одиночество Человечества породило представление о разуме вне нас, которому дано нас понять.

«...Книга с семью печатями — треть небосклона... Печати из багрового сургуча... Кто достоин открыть сию книгу и снять печати ее?»[1]

Представьте: к вам подходит человек и предлагает открыть вам о вас все. Абсолютно все. Без остатка. Открыть правду, знать которую — привилегия Бога.

Понятно, что Бог — первый внеземной и внечеловеческий разум, созданный человечеством, и вместе с тем первый литературный герой. Трудно отрицать, что культура начиналась религией[3].

Разум не существует в одиночестве. Жаль только, что «по образу и подобию».

И дальше шло по образу и подобию. Писатель-реалист создавал точную (насколько хватало таланта) модель мира. Сам он играл роль Бога, обреченного знать. Так возникал контакт, и общество отражалось в зеркале его. Реализм говорил правду. Однако не всю. Слишком мало́ расстояние между создателем и созданием, слишком близка рамка. Реализм никогда не мог стать динамической целостностью[4], поскольку связность предлагаемых им моделей и, следовательно, число смысловых слоев не превосходило двух[5].

Появилась фантастика.

Определение: фантастика есть информация о контакте с разумом, не сводимом к человеческому.

3. Судьба знающего

Земля, наши дни. Привычная реальность чуть обогащена экстрасенсорной составляющей.

Есть еще риding-эффект. Мир рассечен им на части, смяты привычные блоки взаимоуравновешенной лжи, сломалась классическая восходящая иерархия восьмизначных сверхсекретных кодов; знаковая система не вполне случайных катастроф и запоздалых соболезнований, сбалансированных предупреждений и циничных разменов на политической шахматной доске неожиданно оказалась под жестким контролем. «Речь шла о профессиональном ясновидении....Мы столкнулись с врожденной или приобретенной способностью вычерпывать громадное количество информации куда угодно и откуда угодно без всяких запретов и ограничений».

Вот он, обобщенный перевод. Информация объективно существует. Скрытая, рассеянная, латентная — она есть всегда и в достаточном количестве, и «мудрый сумеет ее прочесть»[6]. Простейшие логико-знаковые системы исчерпываются до конца.

«Ферзь уходит с горизонтали... следует жертва слона, и выдвинутый вперед, слишком растянутый центр стремительно рушится, погребая под собою королевский фланг, перебрасываются обе ладьи, строится таран, удовлетворительной защиты нет...»[1]

Потом вообще исчезает случайность, человек получает право знать будущее, переводя сведения о нем с тайного языка четырехмерной семиотической сети...

«Прокол сути» общество восприняло как непосредственную угрозу своему существованию. Это важно.

Денисов применил риding-эффект совершенно по-дилетантски, ограничившись локальной благотворительностью, применил с ничтожным КПД, и тем не менее конфликтующие, антагонистические и мировые блоки приложили для борьбы с ним огромные усилия. Даже договорились.

«Войны не будет. Я так вижу».

Я тоже так вижу. Здесь не надо риding-эффекта, достаточны традиционные способы самоорганизации информации. А на том уровне иерархии, где знают секретные коды, для того, чтобы увидеть, нет нужды даже в навыках простейшего логического анализа.

Ну и к чему тогда — армия, образ врага, ненависть, замешанная на зависти, зависть, замешанная на ненависти? То, что определяет социальные отношения?

Офицер госбезопасности, от имени которого ведется повествование, напрасно обманывает себя. Ни о каком «жестком рентгене власти» Нострадамуса и речи не шло. Политическая наивность вмешательств Александра Ивановича была очевидна любому профессионалу, даже без соответствующей информационной модели.

Тем не менее, речь действительно шла о власти. Само существование Нострадамуса явилось нарушением суверенитета интернационального слоя имущих власть, отнюдь не расположенных ею делиться. Ведь власть в нашем мире основана на информационной монополии.

«— Мы готовы доказать, что внутренней и внешней политикой как нашей страны, так и многих других нередко руководят из-за кулис тайные группировки, которые в своекорыстных целях проводят губительную политику и не щадят человеческих жизней.

В зале стояло тяжелое, полное ненависти молчание.

— Слишком долго секретные договоры и ядовитая лживая пропаганда определяла мысли и чувства простых людей; слишком долго украшенные орденами воры грели руки, сидя на самых высоких должностях. Аппарат мистера Лавьяды делает предательство и ложь невозможными. И все наши фильмы были сняты ради достижения этой цели»[7].

Герои повести Шерреда использовали ридинг-эффект, обращенный в прошлое. Нострадамус же полностью овладел искусством трансляции, научившись ориентироваться в будущем, так что, как говаривал шварцевский Генрих: «Вот вам все преступления, еще не занесенные в Книгу, а лишь намеченные к исполнению»[8]. Иными словами, Нострадамус — на уровне факта существования — вскрывает систему мира, основанную на тайне — «удовлетворительной защиты нет».

Совесть героя повести чиста. Его *не потребовалось* убить.
Кимон-бей. Северо-западные территории.
Фирна. Провинция Эдем.

То, что последовало за ней.

Оказалось неотделимым «знать» и «чувствовать». Естественно: полная информация должна восприниматься на всех

психических уровнях — от лингвистического до надэмоционального.

«Истина убивает», — говорит Демиург.

«Нострадамуса убила Фирна, — говорит рассказчик. — Слишком много боли... я и не подозревал раньше, что в мире такое количество боли»[1].

4. Архитектоника

Организуем первоначальный синтез.

Истина убивает. Знающий обречен — если не обществом, так своей совестью. Теорема доказана Т.Шерредом в «Попытке» и обобщена А.Столяровым в «Третьем Вавилоне».

Однако теорема верна лишь в рамках используемых в этих произведениях квазиклассических моделей.

Упростить — не значит понять[8].

Мы продолжаем путь. Вниз по ступенькам лестницы познания. Или вверх? В многосвязной топологии истинной модели эти слова не имеют значения. Лестница скрыта в тумане беспредельностей, и лишь ближайшие ступени проглядывают сквозь дымку, приглашая строить здание анализа на песке, струящемся из конуса часов.

Сие не погоня за красивостями. Я старался найти семиотически точный образ. «Знаю лишь то, что ничего не знаю» — эффектно, но неточно. Нужна оценка. Две-три ступени зазеркальной лестницы находятся в моем распоряжении.

Интеллектуальная проза А.Столярова, базирующаяся на обширных сведениях из истории, философии, лингвистики, логики, требует двойственного комментария. Отсюда усложненная архитектура этой статьи. Лестницы, пути, лабиринты... я вынужден следовать спиральной структуре авторского текста — комментарий есть трансляция.

«Третий Вавилон» — «Изгнание беса» — «Телефон для глухих». Почти линейное восхождение от простого к сложному, от Реальности к калейдоскопу Реальностей. Но — на другом уровне — семантически обратный путь: «Телефон для глухих» — «Изгнание беса» — «Некто Бонапарт» — та же дорога от простого к сложному. И неожиданное замыкание

на «Третий Вавилон». Сама по себе эта повесть практически не содержит подтекста, но, будучи включенной в целостность, обретает его, замыкая спираль. Разумеется, не полностью.

Читая и анализируя, нельзя забывать, что Столярову, как и нам, недоступно все Зазеркалье, и конструкции его также построены на песке.

«Что есть истина? — спрашивает З.Тарраш и отвечает: — Даже в шахматах ни в коем случае нельзя все доказать»[10].

Вот, кстати, и еще одна лестница. А.Столяров не способен понять и тем паче отобразить мир. В еще большей степени я не способен исчерпать Андрея Столярова, да, наверное, и передать свое представление о нем. Кроме того, читающий эти строки несомненно воспринял текст книги иначе, чем имел в виду автор, а в комментариях нашел совсем не то, что заложил комментатор. («Мысль изреченная есть ложь» — недавно выяснилось, что это знаменитое высказывание имеет своей основой принципиальную семантическую некорректность естественных языков, интуитивно известную уже А.Франсу.)

Тем не менее, мы понимаем друг друга. Понимаем, разделенные пространством и временем, эпохами, предрассудками и парадигмами. Это внушает надежду.

«Самое удивительное в мире то, что он все-таки познаваем», и «индивидуальная активность не обязательно обречена на неудачу»[1].

Итак, мы продолжаем путь. Нам не удастся достичь ридинг-эффекта. Мы не построим величественный храм Истины. Но, быть может, научимся ориентироваться в Лабиринтах?

5. Темные века

Проблема смертоносности истины неразрывно связана с историей Средних веков. Человечество так дружно и так успешно стремится забыть и принизить эту эпоху, что на ум приходит фрейдовский термин «вытеснение». В данном случае приходится применять его не столько к индивидуальной, сколько к общественной психике.

Не рыцарские турниры и не подневольный труд крестьянина, «потом оплачивающего роскошь дворянских пиров»,

должны стать символом средневековья. Не было там роскоши. Рыцарю жилось не намного легче крестьянина: это был ненадежный мир, неуютный даже для правящего класса, который к тому же не осознавал себя правящим. Наши расхожие представления о феодальной эксплуатации порождены анахронизмом — путаницей между Средними веками и Возрождением.

Постоянные войны и казни также не были отличительным признаком эпохи. Сие, впрочем, очевидно.

Что же тогда?

Как ни странно, символом поголовно неграмотного мира средневековья надо признать перо и книгу. Сложнейшее искусство логического анализа достигло тогда расцвета. Абстрактная, оторванная от мира мысль царила над миром.

Мысль, слово связывали в единое целое пестрый конгломерат государств и племен Европы. Слово структурировало политику и организацию — «по образу и подобию».

«Семь металлов создал свет по числу семи планет...» Даже ангелы подчинялись классической восходящей иерархии, изоморфной структуре церкви или общества, или, например, учебника по лингвистике.

«Железный гвоздь распятья
Властвует над всем...»
(Р.Киплинг)

Эпоха эксперимента — попытка сознательно построить новые общественные отношения, завещанные Евангелием. Попытка, я бы сказал, беспрецедентная, если бы не близкие аналогии.

Средневековье знало только одну структуру — пирамиду. Но пирамида обязана иметь вершину, и притом только одну.

«Един Бог. Едина Луна. Едино Солнце».

Едина Истина.

Ее, единственную, охраняли, не стесняясь в выборе средств. Это был высочайший долг каждого — от крестьянина до короля и папы, связующее звено, основа существования общества.

Истина должна быть простой, и ее упростили, сузив до последней крайности, отбросив все ее грани, кроме одной.

Ей служили. За нее умирали.

За нее убивали.

Сначала больше чужих.

Потом больше своих.

И, наконец, когда Средние века сменились Возрождением, за нее стали убивать всех без разбора.

Неграмотное Средневековье не знало инквизиции. Но слово требовало научить людей читать, и они начали читать, и некоторые стали находить в текстах свои собственные истины — с маленькой буквы. (Ридинг-эффект — от английского to read — читать.) Их, разумеется, уничтожали. Любое познание, ставящее под сомнение единую Истину, было смертельно опасно — физически, поскольку по определению ставило под сомнение всю пирамиду общественных отношений, и психологически, поскольку выводило человека за пределы средневекового мира, заставляло взглянуть на него со стороны.

« — Слишком много боли, — сказал Демиург Третьего круга, посвященный.

— Нить?

— Толстый канат, связывающий эпохи. Двадцатый век повторил все».

«Свет от луны сияющим пятном
Лег на пол, накрест рамой рассечен.
Века прошли, но он все так же мечен.
И крови жертв не различить на нем...»
(Уильям Батлер Йейтс)

6. Ад на земле

«Женевский епископ сжег в три месяца пятьсот колдуний. В Баварии один процесс привел на костер сорок восемь ведьм. В Каркасоне сожгли двести женщин, в Тулузе — более четырехсот. Некий господин Ранцов сжег в один день в своем имении, в Гольштейне, восемнадцать ведьм. (...) С благословения епископа Бамбергского казнили около шестисот

обвиняемых, среди них дети от семи до десяти лет. В епархии Комо ежегодно сжигали более ста ведьм. Восемьсот человек было осуждено сенатором Савойи...»[1]

Тишина темных веков взорвалась криками горящих заживо и ревом толпы, «...до начала восемнадцатого века число жертв превысило девять миллионов человек»[1].

Писание призывало к свету...

Я сказал, что уничтожали всех без разбору. Это, в общем, верно, но были и «группы риска». Познавшие свет, и в первую очередь — богословы.

Строчка комментария к Библии обрекала на смерть. Это не метафора: в Испании сам факт работы над священной книгой уже был доказательством вины. (Под Испанией я, разумеется, имею в виду не полуостров, а транснациональную империю, над которой не заходило солнце.)

Убивали изощренно. «Они все садисты — святые отцы»[1].

Так на землю пришел ад.

Играть с терминами, путая эпохи, антинаучно, но все-таки... Инквизиция была орудием борьбы с инакомыслием; Возрождение — логическая изнанка средневековья, Темные века, доведенные до предела, до отрицания — предвосхитили просвещенный двадцатый.

Инакомыслие — искаженное понятие, не имеющее знакового содержания. Действительно, его антоним — единомыслие. Единомыслие — значит, все мыслят одинаково? Но тогда невозможен интеллектуальный обмен, накопление, переработка информации — то есть собственное мышление. Значит, диалектическая пара «единомыслие — инакомыслие» лишь маска, скрывающая иные категории: «мышление — отрицание мышления».

Не инакомыслящих уничтожали — непохожих, неординарных, выделяющихся из среды.

«...когтями скреблись в окна и показывали бледному, расплющенному лицу — пора! Они сразу шагали в ночь, им не нужно было одеваться, они не ложились. Жена подавала свечу, флягу и пистолет, крестила. (...) Открылся холм, залитый голубым, и крест из телеграфных столбов... Вышел главный в черном балахоне с мятущимся факелом. Что-то сказал. Все запели — нестройно и уныло. Господу нашему слава!..

Завыло, хлестануло искрами — гудящий костер уперся в небо... Фары включили. Машины начали отъезжать. Заячий, тонкий, как волос, крик вылетел из огня. (...)

Отец Иосаф сказал проповедь: „К ним жестоко быть милосердными..."»[1].

Власть ада захлестнула Европу. Чудовищный ураган организованного уничтожения мысли. Полностью волны не схлынули никогда.

Наступил век философии. Пришел позитивизм девятнадцатого, за столетие человечество узнало больше, чем за всю свою предшествующую историю. Ценой этому стала цена. Истины продавались на рывке, что имело и свои положительные стороны. Люди довольно искренне считали себя свободными.

А подсознание требовало возрожденного Средневековья. Утопии с поразительной настойчивостью штамповали все тот же образ мира. Один Бог. Одна нация. Один фюрер.

«Изгнание беса» с жесткой беспощадностью показывает средневековый характер психики двадцатого века. Доказательство, пожалуй, элегантно, если можно так сказать о рассказе, страницы которого кричат.

«Санаторий для туберкулезных детей» выделен, населен изгоями. В рамках любой фантастической модели судьба его предрешена. Столяров использует простейший прием: ароморфоз буквально повторяет демонологические описания четырнадцатого века. И реакция повторяется буквально.

Скачок эволюции, новое Возрождение подавляется так же, как и первое. Ренессанс культуры вновь оборачивается смертоносностью истины. «Это экстремальный механизм регуляции».

Костры, фигура инквизитора. Серебряные пули против детей.

«Мрак и ветер».

7. Церковь

Мы все-таки выжили. Мы — альбигойцы Аквитанского Ренессанса, еретики европейского и русского Возрождения, философы, инженеры, техники, ученые конца второго

тысячелетия, «простецы», костром плативщие за свободу, творчество, любовь — мы, те, которые «не рабы». Выжили, и собираемся жить дальше, хотя не ждем милости от «гуманнейших» законов природы и общества и не верим, что есть страны, «где ароморфоз осуществляется постепенно, безболезненно и практически всеми...»[1]

Странная для А.Столярова фраза. Так и хочется спросить: какие такие страны имеются в виду? Ведь «не было ни одного государства, ни одной нации, ни одного племени без религии». Стоп. Рассуждение автора хотя и красиво, но неточно. Религия сама по себе не обеспечивает регуляции филогенеза ни в биологическом, ни в социальном. Скорее наоборот, религия способствует развитию отвлеченного мышления, стимулирует прогресс. (Не зря деление культуры на эпохи часто осуществляется по «религиозному признаку» — античная, христианская, буддистская культура и т.п.)

Сохранение социума обеспечивает не религия, а ее производное — церковь. Продолжая рассуждения А.Столярова, можно сказать: не было ни одной религии, которая раньше или позже не создала бы свою собственную церковную организацию. Даже буддизм, основные положения которого направлены против церкви.

Церковь как общественный институт характеризуется чрезвычайно устойчивой примитивной структурой, назойливо повторяющейся у разных стран, наций, религий. Живучесть ее поразительна: до сих пор не увенчалась успехом ни одна из попыток уничтожить или реформировать какую-нибудь церковную организацию при отсутствии активной поддержки с ее стороны. Даже в фантастике...

В распоряжении церкви — общественные инстинкты, фанатизм, мощь первого в истории бюрократического аппарата и — всегда — инквизиция. Она может называться по-разному, например, СД или Комитет Общественной Безопасности. И церковь тоже может носить разные имена.

«Имя связано не только с „вещью", но и с ее сущностью»[2]. Сущность церкви состоит в служении единственной истине, содержание которой не имеет определенного значения. Кстати, верить в эту истину церковь, вопреки общепри-

нятому мнению, вовсе не требует. Необходимо и достаточно лишь ей служить.

Опыт нашей страны уникален. Мы сделали религией марксизм и превратили в церковь коммунистическую партию.

Сейчас началось возрождение — не будем спорить, всерьез или не всерьез.

Интересно другое: критика „славного семидесятилетия" рикошетом привела к ренессансу традиционных религий страны. Покаяние — церковный термин. Не религиозный — именно церковный, это надо признать.

Разрушения храмов больше не будет и ссылок верующих тоже. А если все это сменят Сумгаиты, что тогда? Я не понимаю, чем одна церковь лучше другой, раз они структурно эквивалентны? Я не вижу разницы между служением партии или Христу, тем более, что и единственные истины как-то все на одно лицо, и служение понимается одинаково.

Все возвращается на круги своя.

8. Лабиринт

Вопросов много больше, чем ответов. Информационный муляж рассыпается, к тому же сравнение церквей оскорбительно и для верующих, и для жаждущих покаяния.

Мы еще вернемся к этой теме — сейчас пора сменить декорации.

«О вторжении не могло быть и речи. Вне Заповедника руканы совершенно беспомощны. Как слепые котята. Как новорожденные ночью в глухом лесу. Возможно, они и были новорожденными. Во всяком случае, в первое время. Вылупившись и содрав с себя липкий, студенистый кокон с шевелящимися пальцами ворсинок, они, как сомнамбулы, шли через сельву — неделю, две недели, месяц — пока не погибли от истощения. Путь их был усеян мертвыми попугаями.

(...) На полигоне происходило нечто напоминающее Вальпургиеву ночь. Только в современном оформлении. Мигали по кругу прожектора: красный... синий... красный... синий... Гремела ужасная музыка. Едко дымилась аппаратура. Плясали все — до последнего лаборанта. Килиан к тому времени

уже полностью превратился. Правда, шерсть его была светлее, серебристого оттенка. Хорошо отличимая сверху...»[1]

Ситуация, рассматриваемая в рассказе «Телефон для глухих», не нова в научной фантастике. Видимо, первым исследовал ее Ст.Лем в «Голосе неба».

Контакт с предельно нечеловеческим разумом. Настолько нечеловеческим, что не совсем понятно даже, можно ли называть его разумом, а происходящее — контактом?

Рассказ подчеркнуто традиционен. Светящиеся «призраки», двадцатиметровые бледные поганки, звездный студень, молекулярные муляжи, внезапные смерти и параличи, — все это уже использовалось, причем именно в качестве атрибутики контакта с неведомым. Кроме того же «Голоса неба» вспоминается «Солярис», «Пикник на обочине», может быть, даже «Лунная радуга».

Фантастический антураж мало интересует автора. Конспективные описания изделий Оракула — это, скорее, «ссылки на предшествующие источники», чем самостоятельное литературное творчество. А.Столяров полностью полагается на эрудицию читателя, предлагая ему по мере надобности достроить фантастический мир элементами ставших уже классическими реальностей.

Использован основополагающий принцип «бритвы Оккама»: «Не умножай сущностей сверх необходимого». Формальная фантастическая новизна ситуаций и антуража дезориентировала бы читателя, отвлекла бы его от главного, растворила бы то, ради чего написан рассказ, в хаосе сопутствующих проблем и эмоций.

Между тем, сложность «Телефона для глухих» и так едва ли не превышает порог восприятия.

При обилии событий, персонажей, фантасмагорических картин, комментариев и вопросов рассказ остается практически бессюжетным. Контакта не происходит. Представление об Оракуле на протяжении всего текста не меняется. Нет развития ситуации, она задается раз и навсегда. Противостояние земного и неземного, именно противостояние — статика, экспозиция. Это подчеркивается образом хроноклазма: субъективное время героев чудовищной лагерной мистерии,

заполненное смертью и пытками, — «ненастоящее». Анатоль говорит о его течении: «Это для нас — завтра, и послезавтра, и неделя, и месяц. А для них, там, за чертой хроноклазма, — одно бесконечное сегодня»[1].

Бессюжетность не зря скрывается от читателей, прячется за нагромождением событий. Мы не должны сразу увидеть, что попали в реальность остановленного времени. Даже не остановленного — разъятого, в котором отсутствует «течение», непрерывный переход от прошлого к будущему.

Дискретность времени — характерная черта мифологического сознания. Само по себе семиотическое родство фантастики, поэтики и мифа давно известно и не вызывает удивления. Для этих видов творчества характерно использование слова прежде всего как знака, символа, повышенное внимание к форме, то есть к лингвистической структуре произведения, к эмоциональному воздействию логики несущественных связей. (Используя терминологию, предложенную А. Столяровым в повести «Третий Вавилон», можно сказать, что миф, фантастику и поэзию объединяет наличие скрытой семантики, смысловых слоев, лежащих за пределами чисто логического восприятия текста.)

Интересно, однако, отметить два факта. Во-первых, в мифологическом времени развертывается не действие рассказа (что было бы естественным) — в нем, в этом времени, живут его герои, вполне современные люди, ученые. Во-вторых, нас, читателей, это не удивляет. Настолько не удивляет, что даже проходит неосознанным.

Здесь узел Лабиринта.

В «Телефоне для глухих» первый (буквальный) уровень восприятия соприкасается со вторым. Оракул, очевидно, символ неизвестности. Попытки восстановить контакт должны, следовательно, восприниматься как аллегория познания. Так что изучение Оракула в рассказе Андрея Столярова — это одновременно и решение конкретной задачи, и символ научного исследования вообще.

Подавляющее большинство действующих лиц произведения — ученые. Обратите внимание: все они почти безлики.

Борхварт, Нидемейер, Саррот, Лазарев и Герц, Ляховский, Килиан, Бьерсон, Брюс, Сефешвари, Венцель, Бахтин, Ламарк — чем запоминаются они, кроме своих гипотез, экстравагантных опытов и обстоятельств смерти? Ладно, большая часть этих имен и упоминается только лишь в связи с очередной гипотезой. Но Брюс, например, — наблюдатель, герой, субъект Апокалипсиса. Что мы узнали о нем? Ничего, гораздо меньше, чем о Битюге или хотя бы об Осборне, другом свидетеле Осени Земных Безумств. Сравните: «Мое имя — Осборн, Гекл Осборн, преподаватель колледжа Гринъярд... сумерки, будто на солнце накинули плед... едва просвечивают ворсяные полосы... Луна, как кровь... Красный фонарь... Падают звезды... беззвучно... Страшное, пустое небо... Конец света — неужели правда?.. Боже мой... Края неба загибаются, чем-то озаренные... оно сворачивается, как бумажный лист, скатывается за горизонт... Невыносимо трясутся стены... Это последние минуты... Мое имя — Осборн... Сегодня тринадцатый день Конца Света...» И: «Брюс определяет размеры саранчи — до метра в длину. Удалось загнать и убить одно насекомое. При этом, получив укус, погиб Эдвардс. Брюс сделал подробное описание. Перепончатые крылья, золотой венец, почти человеческое лицо — мягкая теплая кожа, шесть зазубренных ног, хитин, который не берет ножовка. (...) Брюс умер за рабочим столом — еще успев описать рождение Младенца и появление на небе Красного Дракона с семью головами, готового пожрать его»[1].

Не стану отрицать, поведение Брюса симпатично мне. Но, в отличие от Осборна, он не человек. Ученый, способный заниматься наукой и только ею, даже тогда, когда это совершенно бессмысленно.

Настаиваю: деятельность лаборатории Брюса была полностью лишена смысла. Информация, которую там собрали, не имела отношения к знаковому уровню, на котором оперировал Оракул. Сущность Апокалипсиса — не в химическом составе градин и не в величине их теплоемкости, «...полный мрак. опустошенное небо. Седьмая печать... Безмолвие... (...) Горе, горе, горе живущим на Земле...»[1]

Бессмысленность научных исследований, проводимых героями «Телефона для глухих», угнетает, но не бросается в

глаза. Иными словами, она воспринимается нами скорее на подсознательном, нежели на сознательном уровне — второй узел.

Попытаемся все же понять, почему Оракул выбрал Апокалипсис и лагерь? В рамках рассказа ответить невозможно — на то Оракул и символ Неизвестного, чтобы действия его были непредсказуемы и необъяснимы.

«Не знаем и никогда не узнаем», — говорит Роберт Кон, организатор и первый председатель Научного Комитета. Оставим Оракула за скобками. Сформулируем вопрос по-иному: почему именно эти реалии выбрал автор? Ведь в современной фантастике высокого уровня, с которой мы, несомненно, имеем дело, символика не бывает случайной.

Внешняя сторона дела ясна. Апокалипсис показал банкротство не только науки, но и религий. («Если не Он, то кто?» — вопросил с кафедры епископ Пьяченцы. За что и был лишен епархии. Князья церкви медлили и колебались. Поговаривали о созыве Вселенского Собора.)[1] Вторжение, война, лагерь продемонстрировали полный крах блестяще организованной Международным Научным Комитетом системы безопасности, бесполезность армии.

« — Сволочи, добивают раненых, — Водак заскрипел зубами. Из порезанной щеки вяло текла кровь. Расстегнул кобуру. — Мое место там.

— Не дури, майор, — нервно сказал я. — Куда ты — с пистолетом...

— Знаю, — очень спокойно ответил Водак и застегнул кобуру. — Но ты все-таки запомни, что я — хотел. (...)

...Было людно. Все бежали. Причем, бежали на месте — не продвигаясь. Как муравьи, если палкой разворотить муравейник. Стремительно и бестолково. Не понимая, где опасность.

— Эвакуация гражданского населения, — опомнившись, прокомментировал Клейст. — Которое в первую очередь»[1].

Критика злая, но, в сущности, не новая. Следующий уровень восприятия начинается со слов: «Порядок был наведен».

Здесь мы вступаем в область домыслов, что неизбежно при странствии по воображаемым мирам. Помните «Солярис»?

Как и Оракул, Океан оперировал крупными структурами, воспринимая сознание и подсознание единым целым. Страшные гости, убившие Гибаряна, поставившие на грань безумия Кельвина, Снаута и Сарториуса, были, возможно, благодеянием, выполнением лишь частично осознаваемых желаний.

Почему бы не предположить нечто подобное, тем более, что среди прочих высказывалась и гипотеза чисто психического характера Апокалипсиса?

«Оракул передал информацию, предназначаемую коллективному сознанию. Содержание ее не имеет аналогий в культуре Земли — информация была воспринята искаженно»[1].

Почему «искаженно»? И почему именно «информация»? Если Оракул воспринимает человека целиком, его деятельность вполне может быть направлена на удовлетворение желаний коллективного бессознательного. («У нас такая азбука», — говорил Кэртройт. Но азбука лежит именно на подсознательном уровне, выше — лингвы, морфемы, семиотические структуры.)

Тогда Апокалипсис — жажда чуда, точнее — жажда зрелища, которое есть чудо.

А лагерь — тоже исполнение желаний коллективного «It»? Да, к сожалению. Иначе на Земле не было бы организованного насилия. Войны, смерти, лагеря — это же просто оборотная сторона триады «порядок, дисциплина, армия».

Оракул удовлетворил жажду иметь вождя.

Подведем итоги. Не только текстовое время «Телефона для глухих» может быть охарактеризовано как время, адекватное мифологическому восприятию мира, столь характерному для средневековья, но и другие реалии коллективного бессознательного, беспощадно вскрытые Оракулом, указывают на эту же эпоху, на этот же тип социальной психологии. «Телефон для глухих» оказывается изнанкой «Изгнания беса». Мы глядим на тот же мир.

Только роль религии выполняет наука, роль священников — ученые.

Они чудовищно далеки от «простецов» — мы уже обращали внимание на замкнутую касту семиотиков — но, в общем-то, чем остальные лучше? Они безжалостны. Рав-

ным образом к себе и другим. Фанатизм — крайняя степень веры.

« — Если ты выживешь... Если ты спасешься, обещай мне... Понимаешь, надо продолжать. Иначе все будет напрасно — все жертвы. (...) Передай мое мнение: надо продолжать. Во что бы то ни стало»[1].

Веры? Да, конечно. Причем во всю ту же единственную истину. Прогресс заключается лишь в том, что теперь эту Истину считают не заданной априори, а познаваемой.

Как и любые верующие, они жаждут чуда: «Еще одно усилие, один шаг, одна — самая последняя — жертва, и рухнет стена молчания, пелена упадет с глаз, мы все поймем, откроются звездные глубины...» Как и любые люди со средневековым мышлением, они стремятся к иерархическому порядку, создавая комиссии и комитеты. Как всякая каста, они настаивают на сохранении тайны и добиваются этого: «Я читал об Апокалипсисе в Бронингеме. Разумеется, закрытые материалы. Нас ознакомили под расписку — с уведомлением об уголовной ответственности за разглашение. Грозил пожизненный срок. И, как я слышал, он был применен сразу и беспощадно — поэтому не болтали»[1].

Жрецы, вершители, они, не желая того, не могут не быть жестоки и предельно безответственны.

Игорь Краузе:

« — Кто такие — фамилия, специальность. В машину взять не могу. (...) На язык и разжевать. — Тонким пальцем коснулся Хермлина. — Вы можете идти домой. А вы и вы, — палец мелькнул, — к десяти ноль-ноль явиться в распоряжение штаба. (...)

— Захватите Хермлина, — сказал я. — Он же старик.

— Да-да, — ответил Игорь Краузе, продолговатыми глазами высматривая что-то в серой дали. — Старик... Вы можете идти домой. (...) Да! Ламарк только что обнаружил пульсацию магнитного поля. (...) Здорово, правда? — обвел нас сияющими глазами»[1].

«Вот здесь, у горелой опоры, погиб Йоазас. Его назначили в лазарет, и он бросился на проволоку. Предпочел сам. А до этого бросились Манус, и еще Лилли, и Гринбург. А

Фархад ударил Скотину Бака, а Матулович прыгнул с обрыва в каменоломне, а Пальк вдруг ни с того ни с сего пошел через плац ночью — во весь рост, не прячась».

Здорово, правда?

« — Ну как вы додумались до такого, чтобы всякое дерьмо делало с людьми, что хотело? — Клейст что-то начал о задачах Контакта, о прыжке во Вселенную, о постижении чужого разума, он тогда еще не пал духом. Бурдюк все это выслушал и спросил: — И из-за этой дерьмовой Вселенной убивать людей?»[1]

Это не конец лабиринта, не выход. Это тупик.

9. Поражение

В зеркале, замыкающем рассказ «Телефон для глухих», люди не отражаются. Вновь характерный для автора двойной смысл. Одна сторона нами уже исследована: Контакт есть зеркало, в котором человечество видит себя. Контакта нет. Оракул не способен понять нестерпимую аналогичную «азбуку» человеческого существования, и зеркало остается пустым. Отсюда слова Анатоля: «...начинать Контакт нужно не отсюда. Начинать надо с людей. С нас самих».

Но есть, как мне кажется, еще одна сторона. Оракул, оперируя крупными структурами, изучает то, что изучает его, — земную науку. Понимание приходит на символьном уровне. «Зеркало, зеркало, зеркало...» — повторяет Катарина. Зеркало с дорогой бронзовой оправой, в котором люди не отражаются.

«Ученый беспристрастен к объекту исследования», то есть, становясь ученым, он перестает быть человеком (беспристрастность свойственна лишь мертвецам). Исследуя мир, он работает внечеловеческими методами, и мир, отраженный в его зеркале, оказывается внечеловеческим. Совсем не обязательно — бесчеловечным. Но вполне вероятно.

(Исследование Оракула подарило людям «вечный хлеб» и «росу Вельзевула». Последняя лишь по воле автора не обернулась очередным оружием.)

«Наука — это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет». Но ведь «кто платит, тот и заказывает музыку».

«Мне очень жаль, Милн, но в вашу группу не записалось ни одного студента. Никто не хочет заниматься классической филологией, слишком опасно. И дотаций тоже нет»[1]. Понятно, почему «слишком опасно».

«Государство не гарантирует правозащиту тем гражданам, которые подрывают его основы»[1], то есть используют свои способности иначе, чем государству этого хочется.

Я настаиваю на своем медиевистском толковании. Средневековый характер коллективной психики порождается не только иерархической организацией общества, но и мифообразующей ролью науки — новой Церкви.

Как и в начале христианской эры, симбиоз установился не сразу и не гладко. (См.: Г.Попов. Система и Зубры.) До конца симбиоз так и не установился.

«...Улугбек и Бруно остались лежать около плазмы. Но это было не все. Потому что левее, по ложбине у незащищенных холмов, сверкающим клином ударила бригада кентавров, офицеры торчали из люков, как на параде, без шлемов, и золотые наплечные значки сияли в бледных лучах рассвета. Они шутя прорвали оборону там, где находился Хокусай, и Хокусай погиб, собирая клочья плазмы и бросая ее на керамитовую броню. (...) И Кант погиб, и Спиноза погиб, и Гераклит погиб тоже»[1].

Об этих рассказ «Некто Бонапарт». О не желающих подчиниться.

Действие происходит в будущем, возможно, недалеком. Реакцией на всевозрастающее антропогенное воздействие явилась Помойка — «некий организм, возникший путем цепной самосборки в результате накопления промышленных отходов до критической массы»[1].

Подробного описания в рассказе нет.

Достаточно понимания того, что Помойка — оборотная сторона нашей цивилизации и отрицание ее.

Десятки лет войны.

«Страна агонизировала. Солдаты на фронте тысячами захлебывались в вонючей пене и разлагались заживо, тронутые обезьяньей чумой. Шайки дезертиров наводили ужас на города»[1].

Вновь обращает на себя внимание нетрадиционная традиционность А.Столярова. Эсхатологическая тема экологической катастрофы многократно рассматривалась зарубежной и советской литературой. Образом наступающей Помойки автор подчеркнуто не вносит ничего нового. Другой фантастический прием, используемый в рассказе, восходит и вовсе к Г.Уэллсу. (Конкретная модификация принадлежит Ст.Лему.)

Не рассказ ужасов, не рассказ приключений, тем более — не фантастика научных идей. Скорее — хроноклазм, порожденный Оракулом, еще одно зеркало. На этот раз оно отражает людей.

Микеланджело, Босх, Жанна д'Арк, Праксителъ, Гете, Бонапарт... — «элита», вся история человечества, «кучка высоколобых интеллигентов, отвергнутых собственным народом, — мизер в масштабе государства»[1]. Неподчинившиеся, находящиеся в оппозиции и, как следствие, изгнанные, выброшенные на Помойку или же просто убитые милосердным средневековым обществом. «К ним жестоко быть милосердными».

«Тотальная оккупация истории обернулась банальной оккупацией Полигона. (...) Значит, теперь у нас Австриец. Другого и нельзя было ожидать».

Нельзя. Напомню лишь, что Австриец по имени Адольф — не только дублер Гитлера, но и сотрудник Полигона, надо думать, ученый.

Вопрос был поставлен.

И ответ был дан.

«...и танки встали, пробуксовывая гусеницами, временно ослепленные и беспомощные. Фронт был обнажен полностью. И все сенсоры стянулись к нему, потому что им нечем было сражаться, и он послал их обратно на вершины холмов, чтобы их видели в бинокли и стереотрубы. Это была верная

смерть. И они вернулись туда — и Декарт, и Лейбниц, и Гете, и Ломоносов, и Шекспир, и Доницетти. Должно было пройти время, пока Хаммерштейн поймет, что за ними нет никаких реальных сил. И Хаммерштейн понял.

... — Вы думаете, Милн, что у вас нет дублера?

— Думаю, что нет...

И должно было потребоваться время, чтобы заставить сдвинуться с места армейские части, панически боящиеся аборигенов. И Хаммерштейн заставил их сдвинуться. Но время опять прошло.

... — Ты готов был погубить весь мир ради любви, а теперь ты намерен погубить любовь ради чужого мира.

— Мир погубил не я, — ответил Милн...

И когда пехотные колонны, извергая по сторонам жидкий огонь, втянулись в ложбины и начали обтекать холм, на котором он стоял, то глубоко в тылу, на границе болот, уже выросли горячие плазменные стены высотой с десятиэтажный дом и неудержимо покатились вперед. Они были грязно-зеленые, черные у подошвы, и кипящие радужные струи пробегали по ним»[1].

Мы опять вернулись в исходную точку лабиринта. Средневековый по антуражу мир «Изгнания беса» сменился зазеркальем Оракула, средневековым по господствующему мышлению. Помойка пожрет эти миры, очистит их и, может быть, умрет без пищи. Милн с Жанной вправе мечтать об этом. Но «миллиарды свежих трав» взойдут уже не для них. «Слабое мелкое солнце Аустерлица» опоздало.

Они, оставшиеся на вершинах холмов, сгоревшие, захлебнувшиеся, — сделали свой выбор. Встав в оппозицию к организованной силе, они противопоставили себя средневековой логике мышления. Но противостояние осталось вооруженным и уже не могло быть иным. «Страна агонизировала».

«Некто Бонапарт» нельзя воспринимать как рассказ о победе, о выходе, о спасении. Он обречен остаться ВСЕГО ЛИШЬ гимном свободомыслию, памятником тем, кто захотел сам выбирать себе судьбу.

10. Покаяние

Средневековые миры, через которые мы прошли, следуя за А.Столяровым, — не красивые декорации, даже не «варианты, которые могли бы реализовать себя». Это проекции. Это наша реальность, увиденная под необычными углами из чужих измерений.

ОДИН шаг к *абсолютному* знанию.

Маленькая дополнительная возможность увидеть структуру мира.

Что она нам даст?

«Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы...»
(О.Хайям)

С Анатолем из «Телефона для глухих» следует поспорить. Особенно сейчас, исходя из принципа «оппозиции к сильному». Стало слишком модным ругать науку вкупе с техникой и технологией, требовать борьбы с прогрессом — почему-то экологические движения все больше выступают под патриархальными знаменами. Защитники среды приобрели реальное политическое влияние — они уже партнеры, они хотят (и, возможно, по праву) быть ведущими партнерами. Вспомним, что «истина — извечный беглец из лагеря победителей».

А теперь постараемся понять, в рамках какого мышления происходит дискуссия.

Нам предлагают противопоставление: бесчеловечная наука — божественная (с некоторых пор) Церковь. Но в рамках нашего видения этот тысячелетний конфликт смахивает на бой с тенью.

Нам предлагают жить и действовать в рамках «вечного», «железного» антагонизма «цивилизация — природа». Но ведь и этот спор если не беспредметен, так бесперспективен. Опять средневековье с его вечной вневременностью и постоянством борьбы тьмы и света, Сатаны и Бога.

Так мы и останемся — верующими — и в науке, и в отрицании ее, останемся фанатиками, преобразуя природу и препятствуя этому преобразованию. Лабиринт, по которому мы блуждали, анализируя фантастику А.Столярова, непре-

рывно порождается реальностью перестройки в нашей стране и второй НТР в странах Запада. Темп перемен нарастает, и мы идем в зазеркальный туман, идем все в той же опереточной экипировке и безо всякой уверенности, что в случае чего удастся «вернуть ход назад».

Дилеммы, рассмотренные А.Столяровым, не нашли решения. Значит, их следовало решать в рамках другой парадигмы. Под сомнение должны быть поставлены глубинные, априорные принципы организации духовной жизни общества. Сначала духовной!

Макс Борн писал: «Существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные периоды с характерными для них идеями во всех сферах человеческой деятельности... Стили мышления — стили не только в искусстве, но и в науке»[12].

Мы вправе расширить это определение. С точки зрения абсолютного знания сама наука, такая, к какой привыкли со времен Аристотеля, — тоже парадигма, конкретная, а потому преходящая. Она сама по себе обусловлена иными, более глубинными семиотическими пластами. ВРЕМЯ МЕНЯТЬ ФОНЕТИКУ.

Заключение. Рассуждение о языке

Бесконечна сила традиции. Бесконечно наше рабство, духовное и материальное. Мы рабы мертвых. Мы говорим с природой на мертвом языке, сами звуки которого созданы для того, чтобы воспевать горделивые замки и Господа нашего Иисуса Христа. Азбука этого языка не в ладах с семантикой, грамматика запутана, а большая часть словарного запаса забыта или еще не создана.

Мы сами не понимаем этот язык, мы, те, кто его создает. И не трогая фонетику, не меняя азбуку, мы разбили его высшие семантические уровни на сотню тысяч диалектов и окончательно утратили контроль над новым Вавилоном.

Но сила, вышедшая из-под нашего управления, осталась силой. И всякий, осмеливающийся поступать иначе, чем принято, обратит ее всю против себя.

Изменения все-таки происходят.

Понять, почему — выше моих сил.

Я не знаю, какой должна быть фонетика цивилизации, иная парадигма человеческого мышления. Для новых сущностей не придумано имен. Можно пользоваться синонимами, можно давать описательные определения, но *нет замены у имени.*

Свободомыслие.

Независимость.

Терпимость.

Оппозиция к сильному.

Свобода, наконец.

Лишь лингвы, буквы старого алфавита, использованные и затертые. Мы знаем уже, что ИМЕНА будут состоять из этих букв. Больше мы ничего не знаем.

Литература

1. Столяров А. Изгнание беса. — М.: Прометей, 1989.

2. Степанов Ю. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.

3. Веркор. Люди или животные? — М., 1957.

4. Келасьев В.Н. Системные принципы порождения психической активности. — Вестник ЛГУ, 1986, сер.6, вып.2, с.55-66.

5. Переслегин С. Скованные одной цепью. — В кн.: Стругацкие А. и Б. Отягощенные злом, или Сорок лет спустя. М.: Прометей, 1989.

6. Толкин Д.Р.Р. Хранители. — М., 1983.

7. Шерред Т. Попытка. — В сб.: Фантастические изобретения. М.: Мир, 1971.

8. Шварц Е. Дракон. В сб.: Пьесы. — Л., Советский писатель, 1972.

9. Стругацкие А. и Б. Волны гасят ветер. Перефраз эпиграфа.

10. Нейштадт Я. Зигьерт Тарраш. — М., 1983.

11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М., 1986. (Перефраз.)

12. Борн М. Физика в жизни моего поколения. — М., 1963.

13. Послесловие к роману Вячеслава Рыбакова «Очаг на башне» — третьей книге в серии «Новая фантастика» — Рига: Астрал, 1990.

НЕКТО
БОНАПАРТ

Прежде всего он повернул ручку на подоконнике, и стекла потемнели, становясь непрозрачными. Он не хотел, чтобы его видели, если они следят. Потом зажег матовый свет и осмотрел квартиру — встроенная стандартная мебель, плоский шкафчик, крохотная стерильная кухня с пультом через всю стену.

Кажется, ничего не изменилось.

Надсадно лопнуло ядро, воткнувшись в берег. Содрогнулись опоры, полетела коричневая земля. Солдаты, смятые ударной волной, попятились. Пули сочно чмокали в груду сбившихся тел. Заволокло пороховой гарью, раздуло ноздри. Знамя упало на дымящиеся доски пролета. На другой стороне, за жарким блеском полуденной воды, визжала картечь. Была одна секунда. Только одна секунда в порохе и смерти, среди ревущих ртов — под белым небом, на Аркольском мосту. Он нагнулся и, ничего не видя вокруг, поднял знамя. Он был еще жив. Он кричал что-то неразборчивое. И вокруг тоже кричали. Ослепительное солнце разорвалось в зените, и солдаты нестройной толпой вдруг обогнали его...

Он подошел к компьютеру и торопливо перебрал клавиатуру. Серебристый экран был мертв. Информация не поступала. Память была заблокирована. Это давало точку отсчета. Из сети его отключили в самом конце июня.

Ректор тогда сказал:

— Мне очень жаль, Милн, но в вашу группу не записалось ни одного студента. Никто не хочет заниматься классической филологией, слишком опасно. И дотаций на ваши исследования тоже нет.

— Я мог бы некоторое время работать бесплатно, — запинаясь, ответил он.

Ректор опустил глаза, полные страха.

— Вы слышали, что пропал Боуди? Сегодня утром его нашли, опознали по отпечаткам пальцев — так изуродован...

— Но не филологи же виноваты, — с тихим отчаянием сказал он.

— Мы получили предупреждение насчет вас, — объяснил ректор. — Мне очень жаль, у меня нет для вас денег, Милн.

Помнится, он поднялся и, не прощаясь, вышел из чужой пустоты кабинета и пошел по пустоте коридора, а встречные прятались от него, как от зачумленного.

Значит, июнь уже истек.

Это плохо. Он рассчитывал на больший запас времени. Примерно через месяц он получил приглашение от Патриарха, но следить за ним начали, видимо, гораздо раньше. Главное, выяснить, сколько ему осталось. Он потянулся к телефону и отдернул руку, обжегшись. Телефон, конечно, прослушивается. Если он будет справляться о дате, то они сразу поймут, что произошел повтор. И тогда его отправят в Карантин, откуда не возвращаются. Авиценна предупреждал об этом. Де Бройль попал в Карантин и уже не вернулся. И Дарвин тоже попал в Карантин. И Микеланджело не вернулся из Карантина.

Лестница была пуста. Он спустился на цыпочках и взял газету из ящика. Газеты ему доставляли, он уплатил за полгода вперед. Бэкон смеялся над ним, когда он выписал, единственный на факультете. А вот пригодилось.

Где теперь Роджер Бэкон? Говорят, что это был удачный запуск. Нет никаких доказательств — слухи, сплетни, легенды... Письмо Монтесумы никто не видел. Может быть, оно вообще не существует. Мистификация.

Газета была от девятнадцатого числа. Он облегченно вздохнул. Патриарх позвонит только двадцать шестого. Есть еще целая неделя. Он успеет, если только не наделает глупостей.

Первую страницу занимали сообщения с фронта: Помойка неожиданно прорвала линию обороны сразу в двух местах на Севере и сходящимися клиньями отсекла Четвертую груп-

пу войск сдерживания от основных сил. Контрудар специальной армии Хаммерштейна захлебнулся у Праты, глюонные лазеры, на которые возлагалось столько надежд, оказались бессильными. Командующий Четвертой группой докладывал, что своими силами он пробиться не сможет, ведет ожесточенные бои по всей линии окружения. Эвакуация с утраченных территорий уже началась. Сообщалось, что число пораженных чумой невелико, но несколько больше обычного. Потери при эвакуации — двенадцать транспортных вертолетов. Соседняя статья, исполненная официальной бодрости, в тысячный раз поднимала вопрос о нанесении ядерных ударов по болевым точкам Помойки. Обсуждалась гипотеза «второй цивилизации», и приводился снимок аборигена, как всегда, очень плохого качества: лохматый оборванный человек, совершенно фантастической внешности — двухголовый и трехрукий — согнувшись, обнюхивал консервную банку.

Он отбросил газету. Он уже читал ее — девятнадцатого июля. На счете обнаружилось немного денег, и он снял их все. Достал паспорт, нерешительно повертел и бросил в утилизатор. Паспорт ему больше не понадобится. Он все время боялся, что откроется дверь и войдет Двойник. Правда, Авиценна клялся, что Двойника не будет: весь отрезок несостоявшейся биографии выпадает нацело, и проживаешь его снова, как бы с чистой страницы. Но кто знает? Никто не знает. Сам Авиценна не уходил в повтор.

На улице горел костер из книг и стульев, награбленных в покинутых домах. Какие-то бродяги явно призывного возраста жарили крыс, нанизанных на шампур. Крысы были здоровенные, как кошки, а бродяги — злые и наглые, небритые, воспаленные, готовые на все дезертиры. Он прибавил шагу, на него недобро покосились, но — пронесло. Зато с ближайшего перекрестка навстречу ему развинченной походкой наркоманов выплыли два юнца лет пятнадцати — контролеры мафи, оба в дорогих желтых рубашках навыпуск.

Он вспомнил. Это было именно девятнадцатого июля. Ему тогда выбили два зуба и сломали ребро. Ничего не поделаешь. Он обреченно вынул жетон на право хождения по району. Однако на жетон они даже не посмотрели.

— Плата за год, — лениво потребовал старший.

Он покорно достал жесткую карточку и глядел, как они, подсоединив ее к своему счету, перекачали все, что там было.

— А теперь в морду, — цыкнув на асфальт пенной слюной, сказал второй.

«Государство не гарантирует правозащиту тем гражданам, которые подрывают его основы».

Прилипающий шелест оборвался сзади. Остановилась машина, и кто-то, невидимый изнутри, поманил контролеров пальцем. Оба вытянулись. Милн пошел, напряженно ожидая оклика. Свернул за угол. Он весь дрожал. Это была «вилка». С этого момента события развивались не так, как раньше. Он не знал, хорошо это или плохо. Но все сразу же осложнилось. У него не осталось денег. А чтобы выбраться из города, надо пройти три района мафи и всюду платить.

Он нырнул в таксофон и оглянулся. За ним никто не следил. Тогда он набрал номер.

— Да! — на первом же гудке, отчаянно, как утопающая, крикнула Жанна.

Милн сказал в горло пластмассового аппарата:

— Вчера.

Это был пароль, о котором они договаривались.

— Завтра! Завтра! Завтра!.. — так же отчаянно выкрикнула она.

Что означало: приходи немедленно.

Он испугался — столько страха было в ее голосе. Может быть, там засада? Но в таком случае Жанна не позвала бы его. Кто угодно, только не она. Он побежал мимо кладбища нежилых домов, мимо горелых развалин, мимо пустырей, заросших колючими лопухами, и заколотил ладонями в дверь, и дверь немедленно распахнулась, и Жанна выпала ему на грудь, и, сломавшись, обхватила его детскими руками, и уткнулась в грудь мокрым лицом.

Она непрерывно всхлипывала, и он ничего не мог понять. Повторял:

— Зачем ты, зачем?..

Она вцепилась в него и втащила в квартиру, и там, уже не сдерживаясь, захлебнулась обжигающими слезами, тихонько ударяясь головой о его подбородок:

— Тебя не было два месяца, я хотела умереть... всех выселили, ходили санитары и сразу стреляли... я спряталась в подвале... пауки, крысы... я боялась, что ты позвонишь, пока я в подвале... я лежала и слушала шаги за дверью... почему, почему тебя не было так долго?..

— Не плачь, — сказал он, целуя кожу в теплом проборе волос. — Тебе нельзя плакать. Как ты поведешь французскую армию на Орлеан? Добрый король Карл не поверит тебе.

Это была шутка. К сожалению, слишком похожая на правду. Она слабо улыбнулась — тенью улыбки.

— Полководцы без армий. У тебя впереди «Сто дней», Ватерлоо и остров Святой Елены. А у меня — бургундцы, папская инквизиция и костер в Руане... Возьми меня с собой, я хочу быть там и первой пасть в самом начале сражения!

— Я назначу тебя своим адъютантом, — пообещал он. — Ты поскачешь на белом коне и принесешь мне весть о победе. Это будет самая блистательная из моих побед.

Налил на кухне воды. К счастью, вода была. Жанна выцедила мелкими глотками и успокоилась. Она умела быстро успокаиваться.

— Мы, кажется, спятили, — сказала она. — Я здесь целых два месяца и каждую секунду жду, что они приедут за мной. Но теперь — все. Мы уйдем сегодня же, да?

— Да, — сказал он. — У тебя есть деньги?

— Долларов десять, я последние дни почти не ела. — У нее вся кровь отхлынула от лица, сделав его, как из мрамора. — Это очень плохо, что у меня нет денег?

— Надо пройти три района мафи — значит, три пошлины.

Она отпустила его и зябко передернула обнаженными просвечивающими плечами. Сказала медленно:

— Для женщин особая плата. Я могу расплатиться за нас обоих. — Увидела в его руках телефонную трубку. — Куда ты? Кому? Зачем?..

— Патриарху, — застревая словами в судорожном горле, ответил он. — Лучше уж я сразу попаду в Карантин. — Бросил трубку, которая закачалась на пружинном шнуре. Посмотрел, как у нее медленно розовеют щеки. — Выберемся как-нибудь, не плачь, Орлеанская дева. Пойдем ночами, ночью даже мафи прячутся от крыс...

— Я тебя люблю, — сказала Жанна.

Он накинул куртку ей на плечи, потому что она дрожала.

— Слежки не было?

— Нет.

— Никто не заходил — ошибочно, не звонил по телефону?

— Как в могиле...

Тогда он тоже улыбнулся — впервые.

— Конечно. Им и в голову не придет. Надо поесть чего-нибудь, завтра утром мы будем уже далеко, я тебе обещаю.

Они прошли на кухню, такую же стандартную, как у него. По пути он осторожно отогнул край занавески. Залитая солнцем улица была пустынна.

Жанна держала в руках банку с яркой наклейкой.

— У меня только консервированный суп, — жалобно сказала она. — Но я могу заказать по автомату, хоть на все десять долларов.

— Не стоит, — ответил он. — Будем есть консервированный суп...

Машина с синим государственным номером («Пропуск всюду!»), которая спасла его от мафи, приткнулась за поворотом и поэтому не была видна из окна. В ней терпеливо, как истуканы, сидели четверо, очень похожие друг на друга. Когда он забежал в парадную, то человек рядом с шофером негромко произнес в рацию:

— Оба на месте. — Послушал, что ему оттуда приказывают. — Хорошо. Понял. Прямо сейчас.

Махнул рукой.

И все четверо вылезли из машины.

Ночью бежали Пракситель и Чингисхан. Они бежали не в повтор и не в преисподнюю по «черному адресу» — после катастрофы с Савонаролой, где совместились два образа, и установка, заколебавшись, как медуза, растворилась в пучине времени, запусков больше не было. Они поступили проще: в полночь, когда охрана до зеленых звезд накурилась биска, а дежурный офицер был пьян и спал беспробудным сном, Чингисхан, вспомнив навыки инженера, устроил лавинное замыкание в сети компьютера и отключил электронные

шнуры, опоясывающие Полигон. Они спустились из окна по скрученным простыням, перерезали колючую проволоку и ушли в сторону станции, где след их терялся. Станцию еще в прошлом году распахали свои же бомбардировщики, и среди хаоса вздыбленной арматуры спрятаться было легко.

Патриарху сообщили об этом только под утро. Он поднялся с невесомостью измученного бессонницей человека. Его не волновал Пракситель — какой толк от скульптора? И Чингисхан его тоже не волновал: конечно, полководцы были нужны позарез, но он лично никогда не верил, что этот нервный запуганный суетливый человечек может встать во главе монгольских орд. Бессмысленный побег — тому доказательство. На станции среди камня и голого опаленного железа долго не выдержишь, а за пределами ее их будут ждать военные патрули, контролеры мафи, шайки дезертиров, которые, несомненно, включатся в охоту. Дезертирам надо ладить с властями.

Гораздо больше его волновал вопрос об охране. Это был уже не первый случай, когда биск неведомыми путями просачивался на Полигон. И всеобщее повальное пьянство давно стало нормой. Трудно было удержать в рамках фронтовые части, отведенные на короткий отдых и знающие, что через месяц-другой они снова будут брошены в гнилую кашу, кипящую на границах Помойки. Он позвонил генерал-губернатору, с удовольствием вытащил его из постели и, надавливая начальственным тоном, потребовал немедленно организовать поиски.

Толстый дурак, который, как говорили, потерял руку не на фронте, а врезавшись на своем лимузине в танк во время маневров, долго кряхтел и надсадно откашливал прокуренные легкие, наверное, тоже вчера накачался биском, а потом важно заявил, что правительство, избранное волей народа, не может сотрудничать ни с мафи, ни с дезертирами. Мы, собственно, демократическая страна или кто? Патриарх не стал с ним спорить, а связался с государственным секретарем, с не меньшим удовольствием разбудив и его. Секретарь сразу все понял и пообещал неофициально переговорить с руководителями каморр.

— Вам они нужны живыми или мертвыми? — уточнил он.

— Мертвыми, — сказал Патриарх. — Хватит с нас публичных казней.

Затем он предложил расстрелять несколько человек из охраны — для назидания. Секретарь замялся, попробовал сослаться на ужасающую нехватку людей, на усталость, на зараженность частей пораженческими настроениями, но в конце концов уступил и дал санкцию. И, почувствовав вследствие этого некоторый перевес, поинтересовался, как обстоят дела с Поворотом, скоро ли приступят к реализации, потому что обстановка на фронте исключительно напряженная, честно говоря, дьявольски скверная обстановка, да и внутреннее положение страны нисколько не лучше, гидропонные станции не справляются, воды нет, через полгода начнется всеобщий голод.

— Скоро, — раздраженно бросил ему Патриарх.

Все они жаждали быстрых и действенных результатов, как будто так просто было повернуть становой хребет истории. Емкость ее оказалась просто фантастической, выше всяких расчетов; запуск следовал за запуском, число опорных точек росло, а финального насыщения системы не происходило. Деньги, люди и энергия проваливались в бездонную яму. Иногда Патриарх с тревогой думал, что, вероятно, ошибся: для решающего Поворота потребуется замещение всей массы когда-либо живших на Земле индивидуумов, а это практически неосуществимо. Наличными силами можно лишь переломить сюжет в одной точке, и тогда вся новейшая история будет сметена невиданным ураганом.

На сегодня у него было несколько дел, но в первую очередь он ознакомился с диагнозом, который принес улыбчивый санитар — палач с лицом херувима. Бонапарт находился в Карантине уже трое суток. Были назначены гомеопатические процедуры с элементами устрашения. Наблюдающий врач рекомендовал еще интенсивную психотерапию, но Патриарх воспрепятствовал, продублировав запрет письменно, — предосторожность не лишняя, когда имеешь дело с бандой садистов. Он знал, к чему приводит интенсивная психотерапия, ему нужен был живой человек, а не кукла, прыгающая на шарнирах. Судя по анамнезу, пациент находился сейчас в требуемом

состоянии — напряженно-подавленном, близком к панике, — лихорадочно искал выход из ситуации. Любой выход.

Он подписал диагноз.

— К двенадцати подадите его сюда.

— Процедуры? — ласково осведомился санитар.

— Без процедур. — Патриарх поймал недовольный взгляд голубых фарфоровых глаз. — Вам крови мало? Идите!

Улыбка погасла, и санитар вышел, не козырнув. Патриарх подавил жаркий гнев, вспыхивающий последнее время все чаще и чаще. Одна ошибка, и я сам окажусь в Карантине, подумал он. Мельком просмотрел сводку. Государственный секретарь был прав. Обстановка не радовала. Помойка, накопив силы, перешла в наступление по всему фронту. Армии отходили с затяжными боями. Следовало ожидать, что скоро придется оставить Хэмптон — его заводы уже эвакуировались, — а на левом берегу Праты создавался новый рубеж обороны. Четвертая группа войск, угодившая в котел неделю назад, после нескольких неудачных попыток прорыва и деблокирования получила приказ рассредоточиться и пробиваться мелкими соединениями. Потери в личном составе были чудовищные. Командующий группировкой пропал без вести. Появилась новая разновидность чумы, стойкая к аутобиотикам. В разделе секретной информации сообщалось, что наступление Помойки началось после того, как в один из ее предполагаемых мозговых центров была сброшена нейтронная бомба. На акции настоял Объединенный комитет штабов.

Патриарх коротко выругался. Как будто первой атомной бомбардировки было недостаточно! Он переключил компьютер и надиктовал записку в правительство, где категорически возражал против употребления в борьбе с Помойкой методов, продуцирующих сильные технические следы, в том числе — радиационное заражение. Совершенно очевидно, что Помойка представляет собой некий организм, возникший путем цепной самосборки в результате накопления промышленных отходов до критической массы. Источником пищи для нее являются экскременты цивилизации: пластики, соли тяжелых металлов, радионуклиды. Бессмысленно пытаться уничтожить агломерат с помощью тех средств, которые лишь стимулируют его рост и размножение. Ничего более идиотского придумать

нельзя. Он не смягчал выражений. Он надеялся, что хотя бы их резкость заставит военных задуматься. В конце сводки скупо сообщалось, что вчера была предпринята очередная попытка установить связь с аборигенами, однако обе группы, заброшенные за линию фронта, исчезли. Еще более скупо сообщалось, что в Азиатском и Тихоокеанском регионах Помойка проявляет длительную пассивность, это связывалось с широкой натурализацией производства.

— Конечно, — пробормотал он.

На очереди была докладная Секции Исторического Террора. Докладная была отпечатана на бумаге, в обход компьютера — вероятно, чтобы усилить впечатление. Руководство Секции полагало, что ситуация катастрофически ухудшается, медлить более нельзя, необходимо срочно осуществить запланированные теракты в интервале XVII — XIX веков в количестве от двухсот пятидесяти до трехсот единиц.

Он скомкал бумагу и бросил ее в утилизатор. Секция была создана год назад и отражала безумный замысел Управления военной разведки — что сплошной одномоментный террор, осуществленный в опорных точках истории, может привести к желаемому результату.

— Покончить самоубийством мы всегда успеем, — вслух сказал Патриарх.

Далее он принял отцов-пилигримов. Отцы-пилигримы волновались и требовали скорейшего запуска. Это были лучшие его кадры, удивительным образом сохранившие веру в первоначальные идеалы страны. Зелень, ожесточившиеся романтики. Патриарх отвечал неопределенно. Запуск имеет смысл, когда темпор — место персонификации — отработан до мельчайших деталей, иначе не произойдет замещения исторической личности. А материалов по «Мэйфлауэру» практически не было. Не удалось реально биографизировать ни один образ. Вся эта группа была обречена. Скорее всего, их просто разбросает по вектору истории, и они навсегда пропадут в толще веков. Он объяснил им это. Они были все равно согласны.

— Письмо Монтесумы, — напомнили ему.

Это был сильный аргумент, и он отпустил их, обещав сделать все возможное.

Письмо Монтесумы было обнаружено еще в начале века в тайнике храма при раскопках бывшей столицы ацтеков — Теночтитлана (современный Мехико) англо-французской экспедицией: Флеминг, Жоффр и Тюзе. Написанное на иератике, оно не поддавалось машинному переводу. Только недавно, в связи с организацией Полигона, когда начались систематические поиски в музейных хранилищах и архивах, было установлено, что текст его зашифрован личным кодом Патриарха.

Монтесума очень сжато излагал ход событий. Замещение личности произошло не совсем гладко: ему потребовалось симулировать психическую болезнь, чтобы ближайшее окружение императора не заподозрило подмены. Особенно трудно было с языком, оказавшимся весьма далеким от того, которому его учили. Тем не менее, все обошлось. Монтесума, он же Джон Герфтон из Кембриджского университета, сразу же начал проводить чрезвычайно жесткую политику на завоеванных территориях, фактически — целенаправленный геноцид. И когда Кортес вторгся в империю, угнетенные племена выступили против центральной власти, развалив боевую мощь ацтеков. Монтесума, как и было запланировано, сдался в плен, а затем призвал своих подданных покориться испанцам. Дальнейшее хорошо известно: ацтеки восстали, Монтесума был зверски убит, сопротивление испанцам возглавил Куаутемок, но было уже поздно — Кортес захватил Теночтитлан, и освоение Америки произошло на полвека раньше, соответственно раньше началось развитие ее северной части.

Ровно в двенадцать привели Милна. Санитар толкнул его к стулу и, повинуясь нетерпеливому жесту Патриарха, снял наручники. Выглядел Милн неплохо, только у глаз вымученными тенями скопилась чернильная синева. Он положил ногу на ногу. Патриарх испытывал сильнейшее раздражение, видя перед собой этого невысокого плотного юношу с резкими чертами молодого Бонапарта. Страна агонизировала. Солдаты на фронте тысячами захлебывались в вонючей пене, разлагались заживо и сходили с ума, тронутые «обезьяньей чумой». Шайки дезертиров наводили ужас на города. Правительство было бессильно. Отцы-пилигримы, лучшие из

лучших, элита нации, готовы были завтра же безоговорочно идти на верную смерть, чтобы хоть немного отдалить наступление Ночи. А в это время кучка высоколобых интеллектуалов, вскормленных, между прочим, на бюджетных ассигнованиях, — мизер в масштабах государства — заумно рассуждает о том, что существующая политическая доктрина давно исчерпала себя, сгнила, провалилась внутрь социума и низвергла цивилизацию в недра гигантского природного катаклизма. Чушь, болтовня — вредная болтовня, прибежище для отчаявшихся и опустивших руки.

Патриарх спросил грубо:

— Видели Карантин?

— Да, — сказал Милн.

И ничего не добавил, потому что добавлять было нечего.

— Ну что? Будете работать?

— А почему бы вам не направить меня в армию? — предложил Милн. — Там я принесу больше пользы, чем растрачивая время и силы в дурацких маскарадах.

Патриарх сдержался. Все-таки перед ним сидел Наполеон. Этот замкнутый высокомерный юноша с изумительной легкостью победил в четырех военных играх, начисто разгромив коллективный разум генштаба.

— Вы думаете, Милн, что у вас нет дублера? — прищурившись, спросил он.

— Думаю, что нет, — спокойно ответил Милн.

Он был прав. Легко заместить Спинозу: многим ли даже в то время был известен скромный шлифовальщик стекла? В крайнем случае соседи удивятся, решив, что нищий философ окончательно спятил. И очень сложно заместить полководца, который постоянно находится под прицелом тысяч внимательных глаз, чьи привычки, вкусы, наклонности изучены тщательно и до предела. Здесь мало одной внешности, внешность можно скопировать, это нетрудно. Но здесь должен быть темперамент Наполеона, и честолюбие Наполеона, и главное — грандиозный военный талант Наполеона, иначе кандидат проиграет первое же сражение и все полетит к черту.

Патриарх сказал:

— Незачем направлять вас в армию, Милн. Поздно. Лет тридцать назад это, возможно, имело бы какой-то смысл, но не теперь. Война проиграна. Впрочем, и тридцать лет назад тоже не имело смысла: событиями тогда вершили не полководцы, а политики и дипломаты.

Милн пожал плечами:

— Помойка не есть артефакт развития. Помойка есть неизбежный порок нашей цивилизации. Вы осуществите ваш Поворот истории, «великий скачок», и она возникнет на сто лет раньше — только и всего.

На запястьях его краснели следы от наручников.

— Ладно, — миролюбиво заметил Патриарх. — Вы, конечно, меня переспорите. Вы научились дискутировать у себя в университете. Я хочу сказать другое: с вами была девушка, Милн, подумайте о Жанне. — Он посмотрел, какая будет реакция. Реакции не было. Милн сидел по-прежнему — нога за ногу. — Мы можем отправить ее в Карантин или на фронт с эшелоном «веселых сестер». «Сестры» неплохо зарабатывают, солдаты щедры, потому что не знают, будут ли они живы завтра...

Милн сухо ответил:

— Разве я отказываюсь работать на вас? Я не отказываюсь. Но Жанна пойдет со мной.

— Жозефиной Богарнэ? — ядовито спросил Патриарх. — Нет, Милн, Жанна останется здесь. Тогда мы будем уверены, что вы обойдетесь без самодеятельности. Обещаю вам, с ней ничего не случится.

Милн немного подумал.

— У меня вопрос, — сказал он.

— Пожалуйста.

— Что происходит с теми людьми, которых мы замещаем?

Патриарх выпятил нижнюю губу.

— Вы играли в бильярд, Милн? Шар бьет по шару. Мы вышибаем их дальше в прошлое. Если хотите — да! — в определенном смысле уничтожаем их!

Они помолчали.

— Хорошо, — наконец сказал Милн. — Но давайте быстрее. Надоело, честное слово. И не думайте, что вам удастся

меня обмануть. Пока я не буду уверен, что все идет именно так, как надо...

— Не беспокойтесь, — устало сказал Патриарх. — Получите свою Жанну.

Он был разочарован. Неужели они ошиблись? Настоящий генерал Бонапарт при упоминании о Жанне просто пожал бы плечами. Что такое любовь, когда речь идет о власти и славе?

— Завтра же начинайте подготовку, — приказал он.

— Сегодня же, — ответил ему Милн.

Обоих привезли вечером, когда остывающее светило уходило, потрескивая, в длинные темно-зеленые тучи на горизонте и багровые тени протянулись от ворот через весь казарменный двор. Чингисхан сдался сам, не выдержав жажды, и его прикончили дезертиры, а Праксителя загнали на верхотуру вокзала, под дырявую арку, у него был пистолет, он отстреливался, а когда патроны кончились, бросился с пятиметровой высоты на бетонную площадь.

Милн сидел у окна и видел, как черный «пикап» с кровавыми, грубо намалеванными крестами въехал во двор и санитары в синих халатах выкатили из него носилки.

— «Скорая помощь», — сказал кто-то.

Все побежали. И Милн побежал тоже. Однако в коридоре пропустил других и, прижавшись к пластиковой стене, кося по сторонам, прочел записку. Записку только что сунул раздатчик — не глядя, торопливым движением. «Встретимся в преисподней». Подписи, разумеется, не было. Он скатал крохотный замасленный шарик и проглотил его.

Преисподняя!

Механизм запуска был таков, что кандидат обязательно должен быть идентичен темпору. Месту будущей своей персонификации. Это возможно в двух случаях: если уходишь в повтор — в собственное прошлое, тогда совмещаешься с самим собой, идентичность полная. И второе — когда идешь по программе и замещаешь реальное историческое лицо, безусловное подобие которому достигается в результате подготовки.

Вот и все. Третьего пути нет. Третий — преисподняя.

Он спустился во двор и вместе со всеми подошел к тому, что глыбилось на носилках.

Авиценна, немного впереди, сжимал слабые кулаки.

— Зачем уродовать? — тихо твердил он. — Зачем и кому это надо? Убили бы — просто...

Старший санитар, закуривая, охотно объяснил:

— А чтобы тебе, например, веселее было смотреть. Ты сбежишь, и с тобой будет то же самое...

— Мразь. Серое мужичье, — сказал Авиценна.

Между кучкой санитаров с автоматами и толпой было метра три неживого пространства.

Непреодолимый барьер.

— Превратили страну в Помойку, а теперь — что? Витаминами вас кормить? — спросил старший.

Санитары поглядывали исподлобья. Как голодные волки. Крикни им только, прикажи — разорвут. Их набирали из фермеров, и они люто ненавидели городских за то, что земля не родит, за то, что сын в армии, за то, что пришлось бросить распаханную отцовскую ферму и перебираться в город на благотворительные подачки.

Милн взял Авиценну за локоть и утянул в задний ряд:

— Не связывайся.

— Ладно, — сказал Авиценна. — Пойдем ужинать.

Грюневальд, стоявший рядом, наклонился к ним:

— Австриец что-то затевает. Весь третий сектор сегодня пропустил тренировку.

— Наплевать, — сказал Авиценна. — Хоть бы они сдохли, шакалы. Ненавижу. Ты-то, Милн, что здесь делаешь?..

И пошел через двор — тощий, нескладный, метя пыль полами стеганого халата.

— Не нравится мне это, — продолжал бубнить Грюневальд. — Ты слышал, Милн, что изменили план запусков?

— А разве изменили?

— Вчера...

— Я иду вне очереди. Меня это не касается. Извини, Грюн, мне пора. — Он догнал Авиценну и насильно повернул его за угол, где была глухая стена. — Слушай, Авиц, постой, что такое преисподняя?

У Авиценны почернели глаза на худощавом горбоносом лице.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — уронил Милн.

— Это старт в ничто, полное уничтожение, оттуда не возвращаются...

Хлопнуло над крышами, зашипело, и в темное небо взлетел красный комок ракеты. За ним — еще один, и еще. Диким воспаленным трехглазием повисли они над Полигоном. Все сразу же исказилось. Хлынул неровный свет. Закричало множество голосов. Побежали какие-то люди — вправо и влево.

— Кажется, финал, — сказал побледневший Авиценна.

Прямо на них выскочил Калигула, окруженный сенаторами. У каждого поверх тоги с пурпурной каймой был накинут короткий тупой автомат.

— Вот и ты, голубчик, давно пора! — сказал запыхавшийся, шлепающий губами Калигула. Выстрелил с пояса. Авиценна выше лба задрал угольные восточные брови, опрокинул лицо: — Ах, вот оно что... Зачем?.. — мягко сел на асфальт, голубая чалма размоталась. Тогда Калигула с размаху ударил его ногой: — Получи, голубчик!.. — обратил светлые, с кипящей слезой, яростные глаза на Милна: — Проходи, проходи, не задерживайся, филолог!..

Милн пошел по колеблющемуся бетону. Сзади, точно стадо гусей, загоготали сенаторы. Прыгало и двоилось в глазах. Здание административного корпуса переваливалось с боку на бок. Перед ним качалась дверь, ведущая неизвестно куда. Оттуда густо повалили отцы-пилигримы. Тоже вооруженные, с винтовками, с карабинами. Его грубо толкнули: — Нализался, не мог потерпеть... — Каким-то образом он втиснулся внутрь. Он ничего не понимал. Неужели началась плановая ликвидация? Он слышал о таком: убирают всех, не оправдавших надежд. Но почему Калигула? Он же рядовой кандидат, ждущий запуска.

Надо было срочно найти Патриарха. Коридор изгибался блестящей пластиковой кишкой. Милн ускорял шаги. Патриарх обещал, что его обязательно вернут обратно, выдернут со Святой Елены, уже есть методы. И Жанна будет ждать его здесь. Опять обман. Жанна, оказывается, в преисподней. Это

смерть. Правда, не для него. Для Жанны. Хотя, пожалуй, и для него тоже. Он почти бежал и потому чуть не споткнулся о человека, который лежал поперек коридора. Чуть не наступил на вытянутую к плинтусу руку. Человек был в новенькой форме, один из охранников Патриарха. Он умер недавно. Милн решительно перешагнул через него и открыл дверь.

В кабинете Патриарха, куда никто не приходил сам, а куда людей приводили в сопровождении и откуда людей уводили в сопровождении, а бывало, что лишь приводили и человек исчезал навсегда, за обширным компьютерным полукругом, заваленным бумажными секретными документами, сидел черноволосый Австриец, и его знаменитая прядь, как всегда, в минуту крайнего возбуждения прилипла ко лбу. Он быстро-быстро перебирал желтые бланки, которые грудой топорщились перед ним. Личный сейф Патриарха был распахнут, и нутро его вывернуто с подчеркнутой беспощадностью. Одновременно Австриец хмыкал, чмокал, удовлетворенно цыкал зубом, ковырял синим карандашом в ушах и, как припадочный, болтал обеими ногами. Чесал потную щеточку усов под носом. На нем был военный китель без погон с солдатским железным крестом времен первой мировой войны.

— А... Милн... — сказал он приветливо, продолжая цыкать и ковырять. — Хорошо, что зашел. У нас тут небольшая чистка. Пора навести порядок. Я полагаю, что ты любишь, когда порядок? Я так и думал. Я всегда говорил, что военные должны держаться друг друга. Я и в проскрипционных списках отметил тебя особо, чтобы не кокнули. Но ты все-таки лучше посиди у себя в комнате, мало ли что. Санитары на нашей стороне, так что не беспокойся.

— Я и не беспокоюсь, — напряженно сказал Милн.

— Вот и отлично. У тебя когда запуск?

— Послезавтра, вне очереди...

— Мы тебя запустим, можешь не сомневаться. Я в тебя верю, Милн. А сейчас иди, мне надо работать...

Милн неловко повернулся, чтобы уйти, но сейчас же в кабинет, расшибая головы, втиснулись отцы-пилигримы вперемежку с сенаторами — красные, взволнованные, с пистолетами и ножами, а кое-кто и просто с ножками от табуреток.

— Ушел! — закричал Калигула. — Обманул!.. У него потайной ход в комнате!..

Милн пошел прочь сквозь расступающихся отцов. Ему кивали: — Вот и Милн с нами... — А куда ж ему? Он же не сумасшедший... — Правильно, Милн, молодец... — Он старался выбраться побыстрее.

За спиной набухал взрывной лай Австрийца:

— В этот исторический момент, когда вся нация в железном единстве, отбросив сомнения, сплотилась вокруг идеи Великого Поворота...

И резкий фальцет Калигулы:

— Не время, Адольф...

Это был переворот. Дворцовый мятеж. Смена правителя. Тотальная оккупация истории обернулась банальной оккупацией Полигона. Ящерица сожрала свой хвост. Теперь будет не Патриарх, а Австриец. Он точно учел момент, и на его стороне санитары. Интересно, как к этому отнесется правительство? Хотя правительству все равно, лишь бы получить результаты. Значит, теперь у нас Австриец. Этого и следовало ожидать.

Загородка у перехода в отсек темперации была опущена. Он постучал. Дежурный санитар шевельнул автоматом:

— Пропуск.

— У меня приказ, — соврал Милн.

— Ничего не знаю. Пропуск.

Пришлось осторожно, под прицелом, отступать от загородки обратно. В соседнем коридоре была крышка аварийного люка. Он налег на никелевую крестообразную рукоять. Уныло завопила сирена, но он не обратил на это внимания. Сейчас им было не до него. Люк открылся, и Милн протиснулся в затхлую пасть трубы. Освещения по оси не было. Угадывались мелкие скобы, идущие вверх. Он полез, чувствуя спиной пульсирующие кабели, добрался до развилки и пополз по другой трубе, стараясь не сбиться, свернул влево и через полсотни метров опять влево. Потом спустился. Он почему-то не подумал, как выйдет отсюда, уперся в крышку люка, и она подалась. Слава богу, была снаружи отвинчена. Он спрыгнул в редкую темноту и по гулкости удара понял: кабина настройки.

В левой секции немедленно крикнули:

— Кто?..

Он увидел Патриарха, сидящего на корточках около конического Цихрона. Кожух был снят и обнажена внутренность спрута, вмороженная в льдинки микропроцессоров. Одной рукой Патриарх держал пистолет, а другой копался в белых кристалликах. Лысина его блестела. Он сразу же выстрелил, и пуля чокнула по резиновой шине у трансформатора.

Милн отшатнулся за фарфоровую перегородку.

— Не будьте идиотом, — сказал он. — Нас услышат.

И будто в подтверждение этих слов заверещал телефон на стене.

Милн поднял трубку.

— Одно слово, и — стреляю, — пугающим шепотом предупредил Патриарх.

— Да, — сказал Милн, не обращая внимания. — Нет, — сказал он через секунду. Водрузил трубку на место. — Вас ищут. Я ответил Калигуле, что здесь никого, но он, по-моему, не поверил.

Патриарх покусал дуло ощеренными зубами.

— Давно надо было отправить этих параноиков в Карантин. Поздно... Выбросили меня за ненадобностью. Генерал-губернатор ответил, что не вмешивается в дела Полигона. Каково? Не вмешивается!.. — Он коротко хохотнул. — Мальро когда-то писал, что мы — единственная страна, которая стала великой державой, не приложив к этому ровно никаких усилий. А почему, Милн? Потому что ей расчистили исторический путь... Я — расчистил...

— Мне нужна Жанна, — внятно сказал Милн.

— Жанна? Жанна в изоляторе, — Патриарх быстро мигнул. — Знаете что, Милн, идите к Жанне, забирайте ее, живите с ней, они вас не тронут. А я исчезну. Раз и навсегда, будь оно проклято! — Говоря это, он, почти не глядя, втыкал кристаллы в узкие разнокалиберные гнезда, ошибся — чертыхнулся и переставил. Вдруг закричал тем же шепотом: — Вы что, не понимаете, они меня на части порубят!..

— Мне нужна Жанна, — повторил Милн. — Жанна, или вы не уйдете отсюда.

— Жанну запустили позавчера, — обреченно сказал Патриарх. — Конечно, я обманул вас, Милн, но не я отдавал приказ, меня заставили...

— Хорошо, — сказал Милн. Он теперь убедился. — Значит, мне нужна преисподняя. Мы уйдем туда вместе. Преисподняя — что это означает на практике?

— Это — смерть! — зашипел Патриарх. И по судороге шипения стало ясно, что он в истерике. — Запуск без темпора, без конкретного исторического адресата! Я же объяснял вам основы движения внутрь потока! Выброс может произойти где угодно, еще до образования Земли, в пустом Космосе!

В дверь позвонили, и сразу же забарабанили по железу нетерпеливые кулаки, и Калигула требовательно позвал:

— Откройте, Милн!

Патриарх, пристанывая, порхал длинными пальцами над клавиатурой. Будто пытался исполнить на пианино нечто недоступное человеку. В такт нажимам загорались и разбегались по стенам зеленые концентрические круги.

Милн вышел из-за плиты и положил руку на пульт.

— Мне нужна преисподняя.

— Вы что?.. — Патриарх поднял трясущийся пистолет.

— Я успею разбить пару датчиков. — спокойно объяснил Милн. — Ради бога! У нас мало времени.

Он действительно не волновался.

— Откройте, Милн!

В дверь ударилось что-то грузное, и она затрещала.

Вышли вечером и шли всю ночь до рассвета. Табор вел Апулей. Он один умел ориентироваться по звездам в этом гнетущем пространстве, где на тысячи километров, стиснув землю кожистым одеялом, распласталась толстая коричневая губка. Было очень важно не сбиться и выйти к Синим Буграм, куда собирались остальные колонии: левее, за Пратой, шевелил холодные пальцы лишайник, жрущий любую органику, а на восток, по-видимому до самого океана, простирались необозримые топи, которые, накапливая энергию для выброса пены, булькали и кипели живой плазмой. Там было не пройти. Позади, за темной линией горизонта, как при бе-

зумном пожаре, отсвечивали по небу блеклые розовые сполохи — колония Босха принимала удар на себя. Босх отдал им всех своих лошадей, и уже из этого становилось ясным, как он оценивает исход предстоящего боя. Получилось восемь повозок — неуклюжих, тяжелых, из остатков дерева и металла, не поглощенных Помойкой. У той, где лежала Жанна, были автомобильные колеса без шин. Трясло, разумеется, невыносимо. Горьковато дымились бездонные родники. Голые оранжевые слизни размером с корову упорным кольцом окружали табор. Изредка тот, что поближе, сворачивал к людям, точно проверяя на бдительность. Тогда навстречу ему выходил Вильгельм Телль и натягивал звонкий лук. Стрела, ядовито пискнув, впивалась в основание рожек-антенн, слизень вскрикивал, как ребенок, по студенистому телу пробегала мелкая торопливая дрожь, и немедленно низвергались на гору мяса жадные птицы.

К рассвету начался дождь, шепотом пробирающийся из одного конца бескрайней степи в другой. Кинулись запасать воду — в глиняные горшки, в чашки, просто в ладони. С водой в таборе было плохо.

Милн держался за край повозки и видел, как Жанна ловит ртом редкую дождевую морось.

— Я принесу тебе попить, — сказал он. Дернул за повод Пегого, у которого кузнечными мехами раздувались бока от запального бега, пошел вдоль табора. Его спрашивали без всякой надежды: — Ну как? — Он не отвечал. Оглядывался на сполохи.

Парацельс спал в самой последней повозке, под армейским брезентом. Милн растолкал его, и Парацельс, продрав слипшиеся веки, тоже спросил:

— Ну как?

— Плохо, — ответил Милн, не вдаваясь в подробности. — Плохо, а будет, вероятно, еще хуже... Слушай, у тебя вода есть? — Принял нерешительно протянутую флягу. — Брезент я, пожалуй, тоже заберу, — добавил он.

— Сутки хотя бы продержитесь? — тоскливо спросил Парацельс.

— Сутки? Вряд ли...

Милн вернулся и осторожно укутал Жанну. Положил флягу рядом с ней, под руку, чтобы легко было достать.

— Есть хочешь?

Жанна покачала головой. Говорить она не могла. Милн все-таки, присмотрев участочек помоложе, вырезал ножом губочный дерн и подал его, перевернув желтой съедобной мякотью. Жанна лизнула приторный сок.

— Вчера, — сказала она.

— Завтра, завтра, — ответил он. — Не разговаривай, тебе надо беречь силы.

Жанна дышала со свистом. Она никак не могла выздороветь. К Помойке надо привыкнуть: слишком уж отличаются составы биоценозов. Милн сам болел неделю после прибытия. И другие тоже заболевали. Но у Жанны адаптация протекала особенно тяжело.

Патриарх, едва волокущий ноги, сказал:

— Этот мир уже умер. Мы присутствуем на его похоронах, — вяло махнул рукой на унылую вереницу повозок, тянущихся сквозь дождь. — Прощальный кортеж... Плакальщиков не будет... Там... там... та-рам... там... та-рам...

— Хотите пить? — спросил его Милн, доставая флягу. — Вы должны довезти ее. Вы мне обещали.

— Хочу, — сказал Патриарх. — Но до привала не стоит. И не считайте меня лучше, чем я есть, Милн. Мы все — мертвецы, затянутые преисподней.

Милн опять обернулся, ему не нравились сполохи. Они жидкой цветной гармошкой растянулись вдоль горизонта. Края гармошки оплывали к земле. Это могло означать только одно: хлипкая оборона Босха прорвана, и ударные подразделения Хаммерштейна устремились на север.

Его место было — там, в гуще битвы.

— Наверное, Помойка создает хроноклазм, нечто вроде воронки, компенсируя наши перемещения во времени, — сказал Патриарх.

— И что из этого следует?

— То, что все мы постепенно будем ею затянуты...

— Все?

— До последнего человека...

На другом краю неба, точно отблеск еще одного проигранного сражения, занимался день. И тревожный гул его катился по степи, нарастая.

— Воздух! — закричал Апулей.

В тот же момент Милн увидел четкие самолетные звенья, выплывающие прямо на них. Передние штурмовики уже клюнули вниз.

— Ложись!..

Люди, как сумасшедшие, выпрыгивали из повозок. Первая серия бомб, визжа осколками, перечеркнула табор. Вздыбились щепастые доски. Дико заржала кобыла, проваливаясь на задние ноги. Прокатилось сшибленное колесо и — упало, подскочив на оглобле. Укрыться в голой степи было некуда. Милн придавливал Жанну к земле — к теплой губке, от которой исходил приторный горький запах. Запах смерти и разложения. Он видел, как взрывной волной подбросило Апулея и тот, выставив руки, медленно крутанулся в воздухе. Бежать было некуда. Их всех тут перестреляют! Легла серия зажигалок, разбросав вокруг тучи фосфорных искр. Губка вяло обугливалась, но не горела. Дым ел глаза. Кто-то панически дернул Милна за локоть. Рукав был взрезан. Вероятно, осколок. Привязанный к повозке Пегий пятился и храпел. Парацельс, встав во весь рост, размахивал нацепленной на оглоблю белой рубахой:

— Сдаемся!..

— Дурак! Здесь в плен не берут! — крикнул ему Милн.

Парацельса перебило наискось красной пулевой плетью. Оглобля упала. Жанна, обнимая Милна за шею, целовала бессмысленно и горячо: — Мы умрем вместе? Да? Я так и хотела!.. — К щеке ее прилипла веточка мха. Заходило на бомбежку следующее звено. Это был конец. Он видел дырчатые решетки пушек, нацеленные в него. Ближайший родник вдруг выплюнул вверх зеленую струю плазмы. Длинный жабий язык слизнул с неба целое звено самолетов. И еще дальше — заплескались такие же мокрые зеленые языки. Целый лес. Точно в бреду алкоголика. Уцелевшие штурмовики, надсаживая моторы, свечками вонзились в зенит. Небо очистилось.

Наступила невероятная тишина.

— Мы живы? — спросила Жанна. Она не верила. — Мы живы, живы, живы...

Милн, оглаживая хрипящего Пегого, прыгал — ногой в пляшущем стремени. Оттолкнулся от плоского камня и животом перевалился в седло.

Пегий шарахнулся.

— Я умру без тебя! — крикнула Жанна.

Она лежала среди кошмарно раздробленных повозок и тел. Кое-кто уже начинал шевелиться. Курились воронки. Дождь раздражающей щекоткой тек по лицу. Милн знал, что все равно опоздает, но вонзил шпоры в бока Пегого. Он не ожидал, что сопротивление лопнет так быстро. Требовались еще сутки, по меньшей мере, чтобы уйти в глубь Помойки, под прикрытие бездонных болот. Теперь этих суток у них не было. Позавчера Хаммерштейн, собрав на южном выступе фронта кулак из трех армий, нанес рассекающий внезапный удар, имеющий целью, по-видимому, выход на рубеж Праты. Они хорошо подготовились, артналет перепахал оборону практически на всю глубину, новые лазеры выжигали почву в луче шириной до двух километров. Противопоставить этому было нечего, Помойка находилась в ремиссии: маслянистая жирная плазма поблескивала в родниках и трясинах. Фронт был разрезан на десять кровавых кусков, танки вырвались на оперативный простор, а вслед за ними в образовавшиеся бреши, закрепляя успех, хлынули грязно-серые колонны пехоты. Выбора не было. Милн, как горстку песка, швырнул в ослепительное кипение лазеров колонию Босха, лучших сенсоров, способных выжать плазму даже из камня, а Симон Боливар, забрав остальных, пошел на Север, чтобы активировать тамошние болота.

Теперь колония была опрокинута, и ничтожная щепоть людей рассеялась по равнине, прикрытой светлеющим небом. Было их всего ничего, и за спинами их, на горизонте, вспухали земляные грибы, из которых выползали один за другим белые приплюснутые керамические жуки.

Первым добежал генерал Грант и схватился за стремя, обратив вверх размытое пятно вместо лица. Голос у него скрипел, как железный. Все пропало. Запасы активной плазмы

исчерпаны. Помойка дремлет и не реагирует ни на какие команды. «Кентавры», как помешанные, прут вперед. Хаммерштейн, вероятно, решил не считаться с потерями. Надо срочно спасаться, уходить в дальние топи. Гумбольдт и Геродот знают проходы... Милн возвышался над ним, будто гранитный памятник. Он ни слова не отвечал, ждал, пока добегут остальные. А когда они добежали и прокричали то же, мокрые и слабые под дождем, он надменно, с сознанием величия, отделяющего его от простых смертных, спросил:

— Где вы бросили Босха?

Босх остался гореть. И с ним еще пятеро. Это их слегка отрезвило, и генерал Грант побежал обратно. Пришлось его завернуть, впрочем, как и всех остальных. Позади были обрывистые холмы, где губка уже состарилась, потрескалась и сползла, обнажив глиняные верхушки. Милу развернул сенсоров цепью, их было всего человек двенадцать. Полоса блистающего огня стремительно надвигалась. Босх, конечно, погиб, поскольку сполохи сомкнулись в непрерывную ленту. Если их не остановить, то они пойдут в глубь Помойки, — разорвут ее на две части, а потом на четыре, заблокируют танками и сожгут каждую часть отдельно. И будет Великая Гарь, и будет пустыня, и земля уже навсегда задохнется без почвы и кислорода. Но, конечно, прежде всего они истребят аборигенов. Девять колоний не успеют дойти до Синих Бугров.

Милн сказал им это, и они цепью затрусили к холмам. И снова — густо, солоно задымились болотные родники, и зеленые мокрые языки выплеснулись оттуда навстречу ослепительному биению лазеров, и сомкнулись в тонкую, но быстро набирающую массу волну, и тревожный фиолетовый пар вспенился на ее гребне. Он не чувствовал Помойку так, как чувствовали ее сенсоры, прожившие здесь долгие годы, но он с абсолютной точностью знал, что нужно делать в каждую секунду боя. Он это знал, и потому они его поняли. Они утолщили волну и послали призыв в глубь всей территории, которую охватывали своими полями. И там тоже пришли в движение родники, и запенились взваром топи, и биогель, ощутив сладкую пищу, потек оттуда сюда. Они очень слаженно отработали эту часть активации. Но Хаммерштейн

не хуже него понимал, что исход боя решит именно первый удар. Приказ, вероятно, был отдан незамедлительно. Сплошной фарфоровой массой тронулись вездеходы — жирные, как гусеницы, сливочные, с пылающими звездами лазеров между фар. Полей уже не хватало, и тогда по склону холма скатился Улугбек в полосатом халате, и скатился вслед за ним Бруно — к границе плазмы. И вездеходы сразу увязли в липучей каше; и шипастые их колеса замерли, прочавкав в грязи, и лазеры, шумно хакнув, выпустили бессильный дым. А Улугбек и Бруно остались лежать около плазмы. Но это, разумеется, было еще не все. Потому что левее, по ложбине у незащищенных холмов, узким сверкающим клином ударила бригада «кентавров». Офицеры торчали из люков, как на параде, золоченые шлемы их сияли в бледных лучах рассвета. Они шутя прорвали оборону там, где ее держал Хокусай, и Хокусай погиб, собирая клочья волны и бросая их на керамическую броню. Но туда сразу же побежали и Кант, и Спиноза, и Леонардо да Винчи. У Леонардо было очень сильное поле. Он выскреб ближайшие родники, обнажив нежное розовое материнское дно. Они вместе построили горбатый вал и обрушили его на бригаду. Танки таяли в пузырчатой пене, будто сахарные. Но «кентавры» потому и назывались «кентаврами»: они ломили вперед, невзирая ни на какие потери. Хаммерштейн, как и предупреждал, расстреливал отступающих, и они прошли вал насквозь и вынырнули на другой его стороне — скользкие, мутные, сплавившиеся, как молочные леденцы. Их было пока немного, наверное, машин двадцать, но они очистили всю ложбину и оказались в относительной безопасности, и забросали гранатами родники — полетели ошметки розового нежного мяса, — и пулеметами отсекли Вазу, который пытался отдать туда часть своих сил. И Кант погиб, и погиб Спиноза, и Леонардо погиб тоже, накрытый огненным взрывным облаком.

Опасны были не эти два десятка танков, угнездившихся в ложбине, опасно было то, что к ним по пробитому коридору все время подтягивались подкрепления. И «кентавры» постепенно расширили свою зону и пошли снова вперед, протискивая между холмов фарфоровые гладкие клинья. Милн ни-

чего не мог с этим сделать. Равнину заволокло удушливым дымом, взвывали моторы, он не чувствовал рядом с собой никого из сенсоров. И в дыму возник Патриарх, вымазанный сажей и грязью, и почти беззвучно сказал, что его зовет Жанна. Прорвались «кентавры», ответил Милн, за ними идут пожарные с огнеметами, их надо остановить... Она умирает, сказал Патриарх, она просит, она хочет видеть тебя в последний раз... Я не могу, в отчаянии ответил Милн, я здесь один, я должен выиграть это сражение... Ты готов был погубить весь мир ради любви, сказал Патриарх, а теперь ты намерен убить любовь ради чужого мира... Мир погубил не я, возразил Милн, мир погубили другие, кому до него не было дела. Помойка пройдет по земле, очистив ее, пожрав озера кислот и хребты шлаков, — умрет без пищи, издохнет, распадется, осядет, и превратится в питательный перегной, и просочится им в почву, и окончательно перепреет, и миллиарды семян очнутся от смертного оцепенения.

И они вдвоем с Патриархом смотали всю трепещущую нить обороны, и слепили из нее безобразный шевелящийся ком, и никак не удавалось сдвинуть его, и тогда Жанна помогла им издалека, отдавая скупое последнее дыхание своей жизни. И они обрушили эту колышащуюся жуть на «кентавров», и фарфоровые махины остановились, временно ослепленные и беспомощные. И все сенсоры стянулись к Милну, потому что им больше нечем было сражаться, и он послал их обратно, на вершины холмов, чтобы их видели в бинокли и стереотрубы. Это для них была верная смерть. Но они вернулись туда — и Декарт, и Лейбниц, и Гумбольдт, и Ломоносов. И Шекспир, и Коперник, и Доницетти, и глуховатый Бетховен... Должно было пройти какое-то время, пока Хаммерштейн догадается, что все их резервы исчерпаны. И Хаммерштейн, разумеется, догадался, однако какое-то время уже прошло. И должно было потребоваться еще большее время, чтобы заставить идти армейские части, панически боящиеся аборигенов. И Хаммерштейн, разумеется, их заставил, однако какое-то время опять прошло. Время для них было сейчас — самое главное. И когда пехотные штурмовые колонны, извергая по сторонам жидкий огонь, наконец втянулись в ложбины

и удавом начали обтягивать холм, где Милн находился, глубоко в тылу, на границе болот, уже выросли плазменные горячие волны высотой с многоэтажное здание, и немного покачались, ища осевую опору, и накренили гребни, и неудержимо покатились вперед. Они были чисто-зеленые, темнеющие к подошве, и кипящие радужные разводы весело пробегали по ним снизу вверх.

И тогда Милн прижался к земле и почувствовал, как обжигающая тяжелая плазма наваливается ему на спину. И он дышал ею, как воздухом, и глотал ее, потому что иначе было нельзя. А потом он решительно встал и стряхнул с себя лопающиеся, звонко шуршащие пузыри. Слабое, чуть выпуклое солнце Аустерлица уже взошло над равниной, и в прозрачном тумане видны были разбросанные по ней обглоданные костяки вездеходов, леденцовые оплывшие танки, гаубицы и муравьиные тела между ними. И он пошел прочь отсюда, проваливаясь в орыхлевшую губку. И его догнал Боливар и сказал, что было очень трудно активировать Северные болота: сезонная летаргия очагов, плазма в периоде восстановления, Хиндемит сунулся было в трясину и утонул с головой. Милн смотрел на шевелящиеся губы и почти не разбирал слов. Он безумно спешил. Жанна лежала на разбомбленном склоне, лицом в мокрый дерн. Он подумал, что она умерла, как все остальные, и осторожно тронул ее за плечо. Но она была жива — мотыльковые веки дрогнули.

Милн задохнулся.

— Отнеси меня наверх, — попросила она.

Милн поднял ее и понес на вершину холма. Жанна была тяжелая, и он боялся споткнуться. Он добрался до плоской макушки, уже подсушенной солнцем, и положил Жанну там, и сам опустился на землю.

И Жанна прижалась к земле щекой и тихо сказала ему:

— Жизнь...

Милн сначала не понял, он решил — это остатки пены, ризоиды, гнилая органика, но глаза у Жанны остекленели, и тогда он нагнулся — из коричневых трещин земли, из глины, из душных глубин, ломая корку, вылезала на свет первая, молодая, хрусткая, зеленая, сияющая трава.

КАК ЭТО ВСЕ ПРОИСХОДИТ

В Гонконге на него было совершено покушение. Когда приземистая, с затененными стеклами, явно дорогая машина миновала центральный хайвэй, отполированный, точно бронза, и, покрутившись в развязке, как этажерка, спускающейся с одного уровня на другой, выехала на более узкое, но такое же гладкое, без выбоинки и заплатки, чуть выпуклое шоссе, двух-трехэтажные домики вдоль которого указывали на начало пригорода, его несмотря на жару вдруг бросило в пронзительный холод и одновременно прошибло испариной, как кислота, защипавшей веки, уголки губ, нос, кожу на подбородке.

По предыдущим двум случаям он уже хорошо знал, чему это предшествует, и потому, резко нагнувшись и выставив локти, чтобы не расшибить голову при ударе, сдавленно крикнул шоферу:

— Гони!.. — А потом еще раз: — Гони!.. Гони!.. Скорость прибавь!.. Что ты спишь?!

От тягучего спазма, который всегда в эти минуты его охватывал, он даже не сразу сообразил, что ведь шофер ни хрена не понимает по-русски, а когда все-таки сообразил, при этом чуть снова не выпрямившись, и попытался, как недоучившийся школьник, построить корявую фразу, все английские выражения тут же выскочили у него из памяти. В сознании плавали лишь ни на что не пригодные грамматические обломки, что-то вроде «гоу эхед», «ассосинэйшн», «иммидьетли» и еще, естественно, «сорри»[1]. Он никак не

[1] Go ahead (англ.) — вперед, assassination — убийство, immediately — немедленно, sorry — извините.

мог выдавить из себя ничего подходящего. В конце концов крикнул:

— Форвертс!.. Форвертс!..[1] — То, что застряло в подкорке, наверное, из фильмов, виденных в детстве.

Хорошо еще, что Касим, который по его состоянию догадался, что происходит, не стал тратить время на бесплодные попытки преодолеть языковой барьер, а поступил проще, как уже поступал в подобных случаях ранее: перегнулся долговязым телом своим через сиденье вперед и, ухватив руль поверх пальцев испуганного шофера, изо всех сил крутанул влево.

Машину занесло на встречную полосу. Это их, по-видимому, и спасло.

В следующую секунду раздался хлопок, короткий свист, что-то блеснуло. Автомобиль подбросило, как игрушечный, и развернуло, поставив лакированным туловом вдоль обочины. Загрохотали по металлу вывороченные куски асфальта. Тоненько, будто щенок, заверещал сопровождающий их китаец. Боковые стекла, покрывшись мелкими трещинками, ссыпались внутрь салона. Правда, он воспринимал это все уже только краем сознания, потому что в следующую же секунду вслед за Касимом выкатился из машины, побежал куда-то на четвереньках, упал, снова поднялся, и, перевалившись через низенькие, очень жесткие, как из пластмассы, сросшиеся между собой кусты, наверное, специально высаженные вдоль дороги, распластался по земляной поверхности, втискиваясь в ее спасительные углубления.

Некоторое время он даже не решался поднять голову. Он не хотел видеть темную, в маске с прорезями, согнутую фигуру, целящуюся в него из пистолета с глушителем. Только бы не в лицо, подумал он с отвращением. Куда угодно – в темя, в затылок, в сердце, только бы не прямо в лицо. Ему уже приходилось видеть лица, превращенные выстрелами в кровавую кашу. Господи, если ты есть, сделай так, чтобы не в лицо, а например, в сердце... Пауза, пахнущая травой, тянулась нескончаемо долго, и когда он все-таки поднял голову и осто-

[1] Vorwärts! (нем.) – вперед!

рожно привстал на локтях, уперев их в щебенку, которой была набита здешняя неприветливая земля, он увидел вяло дымящуюся на шоссе брошенную машину, громадный валун, вдоль которого пробирался Касим, ощупывая рукой каждую выемку, белые, окруженные то ли яблонями, то ли сливами здания вдоль дороги и над ними – почти незаметные, блеклые, слабо-фиолетовые облака, будто тени, растянувшиеся вдоль горизонта.

Значит, я все-таки жив, подумал он.

И в то же мгновение будто лопнула пленка, скрадывавшая все звуки, Долетело со стороны города и усилилось, стремительно нарастая, буйство полицейской сирены. Мелькнули красные и синие проблесковые маячки, несущиеся над дорогой. Взвизгнули шины, поспешно захлопали дверцы, поплыли в утреннем воздухе возбужденные командные голоса.

Тогда он поднялся уже во весь рост и, отряхиваясь на ходу от мелкого сора, пошел к машине. Он совершенно не волновался. Только как-то нехорошо, точно он сегодня не завтракал, сосало под ложечкой. И еще было какое-то странное чувство, будто все это в действительности не имеет к нему отношения. Это все оперетта, ненастоящая жизнь, и он наблюдает за действием как бы по телевизору. Он посторонний для всех этих людей.

И он в самом деле, как посторонний, позволил немедленно появившемуся откуда-то весьма озабоченному врачу, продезинфицировать и заклеить чем-то прозрачным длинную царапину на руке – черт его знает, когда успела возникнуть эта царапина, — и тоже, как посторонний, с предупредительным безразличием, поворачиваясь, позволил Касиму почистить себя жесткой щеточкой, которую тот уже где-то достал – на то он, правда, был и Касим, чтобы достать, что угодно, — и уже полностью, как посторонний, не произнося ни единого слова, ждал после этого, пока сопровождающий их китаец закончит свои объяснения с пузатым, но видимо, энергичным офицером полиции.

Все это его абсолютно не интересовало.

И лишь когда очумевший китаец, завершив объяснения, подскочил к ним с извиняющейся улыбкой и пониженным

голосом, скороговорочкой доложил, что господин лейтенант понимает, в каком вы сейчас состоянии от этого прискорбного инцидента, он не требует у вас показаний, вы можете дать их завтра в любое удобное для вас время, а потом от себя добавил, еще больше понизив голос: я думаю, что это необязательно, — вот только тогда он как бы очнулся и нейтрально спросил:

— Мы можем ехать?

— Да-да, конечно, уважаемый мистер Марголин. – И китаец распахнул перед ними дверцы точно такой же приземистой и затененной машины. – Пожалуйста, мистер Марголин, нас никто не препятствует...

Правда, перед тем, как устроиться на сиденье из белой кожи, он немного помедлил. Однако дело здесь было, конечно, не в «состоянии от этого прискорбного инцидента». Не в состоянии и не в самой машине, которая тоже могла бы вызвать теперь неприятные ассоциации. Дело здесь было совсем в другом.

Просто он только сейчас вспомнил, под какой фамилией находится в этой стране.

Большую часть оставшегося пути он молчал. Он то ли расслабился и спокойно дремал, действительно приходя в себя после неприятного инцидента, то, напротив, сосредоточился, отключившись от всего менее важного, и, покачиваясь в такт движению, полуприкрыв глаза, мысленно еще раз готовился к предстоящей беседе. По безжизненному его лицу, казалось, утратившему все теплые краски, догадаться ни о чем было нельзя. Во всяком случае, прерывать это молчание никто не решался. И только когда пейзаж за окном расширился и стал уже совсем сельским: маленькие ухоженные плантации, огородики, где между грядок покоилось в воде желтое небо, он утопил специальную кнопку на боковой дверце машины и, подождав, пока толстое звуконепроницаемое стекло разделит пассажирский и шоферский отсеки, снова откинулся на сиденье и негромко сказал Касиму:

— Выясни, кто это сделал.

— Хорошо, — ответил Касим, даже не шелохнувшись.

— Сколько времени тебе нужно на это?

Касим подумал.

— Скорее всего, недели две-три потребуется.

— Сейчас какие-нибудь соображения есть?

— Сейчас никаких соображений нет.

Машина, не сбавляя скорости, вошла в поворот.

— Ну что там еще?

— Все то же. Опять Южный банк, — ответил Касим.

— По-прежнему не хотят работать?

— Отказываются категорически.

— Ломейкин говорил с ними?

— Ломейкин туда летал и получил от ворот поворот.

— У них там... Кажется, этот... как его... Коротеев?

— Слышал, как его называют?

— Как?

— «Японский бульдозер».

— Забавно. Он свой отказ чем-нибудь мотивирует?

— Утверждает, что хочет остаться полностью самостоятельным.

— Ну, это фикция. С «алтайским пулом» он работает, по-моему, уже года четыре.

— Знаешь, «алтайский пул» — это вообще нечто особенное.

— Ну так что? — сказал он. — Давай конструктивные предложения.

Касим чуть прищурился.

— У меня все готово, — после непродолжительной паузы сказал он.

— Тогда в чем дело?

— Нужна санкция.

— Чья?

— Лично твоя.

Теперь они уже оба некоторое время молчали. Машина вышла из поворота, и скорость на гладком покрытии практически не ощущалась. Будто едва-едва покачиваешься в колыбели. Плантации за окном сменились бугристой желтоватой равниной.

Он вздохнул и безо всякого интереса глянул на этот пейзаж. А потом вежливо и несколько утомленно сказал:

— Касим, будь другом, пожалуйста, реши эту проблему.

На встречу он опоздал не более чем на пять минут. Когда ведомый все тем же чрезмерно улыбающимся китайцем, после покушения, вероятно, чувствовавшим себя еще немного растерянным, он поднялся по ступенькам крохотной виллы, утонувшей, как и другие, в нежно-воздушном, яблоневом, буйном цветении, стрелка на циферблате часов, постукивающих в полумраке гостиной, только-только еще отошла от цифры «двенадцать» и ажурный посеребренный кончик ее замер против первого большого деления.

Ожидание еще не приобрело раздраженный характер.

Он это мгновенно заметил и потому, легко опустившись в кресло с золочеными подлокотниками, возле которого остановился китаец, сдержанно произнес:

— Здравствуйте, господа.

Сразу же зашуршал из-за спины негромкий перевод на английский, и сидящие в отчетливом полумраке люди чуть наклонили головы. В этот раз их было несколько больше, чем на прошлых переговорах: в некотором отдалении от уже знакомых ему француза, немца и итальянца, более-менее изученных за последние месяцы, в общем, благожелательных и потому в настоящий момент опасности не представляющих, в таком же, как у него, золоченом кресле с гнутыми подлокотниками, сидел четвертый партнер — китаец, естественно, ради которого они все и прилетели в Гонконг, — сухощавый, на первый взгляд, совершенно без возраста, идеально, как деревянный, держащий прямую плоскую спину.

Именно он и начал беседу, не пошевелив ни одним пальцем выложенных вперед костлявых узких ладоней.

— Я слышал, что у нашего уважаемого гостя были некоторые... особые... неприятности по дороге. Примите мои сожаления. Мир стал безумным, и никто не может сказать, что с ним будет даже через минуту.

Темное, какое-то подсушенное лицо было непроницаемым. Или, может быть, даже участливым; черт его разберет эти китайские лица. Он смотрел в скорбные, полные черноты глаза мистера Чена и чем дольше смотрел, тем больше чувствовал в себе странную ненависть. Ты же сам, наверное, все это и подстроил, внезапно подумал он. Сам все рассчитал, подбил бабки, отдал приказ местному своему «Касиму». Сальдо, по-

видимому, оказалось не в мою пользу. И вот, пожалуйста, выскакивает на повороте чурка с гранатометом.

Он знал, что его подозрения, скорее всего, безосновательны. Кому-кому, а мистеру Чену это сегодняшнее покушение просто невыгодно. Никому из присутствующих оно не было выгодным. Тут все люди разумные и понимают, что без него операция осуществиться не может. И все-таки след к покушению тянется, вне всяких сомнений, отсюда. Во-первых, ни один человек в России не знал, что он собирается в эти дни быть в Гонконге. Даже Касим не догадывался практически до самого вылета. Во-вторых, неизвестен был адрес, по которому его должны были здесь повезти. Кстати, он до сих пор не знает этого адреса. А в-третьих, господа, в-третьих, у нас так топорно эту работу не делают. Хотели бы отключить — поверьте, отключили бы без вопросов. Да и зачем в Гонконге, гораздо удобнее, например, в Санкт-Петербурге или в Москве. Нет, как хотите, а эта ниточка тянется из вашего «зоопарка». Это не мой прокол, утечка информации произошла в другом месте. И, по-моему, господа, вам следовало бы «прозвонить» всю местную ситуацию. Именно так, к сожалению, именно так, господа. Нельзя же, в конце концов, спотыкаться на таких пустяках.

Вся эта тирада была выслушана в абсолютном молчании. И молчание еще некоторое время царило после того, как он свою речь завершил. И по мере того, как росла, становясь значимой, тишина в сумеречной гостиной, по тому, как все четверо смотрели не на него, а как будто узрели нечто неожиданное в пространстве, главное же, по тому, как чуть слышно пришмыгнул носом Касим, находящийся где-то слева, стало ясно, что он их снова полностью переиграл. Он их переиграл, как переигрывал уже несколько раз и как, видимо, что бы там ни случилось, будет переигрывать впредь. Он будет переигрывать их всегда, просто потому что он прошел через такие джунгли, каких при всем здешнем опыте они не могут даже вообразить.

Ни в каком Гонконге таких джунглей нет.

— Мы очень сожалеем, — наконец с чопорной вежливостью повторил мистер Чен.

И опять склонил голову, как бы признавая свою вину.

В результате данный инцидент был предан забвению. Не было никаких сомнений, конечно, что на расследование его теперь будут брошены лучшие силы мистера Чена, что весь Гонконг, а если понадобится, и вся Европа, будут теперь исследованы, обнюханы и перекопаны буквально по сантиметру, что задействованы будут все связи в полиции и криминальных структурах, что виновные будут найдены и понесут заслуженное наказание. Он нисколько не сомневался, что именно так и будет. Только лично к нему это уже не имело ни малейшего отношения.

Лично ему были заданы всего три вопроса. Понимает ли мистер Марголин, что в результате осуществления в полном масштабе предлагаемой им структурно-банковской операции, если только она действительно будет в полном масштабе осуществлена, произойдет не просто некоторое смещение денежных и кредитных потоков из Северо-Американского региона, каковой таким образом несколько девальвируется и обмелеет, но и реальное непредсказуемое истощение всей государственной казначейской системы Соединенных Штатов; доллар через несколько месяцев окажется валютой необеспеченной, следствием чего станут серьезные потрясения на мировых финансовых рынках?

К этому вопросу он был, разумеется, подготовлен и ответил коротко, ясно, стараясь не вдаваться в долгие рассуждения:

— Согласно нашим расчетам, доллар упадет примерно на десять процентов. Его дальнейшее понижение будет амортизировано резервами евро-азиатских валют. Это еще не крах. Это лишь болезненное, согласен, но все-таки терпимое кровопускание. Ситуация стабилизируется, скорее всего, к концу года.

Второй вопрос звучал так. Понимает ли уважаемый мистер Марголин, что в обвале Северо-Американской кредитной системы обвинят в первую очередь нас? Нетрудно будет установить банки, которые приняли на себя новые финансовые потоки, нетрудно будет вычислить конкретных людей, ответственных за эти не вполне моральные действия. Мировое общественное сознание будет настроено весьма негативно.

Об этой, кстати, вполне реальной опасности он тоже подумал и таким же ясным, гипнотизирующе коротким, энергичным деловым языком объяснил, что в данном случае они выдадут причину за следствие: в первые дни и недели стремительно развивающегося обвала, естественно, никто ничего не поймет, вы же знаете, господа, как это обычно бывает, никому будет ни до чего, все ринутся спасать то, что можно. А когда дым рассеется, по нашим расчетам, примерно месяца через три, выяснится, что это были жесткие, разумеется, но абсолютно неизбежные меры. Мы просто были вынуждены их принять перед лицом всемирной финансовой катастрофы. Мы вовсе не злодеи, господа, мы — спасители. План необходимой промоутерской кампании уже разработан.

И третий вопрос, который голосом, тонким от избыточной вежливости, задал ему мистер Чен, касался гарантий, обеспечивающих первичное продвижение капиталов.

Эту тему он проработал особо.

— Гарантии, господа, я вам привез. Они имеют как частное, так и частично государственное страхование. В систему войдут три уральских банка, о которых мы с вами уже говорили, три банка сибирских и три самых крупных дальневосточных. Это так называемая «Золотая девятка». Все девять участников уже переведены на режим «без границ». Вы, разумеется, понимаете, что это значит? Готовность «номер один». Негласный аудит завершен. Вот, пожалуйста, вся внутренняя спецификация.

Касим, до этого времени державший на коленях четыре кожаных папки, бесшумно вскочил и с легким поклоном вручил по одной каждому из присутствующих.

После чего опять сел и замер.

— Я только вас очень прошу, господа, во-первых, не делать с этих документов никаких копий, у каждого они имеются в одном экземпляре, пусть так и будет, а во-вторых, ни в коем случае не переводить их в электронную форму. Вы меня понимаете? Речь идет об успехе нашего общего дела.

Восемь глаз оторвались от просмотра таблиц, заполненных многозначными числами, восемь темных зрачков уставились на него, будто прицеливаясь для выстрела.

На него это, впрочем, никак не подействовало.

Он откинулся в кресле и непринужденно положил ногу на ногу.

Настроение у него было отличное.

— А теперь, господа, мне нужны такие же гарантии от вас, — сказал он.

Следующее покушение на него было совершено в Москве. Причем, после инцидента в Гонконге, каковы бы ни были настоящие корни этого происшествия: русские, китайские, европейские или, может быть, совершенно иные, он, на всякий случай подстраховавшись и ни слова никому не сказав, вылетел на Москву не прямым и потому легко вычисляемым рейсом, как ранее предполагалось, а сначала — зарегистрировавшись лишь в самый последний момент, — на Берлин, где в течение трех часов не без пользы для дела общался со своим немецким партнером, далее из Берлина на Прагу, — и там тоже имела место одна очень перспективная встреча — и только из Праги, опять-таки в последний момент взяв билет и зарегистрировавшись, уже собственно на Москву, дополнительным рейсом, который не был указан ни в одном расписании.

Причем, даже машину в аэропорт Шереметьево он на этот раз вызвал не через фирму, где о приезде его, согласно распоряжению, никто даже не подозревал, а по особому телефону, номера которого не было ни у кого, подключенному всего месяц назад и хранимому про запас именно для такого случая.

Казалось, сделано было все возможное.

И тем не менее, когда плотная, с тонированными стеклами, внешне ничем не выделяющаяся машина, как бы одна из тех, что тысячами и десятками тысяч ежедневно крутятся по столице, мигнув поворотами, въехала в неприметный кривой переулочек, ведущий к зданию фирмы, и, слегка снизив скорость, начала метр за метром одолевать довольно-таки крутой подъем, его вдруг опять прошибло сперва холодом, а потом липкой испариной, и он, точно так же, как недавно в Гонконге, выдавил сквозь перехваченное судорожным волнением горло:

— Гони!..

Хорошо еще, что Мише, шоферу, не требовался перевод на русский. Миша, который работал у него уже третий год, вообще неплохо соображал, опыт вождения приобрел еще в армии, где намотал приличный километраж, видел всякое, попадал на своем «драндулете» в самые разные переделки, реакцию на такие дела имел просто отличную, и поступил, вероятно, так, как и следовало в данной ситуации поступить: не погнал машину вверх по горбатой улице, где необходимую для отрыва скорость все равно развить было нельзя, и не притормозил, разумеется, что было бы для них и вовсе губительно, а мгновенно вывернул руль, проехав буквально на двух колесах, вдавил гудок, чтобы, по крайней мере, ударить нападавших по нервам, отжал газ, по-птичьи выставил локти и, едва не задев женщину, как раз в этот момент ступившую на мостовую, бросил машину в узкую щель между домами.

В заднее чуть скошенное стекло, к счастью, недавно протертое, было видно, как из подворотни, взирающей им вдогонку недоброй приземистой чернотой, выскочили двое мужчин с головами, как редька, туго обтянутыми материей, подняли было автоматы, прицеливаясь, в растерянности повели стволами, но потом, видимо, сообразив, что стрелять с такого расстояния не имеет смысла, в раскорячку присели и метнулись куда-то в сторону.

Машина еще дважды свернула, давя колесами цветы на газонах, вырвалась через сквер на проспект, включившись в нескончаемый и потому безопасный сейчас поток транспорта, проскочила под светофор, как раз сменившийся с красного на зеленый, и, проехав еще метров четыреста, затормозила у разноцветных витрин какого-то магазина.

Тогда он выпрямил спину, став деревянным, подобно мистеру Чену, напряг щеку, чтобы там перестала пульсировать какая-то сумасшедшая жилочка, и, ни на кого не глядя, вроде бы даже ни к кому и не обращаясь, сказал ровным голосом:

— Мне это не нравится.

— Да, — сейчас же ответил Касим, тоже выпрямившись. — Как-то это — того, многовато...

— Съездите, пожалуй, на фирму.

— Зачем?

— Проверьте подходы.

— Ну, вряд ли они нас до сих пор поджидают, — сказал Касим.

— Ничего-ничего, скатайтесь. Лучше подстраховаться.

— А ты как же?

— Я пока буду ждать вас — вон там.

Он ткнул пальцем в сторону синеватогорящей вывески «Салон Асаги».

— Судьбу хочешь узнать?

— Вреда не будет.

— Вреда не будет, пользы тоже не очень, — сказал Касим.

— Ты не разговаривай, ты — поезжай. — Он, немного привстав, перегнулся через сиденье водителя. — Миша!

— Да?

— Спасибо тебе, что выручил.

Шофер от неожиданной похвалы покраснел.

— Главное — все как-то внезапно...

— Молодец, молодец.

— Честно говоря, еле сообразил.

— В общем, за мной — должок.

— О!.. — подняв указательный палец, сказал Касим.

Шофер совсем засмущался.

— Да я — что? Да я — ничего, — ерзая на сиденье и от неловкости горбясь, сказал он.

Хрусталь слабо тенькнул и тонкий неземной звон поплыл по комнате. Подвески заколебались словно от невидимого дуновения.

Он осторожно убрал со стола ладони.

— Так вы русская? — спросил он с некоторым разочарованием.

— Не отвлекайтесь, — строго сказала госпожа Асаги. — Предположим, русская. Ну и что? Вам это мешает? У меня мать — японка. Так что это — вопрос спорный. Вообще — национальность здесь не имеет значения...

Длинными узловатыми пальцами, в которых чувствовалось нервное напряжение, она дотронулась до цветных бамбуковых палочек, образовывавших на столе сложное переплетение, и, мгновение подержав их над чем-то, напоминаю-

щем полураскрытый цветок, повела кончики вдоль двух расходящихся, а потом вновь сплетающихся дорожек.

— Долгий холод, — как-то неуверенно сказал она. — Ветер над дорогой... Снова холод... Освобождение... Вы будете умирать несколько раз. — Удивленно подняла брови, представляющие собой угольные тонкие ниточки. — Странно как-то у меня получается. Вы уже умирали?

— Сегодня, например, — вежливо сказал он.

— Да-да... Я чувствую... Это, вероятно, и соответствует освобождению... Впрочем, попробуем положить это немного иначе.

Она придвинула к себе толстую книгу с черными иероглифами на обложке, открыла примерно посередине, перелистнула несколько слабо шуршащих, нежных страничек, чуть поддернула рукава синего кимоно, вышитого тремя сияющими драконами.

— Вот, кажется, есть соответствующая гексаграмма...

Он, не отрываясь, смотрел на ее кукольное лицо.

— Сколько вы стоите?

— Нисколько, — сразу же, точно выражая предчувствие, сказала она.

— Что так?

— Тот, кто занимается «толкованием», не должен быть отягощен ничем конкретно-земным. Тем более, если это «низкие» биологические эмоции. Сферы открываются только абсолютно чистому человеку.

— Я не верю ни в какой астрал, — спокойно сказал он.

Госпожа Асаги прищурилась, вглядываясь в возникающую картину.

— Не верите? Да? Это не имеет никакого значения. Астрал существует, верите вы в него или не верите. Это как электричество, которое тоже никто никогда не видел. Вы же не видели электричество, так? Однако вы не сомневаетесь, что оно существует.

Она притронулась пальцами к иероглифам.

— Электричество, во всяком случае, можно измерить, — сказал он. — Есть приборы, которые показывают его наличие или отсутствие. Мы можем установить напряженность

тока или его силу. По крайней мере почувствовать — сунув пальцы в розетку. Вас хоть когда-нибудь в жизни током дергало?

— А вас когда-нибудь касался астрал? — держа на весу коричневую суставчатую соломинку, ответила госпожа Асаги. — Откуда вы знаете? Может быть, с рождения находитесь под его незримым воздействием.

Она вдруг уронила соломинку и замерла.

— Тень, — мертвящим шепотом сказала она. — Вы недавно сходили в Царство теней.

— Я же вам говорил, что уже умирал сегодня.

— Да, конечно, но я решила, что речь идет о метафорической смерти. — Госпожа Асаги, как завороженная, глядела на переплетение бамбуковых палочек. Веки ее трепетали, а на щеках появился легкий румянец. — Человек, спускавшийся в Царство теней, уже не принадлежит этому миру. Земные законы более не имеют над ним власти.

— Что это значит? — спросил он, скользя по ней откровенным взглядом.

— С точки зрения астральных энергий, это означает «полное изменение». В вас уже не должно оставаться ничего человеческого.

— Вот видите! И тем не менее, я сейчас сижу перед вами. Вы можете дотронуться до меня, если хотите. Вы можете почувствовать мое существование любым иным способом. Вы, надеюсь, догадываетесь, что я имею в виду?

Ему хотелось коснуться порозовевших щек.

И, наверное, госпожа Асаги это почувствовала, потому что откинулась в кресле и посмотрела на него с некоторым испугом.

— Нет, вы не понимаете, — как-то с трудом подбирая слова, сказала она. — Царство теней гораздо могущественнее, чем привычный нам мир земли. Жизни принадлежит только сегодняшний день, а Великое Царство теней простирается в прошлое на многие тысячелетия. Оно не имеет границ. Пределы его расширяются с каждой секундой. Потому что каждое прожитое нами мгновение неумолимо соскальзывает в небытие. Вот что такое — Царство теней. Человек, побывавший там, приобретает необыкновенную власть. Он уже живет в иных

энергетических сферах, где находится эманация свободного разума. Именно через него звездная энергия космоса идет к земле. Именно через него астрал приходит в нижние круги мироздания. Он — связь между существованием и несуществованием. Он — то, с чего создаются все земные подобия...

Госпожа Асаги смотрела на него, как завороженная. Неожиданно положила руки на стол и склонилась, коснувшись лбом цветных бамбуковых палочек. Иссиня-черные волосы ее были сплетены в два сложных узла и разделены на затылке молочно-белым прибором.

— Вы это серьезно? — несколько иронически спросил он.

Затрещала толстая оранжевая свеча на боковом столике. Снова тенькнули и зазвенели на разные голоса хрустальные переливающиеся подвески. Точно неощутимое дуновение прошло по комнате.

Госпожа Асаги торжественно выпрямилась.

— Приветствую того, кто пришел, — сказала она слабым голосом. — Склоняюсь пред тем, чем неверным подобием я являюсь. Предаю себя в руки того, кто выше меня.

Несколько секунд она глядела на него расширенными зрачками, а потом встала и, потянув сзади большой желтый шелковый бант, распустила на кимоно пояс.

Почти вся территория Западных штатов и большая часть Восточных были окрашены в светло-коричневые, как подтаявшее мороженое, зыбкие, переливающиеся цвета. Судя по всему, обстановка здесь постепенно нормализовалась. Сыграло роль, вероятно, и так называемое «Соглашение о взаимных зачетах», что позволило хотя бы на первых порах преодолеть катастрофический «кризис неплатежей», и неоднократно переданное средствами массовой информации заявление президента и глав крупнейших банков страны о «режиме оплаты» и о сохранении на всей территории США «единого экономического пространства», и решение о введение с третьего числа сего месяца «нового доллара», жестко привязанного к курсам основных евро-азиатских валют, и совместное заявление правительств Мексики, Японии и Канады о возобновлении в связи с этим главных линий кредитования. И

хотя многокилометровые очереди к отдельным еще работающим супермаркетам практически не уменьшились и порог «кредитного максимума», то есть суммы товаров, отпускаемых единовременно за наличный или безналичный расчет, в результате был увеличен всего на тридцать процентов, что едва-едва покрывало необходимые жизненные потребности, все-таки понемногу становилось ясным, что нижняя точка кризиса, скорее всего, преодолена, катастрофы не будет и ситуация в «Северной зоне» действительно стабилизируется. Среди вялых коричневатых тонов уже угадывались кое-где слабые светло-зеленые; ядовито-угольные расплывы сохранялись лишь в очень мелких и, видимо, рассасывающихся зыбких образованиях, непрерывный синюшный бордюр, опоясывающий это пространство, почти исчез, а вокруг Вашингтона, еще недавно стиснутого темным скопищем клякс, ныне проступала веселая травяная жидкая кашица. Вероятно, федеральный округ Колумбия вернулся к жизни.

Гораздо хуже дела обстояли на Юге и Юго-Западе. «Свободная Экономическая Конфедерация» в рамках 1861 года, провозглашенная представителями Южных штатов, собравшимися в начале июля на Ассамблею в г. Монтгомери (штат Алабама), и объединившая, несмотря на широковещательные декларации, всего семь из первоначально планировавшихся тринадцати штатов американского Юга, оказалась как государственная система нежизнеспособной и фактически прекратила свое существование уже через месяц. Президенту Обмейеру, «Цезарю нашей эпохи», как о нем с неумеренными восторгами возвестил ряд южных газет (признанному, впрочем, даже далеко не всеми делегатами Ассамблеи), не удалось наладить за это время реально работающий правительственный механизм, кредиты, обещанные некоторыми арабскими странами, в частности, Саудовской Аравией, Иорданией и Кувейтом, вопреки всем клятвам и обещаниям так и не поступили, «новое экономическое сообщество», едва возникнув, утонуло в море фатально неразрешимых проблем, и «южный доллар» с портретом генерала Ли на синеватой банкноте обесценивался быстрее, чем его успевали печатать.

С теми же трудностями столкнулось и так называемое «Независимое государство Калифорния», объявившее испан-

ский своим вторым официальным государственным языком и поспешно начавшее печатать не обеспеченное ничем «калифорнийское песо».

В результате на территориях Юга и Юго-Запада США большей частью преобладали коричневые, тревожно меркнущие, некротические оттенки. Причем время от времени они сливались в чуть закипающую, как кисель, легко подвижную, струящуюся, однородную массу, вздымались бурым протуберанцем, который обнажал их до дна, немного закручивались и устремлялись в сторону евро-азиатского континента. Где-то над океанской гладью этот мощный протуберанец раздваивался, образуя змеиный язык, колеблющийся в высоких астральных потоках, и одна его часть, свиваясь жгутами, сворачивала и направлялась к Китаю, по мере приближения высветляясь и приобретая солнечное сияние, а другая, гораздо более темная, но тоже как бы сияющая, точно ливневый дождь, орошала Западную Европу. И он знал, что там, где странное сияние это соприкасается с черными, но кипучими, как муравейники, выпуклостями жаждущих мегаполисов, оно тут же превращается в деньги, впитываемые всеми порами банков и промышленных предприятий, немедленно растворяется в них, расходится, словно радиоактивные соли, и, начиная фосфоресцировать от нового дыхания жизни, перекрашивает карту астрала в зеленые, радостные цвета. Именно так это все, по-видимому, и происходило, так это было задумано, и изменить здесь что-либо было уже нельзя.

Из офиса он сначала позвонил домой и, как всегда, без подробностей, коротко сообщив о том, что приехал, прослушал такой же краткий обзор событий за время своего отсутствия.

Ничего существенного за это время, с его точки зрения, не случилось. Демчик неожиданно разленился и нахватал троек в четверти, что для него было, в общем, не характерно. Расслабился, вероятно, Демчик к концу учебного года. А Мариша, служившая до недавней поры примером тихости и послушания, начала водить к себе парня, которого жена считала категорически неприемлемым.

— Лохматый какой-то, — сообщила она встревоженным голосом. — Никогда толком не поздоровается, сразу — шмыг

в комнату, и — музыку на полную мощность. Один раз постучалась к ним — дверь изнутри заперта. Скажи, пожалуйста, ну зачем ей в шестнадцать лет запираться?

Все это были, разумеется, пустяки. За Демчика, сколько бы троек он там ни схватил, можно было не опасаться. Парень, в целом, толковый, соображает, что ему надо. Никаких сомнений, что тройки в ближайшее время будут исправлены. Слишком уж Демчик самолюбив, чтобы мириться с тройками. А что касается тревог по поводу запертой комнаты, то когда еще девушке и начинать знакомиться с жизнью. Шестнадцать лет – это, знаешь, самое подходящее. Ты в шестнадцать лет ты, наверное, уже вовсю целовалась. Ну, на всякий случай прочти ей лекцию о контрацептивах: как и что, и откуда в принципе берутся дети. Хотя я лично думаю, что она это все уже давно знает. В школе проходят. Главное, не слишком переживать по этому поводу.

В таком же духе он ответил и на некоторые другие вопросы. Жене он сочувствовал: все ее нынешние тревоги проистекали только из непрерывного одиночества. Он последнее время добирался до дома всего два-три раза за месяц, и ей просто нечем было заполнить образовавшуюся пустоту. Не на работу же ей выходить в самом деле. Иногда он даже подумывал, что надо бы, если уж так оборачивается, купить ей любовника. «Массажиста», «тренера по гимнастике», как это теперь называется. Именно так уже поступили некоторые из его деловых приятелей. «Массажист» — это, пожалуй, был бы хороший выход. Но, во-первых, опасно подпускать к себе слишком близко постороннего человека. Через «массажиста» могла потечь на сторону весьма ценная информация. Например, о его рабочем графике на ближайший месяц. А во-вторых, он все же не мог преодолеть в себе некоторую брезгливость. Как это, значит, опять-таки совершенно посторонний мужик будет заниматься чем-то таким с его Валентиной? И ей, что же, это будет до некоторой степени нравиться? Атавизм, разумеется, однако его от подобных предположений явственно передергивало. Что-то здесь было такое, по-видимому, не слишком чистое. Как-то это не соответствовало прозрачным «высоким» энергиям, струящимся по астралу.

Поэтому жене он лишь сдержанно сообщил, что и в этот приезд добраться до дома, скорее всего, не успеет, освободиться от дел сможет только где-то в районе полуночи, а уже в шесть тридцать утра у него опять самолет в Западную Европу. Нет смысла ради трех-четырех часов ехать через весь город. Он лучше выспится у себя, иначе завтра не будет ничего толком соображать. Зато на следующей неделе у него есть «окно» в целых три дня, и он клятвенно обещает, что все эти три дня проведет только дома. Нет-нет, можешь не сомневаться, никаких накладок не будет.

Затем он вызвал Касима и поинтересовался, есть ли какие-нибудь новые данные по Гонконгу. Тамошний эпизод с покушением его очень обеспокоил. В самом деле, кто, собственно, мог догадываться, что он там собирается появиться? Поэтому он с чрезвычайным вниманием выслушал сообщение, сделанное Касимом, также кратко отметил, что, несмотря на истекшие двое суток, результатов в этом деле практически никаких, продвижения нет, не намечено до сих пор даже сколько-нибудь убедительной версии, секунды четыре подумал и, пошевелив в воздухе пальцами, вынес решение:

— Знаешь, что, дорогой, оставь это дело.

— Уважать не будут, — быстро, словно ожидая чего-то подобного, ответил Касим.

— Пусть не уважают. Сейчас нет смысла распылять силы. Ты меня понял?

Касим склонил голову:

— Хорошо.

— Кстати, как там вопрос с Южным банком?

Глаза у Касима блеснули.

— Вопрос решен. — Он, точно фокусник, выхватил откуда-то сегодняшнюю газету и расстелил на столе. — Вот, пожалуйста, уже официальная информация...

На второй полосе под заголовком «Очередное заказное убийство» сообщалось, что председатель правления «Южно-Сибирского торгового банка», некто Коротеев А. Г., также входящий в правление нескольких других крупных акционерных обществ, был вчера утром застрелен при выходе из своей квартиры. Предполагаемому убийце (или убийцам) удалось

беспрепятственно скрыться. На месте преступления обнаружен пистолет иностранного производства. Расследование ведут сотрудники регионального управления МВД. По предварительным данным, убийство гражданина А. Г. Коротеева связано с его коммерческой деятельностью.

Он удовлетворенно кивнул и отодвинул газету.

— Кто будет вместо него?

— Ломейкин, — сразу же ответил Касим.

— Отлично. Надеюсь, следов никаких?

— Следов не осталось, — выдержав паузу, твердо сказал Касим.

Далее он просмотрел последнюю контрольную сводку. Сведения по движению основных капиталов стекались в офис практически непрерывно, так же непрерывно они суммировались — для этих целей существовали две сменных группы — и три раза в день подавались ему в виде особой таблицы. Сегодняшние данные свидетельствовали о первых подземных толчках. Заколебалась, причем весьма ощутимо, Токийская биржа, и, вероятно, это было следствием его позавчерашней встречи в пригороде Гонконга, возникла легкая паника на биржах Нью-Йорка и Лондона — индексы ценных бумаг понизились там сразу на несколько пунктов, дрогнули даже консервативные биржи стран Скандинавии началась распродажа акций крупных промышленных предприятий, а что касается традиционно лабильных финансовых центров Малайзии и Латинской Америки, то буквально первые же известия о неустойчивости мировых евро-американских валют породило на них тайфуны, опустошившие до пределов как частные, так и государственные резервы. Теперь следовало ждать отдачи эха этого катаклизма по всему неустойчивому пространству мировых финансовых операций. Вопрос, вероятно, двух-трех недель, в крайнем случае месяца.

Все это привело его в хорошее настроение. Жизненная энергия, накопленная в высоких сферах, неудержимо перетекала в Сибирь и Западную Европу. Оставалось лишь быстро сомкнуть в единую денежную агрегацию, и тогда прозрачные сферы астрала опять придут в равновесие. Ну, это как раз будет не самое трудное.

Он, минуя секретаря, набрал номер на трубке сотового телефона, не здороваясь и не называя себя, звонким голосом сказал в пустоту: — Я приехал, — подождал примерно минуту, пока иссякнет сдавленный панический шепоток на том конце связи и, дождавшись, ответил все тем же командным, не допускающим возражений голосом:

— Не торопитесь, я вас очень прошу, с этими выводами. Все идет, как намечено, и, видимо, приведет к требуемым результатам. Сейчас самое важное — не делать лишних движений. Буду у вас минут через сорок. Тогда и поговорим.

После чего положил трубку на стол и мгновения три-четыре сидел, удерживая на лице странную, будто приклеенную улыбку.

Сердце у него стукало спокойно и ровно.

Голова была ясной, и он твердо знал, что ему сейчас нужно делать.

Пропуск у него был, как всегда, выписан к Вердигаеву, но у самого Вердигаева, он, конечно, задерживаться не стал: поздоровался с секретаршей, которая уже знала, что ему назначено, прошел в кабинет, где за обширным столом сидел человек, составленный как бы из двух кожистых надутых шаров — один побольше, представляющий собой раздутое тело, а другой поменьше, образующий голову с налепленными на нее раковинами ушей, снова сдержанно поздоровался, подождал, пока Вердигаев крикнет: Леночка, меня полчаса ни для кого нет!.. — и через другую дверь, расположенную в противоположном конце кабинета, вышел в сумрачный коридорчик, где две тусклых лампочки в начале его и в самом конце едва-едва очерчивали давно не ремонтировавшиеся пол, потолок и стены.

Отсюда он поднялся по лестнице на следующий этаж, где опять попал в коридорчик, являющий собой точную копию предыдущего, с теми же двумя тусклыми лампочками, еле тлеющими в полумраке, и, открыв еще одну дверь, очутился в комнате, залитой грязноватым солнечным светом.

Комната эта использовалась, вероятно, как подсобное помещение, по углам ее громоздились швабры, рейки, обрезки труб, перемотанные старой проволокой, стояло посередине

перевернутое ведро, застеленное куском обоев, и на ведре, нахохлившись, точно больная птица, сидел человек в не соответствующем обстановке дорогом сером костюме. Темно-вишневый галстук, уходящий под белый жилет, запонки на манжетах, строгие лакированные ботинки.

Он увидел вошедшего и торопливо поднялся. Коротко прошипела в банке с водой брошенная туда сигарета. Человек, впрочем, тут же достал из яркой пачки другую и, мгновенно блеснув зажигалкой, втянул и без того хилые щеки.

— Более-менее получается, — торопливо, словно боясь, что его сейчас перебьют, сказал он. — Весь пакет действий должен быть официально одобрен уже на следующей неделе. Во всяком случае, он поставлен в план работы правительства. Сначала — первая его часть, снимающая все ограничения с перемещения капиталов, а затем и вторая, где мы, согласно договоренности, отказываемся от жестко фиксированных общенациональных тарифов. В принципе, это уже согласовано со всеми заинтересованными сторонами. Возражают лишь энергетики — опасаются безвозмездного перекачивания энергии из своих сетей. Ведь реальных договоров на фьючерсные поставки у нас нет? Энергетики не очень себе представляют, как это все будет происходить. Однако если выход электроэнергии станет и в самом деле жестко регламентироваться, энергетики тоже, по крайней мере, сейчас, подписываются под соглашением. Весь вопрос только в том, когда пойдут первые деньги.

— Деньги пойдут с понедельника, — уверенно сказал он. — К вечеру четырнадцатого числа они появятся на соответствующих счетах.

— Тогда все в порядке, — сказал человек в сером костюме. — Первый пакет проходит. Здесь можно не сомневаться. К концу месяца весь этот координирующий механизм заработает. Но вот что касается предложенного вами второго пакета...

Он опять затянулся, и щеки снова ввалились. Сигаретный белесый дым, казалось, впитывался в него без остатка. Во всяком случае, на выдохе ничего видно не было.

— Что такое?

— Нет-нет, и здесь целенаправленная работа, конечно, тоже ведется. Готовится мнение, создаются внутри аппарата соот-

ветствующие интересы. Конформация общественного сознания для нас исключительно благоприятна. Все жаждут дел, и все жаждут хоть какого-нибудь конкретного результата. Продвижение есть, мы уже получили два весьма положительных заключения от экспертов...

— Тогда в чем дело? — холодно спросил он.

Человек в сером костюме передернул плечами и, похлопав себя по карманам, достал новую сигарету.

Цвет лица у него был какой-то землистый.

— Слишком уж это все, на первый взгляд, необычно, — сказал он. — «Открытый суверенитет», отказ от исторически признанной территории, границы, которые без документов может пересечь каждый желающий, свободное перемещение денег, товаров и информации. На практике это означает фактическое уничтожение государства. Главное, непонятно, каким образом будет осуществляться реальная власть. Видимо, из Москвы она сместится к мировым финансовым центрам...

— Ну и что? Почему вас это волнует?

— Они нас сожрут, — с отчаянием сказал человек в сером костюме. — Понимаете, я ночью проснулся и вдруг увидел всю эту картину. Мы ведь уже давно не относимся к числу великих держав. Мы, несмотря на размеры, довольно слабая и технологически неразвитая страна. И нам нечего, в общем, будет противопоставить этой экспансии. Лет через пять, через десять мы станем просто сырьевой территорией...

— Ну и что? — опять холодно и как-то высокомерно спросил он.

Человек в сером костюме ужасно заторопился.

— Нет-нет, я понимаю, конечно, что сырьевыми или аграрными территориями станут в конечном счете многие страны. Большинство, вероятно; это – процесс, исторически неизбежный. В мире вновь начинается разделение на рабов и господ.

— Боитесь оказаться среди рабов?

— Мне не нравится, что решения принимают в каком-то, извините, астрале.

— При чем здесь астрал? — он даже слегка вздрогнул.

— Ну, в тех сферах, которые недоступны обыкновенному человеку. Астрал в данном случае — просто иносказание. Вы

там что-то решаете, а нам после этого — жить или не жить. Неприятно, когда такой вопрос решает кто-то вместо тебя.

— Скажите прямо, что вас беспокоит?

Несколько долгих мгновений в комнате, пахнущей краской, стояла напряженная тишина, а потом человек в сером костюме быстро мигнул и неуловимым движением вынул из внутреннего кармана сложенную четвертушкой газету. Бросилась в глаза заметка на второй полосе, отчеркнутая карандашом.

— Вы это читали?

— Читал.

— И что?

— Была проблема. Теперь она решена.

— Вот то-то и оно, — сказал человек в сером костюме. Он швырнул догоревшую сигарету в банку с водой.

— Что-то не так?

— Ну, как-то это все получается... неуютно...

В комнате опять возникла напряженная тишина. Еле слышно бурчало в трубах, и в воздухе мелко роились солнечные паутинки.

Точно сытые комары, пищали голоса этажом ниже.

Тогда он немного подался вперед, и его острый взгляд, точно букашку, наколол собеседника.

— Все правильно, — сказал он жутким, почти неслышимым голосом. — Идет новый мир, и он несет с собой новые правила жизни. Вы можете отвергать эти правила, если они вам не нравятся, вы можете игнорировать их и делать вид, что все остается по-старому, вы, наконец, можете вступить с ними в яростную борьбу, хотя лично я полагаю, что это просто самоубийство. И лишь одного вы никогда не сможете сделать: как бы вы ни старались, вы не сможете остановить время. Оно все равно приходит, и безжалостно перемалывает опоздавших.

В руках его вдруг оказалась плоская небольшая коробочка размером с ладонь, по картонным граням которой сбегали золотистые иероглифы.

— Вот, чуть не забыл. Возьмите, пожалуйста.

— Что это?

— Презент из Гонконга. Специально для вас. Древнее ки-

тайское снадобье из семидесяти высокогорных трав. Одна капля в день, и вы будто рождаетесь заново.

— Какая тяжелая, — опасливо сказал человек в сером костюме.

— Берите-берите. Флакон — наполовину из платины. — Он почти насильно вложил коробочку в ладонь собеседника. — Так когда у вас намечено следующее заседание правительства?

— Следующее заседание примерно через неделю.

— Документы успеете подготовить?

— Конечно, — сказал человек в сером костюме.

— Состав расширенный или обычный?

— Пока обычный.

— Хорошо, — он приклеил к лицу улыбку и мельком посмотрел на часы.

А потом снова глянул на человека в сером костюме.

— Ну, надеюсь, что все будет в порядке, — сказал он.

В машине он опять посмотрел на часы. Светлая минутная стрелка чуть-чуть не дотягивала до одиннадцати.

— Еще секунд сорок, — ответил он на невысказанный вопрос Касима.

— Понятно, — заметил тот и без спешки достал из кармана радиопульт с кнопкой посередине. Передвинул тумблер, по-видимому, включая питание. — Значит, так. И где он, предполагается, будет?

— В шестнадцать ноль-ноль очередная комиссия по финансам. Значит, без пяти он, скорее всего, будет один. Я как-то заходил к нему, проверял: сидит и готовится.

— Беспокоишься о других?

— Лишние жертвы — это для нас лишние хлопоты.

— Заметил, куда он «подарок» запрятал?

— Сюда, в нагрудный карман.

— В другое место не переложит?

— Да нет, не думаю...

— Тогда это верняк, — внимательно следя за часами, сказал Касим. — И все-таки зря ты, по-моему, взялся за это дело самостоятельно. Если они захотят, они тебя запросто вычислят.

— Не успеют, — сказал он, предостерегающе поднимая палец.

— Почему?

— С понедельника начнутся всякие пертурбации. Полетит доллар. Им, скорее всего, будет не до того.

— Ну, как знаешь...

— Время, — сказал он, отрываясь от циферблата.

Касим тут же кивнул и деловито нажал кнопку.

Хлопка на таком расстоянии, разумеется, слышно не было.

— Надеюсь, сработало.

— Если не сработало, я тебе голову оторву.

— Ладно, — сказал Касим. — Договорились. Тогда оторвешь.

Он еще раз, по-видимому, страхуясь, нажал кнопку на пульте. А затем перегнулся вперед и коснулся плеча шофера.

Лицо у него сразу же стало сонное.

— Оторвешь — ну ладно, и оторвешь... Поехали, Миша...

Третье покушение на него было совершено минут через двадцать. Предчувствие вышибло пот, когда машина опять втянулась в кривую узкую улочку неподалеку от офиса. Только на этот раз предупреждение, рожденное интуицией, несколько запоздало, потому что всю тесную, как пенал, проезжую часть впереди уже закупорил выскочивший откуда-то тяжелый лакированный «джип». И такой же лакированный «джип» встал поперек улицы метрах в тридцати сзади. Значит, они буквально за считанные часы перестроились и учли опыт предыдущих неудачных попыток.

Выхода из этой ловушки не было. Он крикнул: — Пригнись!.. — и согнулся так, что почти уткнулся твердым подбородком в колени. По крайней мере, теперь его защищало переднее кресло. Защита слабая, разумеется, но лучше уж слой пластмассы и поролона, чем вообще ничего. Он хорошо помнил правила поведения в таких ситуациях. И Касим, до которого тоже, по-видимому, уже дошло, помнил их нисколько не хуже. Во всяком случае, он точно также быстро и очень ловко пригнулся, выдернул из сиденья щиток, который должен бы, по идее, прикрыть их от выстрелов, поднял этот щиток так, чтоб прежде всего закрыть голову, и одновременно выставил перед

собой чудовищной толщины пистолет с коротким дулом. Насколько он знал, это была какая-то очень редкая, специальная, предназначенная для особых отрядов модель, которую Касим, обожавший оружие, доставал чуть ли не полтора года.

— Выскакиваем!.. Все — на левую сторону!..

Пискнула, точно умирающая, электронная блокировка. Дверцы машины встопорщились, как у жука, грохнувшегося о камень. Видимо, Миша-шофер тоже соображал, что следует делать. Однако никакие соображения, разумеется, помочь им уже не могли. Он рванулся и даже сумел ухватиться за толстую ручку дверцы. Пальцы вцепились в нее, пупырчатая пластмасса пружинила. Спасение, как ему показалось, было уже совсем близко: он видел асфальт, чуть скошенный для стока воды к поребрику тротуара, видел сам тротуар и за ним — распахнутую тихую черноту ближайшей парадной, видел светло-оштукатуренные стены дома вокруг нее. Он видел даже — так ему показалось — ступеньки старой каменной лестницы. Хорошо бы было очутиться сейчас на площадке третьего или четвертого этажа. Он видел все это отчетливо, как будто озаренное магнием. Он видел даже сухую твердую грязь, забившуюся в трещины камня. Или, по крайней мере, ему только чудилось, что он все это видит, потому что в ту же секунду удар страшной огненной силы подбросил машину в воздух, перевернул набок, действительно как мертвое насекомое, протащил пару метров и опрокинул вверх еще вращающимися колесами. Тонкая металлическая коробка вмялась. Лопнули стекла. Его отшвырнуло обратно в движущуюся тесноту сидений. Он успел заметить еще сыплющийся сверху колючий мусор, запрокинутое лицо Касима, на котором, будто на муляже, свивалась в жгут каждая мышца, заворачивающиеся от жара, черные, точно живые, лохмотья обшивки. Он это также еще успел каким-то чудом заметить. А затем новый удар, такой же огненный и такой же свирепый, как драконья лапа, обрушился на машину сразу со всех сторон, смял ее, крутанул, прочерчивая белые борозды по асфальту, и, безжалостно пожирая все, что еще осталось, яркой вулканической лавой вспыхнул внутри салона...

Это были минуты, всегда наступающие после оглушительной катастрофы. Нападавшие в серых комбинезонах брызнули

во все стороны и будто провалились сквозь землю. Смолкли последние распоряжения, отданные, впрочем, вполголоса. Стих проглоченный переулками шум отъезжающих автомобилей. Еще не появилась милиция, вызванная уже, вероятно, жителями ближайших домов, а сами жители, испуганные внезапной стрельбой и взрывами, по-видимому, не рисковали еще показываться наружу. Пустынна была асфальтовая весенняя улица, и пустынны взирающие на нее провалы парадных и подворотен. Никто не видел поэтому, как из стремительно прогоревшей, опять перевернутой и ставшей вновь на остатки колес машины, где и пламени, как такового, уже почти не было, а был только удушливый едкий дым, источаемый тлеющим поролоном, отодвинув изнутри зазубренные клешни металла, показалась сначала одна черная, как уголь рука, а через секунду — вторая, далее просунулось из ватного дыма нечто, напоминающее обгоревший капустный кочан, и вдруг странная, как бы спекшаяся наружной коркой фигура отделилась от коптящего остова.

Лицо у нее было тоже не по-человечески черное, остатки одежды еще вскипали на теле сажистыми пузырями, угольные разломы зияли поверх каждого движущегося сустава, и оттуда, из раскаленной, по-видимому, огнедышащей глубины исходили завитки серого дыма.

Фигура эта секунду стояла, пошатываясь, как неживая, а затем повернулась и, неуверенно переставляя ступни, двинулась через улицу. Чувствовалось, что каждый последующий шаг дается ей все легче и легче. Голова ее поднялась, сутулые обгоревшие плечи понемногу расправились, подошвы бывших ботинок перестали волочиться по мостовой, а с безвольно опущенных рук, где вразнобой, как на ниточках, покачивались длинные пальцы, постепенно переставали срываться и падать на пыльный асфальт тягучие смоляные капли...

Дома он прежде всего цыкнул на перепуганную жену, чтобы ни в коем случае не выпускала пока из комнат Демчика и Маришу: незачем детям смотреть на него в таком состоянии; заодно — чтобы не суетилась и невздумала, например, звонить в «скорую». Обойдется; пожалуйста, без лишних переживаний. Вообще — чтоб исчезла куда-нибудь и больше

не появлялась. Впрочем, пусть сначала приготовит ему какую-нибудь одежду. Затем он, оставляя черные следы на паркете, прошел в ванную, заперся и включил горячую воду.

Лег он в нее, будто в расплавленное железо. Боль была дикая, и в первый момент он чуть было не закричал во весь голос. Сдержался, в основном потому, что не хотел паники в доме, но мучительный жидкий огонь хлынул, казалось, в каждую трещинку. Не было никаких сил терпеть это. Тело согнуло дугой, будто через него пропустили ток высокого напряжения. Хуже всего было то, что он почти ничего не видел. Пальцы его судорожно скребли по белой гладкой эмали

Впрочем, продолжалось это не слишком долго. Уже где-то через минуту гремучая боль словно вывернулась наизнанку. Она не ушла совсем, но стала как будто совершенно иного рода; так немного приятно ноет и чешется рана перед окончательным заживлением. Тогда он слегка расслабился и вытянулся вдоль ванной. Сразу же четко звякнуло — это вывалились из тела впившиеся металлические осколки. Забрезжил слабый, пока еще сквозь туман, свет в глазницах. Проступили очертания ванной комнаты, одетой голубоватым кафелем. Он не знал, что именно сейчас с ним происходит, но он верил, что происходит именно то, что и должно, по идее, происходить. Перемещение свободных энергий остановить нельзя. Астрал бессмертен, и земное его воплощение будет несомненно продолжено. Жалко, конечно, Касима и жалко Мишу-шофера; он-то уж вообще ни за что попал в этот огонь. Однако не стоило чересчур беспокоиться об отдельной человеческой жизни. Человек приходит сюда, и человек отсюда уходит. Человек рождается, и человек умирает. Человек исчезает, ничего не оставляя после себя. По-настоящему вечен только астрал. Прикоснуться к бессмертию удается лишь очень немногим.

Он видел, как медленно, словно мокнущая под дождями трава, темнеет и становится бурой аура будущих «Северных территорий», — там последствия финансовой катастрофы должны были сказаться в первую очередь; как она начинает клубиться, словно торфяная вода, встревоженная подземными токами, как над ней вздымается коричневая торфяная тусклая дымка, как густеет она и как затем вытягивается в сторону океана. И как это же самое происходит в Южных и

Юго-Западных штатах. Подлинного зеленого цвета там уже не было вообще. Преобладали тона распада, которые с каждой секундой становились все гуще и гуще. Ну, не так быстро, подумал он, щурясь на слишком яркую лампочку. Не так быстро, и, вероятно, не так отчетливо. Есть еще целый месяц, а может быть, и гораздо больше.

Часы, встроенные в голубоватый кафель, показывали половину шестого. На другой стороне Земли сейчас было раннее утро. Примерно через час тот, кого называли мистером Ченом, проснется, а еще через час или полтора войдет в стеклянные двери банка. Там он отдаст несколько вполне невинных распоряжений, подпишет несколько ордеров, на первый взгляд, ничем не выделяющихся среди других, проведет рутинное совещание, где скажет пару слов о ближайших задачах, и немедленно после этого отбудет самолетом в Европу. Никто, видимо, не догадается, что случится в эти часы. Ни один человек не вздрогнет и не посмотрит с тревогой на небо. Никто-никто, вероятно, не обратит ни на что внимания. Однако именно в эти минуты бесшумно сдвинутся материки, тихий подземный гул прокатится от континента до континента, треснут и распадутся, видимо, самые основы цивилизации, и громадная селевая лавина почти незаметно тронется с места. Именно так все, вероятно, и будет. Идет новый мир, думал он, неспешно смеживая и вновь открывая веки.

В дверь ванной то ли поскреблись, то ли нерешительно постучались.

— Сейчас, сейчас! — крикнул он неожиданно звонким, как будто даже помолодевшим голосом.

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросила жена.

— Да, конечно!

— Тогда вот — одежда.

— Сейчас, сейчас!..

Следующим утром он, как и было запланировано, вылетел в Анкару, днем провел короткое, но по-деловому успешное совещание в Тегеране, на аэродроме в Дамаске он прямо у трапа подписал некоторые особо важные документы, а уже к вечеру того же дня неторопливо ехал по желтоватым, полным сухого зноя, печальным улицам Иерусалима.

ИЗГНАНИЕ БЕСА

Воздух горел. Как и положено в преисподней. И кипел смоляной пар в котлах — с мотоциклетным урчанием. Желтые волны огня бороздили пространство. Накрывали лицо. Внутри них была раскаленная пустота. Жар и сухость. Лопалась натянутая кожа на скулах. — Пить... — попросил он, не слыша себя. Где-то здесь, поблизости, должна была быть Лаура. — Воды... — В горле надсадно хрипело. Деревянный язык царапал рот. До крови — которой не было. Она превратилась в тягучую желчь и пламенем растекалась по телу. Он знал, что так теперь будет всегда. Тысячу лет, бесконечность. Пламя и желчь. И страх. И кошачьи когти, скребущие сердце. Темная фигура отца Герувима, по пояс в колышащихся лепестках огня, торжественно поднимала руки. Звенела яростная латынь. Соскальзывали к плечам широкие рукава сутаны. Жилистые синеватые локти взывали к небу. *Око свое обрати на мя, и обрету мир блаженный и вечное успокоение!*.. Небо безмолвствовало. Вместо него был дым от горящей серы. Душный, непроницаемо-плотный. Радостные свиные морды выглядывали оттуда. Похожие на полицейские вертолеты — он как-то видел такие во время облавы. Хрюкали волосяные рыла. Морщились пятачки с дырами смрадных ноздрей. Они — жаждали, они ждали, когда можно будет — терзать. Он принадлежал только им. Бог уже отступился. Они протягивали звериные крючковатые когти. Крест отца Герувима был последним хрупким заслоном.

— Пить...

Лаура была где-то рядом. Он чувствовал едкое облако ненависти, исходящее от нее. Воды она, конечно, не даст. И

отец Герувим тоже не даст воды. И никто не даст — огненное мучение никогда не закончится.

Это наказание за грех. Плач будет слезами и кровью!

Он сжался — голый и худой мальчик на грязном полу. Впалый живот дрожал под дугами вздутых ребер. Жирные, натертые сажей волосы забивались в рот. Он ждал боли, которая раздавит его, передернет корчей, заставит биться головой о паркет и, сломав горло, выть волчьим голодным, леденящим кровь воем.

Незнакомый голос громко сказал: — Подонки!.. — И второй, тоже незнакомый, сказал: — Спокойнее, Карл... — Посмотри, что они с ним сделали!.. — Карл, спокойнее!.. — Послышались шаги, множество торопливых шагов. Двинули чем-то тяжелым, что-то посыпалось на пол — тупо позвякивая. — Во имя отца и сына! — крепко сказал отец Герувим. Мальчик съежился. Но боли, вопреки ожиданиям, не было. Не было совсем. И пламя опадало бессильно. — Тебя убить мало, — яростно сказал первый. — Спокойнее, Карл... — Они все садисты, эти святые отцы!.. — Вы мешаете законоразрешенному обряду, я вызову полицию, — это опять отец Герувим. — Пожалуйста. Лейтенант, представьтесь, — властно и холодно произнес второй голос. Щелкнули каблуки. — Лейтенант полиции Якобс! Инспекция по делам несовершеннолетних. — Второй холодный голос повесил в воздухе отчетливую угрозу: — Вам известно, что экзорцизм допускается законом только с разрешения родственников и в присутствии государственного врача? — Во имя отца и сына, и святого духа... — Лейтенант, приступайте! — Но благословение господне! — воскликнул отец Герувим. — В тюрьму сядешь со своим благословением! — Спокойнее, спокойнее, Карл. Доктор, прошу вас...

Чьи-то руки осторожно подняли его, понесли, опустили на диван, скрипнувший продавленными пружинами: — Бедный мальчик... — Обыкновенные руки, совсем человеческие. У отца Герувима словно яд сочился из пальцев, после прикосновения выступали красные пятна на коже. А Лаура подкладывала ладонь, как кусок льда, — немел и тупо ныл промерзающий лоб. — Бедный мальчик, ему, наверное, месяц не давали есть... — Не месяц, а две недели, мог бы возразить он.

Или, может быть, три? Он точно не помнил. Струйкой полилась вода в запекшееся горло. Сладкая и прохладная, как сама жизнь, имеющая необыкновенный вкус. Он открыл глаза. Как много их тут было! Черные тени в маленькой, скудно освещенной комнате. В отблесках призрачного, адского, стеклянного пламени. Высокий с властным голосом, сразу чувствовалось, что этот человек имеет привычку командовать, и другой — нервно сдавливающий виски пальцами, и доктор с толстостенным стаканом, где что-то плескалось, и разгневанный отец Герувим, и Лаура, которая беззвучно разевала и схлопывала рыбий рот, и еще кто-то, и еще, и еще. Он боялся, когда сразу много людей. Много людей — это почти всегда плохо. Их было много на холме. Ночью. Светили дикие автомобильные фары. Голубой туман, будто лед, лежал на вершине. Его привела туда мать и сильно держала за руку, чтобы он не вырвался. А вокруг, точно выкопанные из земли, — стояли. Лица бледные, вываренные, но не от диких фар — просто от страха. Страха было много; он чувствовал это, и его мутило. А некоторые были, кроме того, в матерчатых балахонах. Еще страшнее — белые островерхие капюшоны с прорезями для глаз. Жевали табак. Поднимая край ткани, сплевывали едкую жижу на землю. Потом проволокли *того* — связанного, без рубашки. Босые ступни в крови, а мягкая выпуклая спина, будто свекла, — так его били. Он на всю жизнь это запомнил. Кто-то предложил хрипловато: — Давайте, подсажу мальца, пусть поглядит на одержимого... — Спаси вас и сохрани, добрый человек, — благодарно ответила мать. Он не хотел, он весь напрягался, но его все-таки подняли и подсадили. Открытый холм, залитый голубым, и на вершине — неуклюжий крест из телеграфных столбов. *Того*, со свекольной спиной, уже прикрутили проволокой к перекладинам. Свесилась голова, потянув за собой слабые плечи. Казалось, человек хочет нырнуть и никак не решается. Он смотрел, забывая дышать. Страх пучился зыбким тестом. Рядом крестились изо всех сил. И мать тоже крестилась: дрожала и вытирала с лица цыганистый пот. Возник рядом с крестом главный в сумрачном балахоне, что-то провозгласил, подняв к небу два копотных факела. Все как-то уныло запели: «Господу нашему

слава!» И мать пела вместе со всеми, прикрыв от восторга глаза. Завыло, будто в трубе, хлестануло искрами; длинный гудящий костер уперся в звезды. Стало вдруг ужасно светло. Фары выключили, и машины начали отъезжать. Заячий, тонкий, как волос, крик, вылетел из огня. Запели, как по команде, громче, видимо, чтобы его заглушить. Страх поднялся до глаз и потек в легкие. Он тоже кричал — не помня себя, бил острыми кулаками в небритую, толстую, странно бесчувственную физиономию. Приторный дым относило в их сторону...

Его спросили:

— Ты можешь подняться?

Он, опираясь на руки, сел. Кружилась мутная голова, и тек по лопаткам озноб, оттого что слишком много людей. Хотя озноб был всегда — после геенны.

Громоздкий человек в двубортном официальном костюме уронил на него взгляд — кожа и кости, живот, прилипающий к позвоночнику.

— Доктор, он может идти?

— Да, выносливый мальчик.

— Тогда пусть одевается. — И повернулся всем телом к Лауре. — Я его забираю. Прямо сейчас.

Лаура отклячила рыбью челюсть:

— Но... господин директор...

— Документы на опеку уже оформлены? — приятно улыбаясь, спросил отец Герувим. Тот, кого называли директором, посмотрел на него, как на пустое место. — Если еще документы не оформлены, то я обращаюсь к присутствующему здесь представителю власти.

Лейтенант полиции Якобс с огромным вниманием изучал свои розовые, как у младенца, холеные ногти.

— Закон не нарушен, — сдержанно сообщил он.

— Надеюсь, вы «брат наш во Христе»? — очень мягко, заглядывая ему в глаза, спросил отец Герувим.

— «Брат», — ответил лейтенант Якобс, любуясь безупречным мизинцем. — Все мы, в полиции, разумеется, «братья», но — закон не нарушен.

Нервный человек, который до этого, как от мигрени, сжимал виски, подал рубашку. Больше мешал ему — рукава не

попадали. Человек морщился, злился и усиленно моргал натертыми, красноватыми веками. Вдруг процедил неразборчивым шепотком: — Доктор, у вас есть что-нибудь... от зубной боли? — У того растерянные зрачки прыгнули на отца Герувима. — Да не вертитесь, доктор, никто на нас не смотрит. — А вы что, из этих? — еле слышно прошелестел врач. — Так есть или нет? — Я не могу, обратитесь в клинику, — сказал врач. — А ну вас к черту с вашей чертовой клиникой! — Я всего лишь полицейский чиновник, — виновато сказал врач. — А ну вас к черту, полицейских чиновников, — отрывисто бросил нервный.

У него крупно, будто в истерике, дрожали руки.

— Сестра моя, — с упреком сказал Лауре отец Герувим. — Я напоминаю о вашем христианском долге...

— Простите, святой отец...

— Я обращаюсь, прежде всего, к вашему сердцу...

Лаура растерянно теребила клеенчатый вытершийся передник.

Тогда директор раздраженно ощерился и поднял брови.

— Ради бога! Оставьте своего ребенка при себе, — высокомерно сказал он. — Ради бога! Верните задаток.

Отец Герувим тут же впился в Лауру темными ищущими глазами.

— Ах, нет, я согласна, — торопливо сказала Лаура. — В конце концов, у меня есть свидетельство об усыновлении.

— Деньги, — горько заметил отец Герувим. — Всегда деньги. Проклятые сребреники.

Улыбка его пропала, будто ее и не было на лице. Он раскрыл плоский кожаный чемоданчик, наподобие медицинского, деловито собрал сброшенные на пол никелированные щипчики, тисочки, иглы. Уже в дверях, благословляя, поднял вялую руку:

— Слава Спасителю!

— Во веки веков!.. — быстро и испуганно отозвался врач. Только он один, никто более. Директор, дернув монолитной щекой, отвернулся. Лаура кусала губы — крупными, как у кобылы, зубами.

— Я вам еще нужен? — скучая, спросил лейтенант Якобс.

— Нет, благодарю, — коротко ответил директор.

Лейтенант с сожалением оторвался от созерцания безымянного пальца.

Легко вздохнул:

— Я бы советовал вам уезжать скорее. По-моему, он вас узнал.

— Да?

— Так мне кажется.

— Ах! — громко сказала Лаура.

Вышли на лестницу. Серый свет еле сочился сквозь узкую бойницу окна. Второе окно было заложено кирпичами. Карл наткнулся на помойное ведро и выругался, когда потекла жижа.

Мальчик искривил губы.

— На лифте не поедем, — как бы ничего не заметив, сказал директор. — Не будем рисковать. Они обожают взрывать лифты.

Он оглядывался.

— Пристегни его, — посоветовал Карл. — А то убежит. Звереныш какой-то.

— Не убежит, — директор тронул мальчика за плечо. — Ты будешь жить недалеко отсюда, за городом. Там хорошее место, у тебя будут друзья. — Мальчик, вывернувшись вбок и вниз, освободился от прикосновения. — Если не понравится, мы отвезем тебя обратно домой, — пообещал директор.

Он опять как бы ничего не заметил.

— Ты меня слышишь?

Мальчик не отвечал. Тер щеку. Лаура чмокнула его на прощание дряблыми, жалостными губами, и теперь кожа, смоченная слюной, немела от холода.

— Как тебя зовут?

— Герд.

Это было первое, что он произнес — скрипучим голосом старика.

— Конечно, звереныш, — сказал Карл. — А может быть, нам и нужны такие, звереныши. А вовсе не падшие ангелы. Чтобы у них были зубы, и были когти, и чтобы они ненавидели всех, нас в том числе... Кстати, ты обратил внимание на

его голос, гормональное перерождение? М-м-м... — Он потерся подбородком о грудь, видимо, не сдержавшись. — Послушай, дай мне таблетку... летку, голова раскалывается. Что-то я сегодня плохо переношу слово Господне...

Директор протянул ему хрустящую упаковку.

— Тебе давно пора научиться жить без таблеток. Когда-нибудь прихватит по-настоящему здесь, в городе, — кончишь на костре.

Карл неожиданно крутанул головой.

— Да не хочу я учиться! — с прорвавшейся злостью сказал он. — Ты что, не понимаешь этого? Не понимаешь? Пускай они нас боятся, а не мы их.

— Они и так нас боятся, — сказал директор. — Если бы они не боялись, все было бы гораздо проще.

На лестнице шибало кошачьей мочой, жареной салакой и прокисшим дешевым супом. Неистребимый запах. Герд наизусть знал тут все треснутые ступени. Сколько раз, надломив ноги, он кубарем летел вниз, а в спину его толкал кухонный голос Лауры: — Упырь!.. Дьявольское отродье!.. — Убежать было бы здорово, вот только — куда? Везде то же самое: страх и липкие подозрения, и курящиеся приторным дымом чудовищные клумбы костров. Хорошо бы — где никого нет, на остров какой-нибудь в океане. Такой маленький, затерянный среди водной пустыни остров. Ни одного человека, лишь терпеливые рыбы...

Свет на улице был колюч и ярок. Машина с покатым туловищем жука поджидала у тротуара.

— Надеюсь, нам не подложили какой-нибудь сюрприз, — осведомился Карл, открывая дверцу. Директор кивнул ему на полицейского, который, расставив ноги, следил за ними из-под надвинутой каски. — А... блюститель, тогда все в порядке... — Машина прыгнула с места. Карл небрежно, как профессионал, доворачивал руль. — А этот, лейтенант Якобс... Он, кажется, вообще ничего. Порядочный, видимо; полицейский, и на тебе — порядочный человек. Сейчас редко кто осмелится возразить священнику. Нам бы с ним, наверное, надо...

— Я хорошо оплачиваю эту порядочность, — сказал директор.

— Платишь? Да? Я и не знал, что у нас есть связи с полицией.

— Какие там связи, — директор поглядывал в правое зеркальце, вынесенное на держателе. — Плакать хочется, такие у нас связи. То ли мы их потихонечку покупаем, то ли они нас тайком продают.

Карл сморщил извилистый, как сельдерей, заостренный нос.

— Чего я не понимаю, так это — позицию президента. Он семейный человек? Он нас поддерживает? Тогда почему?.. Все жаждут прогресса... Ты объясни ему, что это — самоубийство. Между прочим, у него есть дети?

Директор кивнул, не отрывая взгляда от зеркальца.

— За нами хвост, — напряженно сообщил он.

— Да? Сейчас проверим... — Машина, круто взвизгнув, вошла в поворот, качнувшись на двух колесах. — Сейчас увидим!.. — Снова визг бороздящих по асфальтовому покрытию шин. — Действительно, хвост. И хорошо держатся — как привязанные. Я так догадываюсь, что это — «братья во Христе». Подонки со своей дерьмовой благодатью! — Карл быстро поглядывал то вперед, то в верхнее зеркальце. — За городом мы от них оторвемся. Я ручаюсь, у нас мотор — втрое...

Громко щелкнуло, и на ветровом стекле в окружении мелких трещин возникли две круглые дырочки. Хлестнуло осколочной крошкой. Карл резко пригнулся к баранке.

— А вот это уже серьезно, — сказал директор. — Это они совсем распустились — стрелять на улице. Будь добр, притормози у ближайшего участка. Потребуем полицейского сопровождения. Обязаны дать. Ты слышишь меня, Карл?

Карл лежал на руле, и ладони его, как у сонного, тихо съезжали с обода. Машина опасно вильнула. Директор откинул его на сиденье, голова запрокинулась. Над правой бровью в белизне чистого лба темнело отверстие. И вдруг из него толчком выбросило коричневую густую кровь. — Ка-арл... — растерянно протянул директор. Свободной рукой судорожно ухватился за руль. Поздно! Машина подпрыгнула, боком развернувшись на кромке, у самых глаз прокрутились — газетный киоск, витрина, стена из неоштукатуренного кирпича. Герд

зажмурился. Грохнуло и рассыпалось. Его ужасно швырнуло вперед. Больно хрустнули ребра, сиреневые слепые круги поплыли в воздухе. Он мешком вывалился из машины. — Вставай! Да вставай же!.. — яростно дергал его директор. Лицо у него было мелко сбрызнуто кровью. Они побежали, хрустело стекло, директор немного прихрамывал. Машина их, уткнувшись в киоск, топорщилась дверцами, как насекомое на булавке. Вторая, стального цвета, затормозила, едва не врезавшись в бампер. Выскочили из нее четверо, в шелковых черных рубашках навыпуск. На груди — восьмиконечные серебряные кресты. Один тут же нелепо растянулся, видимо, обо что-то споткнувшись, но остальные трое упорно бежали за ними. Передний, не останавливаясь, вскинул сведенные руки. — Вжик — вжик — вжик!.. — чиркнули о мостовую пули. Целились они, кажется, в ноги. — Мы им нужны живыми!.. — на бегу крикнул директор. Свернул в низкую и угрюмую подворотню ближайшего дома. Проскочили один двор, другой — там на мокрых веревках хлопало от ветра белье. Женщина, испуганно растопырив локти, присела над тазом, как курица над цыплятами. Ввалились в какую-то парадную, в дурно пахнущий сумрак. — Да шевелись же!.. — совсем по-звериному рычал директор. Лестница была тусклая и крутая. Герд подумал, что если они доберутся до чердака, то спасутся. Он-то уж точно — по чердакам они его не догонят. Со двора доносились дикие возгласы, их искали. Жахнула внизу дверь, истошный голос завопил: — Сюда! Здесь они!.. — Чердак был заперт. Здоровенный пудовый замок смыкал собою две железные полосы. Герд зачем-то потрогал его. Замок даже не шелохнулся.

— Ничего, ничего, обойдемся и так, — невнятно сказал директор. Ногой, с размаху, выбил раму низенького окна. Она ухнула глубоко во дворе. Достал блестящие, никелированные наручники.

— Летать умеешь?

Герд отчаянно затряс головой и попятился.

— Пропадешь тут, — с сожалением сказал директор. Ловко поймал его твердыми пальцами и защелкнул браслет. Герд молча впился зубами в волосатое жилистое запястье. —

Ох!.. — отвратительно проскрипел директор, кривясь от боли. — Дурак ты, дурак, звереныш, не понимаешь, они же тебя убьют!.. — На лестнице, уже совсем близко, бухал каблучный бег, умноженный эхом. — Только не бойся, ничего не бойся и держись за меня. — Он перевалил Герда за подоконник, из которого жутко торчали кривоватые гвозди. Герд — рухнул, стальная цепочка тенькнула, чуть не выломав плечо из сустава. Директор немедленно протянул ему вторую руку. — На! — Герд безнадежно, как утопающий, вцепился в ладонь. Они поднимались — медленно и тяжело, над ребристой с пятнами ржавчины крышей. Далеко, на дне квадратного дворика, женщина плескала руками. — Крыша нас заслонит, — объяснил директор. — Они сюда не выберутся. — Он дышал прерывисто, и на лбу его вздулись темные вены. И текла по скуле кровь с гнилостным зеленоватым оттенком. Подтянул Герда к себе и ухватил под мышки, сцепив на груди крепкие пальцы. Ветер сносил их на другую сторону дома. Город распахивался внизу дремучим, паническим хаосом крыш и улиц.

Жгли послед черной кошки. Кошка только что родила и была тут же, в корзине, на подстилке из разноцветных тряпок, протяжно мяукала, светя ярко-зелеными жалобными глазами. Кто-то поставил неподалеку блюдечко с молоком. Трое мокрых котят, попискивая, тыкались ей в живот бульдожьими мордочками. Она вылизывала им редкую шерсть. Еще трое родились мертвыми и теперь были выложены на подносе, рядом с треногой, под которой задыхался огонь. Герду их было жалко до слез: половина, а то и больше, приплода рождалась безжизненными. — Это закономерно, говорил учитель Гармащ, трудолюбиво помаргивая. Инбридинг, близкородственное скрещивание, они ведут чистую линию уже несколько поколений, летальные мутации выходят из рецессива — следует неизбежное вырождение и смерть... Герд уже понемногу начинал разбираться в этой механике. Очень трудно, например, достается материал. Черных кошек повсеместно ловят и уничтожают. Считается, что именно в кошек черного цвета переселяются бесы. Глупость невыносимая. И точно так же

уничтожают черных свиней на фермах. А черных собак, по-видимому, вообще уже нигде не осталось. Популяция малой численности в наше время просто обречена. Кстати, сколько их тут, в санатории, человек шестьдесят, вместе с учителями? Тоже, если смотреть правде в глаза, малая популяция. Герд вчера спросил об этом учителя Гармаша, и учитель Гармаш ничего ему не ответил. Опустил глаза и ушел, болезненно сгорбившись. Нечего ему было ответить. Чистая линия. Вырождение и смерть.

Его чувствительно ущипнули сзади. — Ой!.. — Обернулись нечеловечески карикатурные рожи. Герд сразу же сделал внимательное лицо, чтобы они не смеялись. Учитель Гармаш пинцетом поднял послед над разогретой до вишневого накала решеткой: — Плацента, свойственная плацентарным млекопитающим... — Препаровальной иглой тыкал куда-то в оборванную пуповину. Он был близорук, двояковыпуклые очки его съехали на нос. Герд не слушал, он знал, что вспомнит все это, если понадобится. Притиснувшаяся Кикимора уставилась на него фасеточными, как у стрекозы, глазами. Он показал ей язык. Нечего тут подмигивать. Кикимора отвернулась, скорчив обиженную гримасу. Обезьяна! И мордочка у нее именно обезьянья! Герд ее презирал, как, впрочем, и всех остальных мартышек тоже. В спину ему отчетливым искаженным голосом прогнусавили: — Кто хочет увидеть уродство их, пусть берет послед кошки черной и рожденной от черной, первородной и рожденной от первородной, пусть сожжет, смелет и посыплет себе в глаза, и он их увидит... Или пусть берет просеянную золу, никогда же осиновую, но от березы или от ясеня, и посыплет у кровати своей, а наутро увидит следы их — наподобие петушиных... — Гнусавил, разумеется, Толстый Папа. И ущипнул его в первый раз тоже он. Герд осторожно показал ему кулак за спиной. Толстый Папа хихикнул и забубнил, опять нарочно гнусавя: — Шесть качеств имеют бесы: тремя они подобны людям, а тремя ангелам: как люди, они едят и пьют, как люди, они размножаются, и, как люди, они умирают; как у ангелов, у них есть крылья, как ангелы, они знают будущее, как ангелы, они ходят от одного конца мира и до другого. Они могут принимать

любой вид и становятся невидимыми... — Герд потряс кулаком, обещая надавать после уроков. Его задело. Правда, Толстому Папе не особенно надаешь. Он тебе сам надает так, что держись. Герд помнил, как Толстый Папа, беснуясь по случаю новолуния, плюясь жгучей слюной и выкрикивая, впрочем, не слишком опасные, заклинания, в одну секунду скрутил Поганку, который сунулся было его успокаивать. В обруч согнул — даже не притрагиваясь, одним только взглядом. А ведь Поганку не так просто скрутить. Поганка — изумительный «дремник». В два счета усыпит кого хочешь, хоть самого учителя Гармаша. Вот он и сейчас стоит у него за спиной в своей плоской, как блин, заношенной соломенной шляпе — дурацкая у него шляпа, но он ее никогда не снимает, даже ночью завязывает на подбородке специальные тесемочки; говорят, что у него под шляпой, в черепе, дырка размером с кулак, плещется жидкий мозг, но я хотел бы посмотреть на того, кто ему скажет об этом, — вот он стоит и ощупывает всех по очереди красными, как угли, глазами; узреешь такой взгляд в темноте — и дух вон; вот кто подлинный бес, вот кому бы пошептать на ухо — из Черной Книги Запрета.

Лампы дневного света гудели и чуть-чуть помаргивали. Масляные блики от них дробились в кафельной облицовке секционного кабинета. Окна были занавешены от пола до потолка плотными шторами. Директор категорически приказал закрывать окна во время уроков. Боялся, по-видимому, что могут снять их всех телеобъективом. А что тут снимать: как учитель Гармаш трясет мокрым последом? Или кривенькую рожу Кикиморы? Или Толстого Папу? Странно, что такой человек — и боится... Герда снова чувствительно ущипнули сзади. — Убью, — пригрозил он в ответ страшным шепотом. Толстый Папа хихикнул и внятно произнес: — Давка людей — от них, усталость колен — от них, что платья людей потерты — от их трения, что ноги сталкиваются — от прикосновения их пальцев... — Голос его уплывал. По углам интенсивно дымились жаровни с размолотой серой. Герд втягивал ноздрями раздражающий сухой дым. Продирало горло и восхитительно, сотнями мелких иголок, впивалось в беззащитные легкие. Раньше он жутко кашлял при этом, но посте-

пенно привык. Сера была время от времени необходима. — Физиотерапия, — объяснял на прошлом уроке тот же учитель Гармаш. Обязательные процедуры, иной тип обмена. И пить воду, настоянную на головастиках, тоже нужно, по крайней мере, один стакан в день. И жевать сырую, холодную, кладбищенскую, черную землю. Перемешав ее с толченой известкой и паутиной, взятой от пауков с крестообразными выростами на спинах. Тогда не будет расти шерсть на лице, как у Кикиморы. И расплющенные пальцы ног не собьются в твердые, костяные копыта, как у Ляпы-Теленка. Герда просто передергивало всего, когда Ляпа перед сном стаскивал круглые, особо пошитые, кожаные ботинки. Ведь, что ни говори, настоящие козьи копыта — толстые, роговые, раздвоенные, с отставленной позади косточкой. Или Крысинда опять же, на которого посмотреть — и то дрожь пробирает. Вот учитель Гармаш его поманил, и Крысинда пошел, будто гусь, при каждом шаге заваливаясь из стороны в сторону. Ему, разумеется, неудобно ходить по линолеуму на птичьих лапах. И, конечно, всегда уж так получается, что Крысинда оказывается перед глазами. Трудно не заметить такое, мордочка у него — острая, серая, с усиками, действительно, как у крысы, ушки изнутри розовые, стоят торчком, а на спине, выше макушки, — горбы черных, кожистых крыльев, вздрагивающих перепонками. Вылитый вампир; и зубки у него — плоские, режущие, как у вампира. Правда, сейчас половина зубов у Крысинды отсутствует. Выбили Крысинде зубы на ферме, где он проживал. Угораздило его, видите ли, начать превращаться на ферме. Фермеры — все тупые, грязные, оскотинившиеся в своей глуши. И главное, что неприятно, верят напропалую. Били Крысинду насмерть, осиновыми кольями. Всем уже известно, что против вампиров осиновые колья — самое надежное средство. Или уж — по серебряной пуле в каждый глаз. К счастью для Крысинды, у них там, на фермах, серебро в большом дефиците. Его Поганка, полуживого, коченеющего уже от потери крови вытащил из оврага. У Поганки прямо-таки сверхъестественное чутье на своих. Шатался тогда по дорогам, от одной фермы к другой, попрошайничал, показывал нехитрые фокусы с гипнозом, заговаривал свищи, ломоту в

костях, зубную боль. Его тоже били, но редко — он умел уходить, когда становилось опасно. И вот не побоялся, полез в овраг — в крапиву, в жилистую лебеду, в сырой змеевник. Спасибо Поганке: не вздыхал бы Крысинда по ночам печальными вздохами и не держал бы сейчас в когтистых руках бронзовые щипцы с последом черной кошки. Вот Крысинда, глупец, не хочет жевать землю, и у него — крылья. Нет, уж лучше пусть будет кладбищенская кисловатая грязь, пусть с души воротит, пусть слабость потом и испарина по всему телу, зато — никаких аномалий, крепкий устойчивый фенотип. Хотя учитель Гармаш считает, что дело тут не только в превентивной химиотерапии, а в том еще, и прежде всего, насколько ты пропитался так называемой благодатью. Очень трудно потом вытравить благодать. Кладбищенская земля тут мало чем помогает. И сок белены — тоже, и ядокорень, и даже вода с головастиками. А порошок из пауков-гнилоедов не помогает вообще. Зря Кикимора жрет его за обедом целыми ложками. Давится, чавкает за столом, противно сидеть рядом. Ей бы не этот вонючий порошок лопать, а натереться ядом Королевы змей. Сильная это штука — яд Королевы змей. Пожалуй, самое действенное из всего, что известно учителю Гармашу. Даже фиолетовые бородавки, которыми обязательно, каждое воскресенье, за десять верст чувствуя колокольный звон, с ног до головы покрывается Толстый Папа, можно было бы вывести. И свести конскую гриву у Буцефала. И размочить копыта у Ляпы-Теленка. Средство, говорят, изумительное, правда, где его нынче достанешь — яд Королевы змей. Королева выползает из своей норы один раз в год, в полнолуние, когда небо чистое и три рубиновые звезды цветком распускаются над горизонтом. У нее золотое кольцо на горле, под капюшоном. Девять черных кобр охраняют ее. Надо знать слово, чтобы пройти между ними, и надо знать еще одно слово, чтобы Королева не глянула тебе в глаза, и надо знать третье слово, чтобы она плюнула ядом в чашу из малахита. Поганка хвастает, что знает такое слово. Дед ему якобы рассказал перед смертью. Дед у него был знаменитейший чернокнижник. Врет, разумеется, знал бы слово, давно бы сбежал отсюда куда подальше. Никакая благодать была бы ему не

страшна. Герду повезло, между прочим, что он не пропитался благодатью до такой степени. Вовремя его нашли. И кстати, нашел не кто иной, как тот же Поганка. Директор иногда берет его с собой в город. Единственного из всего этого проклятого санатория. Они ездят по улицам, Поганка смотрит и говорит: — Вон тот... — Никогда не ошибается. И хорошо, как выяснилось теперь, что нашли. Потому что еще два-три месяца, и начал бы у него расти коровий хвост с кисточкой, или кожа — лупиться на твердую чешую, как у ящериц, или прорезалось бы еще одно веко над пупком, как, например, у Трехглазика. Тогда — все, тогда — точно костер. А сейчас ему ничего подобного не грозит. Сейчас у него даже кровь нормальная. Брали на той неделе, доктор сказал, что редко у кого видел такую нормальную кровь: коричневую с зелеными эритроцитами. Просто отлично, что эритроциты в крови уже зеленые. Это значит, что перерождение завершилось, благодать на него не сойдет. Благодать уродует только тех, кто еще полностью не устоялся. Пытается повернуть развитие вспять. Отсюда — тератогенез, фенотипические аномалии. Здесь было что-то связанное с биополями. Что-то невероятно сложное, Герд не понимал до конца, не хватало знаний.

Пламя в треноге фыркнуло и зашипело. Он и не заметил, как Крысинда бросил туда мокрый послед. Черная тряпочка извивалась на раскаленных прутьях, и во все стороны от нее летели продолговатые тонкие искры. Точно электрический разряд. Впрочем, наверное, это и был разряд. Никто ведь толком не знает, что представляют собой все эти наговоры и заклинания. Какой-то, вероятно, специфический вид энергии. Дышать стало легче; как после грозы, очистился воздух. Учитель Гармаш делал ладонями быстрые круги над треногой, и после каждого пасса зеленоватое пламя потрескивало. Герд ждал, что будет. И все ждали — в обморочном нетерпении. Замирая, дымилась сера на широких жаровнях. Крысинда с тихим шорохом развернул крылья. У Поганки загорелись малиновые глаза, как индикаторы у приемника. — Не гляди, дурак! — бешено прошептали сзади, толкнули, Герд обернулся в неожиданно прорвавшейся злости. Прямо в лицо ему уткнулась гигантская жабья морда, изъязвленно-болотная, со

слизью в складках студенисто-глянцевой кожи. Выпученные глаза мигнули, подернувшись на секунду белесыми пленочками. — В землю смотри, дурак! Сожру с костями!.. — Герд оторопел. Он никак не мог привыкнуть к подобным метаморфозам. Когда это, понимаете, Толстый Папа успел превратиться? У жабы надувалась и втягивалась пятнистая кожа на горле. Она так дышала. Где-то впереди звонко заверещала Кикимора. Вдруг — подпрыгнула, схватилась цепкой рукой за портьеру и по-обезьяньи проворно, помогая себе хвостом, полезла вверх. У Герда, точно при высокой температуре, менялось зрение. Стены секционной заколебались и стали будто из толстого бутылочного стекла. Он мутно увидел сквозь них расплывчатое блеклое небо, тени гор, площадку перед домом, посыпанную пережженным песком. По площадке прошел директор с кем-то ужасно знакомым. С кем именно, не разобрать — просто две, как под водой, изменчивые фигуры. — Смотри, дурак, в землю! Ослепнешь, дурак!.. — квакнула жаба. Герд поспешно, вспомнив наставления учителя Гармаша, опустил глаза. Здесь в самом деле можно было ослепнуть. Пол был тоже прозрачный, он видел двутавровые железные балки и перекрытия. Теневыми контурами выделялись в земле — обломки камня, полуистлевшие щепочки, комки бурой ржавчины. Под извилистым корнем дерева шевелилось что-то, небольшое и темное, наверное, крот. Слабая резь, как от бессонницы, разогревала веки. Он знал, что долго это не продлится; сеанс не более тридцати секунд. Очень сильная концентрация, можно свихнуться, случаи уже были. Крысинда, панически шурша крыльями, носился под потолком, задевал стены, срывал плакаты с изображением анатомии человека. Поганка, склонившийся над треногой, редко и глубоко вдыхал зеленоватое пламя, а потом, разогнувшись, выдыхал обратно длинные трепещущие языки. Кто-то залаял по-собачьи, кто-то перекатил угрожающе низкий тигриный рык. Сразу два петуха разодрали воздух серебряным криком. Веки болели сильнее, Герд щурился и смаргивал едкие слезы. Оставалось уже совсем немного. Учитель Гармаш высоко вскинул руки, как бы уминая пространство, шевелил пальцами, успокаивал, снимал напряжение. Сейчас все закон-

чится. — Дурак! Глаза береги! — снова квакнула жаба. Герд только отмахнулся, не глядя. Сейчас-сейчас-сейчас!.. Ему никогда в жизни не было так весело.

«Были арестованы две женщины. Их обвинили в том, что с помощью дьявола они вызывали град. На третий день обе, после суда, сожжены. В Трирской области иезуит Бинсфельд сжег триста восемьдесят человек. Иезуит Эльбуц в самом Трире — около двухсот. В графстве Верденфельде с февраля по ноябрь казнили пятьдесят одну ведьму. В Аугсбургском епископстве шестьдесят восемь — за любовную связь с дьяволом. В Эльвангене сожгли сто шестьдесят семь ведьм. В Вестерштеттине — более трехсот. В Эйхштете — сто двадцать две...»

Из открытого окна библиотеки виднелись синеватые, как на картинке, далекие горы. Меж зазубренных пиков белела во впадинах и на склонах глазурь, вспоротая темными венами рек. Снег в горах таял, и пенистый, мутный поток, переворачивая валуны, низвергался в долины. Даже сюда долетала его водяная свежесть. Дышалось легко. Можно уйти в горы, лениво подумал Герд. Там не найдут. И кому это надо меня искать? Построю шалаш над рекой: трава, горячие камни, маки цветут. В реке против течения стоит форель. Ее можно руками выбрасывать на берег. Отражается солнце. Журчит вода в перекатах. Ничего, проживу... А здесь, по-видимому, все скоро рухнет. Частный санаторий для туберкулезных детей. Жалкий обман, который никого не обманывает. Я один знаю, что здесь все скоро рухнет. Больше никто не знает. У меня какое-то десятое чувство. И я не могу предупредить никого, потому что не знаю — когда и как.

Он безо всякой охоты перелистнул страницу. Солнце падало на раскрытую книгу, и отглянцованная бумага слепила. Будто муравьи шевелились в строчках мелкие буквы. Генрих Институрис и Яков Шпренгер; булла Иннокентия VIII, «Суммис дезидерантис». «Не без мучительной боли недавно узнали мы, что очень многие лица обоего пола пренебрегли собственным спасением и, отвратившись от истинной веры, впали в плотский грех с демонами, и своим колдовством,

заклинаниями и другими ужасами, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, на хлебные злаки и плоды на деревьях, равно как портят мужчин и женщин, сады и луга, пастбища и нивы, и все земные произрастания...» Генрих Институрис представлялся ему похожим на отца Герувима — высокий, худой и яростный. А Шпренгер, напротив, — голубоглазым толстячком с пухлыми губами, голая, в складках жира, голова которого лоснится, будто намазанная вазелином. «В городе Равенсбрюке не менее сорока восьми ведьм в течение пяти лет были нами преданы огню...»

С площадки под окнами доносились громкие голоса. Толстый Папа показывал свой коронный номер. Он присел на корточки — этакая квашня раскоряченная, и на него взгромоздились сразу человек восемь, цепляясь кое-как друг за друга. — Встаю!.. — загудел Толстый Папа. И вдруг — поднялся, вроде бы даже не напрягаясь. — У-у-у!.. — загудел кто-то. — Ах, ах, ах!.. — тоненько и восторженно запищала Кикимора. У нее задралась юбка, обнажив тощие, будто швабра, икры. Розовая кайма трусиков. Герд неприязненно отвернулся. Под сопящей кучей-малой упирались в землю слоновьи ноги Толстого Папы.

Чья-то тень упала на ослепительную страницу. Герд вздернул глаза и тут же вскочил, как ошпаренный.

— Здравствуйте, — сдержанно сказал он.

Директор еле заметно кивнул. Как всегда — будто не Герду, а кому-то за его спиной. Зато Карл рядом с ним был явно в приподнятом настроении.

— Здравствуй, звереныш, — весело откликнулся он. Потрепал Герда по голове, шутливо прищелкнул пальцами по макушке. — Как дела? Говорят, показываешь зубы?

— Да, — сказал Герд.

И Карл убрал руку.

— Ого!..

Герд пялился на него без стеснения. Это его он видел вчера с директором, на площадке, сквозь якобы прозрачную стену. Но он вчера не поверил. Он слишком хорошо помнил,

как из дырочки в чистом лбу выплеснулась на переносицу коричневая густая кровь. Теперь на этом месте было сморщенное пятно размером с двухкопеечную монету.

Так он живой или нет?

— Как смотрит, — тем временем сказал Карл директору. — Как смотрит, ты только погляди, — настоящий волчонок.

Директор несколько брезгливо взял в руки увесистый кожаный том. — «Молот ведьм», — бросил его обратно на стол. Перевернул обложку второй, раскрытой книги. — Вальтер Геннингсгаузен «Подлинная история дьявола». — Сказал, почти не двигая презрительными губами: — Интересуешься? Есть более свежие данные...

«В графстве Геннеберг были сожжены сто девяносто семь ведьм. В Линдгейме после трех церковных судов — тридцать. В Брауншвейге ежедневно сжигали человек по десять – двенадцать. «В то время, как вся Лотарингия дымилась от костров, в Падеборне, в Бранденбургии, в Лейпциге и его окрестностях совершалось также великое множество казней. Епископ Юлиус за один только год сжег девяносто девять ведьм. В Оснабрюке сожгли восемьдесят человек. В Зальцбурге — девяносто семь. Фульдский судья колдунов Бальтазар Фосс говорил, что он сжег семьсот людей обоего пола и надеется довести число своих жертв до тысячи»...

Деликатно ступая на паркет заскорузлыми сапогами, вошел с веранды человек в брезентовом комбинезоне на лямках и остановился поодаль, стискивая в кулаке яркую кепочку.

На него оглянулись.

— Я вижу, вы подумали, Глюк, — сухо сказал директор.

Человек помялся, но упрямо выставил вперед обветренный подбородок.

— Прошу прощения...

— Я вас, разумеется, не держу, Глюк, — сказал директор. — Вы можете покинуть санаторий когда угодно. Ведь вы уходите? Зайдите в бухгалтерию и получите — сколько там причитается...

Образовалась короткая пауза.

Глюк перекрутил кепочку, как будто хотел ее порвать.

— Конечно, спасибо вам, господин директор, — ответил он наконец. — И вам тоже, господин Альцов, убили бы меня тогда, если бы не вы... Да только сдается, что лучше бы мне не брать этих денег... Вы уж простите, но только говорят, что нечистые это деньги...

— В каком смысле? — резко спросил директор.

— В том, простите, что обрекают потом на страдания вечные...

Директор, не выдержав, отвернулся.

— Жарко, — сказал он, демонстративно обмахиваясь ладонью.

Человек в комбинезоне для него уже не существовал.

— А вы знаете, Глюк, что вас ждет дома? — очень тихо спросил Карл.

Глюк кивнул, и глаза его на обветренном деревенском лице вдруг просияли.

— Так ведь три года прошло, господин Альцов... У меня там жена оставлена и ребятишки. Что же хорошего — врозь... Пойду прямо в церковь, патер Иаков меня с детства знает, я ему яблони подстригал каждое лето... Грех на мне? Ну, грех — отмолю как-нибудь...

Они молча смотрели, как Глюк неторопливо вышел из дома, постоял на солнце, по-видимому, чтобы в последний раз оглянуться, вздохнул полной грудью, натянул кепочку, а затем пересек площадку, обсаженную по краям горными кактусами, и открыл чугунную калитку в углу.

Карл быстро потер сморщенное пятно на лбу.

— А ты почему не играешь вместе со всеми, звереныш? — спросил он.

«Фома Аквинский писал: „Демоны существуют, они могут вредить своими кознями и препятствовать плодовитости брака... По попущению божию они могут вызывать вихри в воздухе, подымать ветры и заставлять огонь падать с неба". В Ольмютце было умерщвлено несколько сот ведьм. В Нейсе за одиннадцать лет — около тысячи. Есть описание двухсот сорока двух казней. При Вюрцбургском епископе Филиппе-Адольфе Эренберге были организованы массовые сожжения: насчитывают сорок два костра и двести девять жертв.

Среди них — двадцать пять детей, рожденных от связей ведьм с чертом. В числе других были казнены самый толстый мужчина, самая толстая женщина и самая красивая девушка»...

— Ты почему не играешь с ними? Ты их презираешь, звереныш? — Карл снова поднял руку, чтобы потрепать Герда по голове, не решился, и ладонь нелепо зависла в воздухе. — Напрасно ты их так ненавидишь. Они не злые, они всего лишь несчастные. Просто тебе повезло, тебя не успели изуродовать... Не смотри на меня волком. Это — правда. Мы все тут такие, и с этим ничего не поделаешь...

Частые, тревожные свистки донеслись с площадки. Директор высунулся в окно, и Карл тоже — из-за его плеча. Свистел, конечно, Поганка, он надувал дряблые щеки и, как плетьми, размахивал руками над головой: — Скорее!.. Скорее!.. — Все тут же побежали, сталкиваясь. Крысинда упал, его подхватили. Топот ботинок прокатился по коридору, рассыпался и затих — вразнобой хлопнули двери.

— Опять, — мрачно сказал директор. Не оборачиваясь, нетерпеливо, с костяным звуком пощелкал пальцами. Карл сунул ему в ладонь короткий бинокль, наподобие театрального, и вдруг стремительно выбросил вдаль указательный палец — как выстрелил:

— Вот они!..

Откуда-то из-за гор, из синей дымки, покрывающей ледники, медленно, будто в кошмаре, вырастала черная точка. Распалась на зрительные детали. Стал виден хвост, оттопыренные шасси, полупрозрачный круг винта над кабиной. Вертолет, лениво накренившись, вошел в поворот над зданием санатория.

— Мне это не нравится, — сказал директор, отнимая бинокль от глаз.

— Гражданский? — уточнил Карл. — Если гражданский, шарахнуть бы его из пулемета.

— Да, частная компания.

— Почему бы военным в таком случае не дать нам охрану?

— Мы их не интересуем, — сказал директор, слушая удаляющийся шум мотора. — Ты же знаешь, у них своя группа, засекреченная, и они не хотят работать с детьми.

— Но ведь есть же страны, где ароморфоз осуществляется постепенно, безболезненно и практически всеми!..

Директор резко повернулся к нему крупным телом.

— Попридержи язык.

— А что? — немедленно спросил Карл.

— Я тебе советую никогда и никому не говорить об этом...

«В Наварре судом инквизиции было осуждено сто пятьдесят ведьм. Их обвинили две девочки: девяти и одиннадцати лет. Архиепископ Зальцбургский на одном костре сжег девяносто семь человек. В стране басков казнили более шестисот ведьм. Во Франции сожгли женщину по обвинению в сожительстве с дьяволом, в результате чего она родила существо с головой волка и хвостом змеи. Профессор юриспруденции в Галле Христиан Томмазий сосчитал, что до начала просвещенного восемнадцатого века число жертв инквизиции превысило девять миллионов человек. Сожжения продолжались и позже»...

— Санаторий скоро разрушат, — внезапно сказал Герд. Он не хотел говорить, но его словно толкнули. — Санаторий разрушат, и мы все погибнем.

Голос был, как всегда, по-старчески сипловатый.

— Верьте мне, пожалуйста, верьте!.. Я не знаю, как объяснить это, но я — чувствую...

Пару мгновений директор внимательно изучал его, а потом дернул щекой и тут же, чтобы не повторилось, прижал ее пальцами.

— Еще один прорицатель, — сказал он устало и без всякого удивления. — Странно. Откуда вы только беретесь? — Немного подумал, отпустил щеку, провел по ней языком изнутри. Посмотрел на Карла. — Вот что... Глюк ведь пройдет через Маунт-Бейл?

— Да, — с запинкой, очень не сразу ответил Карл.

— Позвони туда... Только не от нас, на станции слушают наши переговоры. Позвони из поселка кому-нибудь из «братьев», так будет надежнее. Анонимный звонок не вызовет подозрений...

— Мы же обещали, — быстро и нервно, отводя глаза в сторону, напомнил Карл.

— Ну нельзя ему домой, нельзя, — морщась, сказал директор. — Ты думаешь, что мне очень хочется? Он же расскажет — и кто мы, и где мы, и чем тут занимаемся... А потом его все равно сожгут. Лучше уж тогда «братья» — сразу и без вопросов.

Он упорно глядел на Карла, а Карл, в свою очередь, на него — побледнев и, по-видимому, утвердившись в своем решении.

Пауза, казалось, никогда не кончится.

Директор не выдержал первый.

— Ладно, я тогда сам позвоню, — сказал он, пошевелившись и тем сняв напряжение. — Ладно. Не надо. Живи с чистой совестью.

Вышел, и через две секунды басовито заурчал мотор. Знакомая серая, похожая на жука машина выкатилась из гаража. Заблестела на солнце свежей, после ремонта, краской.

— Пойти напиться вдрызг, — задумчиво сказал Карл. Вдруг заметил Герда, который, подрагивая, жался в углу — глаза, как две сливы. Привлек его сильной рукой, уже без страха. Герд неожиданно всхлипнул и, как щенок, тыкнулся в грудь. А Карл именно, как щенка, потрепал его за ухо.

— Ничего, такая уж у нас жизнь, звереныш...

«Женевский епископ сжег в три месяца пятьсот колдуний. В Баварии один процесс привел на костер сразу сорок восемь ведьм разного возраста. В Каркасоне сожгли двести женщин, в Тулузе — более четырехсот. Некий господин Ранцов сжег в один день в своем имении, в Гольштейне, восемнадцать колдуний. Кальвин сжег, казнил мечом и четвертовал тридцать четыре виновника чумы. В Эссексе сожжено семнадцать человек. С благословения епископа Бамбергского казнили около шестисот обвиняемых, среди них дети от семи до десяти лет. В епархии Комо сжигали более ста ведьм ежегодно. Восемьсот человек было осуждено сенатом Савойи...»

Ночью он, как от толчка, проснулся. Потолок был в серых тенях, точно обметанный паутиной. Сияла в окне луна, и мертвый отблеск ее подергивал инеем синеватые простыни.

Множественные мелкие звуки бродили по спальне. Печально вздыхал Крысинда, уткнувшийся в подушку на соседней кровати. Кто-то, наверное, Толстый Папа, ворочался и бормотал, подшлепывая губами. Кто-то сопел, кто-то сдерживал сонные слезы и хлюпал носом. Стрекотало невидимое насекомое. У дверей на округлом столике светился коренастый гриб лампы.

Буцефал, конечно, отсутствовал. Он, наверное, бродил сейчас по двору и, шалея, наслаждаясь редкостным одиночеством, жевал камни, забыв обо всем на свете.

Герд сел, как подброшенный, задыхаясь. Редко чмокало сердце, и кожа по всему телу сбивалась в плотненькие пупырышки.

Что это было?

...Ногтями скреблись в окна и показывали на пальцах бледному, расплющенному лицу — пора! Они сразу же шагали в ночь, им не нужно было одеваться, они не ложились. Жена подавала свечу, флягу и пистолет, крестила на счастье. Воздух снаружи пугал горным холодом. Горные вершины протыкали небо, от края до края усыпанное тусклыми углями. Вскрикивала сумасшедшая птица: — Сиу-у!.. — отдавалось эхом. Сбор был назначен на площади, перед местной церковью. Там приглушенно здоровались, прикасаясь к твердым полям шляп. Вспыхивал говорок, тут же рассыпаясь на кашель и натужное хмыканье. Торопливо закуривали, кое-кто уже приложился и теперь отдувался по сторонам густым винным духом. Вышел священник и взгромоздился на специально поставленный для этого табурет. Свет из желтого дверного проема положил от него на землю узкую тень. Проповедь была энергичной. Все и так было понятно. Господь пребывал среди них и дышал вместе с ними пшеничной водкой. Прикладывался к той же фляге, попыхивал такими же сигаретами. Зажгли свечи — будто стая светляков опустилась на площадь. Обвалом ударил вверху колокол: буммм!.. Священник благословил; пошли — выдавливаясь с площади в тесную улицу. Она поднималась в гору, к надрывным звездам. Кремнисто, будто зачарованная, посверкивала под луной. Герд видел разгоряченные лица, повязанные на шею платки, кресты на смоленых шнурах поверх матерчатых кур-

ток. Они проходили сквозь него, точно призраки. Он сидел на кровати в ночной длинной рубашке, босой и дрожащий, а они выныривали из мрака один за другим. Процессия духов: шляпы, комбинезоны, тяжелые сапоги. Казалось, им конца не будет, столько их на этот раз собралось...

Он торопливо, подгоняемый сердцем, хватал одежду. Стискивал зубы, уронил на пол ботинок и — замер, чутко прислушиваясь. Все было тихо. Почмокал во сне Крысинда — летал, наверное, и ловил мышей. Да в непроизвольной тоске замученно вздохнул Ляпа-Теленок. Более — ничего. Надо было скорее бежать отсюда. Герд дергал и дергал запутавшиеся, как назло, шнурки. Порвал наконец и связал обрывки узлом. Встал — кровати парили в умопомрачительном лунном свете. Пол, затоптанный днем, казался серебряным. — Ну и пусть, так даже лучше... — не открывая глаз, сказал Толстый Папа. Герд вдруг засомневался — ведь он их больше никогда не увидит. Но он же предупреждал их. Он ни в чем не виноват. Он предупреждал, а его не захотели слушать. И он вовсе не собирается пропадать здесь вместе со всеми.

Дверь была очерчена угловатой пентаграммой. Постарался, разумеется, Буцефал, чтобы не шастали взад-вперед, пока он филонит на свежем воздухе. Малиновая окантовка горела, как аргоновые трубки в рекламе. Герд, толкая пятернями, прошел через нее с некоторым усилием. Он уже неплохо умел проходить через пентаграммы. Ничего особенного — словно прорываешь тонкий полиэтилен. Пентаграмма — это для новичков или для слабосильных, как, например, Ляпа-Теленок. Невидимая пленочка чавкнула, замыкая дверной проем. На желтом, яблочном пластике пола сидел мохнатый паук. Он был величиной с блюдце — расставил кругом себя шесть хитиновых лап, покрытых колючками. Шевелились пилочки жвал, и на них влажно мерцали темные слюнные выделения. Герд с размаху пнул его ногой в брюхо. Паук шмякнулся плоским телом о стенку и заскреб когтями по пластику. Пауки, между прочим, нападают и на людей. Яд их смертелен, так, по крайней мере, считают. И рассказывают жуткие истории о съеденных заживо в горных пещерах: паук за ночь бесшумно затягивает вход паутиной, которую не берут никакие ножи,

и затем просто ждет, когда добыча ослабеет от голода. А еще говорят, что они опустошают даже небольшие деревни. Поганка в своих странствиях раз набрел на такую: сквозь булыжник пробивается нехоженая трава, и дома от земли до крыши оплетены мелкоячеистой сетью. Потом лупил через лес, рассказывал, пока совсем не задохся.

Конечно, нас ненавидят, истребляют, как волков или как крыс, переносящих чуму. Потому что мутагенез усиливается именно в нашем поле. Там, где много одержимых, например, в санатории, обязательно происходит взрыв мутаций. И тогда появляются пауки размером с блюдце, или гекконы, которые выедают внутренности у коров и овец, или мокрицы, могущие проточить фундамент дома, как мыши сыр. В общем, разумеется, ничего странного...

В коридоре горели всего две лампы — одна в начале и другая в самом его конце. А между ними провисала потусторонняя темнота. Вынырнул из нее второй паук и потащился следом. Я не человек, вот он и не нападает, мельком подумал Герд. Хотя пауки, как ни странно, на меня все-таки реагируют. Значит, еще сохранилось во мне что-то от человека. На других, на Поганку, скажем, они вовсе не обращают внимания. Он спустился по лестнице на второй этаж. В окне, будто нарисованные белилами, застыли фосфорические седые горы. Шалаш у реки — это, конечно, глупость. И вообще все глупость, зря он это затеял. Бежать ему некуда, разве что в вечную мерзлоту Антарктиды. Но и толочься здесь, дожидаясь местной Варфоломеевской ночи, тоже глупо. Тогда уж проще сигануть с крыши прямо на дворовой булыжник. Покончить сразу со всем.

Кто-то пошевелился в углу лестничной клетки. Буцефал? Нет, старина Буцефал сейчас во дворе, слюнявит щебенку. И Поганка, который иногда тоже наводит порядок, дрыхнет без задних ног. А учителя, так вовсе носа не высовывают по ночам: метаморфоз у взрослых протекает мучительно — и галлюцинации у них, и невозможные боли, и обмороки.

— Ты куда собрался? — спросили из темноты тонким, девчоночьим голосом.

Герд чуть не подскочил от досады.

Надо же — Кикимора. Она-то что делает тут в такое время?

— Уходить собрался? — маленькая коричневая рука уперлась ему в грудь, пальцы, как у мартышки, лоснились короткой шерстью. — Я так почему-то и думала, что ты сегодня захочешь уйти. Я почувствовала тебя и проснулась. Я тебя все время чувствую, каждую минуту, где бы ты ни был. Учитель Гармаш говорит, что это — биполярная телепатия. Мы с тобой составляем пару, и я — реципиент... Интересно, а ты меня чувствуешь?..

Пищала она на редкость противно..

— Пусти, — с ненавистью сказал Герд.

Кикимора дернула стрекозиными, покрывающими лоб глазами.

— Ты мне очень нравишься — нет, честное слово, правда... Наши прозвали тебя Рыбий Потрох, потому что у тебя кожа — холодная. И вовсе она не холодная. Они тебе просто завидуют. Потому что ты похож на настоящего человека. Ты мне сразу же понравился, с первого дня, я теперь каждую твою мысль улавливаю...

— Вот надаю сейчас по шее, — нетерпеливо сказал Герд.

— Куда тебе идти и зачем? Подумай... Тебя убьют, я видела, как убивают таких — кольями или затаптывают. Нет у тебя места, где жить. Ты хоть и похож на человека, а все-таки наш, они это поймут сразу...

Герд шагнул, но она загородила лестницу, цепко держа его за рубашку. Уходили драгоценные секунды. Скоро — рассветет.

— Дура, я тебя из окошка выброшу, — сказал он торопливо. — Я тебе морду разобью, оборву космы, пусти, макака! Руку тебе сломаю, если не пустишь!

Никак не удавалось ее оторвать. Гибкие и вместе с тем жесткие пальцы скрутили ткань намертво. Она прижала его к перилам. Герд безуспешно отталкивался: — Иди ты, знаешь куда!.. — Вдруг почувствовал, как вторая рука, горячая, меховая, ловко расстегнув пуговицы, проскользнула ему на грудь. И тут же Кикимора, привстав на цыпочки, толстой трубкой вытянув губы, поцеловала его: — Не уходи, не уходи,

пожалуйста, не уходи!.. — Пахло от нее кошками или чем-то таким же. Герд, не глядя, изо всех сил, ударил локтем и одновременно — коленом, стараясь угодить в мягкий живот, и потом еще кулаком сверху — насмерть. Кикимора мешком шмякнулась в угол. Так же три минуты назад шмякнулся паук в коридоре. Герд — подался, выставив перед собой сведенные кулаки.

— Ну что, еще хочешь?

— О... о... о!.. — простонала Кикимора, слепо шаря ладонями по полу и по стене. — Какой ты глупый... сумасшедший... Не уходи, пожалуйста, я умру тоже... Почувствую твою смерть, и сразу — всё...

Герд сплюнул, не слушая. И чуть ли не до крови проскреб губы ногтями.

Она его поцеловала!

Кошмар!

— Если пойдешь за мной, я тебе ноги выдерну, обезьяна!

— О... о... о... Герд... Мне больно...

Кажется, она плакала. По едва заметным ступеням Герд скатился вниз, к выходу. Просторный вестибюль был темен и тих. Он прижался к ноздреватой стене из древесных плит. Прислушался. Вроде бы она от него отстала. Хватило ей, значит. Но все равно, надо бы подождать пару минут. Постоим немного, не может же он вывалиться вместе с ней в объятия Буцефала.

Надо ждать, говорил Карл — еще там, после вертолета, в библиотеке. Терпеть и ждать. Затаиться. Никак не проявлять себя. Нам требуется просто выжить, чтобы сохранить наработанный генофонд. Это будущее человечества, нельзя рисковать им, нельзя растрачивать его, как уже было. Ты же знаешь, ты читал в книгах: процессы ведьм, инквизиция и костры — сотни тысяч костров, сумеречное от копоти небо Европы. Около девяти миллионов погибших — как в первую мировую войну от голода, фосгена и пулеметов. Оказывается, религия — это не только социальный или психологический фактор. Религия — это еще и строгая регулировка филогенеза. Это — адаптация. Общий механизм сохранения опреде-

ленного вида. Мы ломали голову, почему человек больше не эволюционирует, мы объясняли это прогрессом и возникновением социума: дескать, биологическое развитие завершено, теперь развивается общество. Глупости; просто человечество охраняет себя как вид, консервируясь и жестко элиминируя любые физиологические отклонения. Наверное, это правильно. В истории известны случаи, когда народы в силу особых причин проскакивали, к примеру, рабовладельческий строй или от ранне-племенных отношений — рывком — переходили прямо к индустриальным (правда, как учит та же история, ценой утраты индивидуальности), но никогда не было ни одного государства, ни одной нации, ни одного племени без религии. Природа долго и тщательно шлифовала этот социогенетический механизм, тьму веков — от каменных идолов палеолита до нынешнего экуменизма, от родовых тотемов, хотя бы формально враждебных друг другу, до вселенских соборов и непогрешимости вещающего с амвона. Конечно, вслепую — природа вообще безнадежно слепа, эволюция не имеет цели, нельзя искать в ней смысл, это приводит к провиденциальности, и, тем не менее, подобный механизм все-таки создан. Более того, он прочно вошел в структуру общества. Это экстремальный механизм биологического сохранения человека. Посмотри, какой ураган поднялся за последние годы на континенте. Мрак и ветер, вакханалия метафизического пуританства. Разумеется, это не просто так: механизм включается на полную мощность тогда, когда, сдвинутая напором истории, колеблется генетическая основа «человека разумного», когда утрачено представление о границах вида и когда возникают предпосылки нового скачка эволюции. Например, в европейском средневековье, известном религиозным безумием. Или сейчас, когда, видимо, осуществляется вторая попытка. А может быть, и далеко не вторая. Ничего не известно. Наверняка уже что-то такое случалось в прошлом. Ислам, буддизм, конфуцианство, зороастризм древних персов — совсем нет данных, мы только начинаем их понемногу осмысливать. Причем, самые крохи, которые лежат на поверхности. Мы не знаем, почему благодать, например, действует на одержимых и как именно она на них действует, мы не знаем, почему

нам противопоказаны евхаристия, крещение и прочие святые таинства, мы работаем, разумеется, есть лаборатории, программы, ведущиеся уже многие годы; не хватает химиков, не хватает генетиков, не хватает вообще квалифицированных специалистов — специалисты просто боятся к нам идти, мы лишь недавно установили, что сера — атрибут дьявола — облигатна в некоторых дыхательных процессах: у нас иная цепь цитохромов — двойная, это колоссальное преимущество, но именно потому нам необходимы лимфа ящериц и глаза обыкновенных пятнистых жаб — там содержатся незаменимые аминокислоты, это понятно; однако мы до сих пор не знаем, почему колокольный звон, например, приводит к потере сознания и припадкам эпилепсии, иногда с летальным исходом. Требуется время для исследований, и потому надо ждать. Надо выжить и понять самих себя — что мы такое. Прежде всего — нас очень мало. Нас невероятно мало в этом огромном мире. Несколько санаториев, разбросанных по враждебной стране, несколько закрытых школ, секретные военные группы, частные пансионы — искры в ночи, задуваемые чудовищным ураганом. Ты прав: малая популяция обречена, в конечном счете, на вырождение, и тем не менее, мы должны попробовать, мы просто обязаны: а вдруг нынешняя трагедия — это последний всплеск великого преображения, нам никогда больше не представится возможность идти дальше, вдруг теперешний вид хомо сапиенс — тупик эволюции, остановка, постепенная деградация, как когда-то с неандертальцами, и если мы сейчас отсечем ветвь, которая слабой, еще зеленой почкой набухает на дереве, то в ближайшем будущем, захлебнувшись в отходах собственной цивилизации, исчерпав генетические возможности вида и утратив элементарную жизненную активность, мы исчезнем так же, как и они — навсегда с лика земли, память о нас останется лишь в виде хрупких и пыльных находок в мертвых, заброшенных обитателями, погребенных временем городах.

Тишина была в вестибюле, как впрочем, и на всех этажах санатория. Обычные шорохи ночи: поскрипывания какие-то, загадочные дуновения. Кикимора наверху, по-видимому, успокоилась. Герд толкнул тугую стеклянную дверь и оказался

снаружи. Вымороченная луна светила меж двух острых пиков. Двор походил на озеро — стылый и будто наполненный ртутью. Как базальтовая скала, лежала в нем изломанная тень здания. Скрипел под ногами песок, рвалось дыхание. Казалось, что за ним следят изо всех окон.

— Гуляешь? Самое подходящее время, чтобы гулять, — сказал Буцефал.

Откуда он только взялся? Вроде бы не было никого и вдруг — стоит, ноздри на конце вытянутой морды раздуты, уши, как у жеребца, прядают в густой гриве.

— Говорю: чего сюда вылез?

— Ухожу, — тихо ответил Герд.

— Куда, позволь поинтересоваться?

— Куда-нибудь...

Буцефал поднял зажатый в кулаке плоский камень, откусил — смачно, с продолжительным хрустом, как яблоко. Начал жевать, и камень запищал, перемалываемый зубами.

— Ну и правильно, — с набитым ртом неразборчиво сказал он. — Давно, знаешь, пора. Я так сужу: на кой черт ты нам сдался, Рыбий Потрох?.. Тоже — человек, у тебя, небось, и кровь — красная? — Оглядел Герда с ног до головы лошадиными, неприязненными глазами. — Мы тут все конченые, нам другого пути в жизни нет, а ты виляешь — то к нам, то к ним. Лучше, конечно, тебе уйти. Ребята — злые, могут получиться из этого огромные неприятности. В общем, задерживать тебя не буду... — Он искривился, видимо, раскусив горечь, сплюнул, будто пальнул, кремневой жеваниной. Она шрапнелью хлестнула по облицовке стены. — Тьфу, гадость попала... А это еще с тобой кто?

Герд даже оборачиваться не стал. Вздулись желваки — все-таки прокралась, мартышка, мало ей было на лестнице.

— Я так понимаю, что это Кикимора, — высказался Буцефал, нюхая чернильную тень. — Как хочешь, а Кикимору я с тобой не выпущу. Пропадет девчонка, жалко ее. Тебя, извини, мне не жалко, хоть ты удавись, Потрох. А Кикиморе среди людей ни к чему, да и не сможет она.

— Я все равно убегу, — тоненько сказала Кикимора, невидимая в нише фасада.

Буцефал испустил совершенно конское тягучее ржание:

— От кого ты убежишь? Ты от меня убежишь? Ну — насмешила... — Распахнул калитку, муторно проверещавшую железными петлями. — Давай, Рыбий Потрох, собрался уходить — не томи. Только, знаешь, ты обратно сюда не возвращайся, не надо. Запомни эти мои слова: тебе здесь будет очень нехорошо, если вернешься...

Сторонясь лошадиной морды, бочком-бочком Герд проскочил в калитку. По другую сторону остановился и перевел дух, обошлось. А могло и не обойтись, Буцефал зря говорить не будет. Дорогу вниз словно облили льдом — такая она была светлая. Кусты на склонах казались приготовившимися к прыжку зверями. Через Маунт-Бейл он, конечно, теперь не пойдет. Он же не идиот, он знает, что его ждет в городе. Директор туда позвонит. Или даже сам Карл позвонит туда. А вот на половине спуска есть, говорят, тропочка в обход долины, узенькая такая тропочка, ниточка, одни козы по ней, говорят, и ходят...

Сзади бешено завозились, и придушенный голос Кикиморы прошипел: — Пусти, мерин толстый... — Ну, не дергайся, не дергайся, дурочка... — это уже Буцефал. — Пусти, говорю, мерин. Убери лапы!.. — Можно было не беспокоиться, от Буцефала действительно еще никому вырваться не удавалось. Необыкновенная горная тишина закупоривала уши. Тысячи ярких звезд сверкали и предвещали свободу. Океаном прохлады, вмещая в себя весь мир, открылась ночь, и на дне ее, видимая так ясно, что Герд даже вздрогнул, извиваясь удавом, ползла вверх, к санаторию, колонна из переливающихся огненных точек. Он сначала не понял, но вдруг догадался, что это свечи, которые держат в руках.

И сейчас же, ослабленный расстоянием — дзинь! дзинь! дзинь! — наплыл колокольный звон из долины.

Герд отступил на шаг.

— Ну, чего ты стоишь? — отрывисто сказал Буцефал за спиной. — Или ты хочешь, чтобы я кликнул нашего общего Папу? Он тебя закопает где-нибудь неподалеку...

Огненный удав упрямо повторял извивы дороги. Герд, как зачарованный, видел: платки, кресты на шнурочках, шляпы...

Хоровод призраков. Грубые и веселые лица.

Спасения уже не было.

— Они идут, — упавшим голосом сказал он.

Моталось и выло разноцветное пламя — горели реактивы. Красные, синие, зеленые фейерверки, взрываясь, вылетали из окон. Лабораторный корпус пылал, будто новогодняя елка. Его закидали термитными шашками, когда колонна еще не подошла к санаторию. А потом передовая группа «братьев» побежала к главному зданию, чтобы продолжить работу, и полегла на площадке перед ним, все пять человек, раскиданные автоматным огнем. Ветер трепал черные шелковые рубашки с нашитыми на плечах крестами.

— Они идут, — упавшим голосом повторил Герд.

На него никто не обратил внимания. Только директор, как ужаленный, обернулся и пару мгновений соображал — кто бы это мог быть.

Затем тряхнул головой.

— Ты ляг, ляг на пол, — снова опускаясь на корточки, сказал он. Показал нетерпеливой рукой — мол, ляг вон там и лежи. Тут же отвернулся к Поганке, который, расставив колени и страшновато сведя к переносице малиновые зрачки, привалился в углу между бронированным сейфом и шкафом: — Ну напрягись, я тебя очень прошу!.. — Я напрягся, — не шевеля губами, как лунатик, ответил Поганка. — Бесполезно, там никто не подходит. — Ну включись в другой номер. — Я звоню по обоим сразу. — Ну, тогда попробуй муниципалитет. — Хорошо, — ответил Поганка, — попробую держать все три номера. — Челюсть у него отвисла, слабые щеки ввалились, бескровный язык, как тряпочка, свисал из мокрого рта.

— Хорошо, хоть дым не в нашу сторону, а то задохнулись бы, — сказал Карл. Он прижался с краю от распахнутого окна, уставя вниз автомат. И еще трое учителей, тоже с автоматами, одетые кое-как, стояли у других окон. Герд их не знал, они вели занятия в младших классах. — Ты присядь, присядь все же, звереныш, а то заденут, — посоветовал Карл. — А еще лучше — уходи к остальным, они в

физкультурном зале. Может, и отсидитесь. Не хочешь? Тогда ложись. И не расстраивайся, звереныш, мы все это знали, уже давно знали, ты здесь не один такой прорицатель, я не хуже тебя чувствую...

— Представляешь, что мне ответили, когда я позвонил в Маунт-Бейл? Ну — по поводу Глюка, — вновь обернувшись, сказал директор. — Они мне ответили: «Не беспокойся, парень, он уже горит, твой чертов родственничек. А скоро подожжем и тебя — со всем отродьем».

Карл вытер нос, оставя под ним следы черной смазки.

— А ты думал? Они же нас наизусть выучили... — Выдвинулся из проема и быстрой очередью прошил во дворе что-то невидимое... — Перелезть сюда хотел, гад... Эй, кто-нибудь! Киньте мне еще магазин!

— Я звоню... Никто не подходит... — бесчувственно сообщил Поганка.

Герд, как ему было велено, лежал на полу. Звенело в ушах, и глаза начинали болеть от беспощадного света. «Братья» еще в самом начале повесили над санаторием четыре мощные «люстры», и они, выжигая тень, заливали окрестности мертвенным, ртутным сиянием. Он уже немного жалел, что вернулся. Надо было немедленно, как только увидел огненного удава, бежать в горы. Сейчас он был бы уже далеко. А теперь — что? Теперь он тут погибнет вместе со всеми.

Сильно пахло какими-то незнакомыми едкими химическими веществами. Пол подрагивал, как будто по первому этажу разгуливало стадо слонов. Снаружи непрерывно кричали — в сотни здоровенных глоток.

— Нам сейчас требуется хороший шторм, — заметил директор. — Или даже ураган — баллов этак в двенадцать, с дождем и молниями. Чтобы всю нечисть отсюда выскребло... Фалькбеер! Как там у нас насчет урагана?

— Мы делаем, делаем, — раздраженно отозвался один из учителей, голый по пояс, с веревкой, пропущенной через петли, по-видимому, треснувших джинсов. — Что вы от меня хотите? Я тащу циклон с самого побережья.

Директор на него уже не смотрел. Он смотрел на дверь, бабахнувшую по стене, словно от динамита. Привалившись совершенно без сил к косяку, давя в грудь ладонями, словно

для того, чтобы не лопнуло сердце, стоял там учитель Гармаш в рабочем балахоне и тапках на босу ногу, открывал рот — беззвучно и часто, как когда-то Лаура.

— Полицейский участок Маунт-Бейл слушает, — абсолютно чужим, спокойным и громким голосом сказал Поганка. Директор тут же отчаянно замахал руками на учителя Гармаша: Молчи! Молчи!.. — Алло, полицейский участок Маунт-Бейл... — Полиция? — торопливо подался вперед директор. — Говорит директор и главный врач санатория «Роза ветров». Мы подверглись нападению вооруженных бандитов! Прошу немедленно выслать сюда ваших людей и по экстренной связи передать сообщение на базу ВВС в Харлайле... — Он перевел дыхание. — Алло, говорите, я вас не слышу, — тем же громким и чужим голосом повторил Поганка. — Полиция! Полиция! Это санаторий «Роза ветров»! — закричал директор. — Алло, у нас неисправен аппарат, — сказал Поганка. И, по-видимому, очнувшись, добавил уже своим голосом: — Повесили трубку.

— Вот подлецы! — с большим чувством сказал директор.

— Обычная история, — снова проведя пальцем под носом, ответил Карл. — Они пришлют патрули, когда все уже будет кончено, а потом свалят на аварию в телефонной сети.

Директор немного подумал.

— Можешь напрямую соединиться с Харлайлем? — спросил он.

Поганка развел малиновые зрачки:

— Чересчур далеко...

Учитель Гармаш наконец набрал в себя достаточно воздуха.

— Мы не смогли пройти... — мятым, неразборчивым голосом сообщил он. — Дорога на Маунт-Бейл перекрыта... У них там автоматы и святая вода... Поставили переносной алтарь напротив ворот... У детей — судороги... Два класса все же пытаются сейчас отойти в горы... Повела Мэлла... но там, куда они двинулись... там тоже стрельба... — Пуля, наверное из окна, впилась в притолоку над его головой. Учитель Гармаш даже не дрогнул веками. — Боюсь, что наткнулись... «братья во Христе»... замучились... не пробиться...

Директор все еще, как грибник, сидел на корточках. На него поглядывали, но, кажется, уже без особой надежды. Герд почувствовал, что лежать дальше глупо, и тоже сел.

В конце концов решение было принято.

— Сколько у нас летунов? — спросил директор.

— Шестеро, не считая тебя.

— Всех — на крышу!

— «Люстры», — напомнил Карл.

Директор повернул голову:

— Фалькбеер!..

Полуголый учитель вздохнул и выпрямился, явно нехотя. Кожа его лоснилась, как Герд заметил, а из петли джинсов свисала на двуцветном шнуре небольшая золотая печатка.

Директор сказал очень вежливо:

— Фалькбеер, уберите свет — прошу вас...

Что-то глухо и сильно ударило внизу, в вестибюле. Здание покачнулось, перебрав кирпичи, стронутое чуть ли не до сердцевины. Фалькбеер деловито перезарядил автомат и, ни слова не говоря, не поглядев даже, убрался из комнаты. — Вот и нет Фалькбеера, — сказал тут же один из учителей. — Он заговоренный от пуль, печать видел? — возразил второй. — Это ему не поможет. — Наоборот, отлично действует, жаль я, дурак, не заговорился, когда предлагали. — Посмотри, — сказал тогда первый учитель. — Что это? — Серебро. — Аргентум? — Они стреляют в нас серебряными пулями. — М-да, тогда конечно, — разочарованно сказал второй учитель. — Так что соображай... — Интересно, кто все же их надоумил?..

Герд видел, как первый учитель бросил расплющенную пулю в окно. Серебро... его подташнивало от одного этого слова. Директор опять безжалостно теребил Поганку: — Попробуй, не так уж далеко, они снимут нас вертолетами... — Ба-бах!.. — вдруг оглушительно лопнуло в небе. Град жестоких осколков чесанул по крыше. За стеной санатория бешено, как припадочные, закричали. — Ба-бах!.. Вжик-вжик-вжик!... — лопнуло еще раз. — Молодец Фалькбеер, сразу две люстры вырубил, — сказал Карл. Свет теперь шел только откуда-то из-за здания. Четкие, как на фотографии, тени

располосовали двор. Слепящий туман померк, выступили абрисы гор и бледные, равнодушные звезды между ними. — Есть Харлайль, только побыстрее, — измученным голосом сказал Поганка. — Харлайль? Дайте полковника Ван Меера, — захрипел директор. — Полковник Ван Меер слушает! — Алло, Густав, срочно вышлите звено вертолетов к «Розе ветров». Надо снять шестьдесят человек. Срочно! Почему молчите?.. — Свист помех, завывания, воспроизведенные обморочным Поганкой. А потом тот же голос, но уже значительно тише: — Мне очень жаль, Хенрик... — Алло, Густав, что вы такое несете? Пять транспортных вертолетов к «Розе ветров»!.. — Очень жаль, Хенрик, но час назад сенат принял закон об обязательном вероисповедании. — Они с ума сошли! — Если бы я даже отдал такой приказ... — Густав! В конце концов нас тут убивают!.. — Опять завывания, хрипы... — Мне жаль, Хенрик, но поступило специальное распоряжение командования ВВС...

Директор от возмущения прикрыл глаза.

— Больше не могу, — обычным человеческим голосом сказал Поганка. Обмяк, как тряпичный, соломенная шляпа сползла на лоб, глаза помутнели.

Один из учителей дернул подбородком — отгоняя невидимое.

— Вот мы и накрылись, — с непонятной интонацией резюмировал Карл.

Снова — высоко в небе:

— Ба-бах!..

Третья «люстра», молодчага Фалькбеер...

— Извините, директор, — сказал учитель, у которого дергался подбородок. — Извините, но я не хочу гореть на костре — очень больно...

Вывернув автомат, он упер его дулом себе в грудь. Протыртыкала очередь. За спиной учителя на стене возникли сползающие кровяные разводы. Он согнулся и упал на колени — лицом вперед. Никто даже не пошевелился. У Герда вместо сердца был кусок пустоты.

Глухо ахнуло во дворе, и, будто эхо, заныло рассаживаемое железо.

— Взорвали ворота, — безразлично сообщил Карл.

Директор похлопал себя по карманам, достал сигареты, как под гипнозом, и закурил. Движения у него были замедленные. Встретился взглядом с Гердом, спокойно сказал ему:

— Забери автомат — у этого... Стрелять умеешь?

— Разберусь, — кивнул Герд, стараясь не смотреть на лежащего.

Автомат был горячий и очень тяжелый.

— Ну что ж, — сказал Карл, закидывая на плечо оружейный ремень. — Пойти поглядеть, что ли, как там с Фалькбеером. Не хочешь прогуляться со мной, звереныш?

Директор неожиданно вскинул руки:

— Назад!..

Два рубчатых металлических мячика перелетели через подоконник, ударились о линолеум и зашипели, как змеи, выбрасывая из себя серый дым.

— Газ, — мышиным голосом доложил Карл.

Последний учитель нагнулся поспешно, чтобы схватить вращающиеся игрушки, вдруг сложился, точно креветка, и повалился на бок, в судороге ударил по полу — головой, ногами, из оскаленного рта пошла пена.

— Наза-ад!..

Карл тащил Герда по незнакомому коридору. В коридоре был сумрак и даже не пахло, а удушало жженой резиной. Дымились свисающие с потолка плети проводки. — На чердак, на чердак!.. — крикнул прикрывающий им спины директор. Они побежали по стиснутой голым бетоном пожарной лестнице. Тянуло холодом из выбитых стекол. Ужасно, как «летающая тарелка», горела последняя «люстра». Навстречу им выкатился плачущий и кричащий поток. Сталкивались, расшибались и, как тараканы, ползали на четвереньках, закручивались, прижатые к стенам, пытались затормозить о перила. Учитель Гармаш, на голову выше других, скрещивал над головой руки. Почти невозможно было разобрать что-либо в паническом гаме: «Братья» высадились на крыше... у них вертолеты... Фалькбеер погиб... Паал, Дэвидсон, Валленбах взлетели, но, кажется, сбиты... Олдмонт, лучший из учите-

лей-летунов, пропал... — Герда тоже, как щепку, закрутило в этом водовороте. Давили неимоверно. Гнулись ребра, и по коленям больно стукало чем-то железным. Он спускался вместе со всеми, проваливаясь на каждой ступеньке. Толстый Папа, ощеренный на полчерепа, пытался достать его могучей рукой: — Ты, падаль, навел их сюда!.. — Ему, к счастью, было не дотянуться. Вцепившийся в перила директор еще каким-то чудом удерживался на месте. Лицо его побагровело: — Я вас прикрою, бегите!.. — А Крысинда наш улетел, — басом сообщил Галобан, задумчиво ковырявший в носу, словно на скамеечке в парке. — А мы смеялись над ним, а он в окно выпрыгнул и — тю-тю... А Трехглазика убили, попали ему пулей в голову. А Ляпу-Теленка сбрызнули святой водой, с него вся шкура облезла... — Убери локти, глаза мне выбьешь, — яростно прошипел Герд. Толстый Папа дотянулся все-таки до него и, ухватив за ворот, скрутил на горле мертвым узлом: — Ну — падаль, падаль, гнилая человечина!.. — Лестница неожиданно кончилась. Высыпались в коридор, как картофель из продранного мешка. Герд упал, и Толстый Папа тоже упал — на него сверху. На площадках, до самой крыши, стреляли и топали. Он увидел, что директор безжизненно свешивается со ступенек, и, решительно наступая на тело, бегут вниз люди в черных рубашках. Пули цокнули по каменному полу и с визгом ушли в стороны. Толстый Папа все почему-то лежал и припечатывал Герда слоновой тушей. Дышать под этой тяжестью было нельзя. Снова откуда-то появился Карл и перевернул Папу на спину: — Готов, оттаскивай!.. — Я никуда не пойду с вами!.. — в лицо ему крикнул Герд. Рвануло под мышкой и раскаленным напильником ободрало ребра. Карл с колена поливал лестницу из автомата, пока тот не умолк. Люди в черных рубашках от неожиданности споткнулись. — В подвал!.. — Он ногой вышиб низкую дверь и нырнул в темноту. Скатились куда-то, как цуцики, по бетонному желобу. Герд так звезданулся лбом, что брызнули искры. Забрезжил впереди тусклый свет. Выступили справа и слева литые углы.

Это был склад, заставленный громоздкими пластмассовыми контейнерами. Бросилась в глаза предупреждающая

маркировка: «Внимание! Огнеопасно!» Лампы на облупившемся потолке еле теплились.

— Ну, хорошо, сначала отдышимся, — предложил Карл. Остановился, опершись локтями о трубы в липкой испарине. — Ну как, жив, звереныш? А ты, я гляжу, молодец, автомат не бросил...

Герд посмотрел с удивлением — так вот что всю дорогу било его по ногам. Ремень, оказывается, захлестнулся на руке выше запястья, и тяжеленный приклад колотил в коленную чашечку.

Карл между тем с деловитым видом оглядывался.

— Тут где-то должен быть люк, — объяснил, мужественно преодолевая одышку. — Канализационная система — идет метров на триста вниз. Ничего, выберемся. До побережья не так уж и далеко. И тогда — к чертовой матери эту страну!.. Уедем за океан — есть в мире места, где можно жить совершенно открыто. Ты еще научишься смеяться, звереныш. А здесь дело гиблое — средневековье...

Он поднял голову. Под потолком были узкие оконные щели, вытянутые горизонтально. Стекла в них отсутствовали, вероятно, еще с начала времен, и теперь слышно было, как там свистит, рокочет, шлепает по земле громадными водяными губами, капает, просачивается, вскипает водоворотами. Мутная, как из-под крана, струя ворвалась оттуда в подвал и раздробилась на мелкие струйки и лужицы, подернувшись пылью. Молния толщиной с дерево разомкнула небо.

Карл просиял.

— Ураган, — не веря, видимо, еще этому счастью, сказал он. — Надо же, наконец-то. Ах, Фалькбеер, какая умница... — Протянул сложенные ладони, набрал влаги из шипящей струи. Выпил одним глотком. — Ну, теперь они потанцуют, теперь им не до нас, звереныш...

Снаружи рухнуло и загрохотало, как будто само небо повалилось на санаторий.

— Надеюсь, что поток пойдет вниз и смоет к черту этот их паршивый Маунт-Бейл...

Из-за выдвинутых контейнеров, из темноты бокового отсека, где лампочки уже давно не горели, пригибаясь и блестя

стеклами золотых очков, выбрался человек. Он был мокр, и с грязной обвислой одежды его текло. Волосы прилипли ко лбу, на шее багровела свежая ссадина. Выглядел он, однако, уверенно — потому, вероятно, что сжимал в руке пистолет с толстым стволом.

— Очень хорошо, что я вас нашел, — торопливо проговорил человек. — Меня зовут Альберт, просто Альберт, будем знакомы. — Свободным пальцем он поставил на место сползающую к кончику носа дужку. — И мальчик с вами? Ах, как неприятно, что и мальчик с вами. Ну что же, ничего не поделаешь, придется тогда — и мальчика...

Он дергал веками, наверное, из-за того, что под них затекала вода. Морщины пробегали по шизофреническому лицу и немедленно расправлялись. Не сводя с него глаз, внимательно слушая и даже кивая, Карл, как во сне, потянулся к оставленному на соседнем контейнере автомату.

Пальцы не достали приклад и заскребли по пластмассе.

— Не трогай, не надо, — сразу же сказал человек. — Я же вас специально искал, чтобы убить. И уже одного убил — который в таком балахоне... Выстрел милосердия, вот из этого самого пистолета. Все-таки лучше, я полагаю, чем на костре, — наши дуболомы обязательно потащат вас на костер — не переношу мучений... Но я хочу за это спросить: вот вы победили, и куда потом деть пять миллиардов людей, которые до конца жизни не смогут переродиться? Куда — в резервацию или в заведения для прокаженных?.. Пять миллиардов... А дети их, которые тоже родятся обыкновенными человеками? — Он застенчиво посмеялся: Хи-хи-хи... — пистолет задрожал в руке. — Не подумали над этим вопросом? Вопрос, знаете, заковыристый. Тот, что в балахоне был, кстати говоря, не ответил... Вот почему я не с вами, а с ними, я — инженер, человек образованный, с этой скотинистой и тупой толпой обывателей...

— Мальчика отпустите, — неживым голосом сказал Карл.

Человек в очках вздрогнул.

— А?.. Мальчика?.. Что?.. Нет, мальчик, к сожалению, вырастет. И запомнит, кто такой был Альберт. Альберт — это я, просто Альберт, будем знакомы...

Карл рывком подтянул автомат и — вскинул. Он успел, Герд ясно, как на экране, увидел палец, давящий на спусковой крючок. Раз, и еще раз, и еще раз — впустую.

Выстрел из пистолета тявкнул как-то очень негромко. Видимо, пластмассовые контейнеры поглощали звук.

— Все, — прошептал Карл и уронил автомат.

Человек постоял, шевеля губами, будто беззвучно молился, потрогал висок — как на тесте, остались неглубокие вмятины, — затем осторожно приблизился и вытащил оружие из-под неподвижного тела. Передернул затвор, отломил ручку-магазин, сказал неестественно бодрым фальцетом: — А?.. Нет патронов... — Усмехнулся одной половиной лица, точно в судороге. — Вот как, оказывается, бывает, мальчик. Бога, конечно, нет, но иногда начинаешь думать — а вдруг...

Хорошо, что ремень захлестнулся выше запястья. Герд согнул руку, и масляный автомат сам лег на колени. Держать его, как положено, не было сил. Я не смогу выстрелить, подумал он, нащупывая изогнутый крючок спуска. Ни за что на свете, у меня не получится. А что, если и здесь кончились патроны?

Тем не менее, он выпрямился, не вставая.

— Эй! — растерянно сказал человек, застыв на месте. Потрогал пояс; пистолет был недосягаем, в заднем кармане. — Ты что, мальчик, мне тут шутки шутишь... Брось эту штуку! Я тебе кости переломаю!..

Он шагнул к Герду — бледный, страшный и какой-то уже неживой. Дохнуло перегаром, сырой одеждой, подвальной земляной плесенью. Вероятно, так и должна пахнуть смерть. Герд изо всех сил зажмурился и нажал спуск. Человек в очках прижал к животу ладонь, словно опасаясь за содержимое, и, как стеклянный, опустился на ближайший контейнер, помогая себе другой рукой.

— Надо же, — сказал он, высоко от глазниц отжав твердые брови.

И вдруг повалился на бок, как будто в нем враз что-то выключилось.

Герд поднялся и, прижимаясь к стене лопатками, обогнул лежащего. Ног он не чувствовал и шел, как по вате, которая

бесстрастно заглатывала шаги. За поворотом, где лампы полопались, вывалились из перекрытия кирпичи — сюда попала граната. По мокрым обломкам он кое-как выкарабкался наружу. Выл ветер, хлестала вода, размалывающая кипящий воздух, земля постанывала, истерзанная бешенством атмосферы. И по стонущей этой, раскалывающейся в тесных недрах земле, озаряя сумрачно-фиолетовым светом пузырчатые водяные стебли, лениво, на подламывающихся ногах, как паук-сенокосец, бродили голенастые молнии. Дрогнула обводненная почва. Прогоревший лабораторный корпус распался — двумя наружными стенами. Герд едва устоял. Он дрожал от холода. Автомат ужасно оттягивал руку, и он его бросил...

Дорога раскисла. В лужах из жидкой глины проглядывало запотевшее небо. Втекал в него и сразу же размывался ручей, полный пены; в горах еще шли дожди.

— Я боюсь, — девчоночьим писклявым голосом сказала Кикимора.

Герд дернулся и нетерпеливо потряс ладонями:

— Помолчи!..

Он всматривался в открывшуюся перед ним картину. Это, кажется, был тот самый приветливый городок, куда он стремился: долина в прозрачной дымке, россыпь игрушечных домиков на обоих склонах, асфальтовые дорожки, чисто подметенная площадь перед торговым центром. Шторм, пронесшийся неподалеку, его, по-видимому, не задел. Черепичные крыши краснели нетронутыми чешуйками. Проворачивался ветряк на ажурной башенке.

— Давай превратимся хотя бы, — снова попросила Кикимора. — Нельзя так идти. Нас же узнают...

— Нет.

— Ненадолго, я тебе помогу...

— Пожалуйста, помолчи!

Герда передернуло. Превратиться в уродливого зверя — спасибо.

Он, пытаясь сосредоточиться, прикрыл глаза. Должна быть калитка, и за ней — дом из силикатного кирпича, крыльцо с полукруглым навесом, на окнах — занавески в горошек. Судя

по всему, придется искать. Чрезвычайно плохо, что он здесь с Кикиморой. Конечно, узнают — если у нее глаза во весь лоб, даже под волосы загибаются.

— Поправь очки. За километр ясно — кто ты и откуда...

Улица вела, наверное, прямо к центру. Они прошли мимо яблонь, которые перевешивали через ограду тяжелые намокшие ветви. Воздух был сыроват. Кикимора вязла в глине и утомительно отставала. Непрерывно бормотала что-то про санаторий на юге. Есть, оказывается, такой санаторий, ей рассказывал Галобан. Якобы там вылечивают любые, самые запущенные аномалии. Две-три операции, медикаментозный курс, физиотерапия. Надо подаваться на юг, а не бродить по поселкам, где их каждую минуту могут узнать... Заткнулась бы она со своим санаторием. Герд старался не слушать. Хватит с него. И вообще... — Люди кончились, говорил директор, как бы в рассеянности пролистывая томик с вытянутым готическим шрифтом. Их время исчерпано, наступает эпоха одержимых. Чем скорее произойдет смена поколений, тем лучше... — Люди не кончились, так же, как бы в рассеянности, рассматривая гравюры, возражал ему Карл. Просто мы имеем дело с сильными генетическими отклонениями. Изуродованный материал. Это не есть норма... — Мне смешно, говорил директор. Давай не будем тешить себя иллюзиями. Кто из одержимых сохранил человеческий облик? Ну — ты, ну — я, ну — еще десятка два человек. Незавершенный метаморфоз — вот и все... — Люди только начинаются как люди, говорил Карл. Человек меняется, но остается по-прежнему человеком. Просто он приобретает новые качества... — Не надо закрывать глаза, говорил директор. Идеалом жабы является именно жаба, а не человек... — Но идеалом человека является человек, отвечал Карл. Это и есть, мне кажется, тот путь, по которому... — Ты имеешь в виду «железную дорогу»?.. — Да, я имею в виду «железную дорогу»... — Ах, глупости, говорил директор. Ты и сам, наверное, в это не веришь. Жалкая благотворительность, ну — спасут несколько одержимых... — Нет, это серьезные люди, говорил Карл. Они не очень образованные, возможно, но суть они поняли: человек должен остаться

человеком... — Так ты их знаешь?.. — Да... — Ты очень рискуешь, Карл... — Только собой... — И главное, совершенно напрасно: либо люди, либо одержимые, третьего пути нет...

У забора, опасно прислонившись к штакетнику, под углом, как подпорка, которая уже поехала, коротал бесцельное утро некий человек — ботинками прямо в луже. Безразлично жевал табак, сдвинув на лоб примятую шляпу. Под широким поясом у него висел нож в чехле.

Он открыл один глаз, когда они проходили мимо, повернул им, как будто заключая пришельцев в невидимую сферу сознания, неожиданно открыл и второй глаз тоже и вдруг сплюнул на середину дороги янтарную жвачку.

Кикимора тут же взяла Герда за руку.

— Не подпрыгивай, ничего страшного, — прошипел он в ответ. — Успокойся, пожалуйста. Ты так дрожишь, что любой дурак догадается.

— А ты посмотри. Он идет за нами...

Герд как бы невзначай, посмотрел. Человек, жевавший табак, действительно шагал вслед за ними, оттопырив кулаками карманы широченных штанов.

Ботинки его ощутимо почавкивали.

— Отправился по своим делам, — сказал Герд напряженно. — Не бойся, мы ничем особенным внешне не выделяемся. Брат и сестра ищут работу — таких много...

Они свернули, и человек тоже свернул, как привязанный.

— Вот в-видишь, — сказала Кикимора. — Т-теперь мы об-бязательно п-попадемся...

Герд даже поскользнулся.

— Не каркай!..

Втащил ее в узкий, не предназначенный для ходьбы переулочек. Потом — в другой, в третий, тянущиеся, по-видимому, вдоль всей окраины. На продавленных тропках чернела застойная земляная вода. Яблони над ними смыкались, давая ощущение сумерек. Рушились с ветвей крупные, холодные капли. За кустами, правда в некотором отдалении, раздавалось мерное — чмок... чмок... чмок...

Кикимора заметно дрожала...

Герд вдруг увидел — калитка, знакомая до последней щербинки, и дом, как ему положено быть, из силикатного кирпича. Добротный полукруглый навес над крыльцом.

Стукнуло сердце. В горле образовался плотный комок.

— Б-бежим отсюда, — жалобно пропищала Кикимора.

Калитка заскрипела, казалось, на весь город. Какая-то женщина во дворе склонялась к клумбе с пышными георгинами. Увидела их — развела испачканными в черноземе руками.

— Господи, боже ты мой...

— Вы не дадите нам чего-нибудь поесть? Пожалуйста, — неловко попросил Герд. — Мы с сестрой идем из Маунт-Бейл, нас затопило.

Женщина смятенно молчала, переводя растерянные глаза с него на Кикимору.

— Чмок... чмок... чмок... — доносилось откуда-то, уже совсем близко.

— Извините, — сказал Герд и повернулся, чтобы уйти.

— Куда вы? — тут же шепотом сказала женщина. Оттолкнув его, быстро закрыла калитку. Настороженно оглядела асфальтовую пустую улицу, осветленную лужами. — Пойдемте, — провела их в дом. Смахнув грязь с пальцев, тщательно задернула занавески. — Посидите здесь, только не выходите — упаси Бог...

Исчезла и загремела чем-то на кухне.

— Мне тут не нравится, — оглядываясь, сказала Кикимора.

— Ты можешь идти, куда хочешь, — сквозь зубы неприязненно ответил Герд. — Что ты ко мне привязалась, в конце концов, я тебя не держу. — Сел и сморщился, осторожно массируя коленную чашечку.

— Болит? — Кикимора тоже накрыла ладонью его колено. — Жаль, что я тогда сразу не посмотрела тебе эту ногу. У тебя кровь так текла — я испугалась. Честное слово, я завтра подтяну связки, я уже, пожалуй, смогу...

Она нашла его почти неделю назад, когда Герд лежал на склоне горы, мокрый и обессилевший. Отыскала пещеру, скрытую от посторонних взглядов, и затянула ему рану в

боку, потеряв сознание к концу сеанса. Трое суток она кормила его кисло-сладкими, дольчатыми, как чеснок, дикими луковицами — где только их доставала? — пока он не смог ходить.

Он бы погиб без нее.

В пещере он и увидел, как в наваждении, и городок этот в долине, и этот дом, и даже комнату, где они сейчас находились: светлые чистенькие обои, герань на окнах.

— Ты все-таки лучше бы шла на юг, — сказал он. — Вдвоем труднее, и мы слишком разные...

— Не надо, — попросила она.

Вернулась женщина и сунула им теплые миски и по ломтю хлеба:

— Ешьте, — сгибом пальца провела по покрасневшим глазам.

— Спасибо, — ответили они не сговариваясь.

Суп был фасолевый, очень густой, с волокнами мяса. Челюсти сводило — до чего вкусный суп. Герд мгновенно опорожнил свою миску. Хлеб он есть не стал, а завернул в салфетку и спрятал в карман. Мало ли что.

— Как там в Маунт-Бейл? — тем временем поинтересовалась женщина.

— Все разрушено.

Женщина вздохнула.

— Господи, какие тяжелые времена... Ну, ничего — Бог вас простит...

Подняла руку, чтобы перекрестить, — опомнилась и несколько торопливо забрала у них миски.

— Что ж, поели, и — ладно...

Кикимора судорожно поправила сползающую дужку очков. Дужка пока держалась, там где Герд скрепил ее проволокой. Счастье еще, что завернули на ту помойку. Хорошие раскопали очки — большие, дымчатые, закрывают половину лица.

— Вы нам поможете? — напрямик спросил он. — Нам некуда идти. Ведь это — «станция»?

Женщина откинулась и пальцами прижала испуганный рот. Заскрипели тяжелые половицы в прихожей. Пожилой

плотный мужчина в брезентовом комбинезоне вошел в комнату, сел и выложил на стол руки, темные от загара. По тому, как он это сделал, чувствовалось, что — хозяин.

— Ну? — спросил не очень любезно.

— Мне о вас рассказывал Карл Альцов.

Эту ложь Герд, чтобы было проще, придумал заранее.

— Какой-такой Альцов?

Герд объяснил.

— Не знаю, не слышал, — сурово отрезал хозяин.

Кикимора сейчас же толкнула его ногой под столом — мол, пошли.

— Вы с «подземной железной дороги», — сказал Герд. — Я это точно знаю. «Проводник» или, может быть, даже «начальник станции». Вы спасаете таких, как мы...

— Да ты, парень, бредишь.

Хозяин был по-фермерски непоколебим.

— Ладно, — сказал Герд, пытаясь, несмотря на отчаяние, держаться спокойно. — Ладно, значит, вы не «проводник» и не «начальник станции»? Ладно, тогда мы отсюда уйдем, конечно. Но сперва я, пожалуй, вызову сюда дежурный причт «братьев». Пусть окропят дом святой водой. Бояться вам нечего...

— Господи боже ты мой! — так же, как во дворе, ахнула женщина.

Взялась за притолоку, замерла, точно боялась упасть.

Хозяин резко повернул к ней голову: — Цыть!

Раздул ноздри, как показалось Герду, набитые жесткими волосами. — Ну-ка, выйди на улицу, посмотри — там, вокруг.

— Они — что придумали...

— Выйди, говорю! Если заявится этот... ну — заверни, значит. Как хочешь, а чтобы духу его тут не было!

Женщина послушно выскользнула.

— Сын у меня записался в «братья», — как бы между прочим сообщил хозяин. — Револьвер вот такой купил, свечей килограмм — сопляк... Так что за благодатью теперь далеко ходить не надо. — Вдруг, протянув руку, сорвал с Кикиморы дымчатые очки, повертел выразительно и бросил

на стол — сильней, чем надо. Оправа переломилась. Кикимора вскрикнула и закрыла руками выпуклые фасеточные глаза.

— Ну? Кого ты собираешься звать, парень?

Герд молчал. Неприветливое было лицо у хозяина. Чугунное, как утюг, шершавое, в выветренных мелких оспинках.

— Когда сюда шли, видел вас кто-нибудь? — спросил тот.

— Видел, — Герд, как получилось, описал человека в помятой шляпе.

— Плохо, — сказал хозяин. — Это брат Гупий — самый у них вредный.

Он задумался, глядя меж прижатых к столу больших кулаков. Не поможет, решил Герд про себя. Наверное, побоится. Хотя бы переночевать на разок пустил. Надоело — голод, и грязь, и промозглая дрожь по ночам в придорожных канавах. Они мечутся по долинам от одного крохотного городка к другому.

Как волки.

— И, между прочим, — сказал хозяин, — вчера у нас такого, без благодати, уже поймали. Из «Приюта Сатаны», как я понимаю. Худущий такой, с красными глазами, в соломенном блинчике... Не знаешь, случаем?

— Нет, — похолодев, ответил Герд.

— Ну, дело твое... Длинный такой, оборванный. Притащили его прямо к церкви. Отец Иосав сказал проповедь: «К ним жестоко быть милосердными»...

— Пойдем, пойдем, пойдем!.. — Кикимора, даже подвывая как-то, дергала Герда за край рубашки.

Рубашка, обнажая тело, вылезала из джинсов.

— Цыть! — хозяин громко засадил ладонью в столешницу. — Сиди, где сидишь! Не рыпайся!.. — Посопел, пересиливая очевидное раздражение. Спросил после паузы: — А чего не едите? Ешьте! — Сходил на кухню и снова принес две полные миски. Некоторое время смотрел, как они работают ложками. — Вот что, парень, оставить тебя здесь я не могу. Сын у меня, и вообще — что-то присматриваются. А вот дам я тебе один адресок и — что там нужно сказать.

— Спасибо.

— А то ты тоже — сунулся: «Здрасьте, возьмите меня „на поезд"». Другой бы, не я, скажем, мог бы тебя — и с концами... — Он отломил хлеба, посыпал солью и бросил в широкий рот. Жевал, перекатывал бугорчатые узлы на скулах. — Господин Альцов, значит, погиб? Дело его, конечно, не захотел к нам насовсем... Да ты ешь, ешь пока, не расстраивайся... Толковый был мужик, кличка у него тут была — «профессор». Мы с него, знаешь, много пользы имели... Правда, не наш. Это уж точно, что гуманист, — добавил он с отвращением. Отломил себе еще корку хлеба. — Ты вот что, парень, поедешь по «станциям», не возражай, делай, что тебе говорят. У нас, парень, с порядком, знаешь, не хуже, чем у «братьев» заведено. Дисциплина еще та, строгая, знаешь... — Скосил глаза на Кикимору, которая, прислушиваясь, затихла, как мышь. — Девчонку, что, тоже с собой возьмешь?

— Это моя сестра, — не донеся ложку до рта, сказал Герд.

— Сестра? Дело твое... Трудно ей будет, но, парень, это уже твое дело... Мы ведь как? Нам, знаешь, чужих не нужно. Который человек — поможем, но чтобы только свой до конца. И так как крысы живем, каждого шороха опасаемся. И этих, и тех. Дело твое, парень... Я к тому, чтобы ты понял — не на вечеринку идешь...

— Я понял, — серьезно кивнул Герд.

— А понял, и хорошо... Теперь адресок, значит, что говорить и прочее... — Хозяин наклонился к Герду и жарко зашептал, тыча в ухо губами. Потом выпрямился. — Запомнил, парень, не перепутаешь?.. Ты вот еще мне скажи, ты же из «Приюта Сатаны», что там думают: мы все переродимся теперь или как?

— Не знаю...

— Не знаю... — Он скрипнул квадратными, как у злодея, зубами. — Тоже, знаешь, не хочется, чтобы у меня вот тут — перепонки. Человеком родился, и лучше, чтобы так оно до смерти и оставалось...

Дверь неожиданно распахнулась, и возникла в проеме растрепанная смятенная женщина.

— Слышите? Звонят!..

Где-то далеко, тревожно и часто, как на пожар, выбрасывал перетеньки визгливый колокол.

У Герда начало стремительно проваливаться сердце.

— Вот он, брат Гупий...

Они с Кикиморой поспешно вскочили.

— Не туда! — строго распорядился хозяин.

Быстро провел их через комнату в маленький темный чуланчик. Повозился, открыл дверь, хлынул внутрь садовый сырой воздух.

— Задами, мимо амбаров и в поле!.. Ну, может быть, парень, когда-нибудь еще свидимся. Стой! — тяжелыми руками придавил Герда за плечи. — Поймают — обо мне молчи, и адресок тоже забудь — как мертвый. Понял? Ты не один теперь: всю цепочку за собой потащишь...

Он отпустил Герда. Женщина махала им уже с другой стороны дома:

— Скорее!..

Послышались крики — пока в отдалении... Бряканье по железу... Пистолетный выстрел...

Кинулись в небо испуганные грачи.

— Я понял, — сказал Герд. — Я теперь не один.

— Удачи, парень!

— Спасибо.

Бледная испуганная Кикимора, захлебываясь, тащила его на улицу...

Первым добежал брат Гупий. Подергал чугунные ворота амбара — заперто. С грохотом ударил по замку палкой.

— Здесь они!

Створки скрипнули. Вытерев брюхом землю, выбрались из-под них два волка — матерый с широкой грудью и второй, поменьше, с галстучком белой шерсти — волчица.

Брат Гупий уронил палку.

— Свят, свят, свят...

Матерый ощерился, показав величину диких клыков, и оба волка ринулись через дорогу, в кусты на краю канавы, а потом за амбары и дальше — в поле.

Разевая горячие рты, подбежали еще трое с винтовками.

— Ну?.. Где?.. Что?.. Ворон ловишь!..

— Превратились, — постукивая зубами, ответил брат Гупий. — Пресвятая богородица, спаси меня и помилуй!.. Превратились в волков — оборотни...

Главный, у которого на плечах нашито было по три светлых креста, вскинул винтовку. Волки неслись через поле, почти сливаясь с кочковатой травой. Вожак оглядывался, волчица стелилась за ним, точно не касаясь земли. Главный, ведя дулом и опережая матерого, выстрелил. Застыл, будто статуя, секунды на две, щуря глаза.

— Ох ты, видение дьявольское, — мелко крестясь, пробормотал брат Гупий. Подбегали другие, яростные и обозленные люди. Многие тоже — с винтовками. — Ну как ты? Попал?

Главный сощурился еще больше и вдруг в сердцах хватил прикладом о землю.

— Промазал, так его и так! — с сожалением сказал он.

Было видно, как волк и волчица, невредимые, серой тенью скользнув по краю поля, нырнули в овраг...

ТЕЛЕФОН ДЛЯ ГЛУХИХ

Танки ударили по городу на рассвете. Жидкое оранжевое солнце едва-едва выступило из сельвы, огненные лучи его, встрепенув попугаев, утренними горячими полосами легли на выпуклую пустынную поверхность шоссе, и сержант пропускного пункта, последнего на этой дороге, цокая каблуками, лениво прогуливался по ним, оставляя в пока еще неподвижном воздухе клочья сигаретного дыма, когда в недрах влажного леса, в сумрачной и гнилой сердцевине его, где из хаоса первобытных корней, как яйцо ископаемой птицы, взметывалось к тающим звездам силиконовая, гладкая и блестящая громада Оракула, возник грозный надрыв моторов — взбух, перекрыв собой птичий гвалт, покатился вперед; с треском, опрокидывая пышные верхушки гевей, выкарабкалась на шоссе квадратная бронированная машина, помеченная крестами на башне, — осеклась, подрагивая, смяла гусеницами сухую кромку бетона, и, как палец, уставила короткий ствол прямо на серый, игрушечный домик пограничной охраны.

Люк откинулся, и из него по пояс высунулся человек в черном офицерском мундире. Стащил толстый шлем с наушниками, сгибом локтя утер взмокшую физиономию.

— Эй, там — полегче! — оторопело крикнул сержант, отступая к шлагбауму.

Танковая поддержка была обещана им давно, еще со времен печально известной «Бойни пророков». Тогда, полтора года назад, в ночь хаоса и резни, окровавившую столицу, некий Правительственный Совет, образованный девятью полковниками, как позже выяснилось, членами тайных масонских лож, объявил себя единственным выразителем «третьей истины», специальным декретом провозгласил тысячелетнее

Царство Божие на земле и, повесив слепящие многоярусные «люстры» над Международным сектором, проломив беспорядочное сопротивление редких частей Научного Комитета, под прикрытием штурмовых вертолетов «гром» двинул гвардию в самый центр Зоны Информации. Сельва пылала, подожженная термитными бомбами, огненный буран, облизав пеплом небо, едва не захлестнул купол Оракула. Было несколько попаданий в Заповедник руканов — горя живьем, они кричали нечеловеческими голосами, но продолжали плясать. Перед броском гвардейцам сделали инъекции эргамина, вызывающего перерождение психики: воины «возродившегося Вотана» шествовали по колено в крови, голос древнего бога вытеснил из них страх смерти, и бронетранспортеры мятежников удалось остановить лишь в километре от последнего санитарного заграждения.

Поэтому, увидев танки, сержант нисколько не удивился и даже успокаивающе помахал двум солдатам охраны, выскочившим из помещений заставы с оружием наизготовку, но секундой позже он вдруг понял, *откуда* пришли эти боевые машины, — команда застряла у него в горле, он повернулся на приклеившихся ногах, чтобы бежать, — люк головного танка захлопнулся, и взрывная пулеметная очередь швырнула его в кювет. Оглушенный болью сержант еще мог заметить, как, опрокинутые стрельбой, будто куклы, покатились к обочине оба солдата и как весело, словно бумажный, вспыхнул серый домик заставы — лопнули оконные стекла, горбом поднялась зеленоватая крыша из пластика, а потом бронированная махина тронулась вперед по шоссе и железными траками раздавила одинокую каску с голубой и бесполезной уже эмблемой международных войск.

Эти хрипловатые выстрелы услыхали в казармах. Ночной дежурный, сглотнув и в нерешительности помедлив, воткнул пальцы в клавиатуру компьютера. Завизжала сирена. Замигали, как бешеные, красные лампы на штабных пультах. Панически затрещали телефоны в темных прохладных квартирах офицеров местного гарнизона. Но от пропускного пункта до города было всего три километра пустой дороги — солдаты в нательных рубашках, передергивая затворы, выбегали на площадь у магистрата, когда танки уже громыхали по сон-

ным улицам. Первым же залпом они накрыли батарею орудий, суматошно, в криках и рычании дизелей закрутившуюся перед казармами. Прислуга погибла вся, разодранная шрапнелью. Два зарядных ящика сдетонировали и усугубили разгром. Дивизион так и не успел выползти на позиции: артиллерийские тягачи, столкнувшись рылами, застряли меж рухнувших балок подземного гаража, которые погребли под собой и оба минометных расчета. Командующий войсками округа, тридцатипятилетний аргентинский генерал, картинно, как на скакуне, вылетевший на площадь в кремовом лимузине, вытянувшись во весь рост и сияя золотыми погонами, попал под перекрестный огонь — новенькая машина перевернулась и окуталась багровым облаком взрыва. Бой был проигран в самом начале. Гарнизонный радист, сидя в бункере и чувствуя сквозь кромешную темноту, как сотрясаются над ним толстые бетонные своды, еще кричал сорванным голос в микрофон: — Всем, всем, всем!.. — Но система трансляции уже была разрушена прямым попаданием, эфир молчал. И взвод гранатометчиков, который, повинуясь отчаянному приказу единственного уцелевшего капитана, ринулся было через площадь прямо под настильный огонь, тоже отхлынул обратно, к казармам, оставив половину людей ничком на выщербленной мостовой. И даже когда противотанковая базука, неведомым образом попавшая в здание магистрата, вдруг ударила оттуда, из окон третьего этажа, и пылающие лепестки жадно сомкнулись вокруг одной из машин, это уже ничего не могло изменить. Сразу три танка, как на параде, прочертив дулами воздух, выстрелили почти в упор — часовая башня магистрата надломилась у основания и еще в воздухе разделилась на три неравные части. Поднялся ватный столб дыма, и все кончилось.

Мы лежали носом в горячей пыли. Это очень неприятно — лежать носом в пыли. Я давился кашлем, словно продирали горло наждачной бумагой.

— Дело дрянь, — спокойно сказал Водак.

Толстый подбородок его расплющился о линолеум — так он прижимался.

Головная машина меж тем, продавливая гусеницами асфальт, описывала, не торопясь, круг по площади, как

скорлупой, заваленной пластами известки. Оба пулемета ее методично выхаркивали в окна жесткий свинец.

Будто дезинфицировали.

Я распластывался, как газетный лист, за остатками подоконника. Позади что-то обрушилось, надрывно простонало железо. Круглый термостат с культурами «вечного хлеба» внутри вывалился из упоров и покатился, перемалывая стеклянные бюксы. С грохотом ударился о косяк.

— О, черт, — с досадой сказал Водак.

Танк замер напротив задымленных казарм. Пламя бодро обгладывало вздыбленный скелет арматуры. Оттуда еще постреливали — редко и совершенно бессмысленно. Это была агония. Гарнизон кончился.

— Как ты считаешь, местные? — через некоторое время спросил я.

— Вряд ли, — ответил Водак. — У здешнего правительства нет танков.

Конечно. Я мог бы сообразить и сам. Год назад Совет безопасности принял постановление о демилитаризации страны пребывания. Армия ликвидировалась, в распоряжении местных властей оставались лишь полицейские части. Целостность и суверенитет страны гарантировали Объединенные Нации. Значит, это были не местные экстремисты. Значит, это была заранее подготовленная интервенция. Регулярные воинские подразделения, обученные и оснащенные. Вероятно, сразу нескольких стран и почти наверняка с негласного одобрения какой-нибудь великой державы.

Тогда наше дело действительно дрянь.

На площади, как кнуты, хлопали одиночные выстрелы.

— Сволочи, раненых добивают, — Водак скривился. Из пореза на рыхлой щеке выбежала струйка крови. Он демонстративно расстегнул кобуру. — Мое место там.

— Не дури, майор, — нервно сказал я. — Куда это ты пойдешь — с пистолетиком...

— Знаю, — очень спокойно ответил Водак и опять застегнул кобуру. — Но ты все-таки запомни, что я — намеревался. У тебя память хорошая? Вот и запомни. И когда спросят, расскажешь, что именно — намеревался. А если потребуется, дашь письменные объяснения.

Я с изумлением посмотрел на него. Это был тот самый, давно знакомый мне Водак — стриженый и широкоплечий, всегда немногословный, уверенный в себе и других, чех, офицер международных войск, специалист по режиму на временно оккупированных территориях, с которым я каждую субботу играл в шахматы — по доллару партия — и умеренно, насколько позволяла валюта, поглощал диетические коктейли в подземном баре «Эвиста».

— Думаешь, потребуется?

— Обязательно потребуется, — злобновато сказал он. — Мне теперь полжизни придется объяснять, почему я здесь, а не там.

— А кстати, майор, почему ты не там?

— Потому что я — здесь, — сказал Водак и отвернулся.

Стрельба тем временем прекратилась. Вероятно, остатки гарнизона отступили к окраинам. Только тоненько, как вьюга в трубе, завывало бесцветное пламя в казармах. Кажется, военная жизнь налаживалась. Весело дребезжа, вывернула из переулка полевая кухня, похожая на самовар с колесами. К ней потянулись солдаты в мышиной форме с котелками и касками. Гораздо больше, чем можно было предполагать.

— У них, оказывается, и пехота имеется, — процедил Водак.

Вдруг шевельнул оттопыренными ушами и замер.

Внутри здания, где в сумраке журчала вода из пробитых труб, возникло негромкое, но пронзительное мяуканье. Почти визг — как будто вели ножом по стеклу.

— Клейст! — быстро сказал я. — Больше некому!..

Водак мгновенно прижал мою голову к полу.

— Совсем очумел? Жить не хочешь?..

— Это же — Клейст, — сказал я, сдувая ртом пыль.

— Не глухой, слышу. Ты, главное, не высовывайся.

— Значит, он жив...

— Что же нам — танцевать по этому поводу?

Мяукали жалобно и с каким-то безнадежным отчаянием. В детстве мне довелось видеть кошку, придавленную грузовиком. Здесь слышалось то же самое — невыносимо до слез. Переглянувшись, мы начали тихонько отползать от пролома.

Халат задирался на голову, в локти чувствительно впивались осколки с пола.

— С удовольствием пристрелил бы его, чтоб не мучился, — сказал Водак.

Пригибаясь, мы перебежали пустой коридор. Свисали какие-то провода, поблескивали клыки лопнувших лампочек. Желтел пластик дверей, плавно уходящих за поворот. У меня в кабинете царил первобытный хаос. Часть потолка обвалилась, из бетонных нагромождений высовывались прутья порванной арматуры. Висела в воздухе копоть, и удушающе пахло оплавившейся изоляцией. Я мельком подумал, что автоматика, вероятно, не вырубила электричество. Было, впрочем, не до того. Клейст покачивался в моем кресле — вызывающе чистенький и опрятный. Подбородок немного задран, руки — на подлокотниках. Даже шапочка у него была аккуратная, точно из прачечной.

Странно выглядела эта картина со стороны: свежий халат, складки брюк, туфельки, обтертые до насыщенного вишневого блеска, и одновременно — безобразный пролом в стене, где обширной высью золотилось тронутое солнцем небо.

Водак за моей спиной нехорошо засопел.

— Ты не ранен? Отлично!.. Тогда — подкинь сигарету!..

Клейст не сразу перевел на меня пустые глаза. А когда перевел, в них не было ничего, кроме холодного любопытства.

— С чего бы это?..

И лицо его мне тоже не слишком понравилось — бледное, будто из стеарина, присыпанное белым налетом на скулах. Точно лицо давно умершего человека. Водак шумно дохнул и от души выматерился.

— А сигарету я тебе не дам, — наконец сказал Клейст. Вытащил пачку и покопался в ней длинными пальцами. Сообщил результат: — Девять штук. Самому не хватит.

Он вытянул тело вдоль кресла и опять закачался. Засвистел танго сквозь зубы — он всегда любил танго, — устремил долгий взгляд куда-то в небесные дали.

Про нас с Водаком он как будто забыл.

Я почувствовал, что начинаю разделять всеобщую неприязнь к семиотикам. Подумаешь, дельфийские мудрецы, собственный сектор у них, обедают за отдельным столиком. В

кино не ходят, в баре не появляются — не интересно им. Придумали себе рыбий язык: два слова по-человечески, а двадцать — дикая тарабарщина. Я пробовал читать их статьи — гиблое дело. Нисколько не удивительно, что даже сдержанный Грюнфельд как-то в запале сказал, что превращающаяся в искусство наука перестает быть собой, семиотики изучают Оракула, а все остальное человечество — семиотиков. Или: «Если хочешь, чтобы тебе хорошо платили, занимайся тем, чего никто никогда не поймет». То есть опять-таки семиотикой.

Водак тем временем вытряхивал ящики из моего стола. Ворошил бумаги и расшвыривал пачки слежавшихся микрофотографий.

Поднял физиономию, темную от прилива крови.

— Где твой пистолет? Ведь тебе полагается пистолет...

— Дома, — растерянно сказал я.

— Ах ты, чтоб!.. Ах, чтоб тебя!.. — коротко сказал Водак. Узрел среди вороха фотопленок новенькую обойму и сунул ее в карман. — Ах, эти ученые... Анатоль! Надо убираться отсюда...

Он сильно нервничал, и это пугало меня больше всего. Я, пожалуй, впервые видел, как флегматичный невозмутимый Водак суетится и нервничает. Тут же опять замяукали — будто в самое ухо. Я рванулся от неожиданности и сбил на пол ящичек, поставленный с края. Брызнули по известковой пыли мягкие чернильные катыши. Звук шел из угла, где часть потолка обвалилась. Синие, почти черные жилистые лодыжки торчали из-под обломков. Как у гориллы — твердые, обросшие редкой шерстью. Желтоватые мозолистые ступни подрагивали.

Я в испуге оглянулся на Клейста. И Водак тоже вопросительно посмотрел на него.

Клейст хладнокровно мигнул.

— Это рукан, — любезно пояснил он, перестав на секунду насвистывать.

Покачиваться он, тем не менее, не перестал.

У меня шизофренический холодок потек меж лопаток.

Есть люди, которые физически не переносят руканов. Что-то такое психологическое — прямо до судорог. Я, правда,

всегда относился к руканам довольно спокойно, однако полгода назад был в нашей лаборатории такой случай: новый сотрудник внезапно нос к носу столкнулся с руканом — упал, как подкошенный, обморок, паралич дыхания. Спасти его, несмотря на экстренные меры, не удалось.

Я, кстати, если бы внезапно, тоже бы, вероятно, упал.

— Откуда он здесь?

— Пришел минут за пять до обстрела.

— Что ему тут было надо?

— А что вообще тут надо руканам?

Секунду Водак нетерпеливо смотрел на него.

— А ну-ка, взялись! — объявил он решительно. — Шевелитесь, кому говорят, вы — оба!..

Честно говоря, я замялся.

А Клейст только немного качнулся, и не подумав вставать.

— Не надо его трогать, — посоветовал он. — Пусть так и лежит...

Согнувшийся Водак вывернул снизу набрякшие кровью щеки.

— Ты хоть знаешь, Вольдемар, что по законам военного положения я могу тебя расстрелять? Неисполнение приказа старшего по званию...

— О, господи, — по-моему, нисколько не испугавшись, сказал Клейст.

— Вольдемар, я тебя очень прошу...

— Ты ведь покойник, Водак, только ты пока об этом не знаешь...

— Вольдемар!

— Не надо на меня кричать.

— А я думал, что руканы в одиночку не ходят, — поспешно сказал я.

— Мало ли, что ты думал. — Водак, не остыв еще от неприятного столкновения, поддел руки под камень и захрипел от тяжести. — Давай-давай... Думал он, видите ли... Поднимай...

Вдвоем мы отвалили треснувшую плиту. Разломился прут арматуры, вжикнула выскочившая на свободу железная сетка. Я никогда раньше не видел руканов так близко. Он лежал, ужасно вывернув шею и прижимая синюшное ухо к плечу.

Надбровные дуги выдавались вперед. Белые собачьи клыки, пересекая мякоть, впивались в губы. Вместо груди у него была жутковатая каша: шерсть, трепетание мышц, обломки голубоватых, чистых костей. И на все это толчками выплескивалась из артерий творожистая белая комковатая жидкость, похожая на свернувшееся молоко.

Водак весьма настойчиво совал мне в руки аптечку.

— Я не могу, — умоляюще сказал я. — Я же не врач. Я — обычный патоморфолог. Я в жизни никого не лечил. И я не хочу сойти с ума. Это же — рукан.

— Как старший по званию... — яростно проскрипел Водак.

Я отчаянно замотал головой.

Мяуканье вдруг оборвалось. Творожистая белая жидкость точно иссякла. Рукан дернулся и закостенел, вцепившись в голени скрюченными ладонями.

Ужасно длинные у него были конечности.

— Готов, — снова располагаясь в кресле, резюмировал Клейст.

Гортанные крики команды донеслись с площади. Опять хлопнул выстрел. Пуля ударила в потолок.

— Только не высовывайся, — быстро предупредил Водак.

Офицер в высокой фуражке махал направо-налево перчаткой. Солдаты строились, оставив котелки у кухни. Шеренга растянулась, по-видимому, на четыре шага и, поколебавшись, развернутая невидимой осью, двинулась в нашу сторону. Каски — свирепо надвинуты. Автоматы, изготовленные к стрельбе, — выставлены от груди.

— Все правильно, — процедил Водак. — Я тоже бы на их месте прочесал комплекс, чтобы обеспечить себе тылы.

Он вдруг звонко чихнул, порвав подсыхающую щеку. Достал из кармана платок и прижал к порезу.

— И что будет? — нервно поинтересовался я.

— Ничего не будет. Видел, что они сделали с ранеными?

— Видел...

— Тогда чего спрашиваешь?

— А когда можно ждать ваших?

Водак пошевелил толстыми вывороченными губами — считал.

— Часа, полагаю, через четыре.

Я тихо присвистнул и тут же закашлялся известковой пылью.

— Неужели так долго?

— А ты как думал? — рассудительно сказал Водак. — Если они добрались сюда — значит, Комитет, по крайней мере, его оперативный узел, блокирован. Или потерял управление, что для нас нисколько не лучше. Представляю, какой там сейчас винегрет. Странно, что нас не предупредили, хотя бы по аварийной связи. Наверное, они положили радиоковер на весь сектор. Но все равно, пока разберутся, пока перебросят сюда войска — нужно не менее трех батальонов, желательно с вертолетами, — пока решат, кто командует, пока согласуют эти перемещения на всех уровнях... Четыре часа — это еще оптимальное время... Если, конечно, эти не обстреляют, например, Зону Информации или Чистилище...

Он пошел вдоль стеллажей с реактивами, читая желтые этикетки.

— Не посмеют, — в спину ему растерянно сказал я.

— А что мы знаем о них? Может быть, *они* как раз и хотят устроить маленькое светопреставление. Просто чтобы заставить нас с *ними* считаться. Где тогда вспыхнет апокалипсис? В Лондоне, в Париже, в Москве, в Праге?..

Он снял с полки две трехлитровых бутыли с коническими насадками, отвинтил стеклянные пробки, поставил на пол и ударом ноги опрокинул их так, чтобы самому не забрызгаться. Темная лужа, прилипая, расползлась по линолеуму. Остро запахло спиртом, и Клейст в недоумении повернул голову.

Я, честно говоря, не знал, что сказать. Я читал об апокалипсисе в Бронингеме — разумеется, закрытые материалы. Нас, руководителей секторов, ознакомили с ними, вызвав в особо защищенный бункер спецхрана, под расписку, с уведомлением об уголовной ответственности за разглашение сведений. Нарушителю грозило чуть ли не пожизненное тюремное заключение. И, как нас уведомили, репрессивные меры были применены сразу же и в полном объеме. Поэтому о событиях в Бронингеме не болтали. Настоящая правда, насколько я знал, так никогда и не была опубликована. Несмотря на настойчивые требования общественности. Несмотря на

скандалы и на все заверения осторожных политиков. Доктору Грюнфельду, тогдашнему председателю Научного Комитета, это стоило административной карьеры. Он ушел в отставку, но ни тогда, ни позже не вымолвил ни единого слова. Через год он застрелился, по-видимому, не выдержав страшного напряжения тайны. Точно ничего не известно, все сведения об этом также были погребены в спецхране. Тогда апокалипсис вызвала случайная катастрофа. Однако, если сейчас в самом деле начнется обстрел Зоны? Или они поступят проще — поставят любой танк на радиоуправление, подведут к Оракулу и взорвут? Тогда мы сгорим, смятенно подумал я. Речь идет о настоящем Конце Света...

— Через подвал института можно пройти в мастерские? — спросил Водак.

До меня не сразу дошло, о чем это он:

— Конечно.

— А через мастерские имеется выход в парк?

— Да, задняя дверь...

— У нас есть двенадцать часов, чтобы отсюда выбраться.

— Почему двенадцать? — шепотом спросил я.

Водак не ответил — схватил меня за халат и сильно дернул: Снимай! — Стащил едва ли не силой, с треском разодрал на полосы и щедро, проплескивая на пол, полил спиртом.

— Почему двенадцать? — чуть не заорал я.

Водак обернулся ко мне:

— «Предел разума» — слышал?

Клейст, который, казалось, о чем-то мечтал, неожиданно процитировал — громко и ясно:

— «Если ситуация внутри границ отчуждения выйдет из-под контроля, и в течение последующих двенадцати часов с момента отсчета не представится возможным вернуть ее в исходное состояние, или если по оценке экспертов масштаб событий окажется сопоставим с угрозой регионального уровня...» Короче говоря, — он прочертил пальцем по воздуху. — Тогда — бух!..

Мы замерли.

— Катарина! — сказал я, чувствуя, как стремительно пересыхает горло.

Водак крякнул с досадой и быстро посмотрел на меня.

— Она уже, наверное, в безопасности, — сказал он, комкая в ладонях остаток халата. — Гражданское население, как ты знаешь, эвакуируют в первую очередь.

Клейст отчетливо прищелкнул языком.

— Бомба не будет сброшена. Если вас беспокоит только это...

Водак на секунду застыл, а потом наклонился к нему, уперев руки в колени.

Лицом к лицу. Надо сказать, очень решительно.

— Вот, значит, оно как. Ты — «пророк»?

— Не надо меня пугать, — сказал Клейст, пытаясь хоть чуть-чуть отстраниться.

— Конечно, «пророк». А я думал, вас всех перебили.

— Как видишь, не всех...

— Я умру?

— Да, — сказал Клейст. — Тебя расстреляют.

— Кто?

— О н и.

— Когда?

— Уже скоро.

— А он? — Водак поверх плеча указал на меня.

— Будет жить, — Клейст обжег ненавистью вдруг вспыхнувших водянистых глаз.

— Это точно?

— Точно.

Водак выпрямился.

— Не верю ни единому твоему слову...

— Сколько угодно. Пожалуйста, — вяло сказал Клейст.

Затрещали на первом этаже рамы. Солдаты проникли в здание.

— К черному ходу! — приглушенно распорядился Водак.

Клейст раскачивался, как ни в чем не бывало.

— Ну!

— А мне, Густав, и здесь неплохо, — сообщил Клейст. — Я, пожалуй, останусь. Я ведь тоже скоро умру...

— Вольдемар, — умоляюще сказал я, прислушиваясь к тяжелому топоту снизу. — Вольдемар, ты только представь, а вдруг ты ошибся...

— Ошибка, к сожалению, исключена...

Водак, скрутив жгутом матерчатую полосу из халата, бросил ее — одним концом в спирт, другим — ближе к двери.

Как медведь, врастопырку присел на корточки.

— Ничего-ничего, он сейчас пойдет... Он сейчас побежит у меня, как миленький...

Щелкнула зажигалка, и медленно, чтобы осознал побледневший Клейст, начал опускаться к намокнувшему жгуту желтый трепещущий язычок огня.

О вторжении не могло быть и речи. Вне Заповедника руканы были совершенно беспомощны. Как слепые котята. Как новорожденные ночью в глухом лесу. Кстати говоря, по всем параметрам они и были новорожденными. Вылупившись из древесных чанов и содрав с себя липкий, студенистый кокон с шевелящимися ниточками ворсинок, они, как сомнамбулы, брели через сельву — неделю, две недели, месяц, — пока не погибали от истощения. Путь их был усеян мертвыми попугаями. Биополе руканов летально воздействовало на птиц. Именно на птиц, исключая других представителей местной фауны. Позже выяснилось, что это поле интенсифицирует некоторые биохимические реакции, текущие в организме, и в результате птицы, с их ускоренным обменом веществ, просто сгорают в нем. Такого рукана подобрала, например, известная экспедиция Борхварта, посланная Бразильским Академическим центром для изучения флоры малоисследованного района верхнего течения Гуапоре. Возможно, экспедиция эта имела и другие цели: собственно биологическое оснащение ее было довольно скудным, отсутствовали, скажем, стандартные пластиковые кассеты для хранения образцов, не было обязательного в подобных случаях набора химических реактивов, а альбомы для сбора коллекций явно отличались от общепринятых (скорее всего, были приобретены в каком-нибудь сомнительном магазинчике), зато в тщательно упакованных тюках так называемой экспедиции находились компактные, залитые в скорлупу вибропласта мощные спутниковые передатчики, способные поддерживать устойчивую связь — шифром, сразу в нескольких частотных диапазонах. От верховий Гуапоре до Зоны Информации по прямой было не более семидесяти километров — при технической оснащенности экспедиции сущие пустяки, —

и Оракул в то время не был еще окружен сплошными заградительными кордонами. Найденный проводниками рукан уже не мог двигаться — он лежал на поляне, усыпанный, будто лоскутами, яркими, безжизненными птичьими тушками. Однако был еще жив — ворочал распухшим от муравьиных укусов фиолетовым языком, пробормотывал невнятные обрывки того, что впоследствии было названо «прелюдией обращения». Совершенно бессмысленные, как утверждал Борхварт на официальном допросе. Правда, он не повторил ни одной из них, ссылаясь на потерю памяти, вызванную потрясением. Потрясение, вне всяких сомнений, было. Обнаружив рукана, Борхварт первым делом отослал назад всех носильщиков, якобы за помощью, — поступок абсолютно дикий, если не помнить о передатчиках, — и в решающую минуту остался вдвоем со своим помощником, неким Маццони, греком итальянского происхождения, настоящую личность которого так и не удалось установить. Носильщики ушли и вернулись через трое суток, приведя местного лекаря. Борхварт к тому времени потерял сознание и выглядел так, словно его с головы до ног ободрали напильником. Вероятно, к концу этого времени он уже полностью включился в биополе рукана и плясал «начальную фугу» — безостановочно, насколько хватало сил, — а потом повалился на землю и бился в такт лидирующей частоте энцефалоритма. Приведенный в чувство инъекциями стимуляторов, он сказал только одно: — Его съел рукан, — опять закатил глаза и провалился в беспамятство. Рукан лежал тут же, неподалеку — почему-то уже мертвый и высохший, будто мумия. Вызванные эксперты обнаружили на траве вмятины от шасси и мельчайшие брызги машинного масла. Маццони, кем бы он ни был, исчез бесследно. Борхварта не без труда поставили на ноги в военном госпитале столицы, однако он упорно молчал, несмотря на непрерывные двенадцатичасовые допросы. Он пробыл наедине с руканом около восьмидесяти часов — больше, чем любой другой человек до и после этого случая. Ходили упорные слухи о каком-то принятом им «Завещании Неба», якобы записанном на магнитофон и содержащем обращение к Земле некоего Галактического Содружества. Слухи, которые, к сожалению, ничем не были подтверждены. Кассеты безнадежно пропали, если только существовали во-

обще. Борхварта в конце концов отпустили за недостатком улик, и в тот же день он был застрелен неизвестным в аэропорту Рио-де-Жанейро, когда, по-видимому, ошалев от свободы, ожидал рейса на Лондон.

Это был, судя по описаниям, «говорящий рукан». Вероятно, «говорящими» были все руканы первого поколения. История их могла бы служить примером той колоссальной глупости, на которую еще способна Земля, хотя вряд ли Оракул или те, кто за ним, возможно, стоит — если только за ним действительно кто-то стоит, — оценивают наши намерения и поступки в рамках чуждых для них земных категорий.

История и в самом деле выглядела чудовищно. Сразу же после получения первых сведений был объявлен приз за каждого найденного рукана. Средства массовой информации разнесли эту весть по всем континентам. Тысячи вертолетов, частных и государственных, ринулись в сельву. Это называлось «Операцией по спасению внеземных форм жизни». Трудно было сказать, чего проявилось больше — страха или азарта. Слухи об экспедиции Борхварта также просочились в печать. Вспыхнула настоящая истерия: руканов боялись смертельно. Стреляли из пулеметов, стреляли особыми парализующими игольчатыми насадками, бросали газовые гранаты — хотя за живой экземпляр давали чуть ли не втрое дороже. Мы, вероятно, уже никогда не узнаем, сколько руканов было уничтожено в этот период. Согласно некоторым источникам, конечно, весьма неполным, по-видимому, не менее тридцати. Часть из них, скорее всего, попала в руки военных. Сыграла негативную роль и быстро распространившаяся и, как выяснилось несколько позже, достаточно правдоподобная версия, что руканы, по крайней мере, в нашем понимании этого термина, не являются разумными существами. Британский национальный музей приобрел труп рукана за полтора миллиона долларов, Галерея естествознания при Лиссабонском университете — за миллион триста тысяч, а такое благонамеренное учреждение, как государственный зоопарк ФРГ, также заплатив невероятные деньги, выкупил полуживого рукана у какой-то таинственной аргентинской организации «Экспорт-импорт». Рукан экспонировался в специальном зале четыре дня, билеты на получасовую экскурсию стоили до

тысячи марок, специалисты Научного Комитета, все эти четверо суток стучавшиеся в правительственные инстанции, получили доступ к объекту буквально на исходе последних минут: зафиксировали агонию. Потребовалось введение чрезвычайного межправительственного соглашения об уголовной ответственности за нанесение вреда руканам и всемерно освещаемое средствами массовой информации применение его на практике, чтобы остановить вакханалию. Но даже через полгода, после того как все живые и неживые объекты, продуцируемые Оракулом, по решению Генеральной Ассамблеи ООН, были взяты под контроль особой группы Научного Комитета, секта «Глас Господень» в глухом уголке Миннесоты, возвестившая о Втором Пришествии и провозгласившая руканов тридцатью тремя апостолами космического Христа, в полном составе сошла с ума — во время богослужения и ритуальной пляски трехсот человек, психогенным индуктором которой был некий рукан, неизвестно как выловленный и тайно доставленный на территорию США.

И, возможно, прав был Оскар Ф. Нидемейер, утверждая, что в системе семиотических отношений «Оракул — Земля» именно «говорящие» руканы представляли собой универсальный механизм транскрипции, сообщество посредников, нечто вроде персонифицированного словаря, и что потеряв так трагически и так нелепо почти все это первое поколение, человечество также навсегда потеряло простую и естественную возможность договориться с Оракулом. Дальнейшие усилия бессмысленны, потому что отсутствует главное связующее звено.

Факты, накапливающиеся день ото дня, казалось, лишь подтверждали это. Оракул с поразительным равнодушием относился к любым попыткам установить с ним непосредственное взаимодействие, одинаково игнорируя и простейшие световые коды, предложенные военными, и громоздкие топологические модели Научного Комитета — модели, которые, по мысли их авторов, должны были объяснить Оракулу биологическую и социальную сущность человека и человечества. Одно время большие надежды возлагались на органолептику. План симбиоза культур — «разумное в разумном» — захватывал воображение. Ученый совет Комитета дрогнул под натиском энтузиастов. Это был

период романтики, период нетерпеливых надежд, черный меч апокалипсиса еще не висел над миром, и даже нынешняя Зона Информации еще не была открыта. Четверо молодых футурологов, все — перспективные исследователи будущего культуры, — следуя головокружительным концепциям доктора Саакадзе, тоже знаменитого футуролога, кстати, тогдашнего неформального лидера Контактной группы, надев костюмы высокой защиты и нагрузившись всей мыслимой и немыслимой аппаратурой, таща за собой оплетенный металлокерамикой телевизионный кабель, нырнули в мерцающий мокрыми пленками «грибной лес» Чистилища и навсегда растворились среди зарослей гигантских бледных поганок, маслянистый сок которых капал с пластин под шляпками прямо в фосфорные, слабо колеблющиеся языки вечно горящего мха. Связь с группой продолжалась около восьмидесяти секунд, а затем наблюдатели вытащили из «леса» остаток кабеля. Он не был оборван или обрезан, как можно было бы первоначально предполагать, — жилы его, полностью сохраняя структуру, непонятным (по крайней мере, для нас), образом истончались и уходили за пределы точности имеющихся приборов. Еще четверо добровольцев готовы были пойти по следам первой группы, но, к счастью, энтузиазм поутих, раздались и были услышаны трезвые голоса. Научный Комитет, опомнившись, категорически запретил вторую попытку. Именно тогда по институтам и лабораториям мира прокатилась волна ожесточенных дискуссий о степени допустимого риска в науке. Против Саакадзе было возбуждено так называемое «нравственное расследование», которое, впрочем, ни к чему конкретному не привело, как и множество других аналогичных расследований, начатых примерно в это же время.

Параллельно с этим «футурологическим» экспериментом двое других энтузиастов, Лазарев и Герц, получив в обстановке неразберихи официальное разрешение, пытались проникнуть внутрь Оракула без использования технических средств: теплая, коричневая, шершавая поверхность купола, похожая на кожу гиппопотама, легко вминалась при малейшем нажатии на нее, выдавливала из себя бисер голубоватой влаги, растягивалась, как резина, возвращалась потом в

исходное состояние, но не обнаруживала никакого желания пропустить сквозь себя человека. Обследование продолжалось более одиннадцати часов. Результатов, во всяком случае, с точки зрения Комитета, не было. Но через трое суток после этого, единственного в истории, Контакта прямого соприкосновения первично у Лазарева и почти сразу же у Иоахима Герца начал развиваться быстро прогрессирующий паралич обеих рук, и летальный исход удалось предотвратить лишь путем немедленного и полного протезирования.

Кстати, именно Герц выдвинул в дальнейшем гипотезу, что Оракул в масштабах Космоса является не механизмом, а живым существом, простейшим организмом, подобным земной амебе, и, как таковой, не обладает не только разумом, но и сколько-нибудь сложным инстинктом. Появление его на Земле представляет собой особого рода «галактическую инфекцию», ликвидировать которую необходимо, прежде чем она поразит важнейшие области земной культуры. Сказалась, по-видимому, ксенофобия — психопатологическая реакция, отмеченная у многих людей, имеющих дело с Оракулом.

Герц был в этом отношении не одинок. Собственно, уже первоначальное знакомство с руканами поставило под сомнение разумность Контакта. Граница Заповедника (и, следовательно, предел биологического воздействия Оракула) находилась всего в двадцати километрах от места локализации Инкубатора, в двадцати километрах от дикого скопления лиан и бромелий, где в огромных, странно-живых, дышащих горькими испарениями чанах, образованных причудливыми срастаниями стволов и корней, холодно бурля и отжимая к краям бурую пену, чмокало и вздымалось осыпанное фиолетовыми искрами, призрачное, будто тлеющее желе «звездного студня». Была расчищена просека, связывающая обе Зоны. Ночью она подсвечивалась слабыми естественными люминофорами — на этом настаивали этологи. Однако вылупившиеся руканы упорно шли — в разные стороны, веером, наугад, и действительно, как котята, оказывались в топях непролазной гилеи. Из десяти новорожденных до места назначения доходил только один. Остальные же гибли, попав в лапы хищников или просто от истощения. Если, конечно, их сразу же не перехватывали и не

доставляли в Заповедник на вертолетах. Что само по себе, кстати, тоже было весьма непросто: рождение очередного рукана влекло за собой настоящую магнитную бурю — разумеется, ограниченной сферы, но такой интенсивности и частоты, что следящие установки будто окутывало свинцовым облаком — датчики безнадежно отказывали, и экраны телеметрии дрожали нетронутой голубизной. Трудно было поверить в подобную расточительную избыточность. Или уж следовало вопреки очевидным фактам предположить, что руканы не представляют для Оракула индивидуальной ценности, что они обезличены и могут быть без ущерба заменены друг на друга. В известной степени так оно, вероятно, и было, но этот напрашивающийся очень логичный вывод убедительно опровергался катастрофами в вычислительных центрах Боготы и Санта-Челлини, «бешенством» никарагуанского терминала, пытавшегося конфигуративно использовать «рапсодию демонов», и наконец, — известным параличом панамериканской Единой Компьютерной Системы (ЕАКС), положившим предел всем рассуждениям такого рода. Скорее уж можно было принять точку зрения экстравагантного Саакадзе, что руканы, в отличие от людей, воспринимают пространство — время слитно, в единой целостности; эта целостность имеет иные параметры, нежели привычная нам геометрия, и поэтому пространственная ориентация каждой особи происходит в координатах, выходящих за рамки земных. Более того, сам Оракул с сопутствующей ему атрибутикой — это всего лишь часть гораздо более сложной, пространственно-искаженной системы, «высунувшейся» в земную тщету из другого, недоступного нам, развернутого по иным осям мироздания.

Снова всплыла гипотеза Трубецкого о «случайном включении». Программа, постепенно реализуемая Оракулом, писал В. В. Трубецкой почти за год до первого апокалипсиса, абсолютна чужда и не имеет никакого отношения к нашей цивилизации. Мы случайно, в силу пока непонятных причин, отклонили на себя крохотный ручеек невообразимо мощного информативно-образного потока, существующего, по-видимому, уже много веков и предназначенного, скорее всего, совсем другому реципиенту. Мы включились в разговор

двух или более сверхкультур, безусловно обогнавших Землю по уровню своего развития. Мы не можем даже примерно догадываться о последующих этапах этой программы. Все равно как питекантроп, которого посадили к пульту атомной станции. «Вечный хлеб», «роса Вельзевула» и прочие вызывающие восторг чудеса вовсе не являются сознательными благодеяниями Оракула, как зачастую думают. Просто питекантроп из любопытства тронул клавиатуру компьютера. Нетрудно, видимо, предугадать, что будет дальше. Контакт, осуществляемый на субстрате минимальной и обрывочной информации, неизбежно приобретет уродливо-гротескную форму. Часы последнего представления уже тикают. Мы нажимаем кнопки, даже не задумываясь о результатах. Реакция, между тем, все больше становится неуправляемой. Последствия, которыми мы легкомысленно пренебрегаем, могут быть ужасающими как для отдельной страны, так и для всего человечества...

Подобные заявления, сделанные в безупречно корректной форме, неизменно будоражили общественное сознание, несмотря на резкие протесты ученых. Но что именно можно было возразить на эти упреки, если даже Роберт Макгир, организатор и первый председатель Научного Комитета, в беседе с журналистами на вопрос о целях появления Оракула прямо сказал: «Не знаем и, вероятно, никогда не узнаем»... Оставалось лишь трепетно верить в спячку Оракула. Феноменологические исследования, повторенные многими лабораториями десятки раз, однозначно показывали, что при отсутствии активного ввода информации в соответствующую Зону Оракул сворачивает деятельность Инкубатора, Чистилища, Моря Призраков, и даже не останавливающиеся никогда руканы — видимо, мозг системы — переходят на стационарную, повторяющуюся, облегченную пляску, в основном «менуэты», которая потребляет едва одну сотую операционной емкости подчиненных им военных компьютеров.

Дул ветер. Порхала подхваченная им бумага. Валялись сумки, коробки. Лохматой пастью зиял наполовину выпотрошенный чемодан. Белела фарфоровая скорлупа тарелок. Женщина в цветном легком халате, сидя на корточках, внимательно

но разглядывала босоножку. Другой рукой прижимала к себе белобрысого мальчика лет пяти. Тот вырывался. Закатившись в беззвучном плаче, топал ногами.

Женщина поймала мой взгляд и сказала, безмятежно и широко улыбаясь:

— Ремешок вот порвался, не могу идти... Вы случайно не видели где-нибудь моего мужа?.. Збигнев Комарский, программист... Он пошел посмотреть, что случилось... — Вдруг, спохватившись, начала запахивать халат на груди. Мальчик тыкал в нее кулаками, пытаясь освободиться.

Их заслонила старуха, толкающая перед собой проволочную тележку. Вздрагивали на ней тючки, взмахивал перьями пышный цветок, воткнутый между сеток.

— Вот это да-а... — растерянно сказал Водак.

Звякнуло, расседаясь, стекло. Изумительно чистый, нетронутый ручеек молока вытек из магазина. Его немедленно затоптали. Все куда-то бежали. Стремительно и бестолково, как муравьи, если разворотить муравейник. Во все стороны сразу. Не понимая, по-видимому, откуда грозит опасность.

— Эвакуация гражданского населения, — опомнившись, прокомментировал Клейст. — Это которое якобы в первую очередь. — Оступился на покатившейся круглой баночке из-под пива. — Ах, черт, вляпались!.. Ну, сделай, майор, что-нибудь, ты же — власть...

Водак, будто во сне, потрогал щеку, выпирающую порезом.

— Какая из меня власть? Я же — бюрократ, с бумажками имею дело, чиновник...

— Ну, какая ни есть, — настойчиво сказал Клейст.

Трехосный приземистый грузовик, точно еж, ощетиненный людьми и вещами, загородил улицу. Мятым радиатором он упирался в граненый железобетонный столб фонаря. Тот, переломившись посередине, пронзал лапой стекла на втором этаже. Повисли сорванные провода. Слабо искрил контакт, показывая, что напряжение в сети все-таки есть. Рослый мужчина с рюкзачком на спине пританцовывал на покрышке. Пытался протиснуться в низкий кузов, его молча отпихивали. В просевшем грузовике теснились даже на крыше. Мужчина упорно лез, орудуя перед собой ящичком, похожим на гробик. Тогда кто-то из кузова, не поднимаясь, ударил его в лицо.

Тело откинулось в воздухе и грохнулось об асфальт. Слышно было, как мокро, будто арбуз, хрупнул затылок.

Два длинных «призрака» вынырнули из-за угла и поплыли вдоль улицы, пошатываясь, точно пьяные. Этакие колонны высотой в два человеческих роста. Уже сытые — переливающиеся всеми цветами радуги. Вот они случайно соприкоснулись наэлектризованными верхушками — вылетел громкий треск, проскочили зеленоватые молнии.

— Майор!.. — воззвал Клейст.

Водак вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в небо. Тотчас от группы людей, которая копошилась у радиатора, подбежал к нему взъерошенный лейтенант без фуражки. Вытянулся и приложил руку к пустой голове.

— Господин майор... Нам полагается восемь грузовиков для эвакуации персонала, а прислали, простите, только одну машину... Также нет вспомогательных вертолетов... А по аварийному расписанию должно быть придано не меньше одного транспортного звена...

— Где начальник района? — голосом разделяя слова, спросил Водак.

— Начальник района?.. Не могу знать... — Лейтенант судорожно и как-то виновато сглотнул. Руку он так и держал у пустого виска, по-видимому, забыв. Он был в новой, отглаженной форме, совсем молоденький, наверное, только что из училища. — Начальник района по тревоге в штаб не явился. Я посылал к нему на квартиру, докладывают, что — никого... Связи с командованием округа тоже нет. Телефоны молчат. На чрезвычайные позывные ответа не получили... Господин майор! Нам требуются еще четыре грузовика! Или даже пять, если позволите...

Он с такой надеждой взирал на Водака, словно тот сейчас вынет и положит ему эти грузовики.

Панг — словно басовая струна лопнула в воздухе.

Ближний к нам «призрак» остановился и медленно потемнел. Наверное, кто-то второпях коснулся его... Панг!.. Я успел заметить перекошенное испугом лицо. Мелькнули отчаянно машущие ладони. Поверхность колонны сомкнулась, — по ней побежали цветные, меркнущие разводы. Слабо чавкнуло. «Призрак» от подошвы к вершине переливался коричневым.

— Засосал! — звенящим голосом, оглядываясь, произнес лейтенант. — Господин майор, он его засосал!..

— Кормится, — без особого интереса прокомментировал это действие Клейст. Достал сигарету и сладко понюхал ее, проведя под расширенными ноздрями. — Какие-то они сегодня ленивые, не находишь? Нажрались, наверное, по уши. Смотри — не торопится.

Он еще раз длинно и сладострастно понюхал.

Я от него отмахнулся. Мне было сейчас не до «призраков». Все мои мысли в эту секунду были о Катарине.

— Вы что, лейтенант? — недовольно, казенным голосом сказал Водак.

Лейтенант снова вытянулся.

— Виноват, господин майор!

— Ваша часть?

— Четвертое районное оперативное управление!..

— Где ваши люди?

Лейтенант с обидой моргнул девичьими ресницами.

— Они, господин майор, отказываются мне подчиняться...

— С ума сошли?

— Виноват, господин майор!..

— Пошли! — после некоторой паузы скомандовал Водак. — Вы, двое, — тоже! Не отставать!

Из грузовика на нас осторожно поглядывали. Сверху вниз; лица — не предвещающие ничего хорошего. Там находились несколько солдат в комбинезонах, но без пилоток. Водак решительно мотнул головой тому, который ударил мужчину.

— Ну-ка, слезай!..

Солдат недобро посмотрел на него и цыкнул слюной через борт.

— Слышал?

— Хватит командовать. Тоже мне — накомандовались...

— Хорошо, — сказал Водак, будто не ожидал ничего иного. Закинул ногу на колесо и с неожиданной легкостью взгромоздился туда всей тушей.

Я поспешно схватил его за рукав.

— Ты нас подождешь? Ладно? Дай мне слово... Ты только, пожалуйста, не уезжай без нас...

— Скорее, — сказал Водак, втискивая ногу в кузов.

По-моему, он меня не воспринимал. Времени не было. Я повернулся и побежал, стараясь не натыкаться на встречных. К счастью, бежать здесь было недалеко... Панг!.. Остановился и помутнел второй «призрак». Главное было — выбраться из этого проклятого места. Я шарахался. Весь город, казалось, сейчас очутился на улице. Называется, эвакуация; репетировали, наверное, раз десять. Специальная программа была: «Безопасность гражданского населения». Почему это у нас все программы всегда летят к черту? Я, как заяц, сигал через какие-то брошенные мешки и ящики. Бардак был жуткий; трудно было даже вообразить, что такое возможно; одних только туфель валялось на мостовой, наверное, штук пятнадцать... наволочки... шторы... крепкое еще клетчатое одеяло... Серая крыса, вызмеив грязноватый хвост, по-хозяйски, неторопливо копалась в бумажном свертке. Вскинула мордочку и повела усами, будто предостерегая. Еще пара «призраков», светящаяся, голодная, вынырнула из переулка и заскользила над водостоком. Они прошли совсем рядом со мной — пахнуло свежим озоном, и у меня, как живые, зашевелились волосы от близкого электричества. Я едва успел отскочить в какую-то нишу. «Призраки» не опасны. Это всего лишь рецепторы, блуждающие в поисках информации. Уйти от них, если захочешь, не составляет труда. И тому, которого только что засосало, тоже ничего не грозит. Неприятно, конечно, попасть внутрь «призрака» — огненный туман вокруг, желтый и алый, будто сердцевина костра; ни черта не видно; кружась, проваливаешься в пустоту; вспыхивают разноцветные искры, плывут точки и пятна; тела не чувствуешь, словно в состоянии невесомости. А в ушах переливами меди гудит мощный нескончаемый гонг. Но, в общем-то, ничего страшного нет. Через минуту «призрак» переварит новую информацию и выбросит человека наружу. Последствий, как правило, никаких, проверено неоднократно. Разве что жалко терять даже одну-единственную минуту.

Народу на улицах стало значительно меньше. Я спешил. Ветер надувал занавески в распахнутых окнах. Трепетала на театральной клумбе афиша: человек во фраке, взмахивающий дирижерской палочкой. Где-то под самыми крышами мучили пианино — нечто торжественное, безнадежное, будто специально к данному случаю. Я взлетел по лестнице. Дверь в квартиру

Катарины была приоткрыта. В прихожей валялись — круглое ручное зеркальце, платок, карандаш для бровей. Я на всякий случай позвал — в ответ зазвенела неживая какая-то тишина. Разумеется. Я и не рассчитывал, что Катарина будет сидеть сложа руки. Она ведь не сумасшедшая, знает, что следует делать в случае чрезвычайных обстоятельств. Но и не придти сюда, чтобы убедиться в этом, я тоже не мог. Я чувствовал бы себя последним трусом, если бы не пришел. Теперь понятно, почему герои и дураки гибнут в первую очередь. Радио не работало. И аварийная сеть, и собственно городская трансляция. В простеньком репродукторе на стене не было даже обычного фона. Я прошел на кухню. Тепловатая вода из крана еще сочилась. Я, захлебываясь от нетерпения, глотал вялую струйку. Где-то редко и далеко, по-видимому, на окраине, стукнули выстрелы. Следовало торопиться; с чего это я решил, что Водак будет меня ждать. Одного человека. Или пусть даже двоих. Не будет он ждать — у него теперь на руках целый район.

В кране надсадно запшикало, захрипело, и я его выключил. Вытер лицо ладонью, стряхнул на пол вялые капли. Все, коммунальные службы прекратили существование. Что-то неуловимое изменилось на улице. Что-то со светом, который как будто вывернулся наизнанку. Я так и замер — не дотянувшись до двери. А потом быстро, словно кто-то меня толкнул, обернулся к окну.

Грубая, толстая, угловатая трещина расколола небо. Будто черная молния простерлась вдруг от горизонта до горизонта. Ломаные края ее заколебались и начали отодвигаться. Абсолютно бесшумно, точно во сне, разомкнулась небесная льдина. Открылся купол Вселенной. Зажглись колючие звезды. Темный, как после смерти, холод сошел на землю. И ко мне в сердце — тоже сошел вечный холод. Потому что это уже был финал: погасили свет и упал тяжкий занавес. Апокалипсис. Бронингем. Сентябрь — когда распахнулось небо. Пять лет назад. Осень земных безумств. Четыре Всадника на гремящих костями клячах. Четыре оскаленных черепа с выставленными вперед зубами. Вплавленные в булыжник площади, четкие следы подков. Красная звезда Полынь, поднявшая над городом мутное зарево и сделавшая воду — горечью, а воздух — огнем. Люди искали смерти и не находили ее...

Меня пробирала дрожь. И, наверное, поэтому я не сразу понял, что в соседней комнате кто-то неразборчиво разговаривает. Шепотом, будто мышь шуршала в старых газетах. Я на цыпочках подкрался туда и толкнул стеклянную дверь. Катарина, зажмурив глаза, одетая и причесанная, вытянулась на диване. Левая рука ее в синих венах на сгибе свешивалась почти до пола — там валялась открытая сумочка и выпавший из нее кожаный кошелек, а сведенной правой рукой она прижимала к губам янтарный светящийся плоский кулончик магнитофона. Такой же кулончик имелся и у меня, только я его не носил. Рядом же, на журнальном столике, находился стакан воды и яркая упаковочка пегобтала. Эту упаковочку, слава богу, ни с чем не спутаешь. Огненные буквы названия фосфоресцировали даже в полумраке зашторенной комнаты.

Итак, начался «сеанс». Она, вероятно, оделась, взяла с собой самое необходимое и уже выходила на лестницу, когда начался «сеанс». Надо же — как нам обоим не повезло. Я прижал пальцами теплое, чуть выгнутое запястье. Пульс был еще отчетливый — ровный и достаточно сильный. Значит, «сеанс» начался минут пятнадцать-двадцать назад. Катарина вдруг нервно вздохнула и подняла веки. Меня она, разумеется, не узнала. Что естественно: во время «сеанса» реципиент полностью отключается от внешнего мира. Упаковочка пегобтала оказалась нетронутой: десять пар глянцевых, интенсивно-желтых, продолговатых капсул. Вероятно, принять транквилизаторы она все-таки не успела. Я просунул ей сквозь напряженные губы сразу две скользких таблетки. Вот так, теперь лучше, теперь можно, по крайней мере, не опасаться за психику. Капсулы растворились мгновенно. Катарина продолжала шептать. Что-то непонятное, как будто говорила сразу на нескольких языках. Трижды, точно боялась забыть, повторила, повысив голос: «Зеркало... зеркало... зеркало...» Я даже вслушиваться не пытался. Никогда нельзя знать заранее, имеет ли передача какой-нибудь смысл. Связь с Оракулом — дело исключительно темное. Тихомиров, кстати, считает, что это вообще никакая не связь, а периодический вывод отработанной информации за пределы Зоны. Сброс мусора, очистка низовых понятийных коллекторов. Все может быть. Далеко не каждый человек способен принять передачу. Я, например, к счастью или к сожале-

нию, не способен. А у Катарины, если считать нынешнюю, это уже четвертая. Поэтому она и не расстается с магнитофоном. Записями передач заполнены сотни километров дорогостоящей пленки. Над дешифровкой ее бьется целый исследовательский институт. И его работу на всякий случай дублируют еще два института. Только результаты у них почти нулевые — бред остается бредом: обрывки фраз, сумятица мыслей, очень редко — короткий связный абзац. Философия хаоса, как назвал это Ингвард Бьернсон. Мысли праматерии. Хотя, если по справедливости, возможно, не такой уж и бред. Технологию «вечного хлеба» выудили именно из передачи. И «напевы сирен», снимающие шизофрению, и в конце концов «философский камень» — тоже. Правда, мы пока не очень-то представляем, зачем нам этот «камень»: неядерная трансмутация элементов — кошмар современной физики. Поймал его, кажется, еще Ян Шихуай. Он потом умер от остановки сердца во время второго «сеанса». Тогда еще представления не имели о летаргическом воздействии передач. Реципиент обходился без пегобтала — своими слабыми силами. Сколько их отправилось в сон, из которого не возвращаются. И ведь уже догадывались подсознательно, но все равно выходили на связь. Отбою тогда не было от желающих. Романов... Альф-Гафур... Витке... Кляйнгольц... сестры Арбетнотт... Сестры Збарские... Поливановы, целой семьей, отец и два сына... Список можно было продолжить до бесконечности. Тогда казалось, что после долгих лет растерянности и непонимания возник настоящий, целенаправленный, «смысловой» диалог, что Контакт, которого столько ждали, начинает овеществляться, что еще вот-вот, еще одно усилие, один крохотный шаг — и рухнет стена молчания, упадет пелена с глаз, мы все поймем — откроются звездные дали... Сколько надежд впоследствии оказались безнадежно разрушенными...

Пегобтал тем временем действовал. Катарина дышала хоть редко, зато уже глубоко и спокойно. Заблестели живые глаза между веками, порозовела бледная кожа на скулах. Правда, я не знал, что делать с ней дальше: идти она не могла, — собрал сумочку, на всякий случай подготовил шприц для себя. Это требовалось обязательно: я мог спонтанно, вторым партнером, включиться в «сеанс». Тогда мы вообще отсюда не вы-

беремся. Было тихо. Звезды ледяной мелкой крошкой смотрели в окно. Жесткие серебряные их лучи очерчивали контуры зданий. Будто в обмороке, лежал на боку тонкорогий месяц. Все-таки надо было на что-то решаться. Где-то близко, по-видимому, этажом выше, еще терзали рояль. Теперь — Шопеном, «Траурный марш», си-бемоль минор. Погребальные звуки жутковато сочетались со звездами. Я сорвался, точно подхваченный, — прыгнул через две ступеньки, через четыре, забарабанил в двери. Выглянул старик в клетчатой мягкой домашней куртке. Развел в недоумении длинные руки:

— Оказывается, я не один тут остался...

Лицо его почему-то казалось знакомым.

— Помогите, пожалуйста, — требовательно сказал я. — Надо отвести заболевшую женщину на эвакопункт...

Старик вздернул брови:

— Соседи?

— Да, снизу...

Он замешкался, нерешительно перебирая на куртке тусклые пуговицы. За спиной его открывалась громадная, как банкетный зал, комната. Рояль в центре ее, под люстрой, казалось, еще звучал струнным нутром.

— Прошу вас... — через силу выдавил я. — Ей плохо... Это моя жена...

Старик сразу же заторопился.

— Конечно-конечно... — Увидев распростертую Катарину, всплеснул руками: — Что с ней?...

— Ничего страшного, просто передача «оттуда». Врач здесь не нужен, только идите рядом... Потеряю сознание — сделаете мне инъекцию...

— Именно вам?

— Именно мне. Шприц в кармане — заряженный. Умеете обращаться?

— Безыгольный? — несколько ошеломленно спросил старик.

— Точно так: прижать, включить поршень...

— Тогда сумею.

Я осторожно снес Катарину по лестнице. Она была странно-гибкая и тяжелая, будто из пластилина. Улица встретила нас сумеречным нездоровым зноем. Неподвижность царила

такая, будто все уже умерли. Только полосатый котище с мышью в зубах шарахнулся от людей в подворотню да беспомощно, словно жалуясь, пропел в чьем-то окне будильник.

С афишной тумбы глядел на нас человек во фраке. Тот самый старик.

Теперь я его узнал.

— Вы же Хермлин... — сказал я между двумя глотками воздуха. — Точно-точно, вы давали у нас концерт на прошлой неделе. Только тогда вы были во фраке и с «бабочкой»... Боже мой, почему вы не ушли вместе со всеми?..

— Мне семьдесят лет, и я здесь родился, — сказал старик. — Был изгнан, вернулся, стал почетным гражданином города. Снова был изгнан — это уже при «Великом Корвалесе». Опять вернулся — по приглашению демократического правительства... — Он оглядел дома, замершие в знойной ночной глухоте. — Вот как все в конце концов завершилось... Извините, не сразу сообразил, о чем вы меня просите...

— Писали что-нибудь?

— Нет, пока просто слушал. Понимаете, звук сегодня какой-то особенный...

Мы медленно продвигались по вымершей улице. Катарина, действительно, как пластилиновая, еле переставляла ноги. Иногда просто волочила ступни по асфальту, повисая на мне. Хермлин, не говоря ни слова, подхватил ее с другой стороны. Дышал со свистом. Как у ящерицы, проступила гортань на старческой тонкой шее. Чувствовалось, что каждый шаг дается ему с колоссальным трудом. Было неловко, но ничего другого я в данный момент придумать не мог. Я ведь тоже не трактор, одному мне Катарину было не дотащить. Разумеется, лучшим выходом было бы дождаться конца «сеанса». Катарина придет в сознание, будет хоть что-то соображать. Однако передача могла длиться и два часа, и четыре, и целые сутки. Мы таким временем просто-напросто не располагали. «Предел разума», будто меч смерти, висел над городом. Уже изогнулось в просветах крыш черное потустороннее небо, уже распускались на нем гроздьями и соцветиями тысячи ярких звезд, уже блистала, так что больно было смотреть, атомная громада солнца. Пейзаж становился контрастным, будто в открытом космосе. Страшные непрозрачные тени расчертили асфальт. Хорошо еще,

Хермлин не читал закрытых материалов — из «синей папки». Можно было сойти с ума от одного ожидания.

Я искоса посмотрел на него. И Хермлин, почуяв мой взгляд, тут же остановился.

— Пожалуйста... Отдохнем немного...

Поперек мостовой был брошен здоровенный никелированный сейф. Мы кое-как пристроили Катарину на грани, которая сияла как новенькая. Хермлин, помогая себе руками, тоже уселся. Взялся за грудь и сдавил ее, видимо, успокаивая дыхание.

— Я вам... наверное... больше мешаю... Сейчас-сейчас... Через минуту пойдем... Сердце что-то зашкаливает...

— У вас, кажется, недавно была операция?

— Два года назад...

— Что-нибудь серьезное?

— Нет, просто вшили искусственный клапан... Старый-то, знаете, чуть-чуть подтравливал...

— Вот что, — решительно сказал я. — Оставайтесь здесь, я скоро вернусь. Ничего не бойтесь, я приду с людьми, и тогда мы вас заберем. Главное, что бы ни происходило, не уходите отсюда. Мы вас обязательно заберем, я вам клянусь...

Хермлин усиленно кивал после каждого слова.

— Вам совершенно не обязательно возвращаться, — сказал он.

— За кого вы меня принимаете?

— К сожалению, за человека... Ради бога, простите! Старческое слабоумие...

Спорить и доказывать что-либо не имело смысла. Я махнул им рукой и побежал, чувствуя усиливающуюся резь в боку. У меня совсем не было сил, но я все-таки побежал. Водак нас не оставит. Он, скорее всего, уже навел порядок среди своих. Чтобы помочь, требуются еще два человека. Он же с Катариной знаком, они танцевали вместе на День независимости. Я еще тогда, как дурак, приревновал их обоих. Я оглядывался и видел сейф с приткнувшимися на нем человеческими фигурами. Катарина то и дело подныривала, будучи, видимо, не в состоянии держать спину, а похожий на кузнечика Хермлин хватал ее за плечи и не давал повалиться. Сердце у меня конвульсировало где-то под самым горлом, пот пощипы-

вал веки, а горло свистело, будто продырявившийся насос. Хорошо, что здесь было действительно недалеко. Всего метров четыреста, практически рядом. Я найду Водака, и он даст мне людей. Все у нас будет отлично. Только — быстро, и чтобы выбраться из сектора поражения. Из того, который выделен на штабных картах ярко-малиновым цветом. И хотелось бы, разумеется, до того, как полетит железная саранча. С саранчой нам тоже сталкиваться ни к чему. Я свернул, и еще раз свернул, и выбежал наконец на главную улицу.

И остановился как вкопанный. Порядок там был, разумеется, наведен.

Однако вовсе не Водаком.

Офицер в черном мундире и сияющих лаковых сапогах, взмахивая перчаткой, выкаркивал отрывистые команды. Потные сосредоточенные солдаты сгоняли всех, выстраивая в колонну по четверо. Быстро оцепили ее с двух сторон — рукава засучены, пыльные мослатые «шмайссеры» — наизготовку. Серые, с прочернью на спине овчарки натягивали поводки. Уши — торчком, острые волчьи пасти — оскалены. В ближнем краю шеренги я различил долговязого Клейста. Он, как на прогулке, курил, выпыхивая перед собой светлый дым. Точно все происходящее здесь его никоим образом не касалось. Торопящийся вдоль колонны солдат задержался и сильно ткнул его кулаком в зубы. Сигарета вылетела; Клейст с пугающим безразличием потрогал разбитый рот. Он, по-моему, все равно скривил губы в усмешке. На одеревеневших ногах я попятился — обратно, за угол. Сердце, оторвавшись от горла, ухнуло куда-то вниз. Слава Богу, что я не притащил сюда Катарину. Вдруг один из солдат обернулся ко мне и навел автомат. Я прирос, уже заранее ощущая себя покойником. А офицер, который тоже посмотрел в мою сторону, поднял лайковую перчатку и лениво, будто не человеку, а псу, указал на место в колонне.

Итак — Бронингем, сентябрь, осень земных безумств. Отверзлось небо, и сухим дождем прошелестели над землей звезды. Потек с высоты горький запах. Шевельнулся во вселенском просторе необъятный гром. Пали ниц птицы. Магическим тонким светом оделся гибнущий город. Померкли сердца человеческие. Выше небес вздулся бледный пузырь огня.

Сценарий Армагеддона — как его в то время осуществил Оракул — практически совпадал с соответствующими местами известного описания. Треснула земная твердь. Колыхнулись воды. Сияющий престол Господа повис над миром. Очевидцы потом утверждали, что он был похож на золотой сундук гигантских размеров. Сверкал и переливался, усыпанный по граням бриллиантами.. Двадцать четыре старца в белых одеждах преклоняли колена. Двадцать четыре отрока держали над ними сияющие опахала. Аналогия, если следовать каноническому сказанию, более чем поразительная. Радуга вокруг престола, подобная изумруду. Стеклянное море, как бы из хрусталя, и семь светильников, кои суть семь духов Божиих. На престоле же восседал Некто, по-видимому, недоступный воображению... Человеческое ухо, покрытое живыми, шевелящимися волосами... Глаз, растекшийся студнем в треть небосклона... Палец с янтарным ногтем... Гладкая коричневая щека во влажных порах... Фоторобот этого Некто даже в самых общих чертах смонтировать не удалось. Срабатывало, вероятно, запредельное торможение, лимит восприятия. Четыре животных пребывали от него ошую и одесную. «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей горячих; и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: Свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет»... (Подробное описание так называемого «служения» см. в «Дневнике Осборна».) Старцы снимали золотые венцы и клали их перед престолом.

Совпадение сценария и канонического изложения однозначно наводило на мысль о существовании экспозиции. Образ человека из Патмоса, естественно, завладел умами. Значение Богослова было понято сразу же и на самом высоком уровне. Библейский пророк — трансформация реальной личности или молекулярная кукла, созданная Оракулом; Голем, Франкенштейн, автомат, муляж, чучело с искрой сознания... Не все ли равно: операция «Иоанн» была развернута в грандиозных масштабах. Особую роль тут сыграло вынырнувшее, точно из небытия, письмо Брюса. Его доставили беженцы, хлынувшие в соседний район, который уже закипал черными слуха-

ми. Голодные, в рубищах и опорках за неимением нормальных одежд, похожие больше не на людей, а на призраков, скитающихся после смерти, они затопили ближайшие крохотные городки, принеся с собой страх и панику, примерно часа через четыре после того, как воинская спецкоманда, посланная в сторону Бронингема для сбора сведений, вошла в центр апокалипсиса и растворилась в нем. Кстати, именно тогда обнаружились первые признаки хроноклазма: беженцы упорно твердили, что находятся в пути уже много суток, а сам апокалипсис начался чуть ли не месяц назад. Оборванец с гноящимися глазами, обмотанный заскорузлыми тряпками, будто дряблый мертвец, возник у белоколонного здания местного муниципалитета, где среди панического верещания телефонов, хрипа электронной связи и взаимоисключающих телеграмм, осажденная прессой, политиками и просто встревоженными обывателями, Чрезвычайная Комиссия по Контакту, созданная Советом Европы всего сутки назад, крутясь, как щепка в стремнине, напрягала все свои пока еще слабые силы, пытаясь взять контроль над лавиной событий, — молча прошел мимо оторопевшей охраны в комнату председателя, вытащил из гнилых лохмотьев засаленный, грязный, порванный по краю конверт с надписью печатными буквами: «Секретно. В личные руки» и, по-прежнему ни слова не говоря, положил его на стол перед ошеломленным Грюнфельдом. Вероятно, это был Бернард Каллем, физик-спектрометрист, заместитель Брюса по лаборатории; в Бронингеме у него, как установили впоследствии, погибла семья, и он сам потом также бесследно исчез, сгинул в водовороте тех дней, как тысячи других граждан. Письмо было написано неразборчивым карандашом на обойной бумаге и датировано тремя днями вперед — еще один признак странного хроноклазма. Сухой стиль его произвел на Комиссию громадное впечатление. Брюс, по существу, первый твердо и без обиняков заявил, что происходящие здесь события есть апокалипсис, и, не утруждая себя оговорками, принятыми в научной среде, напрямую связал его с деятельностью Оракула. — Ищите посредника, — писал он, развертывая план дальнейших исследований. — Ищите того, кто знает. Ищите Иоанна Богослова из Патмоса... — Дело таким образом было сделано. Тройные карантинно-пропускные заставы перекрыли район. Уже

первые беженцы, вопреки протестам врачей, были прокручены через полиграф. Началась охота за прорицателями, которые, как чертики на пружинах, выскакивали по всему городу. Это напоминало знаменитую «Бойню пророков», только в организованном варианте. — Мы по-прежнему не готовы, — мрачно и спокойно, блестя северными глазами, говорил Амальд Грюнфельд на экстренном заседании Совета Безопасности. — И я просто не представляю, что мы сможем быть готовы когда-нибудь при существующем положении дел... — Дискуссия, вынесенная тогда же на Ассамблею, имела, тем не менее, один непредсказуемый результат. Был установлен обсуждаемый уже много лет «Предел разума» (во всяком случае, так его предпочитали официально именовать), то есть, тот максимальный объем продуцируемых Оракулом изменений, который Земля могла допустить. Превышение этого уровня означало угрозу существованию, следовал, согласно решению Ассамблеи, так называемый «поворот ключа», нанесение удара всеми имеющимися военными средствами, контакт с Оракулом прекращался, дверь захлопывалась.

Это было уже более чем принципиальное ограничение. Мнение Бусано Хинара о случайном сочетании фактов: падения авиетки — так была обнаружена Зона Информации, и последующего развертывания апокалипсиса, не снискало поддержки. Скорее уж можно было согласиться с гипотезой Артура Пенно, который усматривал здесь защитную реакцию «гостя» на катастрофическое воздействие. В контакте с Оракулом, как в Контакте с иным разумом вообще, важна в первую очередь форма, ибо она, в отличие от содержания, воспринимается непосредственно. Гибель самолета с двумя пассажирами представляла собой акт недвусмысленного уничтожения. Форма ответа, последовавшая за этим, была адекватной. Наше счастье, что Оракул избрал сравнительно мягкую «метафорическую» сценографию, а не Хиросиму, например, и не европейскую чуму тринадцатого века.

Данная интерпретация катаклизма была ценна, помимо упрощения смысла, еще и тем, что часть вины, пусть чисто формально, перекладывалась на Землю. Принесенные жертвы имели, таким образом, хотя бы видимость оправдания. Факт (по крайней мере, в глазах политиков) очень весомый. К со-

жалению, отсюда с неизбежностью вытекало, что реализация планов типа «Предела разума» повлечет за собой, скорее всего, полное уничтожение человечества. Однако эту «темную» сторону перспективы предпочитали не обсуждать вообще.

Дневник Осборна в его восстановленном виде гласил: «...Книга синего бархата — с семью печатями... Печати багровые, кажется, из запекшейся крови... Кто достоин открыть сию книгу и снять печати ее?.. Человек в текучих одеждах, от них — сияние... Ангел, как будто заколотый, семь рогов у него и семь ярких очей... Кланяются ему старцы... Животные падают на колени и трепещут крыльями... Боже мой!.. Четыре громоподобных всадника выезжают на площадь!.. Я их отлично вижу — за разрушенным зданием универмага... Мое имя — Осборн... Боже всемогущий, сохрани и помилуй меня!.. У коней ребра, как обручи на железных бочках... Мосластые ноги... Плавится и дымится булыжник... Ужасный грохот копыт... Скелеты в седлах, безглазые, оскаленные черепа... Конь белый — всадник с серебряным луком, конь рыжий — всадник с мечом, блистающим, будто смерть, конь вороной — всадник с пляшущими в руке весами, конь бледный — всадник с косой, перекинутой через плечо... Имя его нельзя произносить человеку... Кажется, разламывает еще две печати... Ад идет по земле... Трудно писать, трясутся стены, потолок, даже сам воздух... Сыплется штукатурка, трещины, дом, видимо, скоро обрушится... Сумерки, будто на солнце накинули шерстяной плед... Еле просвечивают сквозь него ворсяные пятна и полосы... Луна, как короста, и от нее — свет серый, загробный... Доколе Владыка, святой и истинный, не судишь живущим на земле за невинную кровь?.. Страшная, пустая, безжизненная Вселенная... Конец Света — неужели все, как было предсказано?.. Боже мой!.. Край неба загибается, озаренный как бы тусклой свечой... Оно сворачивается, точно бумажное, скатывается за горизонт... Невыносимо трясутся стены, прыгает карандаш... Это, наверное, последние завершающие минуты мира... Мое имя — Осборн... Бронингем, четырнадцать — двадцать четыре... Сегодня истек тринадцатый день Конца Света... Всякая гора и всякий остров сдвинуты с мест своих... Цокот копыт... Странно, как я это все вижу во мраке... Седьмая печать... Безмолвие... Отравленная пустыня... Видимо, единственный человек

из плоти и крови... Мое имя — Осборн... Темнота... Смерть... Крушение... Камни, падите на меня и сокройте меня от лица Сидящего на престоле... Ибо пришел великий день гнева его; и кто устоит?..»

Этот чрезвычайно насыщенный и, пожалуй, самый подробный из имеющихся (если, разумеется, не считать по-научному обстоятельных, однако скучноватых «записей Брюса») документ был обнаружен в запаянной коробке из-под сигар при расчистке завалов центрального квартала в Бронингеме. Сам Осборн, служащий местного банка, вне всяких сомнений, погиб. Фотокопии дневника странным образом попали к журналистам и были опубликованы. Что, естественно, породило необычайную вспышку религиозного исступления. Спор об истинной сути апокалипсиса смутил умы. «Если не Он, то кто?» — громогласно вопросил с кафедры городского собора епископ Пьяченцы. За что сразу же был лишен не только обширной епархии, но и права богослужения. Церковь, видимо, не желала ничем связывать себя в данном вопросе. Иерархи, всячески избегая прессы, медлили и колебались. Поговаривали о созыве Вселенского собора христианских конфессий. Научный Комитет железной рукой отвергал любые теологические построения. Еще можно было бы со скрипом и мучениями принять точку зрения Карло Альцони, профессора богословия в Панте, состоящую в том, что нынешнее появление Оракула есть уже, по крайней мере, второе в истории человечества, память же о первом таком пришествии сохранил для нас Новый завет — это было не то чтобы истинно, это в конце концов не размывало основы, — но ведь даже в идейно выдержанной среде Научного Комитета то и дело возникали попытки настоящих культурологических экзогез, правда, тщательно отстраненных и упакованных в треск узкоспециальной терминологии. Например: Земля и Оракул, взятые по отдельности, не представляют собой объективированных «сущностей бытия». Реальные отношения между ними есть отношения между вечностью и моментом. Само человечество продуцируется Оракулом из «абсолюта» в мир «быстрых жизненных форм» и всем ходом своей истории участвует в исполнении плана, лежащего за пределами воображения. Никакой диалог между ними не осуществим даже в принципе. Любопытный образчик со-

здания Вседержителя под личиной воздействующего на нас феномена неизвестной культуры.

Концепция традиционного Бога не выдерживала никакой критики. Апокалипсис, как зафиксировала Комиссия, продолжался в земном исчислении не больше семидесяти часов и охватывал собой крайне незначительную территорию, то есть был весьма ограничен во времени и пространстве. Правда, непосредственно в центре событий длительность его существенно возрастала: «Дневник Осборна», например, насчитывает в общем итоге почти три недели, а строго последовательный «протокол» педантичного Брюса — целых тридцать суток сюжетно разворачивающихся событий. Плотность времени, таким образом, имела ясно выраженный градиент, но проблема хроноклазма, с какой бы стороны ее ни исследовать, вполне поддавалась решению в рамках обычных для современной науки физических средств и не требовала объяснений с привлечением Бога или неких потусторонних аллюзий. Тем более, что сразу же были высказаны и крайние точки зрения. Апокалипсиса не было вообще, заявили Антонов и Бельц в интервью одному из парижских еженедельников. Оракул действительно «сбросил» громадный по масштабам многослойный информационный пакет, но — чрезмерный для человека и предназначенный исключительно коллективному разуму. Содержание «мессиджа» не имеет аналогий в культуре Земли; смысловые связки распались, информация поэтому была воспринята искаженно. Насильственно объединенное, хаотическое сознание граждан Бронингема обратилось, как и следовало ожидать, к знакомым зрительным формам. Поток овеществленных ассоциаций хлынул в единое русло. Апокалипсис — дело случая, мы видим вовсе не то, что нам пытаются показать. Катастрофа, если уж называть ее именно так, потому и текла вне «чистого» времени, что оставалась сугубо психологической. За пределами собственно восприятия ее просто нет. «Протоколы Брюса» не убеждают, это лишь отражение личности, и ничего более.

Основания для подобных заявлений, конечно, имелись. Станции сейсмического контроля даже в непосредственной близости от Бронингема не зафиксировали в течение апокалипсиса хоть сколько-нибудь существенной активности земной коры,

и метеослужба, чьи сводки, разумеется, были также досконально изучены, не отметила в данный период значительных атмосферных явлений. Сомнения Антонова и Бельца, таким образом, были подкреплены. Однако семь чаш гнева Божьего пролились на землю... «И сделались град и огонь, смешанные с гноем и кровью, и третья часть деревьев сгорела, и вся трава, зеленая бывше, сгорела тоже, и гора, пылающая огнем, низвергласъ в море, и третья часть моря сделалась кровью, как бы от мертвеца, и все одушевленное умерло в море, и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны, и третья часть звезд, так что затмилась третья их часть, и третья часть дня не светла была, так же, как и третья часть ночи...»

Лаборатория Брюса располагалась на самой окраине города. Градины синего цвета били, как пули, глубоко уходя под почву. Двое лаборантов погибли тут же, замешкавшись на открытом месте. Остальные, по распоряжению Брюса, надели освинцованные костюмы радиационной защиты. Это, по-видимому, спасло им жизнь, когда загорелся воздух. В подвалах здания обнаружились небольшие запасы продуктов. В мастерской авторемонтной стоянки нашелся движок средней мощности. Удалось даже подключить кое-какую аппаратуру. На магнитной пленке, частично сохранившейся и позже тщательно восстановленной, среди гула, треском и скрежетов, которые и сами по себе вызвали интерес, можно было разобрать далекий, как бы плывущий над миром голос: «Горе, горе, горе живущим на земле!..» Эта запись, естественно, породила ожесточенные споры и обвинения в фальсификации. Гектор Лаймон, накрывшись металлическим кожухом, собрал некоторые скудные образцы. Градины обладали потрясающей теплоемкостью и буквально прожигали стенки титановых тиглей. Сохранить их до прихода спасателей, к сожалению, не удалось. Первая неделя заточения прошла, тем не менее, сравнительно благополучно. Группа даже несколько увеличилась за счет жителей ближайших кварталов. Отремонтировали машину и совершили небольшую вылазку в город. Брюс наладил радиостанцию и посадил одного из техников следить за эфиром. Он, по-видимому, сразу же сориентировался в обстановке: записи в «протоколе» с самого начала велись четко и чрезвычайно подробно. Теперь можно было, вероятно, на что-то надеяться.

Но в понедельник, к исходу дня, вострубили ангелы, имеющие семь труб... «И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде — Полынь: третья часть вод сделалась горькой полынью»,.. Положение группы после этого ощутимо ухудшилось. Скончался Бингсби, неосторожно набравший воды из верхнего резервуара. Еще трое сотрудников получили тяжелые отравления. Дистилляцию в требующихся объемах наладили с громадным трудом. Некоторые исследования все-таки были продолжены. Пробы «полынной воды» были запаяны в колбы из пероксного стекла. Позже анализ обнаружил в них так называемую «росу Вельзевула», чрезвычайно загадочную, но все же реально существующую субстанцию, что, естественно, нанесло серьезный удар по психологическим версиям апокалипсиса. Наибольший интерес в «протоколах» представляет, конечно, не слишком обширное упоминание о «запечатленных», то есть описание тех, кто, если верить источникам, был предназначен спастись. Кстати, именно эта часть текста почему-то никем не оспаривалась. Брюс, во всяком случае, наблюдал «запечатленного» сам: голый, перепачканный глиняными потеками человек неторопливо шествовал через двор, ступая прямо по лужам пылающего мазута, и на лбу его бледной фосфорической зеленью горел некий вензель. Он не отозвался на оклики и пропал в смертельном дыму. Пленка, на которой его зафиксировали, оказалась засвеченной. Воспроизвести «вензель» по памяти также не удалось. Согласно собственно «Апокалипсису», таких «спасенных» должно было быть ровно сто сорок четыре тысячи. Цифра, по сравнению с населением Бронингема, конечно, явно завышенная. Однако уже после трагического завершения данных событий ходили упорные слухи об исцелениях якобы сразу от всех болезней, о «сподобившихся», то есть узревших Истинное Откровение, и о неких «странниках благодати», якобы не горящих в огне и не тонущих в водах. Всплывали весьма конкретные имена. Операция «Иоанн» получила новую фазу развития. После длительных споров возобладало мнение Олласа Хертвига, что Оракул путем апокалипсиса пытается выделить необходимых посредников, то есть таких людей (или, может быть, выражаясь точнее, существ), которые по своим психофизиологическим характеристикам

были бы способны к восприятию нетрадиционной семантики. Практические решения последовали незамедлительно. Появилась вызвавшая множество нареканий «Булла о карантине». Беженцы были изолированы, впрочем достаточно комфортабельно. С каждым из причастных к событиям в Бронингеме работали одновременно два-три аналитика. По слухам, применялся гипноз и мягкие галлюциногены. Это, в свою очередь, привело к скандальным разоблачениям в прессе. Колоссальные объемы информации ушли в частные руки. Все безрезультатно — легенды иссякли, критерии оказались ложными. К сожалению, никто не общался с «запечатленными» непосредственно, и поэтому мы не знаем, чем они в действительности отличаются от других людей.

В конце сентября группа начала систематическое обследование прилегающих территорий. По несчастному стечению обстоятельств, это совпало с землетрясением и появлением саранчи... «Отворился кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю, и сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, и дано было ей не убивать их, а только мучить, и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит»... Брюс определяет размеры жесткокрылых монстров — до метра в длину. Удалось каким-то чудом загнать и убить одно насекомое. При этом, получив укус в грудь, погиб Эдвардс. Существует описание, сделанное одним из патологоанатомов группы: перепончатые сухие крылья, золотой венчик на черепе, почти человеческое лицо; мягкая, теплая кожа, вместе с тем, какой-то немыслимой прочности; шесть зазубренных ног; хитин, который не берет даже ножовка. Ткань тела, ко всеобщему изумлению, имела неклеточное строение: розоватая гомогенная масса, сросшаяся с железным хитином. Брюс упоминает о «звездчатых образованиях» в ней, которые называет «ядерными синцитиями». Препараты, однако, не сохранились. Лаборатория сильно пострадала от землетрясения и пожара. Большая часть сотрудников решила пробиваться во внешний мир. Их судьба неизвестна, и, видимо, таковой теперь и останется, но они унесли с собой множество уникальных фото- и видеоматериалов, и к

тому же — единственный экземпляр саранчи, препарированный Скворцовым и зафиксированный в формалине. Все это, разумеется, бесследно пропало. Сам Кеннет Брюс умер примерно через неделю за рабочим столом — еще успев описать рождение Младенца, «который будет пасти все народы», и явление на небе Красного Дракона с семью головами, готового пожрать его.

Эту символику можно было интерпретировать как угодно. Что, конечно, и делалось во всякого рода скоропалительных публикациях. И вместе с тем, колоссальный шок, испытанный тогда человечеством, вероятно, впервые заставил его осознать некоторые масштабы. Земля и Вселенная — искра жизни и холод почти бессмысленной пустоты. «Кто мы есть и зачем?» — этот вопрос волновал теперь не только горстку философов. Было сильнейшее разочарование. Было чудовищное отрезвление от хмеля наивного антропоцентризма. И Ладислав Смиргла в предисловии к своей нашумевшей книге «Зерно культуры» вовсе не случайно писал, что «происходит болезненное очищение базиса цивилизации, сущности ее — того, что вечно объединяет людей, независимо от пестрой мозаики расовой, социальной или государственной принадлежности... Как ни странно, единственным связующим звеном в настоящий момент оказалась религия. Именно ее и пытается, конечно, в силу своего разумения, познать Оракул, даже не подозревая, что от некогда великого Откровения сохранилась на самом деле одна скорлупа, а источенное столетиями содержание давно превратилось в сухую и слабую пыль, переносимую ветром. К сожалению, наша культура пока не может представить на суд Вселенной ничего более значимого, ничего более совершенного и великого в своей простоте, чтобы продемонстрировать постороннему наблюдателю самую суть человечества...»

В темноте завыла сирена — вынимая душу, выдергивая по ниточке каждый нерв.

— Встать!.. — будто в самое ухо гаркнул Скотина Бак. — Слезай, скотина!..

Я кубарем покатился с нар и, как всегда, зацепил коленом низкую переборку. Стуча зубами, быстренько натянул

штаны, нащупал чоботы, продел руки в задубевшую полосатую куртку. От материи невыносимо разило карболкой. Куртка если и согревала, то самую малость. Тем не менее, спать в одежде все равно было запрещено. Скотина Бак лично обходил ночью бараки и, если замечал непорядок, срывал с провинившегося драное войлочное одеяло, ударами дубинки гнал из надышанного тепла наружу, ставил в промозглом сумраке — на два часа, на четыре, а то и покуда не рассветет.

Это у него называлось — «сделать зарядку».

— Равнение на меня... Сми-ирна-а!..

Блоковые, выказывая усердие, побежали в проходе. Рассыпали затрещины и тычки, сопели и вполголоса матерились. Правда, ярость их была скорее для виду. Блоковые жили тут же, в закутке, за хлипкой перегородкой и уже прекрасно усвоили, что брань, затрещины и тычки — это только днем и только в присутствии офицеров. Ночью же в придавленных темнотой бараках свои законы. Не следует чересчур свирепствовать — найдут утром с вывалившимся языком и мутными от удушья глазами. Парочка таких случаев уже была. Виновных, естественно, не обнаружили. Поэтому блоковые даже под свинцовым взглядом Скотины Бака не слишком стремились забраться в гущу с трудом разгибающихся полосатых тел. Больше суетились, чтобы тоже не схлопотать по зубам. Я улучил момент и как обычно сунул на грудь сбереженную пайку. Правда, даже этот покалывающий кусочек жизни меня не радовал. Ужасно ныла спина, и позвоночник, хрустя, казалось, разламывался на части. Отдавал на скуле болью длинный кровоподтек: это приложился Сапог, увидев, что я везу полупустую тачку. Вероятно, поэтому я далеко не сразу вспомнил о Водаке. Но когда вспомнил, тут же вылетели из головы и позвоночник, и сохлая пайка, и кровоподтек, и нарывающий третий день под ногтем указательный палец, и даже то, что вчера, поздно вечером, уже перед самым отбоем, сидя в тоске на нарах и дожидаясь, пока выключат свет в бараке, я с внезапным испугом сковырнул кончиком языка два левых зуба и выплюнул их в ладонь.

Лежанка Водака морщинилась брошенным кое-как одеялом. Рядом со мной, по порядку номеров, в шеренге, его тоже не было. От неожиданности я чуть было не опустился обрат-

но. Однако Скотина Бак, будто почуяв, воткнулся в меня диковато-кабаньим взглядом. Или, может быть, не в меня. Все равно. Никогда нельзя знать, куда эта сволочь смотрит.

Клейст, похрипывая простуженной грудью, чуть было не вывалился из строя.

— Ушел... Видишь, Анатоль, он ушел все-таки... Ах, майор, я же предупреждал его — бесполезно, поймают...

Глаза у него немного светились от голода.

— Теперь — что? Теперь, значит, расстреляют каждого пятого...

— Ну, тебя-то не расстреляют, — неприязненно сказал я.

— Меня — вряд ли... Меня Скотина Бак оприходует... Мордой в грязь... Скоро уже... Наверно, сегодня...

— Помнится, вчера ты говорил то же самое.

— Ахтунг!.. На выход, на выход!.. — бешено заорали блоковые.

Они скопились в дверях, выпятив звериные подбородки. Скотина Бак, подавая сигнал, махнул дубинкой. Десятки деревянных подметок несогласованно застучали по полу. Шеренга заколыхалась. Передо мной сотрясалась в кашле сутулая спина Хермлина. Лопатки у него выпирали даже сквозь жестяную робу. Водак, насколько я мог судить, ушел где-то в разгаре ночи. В час, когда часовые на вышках неудержимо клюют носами, вздрагивают, точно от ужаса, и подергивают на груди непромокаемые накидки. Мы с ним много раз обсуждали эту возможность. Выйти незамеченным из барака на самом деле нетрудно. Гораздо труднее пересечь плац, гладкий и голый, пронизываемый лучами прожекторов. Охранники, не разбираясь, стреляют в любую тень. Просто от скуки — чтобы не задохнуться беспамятством среди непроницаемой темноты. Я прикинул, какие у него могут быть шансы. Шансы были, если, конечно, отбросить Клейста с его предсказаниями. Я бы даже сказал, что очень неплохие шансы. У каменоломен колючая проволока поставлена всего неделю назад. Ток через нее пока не пропущен — не успели дотянуть провода. Есть там одна канавка, мы ее отметили в первый же день. Неглубокая такая канавка, от силы — полметра. Тянется, расширяясь за проволокой, к оврагу, обметанному кустарником. С вышек, скорее всего, не просматривается, так

что очень удобно. Правда, понизу она заколочена щитом из досок. Но — сочится ручей, тихонький опять-таки, почти незаметный. Значит, земля, наверное, мягкая, можно более-менее подкопать. Водак считал, что если скребком, то управится минут за пятнадцать. В крайнем случае — полчаса, а полчаса — это, прямо скажем, не время. Я ему остро завидовал в эту минуту. Пробирается сейчас по оврагу, раздвигает мокрые ветви. Мне уйти вместе с ним было нельзя. Катарина держится до сих пор только нашими ежедневными встречами. А так бы, разумеется, чего проще. Отсюда до города по прямой, наверное, километров сорок. Завтра к вечеру, если бы повезло, могли бы добраться. Или, может быть, еще раньше выйти к передовым постам. Хотя — какое там завтра; я осторожно вздохнул. Это для нас только — завтра, и через неделю, и через месяц. А для них, всех, оставшихся за чертой хроноклазма, вообще ничего — одно бесконечно длящееся сегодня.

При выходе произошла небольшая заминка. Скотина Бак выхватил из продвигающейся вереницы очередную жертву. На этот раз — Петера, если не ошибаюсь, из группы химиков. Медлительный этакий парень с глазами, как у сонной коровы. Держал его левой рукой, жестко закрутив куртку на горле. Орал, как всегда, свирепея: — Я тебя научу порядку, скотина!.. Ты будешь, скотина, знать, кто я, скотина, такой!.. — Невозможно было понять, к чему он придрался. Петер и не пытался оправдываться — мотался, как половая тряпка, из стороны в сторону. Кончилось это так, как и должно было кончиться. Скотина Бак отрывисто махнул кулаком. Удар был отчетливый, будто камнем по дереву. Петер всхлипнул, и ноги у него безжизненно подломились. Сволочь этот Бак: всегда бьет в висок, и всегда — насмерть. Кулак у него пудовый. Еще хвастает, что может уложить с первого же удара.

Я смотрел и никак не мог вспомнить его в ливрее с галунами и позументами. Как он, завидев клиента, сгибается и открывает стеклянные двери бара. А получив чаевые, проникновенно свистит носом: — Бл-дарю вас... Всегда рады... — Теперь — щетина, налитые мутью глаза, лиловые, будто студень, щеки, дрожащие с перепою... Боже мой, во что нас превращает Оракул?..

— Ста-ановись!.. В колонну по трое... Марш!..

Блоковые, враз помрачнев, подгоняли опаздывающих. Тут уже было, по-видимому, не до барачной туфты. Даже они не были застрахованы от Скотины Бака.

Хермлин рядом со мной двигался, как унылый кузнечик.

— Я все это уже один раз видел, — сказал он. — В сорок втором году. Вы-то, конечно, не помните... Мне было тогда четырнадцать лет, мы жили в Европе. Также однажды собрали и повезли — целыми эшелонами. Тоже — лагерь, собаки, вонючий дым из труб крематория... Мои родители так там и остались...

— Эмиграция?

— Да, представьте себе, спасались от диктатуры...

— Разве от этого спасешься? — хлюпая чоботами, сказал я.

Сеялся мелкий упорный дождь. Земля раскисла, перемалываемая ежедневно сотнями деревянных подметок. Куртка у меня намокла, и по всему телу распространялся противный озноб. Меня трясло. Хермлина было не переубедить никакими силами. Я, наверное, уже раз десять объяснял ему, что это — просто модель, созданная Оракулом, а он все не верил. Многие, кстати, не верили — даже из научного персонала. Слишком уж по-настоящему, слишком всерьез все это выглядело. Солдаты — рослые, как на подбор, уверенные в своем расовом превосходстве; стены в бараках — щепастые, из самого обыкновенного дерева; проволока — железная, свекла в баланде — как свекла, жесткая и сладковатая. И главное, настоящими были ежедневные смерти — от ударов дубинки, для крепости оплетенной проволокой, от случайной пули, от истощения на липком бетонном полу лазарета.

— В мире ничего не меняется, — печально сказал Хермлин.

Аппельплац встретил нас бесшумной паникой прожекторов. Дымные яростные лучи, словно лезвия, кромсали пространство — ослепляя на миг и выхватывая из темноты жалкие человеческие фигуры. Лица тогда казались белесыми, как у снулой рыбы. Скомандовали остановиться. Я, к счастью, очутился во втором ряду. Повезло; меньше опасности, что на тебя обратят внимание. Чем реже попадаешься на глаза, тем

дольше живешь. Женское отделение лагеря построили тоже. Они растянулись напротив нас — мешковатой шеренгой.

Катарину, разумеется, было не разглядеть.

— Ахтунг!.. Ахтунг!.. — заполоскались с обоих краев истошные крики.

Аккуратно обходя лужи, чтобы не забрызгать сияющие голенища, из приветливого домика канцелярии появился Сапог — в жирном офицерском плаще поверх мундира. Откинул капюшон и, надрываясь, закричал по-немецки. Скотина Бак кое-как, спотыкаясь с похмелья, переводил. И так можно было понять: — Попытка к бегству!.. Сознательное нарушение внутреннего распорядка!.. Безоговорочно выполнять требования лагерной администрации!.. — Клейст, ослабший за последние дни, приваливался ко мне и бормотал, цепляясь за локоть: — Я недолго... чуть-чуть согреться... Умру сегодня — пускай... только не в лазарет... — Я его понимал. О лазарете ходили какие-то жуткие слухи. Вдруг вывели Водака — под руки, двое солдат в полевой серой форме. У него волочились прогнутые в коленях ноги. Он, вероятно, был страшно избит. — Конечно, — сразу же сказал Клейст. — Вот видишь... Я же его предупреждал... — Заткнись, — быстро сказал я сквозь зубы. Они замерли перед строем, облитые сомкнутыми прожекторами. Сапог опять закричал — тупо, с визгливыми интонациями: — Пойманный беглец!.. Согласно распоряжению о карательных мерах!.. — Скотина Бак повторял за ним хриплым эхом. Солдаты завернули Водаку руки и привязали к столбу, врытому в землю. Отошли — у Водака голова свисла, точно он уже умер. Плохо, что все это видела, вероятно, и Катарина. Катарине не следовало бы, она и так уже на пределе. — Это ужасно, — с другой стороны прошептал Хермлин. — К чему мы пришли? Неужели все начнется сначала? Так вы полагаете, что это производит Оракул?.. И он разумен?.. Не понимаю: зачем нам все это?.. А Сапог — тоже молекулярная кукла?.. А солдаты? А лагерь?.. Какое-то непрерывное сумасшествие... Мне семьдесят лет, и я заканчиваю тем, с чего начинал... Мы же просто не в состоянии слышать друг друга... Точно двое глухих разговаривают по телефону... Зачем это им и зачем это нам в таком случае?.. —

Хлестнули выстрелы, почти неслышные в усиливающемся дожде. Водак обвис, его отвязали, и он повалился на землю.

Сапог что-то каркнул и заступал каблуками по крыльцу канцелярии.

— Вот, — сказал Клейст. — Он приказал вывести нас на работу...

— Ну и что?

— А сейчас всего — пять утра...

Не было никакого желания с ним спорить. Нас вели мимо бараков, мимо ворот и мимо тройного ряда шипастой колючей проволоки. По-видимому, действительно к каменоломням. Клейст по-прежнему хватался за меня, и я не мог его оттолкнуть. В голове у меня была какая-то пустота. Я едва вытаскивал из грязи грузно чавкающие чоботы. Хермлин, вероятно, был прав. Контакт двух разумов. Мы и предполагать не могли, что так трудно будет просто понять. Неимоверно трудно — просто понять. Даже если обе стороны и в самом деле хотят этого. Мы ждали праздника. Мы ждали восторгов и необыкновенных открытий. Мы ждали, что весь мир расцветет и будущее само собой распахнет перед нами сияющие горизонты. Мы ждали чудесного, будто в детстве, сказочного преображения. А тут — столб с веревками на аппельплаце, холодная слякоть, секущие свинцом пулеметы. Вот здесь, например, у горелой опоры, погиб Юозас. Его назначили в лазарет, и он кончил сам, бросившись на ограждение. А до этого бросился на проволоку Грегор Макманус, и еще — Ланье, и Гринбург, и Леон Картальери. А «неистовый» Фархад ударил по лицу Скотину Бака. А Ловен Матулович, отчаявшись, прыгнул с обрыва в каменоломне. А застенчивый Пальк вдруг ни с того ни с сего двинулся через аппельплац ночью — во весь рост, не сгибаясь, прямо на огненный зрак прожектора. Больше всего, по-видимому, угнетала бессмысленность. Одно дело — война; враг в каске и с автоматом, изрыгающим смерть. Осязаемый реальный противник, которого ненавидишь. И, конечно, другое, если все это — условная театральная постановка, некая логическая игра, манекены, куклы, созданные Оракулом. — Он исследует социальное устройство Земли, — говорил мне Кэртройт, базис-аналитик из Лондона. — Он анализирует простейшие социокультурные парадигмы. Будто азбуку. Жаль, конечно,

что у нас такая азбука. Может быть, изучив ее, он перейдет к более внятным смысловым построениям. — И добавил, кутаясь в ветхое одеяло: — Знаешь, я почему-то боюсь этого... — Когда состоялся разговор: неделю назад, десять дней, две недели? Время сливалось в однообразную мутную массу: тачка, нагруженная камнями, теплая отвратительная бурда из кормовой свеклы, скользкая умывальня, где плещешь на себя затхлую воду, сон — как обморок, кабанья оплывшая рожа Скотины Бака... Иногда я просто завидовал Осборну с его апокалипсисом. Подумаешь — землетрясение там, саранча летает железная. Смотри и записывай, никаких хлопот. Брюсу я, кстати говоря, тоже завидовал...

По кремнистой дороге мы спустились вниз, к котловану. Наверху запаздывали со светом, и охранники сдержанно матерились. Время от времени постреливали, чтобы хоть таким образом обозначить себя в темноте. И тогда невероятное эхо прыгало с одной скалы на другую. Понятно было, почему они злятся. Дождь все усиливался, все хлюпал, и капал, и шлепал по мокрети, не переставая. Сидеть бы сейчас в казармах, перебрасываясь в картишки. А вместо этого — тащись за два километра в чертовы каменоломни, мокни на холоде, следи за паршивыми хефтлингами.

— Стой! — наконец раздалась команда. И заметалось, перебрасываясь из головы в хвост колонны: — Стой!.. Стой, сволочь!.. Кому говорят!..

Над нашими головами ярко вспыхнуло. Четыре мощных прожектора, разнесенные по углам, залили ущелье посверкивающей молочной взвесью. Раньше здесь, вероятно, были разработки песчаника. Жила, скорее всего, истощилась, и их забросили. Глыбы, обвалы и монолиты, поставленные на ребро, создавали вид хаоса, который, наверное, был в момент сотворения мира.

— Ахтунг!.. Разойдись по бригадам!..

Возник Бурдюк, который до этого шел в отдельной команде. Постоял, зацепив пальцами пояс полосатых штанов. Свисало поверх ремня могучее брюхо. Ему и лагерная баланда была нипочем. Выждав, сколько положено, мотнул головой — шевелись! Мы, ни слова не говоря, раздергали груду дощатых тачек. Дело было привычное. Мы занимались этим каждое утро.

Даже Клейст наваливался на рукоятки, стараясь не выказывать слабости. С работой нам, что ни говори, повезло. Ворочать тачку все-таки легче, чем рубить камень.

Бурдюк терпеливо ждал, пока мы будем готовы. Глянул на огненные бельма прожекторов, горящих с обрыва, мельком оценил расстояние до ближайшего сгорбленного, как сурок, охранника.

Просипел, ни к кому особенно не обращаясь:

— Сегодня за нами — «глаз»...

И отошел в сторонку, чтобы наблюдать за работой.

Мы даже сообразить ничего не успели.

— На-ачали!..

Я торопливо покатил тачку туда, где уже стучали кайлами первые рубщики. Привычно заныли мышцы, а в позвоночнике натянулась струна, готовая лопнуть. К счастью, я уже знал, что примерно через час это пройдет. Я втянусь и буду ворочать камни, к которым в другой обстановке и подступить побоялся бы. Никакая работа меня уже давно не пугала. И настораживало только короткое предупреждение Бурдюка. «Глаз» — это значит, что следить за нами сегодня будут особо. Что, впрочем, не удивительно. Водак-то из нашей бригады. А Бурдюк все-таки молодец, что предупредил. С бригадиром нам повезло, у других лишь — «скотина», да «пошевеливайся», да затрещины. Собственно, только таких бригадирами и назначают. А Бурдюк, как ни странно, сохранил человеческий облик. Я вспомнил, как на третий день после моего прибытия в лагерь я, уже отбыв два наряда копателем, попал в эти же каменоломни среди других штрафников. Дождь тогда лил, по-моему, еще сильнее. Тропинка от штолен до рельсов узкоколейки совершенно осклизла. Навыков тяжелой работы у меня, разумеется, не было. Разболтавшееся колесо неудержимо соскальзывало по склону. Тачка весила тонну и наконец, в очередной раз, опрокинулась. Я тогда тоже упал и даже не пробовал больше встать на ноги. Текла вода по лицу. Сердце безобразным комком трепетало в горле. Жизнь заканчивалась — прямо здесь, на этой липкой земле. Скотина Бак стоял надо мной и орал: — Поднимайся, скотина!.. — Я знал, что он меня все равно убьет, и не двигался. — Поднимите скотину!.. — в бешенстве приказал Скотина Бак. Меня

подняли. Всегда есть, кому исполнить приказ. — Теперь ты, скотина, узнаешь, кто я, скотина, такой... — Неимоверный пудовый кулак взлетел в воздух. Однако не опустился — Бурдюк перехватил его волосатой лапой. — Ты чего это? — удивился тогда Скотина Бак. — Оставь человека, — сказал Бурдюк, дохнув всей утробой. — Чего-чего? — Говорю: оставь человека... — Скотина Бак начал тогда багроветь и чудовищно раздуваться. Я уже думал, что все, конец Бурдюку, пристрелит за нарушение распорядка. Но весь почерневший Скотина Бак лишь выдернул руку и вдруг ушлепал, правда, обложив нас по-черному. А Бурдюк некоторое время смотрел на меня — грязного, дрожащего, не верящего, что остался жив, а потом сплюнул и спокойно сказал: — Дерьмо собачье... — И уже вечером, когда мы на картонных ногах возвратились в барак, спросил Клейста, выделив его почему-то среди других хефтлингов: — И из-за такого дерьма, как ваш Оракул, убивать людей? — Клейст, помнится, начал рассказывать ему что-то о грандиозных задачах Контакта, о прорыве в новое знание, о постижении человечеством неизвестного, вечно маячащего за горизонтом, — он тогда еще не совсем пал духом, — а Бурдюк все это выслушал с непроницаемой физиономией, опять сплюнул на пол и, ничего не сказав, отвернулся. И Клейст остался сидеть, прижав к груди мокрый чобот...

В общем, мы, как всегда, ворочали тачки с раздробленным камнем. Я уже втянулся и довольно уверенно вел поскрипывающую махину по колее. Особенного искусства здесь, честно говоря, и не требовалось: подправляй чуть-чуть рукоятки, чтобы колесо не напоролось на боковину. Тогда груженая тачка сама покатится под уклон. За последние дни я очень поднаторел в этом деле. Через час я даже согрелся, так что от одежды пошел легкий парок, перестали скользить подошвы, которые я теперь ставил не глядя, дождь, ощупывающий камни, больше не сжимал тело ознобом, а напротив — остужал и смывал пот с лица. Дикая норма выработки уже не казалась мне такой уж невыполнимой, и я только немного задерживался на погрузке, высматривая Катарину. И Бурдюк, разумеется, видел, что я задерживаюсь, но пока относился к этому вполне снисходительно. Он лишь хмурился и с досадой сопел, глядя, что и Клейст вслед за мной задерживается тоже.

Именно Клейсту делать этого сегодня не следовало. Клейст и так имел уже два штрафных замечания. Тем не менее, все недовольство ограничивалось пока расширенными ноздрями. Более того, поняв, вероятно, что из Клейста сегодня много не выжать, Бурдюк нехотя, но как-то очень солидно вступил в разговор с охранником, предложил ему, по-видимому, своих довольно-таки неплохих сигарет, повернулся, щелкая зажигалкой, так что солдату пришлось переступить на пару шагов в низинку, а когда возвратился, довольный и от того еще более хмурый, каска охранника, оставшегося на месте, едва выглядывала из-за гребня.

— Давай-давай, — сказал он, гася наши благодарные взгляды.

Катарина подошла, наверное, через час: у женской бригады был в середине дня дополнительный перерывчик. Она появилась на тропке, ведущей из-за скалы, и, как всегда, несмело подняла руку, чтобы привлечь наше внимание. Я вопросительно глянул на Бурдюка, и тот чуть заметно кивнул. Мы попятились и через два-три метра оказались в неглубокой расщелине. Бровастый каменный козырек прикрыл нас сверху. Эта ниша не просматривалась ниоткуда, и разговаривать можно было сравнительно безопасно.

— Привет, — сказал я.

Катарина сразу же опустилась на ближайший песчаный скос. Привалилась к скале, вздохнула, вид у нее был изможденный. Она даже не сказала мне обычное «здравствуй» — лишь кивнула в изнеможении и медленно опустила веки. У меня сжалось сердце, такая она была слабая. Я пошарил за пазухой, нащупывая твердый прямоугольничек хлеба.

— Не надо, — сказала Катарина, не открывая глаз.

Пайку, однако, взяла, отламывала по крошке и тщательно, чтобы надольше хватило, прожевывала. Потом вяло поинтересовалась, из-за чего тревога. В женском лагере, оказывается, ничего толком не знали.

Я объяснил, запинаясь, и пару минут она очень сосредоточенно собирала крошки с ладони. Затем страстно ее облизала и с силой потерла пальцами друг о друга.

— Так, значит, это был Водак? — тихо переспросила она. Потрясла стриженой головой, взялась обеими руками за

щеки. — Значит, Водак... Он ведь одно время входил в Контактную группу... Забавный такой — рассказывал всякие смешные истории... Звал в Прагу: «Единственный город, откуда не хочется уезжать»... Потом был «сеанс», он почти целый месяц лежал практически в коме... После этого ему пришлось расстаться с «приемником»... — Катарина неожиданно сильно вцепилась мне в лацканы куртки. Косточки пальцев у нее были обветрены до мелких ранок. — Обещай мне, пожалуйста, если тебе удастся отсюда выбраться... Если ты выживешь, обещай мне, что сделаешь все возможное... Надо продолжать, понимаешь? Иначе все будет напрасно — все наши жертвы... Получится тогда, что и Водак тоже погиб напрасно... Франк в Комиссии по безопасности уже дважды предлагал законсервировать весь проект... Отложить на пятьдесят лет, пока мы не подготовимся к Контакту как следует... Его поддерживает сам Макгир, а в секторе наблюдателей от ООН — Алябьев... По-моему, это было бы просто трусостью... Передай мое мнение: они не имеют права — вот так вычеркнуть из жизни нас всех...

Катарина дрожала, как в лихорадке.

— Конечно, конечно, — поспешно сказал я, согревая ее пальцы своими.

— И получится, что нас всех просто не было... Обещай — если спасешься, ты ни за что этого не допустишь...

Она нахохлилась, будто птица, подняв острые плечи. Лоб был горячий, а губы — в чуть желтоватом, как при чахотке, налете. Я хотел возразить, что она сама все это прекрасно изложит тому же Алябьеву, главное — не отчаиваться, отчаяние в такой ситуации — хуже всего, но тут, словно мыши, запрыгали по тропе мелкие камешки, что-то грузно проехало, чавкнули вытягиваемые из глины подошвы, и в пугающей близости, наполнив звуком расщелину, радостно раздалось:

— Ну, скотина! Наконец-то ты мне попался, скотина!.. — Скотина Бак неизвестно откуда выбрался на тропу. Наверное, обошел по круче, где Бурдюк его, разумеется, проглядел. — Вот, господин офицер, изволите, прямой саботаж! Нарушение распорядка, я за ним давно наблюдаю...

— Гут, — без всяких эмоций сказал Сапог.

Он спускался по осыпи вслед за Скотиной Баком — увязая в щебенке, прямой, точно кукла, выкидывая вперед сияющие бутылочные голенища.

— Сюда, сюда, господин офицер, пожалте...

Я даже не успел сообразить, что к чему. Все накатывалось и разворачивалось в какой-то шизофренической нереальности. Скотина Бак поднимался к нам по насыпи, оскальзываясь, как громадный навозный жук. Накидка его блестела, жилистые кулаки отталкивались от камня. Полосатая человеческая фигура вдруг метнулась ему навстречу и ударила, кажется, прямо в багровую, выпученную щеками физиономию. Бак без особых усилий перехватил ее за поднятый локоть. Это был Клейст — он корчился, как червяк, и выкрикивал что-то невнятное. Я разобрал лишь одно пузырящееся на губах: — Ненавижу!.. — Скотина Бак на мгновение замер, видимо, удивленный, а потом ухмыльнулся, и кулак быстрым молотом прочертил воздух... Бац!..

Кажется, даже эхо прокатилось по котловану.

Клейст, будто пьяный, слепо покачался секунду и — упал, не сгибаясь, разбрызгав телом жидкую грязь.

— Гут, — снова без эмоций сказал Сапог.

Я, наконец, поднялся, и Катарина, цепляясь за выступы, тоже выпрямилась. В котловане, как в преисподней, клубился непроницаемый молочный туман. Нитями серебра просверкивала в нем летящая с неба морось. Все было кончено; Клейст ошибся: мы все-таки тоже умрем в этой каменной, мокрой, холодной яме.

Скотина Бак вскарабкался наконец по осыпи и вытер пот.

— Вот так, — деловито сказал он, объемля торжествующим взглядом нас с Катариной. — Теперь ты, скотина, узнаешь, кто я, скотина, такой... Дозвольте, господин офицер?

— Гут, — высказался Сапог в третий раз.

Точно более не знал ни единого слова. Правда, на этот раз он поощрительно улыбнулся, показав тридцать два плотных, как в кукурузном початке, зуба. И вдруг, будто идиот, не прерывая улыбки, замер, словно в нем что-то внезапно выключилось; очень похоже на Клейста, не сгибаясь, покачался из стороны в сторону и — упал, точно так же, как кукла, сразу

всем телом — брызнула из лужи вода, и с неприятным шуршанием осела желто-размытая песчаниковая щебенка.

Подведем некоторые итоги.

Летом того же года, за два месяца до печально известных событий в Бронингеме, Лайош Сефешвари, сотрудник лаборатории математической лингвистики при Втором отделе (семантика) Научного Комитета, в частном разговоре с Жюлем Марсонье, руководителем этой же лаборатории, и в присутствии нескольких других сотрудников, помявшись, видимо, от чувства неловкости, сказал примерно следующее:

— Простите, шеф... Это, конечно, шеф, совсем не мое дело... Но у меня уже третий день какое-то странное ощущение... Будто бы вам, шеф, грозит опасность... Будто бы — несчастный случай, шеф, именно сегодня... Вы извините, шеф, что я говорю об этом...

Точная форма предупреждения была впоследствии восстановлена. Марсонье, впрочем, наряду с остальными, воспринял его как неудачную шутку — отношения в среде матлингвистов, к сожалению, не сложились, — кисло поморщился, посоветовал сотруднику Сефешвари не переутомляться, после чего вышел на улицу и был сбит грузовиком, который вел пьяный американский солдат.

В тот же день при оперативной разработке данного материала Лайош Сефешвари, кстати говоря, сильно напуганный таким поворотом событий, показал, что ему в настоящее время тридцать четыре года, не женат, во Втором отделе (семантика) — с момента его образования, специальность — знаковая иерархия сложных систем. Предчувствие, о котором шла речь, возникло у него абсолютно внезапно. Две недели назад, во время обсуждения в кабинете у шефа очередной совместной статьи он вдруг отчетливо понял, что доктор Марсонье скоро умрет. Совершенно непроизвольное, очень предметное ощущение. Он даже как бы увидел картинку близкого будущего: громыхающая машина, как носорог, подбрасывает в воздух распяленную человеческую фигуру... Да, он сразу же понял, что это — Жюль Марсонье... Нет, без каких-либо характерных примет, просто догадался, и все... Временная привязка чисто интуитивная — две недели... Он не предупредил

Марсонье раньше, потому что очень уж глупо все это выглядело: научный сотрудник, руководитель сектора, и вообще... В последнюю минуту замучила совесть: а вдруг в этом все-таки что-то есть...

Сефешвари сделал потом около десятка тщательно задокументированных предсказаний. Все — на срок от пятнадцати лет до четверти века. То есть не поддающиеся немедленной экспериментальной проверке. Ситуация, вероятно, так бы и осталась локальной, но почти сразу же вслед за ним были выявлены еще семеро скрытых ранее прорицателей. Плачек и Ранненкампф, например, пришли сами, узнав подробности о гибели Марсонье. Через сутки количество их достигло двенадцати человек. Выяснилось, что такие случаи отмечались и прежде. Правда, до последнего времени они проходили по разряду легенд. Собственно термин «пророки» ввел в обиход Амальд Грюнфельд, когда тема была открыта и потребовался шифр для первичного обозначения. Кстати, он не совсем верно отражал суть явления. Предсказания, сделанные в ближайшие несколько суток, касались исключительно судеб отдельных людей: дата смерти и сопровождающие ее обстоятельства. Ничего, кроме этого, в официальном мартирологе не содержалось. Таким образом, от подлинного «исторического» прорицания это было весьма далеко. Однако и имеющегося в тот момент материала оказалось достаточно. Поиск велся открытым способом, информацию о «пророках» озвучили в тот же день восемь зональных агентств. Удержать сдвинувшуюся лавину было уже нельзя. Десятки тысяч людей тронулись с мест, будто подхваченные ураганом. Дороги, ведущие к югу, оказались забитыми. Душный бензиновый смог повис над Центральным международным шоссе. Никакие спешно опубликованные опровержения не смогли остановить этот поток. «Аэр-Галактика», пользуясь обстановкой, назначила восемьдесят дополнительных рейсов. Пропускные кордоны Научного Комитета были опрокинуты половодьем. Город, впрочем, как и его окрестности, превратился в развороченный муравейник. Спали, как нищие, просто на тротуарах и мостовых, спали на чердаках, на лестницах, в гаражах и подвалах. Пили тухлую воду — обеззараживающие таблетки кончились уже на вторые сутки. Банка собачьих консервов стоила семьдесят пять долларов. Контейнеры с

продовольствием застряли в хаосе брошенных на магистрали частично неисправных автомашин. Жажда *знать*, по-видимому, пересиливала все остальное. Мелкая городская газета напечатала на первой странице полный список «пророков». Тираж попытались конфисковать, однако возле редакции мгновенно встала вооруженная очередь. Местная полиция была бессильна перед толпой. Муниципалитет колебался, не решаясь запросить военную помощь. Правительство страны колебалось, не решаясь оказать ее по собственному усмотрению. Научный Комитет дискутировал, не решаясь принять всю ответственность на себя. Как обычно в такой ситуации, недоставало политической воли. Неизвестно, что послужило тогда роковым детонатором. Кажется, Эрик Венцель, контрактник, астрофизик из Гамбурга, руководствуясь, разумеется, самыми благими намерениями, предсказал ужасную и скорую смерть одиннадцатилетней девочки, дочери влиятельного в местных кругах адвоката. Что и исполнилось — буквально через час после пророчества. Слухи о «глашатае сатаны» запузырились по городу. Обстановку до крайней степени усугубило еще и то, что одновременно с предсказанием Венцеля, наивность которого граничит с идиотизмом, то ли по недомыслию, то ли по злой воле, что, кстати, тоже вовсе не исключено, то ли просто в колоссальной неразберихе тех бурных дней был опубликован так называемый «черный перечень» Бьернсона, приговаривающий к смерти в ближайшее время не менее пятидесяти человек. Так или иначе, эффект был подобен разорвавшейся бомбе: «Пророки» не предсказывают будущее — «пророки» его создают!.. Первым заполыхал, облитый бензином, дом астрофизика. Бушующая толпа не пропускала пожарных, пока от летящих искр не занялся весь квартал. Сам Венцель к этому времени был уже, вероятно, мертв. Точно безумие охватило вчера еще законопослушных граждан: поджигали собственные квартиры, выбрасывали из окон и топтали магнитофоны и телевизоры. Вдребезги разбивали любую электронику вообще. Хрустела, съедая подошвы, стеклянная каша на улицах. Качались на спутанных проводах опоры энерголиний. К вечеру город задохнулся в сплошном огне. Убивали техников, легко опознаваемых по бежевым комбинезонам, убивали каждого, кто не спорол с груди шеврон Центра исследований. «Черный пере-

чень» Бьернсона, таким образом, неумолимо овеществлялся. Погиб Кампа, погиб Левит, погибли оба Диспенсера, старший и младший. Погиб Рогинский, который отчаянно пытался остановить вакханалию. Из всего корпуса аналитиков в живых остался только Хольбейн. Раненый при первых же столкновениях, измученный ожогами и потерей крови, он каким-то чудом запустил двигатель единственного исправного вертолета и еще большим чудом посадил его через час в предместьях столицы. Сообщение о «Бойне пророков» в итоге ушло наверх. Однако Научный Комитет уже ничего не мог сделать. В столице тоже начались беспорядки, вспыхнул мятеж, и гвардейцы, одурманенные эргамином, обстреливали из штурмовых ружей здание Административного центра. Помощь в виде международных войск подошла только утром. Выжившие сотрудники секторов и отделов бежали в сельву. Из двенадцати дюжин, как предполагалось, «пророков», видимо, не уцелел ни один. Обезумевшая толпа повышибала экраны на пультах слежения за обеими Зонами, раздробила аппаратуру, в результате чего пропали поистине уникальные наблюдения, и, скорее всего, ведомая опытными наставниками, забросала мазутными факелами темные зарешеченные бараки Биологического контроля.

Теперь попробуем двинуться дальше.

Годом ранее Килиан, исполненный, как и все тогда, пылкого энтузиазма, занимался созданием элементарной понятийной основы, могущей обеспечить Контакт. В то время уже догадывались, хотя и с некоторыми оговорками, что руканы представляют собой не отдельные персоны, но общность, где растворяется индивид, «метагом», если пользоваться тогдашними вычурными терминами-ярлыками, и что контакт с одиночным руканом неосуществим даже в принципе. Понемногу догадывались также, что новорожденные особи суть незрелые, собственно психики, тем более ее высших личностных черт у них нет, работать имеет смысл лишь с дифференцированными, по крайней мере, трехмесячными руканами, уже прошедшими специализацию и включенными в хоровод. В этой ситуации требовалось всего ничего — сделать шаг. Килиан совершенно открыто подал заявку. После длительных колебаний Научный Комитет официально ее утвердил. Соблюдая все мыслимые и немыслимые предосторожности, в одну из «лунных декад»

были извлечены с периферии хоровода три «зрелых» рукана. Никакого сопротивления они при этом не оказали и прекратили пляску, как только эластиковые мягкие сети оторвали их от земли. Реакция самого Оракула на изъятие также была нулевой. Вертолеты с боекомплектами «воздух — земля» напрасно висели над «танцплощадкой». Руканов доставили на полигон в шестидесяти километрах от Заповедника. Освобожденные, они сначала исполнили «императорский менуэт» — ситуация удивления, по классификации Рабды, — а затем, без какой-либо паузы, перешли к обычному безумству движений. Эдвард Ван Килиан начал работу немедленно. Полигон, как предусматривалось инструкцией, был экранирован металлизированным коллоидом. Один из руканов оказался, к счастью исследователей, «говорящим». Группе удалось записать две страстные ариозы с промежутком в пятнадцать минут. Это, согласно общему мнению, упрощало задачу. Были использованы, как и прежде, простейшие тесты на разум. Видимых результатов они, как и в прежних экспериментах, не дали. «Танец блох» сменился уже известной «оргией демонов». Руканы стонали. Трава вокруг них пожелтела, как при сильном морозе. Однако у самого Килиана был план, основанный на давно разрабатываемой им теории «культур-близнецов». Он считал, что руканы все-таки есть посредники, созданные исключительно для Контакта, предыдущие неудачи с ними возникли из-за использования чрезмерных технических средств, в действительности же информация передается только экстрасенсорно — необходимо включиться в танец специально подготовленному человеку. Судьба Борхварта из первой экспедиции его не пугала. Он напичкался стимуляторами и грезил таинственным «Завещанием Неба». Тем более, что эксперимент можно было прервать — просто разъединив танцоров. Первый этап, то есть «вживление» реципиента, прошел успешно. Руканы, чуть разойдясь, спокойно приняли в танец нового члена сообщества, никаких агрессивных намерений с их стороны отмечено не было, и бесстрастные камеры, выставленные на полигоне, час за часом фиксировали, как профессор, крупнейший специалист по психологии ксеноконтакта, видный общественный деятель и автор многочисленных книг, принесших ему мировую известность, словно первобытный дикарь, выделывает сложнейшие

на какой-то доисторической румбы, явно лишенный слуха, немузыкально вскрикивает, напевает, стонет, ухает, бьет себя кулаками по ляжкам, вертит задом и вообще наслаждается вседозволенностью. Группа искренне завидовала шефу и рассчитывала на уникальный материал. Этому эксперименту придавалось очень большое значение. Данные уже в необработанном виде распечатывались по всем смежным подразделениям; впервые был применен для записи сплошной фит-анализ, то есть, одновременно фиксировались (с выводом на экран) десятки тысяч параметров; еще двое сотрудников ждали, чтобы сменить Килиана или включиться как дополнительные танцоры. Первые симптомы тревоги отметил главный Координирующий центр ЕАКС: начал стремительно возрастать расход операционного резерва компьютеров. Просто какой-то лавиной, удваиваясь в течение каждого часа. Выглядело это так, словно отраслевые системы одна за другой получали вне всякой очереди экстренную задачу и, чтобы исполнить ее, как того требовал опережающий код, сбрасывали или сворачивали все второстепенные направления. Прежде всего — заводы, транспорт, громоздкие торговые операции. Что, как выяснилось при позднейшем анализе, было вполне естественно. В результате эксперимента Оракул лишился одновременно трех базисно-активных составляющих мозга. Функциональный запас у него в тот момент отсутствовал. Инкубатор, точно проснувшись, поспешно затягивался фиолетовым дымом. Забурлили холодные чаны со «звездным студнем», сладкий, тягучий дождь застучал по шляпкам «грибов» в Чистилище. Однако эмбриогенез каждой особи занимал не менее суток, и, пытаясь хотя бы частично восполнить неожиданный дефицит, не имея другого выхода, Оракул обратился непосредственно в сети ЕАКС. Можно представить себе суммарную мощность всех девяноста руканов, составляющих хоровод, если изъятие только трех, не самых, видимо, главных экземпляров с периферии однозначно потребовало компенсации в виде восьми тысяч машин. Зональные блоки по двести-триста компьютеров просто захлебывались в информации. Тонули, как камни, брошенные в трясину, один за другим. Поле «компьютерного молчания» стремительно разрасталось. Отключались уже целые ветви системы — совершенно спонтанно. Гордость двух континентов,

ЕАКС, разваливалась на глазах. Электронное сумасшествие грозило перекинуться через океаны, в Европу. Операторы в Центре координации застыли у беспомощных пультов. Свинчивались мучительные секунды. Паника первых часов перерастала в смертельное оцепенение. В странной тишине, быстро и неотвратимо, рушился целый мир... Неизвестно, каким катаклизмом закончилось бы это самонадеянное вторжение человечества в неизвестность, но Оракул, почувствовавший, вероятно, сползание в полный распад, взял на себя контроль за Главной координирующей программой. При этом он вскрыл девять слоев защиты, считавшейся до сего времени неприступной. С этой минуты вся колоссальная, трижды дублированная информструктура ЕАКС как единое целое стала работать исключительно на него. Практически, она перестала существовать для Земли... — Это был непрерывный кошмар, — говорил потом генеральный директор Системы доктор Коррихос. — Словно кто-то невидимый взял нас за шиворот, как котят, и оттащил в сторону. Именно так — осторожно и вместе с тем непреклонно. Неприятное ощущение: будто тебя могут прихлопнуть в любую минуту... — По его категорическому приказу, техники ЕАКС попробовали сузить энергоснабжение — станции уже задыхались, аритмия в распределительном спектре бросалась в глаза, — однако Оракул, сориентировавшись, вероятно, быстрее, чем люди, в считанные мгновения развернул на себя весь энергетический диапазон. Горели раскаленные провода, лопались, будто груши, пудовые многоуровневые изоляторы. Громадный поток электричества ринулся в бездонную пропасть. Ухнули потрескавшиеся щиты, разлетелись в пыль не выдержавшие перепада предохранители. Средневековый мрак спустился на континент. Транспортные реки, не регулируемые более твердой рукой, хлынули из берегов. На сотни миль протянулся лом автомашин и железнодорожных составов. Кричали в океане забытые пароходы. Почти тысяча беспомощных самолетов, отчаянно взывая к земле, кружилась над аэродромами. Посадить вручную удалось далеко не все. Распалась система согласования цен; встречные расчеты были парализованы информационным хаосом. Промышленность отказывалась заключать договоры, терминалы на фабриках и в торговых фирмах выбрасывали вместо рыночной стоимости продукции —

прогноз погоды на сентябрь прошлого века. Один за другим приостанавливали платежи банки. Большинство национальных правительств запретило свободный обмен валют. Явственно обозначился ступор техногенной цивилизации. Целые регионы, лишенные опеки компьютеров, погрузились в первобытное состояние. Катастрофа могла бы приобрести значительно большие, жизненные и политические, масштабы, но все тот же Грюнфельд, холодный, жесткий, уравновешенный, только что вместо растерявшегося Бертье назначенный председателем Научного Комитета; уже через два часа после получения им неограниченных полномочий лично, в сопровождении израильских спецкоманд появился для всех неожиданно в диспетчерской столичного аэропорта — тихим, но непреклонным голосом задавил панику, разобрался, встряхнул, привел в чувство тех, кого следовало привести, вызвал из города дежурное подразделение обслуживания, выдернул с секретного совещания министра обороны страны и, как результат, к вечеру того же дня поднял в воздух звено грузовых вертолетов. На полигоне в этот момент происходило нечто, напоминающее Вальпургиево беснование. Мигали по кругу прожектора: красный... синий... красный... зеленый... Гремела музыка... Едко дымилась не выдержавшая нагрузки аппаратура... Плясали без исключения все — до последнего лаборанта. Профессор Килиан к тому времени уже полностью превратился. Хотя шерсть, проступившая у него на плечах, еще имела явный серебристый оттенок. Сверху это было достаточно хорошо заметно. Дул сильный ветер. Головную машину ощутимо раскачивало. Грюнфельд, мгновенно оценивший картину, колебался, по-видимому, не больше секунды. Слишком многое было положено на чаши весов. — Я приказываю, — железным скрипучим голосом сказал он. Приговор таким образом был вынесен. Уже не три, а четыре рукана, как рыба, ворочаясь в мешковатых сетях, поплыли в сторону Заповедника. В результате Килиан стал девяносто первым номером «хоровода». Человек-рукан — это вызвало нездоровое оживление в узких научных кругах. Было бы, разумеется, любопытно извлечь его оттуда через какое-то время, но Совет Безопасности, а вместе с ним и членов Научного Комитета пробирало ознобом при одной лишь мысли о возможных последствиях.

Так что же именно дал нам Оракул?

Знание времени и обстоятельств собственной смерти, сколько бы блистательных философских работ ни пыталось это обосновать, с точки зрения нормального человека вряд ли можно считать таким уж благодеянием. Как биологический вид, мы к этому не приспособлены. И скорее всего, никогда не привыкнем, что день «боя часов» известен заранее. Это для человека просто психологически неприемлемо. Мы иначе устроены. Нам вовсе не требуется знание смертных координат. Разумеется, можно, как, вероятно, и поступает Оракул, не вдаваясь в подробности, рассматривать человечество как некий целостный механизм и предупреждать его о поломках разных мелких деталей. Ради бога. Однако есть вещи, которые отвергаются нами сразу. Окончательно и в какой бы то ни было форме. Компромисс невозможен. «Бойня пророков» свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Что еще в таком случае мог бы представить Оракул?

«Философский камень» как был, так и остается тайной за семьюдесятью печатями. И скорее всего, пребудет в таком состоянии до скончания мира. Пусть его технологическая рецептура достаточно примитивна. Берется то-то и то-то, с ним производится такое-то и такое. Добавляется пятое, двенадцатое, тридцать девятое. Посыпается вслед за этим толчеными мухоморами. Сверху, чтоб завершить, торжественно сажается черная кошка. Только обязательно кошка, и непременно — с голубыми глазами... Айн, цвай, драй!.. Цилиндр фокусника поднимается... Фир, фюнф, зекс!.. следует взмах волшебной палочкой... Вуаля!.. Один процент всех атомов в веществе замещен; и не просто, а — соответствующими соседями по таблице. Ловкость рук, господа, и никаких радиоактивных отходов...

Или, может быть, «роса Вельзевула», собранная некогда Брюсом? Про нее мы точно знаем одно: она смертельно опасна. Мгновенная гибель Бориса Зарьяна с сотрудниками не оставляет сомнений. Корпус, где добровольцы в свинцовых костюмах вскрывали тигель, вот уже года два коричневеет, как зуб, посередине черного выжженного пятна. Даже трава не растет в радиусе около двухсот метров. Но, пожалуй, это и все; прямо скажем, немного. Не существует защиты, мы просто не можем ее исследовать.

Об апокалипсисе в Бронингеме уже говорилось. И о катастрофическом развале ЕАКС — в той же мере.

И, вероятно, единственное благо, которое пока не вызывает сомнений, это тысячу раз перемолотый в различных дискуссиях «вечный хлеб». Нитчатая зеленая масса, похожая на застойные водоросли. Технологию производства ее выловил еще Ян Каменский. Самый первый успех, и потому, наверное, самый памятный. Но опять-таки: мы до сих пор толком не знаем, что это такое. В отношении «вечного хлеба» действует все тот же универсальный рецепт. Берется то-то и то-то, с ним производится такое-то и такое... добавляется... присыпается... далее помещается в воду... Вуаля!.. Получается нечто, насыщенное белками и способное к размножению. Причем согласно нашему традиционному взгляду на то, что представляет собой белковая жизнь, это нечто не только не может размножаться и прорастать, но и просто существовать сколько-нибудь заметное время. Кажется так — водоросли буквально впитывают в себя все известные виды энергии: радиационную, магнитную, тепловую, вероятно, даже гравитационную, и, используя в качестве субстрата обыкновенную воду, непосредственно превращают их в массу, богатую глюкозой и протеинами. Культивирование «вечного хлеба» не требует особых затрат. «Хлеб» не портится при хранении и годен в пищу без дополнительной обработки. Развивающиеся страны выращивают его десятками тысяч тонн. Проблема голода для Земли, таким образом, решена. Но очевидно также, что эта проблема уже давно могла бы быть решена и другим путем — средствами самого человечества, без упований на помощь Бога или чужого разума — просто за счет отказа высокоразвитых стран от некоторой части материальных излишеств.

Разумеется, Оракул дал нам очень многое.

Мы теперь твердо уверены, например, что мы не одни во Вселенной. И хоть данное знание, на первый взгляд, не относится к числу прикладных, его значимость как катализатора в дальнейшем развитии человечества трудно переоценить. Одно дело — самооценка, пусть даже самая, насколько возможно, критическая, и совсем другое — холодное, пристально регистрирующее внимание со стороны. То внимание, которое не

позволяет сделать явно опрометчивый шаг. В этом качестве присутствие Оракула на Земле имеет глубокий смысл.

Мы также знаем теперь, опять-таки благодаря в основном Оракулу, что эпоха компьютеров — не то чтобы ступор цивилизации или, хуже того, полный тупик, но по крайней мере, не высшая и не единственная мера прогресса. Есть принципиально иные пути, возможно, более перспективные. И мы вынуждены поэтому пересмотреть некоторые, казалось бы, незыблемые мировоззренческие догматы.

Все это тоже — несомненная заслуга Оракула.

Так что вопрос, вероятно, лишь о цене, которой оплачены знания. Не чрезмерны ли жертвы, как правило, неизбежные на этом пути. Сколько требуется усилий, чтобы трагедия, по скверной нашей привычке, не превратилась в фарс. И стоит ли платить вообще?

Пока безусловно ясно только одно: отказаться от контакта с Оракулом, что бы он собою ни представлял, запретить его изучение и тем более уничтожить, повернув «атомный ключ», захлопнуть дверь, ведущую в неизвестность, по-видимому, уже нельзя. Это означало бы наше полное и окончательно поражение. Это был бы и в самом деле тупик, какими бы вескими доводами данное действие ни мотивировалось. Нельзя отшатнуться в ужасе и закрыть глаза. Нельзя просто сказать: «Мы этого не понимаем и не поймем никогда». Ибо, сказав нечто подобное хотя бы единожды, человек сам поставит в будущем жесткий цивилизационный предел и, проявив слабость перед лицом опаляющей пустоты, перестанет быть тем, чем он сейчас в какой-то мере является.

В ров набралась бурая дождевая вода. Я шагнул было вдоль русла и сразу же ушел по колено. Вода была теплая и, как ряской, подернута густым мелким сором. Деревянные подметки увязли. Я с трудом выполз наверх по липкому скату.

Хермлин уже ждал меня — протягивая измазанную глиной руку.

— Видите, все-таки выбрались, — сказал он, помогая перевалить через край.

— Думаете, что выбрались? — с сомнением спросил я.

— Ну теперь-то, надеюсь, как-нибудь добредем...

Чуть отдышавшись, мы вытащили из рва Катарину. Она сразу же улеглась на скользкой земле — лицом к небу. Сказала, будто во сне, прикрыв веки:

— И все же это опять модель — второй апокалипсис... Гюнтер был прав: *они* оперирует только сверхсмысловыми структурами... Наверное, до сих пор *они* нас просто не замечал... Мы для него — инфузории, меньше, чем тараканы... Анатоль, что там планировалось насчет «Гулливера»?..

Хермлин с тревогой посмотрел на меня:

— Бредит?

— Нет.

— То есть вы ее понимаете?

Какой-то мужчина плюхнулся в ров неподалеку от нас. Увидел меня над краем — шарахнулся, взмахнув расставленными руками. Так и ушел по дну, расплескивая мутную воду.

— Кажется, из охранников, — задумчиво сказал Хермлин.

— Ну и что?

— Да нет, это я просто — заметил...

Мне очень не нравилось, как мы тут сидим. Слишком открыто, и слишком уж заманчивую мишень собой представляем. Тем более, что минут пятнадцать назад вывернулась над нашими головами тройка воющих истребителей. По-моему, я различил на крыльях голубые эмблемы. Хотя кто его знает. Я не был уверен, что представление уже завершилось. Или — что оно завершилось всюду одновременно.

— Вон туда, — по-видимому, угадав мои мысли, сказал Хермлин.

Впереди, задрав широкие грязные гусеницы, громоздился танк в коричнево-зеленых разводах. Он, наверное, прорывался куда-то, развернулся вдоль рва и напоролся, по-видимому, на встречный выстрел. Приплюснутая квадратная башня у него соскочила, а на скошенной боковине зияло оплавленное отверстие. Я кивнул Хермлину, и мы перебрались под защиту брони. Катарина дрожала, прямо чувствовалось, как от нее исходит лихорадочный жар. Время от времени она дробно постукивала зубами. Вдруг сказала невнятно: Оставьте меня... Не надо... Идите сами... — Я привалил ее к страшным колесам, забитым в пазах комьями глины. Броня танка казалась теплой и пахла дымом. Свисали с нее лохмотья облупившейся

сгоревшей краски. И весь серый, затянутый редким туманом день, тоже был душновато-теплым и тоже пах дымом. Струилась из набрякшего неба упорная морось. Мутным вздутием обозначало себя неяркое солнце. Трудно было поверить, что раньше здесь царило многоярусное кишение сельвы, дождевых лесов, где капало с листьев и вскрикивали сумасшедшие попугаи, где сквозь петли лиан благоухали таинственные магнолии, а струящиеся тела питонов перетекали через завалы корней. Теперь до самого горизонта тянулась ямистая глиняная равнина. Усеивали ее рвы, противотанковые ежи и надолбы. Когда только это все успело возникнуть? Тут бомбили, обстреливали, подрывали и снова бомбили. Закапывались от смерти в землю и опрокидывали ее тупыми фугасами. Воронки, окаймленные красноватой землей, еще немного дымясь, истаивали в тумане. Множество разнообразных людей брело между ними — тоже постепенно истаивая, в полосатой липнущей к телу одежде. Это, группами и поодиночке, возвращались в город бывшие заключенные.

— Теперь все будет иначе, — глядя на это, задумчиво сказал Хермлин.

— Возможно, — просто чтобы что-то ответить сказал я.

Слова эти произносились, наверное, уже тысячу раз. После каждой трагедии нам представляется, что все теперь будет иначе. Однако проходит время, и выясняется почему-то, что тянется то же самое.

Неподалеку от нас, раскинув ноги, вбитые в сапоги, лежал мертвый солдат. Каска с него свалилась, льняные яркие волосы прилипли к земле. Я чуть-чуть передвинулся, чтобы он оказался вне поля зрения. Это, конечно, была молекулярная копия, но видеть бездыханное тело я все равно не мог. Вероятно, что-то происходило во мне самом. Раньше я, например, никак не относился к Оракулу. Беда многих ученых — бесстрастное отношение к объекту исследований. Привыкаешь в конце концов ко всему. Режешь собаку, как пластилин. А вдруг и Оракул по отношению к нам тоже бесстрастен?

— Цена знания, — тоже отвернувшись от тела, сказал Хермлин. — Цена истины: каждый последующий шаг требует новых жертв. Я много раз сталкивался с этим когда, работал...

— Может быть, — ощупывая больное колено, ответил я.

Мне сейчас было не до тонкостей теории знаний. К дыму, низко стелящемуся по земле, начал явственно примешиваться некий будоражащий запах. Ноздри у меня трепетали. Запах этот был мне уже отчасти знаком...

Лагерь подожгли сразу же, и бараки весело заполыхали. Солдаты отключались, как куклы, у которых срывался с упоров внутренний механизм. Они замирали на полушаге и вдруг падали — как правило, лицом вниз. Лежали, больше не шевелясь, раскинув неестественно вывернутые конечности. Скотина Бак, кажется, первый понял, что это значит, — оскальзываясь, побежал по осыпи и тоже упал. Обхватил затылок ладонями, закостенел, лишь тихонечко заскулил, когда сомкнулись вокруг него полосатые робы. Тело топтали молча и как-то очень сосредоточенно. Будто месили тесто. Бурдюк убрался, чтобы не попасть под горячую руку. Блоковые и бригадиры тоже попрятались. Их выковыривали из невозможных щелей и били наотмашь кайлами. Затем толпа, разрастаясь, двинулась к канцелярии. Ахнули стекла, вылетели сквозь рамы древние железные «ундервуды». Запорхали по всей территории стаи выброшенных документов. Лопнула проволока на столбах, зачадили поганым дымом сторожевые вышки. Трудно было понять что-нибудь в этом хаосе. Гаппель, по-моему, единственный из семиотиков, как бешеный, метался по лагерю. Приказывал, умолял, просил — пытаясь сохранить хоть что-нибудь для дальнейших исследований. Трещали доски, визжали суставы выламываемого из петель железа. Двоих санитаров, выскочивших из загоревшегося лазарета, безжалостно оглушили и бросили обратно в огонь. Раскаленный багровый шар взрыва вспучился над бензохранилищем. И вот тогда этот же странно будоражащий химический запах поплыл в воздухе. И раздутые ноздри у меня так же болезненно затрепетали...

С другой стороны танка кто-то грузно присел. Кажется, двое — сказали сдавленным голосом: — Подтяни мне повязку... — Давай, — ответил второй, ох, — тут как, зачем ты разрезал руку?.. — А ты видел Хаджи?.. — Ну?.. — Он поранился, а кровь у него не пошла... — Копия?.. — Вероятно... — Так что же, это — опять, значит, посредники? — Трудно пока сказать... — Боже мой, я был, когда выявляли «запечатленных»!.. —

Да, история, кажется, повторяется... — Боже мой!.. — Ну, наше дело — побыстрее добраться до города... — Господи, спаси и помилуй! Бедный Хаджи... — Интересно, в центральной лаборатории хоть что-нибудь сохранилось?.. — А тебе что, собственно, требуется?.. — Прежде всего, разумеется, видео — хорошая камера... — Это достанем, у Крейца, по-моему, была вполне приличная техника... — Правильно, там — архив, бетонные стены, наверное, должно уцелеть. Главное сейчас — задокументировать как можно больше. Помнишь Бронингем? Ведь ровным счетом ничего после этого не осталось... — Прихватить бы парочку «манекенов», пока не исчезли... — Вертолеты нужны, два больших бокса для стерилизации. Это же не спонтанное извержение, это, по-моему, «Гулливер»... — «Гулливер»? Его все-таки, значит, задействовали?.. — Кажется, чисто сигнальный посыл: мы — разумные существа... Так «Вторая мировая» — это ответ?.. — Вероятно... — Ничего себе «знаковая ситуация»! Как мы ее толковать будем, ума не приложу... — Вероятно, тоже — на уровне чисто сигнального отзыва: «Я вас слышу»... — Ну, по крайней мере, это первый реальный ответ... — Дай-то Бог, если так... — Ну что, двинулись?.. — Ох, ты, чтоб его, как болит, собака! — Хорошо бы машину какую-нибудь найти... — Гляди-гляди: «призраки», черт бы их побрал... — Где?.. — Да вон там, слева, целая цепь... — Вот не везет... — Да, только «призраков» нам и не доставало... — Ты, знаешь, давай двигай, а я его приму, этого, который поближе... — Думаешь?... — Ну, с моей травмой все равно далеко не ускачешь... — Ладно, держись, недолго, я постараюсь пригнать машину...

Точно больные, поддерживая друг друга, выступили из-за вздыбленного остова танка двое людей; один тут же заковылял по равнине, баюкая стянутую тряпицей ладонь, а второй подождал, пока выдвинувшийся из цепи «призрак» приблизится к нему почти что вплотную — не колеблясь, шагнул вперед и быстро протянул руку.

— Панг!.. — дернулась молочная переливающаяся поверхность.

«Призрак» остановился и медленно потемнел.

— Кажется, поворачивают, — сказал Хермлин. — Это правда, что они не опасны?

Я ему не ответил. Я позавчера почти полностью содрал ноготь на левом мизинце. Помнится, тогда чуть было не закричал от боли. Но теперь я смотрел на запекшийся коричневый полукруг с радостью и надеждой. Кровь была настоящая; значит, не копия. И у Катарины на лбу, слава богу, багровела подсыхающая царапина.

Она вдруг открыла глаза.

— Я могу идти. — И действительно встала, упираясь в заляпанную глиной гусеницу.

Вдруг пошатнулась, чуть не упав, и отдернула руку.

— Что такое?

— Смотри: она — мягкая, Анатоль!..

Я осторожно потрогал упершуюся в бугор башню. Металл был горячий и в самом деле подавался, как тесто. Вмятины от моих пальцев тут же заполнила маслянистая жидкость. Запах усиливался и становился просто невыносимым.

Катарина подергала меня за рукав:

— Нет времени, Анатоль...

Мы забрали влево, чтобы не натолкнуться на «призраков». Я поддерживал Катарину, стараясь не поскользнуться и не повалить нас обоих. — Панг!.. Панг!.. Панг!.. — стреляло по всей мокро поблескивающей туманной равнине. «Призраки», будто гиены, следовали за нами в некотором отдалении. Они сегодня не торопились, добычи, по-видимому, хватало. Липкая тяжелая грязь наматывалась нам на чоботы. Смешиваясь с горьким потом, стекал по лицу теплый дождь. Катарина, приваливаясь к моему плечу, бормотала, что нам нельзя терять ни минуты. — Видел, Анатоль, даже броня уже загнивает. Деградация... энтропия... распад... необратимые изменения... Скоро все поползет... растает... вроде прошлогоднего снега... Никогда не прощу себе, если упустим... Барахтин утверждает, что это — всего лишь проекция на наше сознание... Понимаешь, источник, быть может, даже в другой Галактике... Я, естественно, в этот бред не вникал: снова гипотезы. От гипотез меня уже немного подташнивало. Потому что гипотез я мог бы и сам придумать сколько угодно. Уже хватит гипотез. И хватит дискуссий. И хватит безумного экспериментирования. Оракул не Бог, наука не храм, и мы не жрецы, талдычащие одни и те же молитвы. В мире есть вещи, которые гораздо важнее научной

истины. Что есть истина? Истина такова, каковы мы сами. Ничего другого, по-моему, ожидать не приходится...

— Осторожно, это, кажется, к нам, — шепотом предупредил Хермлин.

Сильно побитая, без стекол и фар, легковая машина, завывая мотором, с натугой перевалила через бугор и действительно повернула к нам, опасно кренясь на рытвинах. Еще на ходу выскочил из нее длинный юноша в пластиковом «техническом» комбинезоне и, как грабли, запрещающим жестом поднял к небу руки.

— Стой! Игорь Краузе. Аварийный штаб. Регистрация... Кто такие, по очереди, пожалуйста, фамилия, специальность? Прошу прощения, в машину взять не могу. — Пока мы бормотали что-то в подставленную коробочку диктофона, ловко выщелкнул из стеклянного тубуса три больших ярко-зеленых таблетки. — Вот, возьмите. На язык — и пусть рассосется. — Тонким указательным пальцем с отгрызенным ногтем коснулся Хермлина. — Вы освобождаетесь от мобилизации: можете идти домой. А вот вы и вы, — палец быстро мелькнул, — к десяти ноль-ноль явиться в распоряжение штаба. На личные дела час. Сбор у почты. Пройдете обследование, получите задание и паек. В машину, прошу прощения, взять не могу. Вопросы?

Таблетки были горькие. Вероятно, «хонг» — стимулятор.

— Хотя бы Хермлина захватите, — сказал я. — Он же старик.

— Да-да, — рассеянно ответил Игорь Краузе. — Больные и старики от мобилизации освобождаются... Вы, разумеется, можете идти домой. Сбор у почты. В машину взять не могу. Вопросы?

— Вопросов нет, — в тон ему сказал я.

Тогда Игорь Краузе резко кивнул всем троим и, уже залезая в машину, неожиданно обернулся.

— Да!.. Ламарк только что обнаружил пульсацию магнитного поля. Местную, затухающую; скорее всего, связано со «спектаклем». Здорово, правда? — обвел нас сияющим, каким-то младенческим взглядом. — Сбор у почты. В десять ноль-ноль. Получите паек и задание.

Машина тронулась вправо, где через ров был переброшен дощатый настил. Колеса, стреляя брызгами, проскальзывали по глине.

— А знаете, что? — сказал Хермлин, поднимая грязный воротничок. — Я, пожалуй, впервые рад, что мне — уже семьдесят. Честное слово, рад. Хорошо, что осталось совсем немного. Я, наверное, все равно не привыкну к тому, что на нас надвигается. Это, по-моему, происходит слишком стремительно. У меня не то, чтобы страх, но как-то уже не хочется жить...

Он шагал теперь гораздо увереннее и энергичнее — чуть сутулясь, зажав, чтобы согреть, пальцы подмышками. Землистость с его лица сошла, дыхание стало глубоким и равномерным. Скорее всего, подействовал стимулятор. У меня тоже явно прорезались новые силы. А что касается Катарины — она теперь чуть ли не подпрыгивала от нетерпения, ловила ртом капли, растирала по скулам теплую дождевую влагу. Ей было жарко, даже от одежды ее исходил легкий парок. Сырая душная тишина уже не мешала. Дождь усиливался и ровным шорохом покрывал рвы, окопы, перевернутые и уже оплывающие орудия, ящики для снарядов, поникшие проволочные заграждения, суетливых ворон, которые копались в кучах выпотрошенной земли. Далеко, на кромке равнины, проступил город: серые зубчики зданий и ближе — руины гелиостанции. Она, видимо, сильно пострадала во время сражения. Меж раздавленных корпусов взметывался громадный, поставленный на ребро, очень светлый металлический диск. Рыхлые завихрения туч облизывали его верхний край. Это, наверное, опрокинулась чаша солнечного приемника. Я подумал, что Катарина, как только сможет, вернется сюда. Наглотается стимуляторов и сразу же прибежит, пока нет кордонов. И, по-видимому, немедленно прибежит Эрик Гаппель, и Нимеер, и деловитый Игорь Краузе — тоже. И еще, вероятно, многие, кто апатично и вяло бредет сейчас по равнине. Они обвесятся кучей аппаратуры, возьмут цейтрафер, камеры, блоки экспресс-анализа. И им абсолютно до лампочки будет, какая трагедия здесь только что разыгралась. Сколько людей погибло и сколько навсегда искалечено апокалипсисом. Проблемы для них тут просто не существует. Важны результаты. Важен наметившийся подход в беседе с Оракулом. Жертвы поэтому

должны быть принесены. Они, конечно, не монстры, рожденные новым «технологическим» временем. Напротив, они — гуманисты, и все, разумеется, делается только для человека. О жертвах они сожалеют, конечно, и даже искренно. И если бы как-то можно было без жертв, они бы проголосовали за это немедленно. Но если без жертв не обходится, чья тут вина? Они, разумеется, все впоследствии объяснят: благие порывы, неудержимое продвижение цивилизации, издержки прогресса, выход на принципиально новые рубежи. За это, скажут они, следует заплатить любую цену. Мне иногда казалось, что они попросту ненормальные. Отдать жизнь за гипотезу — за одну из возможных гипотез среди сотен других. Фанатики, жалкие слуги науки, мнящие себя ее господами. Я предвидел, что так будет и в этот раз. Они исползают всю эту глинистую неприветливую равнину, они исследуют и заснимут каждый миллиметр мертвой почвы, они рассмотрят под микроскопом и выделят тончайшие фракции. Возьмут пробы воздуха, глины, воды — чего только можно. Будут проведены самые удивительные эксперименты. Будут сделаны подробнейшие анализы и немыслимые расчеты. Будут выпущены сотни статей и прочитаны десятки блестящих докладов. Лавиной посыплются новые знания — заманчивые и пугающие. И одного лишь, пожалуй, самого главного, они не сделают никогда. Они никогда не спросят себя — зачем? Зачем это нужно, и есть ли в их судорожной работе хоть какой-нибудь смысл? Такой вопрос им попросту не придет в голову...

Катарина споткнулась и схватила меня за рукав:

— Ты ведь не пойдешь к почте, правда?

— Нет, — сказал я.

— Уедешь?

— Как только выпустят из карантина.

— Я почему-то так и подумала. Значит, мы расстаемся?

Я промолчал, не слишком желая говорить что-либо по этому поводу.

— Жалко, — наконец сказала она.

— Жалко, — подтвердил я в свою очередь.

— Но ты понимаешь, что я не могу уехать с тобой? Невозможно все бросить, когда только-только что-то забрезжило. Надеюсь, ты понимаешь, что это абсолютно исключено?

— Даже «абсолютно»?
— Без вариантов!
— Пусть так, — сдержанно сказал я.

Есть вещи, которые поважнее научной истины. Истина — это то, что сейчас нужнее всего. Я вспомнил ужасающую телехронику последних недель: танкеры, как мокрицы, распластанные на солнечной глади Залива, соскальзывающие на крыло истребители, черные капельки бомб... Городские кварталы в оптике наведения выглядят весьма отвлеченно. Истина здесь ни при чем. Истина в наши дни — лишь повод для приложения сил. Истина как таковая никого особенно не интересует. И Оракул, вынырнувший ниоткуда, потому и важен для нас, что он спрашивает прежде всего: Что есть человек? Что он собой представляет и почему живет именно так? К чему он стремится и от чего отказывается как от зла? Геноцид, бесправие, пытки, бесконечные малые войны, грозящие перерасти в войны большие, нищета, пожары болезней, голод, выкашивающий целые регионы, мутная пена вранья, нефть на поверхности океанов, жуткое балансирование на грани всеобщей экологической катастрофы. Мы как бы не замечаем многих таких вещей — давно в них погружены, померкло, примелькалось, замылилось, где-то далеко, к счастью, не с нами, нас не касается. А посторонний наблюдатель глянет и в ужасе отшатнется. Потому что все это и есть сейчас человек. Глупо, по-моему, в чем-либо обвинять только Оракула. Оракул — не Бог, Оракул — мы сами, такие, как испокон веков существуем. И Оракул, быть может, изучает как раз те явления, которые ему совершенно чужды: апокалипсис — слепая вера в абсурд, война — бессмысленное уничтожение себе подобных. Парикмахерские для собак, электромассаж, душистые ванны и — палаточные лагеря, дети на помойках в коробках и ящиках. Абсолютно несовместимо. Однако каким-то образом совмещается. Может быть, это — попытка пробиться сквозь человеческое безумие. Может быть, поиск тех, кто еще способен что-то услышать. Телефон, по которому можно общаться даже с глухими. И тогда все, что требуется от нас, — терпеливо слушать и стараться понять.

Хермлин, который шел впереди, внезапно остановился.

— Что это?.. — наткнувшись на него и чуть не упав, воскликнула Катарина.

— Где? — спросил я, тоже с трудом удерживая равновесие.

— Вон-вон, слева, смотрите, ты что — не видишь?..

Мы, оказывается, уже приблизились к гелиостанции. Колоссальный металлический диск приемника заслонил город. Он покоился на ребре, как будто впитывая в себя дневной серый свет, и одноэтажные дома рядом с ним выглядели просто игрушечными.

Только, по-моему, это был не приемник. И уж тем более, это был никакой не металл.

— Зеркало, — потрясенно выдохнула Катарина.

Это действительно было зеркало — самое обыкновенное, в бронзовой граненой оправе. В квартирах такие обычно поблескивают из простенков. И только размеры его превосходили всякое воображение. Расширяясь, взметывалось оно прямо к посветлевшему небу, и туман по краям колыхался, точно нагреваясь от соприкосновения.

Катарина крепко стиснула мой локоть.

— Ты помнишь «зеркало», Анатоль? Во время сеанса?.. Я, вроде бы, даже повторила это несколько раз... Должна была сохраниться запись... Анатоль, Анатоль, надо срочно ее найти... Немедленно, Анатоль!.. Где мой кулон?.. Сообщить в Комитет, пусть организуют специальный поиск...

Она мелко подрагивала от волнения. Мы приблизились, и я тронул стеклянную, гладкую, тускло отсвечивающую поверхность.

Сразу же отдернул пальцы:

— Холодная...

— Странно. Нас там нет, — задумчиво сказал Хермлин.

В зеркале было: унылая слякотная равнина, серый дождь, дым, плавающий по горизонту, надолбы, рвы и окопы, пушки, мутное небо с колеблющимся в нем длинным треугольником птиц.

Все — кроме людей.

— Ты видишь, Анатоль?! — с восторгом произнесла Катарина.

— Вижу.

— Оно нас не отражает.

— Вижу.

— Совсем не отражает.

— Ну и правильно, — сказал я.

ДЕТСКИЙ МИР

1

Сергей поставил кактус на полку и, отступив на шаг, полюбовался колючими пупырчатыми шарами, налезающими друг на друга.

Какой ты у меня красивый, подумал он. Крепенький такой, со свеженькими иголочками. Хорошо, что я не послушал «Садовода-любителя» и не рассадил тебя в марте, как там советовали. Что бы сейчас из этого было? Ничего хорошего из этого не было бы. А так — вон какой симпатичный. Тесно тебе, конечно, мало земли. Ну, так что ж, тесно? Зато и будешь высовываться из горшка, как задумано. Подкормил я тебя, свежего песочку добавил — расти, радуйся. Ты еще у меня зацветешь где-нибудь в сентябре. Вон, бутончики на двух макушках уже намечаются. Правда, цветешь ты не очень красиво, но я рядом для контраста поставлю бегонию. И тогда вы оба у меня заиграете. Чудненькая будет картинка. Элегантное и вместе с тем яркое цветовое решение.

Он представил себе, как осенью, когда бегония зацветет, будут багроветь над наростами кактуса крупные, мясистые, алые изнутри кувшинчики. Впечатляющая композиция. Надо будет добавить сюда еще что-нибудь стреловидное. Например, акорус какой-нибудь. Или нет: сансивьера молоденькая будет тут в самый раз. Значит, решено. На нижнюю полочку — сансивьеру. Надо только повернуть ее к свету щучьими ребрами.

Он набрал в ложечку немного спитой заварки и уже собирался подсыпать ее на узловатые, бледные, как турнепс, корни бегонии, но стеклянная дверь на веранду опасно

задребезжала, и из комнаты появилась Ветка, ощеренная, как зверек.

— Я так больше не могу, — сказала она. — Он мне хамит все время. Я к нему — вежливо пытаюсь, по-человечески, а в ответ одни «чего?», да «не буду». Тут у кого хочешь терпение лопнет...

— Ну, что там опять? — мельком спросил Сергей.

Ветка немедленно вспыхнула.

— Тебя это, конечно, не беспокоит. Ты тут погружен в мировые проблемы. Надо ли подрезать пелею или не надо? А вот то, что ребенок растет дубиной — пусть жена занимается. Глухой какой-то. Надоели вы мне оба — бездельники!..

Пряди выбившихся волос прилипли у нее ко лбу, а дрожащие щеки приобрели синеватый оттенок. В тон лиловому тренику, которым она была обтянута.

Сергей отвернулся.

Как она разговаривает с читателями, подумал он. Ничего удивительного, что в библиотеку никто не ходит. Кому это надо — иметь дело с фурией. А ведь была симпатичная девушка, танцевала на школьном балу. Интересно, куда все это выветривается?

— Ты меня слышишь?!

— Ладно...

Он поставил банку с остатками чая и через порожек, обитый войлоком для тепла, шагнул в комнату, где подсвеченный мельканием телевизора притулился у кресла на толстом ковре какой-то скорченный Дрюня — в рваных джинсах и желтой футболке, украшенной оскалом чудовища.

Вид у него был подавленный.

— Ну так что? — сурово поинтересовался Сергей.

Он сообразил вдруг, что понятия не имеет, в чем тут дело.

Ветка, однако, была наготове.

— В булочную попросила сходить, — пояснила она. — Хлеб кончается, а завтра магазины закрыты. Что ты думаешь — не может он, видите ли.

— Аргументы? — спросил Сергей.

— Лень и хамство — такие у него аргументы... Телевизор он хочет смотреть. Я для него — пустое место.

— Неправда, — вдруг сказал Дрюня мальчишеским хриплым голосом.

Сергей повернулся.

— А в чем тогда затруднение?

— Поздно уже...

Сергей посмотрел на часы.

— Сейчас половина восьмого. Булочная закрывается ровно в восемь. Ходьбы здесь десять минут. Ты вполне успеваешь.

Дрюня скорчился на ковре еще больше.

— Я не в том смысле...

— А в каком?

— Ну... вообще поздно...

— Я тебя что-то не понимаю, — сказал Сергей. — То тебя с улицы не докличешься, то тебе — поздно, хотя еще восьми нет. Как-то не очень связывается... — Он вдруг запнулся, вспомнив, что как раз последние вечера Дрюня почему-то присутствовал дома — либо изнывая от скуки, либо приклеившись к телевизору. Добавил не очень уверенно: — Или, может быть, ты темноты боишься?

Шутка не получилась. Дрюня поднял на него упрямый затравленный взгляд, и Сергей неожиданно понял, что он и в самом деле боится. Темноты ли, не темноты, но из дома его сейчас не вытолкаешь, разве что с превеликим скандалом — через крики и применение силы.

Он быстро сказал:

— Хорошо, а со мной пойдешь? Все равно мне надо прогуляться с Тотошей. Мы тогда погуляем полчасика, а ты — в булочную. Устраивает?

Тотчас из укромного закутка за шкафом вылез рыжеватый, в подпалинах, какой-то продолговатый Тотоша и, как бешеный, задергал остатком хвоста, реагируя, видимо, на магическое — «погуляем».

С плюша морды у него свисали седые усики.

— Конечно, папа!..

Ветка раздраженно сказала:

— Вечно ты ему потакаешь. Разумеется, он никого слушать не будет.

— Веточка... — нежно сказал Сергей.

— И не называй меня Веткой!

— Ну, положим, Виктория... Так мы почапали?
— И не застревайте на два часа!
— Постараемся...
— Ужин вас ждать не будет!
— Понял, — кивнул Сергей.

По пути в булочную он сказал:

— Слушай, Андрон, а, может быть, имеет смысл пересмотреть какие-то принципы поведения? Может быть, не следует каждый раз доводить до конфликта? Если Ветка к тебе обращается, то — сделай, и все. Ветка, в общем, не так уж часто к тебе обращается.

— Мама не любит, когда ее называют Веткой, — заметил Андрон.

— Ладно, не в этом суть. Только легче выполнить просьбу, чем ввязываться в дискуссию. Делать-то все равно приходится. Ну, а если уж совсем нет желания, тогда — объяснись. Но — спокойно и вежливо, я не думаю, что Виктория будет настаивать. Женщины вообще довольно покладисты. Как ты считаешь?

Некоторое время Андрон молчал, а потом вдруг нагнулся и подхватил с земли увесистую длинную палку — покрутил ее, видимо, примеряя к руке, и понес — словно меч, выставленный для защиты.

— Так как ты считаешь? — спросил Сергей недовольно.

Андрон вздохнул.

— Папа, ты говорил мне недавно, что бывают ситуации, когда ничего объяснить нельзя. И когда приходится полагаться только на... словесное утверждение. Если ты человеку веришь, то значит, веришь. Извини, но это именно та самая ситуация...

— А мне ты можешь сказать, в чем дело? — поинтересовался Сергей.

— Именно тебе?

— Да.

— Нет, не получится...

Сергей промолчал.

У ребенка крупные неприятности, подумал он. Впрочем, ну какие у него могут быть неприятности? Должен, верно,

кому-нибудь, а попросить денег стесняется. Или, может быть, рассорился с Мусей: что-то ее последнее время не видно. Ладно, через несколько дней образуется.

— Шагай веселее, — сказал он.

Они прошли огородами и через переулок, утоптанный до черноты, повернули на вечернюю тихую улицу, левый край которой через овраг спускался к реке, а на правом, за площадью, трепетали огни Торгового центра.

Здесь Сергей остановился и расстегнул поводок.

— В самом деле, не задерживайся, — сказал он. — Ветка ждет, не надо обострять ситуацию.

Дрюня как бы заколебался.

— А разве ты не пойдешь вместе со мной?

— А зачем?

— Ну, не знаю... Ты же хотел — до булочной.

Сергей слегка рассердился:

— Что, тебя за ручку водить, как маленького? Взрослый же человек, давай, Андрон, не томи, — и добавил, показывая, что пререкаться далее не намерен: — Жду тебя через пятнадцать минут. Усвоил?

Дрюня судорожно вздохнул.

— Иди, Андрончик...

Он смотрел, как Дрюня неуверенно пересекает пустынный в это время проспект, останавливается, словно на что-то наткнувшись, у противоположного тротуара, — осторожно, дугой, обходит сияющий витринами «Детский мир», а затем, махнув сумкой, скрывается за поворотом.

Стало как-то тоскливо.

Несчастный ребенок, подумал Сергей. Ветка на него орет, я — не обращаю никакого внимания. Половина друзей разъехалась — мается от безделья. Кто это сказал, что детство — самое счастливое время? Ни хрена оно не счастливое, если разобраться по-настоящему. Бестолковое — это еще может быть. Бестолковое, мучительное, угнетающее. Это они — того. Это они что-то напутали.

Он пнул камешек. На секунду ему показалось, что он уже никогда больше не увидится с Дрюней. Тот вот так — исчезнет за поворотом и растает в удушливом вечере августа. Он не знал, откуда взялось это чувство. Вроде бы, все

выглядело, как обычно: страшненькие обшарпанные пятиэтажки, вытянутые вдоль улицы, низкая уродливая коробка «Детского мира», красные скупые огни Торгового центра. Звенели редкие комары, радостно взвизгивал в лопухах Тотоша, чующий мышиные норы, на другой стороне реки лениво перебрехивались собаки. Благолепие, дрема, умиротворение. О чем, собственно, беспокоиться? Разве что багровое солнце, наполовину скрывшееся в лесу, протянуло вдоль улицы вечерние красные тени. Улица из-за этого выглядела как-то зловеще. Да еще почему-то не видно было окрест ни одного человека.

Сергей вдруг понял, что дело именно в этом. В той пустынности, которая и порождала тревожное ощущение. Ведь действительно — ни единой живой души. Как все вымерло. Странно. И ладно бы — взрослое население. Вероятно, взрослое население поглощено сейчас очередным сериалом. В том числе Ветка, хоть она и торопила их с ужином. Но почему не видно ребят, которые должны копошиться у каждого дома? Время — детское, не спят же они. И когда это было, чтоб ребятню удавалось загнать так рано? Я уже не говорю о подростках.

Он попытался вспомнить, а как было вчера, когда он точно так же прогуливался с Тотошей? Кажется — никого. А позавчера? А третьего дня?

Ему вдруг стало не по себе, потому что он понял, что ни позавчера, ни даже на прошлой неделе он не видел, гуляя по вечерам, никого из соседей. Ни ребят, ни девчонок, ни даже рослых парней, которые допоздна торчали на улице.

Действительно странно.

Похолодело в груди, и в ушах зашуршало, словно от нахлынувшей крови.

Лопухи как будто затрепетали.

Только спокойно. Только без паники. Только не надо нервничать.

Однако ноги уже тащили его через улицу, — вдоль пятиэтажных домов и мимо яркой витрины. А удивленный таким оборотом терьер несся вслед, обиженно и возмущенно потявкивая.

Впрочем, торопились они недолго.

Потому что из-за поворота, ведущего к булочной, показался живой, никуда не пропавший Дрюня и недоуменно остановился, взирая на подбегающего Сергея.

— Вот хлеб, папа...

Сергей еле затормозил.

— Ну ты, вообще, как?.. Вообще — ничего?.. Все в порядке?..

Он не мог, задыхаясь, выразиться яснее. Однако Дрюня его, кажется, понял — поднял голову и внимательно посмотрел в глаза.

— Да, конечно, — с каменным лицом сказал он.

Вечером он дождался, пока все улягутся, пока Дрюня перестанет шуршать бумагой, из которой он что-то клеил в последние дни, пока домоет посуду и успокоится уставшая Ветка, пока задремлет Тотоша, положив на лапы плюшевый кирпич головы, — после чего осторожно прошел на кухню, из настенного бара достал бутылку водки, купленную для гостей, набуровил себе примерно половину стакана, выпил, морщась, и с трудом продышался — так что выступили нехорошие слезы из глаз. А потом из того же бара извлек распечатанные Веткины сигареты и, почиркав о коробок, закурил — часто-часто, как школьник, неумело затягиваясь.

Было тихо, в черной глади стекла он видел свое отражение, городок уже, видимо, спал, и лишь гукала в отдалении какая-то птица: тырк... тырк... тырк... — словно кашляла в пустотелую емкость.

Сергей развалился на стуле.

В этом городе, как в ловушке, подумал он. Слева — реки и лес на четыреста километров, справа — сопки и тоже лес до самого горизонта. Поля колхозной капусты. Природа, ломать ей не обломаться. Самолеты, и те не летают. Осенью, значит, грибы, зимой — санки, лыжи, летом — рыбалка. Простая спокойная жизнь. Ружьишко бы надо приобрести, буду охотиться. Пошлю Гришке шкуру какого-нибудь четвероногого... Он вспомнил письмо, полученное на прошлой неделе. «Жизнь есть жизнь, — писал Гришка, находясь, по-видимому, в приподнятом настроении. — И ее не переделаешь никакими героическими усилиями. В общем, старичок, мы

тут организовали кооператив, заработки пока небольшие, но стремительно расширяемся. Перспективы очень хорошие. Если хочешь, присоединяйся, нам как раз нужен дилер в вашем районе. Я за тебя слово замолвлю»... А ведь хотел заниматься происхождением звездных систем, галактические облака, переворот в космогонии. И вот, пожалуйста, кооператив. Гришка не стал астрономом, я не стал педагогом, как собирался, а Харитон не стал великим писателем. Впрочем, Харитоша стал — мэром, в политику погрузился...

Он подумал, что, может быть, засадить еще полстакана, отправляться в постель так вот, сразу, пока не хотелось: сна ни в одном глазу, — не вставая, потянулся было к проклятому бару, но тут дверь в кухню скрипнула и, помаргивая спросонок от света, появился из коридора взлохмаченный Дрюня — одной рукой поддергивая трусы, а другой — почесывая выпирающую под кожей ключицу.

Рожица у него была помятая.

— Чего тебе? — нелюбезно поинтересовался Сергей.

— Воды попить...

Шлепая босыми ногами, Дрюня прошел к серванту, где стоял кувшинчик малинового стекла и, все так же почесываясь, запрокинул посуду выше острого подбородка.

Капли яркой воды соскакивали на грудь.

Сергей подождал, пока он закончит.

— Слушай, Дрюня, а ты кем собираешься стать, когда вырастешь? Только не говори мне, что — космонавтом или исследователем Антарктиды. Ты мне по-человечески объясни. Есть у тебя какое-нибудь желание?

Дрюня поставил кувшинчик и вытер мокрые губы.

— Я хочу быть взрослым, — тихо сказал он.

Сергей даже крякнул.

— Взрослый — это не профессия. Взрослый — это... состояние возраста. А вот ты мне скажи, что тебя, предположим, как взрослого интересует. Может быть, ты стихи тайком пишешь? Или, может быть, потихоньку рисуешь? Хотя для стихов еще рановато. А вот руки у тебя, кажется, есть. Кого это ты мастеришь последнее время?

— «Заместителя», — тихо сказал Дрюня.

— Кого-кого?

— «Заместителя»...

— Ну, и по каким же вопросам он будет тебя замещать?

— Пока я не вырасту...

Сергей загасил сигарету.

— Знаешь, Дрюня, у тебя, по-моему, крыша перекосилась. Разумеется, все ребята хотят вырасти поскорей, но ведь не зацикливаются же на этом — ты меня удивляешь... Или, может быть, это игра такая?.. А?.. Дрюня?..

Дрюня, однако, не отвечал. Он как будто окостенел, уставясь в пространство, и глаза его на сонном помятом лице выглядели неживыми.

Сергей стремительно обернулся.

Обрисованная по суставам луной, прижималась к оконной раме ладонь невероятных размеров. Проступили — негритянская кожа, фиолетовые прожилки на сгибах фаланг. Мякоть сплющенных пальцев слегка выделялась белесостью.

Точно спавший в земле исполин пробудился и высунул пятерню из почвы.

Она немного подрагивала.

И вдруг все исчезло.

— А... Дрюня?..

Дрюня молчал.

Тогда Сергей подскочил и, будто бешеный, распахнул оконные рамы.

Свежей вечерней сыростью рвануло из сада. Мерцали флоксы на клумбе, обнимали ограду сумрачные кусты малины. Желтый прямоугольник света лежал на траве.

Сразу же зазвенел комар.

— Дрюня, ты меня слышишь?..

За окном никого не было...

2

Утро было чудесное.

Солнце чуть-чуть припекало, от реки поднимался туман, и, умытые ранней прохладой, зеленели в садах тяжеловесные яблони. Пламенели пионы. Лопухи под заборами как

будто заново родились на свет. Небо было бездонное, дымчато-голубое, и такая пронзительная новизна лежала на всем, что хотелось немедленно сотворить какую-нибудь бессмыслицу — запустить камнем в реку или порубать тонкой вицей раскинувшийся меж заборами чертополох.

Что ж, если хочется? Сергей подхватил с земли длинный прут и с отчаянным свистом рубанул им по зарослям, которые повалились, как скошенные. А затем перемахнул через доски, загораживающие проход и, спугнув соседскую кошку, двинулся к центру города.

Вицу, конечно, пришлось сразу бросить. Не к лицу учителю прыгать и свистеть, как разбойник. Тем не менее, он чувствовал в себе энергию, бьющую через край, и поэтому преувеличенно-радостно обращался к каждому встречному: «Здравствуйте, Иван Никодимович... Доброе утро, Анжелика Порфирьевна...» И ему тоже преувеличенно-радостно отвечали: «Здравствуйте, Сержик... Сережа, мое почтение...» Известное дело — учитель. Не ответила только одна пожилая женщина — повернулась и посмотрела, как будто не видя его. И лицо у нее было какое-то выплаканное. Точно она рыдала всю ночь. Впрочем, довольно знакомое, наверное, кто-нибудь из родителей. Сергей тут же забыл о ней. Он боялся лишь, чтобы в него никто не вцепился. Есть такие любители побеседовать о собственных отпрысках. О проблемах образования и о том, «что бы вы, Сережа, здесь посоветовали?»

Он терпеть не мог таких разговоров.

К счастью, без этого обошлось. Задержал его только дядя Миша, который поманил через площадь властной рукой.

Впрочем, дядя Миша кого угодно притормозит.

Был он в форме, и фуражка, как обруч, стягивала его крупную голову, а передние пуговицы едва удерживали живот, и еще — почти двухметровый рост, не сержант, а языческий бог, обозревающий подданных.

К такому не захочешь, а подойдешь.

Даже Тотоша присел и, не решаясь обнюхать, скосился на лаковые голенища.

— Куда спешите, Сережа?

— Да вот, выходные, — бестолково объяснил Сергей. — То да се. На рыбалку, а, может быть, и за грибами. Сами понимаете, надо все подготовить...

Дядя Миша неторопливо отклинил фуражку и громадным махровым платком вытер лоб, на котором околыш оставил заметную полосу.

Спрятал платок в карман.

— Да... Погода имеется подходящая... И клевать, как я понимаю, должно, и моховички — уже побежали. Вы, Сережа, куда именно собираетесь?

— Так — на Грязи, естественно. Куда каждое лето.

Дядя Миша водрузил фуражку на место.

— Грязи — дело хорошее, — веско сказал он. — Я и сам, бывало, на Грязи по субботам закатывался. Возьмешь, значит, удочку, выйдешь с утра на берег... Болотце там — вот что меня беспокоит...

— Так в болотце мы не полезем, — бодро ответил Сергей. — Мы — с другой стороны, там, где березняк и обрывы. Да и что за болотце: корова перейдет — не заметит...

Он томился натужной необязательностью разговора.

Дядя Миша, однако, не собирался его отпускать: обозрел пустошь площади, где скучали на остановке несколько сельских жителей, по привычке сверил часы, потому что как раз еле слышно бибикнуло, погрозил толстым пальцем Евсею, который в потертом своем пиджачке направлялся неверной походкой куда-то в сторону магазина, объяснил, отдуваясь, как уставший гиппопотам: «Уже нагрузился. Сейчас свалится где-нибудь в переулке», и продолжил, словно по служебному долгу:

— Корова-то корова, Сережа. Да вот, говорят, там подземные воды проклевываются. Значит, два раза пройдешь, на третий — провалишься. Такая механика...

— Ладно, дядя Миша, я буду иметь в виду.

— Вообще там посматривайте: следы, может, какие-нибудь, обрывок одежды...

— Вы, дядя Миша, о чем?

— Так мальчишку-то до сих пор не нашли, — ответил милиционер. — Так его туда и растак!.. С утра прочесываем окрестности.

— Какого мальчишку?

Дядя Миша повернулся всем телом и впервые с начала беседы внимательно посмотрел на Сергея.

— Байкалов Вася. Вечером вчера ушел и до сих пор не вернулся. Мать — в истерике. Главное, вообще непонятно, куда он мог деться. Если бы с ребятами, ну — кто-нибудь бы проговорился. А так — как в воду. Неужели, Сережа, не слышали? То-то я гляжу, вы разгуливаете...

— Вася Байкалов?

Сергей вдруг вспомнил заплаканную пожилую женщину, которая ему не ответила. Вероятно, мать. Байкалова он не знал. Представляю, каково сейчас Ирине Владимировне. Тоже — мечется, наверное, по кварталам. Классный воспитатель всегда и за все в ответе.

Он сказал неуверенно:

— Мальчишки все-таки, дядя Миша. Ну, играют в каких-нибудь там индейских разведчиков. Или дома поссорился, убежал, чтобы характер продемонстрировать. Или, может быть, поспорил с ребятами... Объявится к вечеру. Есть захочет — вернется.

Он в это не слишком верил.

А дядя Миша, который слушал его тираду, вновь достал платок и неторопливо утерся.

— Может быть, и объявится, — рассеянно сказал он. — Вы, конечно, учителя, вам — привычней... Нет, не так все просто, Сережа. Было месяц назад аналогичное происшествие. Помните — четвертая школа, мальчик Володин? На окраине это, но мы принимали участие. Так вот, его не нашли.

— Преступная группа?

Дядя Миша вздохнул.

— Насчет группы вам Пекка все объяснит. И насчет группы, и насчет мер, принимаемых им лично. Он как раз сейчас выступает у вас на собрании.

— Каком собрании? — не понял Сергей.

— Ну, у вас, значит, в школе. Собрание там, педсовет. Пекка попросил, чтоб ему дали выступить.

У Сергея отвисла челюсть. Прекратилось дыхание, и глаза полезли на лоб.

Вдруг вскочил и звонко тявкнул Тотоша.

— Неужели запамятовали?..

— Елки-палки! — потрясенно сказал Сергей.

Тотошу он привязал за углом, чтобы не мозолить глаза. Тот вертелся всем телом, чувствуя, что его оставляют, — жалобно и тонко скулил, пару раз слабо гавкнул, словно пробуя голос. Умоляющий взгляд его так и приклеивался к Сергею, а обрубок хвоста мотался, как будто жестикулируя. Было, однако, не до него. Сергей лишь сказал: «Сиди тихо», после чего обогнул здание, выпирающее торцом, и буквально взлетел на второй этаж, где находилась учительская.

Сердце у него гулко стучало, и в груди нарастала тоска, что сейчас влепят выговор. Как же так я мог позабыть, в отчаянии думал он. Ведь еще на прошлой неделе специально предупреждали. В пятницу, в десять утра — педсовет. В понедельник и Зиночка заходила, напоминала. Ну — растяпа, ну — катастрофическое невезение.

Ему было неловко. Елки-палки, проштрафился, теперь Семядоля будет скрипеть: «Что же вы, уважаемый Сергей Николаевич...» А Герасим, чтобы подольститься, добавит насчет ответственности.

Герасим своего не упустит.

Сергей даже застонал от обиды: осторожно ступая, приблизился к открытым светлым дверям и, увидев у задней стены учительской свободное место, просочился, надеясь, что, быть может, его не заметят.

Конечно, не тут-то было. Стул предательски скрипнул, и лица присутствующих оборотились к нему. Семядоля, сидящая рядом с Пеккой, демонстративно нахмурилась, а Герасим в переднем ряду так даже развел руками. Не укладывалось у него в голове, как можно опаздывать на важное совещание.

Пекка тоже был недоволен.

Он покашлял, призывая слушателей к порядку, а затем, насупившись, как кабан, произнес:

— Значит, так. Повторяю для опоздавших. Принимаются все необходимые меры. Поселковые уполномоченные извещены. В настоящее время милиция прочесывает окрестности.

Мы связались с военными, нам обещано, что вылетит вертолет. Истекло всего двенадцать часов с момента исчезновения. Я надеюсь, что мальчик жив и будет в скором времени обнаружен. Но учитывая, с одной стороны, что данный случай не первый, а с другой стороны — чрезвычайно тяжелый рельеф прилегающей к городу местности, мы решили, что нам следует обратиться к общественности. Разумеется, прежде всего — к коллективу учителей. Любая помощь будет сейчас полезна. Может быть, мальчик что-то сказал кому-нибудь из друзей. Может быть, его приятели заметили что-то сами. С учителями ребята будут говорить откровеннее, чем с милицией. Я надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь. Нам сейчас важна буквально каждая мелочь... — Пекка сел, но тут же опять поднялся и короткой растопыренной пятерней зачесал назад волосы тускло-белого цвета; было видно, что он определенно волнуется. — Только я просил бы не истолковывать мои слова в том смысле, что милиция здесь бессильна. Не надо обвинений, товарищи. Милиция активно работает...

Он уселся уже окончательно и бесцельно потрогал массивную медную пепельницу, начищенную до блеска.

— Вопросы имеются?

Сразу же поднялся Котангенс — держа левую руку в кармане. В правой же у него торчала незажженная трубка.

— Правильно ли я понял, уважаемый... товарищ майор... что в предложенной ситуации мы имеем дело с так называемой «серией преступлений»? Согласитесь, что два одинаковых случая могут рассматриваться как «серия».

— Возможно, — сказал Пекка сквозь зубы.

— Правильно ли я понял, опять же... товарищ майор... что в обоих случаях исчезновения имели одинаковые характеристики? Ну — внезапность, неподготовленность, отсутствие каких бы то ни было очевидцев. Что свидетельствует не о добровольном исчезновении, а о насильственном?

— Ну, в общем — так... — подтвердил Пекка не слишком охотно.

— Тогда не кажется ли вам... товарищ майор... что причиной исчезновения может быть определенное патологическое вмешательство? Например, психическая аномалия, обостряющаяся в зависимости от сезона. Или вспышка болезни,

которая проявилась таким неожиданным образом. Занималась ли милиция медицинским аспектом проблемы?..

— Милиция этот вопрос исследует...

— Благодарю вас. Достаточно.

Котангенс сел и картинно закинул ногу на ногу, вставив в рот трубку.

Вдруг заговорили все разом:

— Маньяк на улицах города!..

— Безобразие!..

— Мэру нужно объявить чрезвычайное положение!..

— А зачем?

— Просмотреть медицинские карточки во всех поликлиниках!..

— Много вам дадут ваши карточки!..

— Ну, не знаю — а вдруг обнаружится...

— Сумасшедшие на свободе!..

— Спокойно, спокойно, товарищи!..

Семядоля, привстав, колотила по столу авторучкой. Брови у нее сильно сдвинулись, а над круглыми, близко посаженными глазами появились вертикальные складки.

— Я прошу порядка, товарищи!.. От нас требуются не эмоции. От нас требуются дисциплина и выдержка!.. Мирра Абрамовна, сядьте на место!.. Николай Поликарпович, вы же пожилой человек!..

Спокойствие сохранял, пожалуй, только Котангенс, тем не менее воспользовавшийся суматохой, чтобы зажечь свою трубку — клубы синего дыма поплыли по воздуху, — да еще молчал аристократической внешности Мамонт — недоуменно оглядывая соседей. Из кармашка отпаренного пиджака высовывался платочек. Однако Семядолю не так-то легко было выбить из колеи. Она в три секунды навела необходимый порядок. Пристыдила мужчин, жестикулирующих, как на рынке, водворила на место химичку, которая порывалась куда-то мчаться, сказала сердитым голосом: «Арнольд Петрович, здесь курить запрещается!..», после чего, выдержав паузу, чтобы тишина закрепилась, и все также постукивая авторучкой, с большим чувством произнесла:

— Честно говоря, мне стыдно, товарищи! Мы же с вами все-таки учителя. Пропал мальчик, от нас требуется срочная

помощь. А мы с вами вместо этого чем занимаемся? Что о нас подумает Отто Янович? Вместо помощи? Давайте, товарищи, по порядку...

Она подождала еще несколько долгих секунд, чуть подергивая головой и рассматривая, казалось, каждого по отдельности, а когда решила, что все уже прониклись моментом, то спокойно и деловито изложила свою собственную позицию.

Она сказала, что не собирается обсуждать сейчас медицинские аспекты проблемы: не ее специальность, и, наверное, милиция лучше разберется в этом вопросе, она сказала, что не собирается также вдаваться в непосредственное расследование, пусть расследованием занимаются те, кому это положено, и уж, конечно, заметила Семядоля, она не собирается ничего указывать компетентным органам, наши органы ни в каких указаниях не нуждаются. Помощь, разумеется, будет оказана. Разумеется, будут опрошены находящиеся в городе ученики и любые детали немедленно сообщены товарищу Пекке. Здесь не может быть никаких сомнений. Наш учительский коллектив... долг российского педагога... Но она хотела бы обратить внимание на одно обстоятельство — обстоятельство, которое не должно остаться упущенным... В этом месте Семядоля немного помедлила, а потом продолжила с еще большей энергией. Говорила она о довольно-таки необычных вещах. Сергей весь напрягся. Оказывается, среди учеников существуют весьма нездоровые настроения. Ходят слухи о монстрах и привидениях, появляющихся по ночам. Эти монстры, якобы, и ответственны за похищение. В частности, рассказывают о Доме Смерти, который находится где-то в городе. Кто туда попадает, естественно, исчезает бесследно. Или говорят о какой-то Черной Руке, тоже якобы существующей и отрубленной когда-то у Людоеда. Говорят, что именно эта Рука охотится за ребятами. А еще упоминается Топкое Место, засасывающее любого, и Болтливая Кукла, крадущая малышей, и Пузырь-невидимка, который вытягивает из человека все соки. В общем, настроения, как видите, специфические. Семядоля была просто поражена, когда об этом услышала. По ее мнению, детей явно запугивают, и хотелось бы выяснить, кому это понадобилось. Связь с пропавшими мальчиками, во всяком случае, несомненная, и она, Семядоля считает, что в этой истории

следует разобраться. Слишком ясно тут чувствуется чье-то целенаправленное влияние.

— Школа должна вмешаться, — заявила она.

Все были слегка ошарашены.

Наконец, опомнившийся Котангенс опустил одну ногу с другой и решительно выдернул изо рта злосчастную трубку.

— Позвольте, — сдавленным голосом сказал он. — Не имеете ли вы в виду, Маргарита Степановна, что подобного рода фантазии действительно материализованы? Я вас правильно понял? Ведь это — детские игры. Все ребята в определенном возрасте испытывают тягу к ужасному. Про Дом Смерти я ничего сказать не могу, но у нас во дворе, например, рассказывали о Бешеной Чуне. Дескать, бродит — откусывает руки и ноги. Одно время я даже боялся показаться из дома. Это быстро проходит. Здесь нет ничего особенного.

— Действительно, — протянула химичка. — Было что-то такое, но, слава богу, недолго. Я боюсь, Маргарита Степановна, что вы нас дезориентируете.

И еще несколько человек подтвердили:

— Зачем это обсуждать?

— Чушь какая!..

Семядоля покрылась красными пятнами.

— Хорошо. Пусть это будет в порядке дискуссии. Я надеюсь, однако, что все поняли поставленную задачу. Мы должны побеседовать с учениками, и как только хоть что-нибудь выяснится, — к товарищу Пекке. Я подчеркиваю: без какого бы то ни было промедления. Есть вопросы, какие-нибудь замечания? Отто Янович...

— Вот именно: без промедления...

— Ребята очень неохотно разговаривают, — заметил кто-то.

— А уж это наша забота. На то мы и учителя!

— Кстати, — неожиданно встрепенулся Котангенс. — А откуда, Маргарита Степановна, известны такие подробности? И Болтливая Кукла, и Пузырь-невидимка. Мне мои... молодые друзья... ничего не рассказывали.

Семядоля вскинула голову.

— Ваши молодые друзья сообщают вам только то, что вы желаете слышать.

— Маргарита Степановна!..

— Все, Арнольд Петрович, закончили!..

И она, показывая, что препираться не стоит, поднялась и вновь три раза стукнула авторучкой:

— Время дорого, товарищи. Приступаем к работе!..

Сергея она задержала:

— Извините, мне нужно с вами поговорить. Две минуты, если вы, конечно, не возражаете...

— Пожалуйста, — кисло ответил Сергей.

Он считал, что сейчас последует выговор за опоздание.

Семядоля, однако, про опоздание даже не вспомнила, а несвойственно для себя, будто девушка, покраснела, замялась, быстрым резким движением поправила кудри, набитые, как в парике, и, наверное, чувствуя, что пауза слишком затягивается, мелко кашлянула и не очень громко спросила:

— Вы, Сережа, когда-нибудь слышали о Мерзкой Ленте?

— Нет, — недоуменно ответил Сергей.

— Ну так вот, была такая история. Ночью размыкается щель в стене, как змея выползает оттуда Мерзкая Лента и, шипя, начинает тебя пеленать — кольцо за кольцом. Холод, слизь, кошмарное ощущение... — Семядоля вся передернулась. — Вы только не смейтесь, Сережа. Я буквально чувствую ужас, который сгущается среди нас. А скажите, вы за последние дни не сталкивались с чем-нибудь необычным?

Сергей помедлил.

— Вроде бы нет...

— И ребята вас любят. Они вам ничего не рассказывали? — Семядоля неожиданно коснулась его руки и добавила, как будто речь шла о жизни и смерти: — Я боюсь, что будет поздно, Сережа. Я вас спрашиваю потому, что вы сами, простите, еще молодой. И, быть может, видите то, что другие уже не видят. Вы меня понимаете?

— Да, наверное... — сдерживаясь, сказал Сергей.

— Ну, идите. И если вы вдруг почувствуете что-нибудь странное...

— То — немедленно к вам.

— Или — к Пекке...

— До свидания, Маргарита Степановна...

Сергей скатился по лестнице. Он был взбешен. Недостаточно взрослый он, видите ли, — ну и ладно. И пускай Семядоля провалится со своей снисходительностью. Он, в конце концов, ей ничем не обязан. Ладно, хватит, закончили, пора действительно повзрослеть...

Он свернул за угол и остановился.

Тотоши на привязи не было. Лишь висел вдоль трубы обрывок кожаного поводка, да асфальт в этом месте был чистый, как будто его подметали.

Сергей оглянулся.

— Вот те раз... — растерянно сказал он.

И сейчас же из-за угла вышла тоненькая девочка в комбинезоне и уставилась на него, испуганно и быстро моргая.

Волосы у нее были совершенно выгоревшие, а коленки краснели, как будто она где-то ползала.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич...

— Здравствуй, Муся, — после некоторого молчания сказал Сергей.

3

Он не знал, что ему дальше делать. Почему они все такие бледные, думал он. Почему они такие бескровные, словно никогда не бывают на солнце? Почему они такие серьезно-вдумчивые, словно высохшие старики, и, как на подбор — с такими остановившимися глазами? Не нравятся мне эти глаза. И почему они ходят, а не носятся сломя голову? И почему не прыгают и не визжат, как помешанные? Что-то они не очень похожи на нормальных детей.

Он не представлял, с чего начать разговор. В закутке между школой и пыльными гаражами никого не было. Валялись сохлые щепки, и высовывалась из трещин в асфальте железная неприветливая крапива.

И стояла девочка Муся в цветастом комбинезоне на лямках.

Сергей переступил с ноги на ногу.

— Куда ты сейчас направляешься?

Девочка Муся подумала.

— Мама послала меня за молоком, — сказала она. — Но молока сегодня не завезли и поэтому я взяла две бутылки кефира.

В сумке, которую она подняла, глухо звякнуло.

Сергей был несколько озадачен такой обстоятельностью ответа.

— А почему ты совсем куда-то исчезла? — спросил он. — Раньше вы играли с Дрюней на огородах. А теперь тебя что-то совсем не видно. Да и в гости к нам ты, по-моему, уже месяц не заходила.

— Нет времени, — коротко ответила девочка Муся.

— Что же, так и сидишь дома целыми днями?

— Ну, в общем, да...

— И чем же ты занимаешься?

— Рисую, смотрю телевизор...

— А, например, книги читаешь?

— Читаю.

— Какие?

— Разные.

Она замолчала.

— А у меня вот собака пропала, — не к месту сказал Сергей. — Поводок перегрызла, и — поминай, как звали. Она тебе случайно не попадалась?

— Тотоша?

— Да.

Он посмотрел на остаток кожаного ремешка, свисающего со скобки. И серьезная девочка Муся тоже внимательно посмотрела. И смотрела она почему-то так долго, что Сергей, не выдержав, тронул ее за плечо.

— Муся...

— А?.. Что?..

Она вздрогнула, точно от прикосновения раскаленным предметом, и на бледном лице ее обозначился страх, как будто она столкнулась с чудовищем.

Даже захрипело дыхание.

— Что с тобой, Муся?

— Когда он пропал?

— Кто? — не понял Сергей.

— Тотоша... Когда вы обнаружили, что его нет на месте?..

— Да вот только сейчас, — Сергей быстро пожал плечами. — Возвратился из школы, у нас там собрание было, и гляжу — вот-те раз — поводок перегрызен. И отсутствовал-то всего, наверное, с полчаса. А ты что, знаешь что-нибудь по этому поводу?

Однако девочка Муся молчала, а когда Сергей вновь протянул руку, чтобы встряхнуть ее, то она отшатнулась и даже загородилась сумкой с кефиром.

— Я пойду, Сергей Николаевич, — сказала она.

И лицо у нее стало серое, точно из гипса.

Она стремительно постарела.

Сергей начал злиться.

— Ты никуда не пойдешь, — произнес он учительским строгим тоном. — А, напротив, мы пригласим твоих родителей в школу и все вместе побеседуем о том, что тебе известно. Как сейчас, Виктор Васильевич дома? И Варвара Игнатьевна, я надеюсь, уделит нам немного внимания? Ну, пошли! Что ты здесь потеряла?

Девочка Муся отступила на шаг и беспомощно оглянулась, ища, где бы спрятаться.

— Вы ничего не понимаете!.. — с дрожью в голосе сказала она. — Подождите!.. С родителями на эту тему нельзя разговаривать!..

— Почему?

— Потому что нельзя. Они не должны знать об этом!..

Она говорила чуть слышно, но пониженный голос ее так звенел и такие горячие слезы проскальзывали в интонациях, что казалось, она кричит на высоком накале и сейчас на ее крик сбегутся встревоженные прохожие.

Сергей сказал, остывая:

— Хорошо, хорошо, Муся, ладно. Успокойся, я никаких родителей вызывать не буду. Это — так, я немного погорячился. Извини меня, давай побеседуем по-человечески.

В доказательство своих добрых намерений он даже опустился на камень, выпирающий из земли, и расслабленно привалился к забору, показывая, что ни о каких-таких санкциях не помышляет.

Забор длинно скрипнул. От нагревшихся гаражей пахло дряхлым проржавевшим железом.

— Подойди сюда, Муся.

— А вы точно не вызовете моих родителей?

— Да не вызову, не беспокойся, — сказал Сергей. — Но ты видишь, в каком положении мы находимся. Пропал Вася Байкалов. Вся милиция поднята на ноги, все дружинники, все учителя. Родители очень переживают. Случай-то ведь серьезный. Если ты об этом что-нибудь слышала, обязана рассказать. — И добавил после некоторого колебания: — Я тебе обещаю, что все останется между нами. Ни родители не узнают, ни все остальные. Ну, Муся?..

Муся дрожала.

— Вы его не найдете, — сказала она. И немедленно оглянулась, как будто их кто-то подслушивал. — Вася — он не пропал. Его просто забрали...

— Кто, куда? — быстро спросил Сергей.

— Ну... он ничему не верил, смеялся... Говорил, что перестреляет их всех из рогатки... И действительно — стрельнул, дурак набитый!.. Ну, нельзя об этом рассказывать, как вы не понимаете!..

— Муся!!! — заорал Сергей, забыв всякую сдержанность. — Муся, я тебя умоляю!..

Воробьи, которые копошились в пыли, бросились врассыпную. Подскочила и мявкнула кошка, подкрадывающаяся вдоль забора.

Девочка Муся уже опомнилась.

— Мне надо идти, Сергей Николаевич, — сказала она.

И, как взрослая, с независимым видом двинулась по переулку.

Сумка с бутылочками кефира почти касалась земли.

— Муся, — позвал Сергей. — Муся, он ведь там совершенно один — Вася Байкалов. И он ждет, что мы ему как-то поможем. Он ждет нас, Муся. А мы что же — выходит, мы его бросили?..

Голос сорвался.

Тогда девочка Муся остановилась и на пару секунд обратила к Сергею бескровное испуганное лицо.

— «Детский мир»... — прошептала она одними губами.

И прежде, чем Сергей успел что-либо сообразить, повернулась и побежала в сторону дома.

Только белые носочки в сандалиях мелькали по воздуху...

В этом магазине Сергей не был, наверное, года два, и теперь поразился, насколько все изменилось. Вместо прежних унылых коробок, где была в беспорядке навалена разная дребедень: куклы с вывихнутыми руками, неказистые скучные грузовички, окрашенные в зеленое, плюшевые медведи с тупыми физиономиями, теперь возвышались до потолка чистенькие стеклянные стеллажи, причем задние стенки были зеркальные, чтобы увеличить пространство, а внутри стеллажей, скомпонованные явно так, чтобы выглядеть привлекательнее, в удивительном множестве расположены были яркие цветные игрушки — танки, вероятно, управляемые по радио, устрашающие многорукие роботы, казалось, из далеких галактик, толстодулые ружья, стреляющие, наверное, плазменными разрядами. Потрясающий выбор. Вероятно, не зря сменили директора. Сергей что-то слышал об этом. Но сильнее всего его удивила витрина, где были представлены монстры, рожденные, должно быть, нездоровым воображением. Здесь белели скелеты с неровными, будто обгрызенными костями, жуткие высохшие вампиры, демонстрировавшие желтозубый оскал, ни на что не похожие космические чудовища, у которых под шерстью блестела никелированная чешуя. И словно царя над этим всем бестиарием, выделялась на светлой стене фиолетовая громадная морда орангутанга: крючья острых зубов высовывались из пасти, а подсвеченные глаза пылали голодом и свирепостью.

Сергей поежился.

Неудивительно, что в магазине практически не было посетителей. Лишь, прилипнув к стеклу, восхищался двуручным мечом какой-то мальчишка да ленивая волоокая продавщица, прислонясь к заполненному танками стеллажу, тонкой пилочкой подравнивала и без того холеные ногти: даже на расстоянии был заметен вызывающий маникюр, словно пальцы чуть-чуть обмакнули в ванночку с кровью.

Продавщица подняла хризантемную голову и, не меняя позы, спросила:

— Желаете что-нибудь приобрести, Сергей Николаевич?

Разумеется, она его знала. В маленьком городе учителя знают все.

Тем не менее, Сергей растерялся.

— Собственно... Я еще не решил... Просто так завернул — присмотреть на будущее...

Продавщица неторопливо кивнула:

— Вам для мальчика? Возьмите радиоуправляемый вездеход. Или вот — арбалет, мальчику это понравится...

Полированный теплый приклад сам собой удобно лег в руку. Арбалет был тяжелый, со множеством металлических причиндалов, лук, насаженный на него, выгибался черной пластмассой. Спусковой крючок щелкнул тупо и даже как-то зловеще.

— Из такого убить можно... — с сомнением протянул Сергей.

Продавщица выложила перед ним россыпь стрел с резиновыми наконечниками.

— Видите, здесь — присоски. Если резинку снять, тогда — да. А так просто — залепит по лбу, и никаких последствий..

Она коротко хохотнула.

— Сколько стоит? — нерешительно поинтересовался Сергей. — Сколько-сколько? А вы на ноль не ошиблись?

Продавщица снисходительно пожала плечами.

— Разумеется, дорого, зато красиво. Ну так что, Сергей Николаевич, покупаете? — Что-то вроде презрения мелькнуло в ее глазах. Невысказываемое презрение к тем, кто вкалывает, а денег все равно не имеет. — Впрочем, заплатить вы можете позже. Ничего-ничего, я ж вас знаю...

Сергей опомниться не успел, как завернутый арбалет оказался у него под мышкой. Коробка была красивая, и отказываться стало неловко.

— Собственно, я не за тем... — начал он. — Собственно, я зашел — насчет мальчика. Мальчик у нас в школе исчез, может, слышали?..

Он еще рассказывал что-то — с ненужными подробностями, объясняя, но, наверное, продавщица уже нажала кнопку звонка, потому что появилась из глубины черноволосая женщина и, кивнув суховато, но вместе с тем корректно, спросила:

— Чем могу быть полезна, Сергей Николаевич?

Она была в деловом темно-синем костюме с желтой блузкой, воланчиками выбивающейся из-под лацканов, и, наверное, выглядела бы даже красивой, если бы не толстые линзы очков, как будто вставленные в глазницы. Из-за этого глаза казались искусственными.

— По поводу мальчика, — произнесла продавщица.

И, по-видимому, директор магазина посторонилась:

— Ну что ж, заходите.

Они прошли коридорчик, в котором отсутствовал свет, и, слегка повернув, очутились в довольно грязном маленьком кабинете, вероятно, использовавшемся заодно и как подсобное помещение, потому что громоздились коробки вдоль двух его стен, а в проеме меж ними валялись картон и оберточная бумага. Здесь директор усадила Сергея за крохотный столик и, усевшись напротив него, объяснила:

— Не знаю, чем я еще могу быть полезна. Все, что было, я уже рассказала милиции. Этот мальчик, мне кажется, вчера забегал в магазин. Правда, я не могу поручиться, что — именно этот мальчик. Потому что мальчишки время от времени — забегают. А к тому же я только мельком заглядывала в торговый зал, но, похоже, что он действительно здесь появлялся. Но вот больше я ничего сказать не могу. Я с ним не общалась никак и не разговаривала. Продавщица же наша, Людмила, его вообще не помнит... — Она непринужденно заметила: — Да вы положите, Сергей Николаевич, арбалет, вот сюда — я вижу, что он вам мешает...

Сергей попытался пристроиться на пачке каких-то бумаг, пачка тут же поехала, и директор едва прихватила рассыпающиеся страницы — подравняла ладонями, после чего улыбнулась.

— Тесно тут, извините. Меня зовут Альдина Георгиевна. Имечко, как видите, не слишком удобное. Называйте меня — просто Алла... Кажется, мы с вами не сталкивались?

Сергей слегка покраснел:

— Скажите, Алла... Почему у вас в магазине такой странный подбор игрушек? Одни чудовища, даже смотреть неприятно. Ну, и еще оружие, тоже — однообразно.

Альдина подняла палец.

— О, я слышу речь завзятого педагога. На самом деле все очень просто, Сережа. Мы, как подневольная организация, не определяем ассортимент. Продаем только то, что нам поставляют. Принцип здесь примитивный: не нравится — не бери. А поскольку выбора нет, то — приходится соглашаться.

— И, однако, ассортимент действительно специфический, — сказал Сергей.

— Ребятам, тем не менее, нравится. И не только мальчишкам, девочкам — тоже. Привлекательно, броско, будоражит воображение. Ну, а что до специфики, то это как посмотреть. Мы готовим наших детей к жизни в реальном мире. В мире, где существуют еще и жестокость, и страх. И желательно, чтобы дети были обучены соответствующим образом. Чтоб они имели понятие и о первом, и о втором. А быстрее всего это происходит через игрушки. И поэтому наша лепта, наверное, имеет значение. Извините, Сережа, но вам, по-моему, не интересно.

Сергей вздрогнул. Он действительно пропустил последние фразы. Он, не отрываясь, смотрел туда, где между сейфом и штабелем узких коробок образовывала гнездо груда такелажных ремней: петли, кожаный пояс, брезентовые обрезки. Что-то в этой груде его зацепило. Что-то очень знакомое, только вот что?

— Нет-нет-нет, я вас внимательно слушаю...

— Это тоже определенная педагогика, — сказала Альдина. — Помогаем ребятам преодолеть детские страхи. Научившись обходиться с игрушечными чудовищами, они меньше будут бояться чудовищ, так сказать, настоящих: темноты, всяких там домовых, привидений...

— Пока наблюдается противоположный эффект, — заметил Сергей.

Альдина загадочно усмехнулась.

— Ну, это временное явление. Они постепенно привыкнут. И тогда их дальнейшая жизнь станет проще и упорядоченнее...

Она покивала.

Сергей тоже кивнул — вместе с тем, безусловно не соглашаясь.

— Я вас все же не понимаю, — сказал он. — Вы считаете, что чудовища должны стать для нас привычным явлением — частью быта, — тогда мы перестанем относился к ним с омерзением? Но ведь так можно оправдать любой негатив — воровство, например, — и включить его в нашу жизнь, как норму. Или, скажем, дурную привычку обманывать... Нет, — добавил он, — мне это не нравится.

Альдина опять усмехнулась.

— Какой вы нетерпеливый. Сразу взяли, не разобравшись, и осудили. А, быть может, осуждать как раз и не следовало.

Она остро прищурилась.

И тут в дверь постучали, и немедленно вслед за стуком в кабинет ввалился Евсей, принеся с собой запах неряшливости и перегара.

— Это... Альдина Гр-гивна... — бодренько сказал он. — Машина, значит, пришла. Ну — с товаром; которая — договаривались... Мужики, значит, интересуются: будем разгружать или как?

Он потер мягкий нос — алкогольного, синюшного цвета.

— Разгружайте, разгружайте, конечно, — холодно сказала Альдина. — Не обратно же отправлять. Я не вижу, в чем тут проблема...

— Дык, того-этого... — смутно сказал Евсей.

— Того-этого?

— Ну — чтобы, значит!

Тогда Альдина полезла в ящик стола, после некоторой возни достала оттуда четыре зеленых купюры и, как фокусник, демонстрирующий зрителям карты, провела их по воздуху перед самым носом Евсея.

— Вот, но только после того, как разгрузите...

— Будет сделано! — радостно заверил Евсей. И, как пьяный гиппопотам, затопал по коридору. — Мужики!.. Давай разгружай!.. Все нормально!..

Послышались довольные возгласы.

— Товар привезли, — пояснила Альдина. — Охломоны, ведь обещали, что только двенадцатого. Ну, куда мне теперь все это складировать?

Ее черные брови озабоченно сдвинулись.

Сергей тут же поднялся.

— Намек понял, — кисло сказал он.

Из магазина он вышел в несколько подавленном настроении. Кажется, ничего особенного не произошло, и тем не менее у него было чувство, будто он пропустил в «Детском мире» нечто очень существенное — важную какую-то мелочь, штрих, однако меняющий всю картину. Перед глазами вставала Альдина: вороные гладкие волосы, прилипшие к черепу, толстые стекла очков, будто вдавленные в глазницы, мелкозубье внезапно прорезающейся улыбки. Все это не имело отношения к делу. Он сжимал под мышкой коробку с ненужным ему арбалетом, было душно, неистовствовало летнее солнце, и только когда он, почему-то устав, минут через пятнадцать притащился домой и когда раздраженно запрятал трижды проклятый арбалет в багажник автомобиля, то, уже захлопнув задребезжавшую крышку, неожиданно понял, что именно его потревожило в кабинете.

В этой куче ремней присутствовал, как ему показалось, и — ошейник Тотоши...

4

Харитон был доволен. Губы его лоснились, сытенько выдаваясь вперед, щеки тусклого песочного цвета порозовели, проступили набрякшие кровью вены на лбу, а глаза, обычно прикрытые веками, сияли энтузиазмом.

Он напористо говорил:

— Жалко, Гришка не подтянулся, сволочь такая. В кои веки вот так собираемся, без затей. И машина у него, у собаки, имеется, и куча помощников. Нет, не вырваться идиоту —

купи-продай! Миллиона четыре уже нахапал, все ему мало. Вот подлец, коммерсант хренов!.. — Возмущался он совершенно искренне. Но при этом не забывал жевать красную рыбу, которую пододвинул к себе, и одновременно накалывал малиновые аккуратные помидорчики. Вилка у него так и летала. — Чертов лавочник, капиталист, дери его за ногу!..

Лидочка, сидевшая рядом с ним, кривила напудренный носик.

— Фу, Харитоша, что ты себе позволяешь?

— А что такого? — трубным басом спрашивал Харитон.

— А то, что не ругайся, ты не у себя в кабинете!..

— Кто ругается?

— Ты!

— Да разве же я ругаюсь, я — так, напряженку сбрасываю...

Он повернулся к Сергею.

— Ведь в самом деле обидно. Раз в году договорились увидеться — я, пожалуйста, вырвался, встречу межобластную для этого отменил, разогнал всех шестерок, каждому — поручение, а он, видите ли, вечер не может освободить. Пашет, пашет, как будто его привязали. Нет, я стукну Петру Николаевичу: живет слишком вольготно. Надо будет устроить ему такую — финансовую проверочку. Чтобы не зазнавался, чтобы не забывал старых друзей... — Харитон хохотнул и без тоста опрокинул в открытый рот рюмку водки. На него приятно было смотреть — крякнул, вытер губы рукой, энергично откинулся, хрустя корнишоном. — Нет, вот этого Гришка, конечно, не понимает. Умный, умный, казалось бы, а все-таки идиот. Не врубается, что иногда необходимо расслабиться. На работе ведь, как под рентгеном, сидишь. Этот смотрит, не хапнул ли ты себе чего-ибудь лишнего. Тот докладывает наверх — что было и чего не было. Третий каждое слово твое на всякий случай записывает. Компромат, понимаешь ли, собирает, ядрить его разъядрить! Морды чиновничьи! Как я их ненавижу! Только у тебя и оттянешься. Давай выпьем, Серега!..

Он размашистым жестом через стол потянулся к бутылке — тут же Лидочка быстро перехватила ее и решительно прикрыла сверху ладошкой. Как будто запечатала навсегда.

— Темпо, темпо, — сказала она непреклонно.

Харитон возмутился:

— Ты, мать, чего?

— Ничего! А пока что — достаточно!

Это были их обычные семейные столкновения. Вмешиваться не следовало.

Сергей спросил:

— А то, что ты сейчас у меня находишься, тебе потом на вид не поставят? Машина твоя во дворе стоит, соседи ее уже отследили...

Харитон отмахнулся:

— А... не всякое лыко в строку. Ты не думай только, что я насчет этого мальчика не переживаю. Дескать, забурел Харитон, оторвался от простого народа. Знаешь, как говорят... Хотя, если честно, то, конечно, не переживаю. Понимаю, разумеется, что — трагедия и что — общественность взбудоражена. И, конечно, предпринимаю соответствующие усилия: и милиция поставлена на ноги, и по радио объявляют. Даже денежную награду назначили тому, кто поможет. Но, признаться, старик, не волнует меня это по-настоящему. Ведь на самом-то деле — мелочи, ерунда. Что такое ваш мальчик в масштабах города? У нас каждый год — по крайней мере, один человек исчезает. Ничего, тишина... Эх, Серега, мне бы федеральный кредит увеличить да добиться, чтобы налоги не ускользали из города неизвестно куда, — провести ремонт улиц, благоустроить районы, вот тогда мне сограждане на выборах скажут спасибо. Ну, а мальчика мы отыщем, подумаешь, мальчик. Пекка землю рыть будет, не сомневайся...

Лидочка нервно сказала:

— Ты только не слушай, что он тут плетет тебе с пьяных глаз. Залил бельмы и несет околесицу. Случай, конечно, кошмарный. Сам метался весь день, организовывал поиски.

Быстрым легким движением она показала на Дрюню, который появился в гостиной. У того лицо было хмурое, а в руках он держал замысловатую конструкцию из картона.

— Какие-нибудь проблемы? — поинтересовался Сергей.

— Мне нужен «Момент», — сказал Дрюня высоким неестественным голосом.

— «Момент» на веранде, на полочке, где маленькие эхинопсисы...

Дрюня, однако, не поспешил, но внимательно оглядел застолье, как будто запоминая, а затем повернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Взвизгнули на крыльце половицы.

— Собачка у нас пропала, — несколько искусственным тоном объяснила Ветка. — На секунду оставили, и — то ли заблудилась, то ли украли. Шапки, говорят, из них делают. Вот Андрон и переживает последнее время. — Она подчеркнуто улыбнулась. — Ничего-ничего, наверное, скоро отыщется...

Харитон, как будто молясь, воздел кверху руки.

— Боже мой!.. — с неподдельным ужасом вскричал он. — Дети, собачки какие-то, чем вы тут занимаетесь?.. У тебя, случайно, любимый таракан не пропал? А то, знаешь, давай, я тебе посочувствую!.. — Бормоча: По этому случаю надо врезать, он схватил бутылку, которую Лидочка уже отпустила, и, немного промахиваясь, налил всем полные рюмки. Быстро поднял свою и провозгласил: — Ну! За то, чтоб жизнь пенилась, а не протухала!.. — Выпил, крякнул и закусил соленым огурчиком. — М-м-м... пожалуйста, не обижайся, старик, но последние годы ты, по-моему, слегка растерялся. Тараканы, собачки — утратил нить жизни... — Обвиняющим жестом он указал на полки с цветами. — Занимаешься чепухой. Это вот у тебя что?

— Акорус, — сказал Сергей.

— А вон там, над диваном, вон-вон это, зелененькое?..

— Пармакита, или «тибетская роза»...

Харитон хлопнул ладонью по крышке стола:

— Выбрось ты эти розы к чертовой матери! Вот давай прямо сейчас соберемся и выбросим. Тараканы, собачки — нашел занятие! В самый раз, понимаешь, для взрослого мужика. Жизнь, Серега, кипит так, что шарики разъезжаются. Я тебе сто раз говорил: иди к нам в мэрию. Мне порядочные сотрудники во как нужны! — Харитон напряженными пальцами чиркнул себя по горлу. — Грязь тебя наша пугает? Грязи, конечно, полно. Но не только же грязь — позитив какой-никакой наработали. Ну, Серега! Мы горы с тобой своротим!.. — Он решительным жестом убрал с бутылки Лидочкину ладонь. — Вот что, мать, ты сейчас не хватай меня за

руки. Разговор завязался серьезный, надо разобраться как следует...

Сергей мирно сказал:

— «Тибетская роза» растет высоко в горах. Собственно, это не роза, а редкий вид камнеломок. «Саксифрага Тибетика». Цветет она раз в десять лет. И во всем мире есть только три человека, которые это видели. Я, конечно, имею в виду случаи документированные. Цветок плоский, похожий на раскрывшийся лотос, и, как говорят легенды, «неописуемой красоты». Тот, кто видел хоть раз цветущую пармакиту, обретает покой — не богатство, не счастье, не сверхъестественные способности. Так, во всяком случае, утверждают легенды... — Он секунду-другую помолчал, чтоб дошло, а затем поднял рюмку и звякнул о Харитошину. — Твое здоровье!..

— Взаимно!

— Ну — будь!..

Ветка вдруг поднялась и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

Каблуки ее простучали по коридору.

Повисла нехорошая тишина.

Что-то жумкнуло, и долетело хрипение крана на кухне.

— Н-да... — после некоторой паузы произнес Харитон. — А ты, извини, конечно, в какую-нибудь мистику не ударился? Там — «Великое Братство» или что-нибудь такое еще. Они у нас в городе тоже, помнится, обретались...

Сергей сморщился.

— Я хотел лишь сказать, что жизнь не обязательно имеет конкретную цель. Там — добиться успеха, занять высокую должность. Она не для чего-то, она — просто жизнь. Вот и все. По-моему, достаточно ясно...

Лидочка поспешно налила себе сухого вина.

— Никто за дамами не ухаживает, приходится нам самим... Харитоша, ну что ты, в самом деле, мучаешь человека? Привязался: и это ему не так, и то не этак. Пусть он живет, как хочет, имеет такое право? А вот лично мне эта легенда очень понравилась. Цветок... высоко в горах... Ребята, давайте выпьем за жизнь!..

Крепкие пальцы ее обхватили бокал. Почему-то это заступничество было особенно неприятно.

Сергей отодвинулся.

— Пойду позову Ветку, — сказал он.

Дальше начиналась река, берег ниспадал крутым каменистым обрывом, от воды поднимался туман, и шуршали невидимые камыши у оврага. Луны нынче не было. Вернее, она была, но — закрытая облаком, которое немного светилось. Вероятно, клонило к дождю. Плеснула рыба, и томительный мокрый звук улетел в неизвестность.

Сергей бросил вниз сигарету. Курил он редко и только в соответствующем настроении. К черту, подумал он. Почему я должен переживать из-за каждого слова? Харитоша ведь вовсе не собирался меня обидеть. Ну — сказал, ну — это его точка зрения. И, наверное, точно так же не говорила ничего обидного Лидочка. Лидочка вообще сегодня — сама деликатность. Ринулась мне на выручку, укоротила язык Харитону. То есть не из-за чего переживать. И однако, как они не могут понять, что судьба — это вовсе не значит бежать и карабкаться, что совсем не обязательно пробиваться наверх и что жить можно так, как несет тебя само течение жизни. Разумеется, иногда подгребая, чтобы не захлебнуться. Этого они почему-то не понимают. В их представлении, жизнь — это непрекращающаяся борьба. Гандикап, где мы все — как хрипящие лошади. Надрывается сердце, копыта стучат по земле, валится под ноги участников мыльная пена. А вот я не хочу быть хрипящей лошадью. Мне это не интересно.

Он вспомнил злое и вместе с тем обиженное лицо Виктории. Как она делала вид, что у нее на кухне — какие-то неотложные хлопоты. Как она переставляла кастрюли с места на место и как, хотя этого и не требовалось, попыталась начать мыть посуду. И как все-таки не выдержала и бросила губку в раковину: Не хочу, чтобы моего мужа считали блаженненьким идиотом. — Никто меня идиотом не считает, — сказал Сергей. — Считают, ты просто не желаешь этого видеть. — Хорошо, пусть считают, что здесь такого? — А такого, что это переносится и на всю нашу семью. — Ты имеешь в виду себя? — Я имею в виду Андрона. — Уверяю тебя, что ты ошибаешься. — А, да хватит! Что с тобой разговаривать!..

Хорошо еще, что Ветка не могла долго сердиться. Она все-таки вымыла сгоряча пару тарелок — кое-как их протерла, грохнула на сушилку, а потом, уже несколько спокойней пробормотав: «Ладно, неудобно бросать их одних», не сказав больше ни слова, отправилась в комнату.

Обида, однако, осталась. Внутренняя такая обида, незаживающая. Что-то много за последнее время их накопилось. Сергей вздохнул. Надо было идти. Он поднялся с бревна, на котором расположился, — потянулся, шагнул, — и в тот же момент кто-то раздраженно сказал в зарослях ивы: «Ну, иди, обалдуй, что ты останавливаешься все время!..» А другой мальчишеский голос ответил: «Да тут камешек в сандалю попал, ступать больно...» — «Ну так вытряхни, хромоногий!..» — «А я что делаю?..» — В зарослях завозились, запрыгали, пытаясь сохранить равновесие, хрустнула обламывающаяся ветка и, по-видимому, второй мальчишеский голос болезненно вскрикнул: «Ой!..» — «Ну что еще?» — возмущенно осведомился первый. — «На колючку какую-то наступил...» — «Ну, ты чайник, зря я с тобой связался!» — «Подожди, подожди, я сейчас выну...» — «Нет у нас времени, я тебе объяснял!» — «Ну, секундочку...» — «Я так и скажу Ведьмаке, что из-за тебя опоздали...» — «Ну, Витюнчик!..» — «Пусть тебя заберут, как Байкала.» — «Ну, все, все, уже вытащил...»

Голоса удалялись, заметно ослабевая. Защищая глаза, Сергей протискивался сквозь чащу. Ива кучилась здесь очень густо, и под сомкнутыми ее ветвями было темно. И, однако же, можно было различить тропинку, петляющую между корней. Земля, судя по запаху, была влажноватая, но — утоптанная, пробираться было нетрудно, приходилось лишь нагибаться, чтобы сучья не цеплялись за волосы. И идти, как выяснилось, было недалеко: уже метров через пятьдесят показались красноватые дрожащие отблески, и когда Сергей раздвинул кусты, прикрывающие тропинку, то увидел поляну, посередине которой горел костер, и десятка, наверное, два подростков, сидящих сомкнутыми рядами.

Впрочем, их могло быть и больше: задние фигуры терялись во мраке. Костер горел слабо, ивы, вспученные по краю, давали черные тени, луны по-прежнему не было, рыхлые грозные облака угадывались на небосводе, звезды еле мерцали, и,

как бы являясь центром собрания, колдовским притягательным духом его, возвышалась над остальными девочка Муся, устроившаяся на камне, и смотрела в огонь, точно видела сквозь него что-то совершенно иное. Картина была как из книжки: пионерский лагерь в лесу. Но одновременно в ней было и нечто загадочное. Сбор дохлятиков, почему-то подумал Сергей, и лишь через мгновение догадался, что на поляне царит необыкновенная тишина — ни каких-либо шепотов, ни даже дыхания. Все сидели, как будто давно умерев, а те двое мальчишек, которые его сюда привели, тоже где-то незаметно пристроились. И молчание было просто пугающее: долетал с окраины города размытый собачий лай да откуда-то из провала на дальнем конце поляны доносилось тупое скрипение камешков и земли. Словно там перетаптывалось грузное невидимое животное. А когда это перетоптывание прекратилось и осталось лишь потрескивание жара в костре, то сидящая на камне девочка Муся заговорила — хрипловато, однако чрезвычайно отчетливо:

— Жила одна семья из пяти человек. Отец, мать и трое детей. Они в нашем городе жили. И вот однажды они получили квартиру в новом районе. И поехали туда, чтобы все осмотреть. А в одной комнате было большое пятно на обоях. И тогда девочка предупредила: «Нельзя жить в комнате, где такое пятно». Но они ее не послушали, переехали и начали жить. И детей поселили как раз в эту комнату. И вот прошло три дня, и вдруг утром оказалось, что девочка куда-то исчезла. Нет ее и нет нигде. Ну, они решили, что она убежала. И живут себе дальше в этой квартире. И вот опять прошло три дня, и вдруг оказалось, что исчез младший мальчик. И его тоже нигде не найти. Приходила милиция и все обыскивала. Но они не обратили на пятно никакого внимания. И живут себе дальше, и через три дня исчез старший мальчик. И тогда мать, которая догадывалась, говорит: «Они все исчезли в той комнате. Я переночую там и посмотрю». А отец говорит ей: «Не надо. Давай запрем эту комнату». Но мать с ним не согласилась: «Я все-таки переночую». И вот ночью она легла в этой комнате, лежит — не спит. Но, в конце концов, потом задремала. И вдруг видит, что обои там, где пятно, открываются, и оттуда выходит рука, отрубленная по локоть, — и

хватает ее, и начинает душить. Но мать все-таки крикнула. А отец тоже не спал. И вот он вошел в комнату и видит, что там никого нет. И только большое пятно на обоях. И тогда он взял топор и разрубил это пятно. А когда он ударил, то оттуда хлынула кровь. И обои раскрылись, и они все там были. Оба мальчика, мать и девочка, которая предупреждала. И еще там был — красный свет. И они уже совсем не дышали. И тогда отец бросил топор и ушел из этой квартиры...

Муся прекратила рассказывать — внезапно, как начала. Царила жуткая неподвижность. Даже угли в костре, казалось, перестали потрескивать. У Сергея в груди была пустота. Он припомнил, что слышал аналогичную историю в детстве. Этак лет, наверное, двадцать назад. Между прочим, и собирались тоже где-то поблизости. Только там фигурировала не рука, а Мохнатая Лапа. А так все сходится. Он и сам удивлялся, что вспомнил эту историю. Казалось бы, прошло столько лет. Но ведь был и костер, и такая же августовская чернота на поляне, и сидело несколько идиотов-мальчишек, желавших испытать острые ощущения. Только у них это было как-то не так: как-то проще и добровольнее, что ли. А тут — словно обязанность. Даже не шелохнется никто. Нездоровая атмосфера. Точно на комсомольском собрании.

Сергей уже хотел выйти из-за куста — выйти и сказать что-нибудь ободряющее, как учитель, и чтобы разрушить ужас оцепенения, но в это время девочка Муся заговорила опять.

Она говорила несколько громче, чем раньше, тем же чуть хрипловатым, но ясно слышимым голосом и к тому же отделяла предложения длинными паузами — так, что каждое слово приобретало весомость.

— На черной-черной горе стоял черный-черный дом... В этом черном-черном доме была черная-черная комната... В этой черной-черной комнате стоял черный-черный стол... На этом черном-черном столе лежала черная-черная женщина... У этой черной-черной женщины было черное-черное лицо... Вдруг эта женщина зашевелилась... Это была — твоя Смерть!..

Последнюю фразу девочка Муся выкрикнула, и по контрасту с предшествующей тишиной выражение «твоя Смерть» как будто пронзило воздух. Нервная холодная дрожь окати-

ла все тело, Сергей чуть было не упал, вдруг перестав ощущать под собою землю. Костер слабенько вспыхнул, и в красноватом этом, колеблющемся свечении он вдруг увидел сгущение мрака, поднимающееся у Муси из-за спины.

Приближалось оно оттуда, откуда недавно доносилось тяжелое перетоптывание, и походило на огромную пятерню, вознесшуюся над поляной. Впрочем, может быть, не вознесшуюся, а выросшую из дерна. Пальцы этой пятерни шевелились, хилый отблеск костра освещал морщинистую кожу на сгибах, а подушечки мягкой ладони казались лиловыми. Чуть поблескивали обводы ногтей над темными пальцами.

И одновременно девочка Муся, выбросив руку вперед, указала на кого-то сидящего в круге заднего ряда. Сергей заметил, как вдруг отшатнулись от того все остальные. А сидящий скукожился, выделенный одиночеством. То ли он оцепенел от внезапной жути, то ли тут же смирился с той участью, которая ему предстояла. Во всяком случае, он и не попытался куда-либо передвинуться; растопыренная черная пятерня нависла над ним и, как страшная птица, упала на склонившуюся фигуру. Костер заметно притух. Вязкая душная темнота охватила поляну. И в темноте этой Сергею на мгновение показалось, что склонившейся беззащитной фигурой был Дрюня.

— Ведьмака!.. Ведьмака!..

Словно что-то толкнуло в спину: Сергей, закричав, дико ринулся в непроницаемую темноту, и оттуда, из темноты, закричали другие отчаянные голоса: он на кого-то наткнулся, ударило по коленям — зашуршало, протопало, ужасно затрещали кусты, и в это мгновение костер ярко вспыхнул, и остановившийся от удара Сергей обнаружил, что на поляне уже никого не осталось.

Глохла удаляющаяся беготня, и валун, на котором сидела девочка Муся, светлел серым боком.

Валялась чья-то пестрая кепочка.

Он беспомощно оглянулся, и немедленно из хрустящего ивняка выпросталась громоздкая, как у бегемота, туша, и сопящий, пыхтящий, ругающийся Харитон, обирая листву, уставился на Сергея.

Волосы у него были всклокочены.

— Я тебя пошел поискать... а?.. Что это было? — растерянно спросил он.

5

А на следующее утро к нему явился Котангенс.

Сергей как раз встал и, ощущая, как потрескивает от вчерашнего голова, приготавливал себе чай, чтобы оттянуть последствия неумеренного веселья.

Чувствовал он себя не так, чтобы очень уж плохо: сидели, разумеется, допоздна, но напитки употребляли довольно-таки умеренно, — абстиненции не было, сказывался лишь недосып, и, тем не менее, четкость движений была ощутимо нарушена: первую чашку он от нетерпения опрокинул, пришлось брать тряпку и промокать ею лужицу парящего кипятка. А когда он заканчивал эту неприятную операцию, то возникла в проеме дверей слегка помятая Ветка и надтреснутым голосом сообщила, что ни свет ни заря являются какие-то посетители.

— Разбирайся тут сам, — сказала она. — Угощай, разговаривай. А я пошла досыпать...

И, чуть не столкнувшись с прогнувшимся галантно Котангенсом, похромала внутрь спальни, где белели подушки. Чувствовалось по ней, что — провалитесь вы все к чертовой матери.

Котангенса она недолюбливала.

Впрочем, сам Котангенс об этом, наверное, не подозревал — поклонился, учтиво промолвил: «Приятного утра, Виктория Никаноровна», а затем притворил дверь на кухню и правой рукой притронулся к сердцу:

— Ради бога, простите, Сережа, я вас не слишком обеспокоил?

Вероятно, он считал себя джентльменом до мозга костей, но со стороны его манеры выглядели несколько странно. Сергей, как и Ветка, его не слишком любил — и сказал, попытавшись ответить на вежливость взаимной любезностью:

— Присаживайтесь, Арнольд Петрович, вот — стул. Хотите свежего чая? Или, может быть, по стаканчику «Алазанской» — для настроения? Не стесняйтесь, я очень рад, что вы

ко мне заглянули. — Он достал из бара початую бутылку вина и, подняв над собой, повернул — чтобы солнце попало на содержимое. «Алазанская» просияла красивым маковым цветом. — А?.. По случаю отпускного периода...

Котангенс поднял тонкие брови.

— У вас вчера гости были? Мэр, конечно, — он завистливо, как показалось Сергею, вздохнул. — Нет, Сережа, я не употребляю спиртного. Закурить, вот, если позволите, закурю, — вынул черную трубку, ногтем мизинца сбросил соринку. — Табак у меня легкий, «родмен», быстро выветривается...

— Курите, курите, — благодушно сказал Сергей. — У нас можно. Ветка, правда, иногда возражает. Но сейчас она спит, поэтому никаких затруднений. — Он опять посмотрел на бутылку, которая сияла в руках. — Ну так что, Арнольд Петрович, не будете? Ладно, тогда и я воздержусь. Опохмел — это, вообще говоря, дурная привычка. — Убрал бутылку и водрузил на свободный участок замысловатую сахарницу из сервиза. — Чаем я вас все-таки напою. Или, может быть, вы предпочитаете кофе? Молотый, растворимый?..

— Чай, — Котангенс склонил аккуратную голову. Отказался от сахара: «Не будем портить благородный напиток» и, эффектно выпустив дымное синенькое колечко, произнес, деликатно покашляв, что выглядело как извинение: — Собственно, я к вам, Сережа, безо всякого дела. Так, решил заглянуть: нет ли новых известий. Все-таки с начальством общаетесь, мэр к вам заходит. Говорят, вы вчера проявили большую активность?

Он внимательно посмотрел на Сергея, и Сергей чуть не выронил чашку, из которой прихлебывал. Он вдруг вспомнил, как вчера, точно впав в состояние некоторого исступления, потащил ничего не понимающего Харитона в милицию; как поднял, заразив своей паникой, чуть ли не все отделение, как заставил испуганного дежурного обзванивать школьников; и как хлопал глазами тоже испугавшийся Харитон, и как прибежал потный Пекка, которого, наверное, разбудили. И как выяснилось, что ни с кем из учеников ничего случилось, и как Пекка, придя в себя, почувствовал алкогольные выхлопы, и как он выразительно посмотрел на протрезвевшего Харитона, и как Харитон раздраженно сказал: Пошли отсюда...

А потом, по дороге, добавил: Ну ты, старик, учудил. С перепою, что ли? Глюки у тебя начинаются... И лицо у него было такое, как будто он пропесочивал подчиненного. И как Лидочка недовольно спросила: Куда вы, мальчики, подевались? И как Харитон, будто списывая все происшедшее, махнул рукой: А... тут было одно дурацкое дело...

Жест был особенно выразителен. Сергей, вспомнив его, едва не застонал от позора, но, почувствовав испытующий любопытный взгляд Котангенса, все же взял себя в руки, ответив как можно более беззаботно:

— Погорячились немного... Решили проверить готовность нашей милиции...

— Ну, и как готовность?

— Готовность на высоте...

Котангенс пожал плечами.

— Милиция, насколько я понимаю, ничего обнаружить не может. Трое суток прошло, пока — никаких результатов. Спрашивать с них, конечно, необходимо, хорошо, что и мэр подключился к этому делу, но мне кажется, что задействованы они немного не так, здесь не столько оперативники требуются, сколько психологи. Маргарита Степановна, пожалуй, права. Философия детства. Вот вы, Сережа, беседовали со своими учениками?

— Попытался, — неловко ответил Сергей.

— Ну и как?

— Да никак — мнутся, гнутся, увиливают. Ничего существенного я не выяснил...

— Вот-вот, — очень уныло сказал Котангенс. — Я ведь, знаете, тоже разговаривал со своими. Вы, наверное, помните: есть у меня группа... поклонников. Математика, турпоходы, ориентация на науку. Кажется, сложились уже доверительные отношения. Тем не менее, как вы выразились, — мнутся, гнутся. Я им — про анализ и про сопоставление фактов, а они — переглядываются и смотрят в землю, я им — про беспощадность познания, а они — как будто вчера об этом услышали. Не получается разговора...

Котангенс был удручен.

Сергей сказал вежливо:

— Не расстраивайтесь, Арнольд Петрович, ребята вас любят. В школе только и разговоров, что о математической секции. Подражают, стремятся, чтоб вы их заметили...

— Именно, что подражают, — сказал Котангенс. — Ходят зимой без пальто, курить многие начали. А — не любят, уж это я чувствую. Впрочем, как и наши так называемые педагоги. Не складываются отношения... — Он снова вздохнул и красиво, нанизывая одно на другое, выпустил несколько дымных колечек. Ногти у него были розовые, как у женщины. Он негромко сказал: — У меня в детстве, Сережа, был один странный случай. Я тут вспомнил о нем в связи с теперешними событиями. Маргарита напомнила, случай, надо сказать, удивительный. Детство я провел в Ленинграде. Ну — кварталы без зелени, дворы-колодцы. И вот была у нас во дворе такая игра. Позади котельной находилось бомбоубежище — надо было пройти в его из конца в конец. Освещения там, разумеется, не было: переходы какие-то, какие-то тупички. Главное, конечно, — могильная замурованность. Стены — толстые, ни одного звука снаружи. И рассказывали, что живет в том убежище некая Чуня. Очень толстая, как горилла, только низкого роста. Дескать, караулит тех, кто туда заходит. Якобы многие эту Чуню видели... И вот однажды поперся я в это бомбоубежище. Уж не помню, зачем и по какому-такому случаю, но — свернул не туда и, конечно, не разобрался, запутался в переходах. И вдруг чувствую, что недалеко от меня кто-то есть. Дышит, знаете, так, посапывает, облизывается. Я чуть не умер — мурашки по коже. Главное, в бомбоубежище-то темно, но вдруг вижу: действительно — мохнатое, толстое, и как будто бы даже физиономия различается. Лапы чуть ли не до земли, ну — в самом деле горилла. И вот, вроде бы, она ко мне приближается. А у меня, Сережа, был в руках меч. Это, знаете, такой — палка оструганная. И прибита короткая поперечина вместо эфеса. Но — заточенный, острый, солидная такая штуковина. И вот как, не знаю, но я ткнул мечом в эту Чуню. С перепугу, по-видимому, и вдруг — заверещало, заверещало! И — как кинется куда-то в глубь коридоров. Заикался потом я, наверное, дней пять или шесть. Ни в какое бомбоубежище, конечно, больше не лазал. А затем отца по службе перевели, и мы из Ленинграда уехали...

Котангенс словно очнулся и с большим удивлением посмотрел на Сергея. Пальцы, сжимавшие трубку, отчетливо побелели.

— Н-да... — заметил Сергей, не зная, как реагировать.

— Я к тому вам рассказываю, что ситуации — перекликаются...

— Н-да...

— Но дети там, кажется, не пропадали...

Котангенс взял чашку и выпил ее тремя глотками. Словно в чашке находился не кипяток, а прохладная жидкость.

После чего поднялся.

— Спасибо за чай, Сережа. Извините, отнял у вас столько времени.

— Что вы, что вы... — невразумительно ответил Сергей.

— Но, вы знаете, захотелось увидеться с кем-нибудь, поделиться... И еще раз — спасибо за гостеприимство.

— Не стоит...

Он растерянно проводил Котангенса до ворот и довольно долго глядел, как тот шагает по улице. А когда Котангенс свернул, недоуменно пожал плечами.

Что-то он ничего не понял.

И в этот момент показалось, что из дома за ним внимательно наблюдают...

Ощущение было такое, как будто прикоснулись к обнаженной коже спины. Сергей стремительно обернулся. Однако дом, обвитый малинником, выглядел, как обычно: темнели окна, свидетельствуя о тишине и прохладе, приглашала подняться по низенькому крыльцу неприкрытая дверь, а плетенка веранды, недавно вымытая и покрашенная, разбивала горячее солнце на дрожь ярких квадратиков. Ничего настораживающего. И тем не менее, ощущение взгляда по-прежнему сохранялось. Ветка, что ли, поднялась раньше времени? Ступая на цыпочках, Сергей прошел внутрь. Ветка, однако, спала: из зашторенной комнаты доносилось уютное размеренное дыхание, и светлела записка в гостиной на круглом столе: «Подними картошки из погреба. Не буди до обеда». Ни привета, ни даже подписи, хмурое приказание. Ветка, Веточка, строгий библиотекарь. Так ты можешь остаться с одними незаполненными формулярами.

Он смахнул записку в мусорное ведро. Солнце било в гостиную, и был виден тончайший слой пыли на телевизоре. Телевизор от этого казался безжизненным. И казался безжизненным город, простершийся за оградой участка: солнечные пыльные улицы, обметанные репейником, зелень жестких кустов, гранитная окантовка набережной, ширь асфальта, лишенная даже прохожих, и — невидимый липкий ужас над пустыми кварталами; и никто не поможет, и не к кому обратиться.

— Андрон!.. — напряженным голосом позвал он.

Дрюня, судя по всему, тоже отсутствовал. Сергей пару секунд подумал, а затем толкнул дверь.

Дрюня стоял в углу, почему-то были на нем высокие брезентовые ботинки, очень старые джинсы и свитер, который расползался по ниткам, все лицо — коричневато-серого цвета, а из впадины рта, как сироп, протянулась вишневая струйка крови. И вообще он был какого-то не такого роста: мешковатый осевший, притулившийся в стыке обоев, волосы дыбились у него, как пакля, а прямые кургузые руки висели вдоль тела.

Сергей чуть не грохнулся от этой картины — он, как сумасшедший, рванулся было вперед, но уже мгновенно дошло, что это не Дрюня, — что не Дрюня, а мастерски сделанное подобие. Сразу стала видна расписанная красками мешковина, целлулоидные глаза, которые дико застыли. Изготовлено все это было весьма талантливо, сходство, несколько карикатурное, не вызывало сомнений, посмотреть откуда-нибудь издалека, так — безусловно Андрон, до сих пор Сергей и не подозревал у него художественных способностей, но производило, однако, отталкивающее впечатление — словно жалкая, уродливая копия человека. Сергей оглядел его с некоторым отвращением. Значит, это и есть «заместитель», подумал он. То, что Дрюня мастерил последние две недели. Как ему только времени своего было не жалко. И потом, почему «заместитель», мы в детстве называли их «братиками». Я, как помнится, изготовил «братика» Хомячка, а у Харитона был братик по имени Галабуда. Харитон уже тогда любил дурацкие прозвища. И, насколько я помню, «братики» эти были меньших размеров. Сантиметров, наверное, пятьдесят; как изменились масштабы.

Он попытался вспомнить, зачем они делали «братиков». Ведь, наверное, не для того, чтобы разыгрывать семейные сцены. Что-то там было совершенно иное. Где-то нужно их было оставить, и кто-то их забирал. Нет, не помню, давно все это происходило...

Сергей был несколько обескуражен. Неужели это «заместитель» за ним следил? Елки-палки, как разыгралось воображение. Это — после вчерашнего, наверное, результаты похмелья. Надо выбросить все это из головы.

Сказано — сделано, он перемыл на кухне посуду, аккуратно подмел и протер кое-где заляпанный пол, просмотрел все углы: не бросил ли Харитоша хабарик и, наконец, разогнавшись, вымыл доски крыльца, где приветливо просияло свежее дерево. Настроение у него заметно улучшилось, ведь недаром считается, что работа и помогает, и лечит; абстиненция проходила, он даже начал нечто насвистывать, в этом мире вполне можно было существовать, и, лишь вспомнив о записке, оставленной Веткой, и подняв крышку погреба, залитого мерзкой тьмой, он смутился, охваченный нехорошим предчувствием. Очень уж ему не хотелось туда лезть. Засосало под ложечкой, и нежный озноб пробежал по затылку. Сергей рассердился по-настоящему. Он, в конце концов, взрослый самостоятельный человек. Какого черта ему бояться предчувствий. «Глупости это все», — сказал он довольно громко. И, опершись руками о деревянные ребра, решительно спрыгнул вниз.

Внизу было холодно, и стояла такая плотная тишина, что бывает, наверное, только в погребе. Электричество здесь отсутствовало, но достаточно было света, который проникал через квадрат в потолке: серел мешок с прошлогодней картошкой, громоздились у задней стены пустые деревянные ящики, а два мощных бочонка, которыми они были подперты, создавали внутри ощутимую атмосферу гниения. Бочонки уже давно следовало бы промыть, но все руки не доходили, Сергей лишь поморщился, а когда стал набирать сухой крупный картофель, то квадратная крышка погреба вдруг с пристуком захлопнулась.

Навалилась непроницаемая темнота, и, придавленный ею, Сергей почувствовал, как у него сперло дыхание.

— Эй!.. что за шутки?!

Ответа не было.

— Ветка! Дрюня!.. Это вы там ерундой занимаетесь?!

Ни единого звука не доносилось снаружи. Зато в самом погребе, кажется, от стены раздалось отвратительное, животное, тоненькое попискивание. И — стремительный шорох, как будто там кто-то возился.

Сергей выпрямился. Мыши, подумал он. Тотоши нет, вот и обнаглели, мерзавцы. Ничего, я завтра поставлю здесь пару капканов. А все щели забетонирую, кончится у них сладкая жизнь.

Он вдруг понял, что совершенно утратил ориентацию. Лесенка, которая вела из погреба вверх, находилась, кажется, где-то слева. Сергей вытянул руку. Пальцы коснулись шершавых досок обшивки. Он шагнул и сразу же ударился обо что-то. Брякнула свалившаяся с бочонка деревянная крышка. Дохнуло гнилью. Мыши стихли, и в наступившей прямо-таки обморочной тишине, он услышал, как мерно поскрипывают половицы под чьими-то уверенными шагами. Словно кто-то нагруженный пересекал вверху кухню, и тяжелая поступь роняла труху из щелочек.

— Эй!.. Ветка!..

Ответа по-прежнему не было.

И на мгновение Сергею представилось, что — это Альдина, в своем синем директорском платье и нелепых очках, пригибаясь, волочит Дрюниного «заместителя», и лиловые щеки ее раздуты от напряжения.

Он вдруг вспомнил, что не далее, как вчера, он небрежно поинтересовался у Ветки, откуда взялась эта Альдина, кто такая и почему оказалась директором «Детского мира», лично он, Сергей, ни о какой Альдине не слышал, и Виктория, на секунду задумавшись, объявила, что, черт побери, в самом деле какая-то загадочная история: еще два года назад магазином заведовал товарищ Бурак, он на пенсии, а почему появилась Альдина, неясно; вероятно, перевели, во всяком случае, не из местных. — Но откуда-то она, значит, приехала, — сказал Сергей. И смущенная Ветка недовольно пожала плечами: Разумеется. Что это у тебя интерес пробудился? — Просто так. — Просто так о женщинах не расспрашивают. Чувствовалось, что ей неприятно обнаруживать некомпетентность. Она

быстренько прекратила тягостный диалог, но Сергей нисколько не сомневался, что работа теперь начнется и что скоро он будет иметь об Альдине самые полные сведения.

Но пока таких сведений не было, и он слушал, как поскрипывают кухонные половицы, и беспомощно шарил руками по деревянной стене, и испуг запечатывал горло комком возбуждения.

Впрочем, продолжалось это недолго. Поступь тяжких шагов наверху удалилась, еле слышно, как в дреме, прикрылась наружная дверь, идиотская лестница почему-то оказалась не слева, а справа; неуклюже, как толстый барсук, Сергей взобрался по ней и, спиной подняв крышку, свалился на скомканную дорожку.

Он почти ничего не видел, ударенный солнцем, веки плотно прикрылись, стучала в виски закипевшая кровь, голос Дрюни спросил откуда-то из сияющего пространства:

— Папа, что ты здесь делаешь? С тобой все в порядке?..

Сергей различил его в море света.

— Это ты тут расхаживал, пока я — внизу?

— Нет, — сказал Дрюня. — А что? Я только заскочил на минутку... Папа, не лежи, поднимайся! Ты будто больной...

Впрочем, Сергей уже был на ногах.

И, не отвечая на торопливые Дрюнины восклицания, подбежал к его комнате и распахнул приотворенную дверь.

Сердце у него чуть не выскочило из груди.

Он даже всхлипнул.

Потому что «заместителя» в комнате не было...

6

«Старичок» довез их благополучно. Правда, он слегка завывал, точно жалуясь, на двух длинных подъемах, а в начале второго подъема протяжно чихнул, собираясь заглохнуть, и все-таки не заглох, а довольно уверенно потащился наверх, где стояли, как в ожидании, густые темные пихты. Он даже завывать стал как бы менее громко, а раскисшую часть дороги, за которую Сергей опасался, миновал, вопреки ожиданиям, безо всяких усилий — лишь отфыркиваясь и швыряя глину колесами.

В общем, Сергей был доволен. Не зря он все прошлые выходные пролежал под машиной, и не зря, как будильник, наладил старый движок, и не зря подтянул все шестнадцать болтов, очистив их вместе с ободом. Потрудился как следует, вот и соответствующие результаты. Ничего-ничего, «старичок» им еще послужит.

Он был так горд безукоризненной четкой работой, что когда раскисший участок дороги остался у них позади, то не удержался и, повернув голову к Ветке с Андроном, произнес, пожалуй, с некоторой хвастливостью:

— Как тянет, а?.. Как бульдозер!

Он даже забыл, что по крайней мере с Веткой они уже поругались сегодня утром. Нужно было искать Тотошу, который так и исчез, а Виктория настаивала, что выезжать надо немедленно: путь неблизкий, существует опасность застрять, ничего твой Тотоша, побегает и вернется, сумасшедший какой-то пес, делает, что ему вздумается. Она была неправа. Тотоша иногда действительно отлучался, были у него какие-то свои собачьи дела, но еще никогда он не отсутствовал такое количество времени — целых три дня, — Сергея это не на шутку обеспокоило, и тем более, что он помнил о замеченном поводке. Никакой уверенности у него, правда, не было: обознался, почудилось что-то не то, да и вся история выглядела не слишком уж убедительно. Зачем Альдине Тотоша? И поэтому Ветке он насчет поводка ничего не сказал, а заметил лишь, что собака же все-таки — существо живое, — и обидеться может, и попросту потеряться. Поцапались они ощутимо. Ветка явно замкнулась и, наверное, переживала еще утренние разногласия, потому что в ответ на хвастливую фразу Сергея небрежно кивнула. Меж бровей у нее обозначилась резкая складка.

Общаться она не хотела.

Что же до прижатого рюкзаком Андрона, то Андрончик на эту реплику и вовсе не отреагировал: чрезвычайно угрюмо молчал, посверкивая глазами, а когда машину подбрасывало, цеплялся за ручку дверцы. Рюкзак был размером чуть ли не с него самого, скреблись рядом корзины и подпрыгивала палатка, свет в овальное склеенное стекло едва проникал, в полумраке нельзя было разобрать, чем он, собственно, занимается, вероятно, решает свои какие-то непростые проблемы.

С Дрюней вообще было сложно. Сергей долго разговаривал с ним после происшествия на поляне, заходил так и этак, но разговора не получилось — говорил, запинаясь и мучаясь, большей частью он сам, а Андрон лишь посапывал, пыхтел и отмалчивался. А когда отмалчиваться было уже невозможно, то опять же сопел и буркал что-то невразумительное. Выходило, что на поляне он не был и ничего про это дело не знает. Он тот вечер просидел у сарая, выстругивая из полена дубинку. Кстати, для чего ему такая дубинка, он тоже не мог объяснить и опять бормотал, отворачиваясь, что, мол, пригодится. Никакой конкретики выудить не удалось. В конце концов, он сказал: Я пойду, ну что ты, папа, меня допрашиваешь... — А Сергей, не сдержавшись, ответил: Иди-иди, но учти, что если тебе потребуется моя поддержка, то при нынешнем поведении ты ее можешь не получить. И останешься один на один со своими трудностями. — Впрочем, он тут же пожалел о том, что сказал, потому что Андрончик замкнулся и не добавил ни слова. И сейчас он как будто отсутствовал, явно чем-то отягощенный.

В общем, было предчувствие, что поездка окажется неудачной. Хотя, кто его знает, может быть, и ничего. Может быть, еще отойдут, очутившись на месте. Сергей на это надеялся, и поэтому, когда «старичок», проседая, выполз к опушке, то он, делая вид, что ничего особенного не произошло, очень бодро выгрузил рюкзаки и мешок со спальниками, нарубил могучего лапника в ближайшем леске, застелил им просохшую землю меж старых колышков, и, воспользовавшись двумя стояками, сделанными еще в прошлый раз, в три секунды поставил палатку, которая запылала оранжевыми плоскостями.

Палатка была хорошая, польская, приобретенная год назад, и Сергей просто радовался, как уютно она пристроилась на опушке. Настроение у него сразу улучшилось, и, оставив угрюмого Дрюню разводить на старом кострище огонь, а по-прежнему хмурую Ветку — разбирать барахло, которое возвышалось над травником, он, забрав из багажника снасть, намотанную на картонку, и увидев лежащий за запасным колесом арбалет, произнес, ни к кому конкретно не обращаясь: Ну, я пошел. Вы тут у меня не балуйте... — и, подняв стек-

лянную банку с червями, побежал по тропинке на песчаный берег реки.

Удилище он вырезал по дороге: очень длинное, гибкое, с удобной ручкой между сучками, не удилище, а прямо спиннинг зарубежного производства. Леска, как и положено, вошла в развилочку на конце, и багровый червяк закрутился, противясь уготованной участи.

Сергей на него слегка поплевал. В приметы он верил, хоть и стеснялся при посторонних. Но сейчас посторонних не было: от азарта и нетерпения он весь дрожал, и крючок вошел в воду практически без всякого плеска — вертикально встал поплавок, оттянутый свинцовым маленьким шариком.

Теперь оставалось лишь ждать. Время, разумеется, было не слишком удачное: половина двенадцатого, солнце просвечивало реку насквозь, было видно песчаное дно с разноцветными камешками, для хорошей рыбалки обстановка неподходящая, но Сергей все равно надеялся, что повезет, в прошлый раз ему удалось надергать семь-восемь вполне убедительных хариусов, каждый грамм на четыреста, ну, может быть, немного поменьше. Он рассчитывал, что и сегодня удача его не оставит. И однако рыбацкое счастье чрезвычайно изменчиво: поплавок немного покачивался, сносимый течением, по воде иногда расходились небольшие круги, но во всем остальном было тихо, поверхность реки лежала, как зеркало, ни единой поклевки не появилось в течение километрового перегона. Сергей и выдергивал удочку, чтобы забросить опять, и менял червяка, потерявшего сразу в его глазах всякую привлекательность, и по-новой плевал на него, и шептал: «Рыба-рыба, проснись...», и даже, совершенно отчаявшись, попытался удить в бочажине, где стлались водоросли. Никакие уловки не помогали, рыба словно дремала в прохладных спокойных глубинах, река — вымерла, блеск воды раздражал, и уже через час он почувствовал явное утомление. Возвратились переживания последних дней: почему приходил Котангенс и чем так встревожен Дрюня? И что именно видел он тогда на поляне? И чем было видение — явью или галлюцинацией? Ему более всего неприятны были слова Харитона: дескать, мальчик не существует в масштабах города, ну — пропал и пропал, не о чем здесь тревожиться. Эта мысль имела отношение и к нему, ведь он тоже,

несмотря ни на что, взял и выехал на эту долбаную рыбалку. Правда, чем бы он мог быть полезен, оставшись в городе? Ну — ничем, но встречаются в жизни такие странные ситуации: и помочь не поможешь, а присутствовать все-таки надо.

Его мучила совесть. В конце концов, он обругал ленивую рыбу — дунул, плюнул, выдернул крючок из воды и, свернув леску вокруг удилища, раздраженно решил, что на сегодня достаточно.

Он пошел через луг, где дурманные травы качались выше колен, припекало уже ощутимо, голубели в проплешинах васильковые брызги, стрекотали кузнечики, и темнел низкий лес за рекою, на горизонте. Идти было легко, и Сергей не сразу отметил, что луг сменился кустарником, сам кустарник — подлеском, который все больше густел, начали попадаться участки застойного березняка, они незаметно смыкались, подступили осины, он опомниться не успел, как уже оказался перед завалами прелого бурелома: вывернутые с корнями стволы точно специально преграждали дорогу, кора была обомшелая, скользкая, удилище цеплялось в ветвях, а под пластами земли, стоящими вертикально, поблескивала торфяная вода. Сергей оглянулся. Но и позади простирался такой же неприветливый бурелом. Лес вообще изменился, худосочные пихты высовывались из чернозема, появились громадные ели, смыкавшиеся где-то вверху, солнца сквозь этот шатер видно не было, сразу значительно потемнело, Сергей даже заколебался: не повернуть ли обратно; возвращаться, однако, описывая дугу, смысла не было, заблудиться он не боялся, до места стоянки было недалеко, и после кратких раздумий, прикинув примерное направление, он рванулся туда, где по просветам угадывалось некоторое разрежение.

Это была поляна, заросшая мягкими свежими мхами, мощные ели стискивали ее со всех сторон, мох был пышный, покрытый фиолетовыми цветочками, кривоногая редколиственная береза высовывалась из него, а неподалеку от ее обугленных веток, весь одетый лишайниками, догнивал разлапистый пень, и лишь по корням его, раскинувшимся справа и слева, можно было догадываться, что здесь когда-то росло серьезное дерево.

Вероятно, идти от поляны оставалось уже немного, Сергей двинулся, выставляя удилище толстым концом вперед, под ногами негромко чавкнуло, брызнул фонтанчик воды, и в это мгновение пень, точно ожив, зашевелился и надсадно прошепелявил, как будто заговорила трясина: «Назад!..» Корни его обернулись руками, а гнилая верхушка откинулась, и показалось лицо, знакомое Сергею чуть ли не с детства.

— Дядя Миша!.. — воскликнул он потрясенно.

— Назад!.. Завязнешь!..

Предупреждение несколько запоздало. Сергей дернулся, как припадочный, однако ноги уже выше щиколоток провалились в трясину, и он чувствовал, что их тянет все глубже и глубже. Разверзалась под ним бездонная топь.

— Дядя Миша!..

— Падай!.. Откатывайся!..

К счастью, Сергей уже догадался, что делать: рухнул навзничь и, извиваясь, как гусеница, высвободился из резины сапог — снова чавкнуло, под спиной ощутилась надежная твердая почва, он присел, подтянув ноги в сползающих шерстяных носках.

Кажется, выбрался.

— Деревья, деревья ко мне нагибай!.. — хрипел дядя Миша.

Погрузился он основательно: из мха высовывались только плечи и голова, а лицо было перекошено в мучительной страшной гримасе. Голос — сорванный, как будто от долгого крика.

— Ну, ты что?! Пошевеливайся!..

Область топкого места была обозначена четко: вот коварные мхи, а вот — жесткая сухая земля, набитая травами. Небольшой остроносый мысок вдавался в болото, и по краю его росли две осины, скрепляющие почву корнями. Обе словно вытягивались к середине поляны; навалясь, Сергей пригибал к земле крепкий пружинистый ствол — крона, дернув ветвями, легла точно на дядю Мишу, руки его сомкнулись: «Давай другую!..» И вторая осина, затрепетав, опустилась на первую. Было чрезвычайно неловко удерживать их, обдиралась кора, руки тут же покрылись обильной липкой живицей, то и дело кололо ступни, незащищенные сапогами, хрустнуло и переломилось

попавшее под колено удилище, затекал в глаза пот, побежал, щекоча, по локтю перепуганный муравьишка.

— Тащи!..

Сергей напрягся, откинувшись, — медленно поехали пятки, гнусной болью свело желваки за стиснутыми зубами. Он буквально окостенел, вывертывая суставы. Осины пружинили и дрожали, несколько жутких мгновений казалось, что ничего не получится, но вдруг — хлюпнуло, раздался мучительный вдох, оба деревца переломились у основания, но испачканный торфяными ошметками дядя Миша, как по лестнице, полз уже по двум лежащим стволам, и синюшные пальцы его шевелились, почти дотягиваясь до Сергея:

— Давай руку!..

Сергей ухватил ладонь.

И сейчас же, как под невидимым ветром, зашумели-затрепетали деревья, низкий стонущий звук, надувшись, вылетел из болота, и пушистые мхи заколебались, точно живые.

Оборвалась еловая шишка и со свистом ударила в кочку недалеко от Сергея.

— Все! — простуженно сказал дядя Миша.

Они сидели на пригорке, поросшем брусникой, привалясь к сухому испятнанному лишайниками стволу, возносившему игольчатую верхушку почти до самого неба. Ель была могучая, наверное, вековая, трехметровые лапы раскидывались уютным шатром, бурый хвойный настил проглядывал между кустиками, а в прогалине Топкого Места горела небесная синева.

Сергей уже несколько пришел в себя: отдышался, обсох и смотал леску с поломанного удилища. Он даже выдернул из болота застрявшие сапоги, что, к его удивлению, оказалось довольно просто. Теперь он, расслабившись, ждал, пока закончит свои дела дядя Миша. Тот возился с мундиром: снимал с поверхности грязь, отжимал его, перекручивая так, что трещала материя, очищал от иголок, заново отжимал и, наконец, натянув на объемное крепкое тело, застегнул на все пуговицы и махнул рукой:

— Ладно, не зима, не замерзну. Главное, что живы остались. У тебя, Сережа, закурить не найдется?

— Не курю, — ответил Сергей с сожалением. — Балуюсь иногда, но специально не покупаю...

Дядя Миша посмотрел на мокрый комок, в который превратились его сигареты, осторожно зачем-то понюхал и отшвырнул на середину трясины.

— Хреновато все это, — надсадно сказал он. Вытер воду со щек и откашлялся в глянцевые листья брусники. — Хреновато, даже не знаю, как выразиться. Вляпались мы, по-моему, по самые уши. Ты меня что — по крику нашел?..

— Нет, — ответил Сергей. — Случайно, возвращался с рыбалки.

— Вот-вот, говорили, что крика с этого места и не слыхать. Я все горло содрал — как в могиле. Представляешь, ору, ору — даже птицы не отзываются...

Голос у него в самом деле был сильно сорванный.

— А как вы сюда попали? — спросил Сергей.

— Проводили поиск на местности, — объяснил дядя Миша. — Мой участок — «Грязи» и прилегающая территория. Я сюда уже третий день выезжаю. Местность трудная — кругом болотца, овраги, тут не то, чтобы человека — танк спрятать можно... — Он с досадой обтер друг о друга ладони, к которым прилипла хвоя, отряхнул с себя веточки, мелкий сор, осторожно снял гусеницу, корчащуюся на штанине. — Ведь что, Сережа, обидно: сам тебя насчет этого предупреждал, и сам вляпался. Возвращался уже, поэтому бдительность и ослабла. Иду — чувствую, что под ногами пружинит, ну, гляжу: мох и мох, ничего, значит, особенного, ахнуть не успел, как провалился по пояс. И туда-сюда — лишь сильнее засасывает...

— Бывает, — заметил Сергей.

Дядя Миша чихнул, и в груди его отчетливо захрипело.

— Да нет, — после некоторого раздумья сказал он. — Это уже не «бывает», это — гораздо хуже. Я в милиции четверть века — такого еще не случалось. Ну конечно, были истории — с Синюхой лет десять назад, или с Бобриком, тот еще кадр, повозились немало. Но — родное, обыденное, чистая уголовщина. А сейчас, я чувствую, чем-то не тем попахивает: чертовщиной какой-то, извиняюсь, мистикой всякой. Тут не знаешь, с какой стороны и взяться. Бродишь, бродишь

вслепую и ждешь, что вот-вот обрушится. Как, например, сегодня. Противное ощущение.

— А что Пекка? — также после некоторого раздумья спросил Сергей.

— А что — Пекка? Пекка старается: розыскные мероприятия и всякая такая хреновина. Вон — затребовал криминалиста из области, чтобы, значит, экспертиза на месте, — приехал криминалист... Ну конечно, неплохо: кровь, там, сразу же или смазанные отпечатки. Запах тоже, говорят, теперь устанавливают. Только ни хрена не поможет, мне кажется, криминалист. Тут не экспертиза нужна, а что-то другое...

— А что именно? — поинтересовался Сергей.

— Черт его знает, — откровенно сказал дядя Миша. — В мистику я, конечно, ни в какую не верю, но ведь — душит, душит что-то неуловимое, прямо горло схватило, а что — непонятно. Был бы верующим, честное слово, свечку бы в церкви поставил...

— Может быть, и вправду поставить? — негромко спросил Сергей.

Дядя Миша со стоном прогнулся и почесал себя между лопаток.

— Во-во, точно, ты это Пекке посоветуй давай. Он тебе скажет — куда свечку поставить... — Лицо его сморщилось. — Ну что ж, надо двигаться. Ты, Сережа, со мной или еще порыбачишь?

Крикнула далекая птица.

Сергей встрепенулся.

— Вернемся, пожалуй. Какая уж тут рыбалка...

Ему стало зябко.

— Правильно, — сказал дядя Миша. — Я бы тоже не советовал вам оставаться. Ведь, не дай бог, случится что-нибудь этакое. Место — гиблое, на отшибе, народ не ходит... — Он поднялся, кряхтя, и тут же схватился за поясницу. — Ой-ей-ей!.. Приеду, сразу же — в баню. Ой-ей-ей!.. Радикулит теперь разыграется...

— В баню — это хорошо, — заметил Сергей.

— И — с перцовкой...

— С перцовкой — особенно...

Ему тоже, наверное, невредно было попариться — прокалиться как следует, быть может, принять полстакана. Да и прав дядя Миша: не стоит здесь оставаться.

— Ладно, едем, — решительно сказал он.

Однако, когда они часа через три въехали в город и когда немного притихшая Ветка попросила остановиться, чтоб зайти в «гастроном», то буквально первое, о чем они услышали в очереди у прилавка, была смерть Котангенса...

7

Ему снилось, что живет он не здесь, а в тех скучных однообразных пятиэтажках, которые были выстроены на окраине еще в его юности. У него тесная однокомнатная квартира, обставленная чрезвычайно скудно, потолок на кухне облупился, вздулась краской протечка у водопроводной трубы, тем не менее, в квартире идеальный порядок: даже мелочи расположены на своих местах, и поблескивает протертыми стеклами стенка, забитая подписными изданиями, — нигде ни пылинки, крохотная трехконфорочная плита сияет, как новенькая. На плите стоит чайник, слегка парящий из носика, свеженалитая заварка покоится под расфуфыренной куклой. Однако времени нет: стрелки на железном будильнике показывают половину двенадцатого.

Пора выходить.

У него уже все готово: натянут новенький спортивный костюм — облегающий, купленный как будто для этого случая, зашнурованы высокие кожаные башмаки, перекрыт вентиль газа, и, кроме кухни, погашено электричество. Закручены водопроводные краны. Вроде бы ничего не забыто. Он щелкает выключателем, и пейзаж за окном словно прыгает, укрупняясь в деталях: ртутный круг освещения выхватывает пустырь, шрамы рытвин, пеналы детского сада. Надоедливый привычный пейзаж. У него такое предчувствие, что больше он сюда не вернется.

На улице, впрочем, не лучше. Город дремлет: в серых зданиях не светится ни одно окно. На верхушках холмов теснятся островерхие ели, россыпь звезд зависает над ними, как рыбы в аквариуме, кажется, что Вселенная пристально наблюдает

за миром, по прохладе и свежести угадывается невидимая река, а в пространствах между домами разбросаны гранитные округления. Словно здесь кипел когда-то Армагеддон, и теперь из земли проступили его финальные очертания. Сходство здесь еще в том, что вокруг валунов валяются доски и трубы. Как оружие древних, оставленное после сражения. Это ему кое о чем напоминает. Он сворачивает на ближайший пустырь и средь хлама отыскивает без труда подходящую палку, пробует ее по руке, резко взмахивает и тычет в прохладный воздух.

Вероятно, это — то, что требуется. Дальше он идет гораздо увереннее, и тревожат его только разносящиеся по окрестностям звуки шагов. Шарканье тяжелых подошв его выдает. — Шхом... шхом... шхом... — уходит в глубины квартала. Впрочем, сделать здесь все равно ничего нельзя. Он лишь крепче сжимает свою заостренную палку. Дорога ему знакома, вот бетонная пыльная площадь перед Торговым центром, а вот гнутые трубки неона на вывеске «Детского мир». Цвет зловещий, как будто нарочно, чтобы отпугивать покупателей. Буквы дико пылают, распространяя багровый налет. Длинные низенькие ступени тщательно подметены. Он взбегает по этим ступеням и дергает чугунную ручку. Ему кажется, что за ним откуда-то наблюдают. Голова раскалывается, как в огне, а дрожащие пальцы, напротив, ужасно оледенели. Слышны хрипы дыхания, висит тяжелый замок, и сквозь стекла витрины заметны на стеллажах зеркальные отражения. Тени, выступающие углы, мрак пустынного зала. На витрине же находится уродливый монстрик, сжимающий автомат. Змеи-волосы встопорщены, как у медузы Горгоны, а неровные зубы открыты в стервозной ухмылке. Словно монстрик заранее торжествует победу.

Ладно, это еще ничего не значит. Он огибает здание и попадает на задний двор — гулкий, темный, широкий, заставленный ящиками и коробками, — громоздятся они, как утесы, выше первого этажа, фонари здесь отсутствуют, звездный свет обрамляет границы развалов, в промежутках меж ними скопилась непроницаемая темнота, и в одном из таких промежутков находится Нечто, угадываемое лишь интуицией.

Оно, видимо, черное и практически неразличимо во мраке, но поскольку он этого ждал, то мгновенно останавливает-

ся посередине двора — развернувшись и выставив перед собой остроконечную палку. Сердце бухает у него, точно колокол, пальцы сделаны как будто из жесткого льда, но рука, которая вытянута вперед, тверда и уверенна, и остроконечная палка, зажатая в ней, направлена в сгущение мрака.

Отступать он не собирается.

И, наверное, Нечто чувствует эту его уверенность, потому что вдруг произносит — капризным высоким голосом:

— Пришел все-таки. Разве я тебя не предупреждала?..

— Предупреждала, — отвечает он, слыша, как выдает его слабость прерывистая интонация.

— Значит, предупреждение не подействовало. Интересно, почему оно не подействовало?

— Видимо, ты не всесильна...

— Ну, на это я и не претендую, — говорит Нечто. — Мне вполне хватает того, что имеется: ночь и прилегающие к ней дневные реалии — темнота, которая существует у человека в душе. Но уж это-то я хотела бы сохранить в полном объеме, и мне странно, что кто-то вторгся сюда. Здесь я буду сражаться жестоко и беспощадно.

— Но сражение ты постепенно проигрываешь, — говорит он. — Мрак, который ты с детства закладываешь в человека, рассеивается, — побеждает разумное, доброе и упорядоченное, власть империи ужасов ослабевает, мы уже почти не боимся ночных кошмаров, ведь не зря ты сейчас пытаешься расширить свои владения...

Голосу его недостает убежденности. И, наверное, потому из развалов доносятся скрежещущие протяжные звуки, словно кто-то проводит тупым ножом по железу.

Вероятно, Нечто смеется над его рассуждениями.

— Может быть, это и так, — говорит оно, прервав смех, — но ты забываешь об одном весьма существенном обстоятельстве: моя жизнь не ограничена временем, я могу ждать. И бывали уже периоды, когда власть темноты сокращалась, и тогда я вынужденно отступала во мрак, и слабела, и пряталась на задворках цивилизации, но за каждым отливом неизбежно следовал новый прилив, темнота расширялась, и я вновь выходила из мрака. Собственно, я никогда надолго не исчезала. Так было, и так, вероятно, будет. И еще об одном

обстоятельстве ты забываешь: я, конечно, могу иногда отступить, но конкретно тебе это никоим образом не поможет, ты уже оказался в моих пределах, и твоя судьба решена...

Нечто как бы перетекает вперед и всей массой выходит из-за нагромождения ящиков. Оно видно теперь достаточно ясно: очень темное, пальчатое, внушительно-неопределенных размеров. Рост, во всяком случае, явно выше обычного, ободки толстенных ногтей немного подрагивают. Точно мерзкая земляная ладонь протянулась из преисподней.

Снова раздается капризный высокий голос:

— Неужели не страшно?

— Страшно, — откровенно соглашается он, — но ведь чувство страха, как ты знаешь, преодолимо. Главное, не поддаваться ему, тогда страх отступает. Ну, а кроме того, мне есть, чем сражаться...

Он решительно выставляет перед собой остроконечную палку, руки, тем не менее, ощутимо дрожат, и обгрызенный кончик палки заметно подпрыгивает.

— Вот, с чем я пришел!

Нечто опять смеется: скрежещущие, железные звуки.

Темные очертания сотрясаются.

— Ты ничего не понял, — наконец, говорит оно. — В прошлый раз, в подвале у тебя действительно было оружие — меч, поэтому ты и сумел отбиться. А теперь у тебя в руках просто палка. Просто дерево — тебе нечем сражаться...

Оно делает длинное стремительное движение и вдруг как-то внезапно оказывается в непосредственной близости от него, так что он различает даже папиллярный рисунок на коже. Между прочим, кожа не черная, а исчерна-фиолетовая, явно старческая, морщинистая, словно вымачивалась в воде. Он воспринимает все эти детали как бы частью сознания, потому что зловещее Нечто находится уже совсем рядом с ним, пальцы над его головой загибаются, набухает и как бы сминается черная мякоть руки, резкий могильный холод охватывает его, он отчаянно тычет палкой в сердцевину огромного тела, палка не встречает сопротивления, оружие и в самом деле никуда не годится, Нечто хрипло хохочет: Вот видишь, я тебе говорила... — Неестественный голос исходит как будто из-под земли, холод, сковывающий движения, становит-

ся невыносимым, и вот в тот самый момент, когда он вдруг понимает, почему не годится его оружие, крепкий лед прорастает у него в пустотах груди и мгновенно отвердевшее сердце раскалывается на части...

Боль была настолько сильной и режущей, что Сергей даже вскрикнул, безумно дрогнув под одеялом. Но, наверное, вскрикнул он только мысленно, потому что немедленно проступила обыденная обстановка спальни: проявились квадраты окон, нагретые солнцем, тихо-тихо дышала Ветка, уткнувшаяся в подушку, успокоили глаз привычные очертания мебели, донесся вопль петуха, жизнь, по-видимому, текла, как обычно, и лишь холод, пронизывающий насквозь, подтверждал, что за этой обыденностью скрывается нечто иное.

Сергей едва отдышался. Он болезненно чувствовал, как оттаивают под сердцем кристаллики льда. Тишина назревала угрозой, и постель напоминала могилу. Зачем все это, с тоской подумал он. Ну, зачем, зачем, откуда эта загробная мерзость? Мысли у него сильно путались. Четко стукал будильник, показывающий шесть часов. Осторожно, чтобы не разбудить мирно спящую Ветку, он скупыми движениями выскользнул из-под простыней и, нащупав домашние тапочки, прошлепал в них на веранду. Он вдруг вспомнил, что вчера, оглушенный известиями, не полил, как обычно, цветы. А позавчера, например? Он тоже не помнил. Вон пелея, как наиболее слабая, уже полегла, а на ниточках китайской пушицы образовались закрутки. И совсем безобразная корка возникла в межузлии пармакиты. Наверное, тоже гибнет. Он ногтем попытался эту корку поддеть, походила она на засохшую мыльную пену, и по центру ее выдавался чуть-чуть осклизлый комочек. А когда он наклонился, чтобы его рассмотреть, то снаружи веранды вспорхнула какая-то птица. Сердце у Сергея заколотилось. Потому что он неожиданно понял, зачем приходил Котангенс.

Котангенс приходил — попрощаться...

Семядоля была похожа на живого покойника: щеки у нее провалились и имели во впадинах зеленовато-трупный оттенок, кожа вдруг открылась крупными порами, набрякли угольные мешки под глазами, а в начесах кольчатых завитушек

проступила неопрятная седина. Точно после долгой и опасной болезни.

Она с усилием говорила:

— Это, конечно, ужасное, трагическое происшествие. Арнольд Петрович был нашим коллегой, и мы все глубоко уважали его. Я уже отослала родственникам письмо с соболезнованиями. К сожалению, родителей у него нет. Но ведь мы не можем все время оглядываться назад, товарищи. Через две недели начало учебного года, и, наверное, стоит подумать о том, как мы все будем жить. Наше школьное, так сказать, бытие продолжается... — Платье нынче сидело на ней, как саван. Семядоля теребила воротничок, который стягивал горло. — Вам уже розданы планы текущей работы, просмотрите, пожалуйста, — какие-нибудь соображения. Завтра я должна подать документы в область. Времени, товарищи, у нас совсем мало...

— А когда предполагается пополнение штата? — спросил Герасим.

— Область как раз сейчас изыскивает возможности. Но не так-то просто найти подходящую кандидатуру. Раньше октября-ноября замены не обещают. Вероятно, придется взять дополнительную нагрузку. Прошу, товарищи, поактивнее...

Зашуршали страницы перелистываемой бумаги. Кто-то робко спросил насчет оплаты за добавочные часы, кто-то вяло поинтересовался распределением внеклассных обязанностей, кто-то далее предложил, чтоб дежурные учителя назначались по алфавиту. Возражений, кажется, не последовало. Словом, разворачивалась рутина городской педагогики. Все было привычно. Сергей, мучаясь недосыпом, смотрел в окно. За окном открывался пустырь, захваченный лопухами; раздвигал их коричневую орду гусиный клин гаражей, начинались чуть дальше приземистые складские строения: поднималась колючая проволока и наклоняли головы фонари — словно змеи, рассматривающие внутренность территории. Сергея слегка передернуло. А еще дальше, к площади, вздымались кубы Торгового центра и, как цапли, толпились на крыше разнокалиберные антенны. Сергей равнодушно глядел на их проволочные переплетения. В этом здании находились помещения «Детского мира». Как рассказывал Пекка, Котангенса нашли на

заднем дворе, все лицо его вздулось и потемнело, как от удушья, а в руках он сжимал, будто меч, остроконечную палку. Никаких следов возле тела, конечно, не обнаружили. Смерть, по версии следствия, наступила от остановки сердца. Недостаточность, сугубо медицинская версия. У Сергея сложилось ясное ощущение, что такая версия Пекку вполне устраивает. Показания, во всяком случае, он снял довольно формально, и рассказ Сергея о визите Котангенса впечатления не произвел. А когда Сергей после колебаний спросил, что, собственно, они собираются делать, то раздутый, как переваренная сарделька, Пекка долго молчал, а потом неохотно ответил, покручивая багровой шеей:

— Разберемся...

Чувствовалось, что ему не хочется вдаваться в подробности. Никому, по-видимому, не хотелось вдаваться в подробности. Педсовет протекал неторопливо и скучно. В планы были внесены незначительные коррективы, было выдвинуто и тут же отклонено предложение о совете учеников, Семядоля сделала краткий обзор последних инструкций. Об исчезнувшем Васе Байкалове вовсе не упоминали. И не обсуждался вопрос о каком-либо педагогическом следствии. Следствие, по-видимому, отменялось. Словно гибель Котангенса поставила в этом деле точку. Сергей испытывал странное облегчение. Жалко, конечно, Котангенса: никто теперь не устроит бучу на педсовете, не заявит, что мы тут все занимаемся ерундой, и не будет настаивать на новых принципах воспитания. Диковатых выходок больше не будет. Но зато не будет, вероятно, и зловещей Руки, и проклятого Топкого места, засасывающего неосторожных, и не будет Болтливой куклы и Пузыря-невидимки. Подзабудется, растворится, войдет в нормальную колею. Мало ли случается в жизни трагических происшествий. Ничего, перемалывали и не такие события.

Ему хотелось, чтобы педсовет скорее закончился. Он пораньше вернется домой и попробует отоспаться. Он догадывался, почему все так тщательно обходят вопрос о Котангенсе, — ну и ладно, и, значит, высовываться не надо. Не было никакого Котангенса. Сергей в полглаза дремал. В окно било солнце, высвечивающее пылинки на стеклах, после ужасов ночи все тело пропитывала маята, в учительской было жарко, и он

не сразу сообразил, что размеренное течение педсовета внезапно прервалось, проросла напряженная пауза, и как очередь автомата, прозвучала в ней трескучая реплика Семядоли:

— Товарищ Мамонтов, давайте не будем отвлекаться от темы!

Сергей завертел головой. Мамонт, оказывается, уже почему-то стоял, и на иссохшем, как у старого графа, лице читалось недоумение.

— Я нисколько не отвлекаюсь, Маргарита Степановна, — сказал он. — Я хотел лишь напомнить, что график уроков — не главное в нашей профессии. Мы не лекторы в университете, мы — воспитатели, и, по-моему, просто нельзя отмахнуться от того, что случилось. Мы не можем забыть и требовать только дисциплины и знаний. Ребята все понимают. И я просто не представляю, как разговаривать с ними на первом уроке. Понимаете: не представляю...

Мамонт сдержанно оглянулся, волосы у него доходили до плеч, а рубашка и брюки были потертые, но — отутюженные.

Молчание нарастало.

— А вот я представляю, — вдруг громко сказал Герасим. — Лично я представляю, о чем разговаривать с учениками. Я им сразу же объясню, что их класс в этом году выпускной, и что главное, как вы только что выразились, дисциплина и знания, и что я не намерен обсуждать другие вопросы. Уголовное дело моих учеников не касается. Ну, а если по этому поводу кто-нибудь пикнет, то он вылетит из класса с двойкой по поведению.

И Герасим энергично кивнул.

— Правильно!.. Правильно!.. — поддержали его сразу несколько голосов.

— Нечего тут, товарищи, рассуждать!..

— Так всю школу можно терроризировать!..

Особенно старалась химичка. А вдруг выпрямившаяся Семядоля постучала по переплету журнала костяшками пальцев.

— Спокойно, спокойно, товарищи! Мы здесь не на митинге выступаем! У вас все, Михаил Александрович? Переходим к учебному плану... — Она демонстративно уткнулась в бумаги и пошла по столбцу, отмечая позиции галочками: «Зна-

чит, по младшим классам мы обсудили... По внеклассной работе... По новому факультативу...» — В ямках щек проступили зеленоватые пятна. — Михаил Александрович, садитесь, не задерживайте собрание...

Стул под ней отвратительно скрипнул.

И все же Мамонт не сел, а устало, как будто не выспался, поправил галстук у горла. Он единственный явился на педсовет при галстуке и в костюме.

— Как хотите, товарищи, а мне это дико, — сказал он. — Есть вопросы, где неуместны административные игры. И есть вещи важнее, чем так называемая служебная репутация. Как хотите, а я в этом участвовать не могу. Прошу меня извинить...

После чего застегнул аккуратный пиджак и пошел между стульями, направляясь к выходу из учительской. Сергей неловко зашевелился. И, наверное, подобную же неловкость почувствовали остальные, потому что кто-то невнятно и растерянно произнес:

— Михаил Александрович, ну что вы, зачем все это?..

Мамонт, однако, не обернулся. Дверь учительской притворилась, и послышался шорох удаляющихся шагов.

Вот они стихли.

Семядоля опять постучала костяшками о журнал.

— Продолжаем нашу работу, товарищи! Михаил Александрович переживает, это естественно. Но от наших переживаний не должен страдать учебный процесс. Я, товарищи, попросила бы относиться серьезнее...

В ее голосе слышалось облегчение. Она явно обрадовалась, что инцидент благополучно иссяк, и теперь торопилась скорей закрепить достигнутое.

— Какие есть замечания?..

Сергей понимал, чем эта ее торопливость вызвана, но ему все равно было стыдно, он чувствовал раздражение, и поэтому когда педсовет довольно скоренько завершился, он спокойно дождался, пока учительская освободится, а, дождавшись, как вопросительный знак, склонился над Семядолей:

— Вам не кажется, Маргарита Степановна, что среди нас нашелся только один человек? Который сказал, что думал?

— О чем вы, Сережа?

— Я о том, что все остальные попросту перетрусили. И я в том числе.

Он был зол и потому говорил очень резко.

Семядоля, тем не менее, не вспылила, а, напротив, вдруг как-то обмякла и жалобно замигала.

— Ах, если бы вы знали, Сережа..

— Знаю, — сказал Сергей. — Я все знаю. К вам опять приходила Мерзкая лента.

И тогда глаза Семядоли расширились, и Сергей против воли очутился в тревожной пустоте коридора. И услышал за дверью учительской странные протяжные звуки.

Будто заскулила собака.

Кажется, Семядоля заплакала...

8

Дома его встретил полный разгром. Оба шкафа в гостиной были распахнуты, на диване, на круглом столе пестрели пачки одежды, поднималась эмалированными боками посуда, извергнутая сервантом, стулья, сдвинутые к окну, толпились, как испуганные животные, а в освободившемся срединном пространстве красовался раздутый, наверное, уже заполненный чемодан, и второй чемодан, по-видимому, только что подготовленный, распластался возле него, демонстрируя внутреннюю обивку. И стояла дорожная сумка, загруженная до половины, и высовывался из нее термосный колпачок, а рядом с сумкой сидела на корточках Ветка и, как полоумная, шевелила губами, что-то подсчитывая.

Одета она была в домашние джинсы и безрукавку, пух волос, как из бани, был у нее ужасно растрепан, причем в правой руке она сжимала скалку, обсыпанную мукой, а из левого кулака высовывалось какое-то пружинное приспособление для взбивания крема или что-нибудь в этом роде. А на шее, как ожерелье, висела нитка с сушеной морковью.

Впечатление было убийственное.

— Что ты делаешь? — изумленно спросил Сергей.

Однако Ветка ему ничего не ответила — только глянула пустыми глазами, как будто не видя, а затем, бросив скалку,

прошествовала в чулан и через секунду вернулась, неся огромную суповую кастрюлю.

Вид у нее действительно был безумный.

— Ветка!.. — заражаясь этим безумием, гаркнул Сергей. — Ветка!.. Ветка!.. Виктория!.. Что происходит?!

Задрожали хрустальные подвески на люстре. А из комнаты в коридорчик выглянул обеспокоенный Дрюня.

Впрочем, Дрюня тут же махнул рукой и вернулся обратно.

Только тогда Ветка отреагировала.

— Уезжаем, — сказала она, запихивая кастрюлю в сумку.

— Куда уезжаем? — спросил Сергей.

— К маме, в Красницы...

— А зачем?

— Затем, что больше здесь невозможно!..

Губы у нее плотно сжались, а на бледном отстраненном лице проступило выражение непреклонности. Суповая кастрюля в сумку не лезла, и поэтому Ветка с пристуком поставила ее у серванта.

— Помогай, что ты вылупился!..

Запасаясь терпением, Сергей также опустился на корточки и искательно, точно больную, обнял ее за напряженные плечи.

— Какие Красницы, Веточка... Какая-такая мама, опомнись...

Он не собирался ее ни в чем упрекать. Тем не менее, Ветка рванулась, как будто ей это было в высшей степени неприятно, и, не рассчитав, по-видимому, силы рывка, мягко шлепнулась в открытое нутро чемодана.

Клацнули замки по паркету.

— Все уезжают, — с надрывом сказала она. — Лидочка, вон, собирается и, между прочим, с ребятами. Корогодовы еще третьего дня попрощались, Танька Ягодкина только что забегала: они завтра отваливают. Что же нам ждать, пока нас всех тут поубивают?.. — Она хлюпнула носом. — Силой тебя никто не потащит. Оставайся. Мы без тебя обойдемся...

Сергей так и сел — ощутимо ударившись при этом головой о столешницу.

У него стукнули зубы.

— Слушай, Ветка, давай поговорим без эмоций. Ну — возникла такая история, ну — бывает. Но ведь ты понимаешь, что это — случайное происшествие. Это — вышел из дома и вдруг попал под машину. От случайного происшествия не застрахуешься. Почему ты считаешь, что это имеет к нам отношение?..

Он поднял руку, чтобы разгладить судорогу щеки, но безумная Ветка неприязненно отшатнулась:

— Не трогай меня!..

— Веточка!..

— Не прикасайся!..

— Виктория Никаноровна!..

— Убери, убери свои лапы, иначе я за себя не ручаюсь!..

С ней случилось нечто вроде припадка: она бурно отмахивалась и безуспешно рвалась отодвинуться. Лицо у нее исказилось, ощерились мелкие зубы, и похожа она была на зверька, которого вытаскивают норы.

— Ветка!..

— Оставь меня, убирайся отсюда!..

Сергей не знал, как это все прекратить: изловчившись, поймал ее за вывернутое запястье и, с усилием притянув, обхватил, заключая в объятия. Щеки у Ветки уже были мокрые, а лопатки под безрукавкой поднимались, как вывихнутые. И одновременно чувствовались на спине деревянные мышцы — так она упиралась.

— Пусти ты меня!.. Все равно не удержишь!.. Придурочный!..

— Але, предки, — сказал вдруг снова появившийся Дрюня. — Нельзя ли потише? Вы тут так выступаете, что половина города соберется.

Тон у него был снисходительно-терпеливый.

Сергей обернулся и второй раз ударился головой о столешницу. Ветка вдруг прыснула. А у Дрюни на вытянутом скучном лице образовалась ухмылка.

— Ничего, не ушибся?..

— Слушай, Дрюня, — шипя, произнес Сергей, — ты не мог бы исчезнуть куда-нибудь на полчасика? Пойди погуляй. Я тебя потом кликну...

— Понял, — сказал Дрюня и, отклеившись от косяка, с независимым видом прошествовал через гостиную. Было видно, как он, подпрыгнув на ступенях веранды, деревянной походкой двинулся куда-то в глубь территории. Руки он засунул в карманы, и брезентовые штаны из-за этого казались широкими.

Ветка шмыгнула носом.

— И все-таки лучше бы нам уехать на какое-то время. Мама будет не против, а тут пока все наладится...

Она уже успокоилась, лишь дорожки от слез напоминали о происшедшем. Да еще — растрепанные клочковатые волосы.

Сергей обнял ее, и она не отстранилась, как прежде.

— Ну, рассказывай...

— А что рассказывать, — тихо шепнула Ветка. — Ерунда это все; наверное, женские страхи. Ничего я тебе не скажу, будешь смеяться...

Тем не менее, ей самой, по-видимому, хотелось выговориться. Она уткнулась Сергею лицом в плечо, стало вдруг хорошо и очень уютно. Собственно, ничего особенного не произошло, просто ей всю ночь сегодня снились кошмары. Как закроешь глаза, так и начинает мерещиться... В чем конкретно заключались кошмары, Ветка не объяснила: не желала, наверное, а выпытывать, рискуя истерикой, Сергей не стал, но в действительности напугало ее вовсе не это, испугалась она, что такие кошмары мерещатся чуть ли не каждому. Лидочка, вон, об этом рассказывала, Танька Ягодкина утверждает, что это какая-то эпидемия. Половина города этим переболела. А к тому же еще загадочная гибель Котангенса. Испугаешься. Но и сам ты, между прочим, хорош: мог бы уделять жене побольше внимания — успокоить там вовремя, рявкнуть, если потребуется; ты, в конце концов, муж или только так называешься, видишь же, что в семье происходит что-то неладное...

— Значит, Таньке и Лидочке тоже мерещились ужасы? — спросил Сергей.

— Ну! Иначе стала бы я волноваться...

— И всем Танькиным многочисленным приятельницам и подругам?

— Я тебе говорю: полгорода этим мучается...

— И они считают это болезнью?

— Да-да-да, я ж тебе объясняла...

Ветка чуточку отстранилась и поправила лохматые волосы. Мокрота под глазами уже просыхала.

— Выгляжу я, конечно, кошмарно. Серый, слышишь, давай все же на чем-нибудь остановимся. Можно к маме, она нас давно приглашает. А, считаешь, не нужно — тогда, конечно, останемся. Главное, чтобы ты сам решил. Как ты решишь, так и будет...

Она ожидающе вглядывалась в него. Розовые припухлые веки подрагивали.

— Скажи мне честно: ты очень боишься? — спросил Сергей.

— Когда ты рядом, то — нет, — быстро ответила Ветка.

— А когда я отсутствую?

— Ну... немножечко страшно...

— А могла бы ты с этим страхом бороться?

— Наверное...

Тогда Сергей резко тряхнул головой и решительно произнес, как будто что-то отбрасывая:

— Остаемся!

А повеселевшая Ветка вскочила на ноги.

— Ну и правильно! Зови Дрюню, сейчас будем обедать!

Она прямо-таки вся просияла.

Дрюня, впрочем, уже показался в гостиной и спросил — все с тем же бесконечным терпением:

— Ну что, предки, вы, наконец, помирились?

Нижняя большая губа у него была оттопырена.

— Вот что, Дрюня, — бодро сказал Сергей. — Видишь вон чемодан? Разбирай его, к чертовой матери. Вообще: сегодняшний день у тебя будет очень занят.

— Н-да?.. — с сомнением отозвался Дрюня.

— Да! — командирским голосом сказал Сергей. — Разговорчики, товарищ младший сержант. Смирно! Вольно! Отставить! Приступайте к работе!.. — Он грозно нахмурился. — Товарищ младший сержант?..

— Есть! — вздохнул Дрюня и схватился за чемоданные лямки...

Работа у них закипела. Сергей сперва отодрал рыхлый истлевший толь и безжалостно побросал его за стенку сарая, а затем они приставили лестницу: Дрюня, забираясь по ней, подавал чуть липнущие свернутые рулоны, а Сергей, распластав их по крыше, прихватывал гвоздиками. Далее он собирался класть рейки и заколачивать намертво. Но и так скаты крыши приобретали новенькую поверхность. Толь лежал опрятными черными прямоугольниками, сколы мелкой слюды блестели на солнце, с крыши открывалось пространство, обрамленное лесом, и от шири, которая не имела пределов, становилось легко на душе. Сергей даже мурлыкал иногда что-нибудь соответствующее. Впрочем, очень негромко, слух у него отсутствовал. Да и Дрюня, надо сказать, тоже повеселел; то сначала хмурился, как будто взялся за непосильную тяжесть, и Сергей опасался, что вот сейчас он плюнет на все и уйдет, а то вдруг через какое-то время втянулся в работу и на терпеливом лице его появилось некоторое оживление. Вероятно, процесс понемногу его захватывал. Дрюня даже, как и Сергей, принялся что-то такое вполголоса напевать — не по-русски, а по-английски, временами переходя на очевидное «трам-пам-пам». Угадать мелодию здесь было трудно. «Ты — давай-давай!» — покрикивал на него Сергей. На что Дрюня без промедления откликался: «За нами не заржавеет!..» Рубашку он, чтобы не выпачкать, снял, и под молодой загорелой кожей играли длинные мускулы. Дрюня будто превратился во взрослого парня. И пора бы, поглядывая на него, думал Сергей. Сколько можно, возраст уже подходящий.

Где-то, видимо, через час к ним присоединилась девочка Муся. И Сергей не заметил, когда она появилась, он лишь вдруг обратил внимание, что Дрюня тоже стучит молотком, а рулончики ему подают уже женские руки. Впрочем, против он ничего не имел. А тем более, что и Дрюня еще сильней оживился, и теперь уже он покрикивал сверху: «Давай-давай», а спокойная девочка Муся сдержанно улыбалась. Вид у нее был несколько отрешенный. Словно думала она, работая, о чем-то своем. И однако такая ее отрешенность создавала спокойствие. Сразу чувствовалось, что она не нервничает понапрасну, и что вывести ее из себя — задача почти непосильная. Сергею эта ее черта очень нравилась. Он даже в

шутку сказал: «А что, Муся, нравится тебе с нами работать? Выходи замуж за Дрюню, примем в семью. Лично я даю отцовское благословение». На ответ он, надо сказать, не рассчитывал, ну какой там ответ: покраснеет девочка, застесняется. Но спокойную Мусю его предложение не смутило, и она сказала, подталкивая очередной рулон: «Я согласна, подождать только надо, регистрируют у нас с восемнадцатилетнего возраста». Никакого стеснения не было и в помине. А разгорячившийся Дрюня, услышавший их, грубовато и недовольно добавил: «Не встревай в это дело, отец, у нас уже все решено». И опять застучал молотком, перемещаясь по крыше. Гвоздики поблескивали у него во рту светлыми шляпками.

Сергей хотел заметить ему, что решено-то, мол, решено, да не рано ли: три года до окончания школы, и потом, неплохо бы поставить в известность родителей, но, взглянув на увлеченную физиономию Дрюни, неожиданно для себя уяснил, что, быть может, и не надо в эти отношения вмешиваться, может быть, им и в самом деле виднее, и пускай все происходит так, как оно происходит. Годы, в крайнем случае, откорректируют. Он только подумал, что с Веткой у них было совсем иначе: не так быстро и без какой-либо определенности, но, с другой стороны, и время сейчас иное, отплывает в прошлое целая историческая эпоха, и не стоит, наверно, использовать прежние установки. Ему представилось ясно, что их с Веткой жизнь до некоторой степени завершилась, ну, быть может, не завершилась, но перешла в иную категорию измерений, в категорию старшего родительского поколения: образуют ли Дрюня с Мусей семью, не имеет значения, может быть, и расстанутся, учиться еще три года, но вот с Веткой они точно уже перевалили за середину, и, наверное, следует быть готовым к наступающей осени. Он представил себя седого, с замедленными движениями, как он вечером спускается в сад и вдыхает лиственную прохладу, и как Ветка, чуть горбясь, берет его под руку, и как долго смотрят они на остывшее солнце. Он, конечно, умом понимал, что будет это еще не скоро, но одновременно и чувствовал, что это все-таки будет, и фатальная неизбежность наполнила его не грустью, а умиротворением. Словно ничего другого ему и не требовалось.

И, заколотив последний, укороченный лист, он с удовлетворением выпрямился, обозревая работу:

— Ну, ребята, я думаю, что на сегодня достаточно. Это надо же: оба ската отремонтировали. Вот что значит работать с квалифицированными помощниками. А теперь — умываться и ужинать, как положено. Поглядим-поглядим, что нам там приготовила Виктория Никаноровна...

Он обернулся к дому, где в трех окнах отражался закат, Ветка в этот момент как раз появилась на заднем крыльце и махала рукой, немного поднимаясь на цыпочки:

— Давайте заканчивайте!..

В легких сумерках белел ее фартук, обшитый красными петухами.

Дрюня солидно кашлянул.

— А когда будем рейками обивать? Не обить, так после первого же дождя покоробится...

Ему, видимо, нравилось чувствовать себя настоящим хозяином.

— Завтра, завтра, — ответил Сергей. — Не успеем уже сегодня, темнеет. Вообще, любое дело должно быть в охотку. — Он, напрягшись всем телом, потянулся до хруста в суставах. — Эх... сейчас навернем чего-нибудь аппетитного. Муся, ты не откажешься разделить с нами трапезу?

— Не откажусь, — с достоинством ответила Муся.

— Ну и правильно, я считаю, что ужин мы заслужили. Только дома предупреди, чтобы тебя не искали. Сбегай быстренько до родителей. Муся, ты меня слышишь?..

Муся, однако, не отвечала. Она стояла на лестнице, сильно вывернувшись назад, и смотрела куда-то в травяной переулок. Там по тропке между крапивой и лопухами, словно крадучись, передвигалась ссутуленная фигура. Человек ступал, будто ноги его проваливались по щиколотку, и уже отсюда можно было понять, что он основательно нагрузился.

Кажется, это был Евсей.

— Муся, очнись!

Девочка Муся вздрогнула и, как будто во сне, медленно оборотилась к Сергею. Серые пустые глаза казались громадными.

Она словно вдруг впала в состояние летаргии.

— Кажется, мне пора, дядя Сережа...

— Что с тобой, Муся?! — пугаясь, крикнул Сергей. — И куда ты пойдешь? Дрюня, скажи ей: сейчас будем ужинать!..

Он воззвал к почему-то притихшему Дрюне.

Однако Дрюня на его призыв не откликнулся, а напротив, припав к черни толя, осторожно, но в то же время торопливо спускался по скату. Вот он зацепился руками за ободранный край, мягко свесился и спрыгнул в просвет между стенкой и деревянным заборчиком.

Сергей услышал, как зашуршала крапива.

— Куда вы, ребята?..

Ответом ему было молчание.

Евсей между тем подошел и оперся на невысокие колья ограды.

Сумрачная потертая физиономия зашевелилась.

— Николаич, спустись-ка на пару слов!.. Подойди, говорю, разговор намечается...

Рука его призывно махнула.

Сергей в три секунды оказался у задней калитки. Ему очень не хотелось связываться с Евсеем. В самом деле, наверное, на бутылку сшибает.

— Ну. Чего тебе надо?

Евсей, однако, не торопился: почесал грязь щетины и ухмыльнулся, продемонстрировав зубы. Двух передних у него не хватало.

— Невежливо разговариваешь, Николаич, — отметил он. — Ни тебе «здравствуй», ни чтобы здоровьем поинтересоваться. А здоровье, между прочим, у меня неважнецкое. Но — пришел вот, не посмотрел, что голова сегодня отваливается. Постарался — а тут такое неуважение...

От него несло духом давней немытости, ветхий мягкий пиджак протерся на сгибах до ниток, а засаленный свитер едва прикрывал, по-видимому, незастегнутую прореху.

Сергей сказал резковато:

— Вот что, Евсей, у меня тут совсем нет времени. Излагай свое дело, и давай разойдемся. Но учти, что я в долг тебе уже не поверю...

Евсей снова осклабился.

— А мы в долг и не просим. Насчет «в долг» — это я и

сам могу поспособствовать. А пришел я сказать, что на этот раз — все, закончили. Было тебе, Николаич, последнее предупреждение. Как в театре, значит, третий звонок. Так что, если чего — пеняй на себя...

Он нахально и угрожающе подмигнул диким глазом, хмыкнул, кашлянул и уже повернулся, чтобы уйти, но придушенно захрипел, потому что суровые пальцы схватили его за лацканы:

— Кто тебя подослал?

Хватка была железная. Евсей дергался, посинев, бил с размаху ладонями, но освободиться не мог и барахтался, словно мышь, придавленная капканом:

— Пусти... пусти...

— Альдина? — спросил Сергей, дыша в щетину грязного подбородка.

— Пусти... Задушишь...

— Я спрашиваю: Альдина?

— Она...

— А Котангенса... учителя Перевертова... тоже — предупреждали?

— Ничего я не знаю... Сумасшедший... Пусти!..

Евсей все же вывернулся из сомкнутых пальцев и, предусмотрительно отскочив метра на полтора, будто тронувшийся, заскреб себя ногтями по горлу.

— Чокнутый... Так же убить недолго... Ничего — скоро отправишься за стариком...

— Каким стариком?

— Который... ну это... по географии...

— Мамонтов?

— Фамилию не докладывали... Ты сходи-сходи, может, попрощаться успеешь...

Он дурашливо чмокнул, как будто целуя, и вдруг ринулся по переулку, топча крапиву. Миг — и опушенные стебли начали расправляться...

9

Разумеется, Сергей опоздал.

Когда он, как и был — в тренировочном рабочем костюме, с перепачканными руками и с гвоздями в кармашке на

левой части груди, — задыхаясь, подбежал к кирпичному трехэтажному дому, где Мамонт имел квартиру, то увидел, что у дома уже собралась небольшая толпа, окна во всех этажах открыты, а из зева парадной с заклиненной половинкой дверей санитары в халатах вытаскивают покрытые простыней носилки. Обрисовывались под тканью детали распростертого тела.

Носилки исчезли в фургончике «скорой помощи», и машина начала выбираться из сквера, который опоясывал дом — глухо ухнула и поплыла по направлению к Первой больнице. Синий выхлоп повис в неподвижном воздухе. В толпе сразу же зашептались: Кричал-то как!.. — Я сначала не понял, жена говорит: Посмотри, что случилось. — Дверь закрыта была, пришлось вышибать... — Как хотите, товарищи, а что-то здесь не в порядке... — Ну конечно, с чего бы он так кричал? — Милиция, вон, милиция, они разберутся...

Из парадной действительно выходил круглый маленький Пекка, потирая в задумчивости раскрасневшийся нос, а за ним озабоченно шествовал участковый сержант, и не менее озабоченный дядя Миша оглядывался, то и дело вздыхая. И живот его надувался и опадал под мундиром. Сразу чувствовалось, что дядя Миша в глубокой растерянности. Он остановился посередине враз сконцентрировавшейся толпы и сказал, ни к кому в особенности не обращаясь:

— Ну, идите, идите, ну что вы тут митингуете?.. Ну — сердечный приступ у человека, ну — с каждым может случиться...

Мощные руки его отталкивали любопытных. Тем не менее, уверенности в голосе не доставало. Все присутствующие, наверное, это чувствовали, и из массы собравшихся неслись соответствующие возражения:

— Ты нам баки не забивай!..

— Какой-такой приступ?!

— От сердца так не кричат!..

— Убили — и вся недолга!..

— За идиотов нас принимают!..

Дядя Миша был стиснут напирающими телами. Особенно бесился старик — почему-то в галошах и в полушубке на голое тело: — Ты тут нам, Михаил, зубы не заговаривай! Ты

скажи: может народ терпеть таких безобразий? Есть у нас милиция или нет? Ты скажи: за что тебе деньги платят!.. борода его задиралась, как у раскольника, палка, вытертая на ручке, так и взлетала.

Сергей не стал ждать, а, воспользовавшись суматохой, проскочил в никем не охраняемую парадную и, поднявшись по лестнице, которая пахла гнильем, оказался в забытой, распахнутой настежь квартире. Горел электрический свет, и спокойный эксперт, немного знакомый Сергею, напоследок оглядывался — все ли закончено.

Звали его, кажется, Владимир Савельевич.

Он, не удивляясь, кивнул вошедшему из полумрака Сергею и сказал, по-видимому, предупреждая вопросы:

— Я бы квалифицировал — как естественную кончину. Входная дверь заперта, окно тоже закрыто. Форточка, конечно, оставлена, но ведь кто же полезет в форточку третьего этажа. Вообще — никакого насилия, посторонних в квартире не было. Вероятно, и в самом деле инфаркт, тоже — бывает...

— А ужасный крик перед смертью? — спросил Сергей.

— Какой-такой крик?

— Соседи слышали.

Эксперт пожал плечами.

— А что, собственно, крик? Приснилось что-нибудь человеку. Разве вам, Сережа, кошмаров видеть не доводилось? Нервничал, наверное, волновался, какая-нибудь пустяковина и отказала. Опять же — возраст, вскрытие, конечно, произведем, но скорее всего — сердечная недостаточность.

Он достал сигареты и закурил, все также оглядываясь. Сразу чувствовалось, что происшедшее нисколько его не волнует. Он, наверное, присмотрелся к подобному за годы службы.

Сергей неловко поинтересовался:

— Извините... Владимир Савельевич... а не заметили ли вы чего-нибудь необычного, что-то, может быть, странное, такое, что никуда не укладывается... Вы меня еще раз простите за то, что вмешиваюсь...

Эксперт его понял.

— Необычного мы вообще почти никогда не находим. Это все-таки жизнь, а не какие-нибудь детективы. У меня за всю практику был только один странный случай. Представляете:

вся квартира заросла паутиной. Но и то потом — достаточно вразумительно объяснилось...

— Паутиной? — тупо спросил Сергей.

— Ну да, комнаты, кухня, прихожая — везде паутина. И такие пласты, как будто специально выращивали. Точно войлок. Представляете себе картину?

Сергей представил: пыльные нитчатые наросты. Ему стало нехорошо.

— И какое тут объяснение? — спросил он.

— Какое-какое, — сказал эксперт. — С ума сошел. Разводил пауков — какое тут объяснение... — Он нагнулся и что-то бросил в свой саквояж, напоминающий медицинский. Прикрывая его, отчетливо щелкнул замком. — Заканчивать надо. И так весь вечер потерян...

— А человек? — также тупо спросил Сергей.

— Какой человек?

— Хозяин квартиры.

Эксперт выпрямился и посмотрел на Сергея.

— Человек умер, конечно. Высох весь — еще бы, пролежал две недели...

Руки его вдруг застыли на половине движения. Длинный стонущий скрип раздался у них за спиной — словно от невидимого усилия начала расщепляться какая-то половица.

Оба они обернулись.

В коридорчике, который соединял комнату с кухней, находился, по-видимому, небольшой, ранее незаметный чулан, и теперь прямоугольная дверца чулана медленно отворилась, а из темного пугающего его нутра мрачно высунулось что-то, напоминающее человеческую фигуру. Но — бесформенное какое-то и даже, кажется, безголовое.

У Сергея пересохла гортань. А эксперт побледнел, и лицо вдруг оделось блестящими каплями пота.

— Ч-ч-что т-т-такое?..

Мертвые губы слипались.

Однако дверца чулана продолжала движение — из-за блеклого пластика вывалилось нечто тряпичное и, взмахнув рукавами, безжизненно распласталось по коридору.

И вдруг стало понятно, что это обыкновенный ватник.

Более ничего.

— Фу-у-у... — устало сказал эксперт. — Это надо же, прямо сердце остановилось. Испугался — наверное, от паутины проклятой. Я ведь, честно говоря, ее до сих пор вспоминаю...

Он поспешно выщелкнул из упаковки большую таблетку. Руки у него тряслись.

Чувствуя, как обрывается все в груди, Сергей подошел к чуланчику и распахнул его. Внутри никого не было: висело зачехленное полиэтиленом пальто, висел летний плащ с узенькими цветными погончиками и висела брезентовая лесная куртка, прожженная на боку, а внизу, словно скопище грызунов, теснилась разнообразная обувь. Выделялись среди них большие резиновые сапоги.

Вот и все.

Ни на что иное он, в общем-то, и не рассчитывал.

Тем не менее, было ощущение чьего-то присутствия. Будто что-то губительное, враждебное наполняло чулан — до конца не исчезло, а затаилось в складках одежды.

Сергей это чувствовал.

И он даже вздрогнул, когда, топоча сапогами, в квартиру вошел дядя Миша и, наверное, тоже прикидывая, не забыто ли что-нибудь, повернулся, обозревая настороженную комнату.

— Вот такая петрушка... — задумчиво сказал он. — Происшествие. Что теперь делать, не представляю...

И, по-видимому, от громкого голоса в тенях что-то дрогнуло.

Сергея словно толкнули.

— Я знаю, что делать, — решительно сказал он...

10

Часов в одиннадцать стало ясно, что обыск ничего не дает. К тому времени были уже осмотрены помещения магазина: тщательно исследован склад, отодвинуты стеллажи в торговом зале, а директорский кабинет Альдины ощупан буквально по миллиметру. Нигде ничего. Сейчас группа милиционеров спустилась в подвал и без лишнего рвения ворочалась среди пыльных напластований, а другая группа, всего из двух человек, тоже, кажется, неохотно разбиралась в помойке, которую

представлял собой задний двор. Впрочем, эту группу можно было понять: двор уже изучали после смерти Котангенса, и надеяться на что-либо новое не приходилось.

Настроение вообще менялось в худшую сторону, нервный Пекка начинал откровенно скучать и поглядывать на Сергея, который чувствовал себя неуютно. Было видно, что Пекка прикидывает, как бы выпутаться. Он, во всяком случае, то и дело смотрел на часы. Что ж касается первоначально активного дяди Миши, то, полазав между контейнерами пыльного склада, саданувшись локтем о неизвестно откуда выпирающую трубу, и нечаянно прислонившись к мазутному сочленению батареи, он заметно утратил кипевшую в нем энергию — очень долго кряхтел, счищая мазутную жижу с рубашки, а затем, улучив подходящий момент, осторожно сказал — быстрым шепотом, чтобы не донеслось до начальства:

— Ну и влепят нам, парень, за это мероприятие. Похоже, мы с тобой промахнулись...

Вид его был не слишком приветливый.

Сергей и сам понимал, что хорошего мало. Когда он вчера изложил свои соображения дяде Мише, и когда они оба часа, наверное, полтора уламывали твердолобого Пекку, и когда пришлось звонить Харитону, чтобы тот их со своей стороны поддержал, то ему казалось, что все достаточно просто: сделают в магазине обыск, обнаружат какие-нибудь следы, интенсивно допросят Альдину, а остальное уже дело техники. Ведь на то она и милиция, чтобы расследовать. Так, во всяком случае, ему представлялось. Но по мере того, как тянулась сама процедура обыска, по отсутствию результатов, о котором докладывали время от времени милиционеры, по прошествии долгих и нудных часов, проведенных в помещении магазина, он вдруг начал осознавать, какая колоссальная глупость допущена. Собственно, на что он рассчитывал? Что за стойками «Детского мира» обнаружат расчлененные трупы? Или что найдут следы свежей крови в сейфе Альдины? Или, может быть, что Альдина не выдержит и признается в преступлении? Какая удручающая наивность. Ведь не уголовником же они занимались не вульгарным убийством и не похищением с целью выкупа. Какие там трупы, какие там, к чертовой матери, следы свежей крови! Удалось обнаружить — лишь короткий кожа-

ный поводок в кабинете Альдины. Сергей подобрал его среди кучи веревок. То был именно Тотошин ошейник, зрение его не обмануло. Но ведь не подойдешь же с этим ошейником к Пекке и не скажешь ему, что, мол, от пропавшей собаки. Причем тут собака? Не собакой же они занимаются. И причем тут ошейник? То есть, явный идиотизм. Искать следовало бы другое.

Позор был страшный. Под косыми взглядами Пекки хотелось провалиться сквозь землю. Сергей пытался скрыться за зеркальными стеллажами — отойти и как бы вообще затеряться среди беспорядка. Но куда бы он по магазину ни перемещался, альбиносные белые брови майора подрагивали. Взгляд его, казалось, напоминал, что, товарищ Алкимов, вы вторично уже устраиваете катавасию: будоражите наших сотрудников, отрываете их от дел. И зачем? Чтоб они проверяли ваши странные домыслы? Несерьезно вы поступаете, товарищ Алкимов.

В общем, ужасно.

Сергей ежился и старался выглядеть как-нибудь незаметнее. Утешало его только то, что, по-видимому, дядя Миша собирался взять на себя значительную долю ответственности. Он, наверное, тоже чувствовал себя дураком: весь распаренный, промакивающий лоб и затылок, голубая рубашка его потемнела от пота, а синий галстук превратился в помятую тряпочку. Дядя Миша, конечно, сильно переживал — тем не менее, именно он сдерживал гнев начальника, и рокочущий бас его заметно приглушал недовольство.

Сергей был ему за это признателен.

И еще его утешало то, что, быть может, происходящее и не было совершенно напрасным. Альдина встретила их очень любезно: улыбаясь и демонстрируя готовность к сотрудничеству. Она тут же, без возражений, согласилась закрыть магазин и немедленно выдала Пекке ключи от всех помещений, она выложила документацию и привела персонал, она даже отперла отделения сейфа, хотя была не обязана. И в течение нудной томительной процедуры осмотра она всем своим видом показывала, что претензий ни к кому не имеет — неизменно доброжелательная и готовая тут же пойти навстречу. Хладнокровие ее поражало Сергея. Но как раз в этой явной любезности и заключался просчет: чересчур уж

Альдина эту любезность выказывала, ведь не может же человек спокойно относится к обыску и расспросам, неестественно это, тут даже Пекка насторожился. А к тому же, как будто ничем не выделяя Сергея среди остальных, она бросила на него такой жгучий взгляд сквозь замысловатые стекла, что Сергей тут же понял: радушие ее напускное, она попросту великолепно владеет собой, но с другой стороны — никому и ничего не прощает, приговор уже вынесен, и оправдания бесполезны. Смерть придет за ним в ближайшее время. Значит, все это не напрасно, уверенность ее поколеблена.

Слабое это было, надо сказать, утешение. Кроме взгляда Альдины, его пока ничто не оправдывало. Через полчаса приехал серьезный начальственный Харитон и, слегка осмотревшись в разгромленном зале, подозвал к себе Пекку.

Сергей видел, как они о чем-то коротко переговорили, причем Пекка пару раз отрицательно качнул головой, а затем, оглянувшись через плечо на Сергея, кисло сморщился и что-то буркнул сквозь толстые губы. Вероятно, он выругался, таким образом завершая дискуссию. Слов слышно не было, но по мрачному серьезному лицу Харитона стало ясно, что сообщения его не обрадовали. Он, во всяком случае, быстро и озабоченно покивал, резким жестом прервал сунувшегося к ним дядю Мишу, напряженно подумал о чем-то, что-то такое прикинул и еще раз кивнул, наверное, принимая решение.

Вероятно, теперь наступала очередь разбираться с Сергеем.

И действительно, Харитон, еще послушав возбужденного Пекку, оборвал его, как до этого оборвал дядю Мишу, поднял голову, отчетливо втянул воздух в ноздри, и неторопливо приблизился, доставая из кожаного пиджака сигареты.

Как ни странно, но вид у него был скорее сочувствующий.

— Ну, закуришь? — спросил он, вскрывая твердую пачку. — Не стесняйся, Серега, Виктория твоя не узнает... — А когда они закурили (причем, компанию пришлось поддержать), то добавил, обтирая импортную зажигалку: — Ну, что скажешь? Какие будут еще предложения?..

— Надо искать, — немедленно ответил Сергей.

А сглотнувший эти слова Харитон затянулся и выпустил в потолок струйку дыма.

— Что искать, где искать? Может быть, ты подскажешь?

Вопрос был убийственный.

— Не знаю, — честно ответил Сергей.

Лично он разобрал бы здание «Детского мира» до основания: стены, перекрытия, потолки, снял бы крышу подвала, а задний дворик перекопал бы метров на десять. Должно ведь что-нибудь обнаружиться.

Но другим этого было не объяснить.

— Не знаю...

Харитон поразмыслил.

— Хреновая ситуация, — наконец сказал он. — Ты, надеюсь, догадываешься, что все это — на грани законности. Да и вовсе за гранью — может быть грандиозный скандал. Это ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Сергей.

— А ответит кто, если эта... Альдина... пожалуется прокурору? Кто тогда, скажи мне, ответит?

— Надо искать...

Харитон покачался в раздумье с носков на пятки, поглядел на Сергея, как будто оценивая его, и эффектным щелчком выбросил наружу хабарик.

Губы у него искривились.

— Ладно, — отрезал он. — Ничего не поделаешь. Пойду извиняться.

И, по-видимому, опасаясь, что возникнет конфликт, отвернулся и с полупоклоном переместился к Альдине. Крепкое мужественное лицо выражало раскаяние.

Сергей видел, как он склонился перед ней, предложил сигарету, поднес язычок зажигалки, а потом зажурчал — чуть танцуя и делая округлые жесты. Приносил, вероятно, соответствующие извинения. Вот — кивком головы указал на подошедшего Пекку, и тот тоже закланялся, страдальчески морщась.

На Сергея они не обращали внимания.

Ждать было нечего.

Сергей судорожно затянулся и, не прощаясь, вышел из магазина.

Однако обернулся в дверях.

Альдина стояла между Пеккой и Харитоном и, наверное, слушала их путаные объяснения. Но на Харитона она

не смотрела — смотрела она на Сергея, и во взгляде ее, как ему показалось, блеснуло скрытое торжество.

У него появилось ощущение обреченности.

Город был небольшой, расползшийся вдоль гладкой реки, за рекой низлежали обширные болотистые пространства, а за сопками, которые находились с другой стороны, — перепаханные поля, засаженные картофелем и капустой. Подступал синий лес, простершийся на тысячи километров, и в лесу караулило случайного путника Топкое Место, и Дом Смерти стоял на окраине, распахивая двери парадных, и высовывались из темноты пальцы Черной Руки, и Пузырь-невидимка слонялся от огородов до Торгового центра.

Можно было, конечно, уехать из этого города, можно было, как предлагала Виктория, пока перебраться в Красницы, но и в Красницах тоже спускается по ночам темнота и кошмарные призраки просовываются в сновидения.

От темноты не уедешь.

Сергей догадывался об этом и, шагая домой после неудачного обыска в магазине, с обостренным вниманием вглядывался в привычный пейзаж: ломкий старый асфальт, покрытый зигзагообразными трещинами, лопухи и крапива по периметру зданий. Удар мог быть нанесен отовсюду — быстрый смертельный удар, не оставляющий времени для защиты. Он это чувствовал. Но такой жаркий полдень разлит был среди кварталов, такая знойная дымка дрожала над раскаленными крышами, так блестела река, проглядывающая в створе улиц, что совсем не хотелось думать об этом. Не было никакой Черной Руки, следящей из мрака, не было Мамонта и Котангенса, которые задохнулись от ужаса, не было постаревшей, с мертвенными кудряшками Семядоли, не сияла зрачками Альдина сквозь стекла очков, и не скрипела в насторожившейся тишине дверца чулана.

Ничего этого не было.

Были лень и апатия, которые сковали сознание. Заниматься чем-либо не было ни малейшей охоты, и, вернувшись домой, Сергей побродил по гостиной, наполненной солнцем, полежал на тахте, через десять минут отбросив неинтересную книгу, поболтал о чем-то несущественном с Веткой, которая

занималась хозяйством, а затем без какой-либо цели прошел на веранду, где казалось прохладней.

Он подумал, что хорошо бы надраться сейчас с Харитоном, чтобы загудела как следует одурманенная голова, — завалиться к Григорию прямо в офис и опять же — надраться до чертиков средь бела дня. Это бы, наверное, помогло. Только вряд ли теперь Харитон согласится куда-нибудь с ним завалиться. Харитоша рассержен — улаживает неприятности.

Вариант с «завалиться», по-видимому, отпадает.

Нечем было заняться в этот августовский бессмысленный день; шелестело на кухне радио, позвякивала чем-то Ветка, доносился из сада удушливый запах цветов. Сергей посмотрел на бегонию, набухающую бутонами, быстрым точным щипком уничтожил проклюнувшийся из земли сорняк, снял волосья с пелен, которую требовалось опрыснуть, и в задумчивости прикоснулся к коричневой бородавке на пармаките. За последние дни бородавка значительно подросла. Разбухала она в межузлии, где ствол разделялся, и содрать ее, не повредив цветок, было бы затруднительно. Вероятно, придется смазывать марганцовкой. Или мыльным раствором, тоже иногда помогает.

Этим можно было заняться прямо сейчас, но совсем не хотелось возиться ни с баночками, ни с тряпочками. Почему-то сегодня работа с цветами удовольствия не доставляла, и Сергей, как ни странно, поймал себя на мысли о том, что неплохо бы собрать все горшочки по дому и выбросить. Выбросить, Харитоша же предлагал. В самом деле, придумал себе занятие — пересаживать, добавлять удобрения, поливать, трепыхаться над каждым росточком, опять пересаживать. Это, видимо, просто заполнение пустоты. Жизнь, наверное, не имеет внятного смысла. Сергей, точно приговоренный, поднялся к себе, на второй этаж и, усевшись, задумался: не найдется ли каких-нибудь срочных занятий.

Ему надо было разобраться с нагрузкой на первую четверть — сделать планы уроков, намеченных в сентябре, и желательно было прикинуть, какие он на себя возьмет общественные обязанности. Работы хватало. Но Сергей вместо этого только поморщился, глядя на календарь, бросил ручку, смахнул со стола бумаги и, спустившись через садовый участок к реке, влез в прогалины ивняка, который затрещал сухостоем.

На поляну он вышел практически сразу и нисколько не удивился, увидев там печальную серьезную девочку, и в свою очередь опустился на гладкий валун, и спросил — тихим голосом, как будто продолжая беседу:

— Что будем делать, Муся?..

На совет он, честно говоря, не рассчитывал, но спокойная Муся передернула худыми плечами и ответила, глядя в пепельное кострище:

— Вам, наверное, следует изготовить себе «заместителя»...

— «Заместителя»? — не сразу понял Сергей.

— Ну да, куклу. За вами скоро придут. Вы, пожалуйста, поторопитесь, Сергей Николаевич...

И сама она походила на куклу: неестественно бледная, с редкими, как из ваты, бровями, костяные ладони были засунуты под колени, а носком старых кед она подталкивала головешку.

На Сергея она даже не посмотрела.

Тот спросил запинаясь и от смущения мелко покашливая:

— Муся, слушай, а откуда ты знаешь все это? Что за мною придут и что мне теперь требуется «заместитель»? Кстати, я тут на днях услышал имя Ведьмака. Извини меня, Муся, это не тебя так зовут?..

— Меня, — ответила Муся после некоторого молчания.

— Почему?

— Потому что через меня она отдает приказания, потому что именно я говорю им, что делать, и потому что я рассказываю «ночные истории»...

— Ты с ней общаешься непосредственно? — вздрогнул Сергей.

— Нет, со мной она даже ни разу не разговаривала...

— Тогда как же?

— Я просто догадываюсь обо всем. Иногда, бывает, что — снится и повторяется. А бывает, что — раз, и вдруг какое-то озарение... Может быть, она мне внушает, а быть может, я — сама. Ничего, Сергей Николаевич, скоро это закончится...

— Как закончится? — не понял Сергей.

— Ну, в том смысле, что скоро я повзрослею. Постепенно привыкну, и она от меня отвяжется. Это — только для маленьких, для недоростков, для мелюзги. А к привыкшим она

уже относится равнодушно. Если сами они, разумеется, не восстанут против нее. Вообще — она не такая уж злая, как кажется.

Сергей резко спросил:

— А учитель Мамонтов и Котангенс — я имею в виду Арнольда Петровича — ее работа?..

Муся кивнула.

— А пропавшие двое ребят: из третьей школы и Вася Байкалов?..

— По-видимому...

— Вот, — заметил тогда Сергей. — А ты говоришь: не злая...

Девочка Муся ударила кедом по угольной головешке:

— Ну, как вы не понимаете?! Она и в самом деле не злая. Она просто не любит, когда ей в чем-то препятствуют — когда кто-то не слушается или кто-то выступает против нее. Вот тогда она, разумеется, бывает жестокой. Но ведь если ее не трогать, она никому не мешает. Ну — пугает, ну — иногда кого-то наказывает. Но ведь с возрастом отстает и забывается постепенно. Главное — не надо ее раздражать. Пусть она сама по себе, а мы — как-нибудь. И потом, тут все равно ничего нельзя сделать!..

Муся кричала, но — шепотом, у нее сильно сморщился лоб, а большие глаза растворяли лицо во влажном отчаянии.

— Я вас очень прошу, Сергей Николаевич, не надо ее сердить, а то кончится тем, что она рассердится по-настоящему и тогда заберет у вас что-нибудь дорогое...

— Тотошу, ты хочешь сказать. Так Тотошу она уже забрала, противная гадина. Тотошу я ей никогда не прощу...

Девочка Муся молчала. Только скулы ее болезненно заострились, и прорезались складки, ведущие от носа к губам.

Она точно осунулась.

Сергей понял.

— Дрюня!.. — выдавил он жутким голосом. И вдруг заорал — так, что разлетелись из ивняка какие-то птицы: — Когда ты в последний раз видела Дрюню?!

Он готов был куда-то бежать — что-то делать, крушить, что ему подвернется. Сердце у него катастрофически разбухало, а в затылке как будто лопались тонкие жилочки.

— Дрюня!!

Однако Дрюня уже вылезал из зарослей ивы, и угрюмое замкнутое лицо его выглядело недовольным.

— Ну что ты кричишь, папа?

— Домой, немедленно!..

— Папа!..

— Я тебе говорю: домой!..

Удар должен был быть нанесен, и протискиваясь в ивняк вслед за Дрюней, Сергей оглянулся: среди пепла костра, будто серые змеи, зашевелились прогоревшие головни...

11

Все было достаточно привлекательно. Сначала ели жареного судака, к судаку подавался чеснок, приправленный майонезом. Можно было с ума сойти от этого судака. Затем появилось мясо: запеченное в тесте и представляющее собой подрумяненные язычки. К мясу тоже был подан какой-то особенный соус. А когда все отдулись и наступило некоторое осоловение, то неутомимая Ветка внесла громадный «наполеон» — весь пропитанный кремом и разукрашенный кусочками шоколада.

Вид у этого «наполеона» был потрясающий.

— Ой, девки... — в притворном ужасе простонала Татьяна. — Пощадите простую советскую женщину. Растолстею — мужики не будут любить...

Она замахала руками.

— Ничего, — спокойно ответила Лидочка, придвигая розетку. — Мужики лишь прикидываются, что любят спортивных и тощих, а на самом деле им подавай — побольше и попышнее. Что бы было к чему приложить усилия. Правда, Сереженька?..

— Ну... бывает по-разному, — дипломатично ответил Сергей.

— Нет, ты нам как специалист объясни!

— Какой я специалист...

— Девки, он просто признаваться не хочет. А ведь — любит, любит, чтобы всего было много!

— Любишь, Сережа?..

— Мы никому не расскажем!..

Обе они игриво подталкивали Сергея. Лица у них раскраснелись, и виновата в этом была бутылка «Твиши», которую уже опорожнили.

Ветка с некоторым пристуком опустила «наполеон» на середину стола.

— Ладно, ладно, — сказала она грубовато. — Между прочим, у вас свои мужики имеются. Нечего тут на чужого мужа наваливаться. Лидка, я кому говорю: отодвинься!..

Впрочем, до серьезного инцидента все-таки не дошло: Лидочка тут же отпрянула от смущающегося Сергея и, мгновенно получив за это кремовый огромный кусок, принялась уплетать его, прихлебывая кофе из чашки. Выражение глаз у нее стало сосредоточенное. Вероятно, это занятие поглощало ее целиком. Татьяна же, оставшаяся без напарницы, не решилась одна продолжать рискованную беседу, а, вздохнув и какое-то время поколебавшись, в свою очередь погрузилась в слоено-кремовое великолепие.

Таким образом, ситуация разрядилась. Воцарилось молчание, лишь изредка прерываемое — Ах! и Ох! — да из комнаты Дрюни докатывалась музыка магнитофона.

Дрюня, видно, «балдел» — или как это у них называется.

Впрочем, долго так продолжаться, естественно, не могло, Лидочка, несмотря на субтильность, мгновенно управилась с тортом и, пока отказавшись от предложенной ей тут же добавки, закурила, пуская под потолок волны рыхлого дыма.

— А что, девки, — небрежно сказала она. — А вы слышали самые последние новости? Ну — насчет того, что нашли растерзанный манекен? Ну, быть может, не манекен, а куклу, — мне Харитоша рассказывал...

— Это — нынешней ночью? — спросила Татьяна. — Девки, просто жуть, что у нас происходит!

У Сергея задрожала в руках чашечка с кофе.

— Какой манекен?

А Татьяна от этих слов даже подпрыгнула.

— Разве ты не слыхал?..

— Постовые наткнулись...

— Думали, что убийство...

— Весь город гудит...

Они обе обрадовались, что появился, наконец, свежий слушатель, и, перебивая друг друга, выложили подробности.

Прошлой ночью, оказывается, милицейский патруль, регулярно теперь прочесывающий городские кварталы, обнаружил неподалеку от универсама тело мужчины, у которого была оторвана голова, а часть туловища — расплющена и превращена в ужасное месиво. Находился он на проезжей части дороги и, наверное, брошен был здесь совсем недавно. В общем, зрелище удручающее, поначалу предполагалось, что мужчина убит, и патруль даже вызвал подмогу, чтобы начать поиск преступника, но при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что лежащее тело представляет собой не человека, а куклу, — сделанную из разных тряпок и старых газет и раскрашенную, между прочим, с большим искусством. Кукла была одета в рубашку и джинсы и издалека действительно походила на человека. Она даже была обута в ботинки, зашнурованные и прибитые к деревянной основе. Работа — чудовищная. Оставалось лишь непонятным: то ли кто-то бездарно и легкомысленно пошутил, то ли куклу изготовил убийца и дает таким образом знать о готовящемся преступлении. Эту версию Татьяна считала более вероятной. К сожалению, скрыть происшедшее не удалось, население взбудоражено, милиция пребывает в растерянности. В общем, девки, на улицу страшно выйти.

Закипела сумбурная и длительная дискуссия. Лидочка, опираясь на мнение Харитона, полагала, что все это — ерунда, неудачное стечение обстоятельств, бывает, а Татьяна утверждала с пеной у рта, что какие-то там обстоятельства здесь ни при чем, просто власть растерялась, не могут обеспечить порядок, идиоту понятно, что в городе появился маньяк, и пока его не посадят, никто от нападения не застрахован. Посмотри, говорила она: уже два человека убиты — стечение обстоятельств? Нет, моя дорогая, беспомощность городских властей! Не умеют работать, и нечего сваливать на обстоятельства. Она была в этом полностью убеждена. Однако Лидочка тоже не собиралась сдаваться. Под сомнение ставилась честь Харитона, тут нельзя было отступать. И, наверное, возникло бы нечто вроде скандала, потому пошло на принцип — кто все-таки прав, — чрезвычайно разгорячились и говорили

повышенными тонами, но тут Ветка опять разложила им по розеткам толстенный «наполеон», долила крепкий кофе и, разделив остатки «Твиши», предложила, показывая, что дальнейшая дискуссия неуместна:

— Девочки, давайте выпьем за нас. Все-таки хорошо, что мы пока еще вместе.

В результате конфликт был погашен без осложнений. Танька с Лидочкой чокнулись, презрев разногласия, и, прожевывая мякоть торта, без какой-либо логики объединились на общей платформе. Лидочка поругивала Харитона за то, что не разрешает уехать, — дескать, мэр, его семья должна быть примером, а Татьяна — за то, что не дают хотя бы неделю в отгул: раз работаешь в горсовете, изволь соблюдать дисциплину. Горсовет считает, что обстановка нормальная. Тем не менее, неприятное что-то в атмосфере осталось. Ссора, может быть, и не ссора, а некий неуловимый оттенок. Это чувствовалось, и Ветка, обтерев губы, сказала:

— Но вы, девочки, не беспокойтесь, Сережа вас развезет. Развезет и посмотрит, чтобы с вами ничего не случилось. Сидите, сколько хотите.

Сергей кивнул.

— Н-да, история...

У него в мелком тике задергалось веко. Потому что обнаружили прошлой ночью не куклу — обнаружили «заместителя», как это теперь называлось. И не просто какого-нибудь, а того, что был изготовлен Дрюней. Значит, «заместитель» растерзан, теперь они беззащитны. Он смотрел на сгущающуюся за окнами темноту — солнце село, деревья в саду казались купами мрака — и буквально всем сердцем угадывал пробуждающуюся силу полуночи. Тьма неукоснительно надвигалась. Наступало время расплаты. Он не знал, откуда именно будет нанесен новый удар, но он чувствовал, что такой удар последует непременно. Завтра или, быть может, сегодня, сейчас. И поэтому, когда Лидочка вместе с Татьяной все-таки начали собираться, то в отличие от Виктории он не стал уговаривать их еще посидеть, а, поднявшись, прошел к чуланчику, в котором хранились разные инструменты, и, ни слова не говоря, прихватил небольшой удобный топорик, блеснувший металлическим лезвием.

Именно у чуланчика застал его Дрюня, выглянувший из комнаты.

— Едешь? — после выразительной паузы спросил он.

— Еду, — стеснительно пряча оружие, ответил Сергей.

— Ты бы не ездил, папа...

— Ладно. Ничего со мной не случится...

Он хотел добавить еще, что, может быть, не так все и страшно: половина девятого, Альдина вряд ли в такое время покажется, но уже накатились Татьяна и Лидочка с поцелуйным обрядом, недовольная Ветка вручила ему ворох игрушек: «Это для Татьяниного цурепопика!» — Дрюня благоразумно исчез, Сергей бросил ему сквозь двери: «На улицу не высовывайтесь!..» и, лишь разворачивая в переулке машину и оглядываясь, чтобы не зацепить близлежащий валун, он вдруг с замиранием сердца сообразил, что игрушки игрушками, а топорик он позабыл на полу у чуланчика...

Лидочку они доставили благополучно. Она жила сравнительно недалеко, в новом высотном доме, вздымающемся над Торговым центром, чистая ухоженная парадная была щедро освещена, правда, Харитон из мэрии еще не вернулся, но на звук открываемой двери выглянула в прихожую Лидочкина Натали и, состроив недовольную мину, предупредила, что у нее сейчас сидит пара приятелей. Ну, там, музыку послушать, поговорить. Так что ты, мамхен, знаешь, того, не слишком отсвечивай. У тебя своя жизнь, у нас — своя. После чего втянулась обратно в комнату и оттуда послышался звук поворачиваемого ключа, а потом действительно — завывания, обозначающие современную музыку, причем громкость была такая, что Лидочка всплеснула ладонями.

— Вот, что тут сделаешь, — беспомощно сказала она. — Хоть ругай, хоть проси — абсолютно никакого внимания. Врубит так, что прямо уши закладывает. Хоть милицию вызывай, отца только и слушается...

Она расстроилась.

— Ладно, — сказала Татьяна. — У меня с моим Генкой — нисколько не лучше. Как начнет чем-то там колотить — люстра подскакивает. Ну и что? Ну, и мы такие же были...

Лидочка махнула рукой.

В общем, так или иначе, но за нее можно было не волноваться. Зато с Татьяной все оказалось намного сложнее. И проблема заключалась не в том, что жила она на окраине города, но и том, что для нее действительно многое заключалось в решительном «ну и что»?

Во всяком случае, едва Сергей снова двинулся с места и едва, выжав скорость, погнал по проспекту, открывшемуся пустотой, как Татьяна, заметно взбодрившись и закурив сигарету, повела рискованную беседу на известные темы. Начала она с исторического предназначения женщины, но мгновенно съехала к тяготе общественных норм, а закончила тем, что поскольку Генка сегодня ушел с ночевкой, то квартира свободна и можно добавить по рюмочке.

Намек был более чем прозрачный. А к тому же Татьяна для убедительности закинула ногу на ногу, и короткое платье ее поехало выше бедер. Сергей невольно туда поглядел. И нельзя сказать, что увиденное ему не понравилось. У него даже дрогнул руль в напряженных руках, и машина вильнула — довольно-таки заметно. А Татьяна эту его слабину немедленно просекла и придвинулась, насколько позволяли сиденья.

— Ночь какая-то сумасшедшая, — сообщила она. — Тишь, теплынь, так и хочется покуролесить...

— Младший-то у тебя где? — на всякий случай поинтересовался Сергей.

— Младший? Младший сейчас у свекрови. Задушевная женщина: взяла его к себе на неделю. — И она откровенно прогнулась, чуть не вылезая из платья. — Ну что, заглянешь?..

Сергей смотрел на дорогу.

— Татьяна, вы же с Веткой подруги, — неловко сказал он. — Вместе бегаете по магазинам, она тебя в дом приглашает. И вдруг — с ее мужем...

— А что? — настороженно спросила Татьяна.

— А то, что это не принято.

Тогда Татьяна откинулась и с ужасной силой пустила дым в боковое окошечко.

— Дурак ты, Сережа, — спокойно сказала она. — Осуждаешь, учитель, а, собственно, за что осуждаешь? Мужик-то мне все же нужен. Не в столице живем: я не могу приглашать

первого встречного. Разговоры, и все такое, Генка узнает. А с тобой — что привлекает — надежно. Между прочим, от Ветки-то твоей не убудет. Ветка, знаешь, у тебя — огнеупорная...

Сергей сказал жестко:

— Дело здесь не в Виктории, просто, видимо, что-то этакое не позволяет. Ты, наверное, обидишься на меня — не могу. Как я после этого буду с вами общаться?..

В его голосе прозвучала некая назидательность. Татьяна хладнокровно молчала. Лишь когда асфальтированная часть проспекта закончилась и «старичок» подскочил на ухабе, она затянулась в последний раз и выбросила сигарету:

— Ух, как я вас всех ненавижу!..

Больше они на эту тему не сказали ни слова. «Старичок» повернул между зданий, которые казались заброшенными, и, скользнув светом фар по кустам, заполняющим двор, с мягким шелестом остановился у одного из подъездов.

Освещение в нем отсутствовало, поднимался до самой крыши чернильный оконный пролет, и разболтанная наружная дверь образовывала громадные щели в проеме.

Впечатление было не слишком радостное.

— Ну хоть до квартиры меня проводишь? — спросила Татьяна. — Опять у нас лампочки выбиты. Неприятно.

— Конечно, — сказал Сергей. — До квартиры, и вообще прослежу, чтоб все было в порядке. Можешь не беспокоиться...

Он собрал ворох игрушек на заднем сиденье. Ворох, надо сказать, получился необычайно громоздкий. Вероятно, Виктория добавила что-то самостоятельно. Нагрузился он поэтому под завязку, а пластмассовую короткую саблю просто сунул в карман. Тем не менее, рук, чтобы все держать, не хватало; беспокоило то, что движения у него теперь были скованные, возникало поэтому некоторое чувство беспомощности, и однако зловещую темную лестницу они миновали спокойно, — без каких-ибо происшествий поднялись на площадку нужного этажа, и Татьяна, повозившись с ключами, дернула ручку. А потом, исчезнув внутри, зажгла электричество.

Сразу стало понятно, что бояться в общем-то нечего: на площадке — хабарики и мусорное ведро. Сергей сгрузил игрушки в прихожей, а Татьяна, дождавшись, пока он освободится, спросила:

— Может, все же зайдешь? Не вина — так на чашку чая с вареньем. За варенье Виктория тебе устраивать сцены не будет...

— Извини, поздновато, — ответил Сергей.

А Татьяна вдруг глянула на него с какой-то печальной сосредоточенностью.

— Ну смотри, а лучше бы ты зашел. — И добавила, словно они прощались надолго: — Береги себя, я буду за тебя волноваться...

Сергей тихо вздохнул. Почему-то ему стало очень жалко Татьяну. Энергичная, вроде бы, женщина, могла бы многое сделать, а вот — крутится, крутится, и никаких результатов.

Впрочем, о Татьяне с ее проблемами он тут же забыл, потому что, спустившись по лестнице до середины пролета, он вдруг обостренным за последние две недели чутьем, будто суслик, почувствовал, что на площадке первого этажа кто-то топчется.

Сергей замер. От досады и дикого страха у него чуть не брызнули слезы из глаз. Это надо же было так по-дурацки попасться. Ведь и помнил про осторожность, и Дрюня предупреждал. И вот на тебе — действительно, будто суслик.

Он перевел дыхание.

Вероятно, можно было вернуться обратно к Татьяне — отсидеться, тем более, что она приглашала, это было бы, наверное, самое подходящее, но едва он представил, что надо подниматься наверх, как немедленно понял, что добежать он никуда не успеет, трех шагов не пройдет, как получит смертельный удар, повернуться — это значит оставить незащищенную спину.

Внизу что-то быстро переместилось.

Звук был легкий, будто двигалось привидение. Различить хоть какие-нибудь детали во мраке было нельзя. Лишь немного угадывались косые щели парадной. И угадывалось пространство бетонной лестничной клетки. Там, наверное, были ступеньки, спускающиеся в подвал, и обычный дворницкий закуток, где хранились лопаты и метлы. И оттуда, от предполагаемого дворницкого закутка, от коробки дверей, которая проявлялась, как фотография, от бетона, вознесшего слева и справа шершавость стены, вдруг повеяло холодом, как

из промерзшей могилы, и по холоду этому стало ясно, что оно приближается.

Далее произошло что-то невнятное. Черная огромная тень вдруг надвинулась, вырастая до балок, темнокожие пальцы ее угрожающе шевелились, резкий мертвенный холод, казалось, проник до костей, было в нем, как в уколе, нечто парализующее. Сергей отшатнулся. Он сжимал в руке пластмассовую рукоятку сабли. Кожа ощущала пупырышки. Он не помнил, откуда эта сабля взялась, — вероятно, игрушку забыл оставить Татьяне. Впрочем, что могла сделать тупая легкая загогулина — это было смешно. Тем не менее, Сергей ткнул толстым клинком вперед: что-то чмокнуло, клинок погрузился, как в студень, и вдруг женский отчаянный крик заметался в парадной. Боль, и злоба, и изумление звучали одновременно. Отраженное эхо запрыгало по этажам. Многопалая тень неожиданно выгнулась и опрокинулась. Падала она куда-то к дворницкому закутку, и, шурша, осыпалась, по-видимому, сцарапываемая побелка. Совершенно не разбирая ступенек, Сергей ринулся вниз и, едва не свернув себе шею, выкатился на улицу.

Он действительно не понимал, что, собственно, произошло. Неужели отбился, или, может быть, ему все это почудилось? Но — сияли во внутренности двора туманные фонари, дверь парадной еще немного покачивалась, а с пластмассового игрушечного клинка тихо капала на асфальт ужасная жидкость — несомненно тягучая и напоминающая машинную смазку.

Клинок был перепачкан ею до половины.

А когда он, слегка отдышавшись, затравленно поднял глаза, то увидел за стеклами третьего этажа неясные бледные очертания. Вероятно, Татьяна сильно прижималась к окну, и лицо ее вместе с ладонями казалось расплющенным...

12

Разумеется, не обошлось и без некоторых накладок. Неизвестно, кому пришла в голову мысль провести церемонии с разрывом всего в полчаса, но в итоге, отстояв среди крестов и оград необходимое время, претерпев официальные речи Герасима и Семядоли, посмотрев, как вырастает над зевом могилы свежий холмик земли, а потом в одиночестве, под кри-

ки ворон пошатавшись по кладбищу, Сергей вынужден был просмотреть все это как бы по второму заходу: те же речи и тот же торжественный ритуал, повторившийся неподалеку от первого до мельчайших деталей. Только в этот раз хоронили уже не Котангенса, а учителя Мамонтова, и помимо школьного коллектива присутствовала еще и кучка родни, и сама церемония была несомненно короче, и натужные речи сопровождались тихими разговорами. Перешептывались, в основном, насчет последних событий, сообщали подробности — по большей части невероятные. Например, что это действует организация бывших учеников, в свое время обиженных и вознамерившихся расквитаться. Или что маньяк, например, из учительского состава — погибают-то, как ни крути, сплошные учителя, и, наверное, он таким образом стремится занять место директора. Ну, а что ж вы, товарищи, думаете, это — вполне. Сергея от таких шепотков передергивало. В остальном же вторая церемония не отличалась от первой. Разве что на отдельной подушечке присутствовали медали и ордена, скромный Мамонтов был когда-то артиллеристом, и поэтому временами казалось, что хоронят солдата.

Впрочем, так оно, вероятно, и было. Странное мистическое сражение полыхало в городе. Не стреляли в этом сражении автоматы и пушки, не участвовали в нем дивизии и штурмовые полки, не было здесь окопов, которые атаковал бы противник, — только ночь, только тени, встающие из кромешной тьмы, — но сражение, вне всяких сомнений, происходило: то один, то другой из его участников падал, чтобы уже не подняться. И конца веренице погибших не было видно. Сергей чувствовал, что он здесь — следующая мишень. Выстрел грянет, укрыться от него будет некуда. Возвращаясь городскими окраинами с кладбища, он думал об этом. Было все-таки непонятно, что именно вчера вечером произошло. Нападение — но почему оно закончилось неудачей? Почему Альдина в итоге не расправилась с ним? И каким-таким образом ему удалось отбиться? Ночь, ловушка, чудовище, выползшее из дворницкой. И промозглость могилы, которая его чуть было не поймала. Ведь не должен он был спастись, а все-таки уцелел. Неужели какую-то роль сыграла детская сабля? Нет, наверное, нет, игрушка-то здесь при чем?

Сергей вспомнил, как он трогал вчера тягучую жидкость. Жидкость с чмоканьем падала на асфальт, и похожа она была действительно на машинную смазку — загустевшую такую, отталкивающую, вонючую. Его, помнится, чуть не стошнило прямо на мостовую. Саблю он, во всяком случае, выбросил. Нет, игрушка здесь, скорее всего, ни при чем. Но ведь что-то же помогло ему выжить и даже отбиться.

Во всем этом присутствовала какая-то простая загадка. Еще шаг, еще малость усилия, и ответ на нее будет найден. Требуется совсем немного. Однако усилие не помогало, серый мутный туман как будто пропитывал голову — размягчал вялый мозг, рождал тоскливую безысходность. Не было никакого желания о чем-либо думать. Сергей тупо тащился по улицам, возвращаясь домой. Солнце превратило в окаменелости прежнюю грязь, очумело торчали из-под заборов лопухи и крапива, а на середине площади, которую ему все-таки пришлось пересечь, как языческий идол, стоял в одиночестве дядя Миша.

Он увидел Сергея и развернулся к нему, как трактор.

— Вот поставили, — сообщил он, когда Сергей подошел. — А чего поставили — и сами не знают. Наблюдайте, говорят, товарищ сержант, за порядком.

Он свирепо обозрел притихший бетонный простор — даже тени от зданий, казалось, стали короче. А сам дядя Миша, проявив таким образом служебную суть, шумно выдохнул и приблизил к Сергею распаренную физиономию.

— Пекка совсем озверел, — сказал он, понизив голос. — Каждый день у него теперь — совещание. А сегодня вдруг объявил мне о служебном несоответствии. Вероятно, ему самому намылили шею. Ну — за обыск и вообще за отсутствие результатов. Я теперь опасаюсь, как бы он не отыгрался на нас. А ты — с кладбища, ну как там, вообще, ситуация?

— Нормально, — сказал Сергей.

Он не знал, что подразумевает под этим словечком «нормально». Дядю Мишу, однако, такое известие удовлетворило. Он опять шумно выдохнул и вытер багровый лоб. Сообщил — тем же заговорщицким, пониженным голосом:

— Видел я сегодня эту... Альдину. Магазин она открывала, а я как раз подошел. Смотрю: бледная вся, рука на перевя-

зи. Значит, я: Где повредили руку, Альдина Георгиевна? А она — шур-шур-шур, да так, бытовая травма. Дескать, что-то там неудачно откупорила. Губы, значит, поджала, глаза — как булавочные головки, и все целится к магазину, мол, извините, товарищ сержант, — юрк за дверь и, значит, засов задвигает. Это чтобы я, значит, не пошел вслед за ней. А рука у нее все-таки неспроста перевязана. Ты, Сережа, ничего об этом не знаешь?

— Не знаю, — ответил Сергей.

Ему очень не нравилась судорожная болтливость сержанта. Дядя Миша как будто боялся хоть на мгновение замолчать: наклонялся к Сергею, трогал его за плечи, поднимал ежесекундно фуражку, промакивая потную плешь. Это было на него совсем не похоже. Что случилось, быть может, он выпил сегодня? Алкоголем, однако, от постового вроде бы не несло, и тогда Сергей, повинуясь интуитивной догадке, поинтересовался:

— Дядя Миша, а ночью вам ничего такого не снилось?

И немедленно поразился, какое это произвело впечатление. Дядя Миша осекся, насупился, сунул платок в карман и сказал уже совсем другим, неприязненным голосом:

— А что?

— Да нет, я просто спросил, — ответил Сергей.

— Вы имеете что-нибудь сообщить по этому поводу?

— Да нет, в общем — нет.

— А тогда попрошу не отвлекать меня посторонними разговорами. Проходите, Сергей Николаевич, я — на службе.

— Дядя Миша!..

— Я вам говорю, гражданин!..

Брови у него недоброжелательно сдвинулись.

— Извините, товарищ сержант, — сказал Сергей. — Я действительно вас отвлекаю. Прошу прощения...

И пошел через площадь, чувствуя у себя за спиной пронзительное милицейское наблюдение.

Со смертью один на один.

И однако, сворачивая на проспект, он, не выдержав, обернулся: дядя Миша торчал на пустынной площади, как истукан, и отсюда казалось, что в нем нет ничего человеческого.

Сергей вяло махнул ему зачем-то рукой, но нахмуренный дядя Миша даже не шелохнулся...

Дома его ожидало некоторое потрясение.

Когда он, задержавшись немного у почему-то увядающих гладиолусов, разрыхлив отвердевшую землю и выдернув два-три сорняка, неохотно, с каким-то даже нехорошим предчувствием поднялся через веранду в зашторенную гостиную, то увидел там Ветку, сидящую так, словно она проглотила кол, а напротив нее — тоже выпрямленную седую старуху, у которой проглядывала на макушке лысинка из-под редких волос.

Это старуха была ему вроде бы незнакома. И лишь когда она обернулась на звуки шагов, поведя головой и даже, как показалось Сергею, скрипнув суставами, то он, чуть не споткнувшись, узнал в ней изменившуюся Семядолю.

Выглядела она ужасно. Если раньше старение тронуло ее лишь чуть-чуть, то теперь она находилась будто в преддверии смерти: вся увядшая, покрытая старческими морщинами, причем кожа, как у рептилий, давала землистый отлив, а мешки под глазами казались заполненными чернилами. Хуже всего были волосы — очень жидкие, вылезающие, по-видимому, целыми прядями, — голова из-за этого походила на плотницкую болванку, а на темном, унылом и явно непроглаженном платье красовались неряшливые пятна еды — их как будто счищали, но так до конца и не счистили. И высовывались из-под мятой юбки чулки доисторического происхождения. Где она такие чулки раскопала? Сергей просто не представлял, что можно так измениться за несколько дней. Почему-то на кладбище она выглядела заметно приличнее. Или, может быть, расстояние скрадывало детали?

— Добрый день, Маргарита Степановна, — протяжно сказал он. — Вы ко мне? Извините, я тут слегка задержался... Может, чайник поставить? День сегодня — печальный...

В замешательстве он обернулся к Ветке, рассчитывая на нее, но благоразумная Ветка, конечно, уже испарилась — только скрипнула дверь, закрываемая, по-видимому, поплотней, да едва различимо прошелестели шаги по направлению к кухне. Ветка не желала участвовать в разговоре.

Впрочем, может быть, это было и к лучшему — Семядоля, по-прежнему выпрямившись и дернув деревянной щекой, приказала директорским голосом, который звучности не утратил:

— Ничего не надо! Сядьте, Сережа!

Интонации были — как будто она разговаривала на педсовете.

Сергей робко сел.

А Семядоля, дождавшись, пока он устроится на диване, объяснила, показывая, что возражений она не потерпит:

— Разговор у нас будет, Сережа, очень серьезный. Попрошу меня поэтому не перебивать и внимательно отнестись к тому, что вам будет сказано.

— Разумеется, — быстро кивнул Сергей.

— Говоря откровенно: настроения в коллективе складываются ненормальные. Школьники чересчур взбудоражены, я не знаю, как нам удастся теперь наладить учебный процесс. Их родители — и возмущены, и напуганы одновременно. Впрочем, родителей в такой ситуации можно понять. Я не умаляю вины милиции, которая создала вокруг школы нездоровую обстановку, — да и бог с ней, с милицией, пусть милиция сама отвечает за все, — но как представитель администрации я не могу пройти мимо того, что отдельные учителя нагнетают своими поступками некоторую напряженность. Я не могу пройти мимо того, что они поддерживают в опасных заблуждениях учеников — возбудимых и пока еще не имеющих четкого мировоззрения. И, конечно, я не могу допустить, чтобы они, пренебрегая традициями, противопоставили себя коллективу. Это совершенно немыслимо. Как директор государственной школы, я обязана принять меры, это — мой долг. Я надеюсь, что вы, Сережа, догадываетесь, что я имею в виду?

— Нет, — с изрядной долей враждебности ответил Сергей.

Тогда Семядоля понурилась, а затем, как будто в кукольном фильме, чуть-чуть повернула лицо и уставилась на Сергея глазами из мутного целлулоида.

Дряблые веки сморгнули.

— Прекратите, — сказала она голосом, от которого у Сергея мурашки пошли по коже.

— Что именно прекратить?

— Все, что вы делаете...

— Я не понимаю, Маргарита Степановна...

Семядоля наклонилась вперед, и землистое, как у смерти, лицо ее неприятно приблизилось.

— Мы же с вами взрослые люди, Сережа. То, о чем я не хотела бы упоминать, как вы знаете, распространяется не только на школьников: под ударом находятся, к сожалению, и многие учителя — потому что по роду занятий мы как бы возвращаемся в детство. Мы живем с этим детством, мы с ним ежедневно соприкасаемся, и оно, разумеется, накладывает на нас явственный отпечаток. Мы гораздо более восприимчивы к темноте, чем другие. Понимаете, сохранился, ну скажем, этакий родничок — просто кости не отвердели, и в этом месте мы патологически уязвимы: стоит сильно ударить, и начинается адская боль. Правда, вас еще по-настоящему не ударили...

— Это я понимаю, — негромко сказал Сергей.

— Но когда ударят по-настоящему, будет поздно. Может быть, вы тогда и захотите что-нибудь изменить — но уже не получится, действие станет необратимым. И, по-видимому, бессмысленно спорить с тем, что существует века, с тем, что несомненно выходит за пределы нашего понимания. Вероятно, не следует замахиваться на вечное. Так всегда было и так будет — тоже всегда. И не нам с вами менять что-либо в этом круговороте. А к тому же все то, о чем я не хотела бы упоминать, если рассуждать объективно, выполняет и некоторые полезные функции. Жизнь — ведь это не только радость и смех, жизнь — одновременно и все темное, что спрятано в человеке, его древние страхи и его инстинкты животного. От этого никуда не уйдешь. И, по-моему, дети должны на опыте убедиться в том, что темные стороны мира действительно существуют, и в дальнейшем не переступать границу реальности. Так, наверное, будет лучше для них. А издержки здесь весьма незначительны, ну — один, ну, от силы два школьника в год, это ведь ерунда, согласитесь, Сережа. Ведь гораздо больше людей погибает в дорожно-транспортных происшествиях. Не отказываемся же мы на этом основании от автомобилей...

Она вновь замолчала и, наверное, машинально уставилась на него. Ощущалось что-то бездушное — словно действовало и говорило искусственное создание.

От нее даже слабо припахивало пластмассой.

— Короче, — грубовато спросил Сергей, — что вы, Маргарита Степановна, предлагаете?

Семядоля придвинулась и сказала, едва шевельнув губами:

— Я предлагаю мир...

— Мир? Какой мир? — он не сдержал удивления.

— Я вам предлагаю, Сережа, форму нейтралитета. Все наладится, вернется опять на круги своя. Только вы, пожалуйста, ни во что больше не вмешивайтесь: не пытайтесь посеять тревогу, не будоражьте людей. Раньше вам эта жизнь, в общем, нравилась. Вот и возвращайтесь к своим старым привычкам...

— Понятно, — сказал Сергей. — А взамен я, как водится, обрету довольство и благополучие. Например, через какое-то время стану директором школы. Так? Это что, Маргарита Степановна, официальное предложение?

Ему, кажется, удалось по-настоящему зацепить Семядолю. Та обиженно отстранилась и поджала синие губы.

Тем не менее, ответила достаточно сдержанно:

— Да, скорее всего так и будет. Как вы знаете, я в следующем году собираюсь на пенсию, и, конечно, рассматриваются разные кандидатуры. В том числе и ваша, если не возражаете.

— Возражаю, — немедленно ответил Сергей. — Я не собираюсь становиться директором школы.

— Почему, позвольте спросить?

— Потому что вы предлагаете мне не школу, а птицефабрику. То есть вырастить упитанных бройлеров, а потом они, ощипанные, пойдут в магазин. Мне такая работа не по душе. У нас все же — не бройлеры, у нас — дети...

— Значит, вы, как я понимаю, отказываетесь?

Семядоля сморгнула.

— Ни на что другое я, признаться, и не рассчитывала. Что ж, Сергей Николаевич, вы, видимо, знаете, как поступить. И в дальнейшем вам, кроме себя, винить будет некого...

Она медленно, с большим трудом поднялась и, как будто забыв о Сергее, двинулась на веранду.

Походка была неуверенная.

— Не туда, Маргарита Степановна, — сказал Сергей.

— Что?

— Я говорю: не туда...

Тем не менее, Семядоля прошла на веранду и со странной задумчивостью остановилась у полки с цветами. Воздух в горле ее посвистывал, как у астматика.

За окнами было темно.

— Это, кажется, роза, о которой вы как-то рассказывали? Камнеломка, не помню названия...

— Пармакита, — сказал Сергей.

— И произрастает в Тибете?

— Да.

— Ничего, — заметила Семядоля. — Своеобразная форма.

И вдруг, быстро протянув руку вперед, решительным точным движением переломила стебель у основания.

Хрустнули древесные волоконца.

— Вот так, — сказала она...

13

Ему было ясно, что город уже захвачен Альдиной. Душный мрак протянул щупальца почти в каждый дом, и почти каждое сердце уже тронуто было червоточиной страха. Большинство, конечно, об этом даже не подозревало: инстинктивно отстраняясь от необычного и рождающего тоску, но, наверное, некоторые, все же догадывались — например, дядя Миша, иначе откуда такой явный испуг и откуда такая внезапная разговорчивость, которая в нем прорезалась. Словно дядя Миша забалтывал свою нечистую совесть. А что? Очень похоже. Значит, на милицию тоже рассчитывать не приходится. На кого же рассчитывать — Котангенс и Мамонт мертвы, Харитон после обыска в магазине считает все происшедшее бредом. Вероятно, такого же мнения придерживается и Пекка. Ну, а что касается Семядоли, то Семядолю мы только что

лицезрели — видели, во что она за эти дни превратилась. Нет, конечно, про Семядолю можно забыть. Не на кого, выходит, рассчитывать. Одиночество, затерянность в ночной темноте. Сколько долгих тысячелетий уже существует Альдина. Это просто не представимо и не охватывается умом. Вероятно, она появилась еще на заре человечества. Духи, тотемы, отсюда все началось. Протянулось, вплелось в нашу жизнь, стало частью среды обитания. Избавиться от этого невозможно. И не надо, скорее всего, избавляться, зачем? Если жить, не переступая определенной границы, если вовремя, как надлежит человеку, взрослеть, то и мрак, вероятно, тогда не будет никого беспокоить — чуть касаясь дневного мира и собирая незаметную дань, чуть подпитываясь от него, но не вклиниваясь туда слишком сильно.

Никакого особенного неудобства от Альдины не будет. Незаметная дань, вот и все, что ей требуется от человека. Ну и, разумеется, чтобы ей не препятствовали эту дань собирать. Сергей это хорошо понимал. Он только не понимал, откуда вдруг взялись эти ранние тревожные сумерки — вроде бы, никаких сумерек сейчас быть не должно, — возвратился домой он где-то в начале четвертого, с Семядолей они просидели, наверное, минут сорок пять, ну там, может быть, час от силы они могли разговаривать. И вдруг — сумерки, время — девять часов. Непонятно, как это могло получиться.

Он видел солнце, уже до края скатившееся за горизонт, видел тусклые багровые тени, которые расчертили улицу, видел рыхлую темноту, набухающую в дреме кустов. Опускала шершавые листья сломанная пармакита. Безобразная корка в межузлии лопнула, и что-то там голубело. Неужели пармакита пыталась цвести? Вовремя, ничего не скажешь. Счастье — это обыкновенная жизнь, подумал Сергей. Сердце у него болезненно сжалось. Он догадывался, что это, разумеется, неспроста. И когда вдруг заметил девочку Мусю, бегущую от калитки через участок, то еще раньше, чем она добежала и прокричала, задыхаясь: «Скорей!..», он во вспышке озарения понял, что именно там случилось, почему подступает так рано вечерняя темнота и почему приходила к нему постаревшая Семядоля...

14

Ветка была в растерянности. Она бессмысленно хваталась за одно, потом — за другое, отходила, пыталась куда-то бежать, возвращалась, натыкаясь на углы и предметы, и, как заведенная, в тоске повторяла, что заглядывала пару раз к ним в гостиную, видела, как они с Семядолей сидят — молча, вытаращившись друг на друга, — она думала, что они о чем-то беседуют. Да, прошло таким образом почти пять часов. Если б знать, если бы она только догадывалась...

В общем, толку от нее было мало. Сергей даже рявкнул, чтоб оборвать изматывающие стенания. Объяснять ей что-либо, успокаивать было некогда. Времени, как он понимал, оставалось в обрез, и поэтому, бросив на переднее сиденье топорик, распахнув половинку ворот и на бегу крикнув Ветке, чтобы она из дома — ни-ни, чтоб ни шагу и чтобы ни о чем таком даже не думала — он ввалился в «москвич», стоящий, к счастью, вне гаража, и, потеснив уже забравшуюся девочку Мусю, торопливо выехал в переулок, шаркнув по изгороди.

У него внутри все дрожало, но он действовал очень уверенно, двигая соответствующие рычаги, словно поселился в душе совсем другой человек — хладнокровный, расчетливый, — человек этот знал, что делать, и как только «старичок», буксанувший в щебенке, вылез на потрескавшийся щербатый асфальт и пошел, сердито отфыркиваясь, по проспекту, то Сергей, не поворачивая головы, спросил у девочки Муси:

— Когда это произошло? Ты сама это видела? Почему ты решила, что Дрюню похитили?

В горле у него была нервная сухость, а на пальцах, сжимающих руль, проступили от напряжения пятна.

— Его нигде нет, — сказала девочка Муся. — Мы с ним договаривались, что встретимся, а он не явился. Ничего я не видела, я в это время была на поляне, но я слышала крик, который раздался...

— Какой крик? — вильнув баранкой, спросил Сергей.

— Ну, не крик, а, знаете, такой внутренний голос. Если громко — про себя — закричать, то — доносится...

— И ты думаешь, что это кричал Дрюня?

— Я его сразу узнала. У меня в голове загудело: Андрон кричит! Смотрю — угли в костре будто шевелятся. Я, Сергей

Николаевич, чуть не потеряла сознание. Голова — пустая, как бочка, сердце — колотится...

— Дальше, дальше?.. — нетерпеливо поинтересовался Сергей.

— А дальше уже — ничего. Холод какой-то могильный, точно замерзла... Ну, опомнилась — сразу же побежала к вам...

— Альдина? — спросил Сергей.

— По-видимому...

— И куда она его потащила?

— Не знаю...

Они помолчали. Латаный-перелатанный «москвичок» трясся на выбоинах. Скорость была небольшая, однако машина поскрипывала суставами. Сергей это чувствовал. Проще было дойти до «Детского мира» пешком, но ему почему-то казалось, что на колесах будет надежнее. Мало ли что, все-таки какая-никакая защита. Он мельком глянул на девочку Мусю, подавшуюся вперед, — светло-серые выпуклые глаза были прикрыты, а лицо как будто светилось в полумраке кабины. Сергею это не нравилось, и он снова, не поворачивая головы, спросил:

— Где тебя высадить? Я тебя оставлю возле Торгового центра. Только, Муся, пожалуйста, — сразу домой. Не хватало еще за тебя волноваться.

Он так решил.

Однако девочка Муся, не шелохнувшись, ответила: — Я иду с вами — и с такой непреклонностью, что Сергей махнул на это дело рукой. Некогда было разбираться еще и с девочкой Мусей. Он лишь сурово предупредил:

— Ладно, только не вылезай из машины. Я пойду — ты запрись и, главное, никуда не высовывайся. Стекла тоже не трогай, пусть будут подняты.

— Договорились.

— Отлично.

Если честно, то было даже спокойнее, что он не один. Солнце село, багровые тусклые тени померкли, темнота надвигалась на город, и очень хотелось чувствовать рядом живое дыхание.

Пусть хотя бы испуганной девочки Муси.

— Ладно, — сказал Сергей.

Они проскочили площадь, где не было под фонарями ни одного человека, миновав плоский куб Торгового центра, свернули наискосок и, подняв тучу пыли, затормозили напротив яркой витрины «Детского мира». Горели люминисцентные лампы, и свирепые монстры, отгороженные стеклом, глядели на них с равнодушной жестокостью.

Сергей взбежал по ступенькам.

Однако двери магазина были закрыты: обхватив дужки петель, висел огромный замок, и пересекала стекло серебряная змейка сигнализации. Внутри никого не было.

— Дьявольщина! — сказал Сергей.

На мгновение он задумался: а может быть, все-таки обратиться в милицию? Ну — охрана правопорядка, должны как-то помочь. Но он тут же представил себе крепенькую физиономию Пекки — как тот выслушает его и скривит мякоть губ: «Напишите нам заявление, товарищ Алкимов...», а на требование Сергея немедленно отправиться в «Детский мир» объяснит, что у милиции существуют свои методы розыска, заявление будет рассмотрено, ребенка, конечно, найдут, и не надо, товарищ Алкимов, указывать, что нам делать. И сквозь вежливость ужалит намек: опять водки дернул, панику тут устраиваешь.

Милиция отпадала.

Он уже, как помешанный, начал оглядываться, чтобы поднять соответствующий булыган и с размаху пробить им нарядную светящуюся витрину, но стекло бокового окошечка в «москвиче» опустилось, и просунувшаяся оттуда девочка Муся крикнула:

— К черному ходу!..

Совет был толковый. Сергей тут же припомнил, что Котангенс во сне действительно заходил куда-то туда — в три секунды очутился опять в машине и сказал, хлопнув дверцей и выжимая сцепление:

— Молодец, Муся, правильно. Но ты все-таки из «москвича» не высовывайся.

— Я боюсь за вас, Сергей Николаевич...

— Бойся, а из машины не вылезай!

— Мне, Сергей Николаевич, страшно, что она вас как-нибудь — подкараулит...

— Ничего-ничего, мы тоже — не дураки!..

•

Торопясь, он взял с места с ненужной поспешностью; в «москвиче» что-то гукнуло, и он простуженно захрипел. На секунду Сергей испугался — не произошла бы поломка, но мотор лишь чихнул, а потом загудел, выправляясь. Вероятно, ничего серьезного не случилось. Мимоходом Сергей подумал, что он устроит ему внеочередное мытье: смажет, вычистит, поменяет прокладки, каждый винтик подтянет, чтоб больше там ничего не гукало. Дрюню к этому привлечет. Если все, разумеется, завершится благополучно.

Впрочем, думать о профилактике сейчас было не время. Фары жутко выхватывали чернеющие парадные из темноты. Почему-то свет во многих из них отсутствовал. И отсутствовал свет в переулке, куда они завернули. К счастью, ехать здесь было всего метров сто, но Сергей, тем не менее, успел поинтересоваться у девочки:

— Слушай, Муся, а ты с самой Альдиной когда-нибудь дело имела? Что она собой представляет, как с ней вообще обходиться?

Он надеялся, что Муся ему хоть что-то подскажет.

Но спокойная девочка Муся лишь удрученно вздохнула и чуть-чуть, как в ознобе, передернула худыми плечами.

— Я ее даже никогда не видела, — сказала она. — Я ее только чувствую — знаю, что она чего-то боится, чем-то вы ее очень серьезно обеспокоили. И теперь она вас и ненавидит, и опасается одновременно.

— Любопытно, — заметил Сергей. — А чего именно она опасается?

— Я не знаю...

Муся снова поежилась и, откинувшись на сиденье, полуприкрыла ладонью лицо. Она точно высматривала в ночи что-то неразличимое. Сергей вывернул руль, и «москвич» вполз под арку, откуда начинались задворки. Свет успел очертить бетонные стены, помойку и ящики, вздымающиеся штабелями. Проступили решетки, скрывающие первый этаж.

А затем фары погасли, и Сергей тут же затормозил.

Ему вдруг показалось, что на ветровое стекло набросили покрывало. Мрак заполнил кабину, девочка Муся вскрикнула. Разбираться, что там случилось с проводкой, было сейчас не с руки; Сергей, будто катапультированный, вылетел из

машины — дверца хлопнула, шаркнула под ногой деревяшка, — и он замер, выставив перед собой лезвие топора.

Сердце у него так и подпрыгнуло. Двор был страшный, обширный, заваленный тарой и мусором. Звездный свет проникал в него, как в колодец: едва серебрился бетон. А меж выступами и неровностями копились могильные тени. И действительно, одна из этих теней ворохнулась, и вдруг стали угадываться ее пальчатые очертания.

— Пришел все-таки, — сказала она женским капризным голосом. — Значит, все же решил удостовериться собственными глазами. Ну и как? Каково, так сказать, непосредственное впечатление?

Тень, как будто амеба, бесшумно переместилась вперед и расправилась, оказавшись теперь в свободном пространстве. Сергей в эту секунду ясно видел ее: гладкая лиловая кожа, перечеркнутая морщинами, над отеками пальцев — желтоватая кромка ногтей, и обрубок запястья, сидящий на сером бетоне. Словно высунулась из-под земли рука великана. Значит, вот как Альдина выглядит по-настоящему.

Топорик у него задрожал.

— Мне нужен Дрюня, — сказал он, пытаясь придать голосу твердость. — Отпусти Дрюню, и я обещаю, что сразу уйду. Давай разграничим сферы существования. У меня будет — день, а у тебя — ночь и вечер...

Он действительно верил тому, что сейчас предлагал. Но Альдина придерживалась, по-видимому, другого мнения.

— Хо-хо-хо, — сказала она с деревянными паузами, и не сразу дошло, что это означает веселье. — Хо-хо-хо. Какой ты теперь стал сговорчивый. Только жаль, что твоя сговорчивость уже ни к чему. Тот, кто сгинул во мраке, оттуда не возвращается. Это было бы нарушением всех правил и всех традиций. Своего щенка ты поэтому больше никогда не увидишь. Но себя самого ты, наверное, еще можешь спасти. Если ты сейчас оставишь девчонку, а сам вернешься домой. Я тогда даже, пожалуй, не трону твою подругу. Ветка, так ты ее, по-моему, называешь? Или, может быть, ты рассчитываешь на оружие, с которым пришел? Ерунда, оружие здесь бессильно.

Черный указательный палец бесшумно вытянулся к нему, кромка ногтя на нем была действительно желтоватая, а лиловая кожа — сухая и пыльная, как у питона. Волна дикого холода вдруг коснулась Сергея, промерзая, заныли ладони, он взмахнул топором и заметил, как лезвие проскочило сквозь потустороннюю мякоть — вероятно, безбольно и не нанеся повреждений.

Палец медленно распрямился.

— Ну, вот видишь, — назидательно сказала Альдина. — Нет такого оружия, которое могло бы поранить меня. Ты, по-моему, в этом только что убедился. Отдавай мне девчонку и возвращайся домой.

Все-таки она почему-то нервничала. У нее отсутствовало сколько-нибудь сформированное лицо, а высокий безжизненный голос не обладал интонациями. И тем не менее, какое-то беспокойство чувствовалось — в суетливых подергиваниях, в настойчивости, с которой она торопилась его отправить. Точно все же она его слегка побаивалась. И, наверное, если б Альдина сумела свое беспокойство скрыть, то Сергей, вероятно, так никогда ни о чем бы и не догадался, но поскольку она волновалась, он заметил вдруг под указательным пальцем рубец и в каком-то озарении понял, что — это от игрушечной сабли.

Вот, оказывается, в чем было дело! Занесенный топорик остановился и потянул руки вниз. Потому что он и в самом деле ни на что не годился. Мертвое беспомощное железо. Сергея бросило в дрожь. У него даже даже локти ослабли, как будто не способные двигаться. Какой все-таки он безнадежный болван! Разжевали, казалось бы, поднесли на серебряном блюдечке — на, глотай, но и этого почему-то не сделал. А ведь все так доступно и лежит на поверхности. Он как будто опять услышал недавний рассказ: «У меня, Сережа, был с собою меч, знаете, такой — палка оструганная, и прибита короткая поперечина вместо эфеса». Ведь Котангенс потому и погиб, что в этот раз у него была действительно палка — чуть заточенная, но не ставшая, как хотелось бы, настоящим оружием. Вот, в чем дело, мир детей, оказывается, умеет обороняться.

Теперь только б добраться каким-нибудь образом до багажника.

Сергей сделал легкий, почти незаметный шажок назад, и сейчас же девочка Муся, наверное, высунувшись, прошелестела:

— Дядя Сережа, я знаю, чего она опасается...

— Я тоже знаю, — не поворачиваясь, ответил Сергей. — Муся, ты могла бы тихонько открыть багажник?..

— Могла бы...

— Давай побыстрее...

Он скорее почувствовал, чем услышал звяканье связки ключей, а затем осторожное передвижение Муси к задней части машины. Она ступала на цыпочках и, наверное, пригибалась. И ползла еле-еле, чтобы Альдина ее не заметила. Сергей хотел сказать ей, что ключ — плоский такой, разлапистый, но побоялся, что Альдина насторожится. Он еще весь дрожал от своего внезапного озарения, и теперь лишь прикидывал, как выиграть хотя бы немного времени. Хоть чуть-чуть, хотя бы одну минуточку. Только чтобы девочка Муся успела открыть багажник. Ему очень нужна была эта одна минуточка. Но Альдина, вероятно, почувствовала, что он догадался. Или, может быть, не почувствовала, а просто потеряла терпение. Во всяком случае, она приблизилась метра на полтора и сказала, отбросив уже не требующуюся учтивость:

— Я гляжу, что разговаривать с тобой бесполезно. Это ж надо, какой упрямый учителишка попался. И кошмаров он не боится, и собственная жизнь ему не нужна. Ну, теперь пеняй на себя, бóльше не на кого... — Она медленно, как огромный куст, распрямилась и добавила, пожалуй, с некоторым уважением: — А вообще-то, ты, наверное, правильно делаешь, что не веришь. Я б тебя в живых все равно не оставила. Так, по крайней мере, погибнешь, сражаясь...

Она, будто локатор, поймала Сергея в фокус и, слегка довернувшись, неторопливо двинулась на него, чуть подрагивая кончиками согнутых пальцев. От нее исходили волны мертвого холода. Сергей медленно отступал, помахивая топориком. Он уже ощущал, как твердеет на лице открытая кожа. Лед тупыми иголками накапливался в груди. И когда отступать дальше уже было некуда, когда тело Сергея коснулось машины, поставленной поперек, и когда девочка Муся за его спиной прошептала: Сейчас, дядя Сережа, минуточку..., а он сам хотел крикнуть: Не надо, Муся!.. Беги!.. — из-под арки

двора вдруг раздалось громкое: Стой! Стрелять буду!.., а вслед за этим из кривоватого зева ее вывалился запаренный дядя Миша и, как полицейский из фильма, присел — жестко выставив локти и угрожая зрачком пистолета.

— Стой! Не двигаться!..

Фуражка почему-то слетела. Альдина тут же беззвучно развернулась к нему и, как локатор, опять поймала в фокус пальчатой чаши.

— Назад, дядя Миша!.. — надсадно крикнул Сергей. — Отходи от нее!.. Не давай прикасаться!..

Голос его сорвался.

Но дядя Миша как будто не понимал — в свою очередь, дико гаркнул: «Серега!.. Уматывайте отсюда!..», а затем в самом деле, как полицейский, еще больше присев, начал часто палить в надвигающееся ночное чудовище. У него не только слетела фуражка, но и волосы на голове поднялись, а рубашка синего цвета вздулась на спине пузырем. Было ясно, что за этим последует.

— Назад, дядя Миша!..

— Трах-бах-бах!..

Выстрелы звучали невнятно, словно превратился в подушку воздух двора — так, не громче, чем откупориваемая бутылка. И, по-видимому, они не оказывали никакого влияния на Альдину, точно пули без следа испарялись, не долетев.

Рикошета и чмоканья попаданий тоже не было слышно.

— Дядя Миша, назад!..

Однако пальцы Альдины уже сомкнулись вокруг присевшей фигуры. А когда они разомкнулись и мрачная ладонь отплыла, то на первый взгляд показалось, что ничего особенного не случилось: дядя Миша как стоял, так и остался стоять, — выставляя из сомкнутых кулаков металл пистолета. Но через секунду стало понятным, что он совершенно промерз — надломились колени, и тело повалилось на землю.

Впрочем, за последнее Сергей поручиться б не мог: всю прошедшую сцену он наблюдал только косвенно, как-то мельком, — потому что при первых же выстрелах бросился к открытому Мусей багажнику и, едва не споткнувшись, принял собранный почти до конца арбалет. Оставалось лишь натянуть леску и вставить стрелу — Муся крепью зубов как раз

сдирала резиновый наконечник. Заняло это, по-видимому, секунды две, но когда Сергей распрямился и увидел опять разворачивающуюся, как локатор, Альдину, то по неуверенности ее мелких движений он вдруг понял, что ситуация изменилась.

15

Выглядело это так: дядя Миша лежал на боку, и весь вид у него был, как у замороженной рыбы, а Альдина огромной ладонью возвышалась над ним, и ужасные пальцы ее, точно в шоке, немного подергивались.

— Брось арбалет, — сказала она. — Ладно, ты меня убедил: получишь своего недоноска. Можешь забирать его с собой прямо сейчас. Только отведи арбалет — еще выстрелит ненароком...

В ее голосе теперь явственно ощущалось волнение. Девочка Муся тут же, в спину, шепнула:

— Не верьте, Сергей Николаевич, она вас обманет...

Сергей и сам это хорошо понимал. Но тогда, извините, как, собственно, быть с Андроном? Где его, извините, найти? Он не видел другого выхода. И — сказал, отводя чуть заметно пластмассовое туловище арбалета:

— Хорошо, я согласен. Но пусть Дрюня хотя бы на глаза мне покажется. Я хочу его видеть. Я должен быть абсолютно уверен...

А Альдина как бы закивала поспешно — подминаясь и сгибая черные пальцы:

— Сейчас. Я его позову...

Она сделала легкое, почти невидимое движение — то ли собираясь идти, то ли чтобы окликнуть кого-то. Сергей так и не понял. А дальше все произошло очень быстро: мрачная гигантская тень распростерлась почти до неба, закричала девочка Муся, сообразившая, наверное, что к чему, волны жуткого холода обрушились на Сергея, он придушенно захрипел, потому что мороз кромсал, как стекло, сердце больно разламывали ледяные кинжалы, указательный палец сам собой надавил на фитюльку спускового крючка, арбалет резко дернулся, стрела свистнула в воздухе, и отчаянный всхлип-рыдание прокатился над тишиною двора — захлебнулось тоской смертельно ра-

неное животное. И Альдина, согнувшись, схватилась за древко стрелы, и качнулась назад — то ли падая, то ли так отступая.

Очертания ее тут же слились с темнотой.

— Скорее! Она уйдет! — крикнула девочка Муся.

Несколько уже подготовленных стрел зажаты были у нее в кулаке.

Сергей зарядил арбалет.

Развернулся зловещий черный проход, идущий в глубь магазина, — ящики высовывали углы, а меж ними наверняка имелись какие-то ниши. Было ясно, что тут-то Альдина на него и набросится: в сердце душного мрака и тесноте, но, по-видимому, рана, нанесенная первой стрелой, оказалась серьезной: Альдины в проходе не было, и лишь когда они пересекли коротенький коридор, вероятно, служивший для погрузки-разгрузки и давящий темнотою, то ему показалось, что из конца этого коридорчика доносятся шорохи.

Резко цыкнула леска, ударившаяся о стопор, и ушла в глубь прохода очередная стрела. Судя по раздавшемуся влажному чмоку, воткнулась она во что-то мягкое. И опять — женский всхлип, в котором звучали ненависть и страдание. Тут же вспыхнул неяркий, но кажущийся ослепительным свет — это девочка Муся повернула пластмассовую рукоятку рубильника. Непонятным казалось, как она этот рубильник нашла, но, по крайней мере, теперь стало видно, что вокруг происходит.

Шансы таким образом уравнялись.

— Спасибо, Муся, — пробормотал Сергей, натягивая тетиву. — Молодец, неплохо соображаешь. Только я тебя умоляю: дальше не суйся. Муся, я тебя очень прошу!

Он пристраивал оставшиеся две стрелы в заднем кармане. Стрелы, естественно, не помещались, но Сергей их воткнул, видимо, между швами.

Что-то, во всяком, случае треснуло.

Девочка Муся ответила:

— Хорошо-хорошо. Вы — идите. Не надо за меня беспокоиться...

— Возвращайся!..

— Я все поняла, Сергей Николаевич...

Коридор был заставлен десятками картонных коробок. Муся, морщась от напряжения, распаковывала одну из них:

через угол стащила бечевку, которая коробку обматывала, разодрала зубами ленту, склеивающую половинки. Некогда было разглядывать, что именно она там достала: лужа вязнущей мокроты поблескивала на линолеуме. Сергей видел уже подобную жидкость после схватки на лестнице, и она образовывала дорожку, скрывающуюся за дверями. Вероятно, Альдина и в самом деле была серьезно задета. И, наверное, следовало поторопиться, чтобы она не спряталась.

Впрочем, прятаться Альдина не собиралась.

Когда Сергей, опасаясь ступать в тягучую кровь, осторожно просунулся в помещение торгового зала, то немедленно за прилавком увидел чуть скособоченный силуэт, и весь вид был такой, как будто она его дожидалась.

Помогал квадрат света, легший из коридорчика, — человеческая рука, наверное, изрядного возраста, потому что вся кожа была в расколах морщинок, а под мясом ладони — бородавки, как у рептилии.

И она была явно стянута к правому боку: арбалетная с опереньем стрела в ее теле уже отсутствовала, и, по-видимому, Альдина скособочилась так, чтобы закрыть края раны. А другая, наверное, неглубокая рана была у нее на мизинце — синеватая пенная сукровица выступила у ногтя и уже подсыхала, образовывая горбатую корочку.

То есть и вторая стрела была пущена не напрасно.

Озадачивало Сергея лишь то, что Альдина поджидает его за прилавком — почему она не пытается спрятаться и почему как бы рада его появлению. Он ведь церемониться не намерен. Он замедлил шаги, которые отдавались по залу. И сейчас же, когда он уже поднимал арбалет, кто-то сильно, как будто клещами, сжал его ногу.

Сергей глянул вниз: странное короткотелое существо, точно леший, поросшее дикой шерстью, обхватило его паучьими лапками за лодыжку и жевало ткань джинсов, похрюкивая в остервенении. Вероятно, оно промахнулось, забив пасть материей, но мгновенно опомнилось и перехватило поглубже. Даже сквозь толстый шов чувствовалось, какие у него сильные челюсти. Сергей пошатнулся. И сейчас же еще один монстрик — зеленый, пластмассовый — вцепился в него клешнями, а по бедрам и в сгибы колен ударило что-то тяжелое. Сергей повалился

на пол. Краем глаза он видел, что приходят в движение зеркальные стеллажи, находящиеся там существа оживают и спрыгивают на линолеум, стекла, прикрывающие витрины, отомкнуты, и ничто не препятствует монстрам выбираться оттуда. Устремлялись они, разумеется, к поверженному Сергею. Впрочем, видел он это действительно краем глаз — трое монстров придавили его, как утюгами, а запястья обеих рук опутывало космическое насекомое. И еще два уродливых монстра сидели у Сергея на животе и, вращая глазами, распарывали на кусочки рубашку. А какой-то похожий на ящерицу хренозавр покусывал бок, и порхала над самым лицом чешуйчатая стреконожка.

В общем, раскурочивали его сразу со всех сторон. Стало ясно теперь, зачем Альдина его дожидалась. Встреча здесь была заранее подготовлена: Сергей бился и никак не мог выбраться из-под вороха монстриков. Были они небольшие, но какие-то очень юркие, и на место одного отпихнутого влезали четверо или пятеро. Справиться с ними было непросто, Сергей кряхтел — и в смятении ощущал, что сейчас попадет в ледяные объятья Альдины. Альдина, наверное, приближалась. И вот когда им уже овладело отчаяние, когда монстрики рассвирепели, а хренозавр по-настоящему вцепился в ребро, и когда Сергей вскрикнул от неожиданной боли, то вместо смертного холода разнеслось по торговому залу странное: пок!.. пок!.. пок!.. — и два чудика, сидящие на груди, панически заверещали. Вместо глаза у левого теперь торчал оранжевый шарик, а у правого монстра такой же шарик торчал вместо уха.

Оба они повалились.

Да и хватка других, между тем, несомненно ослабла. Кое-как Сергею удалось приподняться. Он увидел девочку Мусю, маячащую в коридорчике, и в руках у нее была длинная малиновая труба, и она как-то дергала этой трубой, то удлиняя, то укорачивая, и тогда раздавались те самые — пок!.. пок!.. пок!.. — и из дула трубы выскакивала очередь шариков.

Видимо, это было пневматическое ружье.

Эффект оно производило жуткий: монстры падали, раскалываясь на две половины, в страхе выли, отскакивали, пытались защититься клешнями, а которые поумнее — уже торопились, чтобы спрятаться под витринами. Всех сильней поразил закованный в броню хренозавр: шарик врезался ему в

бок, пробив пластмассовый панцирь, и тогда хренозавр запищал совсем как ребенок, и драконья его зеленая мордочка стала жалобной.

Черт с ним, с этим плачущим хренозавриком! Сергей встал на колени, подняв заряженный арбалет. Надвигающаяся Альдина была уже совсем рядом, и ладонь, чуть согнувшись, уже примеривалась для объятья.

А когда она увидела арбалет, направленный на нее, то, наверное, от испуга резко остановилась и вдруг тихо и жалостливо прошелестела, как девочка:

— По... жа... луй... с... та...

У Сергея даже заныло в груди. Но его указательный палец уже дернул за спусковое устройство. Стрела туго вжикнула — бац! Древко, всхлипнув, вонзилось по самое оперение. Альдина пронзительно ахнула. И вдруг, откачнувшись назад, упала, как будто проваливаясь сквозь землю. Фиолетово-черное тело ее стремительно оседало: две секунды — и только лужа осталась на полу магазина, да и та через короткое время ушла в неприметные щели.

Пронеслось по «Детскому миру» какое-то дуновение — вот и все...

— Муся!.. — кричал Сергей. — Муся, Муся, очнись!.. Посмотри на меня, Муся!.. Муся, ты меня слышишь?.. — Он не на шутку встревожился: Муся куклой, раскинувшись, прислонялась к стене, и лицо побледнело настолько, что казалось безжизненным. Бледные губы слипались. Невозможно было поймать даже дрожи дыхания. И Сергей только тряс ее за вялые плечи: — Муся!.. Мусенька!.. Скажи что-нибудь!..

И одновременно он сжимал рукой арбалет и ежесекундно оглядывался, чтобы не прозевать нападение. Главный зал магазина выглядел, в общем, мирно, неестественная тишина пропитала все здание, и, однако, когда Сергей оборачивался назад, то улавливал краем глаза какое-то шевеление — пританцовывание на месте, стремительное гримасничанье. Словно монстрики о чем-то беззвучно переговаривались друг с другом.

Следовало быть наготове.

— Паутина, — вдруг громко сказала Муся, не поднимая век. — Паутина... Уже навсегда... Нельзя оставаться...

Губы у нее шевельнулись.

— Какая паутина? — обрадовался Сергей. — Муся, Муся, очнись!.. Ты, Муся, живая?..

На мгновение он уловил движение внутри стеллажа — то ли прыгнуло что-то, то ли что-то быстро переместилось. Он прицелил туда арбалет. Но мохнатый коричневый монстрик, похожий на многорукую обезьяну, шевельнувшийся вроде бы, стоял неподвижно, и моргалы его отливали мертвой пластмассой.

Видимо, все же почудилось.

А когда он через мгновение повернулся обратно, то глаза у девочки Муси уже были открыты, и сама она слабо елозила кедами по линолеуму.

— Паутина... — опять сказала она. — Я все видела, дядя Сережа: Красная комната... Помогите, пожалуйста, что-то ноги не слушаются...

Сергей снова спросил:

— Паутина — какая? Какая Красная комната? Муся, радость моя, как ты себя чувствуешь?

Он боялся, что Муся слегка помутнела рассудком. Все же — драма, невыносимые для подростка кошмары. И однако, девочка Муся ответила очень разумно:

— У меня все в порядке, дядя Сережа... Паутина... Красная комната... Скорее-скорее!..

Вытянув руку в царапинах, она показывала куда-то наверх, и, всмотревшись, Сергей заметил нечто вроде грязного полотенца. Оно было длиной, наверное, метра два, все в свалявшихся хлопьях и нитках слюны, противно поблескивавших.

И такие же паутинно-полотенчатые образования, как заметил Сергей, свисали и с люстры, и с пальцев трехлапчатого светильника. Стыки стен и углы потолка тоже были уже обметаны серым — из-под крышки прилавка высовывалось что-то войлочное. Ничего такого ранее, кажется, не высовывалось. Сергей отодвинулся на всякий случай подальше. Ведь недавно ему кто-то об этом рассказывал. Да, конечно, эксперт на квартире у Мамонта. Тот единственный вызов, когда он столкнулся с необъяснимым явлением.

— Скорее, дядя Сережа!.. — стонала Муся.

Сергей поднял ее и поставил у стенки. Муся тут же качнулась и вцепилась в рубашку.

— Ну, держись, держись... — сказал Сергей уже с некоторой досадой. — Потерпи немного, надо отсюда выбраться...

Он не знал, что подразумевает под этим — «выбраться». Надо было не выбираться отсюда, а попытаться найти Андрона. Ведь не мог же тринадцатилетний подросток исчезнуть бесследно. Если Дрюню и спрятали, то именно здесь, в магазине. Надо будет исследовать его пядь за пядью. А не так, как милиция: нашумели и тут же уехали. Он заметил, что и над плинтусом уже появляется паутина, а тот войлок, который высовывался из-под прилавка, стал гораздо длиннее.

Медлить было нельзя.

И Сергей уже начал примериваться, как бы высадить половчее витрину, но серьезная девочка Муся опять взяла его за рубашку и, прикрыв глаза веками, внятно сказала:

— Пойдемте, дядя Сережа, я — слышу...

— Что ты слышишь? — нервно спросил Сергей.

— Лай, по-моему... голоса...

Она повела ладонью по воздуху и вдруг, словно бы что-то определив, потащила Сергея сначала за угол прилавка, а потом — сквозь проход — к директорскому кабинету.

Было не совсем ясно, как она это делает: веки были опущены, и под кожицей их подрагивали яблоки глаз — вероятно, вращались и, как показалось Сергею, пульсировали.

Будто девочка Муся грезила наяву.

— Куда, куда?..

— Идемте, дядя Сережа!..

Лучше было повиноваться; они быстро миновали подсобку, где отсутствовал свет, и, свернув, очутились в уже знакомом Сергею крохотном помещении — там стоял не слишком обширный письменный стол и, как зверь, вздымалась в углу туша бурого сейфа.

Сейф был особенно подозрителен.

Девочка Муся остановилась.

— Вот, — сказала она, поведя направо-налево рукой, и вдруг радостно зашептала: — Собака, дядя Сережа... Вы чувствуете?..

Разумеется, Сергей ничего не чувствовал. Тишина стояла гнетущая, и, тем не менее, после Мусиных слов он и в самом

деле услышал невнятное редкое тявканье — будто за стеной действительно находилась собака.

Голос был явно Тотошин, Сергей узнал бы его из тысячи голосов, и наличествовал он в узком пространстве между сейфом и штабелями коробок. Пространство это ничем особенным не выделялось: крашеная масляной краской, ровная заштукатуренная стена, а над нею — побелка, которая пучилась пузырями.

Муся выставила ладонь против них, и костистые пальцы ее ощупали воздух.

— Здесь, — сказала она, застыв как скульптура. И вдруг завизжала, отшатываясь: — Здесь-здесь-здесь!..

Сергей чуть не выронил арбалет.

Лай стал громче.

— Разбейте, дядя Сережа!..

Сергей выхватил из-за пояса сунутый туда недавно топор и, не соображая, что делает, ударил им в пузырящуюся побелку. Лезвие вошло чуть ли не до половины. Длинная зигзагообразная трещина появилась в стене и вдруг засветилась откуда-то изнутри нездешней багровостью. Точно надрывался в глубине перекрытий красный фонарь. Сергей дернул за рукоять — тут же пласт штукатурки с шумом обрушился, и открылось пространство, как кровью, наполненное малиновым светом. Угадывались в этом свете скорченные фигуры: неестественное переплетение призрачных тел. Сергей нервно отпрянул. И сейчас же четвероногое низкое существо с возбужденным повизгиванием вывалилось оттуда и, успев лизнуть Сергея языком по руке, суетливо запрыгало, выражая живейшую радость.

— Тотоша!.. — потрясенно вымолвил он.

Это был и в самом деле Тотоша.

Но главное, что сразу же вслед за ним, очень медленно, словно робот, у которого заржавели суставы, даже, кажется, с каким-то механическим скрипом выбрался из проема в стене подросток и, слегка развернувшись, остановился, держа на весу ладони.

Он был потрясающе исхудавший, точно сильно обглоданный ярким красным туманом, не проснувшийся, с закрытыми проваленными глазами; потемневшая кожа прилегала у него

к самым костям, а суставы на пальцах прорисовывались с необыкновенной рельефностью.

Он как будто голодал две недели.

— Андрон!.. — страшным шепотом произнес Сергей. — Андрон, Дрюнечка, с тобой все в порядке?..

Сердце у него стучало, как бешеное. Он хотел и одновременно боялся обнять каталептическую фигуру. Он боялся, что эта фигура вдруг упадет — без признаков жизни.

— Андрончик...

И в это время из-за спины его, точно фурия, вырвалась девочка Муся и, по-видимому, не отягощая себя опасениями, бросилась Андрону на грудь.

Щеки у нее блестели — от мокрого. Сладким счастливым страданием исказилось лицо.

— Дрюнечка, Дрюня!..

Звонко тявкнул Тотоша.

И тогда красный свет, вытекающий из проема, померк, и в стене зачернела квадратная ниша, усыпанная штукатуркой. А сам Дрюня с трудом разлепил глаза и повел странным взглядом, как будто еще не проснувшись.

Плечи его передернулись.

— Холодно, — сказал он...

16

Отступали они в полном боевом порядке. У Сергея в руках опять был заряженный арбалет: левая рука полусогнута, указательный палец правой — на спусковом крючке. И солидная куча стрел торчала из бокового кармана. Он их взял за прилавком, где находились товары. Вооружился как следует. В свою очередь Муся держала наизготовку пневматическое ружье, а значительно приободрившийся Дрюня — широкий меч, который он вытащил из витрины. Ему все еще было холодно: он дрожал и непроизвольно лязгал зубами. Дистрофическое лицо коричневело загаром, а глаза и зубы на нем неестественно выделялись. В общем, выглядел он достаточно плохо, тем не менее, взмахивая клинком, пытался возглавить процессию. И Сергею приходилось его мягко осаживать.

«Старичка» они после некоторых колебаний бросили. Из директорского коридора был выход прямо в маленький тупичок, ограниченный с трех сторон наружными выемками магазина, выводил он одним своим концом на проспект, и поэтому возвращаться на задний двор не имело смысла. Не хотелось заново рисковать, возвращаясь. Сергей сердцем чувствовал, что Альдина еще не убита. Появиться она могла в любую минуту, и в любую минуту орава чудовищ могла рвануться на них. Надо было спасаться из «Детского мира» как можно скорее. С этим им повезло. Лишь в подсобке из-за коробок попытался вылезти монстрик, похожий на скорпиона, но едва Сергей навел на него арбалет, как скрежещущее многоногое утянулось обратно. Да еще в переулке, куда выходил тупичок, тоже — стала сгущаться какая-то тень у фундамента здания, но немедленный выстрел из пневматического ружья заставил ее рассеяться.

Больше задержать их никто не пытался. Они двигались по середине проспекта, и перед ними развертывалась летняя ночь. Тишина в центре города стояла прямо-таки неестественная: ни обычного шума из форточек, ни каких-либо случайных прохожих. Окна в глыбах домов уже были погашены, и сияющие фонари придавали всему оттенок пустыни. Точно в городе, кроме них, уже никого не осталось.

Странная это была процессия: мальчик, девочка, взрослый человек и собака. Причем люди сжимают игрушечное оружие, как в бою, а собака бдительно обнюхивает каждую выбоину. Сергей чувствовал, что они составляют как бы небольшую общину: мальчик, девочка, взрослый человек и собака. Не хватает лишь Ветки, но она незримо присутствует. Можно жить, и можно себя защищать. Вероятно, одно из положительных следствий всех этих событий — то, что некая общность людей и в самом деле возникла. И она еще пригодится в просторе будущих лет. Потому что Альдина, наверное, не умерла — только ранена. Да, наверное, она и не могла окончательно умереть. Темнота существовала всегда, и всегда пыталась заполнить дневную реальность — то рождая чудовищ, то превращая в монстров людей. Борьба еще продолжается. Еще долго будут рассказываться истории о Черной Руке. И еще очень долго придется вглядываться со страхом в

вечерние сумерки. Потому что противопоставить этому мраку — нечего.

Он спросил:

— Дрюня, а когда ты был там... ну, внутри... Ты что-нибудь чувствовал?

— Нет, — сказал Дрюня. — Только дурацкий холод.

— А других, которые пропали раньше тебя, не видел?

— Они уже растворились, — сказал Дрюня.

— Растворились?

— Ну там — растворяешься постепенно. Вот они и исчезли...

— Совсем?

— Большей частью.

— Понятно, — сказал Сергей.

Ему действительно было понятно: мрак, и ты растворяешься в нем.

Больше они не разговаривали.

Только когда проводили девочку Мусю и она, помахав им рукой, как видение, скрылась в освещенном проеме, то Сергей, миновав огороды, жуткий дремлющий сад и чернеющие у ограды хозяйственные пристройки, очень тихо, невольно понизив голос, сказал Андрону:

— Ты теперь, наверное, из дома не выйдешь...

— Почему? — удивился Андрон. — Теперь — выйду. Теперь-то как раз не страшно.

И он бодро взмахнул пластмассовым легким мечом — клинок свистнул в воздухе.

Тут же, будто надломленная, опустилась со стоном широкая яблоневая ветвь, а по вытоптанной площадке у дома протянулась зловещая тень, похожая на трехпалую лапу.

Вскидывая арбалет, Сергей обернулся.

Однако это была всего лишь рубашка, висящая на турнике. Рукава ее шевельнулись, по-видимому, от ветра.

— Но-но, — громко сказал отпрянувший Дрюня.

— Значит, не страшно? — переводя дыхание, поинтересовался Сергей.

— Нисколько.

— Ну, и мне — нисколько не страшно...

Он опустил арбалет.

И они, пошаркав о половичок на крыльце, пошли в дом...

БОГИ ОСЕНЬЮ

1

Странное событие произошло в Санкт-Петербурге в конце сентября этого года: в субботу, около четырех часов дня две огромные собаки вынырнули из безымянного тупичка, ведущего к Невскому от Армянской церкви, и, заставив прохожих вскрикнуть от неожиданности, сгустками лохматого мрака ринулись через мостовую. День был выходной, транспорта на проезжей части оказалось немного, и все равно машины, свободно льющиеся по асфальту, резко затормозили, а идущие сзади начали бодро выскакивать «елочкой» справа и слева. Жертв в этом происшествии, к счастью, не было, но наряду автоинспекции вместе с подоспевшим к месту происшествия патрулем потребовалось почти полчаса, чтобы навести порядок. Собаки же — два мохнатых угольно-черных чудовищных водолаза, — даже не оглянувшись на крики и паническое взвизгивание тормозов, проскочили вдоль здания Думы, пугнув вышедшего из Литературного клуба прозаика (прозаик перекрестился и решил, что у него алкогольный психоз), а затем свернули в проулочек на набережную канала и исчезли, словно действительно являлись галлюцинацией.

Более их никто не видел.

Бойкая городская газета, не имеющая подписчиков, зато раздаваемая бесплатно у всех станций метро, откликнулась на происшествие заметкой «Петербург — родина ньюфаундлендов», а солидные «Ведомости», считающие своей обязанностью направлять и воспитывать русский народ, разразились громадной передовой на тему: «Куда идет демократическая

Россия?». Вину за случай на Невском автор передовой возлагал непосредственно на нынешнего президента.

И еще одно загадочное событие произошло в этот день. По отрезку Екатерининского канала, загнутому от Сенной площади в Коломенскую часть города, протянулось даже с каким-то стоном медленное дуновение, темная осенняя вода зарябила, листья, уже скопившиеся у тротуара, закрутились тихим буранчиком, буранчик распался, из него шагнул на асфальт высокий человек в черном плаще до пят, наводящем на мысль о принцах, единорогах, звездочетах и магах. Впрочем, плащ человек сейчас же снял и перебросил через левую руку, прикрыв таким образом меч, притороченный к поясу, и оставшись в кожаной куртке с медными пуговицами, в темных джинсах или, во всяком случае, в чем-то на них похожем, и в красивых полусапожках, куда эти джинсы были заправлены. Одежда, может быть, не слишком обычная, но и не выделяющаяся из разнообразия городских фасонов. Человек поднял лицо, огляделся, кажется, с некоторым любопытством: пожелтевшие сухие тополя вдоль канала, пыль у поребриков, здания, подрумяненные немощным сентябрьским солнцем, — расширив ноздри, втянул холодноватый воздух, сказал: Ну что ж... — по-видимому, самому себе и, неопределенно пожав плечами, двинулся по каналу в ту сторону, откуда не доносилось городского шума.

Набережная в этот час была совершенно пустынна, цокот подковок на полусапожках отскакивал в вязь чугунного парапета, медленный порыв ветра утих, и хотя второе событие было намного важнее первого, появление человека в плаще прошло незамеченным.

2

Разумеется, я в те дни ни о чем подобном даже не подозревал. У меня были свои неприятности, говорить о которых сейчас не имеет смысла. Для меня эти события начались несколько позже, вероятно, через неделю, а именно в тот незабываемый вечер, когда я, засидевшись в одной компании, где отмечали первый день моего отпуска, несколько разгорячен-

ный общением и одновременно опустошенный бессмысленными разговорами, прождав с полчаса трамвай и потому обозленный, после долгой ходьбы чуть ли не через весь город, свернул в свой двор и вдруг в темном его углу, куда свет редких окон почти не достигал, услышал тихий, но очень явственный стон.

Доносился он от скамейки, перед которой находилось нечто вроде песочницы: деревянный, вбитый в асфальт, прямоугольный ящик, где, пересыпая землю, почему-то называемую песком, возились по утрам дети.

Я замер.

А стон повторился — такой же тихий, но слышимый чрезвычайно отчетливо, горловой, проталкиваемый болью сквозь напряженные мышцы, и неожиданно оборвался на всхлипе, будто стонавшему заткнули рот.

Это меня испугало.

Я потом часто думал, а что было бы, если бы я в тот вечер не остановился, услышав его, не стал бы оглядываться, поскольку не очень-то интересно, а просто пожал бы плечами и пошел дальше. Вероятно, тогда вся моя жизнь была бы совершенно иной. Однако, как уже говорилось, я был разгорячен бессмысленными разговорами, тратой времени, идиотским ожиданием на остановке, а потому, не слишком отдавая себе отчет в том, что делаю, шагнул в ту сторону и присел, всматриваясь.

Он лежал между песочницей и скамейкой, судорожно загребая пальцами серую массу песка, и даже при скудном дворовом освещении видно было, что рубашка на груди у него страшно разодрана, сквозь лохмотья белеет голая кожа, и она тоже разодрана, будто металлическими когтями, и он из последних сил стискивает рану ладонью, и на пальцах его блестит что-то липкое, коричневое и противное.

Причем в ту секунду, когда я с замиранием сердца присел, еще не зная, что делать, человек распахнул глаза, удивительно просиявшие светлым холодом, спекшиеся губы его дрогнули, и я понял, что он меня видит.

— Б... а... с... о... х... — просипел он, выталкивая каждую букву по отдельности.

— Что?

— Басох...

Человек немного скосил глаза, и неподалеку от песочницы я увидел масляную продолговатую лужу, словно на асфальт пролили мазут или черную тушь.

Долетел какой-то специфический запах.

Мне это не понравилось.

— Сейчас, — торопливо сказал я. — Подождите, я вызову «скорую помощь»...

Я уже хотел бежать к ближайшему телефону.

Однако человек медленно повернул зрачки, и от холода, который в них действительно обнаружился, меня бросило в дрожь.

— Нет, — хрипловато сказал он. — Зачем врача? Не надо...

Тон был таким, что я невольно остановился. Невозможно не подчиниться, когда приказывают подобным голосом. А человек, видимо, тут же забыв обо мне, с усилием сел, вцепившись в доски песочницы, дважды глубоко вздохнул, наверное, чтобы придти в сознание, и, немыслимо заскрипев зубами, поднялся, оказавшись почти одного роста со мной.

Опирался он на нечто вроде плоского посоха с крестовидной рукояткой, поблескивающей металлом, его ощутимо, будто колебалась земля, покачивало из стороны в сторону, и он, как кукла, переставляя ноги, двигался не туда, где темнела дворовая арка на улицу, а несколько вбок, словно намеревался упереться лбом в стену.

И опять у меня была возможность пожать плечами и пойти дальше. Я сделал все, что от меня требовалось: предложил помощь и получил недвусмысленный отказ. Больше я никому ничего не был должен. И я, вероятно, в конце концов, так бы и поступил — хочет обойтись своими силами, ради бога! — но в это мгновение человек, движущийся к стене, пошатнулся, закачался на посохе, видимо, не находя равновесия, и если бы я не подскочил и не обхватил его со спины, вероятно, шмякнулся бы во весь рост о твердь асфальта.

У меня было всего полсекунды, и я решился.

— Пойдемте, вам нужно лечь!..

— Куда? — плохо соображая, спросил человек.

— Ко мне. Я живу один, у меня — спокойно...

— К тебе?

— Ну да, пойдемте...

Некоторое время он как бы обдумывал предложение, причем глазные яблоки у него страшно закатывались под веки, а потом поднял руку и вцепился в мое плечо с такой силой, что затрещали кости.

Зубы его дико ощерились.

— Я тебе верю, — хрипло сказал он.

На лестнице он окончательно скис, навалился всей тяжестью, и мне пришлось просто волочь его по ступенькам. В лифте же он обморочно оседал на пол и таки осел, стоило мне уже на площадке отпустить его, чтобы отпереть квартиру. Хорошо еще, что никто не попался нам навстречу. А когда я все-таки затащил его в комнату и, как вязанку дров, уронил на тахту, тоже вымотавшись до предела, он и развалился именно, как вязанка дров: голова запрокинута поверх валика, руки разбросаны, точно у неживого, с сапожек прямо на покрывало сочится мазутная жидкость. Подошвы, подбитые гвоздиками, были заляпаны ею весьма основательно. Впрочем, сапожки я с него сразу же стянул. При этом плоский железный, кажется, посох ощутимо брякнулся на пол. Поднимать эту дурынду я, конечно, не стал, при безжалостном электрическом свете человек выглядел еще хуже, чем в дворовом сумраке: лицо и волосы испачканы тем же самым мазутом, пальцы, будто в вишневом варенье, которое уже подсыхает, ужасные окровавленные лохмотья рубахи, кожаная безрукавка, тоже скользкая на ощупь от крови.

Я попытался осторожненько расстегнуть ее, но человек, не размыкая век, прошептал:

— Не надо... — и добавил, видимо, чудовищным напряжением удерживая сознание: — Просто лежать... Лежать... Больше — ничего...

Он также запретил мне его перевязывать и мучительным движением головы отказался от тканевого тампона, который я хотел подсунуть на рану. Попросил только воды и, постукивая зубами по краю стекла, выпил один за другим два полных стакана.

И все же я, вероятно, вызвал бы ему «скорую помощь». Я просто боялся, что он умрет у меня дома. Объясняйся потом с врачами или, хуже того, с милицией. Но внимание мое привлек тот плоский посох, что брякнулся на пол. Это был, оказывается, вовсе не посох, как я первоначально подумал. От удара о пол металлическая крестовина немного выдвинулась, между ней и тем, что, как я теперь понимал, было ножнами, засветилось обнаженное лезвие шириной примерно в три пальца — слегка выпуклое к середине, нежно-матовое, будто из тусклого серебра, и как бы чуть-чуть дымное, испаряющееся на воздухе. Мне казалось, что по нему пробегают слабые расплывчатые тени. А когда я пугливо тронул эфес, чтобы убедиться в реальности происходящего, пальцы мои точно прикоснулись к раскаленному утюгу.

Ожог был приличный. Я чуть было не закричал.

Это меня отрезвило.

И глядя на туманный клинок, на ножны из гладкого дерева, украшенного серебряными насечками, я понял, что никакого врача действительно вызывать не надо, врач здесь не требуется, здесь вообще ничего не требуется, а если что-то и требуется, то нечто иное — то, с чем я не сталкивался еще ни разу в жизни.

Ночью я несколько раз подходил к нему. Он то ли спал, то ли находился в обморочном забытьи. Скорее всего, второе, потому что дышал он неровно — то мелко, то глубоко, и в груди его на разные лады посвистывало, как при сильной простуде. А где-то ближе к утру он, не размыкая век, поднес ко рту сдвинутые ладони и несколько раз произнес свистящим шепотом: лисса... лисса... — Наверное, бредил. Мне показалось, что поверхность ладоней мерцает, как голубоватый экран телевизора. Но может быть, действительно показалось. Кровь, во

всяком случае, остановилась, вишневый сок на руках подсох, затвердел и при движении осыпался малиновыми чешуйками. Я заметил на безымянном пальце кольцо с большим синим камнем. Гладкие грани вспыхивали даже в зашторенном полумраке. Следы мазута с лица исчезли, наверное, стерлись. Но исчезли они также и с покрывала, куда накапали довольно-таки обильно. Я не знал, что думать по этому поводу.

Наверное, он все-таки выздоравливал. Потому что где-то примерно в половине шестого, когда я в очередной раз заглянул посмотреть, все ли в порядке, он совершенно неожиданно, будто не спал, открыл глаза и, не поворачивая головы, внятно сказал:

— Вы спасли мне жизнь, сударь. Я — ваш должник...

И, не дожидаясь ответа, снова прикрыл веки.

Я почему-то был горд его словами. Я чувствовал, что в моей жизни что-то заканчивается. Я до сих пор хорошо помню эти долгие ночные часы. Была ясная ночь ранней осени, какие иногда случаются в Петербурге. Звезд на небе высыпало в необычайном количестве. Они горели, как подсвеченный горный хрусталь. Из окна открывался вид на канал и на крыши, уходящие к Исаакиевскому собору.

Картина была просто великолепная.

И я чувствовал невообразимые просторы Вселенной, несравнимые с человеческой жизнью, колючий свет, летящий по холоду от одного ее края к другому, мертвые глыбы внезапно вырастающих астероидов и себя — на искре Земли, медленно истачивающей пространство.

Я чувствовал себя капитаном сказочного корабля, плывущего в вечность.

Правда, в другой комнате, на тахте, застеленной покрывалом, лежал в беспамятстве тот, кто, возможно, и был капитаном, вынырнувшим из далей Галактики.

У меня возбужденно и вместе с тем радостно бухало сердце.

Я заварил себе чай и пил его маленькими глотками.

В окно струился пепельный свет звезд.

Сна не было ни в одном глазу.

3

Поправлялся он удивительно быстро. Жуткая рана уже на другой день покрылась нежной розовой пленочкой, лохмотья кожи вокруг слетели, как прошлогодние листья, и лишай, раскинувшийся на груди, все время уменьшался в размерах. Сил у моего гостя явно прибавилось, он начал понемногу садиться и вообще разговаривать, а еще через пару дней — вставать и разгуливать по квартире.

Правда, слабость еще некоторое время сохранялась и, пересекая комнату, например, он вынужден был опираться о мебель, дыхание иногда прерывалось, а на лице выступала испарина, он тогда останавливался и некоторое время стоял, прижав ладонь к сердцу, а потом, стиснув в улыбке-оскале белые зубы, двигался дальше.

Однако даже эти болезненные явления стремительно исчезали. К понедельнику, то есть всего через трое суток после ранения, он уже полностью, на мой непрофессиональный взгляд, пришел в себя, и тогда стал похож на зверя, запертого в тесной клетке.

Ему явно не хватало пространства. Он часами в молчании нервными шагами мерял квартиру, подолгу, скрестив на груди руки, стоял у окна, видимо, размышляя о чем-то, вздувал каменные желваки на щеках, и исполненный ярости взор его был устремлен явно за земные пределы.

Сразу же обнаружились некоторые трудности общения.

Незнакомец — кстати, он представился мне как Геррик (просто Геррик, добавил он после некоторого колебания) — с первых же минут стал мне начальственно тыкать, тот первый случай, когда он обратился ко мне на «вы» и «сударь», остался единственным. Далее он подобной вежливостью пренебрегал. Может быть, в этом и не было бы ничего особенного, но когда я, слегка задетый, начал разговаривать с ним так же, он ощутимо дернулся, точно его оскорбили, вскинул голову, надул крылья гордого носа, светлые глаза полыхнули молнией негодования, и лишь через секунду, взяв себя в руки, ответил на мой вопрос ровным и сдержанным голосом. Однако я уже понял, что сдержанность эта обманчива. Геррик

был человеком сильных страстей, и лично мне не хотелось бы иметь его среди своих противников.

Тыканье, впрочем, было досадной мелочью на фоне всего остального, я к ней привык и уже через несколько дней перестал обращать на это внимание, но вот то, что он категорически отказывался мыть посуду (вообще заниматься хозяйством в каком бы то ни было виде: покупать продукты, готовить, хотя бы изредка подмести комнаты или вытереть пыль), задевало меня, как человека ответственного и аккуратного, значительно больше. Что это, в самом деле, за барские замашки? Что я ему, прислуга, чтобы убирать за ним, подметать и готовить? Это действительно доводило меня чуть ли не до остервенения. Однако здесь ничего нельзя было сделать. Как-то, набравшись смелости, — все же молния в светлых глазах меня настораживала, — я со всей возможной вежливостью высказал ему это, а Геррик в ответ просто пожал плечами:

— Воин не заботится о пропитании, — объяснил он. — Воин — сражается, странствует, пирует при редких встречах с друзьями, иногда погибает, иногда — одерживает блистательные победы. Но воин не забоится о такой мелочи, как еда. Это просто недостойно его...

— А если еды не будет? — помнится, спросил я.

— Значит, ее — не будет, — очень спокойно ответил Геррик.

Пришлось с этим смириться. В конце концов, он был гость, а я — хозяин. И, как у хозяина, у меня были свои обязанности. Тем более, что барство его заслонялось множеством других интересных особенностей. Были странности, если так можно выразиться, гораздо более странные. Например, при умывании он совсем не признавал ни воды, ни мыла. Если нужно было очистить ладони, он делал движение, будто действительно держал их под краном, затем поднимал, стряхивал — казалось, что во все стороны разлетаются невидимые брызги, — и грязь исчезала, даже если руки были испачканы машинной смазкой. Так же и с лицом — Геррик быстро и как-то небрежно проводил по нему ладонью, и

лицо очищалось даже, по-видимому, от микробов. Походило на чудо — раз, и уже свеженький.

Он пытался и меня научить этому действу.

— Это очень просто, — говорил он, держа на весу чуть разведенные пальцы. — Представь себе, что грязь не имеет к тебе никакого отношения. Сними ее, не задумываясь, ну, как снимают пылинку с костюма. Вот так. — Он, будто фокусник, легко потирал руки. Мощная чернильная клякса, специально перед тем стряхнутая на ладонь, полностью исчезала. Никаких следов не оставалось на гладкой коже. Однако, когда я с нудным тщанием пытался повторить его жест, та же самая клякса размазывалось по всему моему запястью, и потом приходилось долго оттирать ее мылом и пемзой.

Точно так же он никогда не чистил зубы и не причесывался. И, по-моему, даже не представлял себе, что такое расческа и зачем она человеку нужна. Небрежно запускал пятерню в волосы, проводил — раз, другой, и льняные пряди укладывались, точно у парикмахера.

Я ему завидовал. С детства не выношу причесываться и чистить зубы.

Нечто аналогичное происходило и с едой. Геррик не то чтобы был привередлив в вопросах питания, — ел он, по-моему, все и к особенностям национальной кухни относился спокойно, был вообще равнодушен к тому, что сегодня на обед или на ужин, мог, как я замечал, обходиться просто голым куском хлеба, — но довольно часто во время еды повторялась одна и та же картина: он двумя пальцами брал, например, сваренную мною сосиску, подносил ее к носу, втягивал воздух ноздрями, принюхиваясь, и вдруг на холодном лице его появлялось брезгливое выражение.

— Этого есть нельзя, — с отвращением констатировал он.

— Почему? — интересовался я.

— В ней полно всякого металла.

Сосиска откладывалась. Геррик по обыкновению отрезал себе ломоть хлеба. Подняв брови, следил, как я, тем не менее, уплетаю розовое безвкусное мясо. И только однажды, видимо, не сдержавшись, заметил вскользь:

— У вас очень грязный мир. Не понимаю, как вы здесь живете.

— Живем, — нейтрально ответил я, пожав плечами.

— Н-да... Я бы не смог...

Слышать это было довольно-таки обидно. Но гораздо больше меня задевало то, что он — внешне, по крайней мере, — нисколько не интересовался нашей жизнью. Он никогда не спрашивал об устройстве мира, в котором так неожиданно очутился, не просил рассказать ему о нашей истории или о достижениях цивилизации, не пытался понять политику, науку или искусство и практически игнорировал незнакомые ему детали быта. Книг он, кажется, вообще не читал — бросил взгляд на полки, заполненные собраниями сочинений, между прочим, моей давней страстью и гордостью, и знакомым уже движением вздернул брови:

— Ты все это осилил? Ну-ну...

Позже он пояснил свое отношение к литературе. Зачем ему книги — он ведь не ученый. Так же не проявил особого интереса к живописи или к музыке. А когда я подсунул ему толстенный том «Античной скульптуры», он листнул его на пару страниц, а потом с треском захлопнул.

— Не понимаю, зачем делать людей из камня...

— А из чего же тогда их делать? — спросил я.

— Из жизни, — сказал Геррик, точно удивляясь моему невежеству.

— Это как?

— Ну как делают людей из жизни? Или у вас это происходит каким-нибудь иным способом?

Разницу между скульптурой и живыми людьми я ему так и не сумел объяснить. Он, по-моему, остался в убеждении, что скульпторы — люди неполноценные. Зато старенький мой телевизор с плохими красками вызвал у него почти детский восторг. Геррик, наверное, часа три проторчал у экрана, крутя ручки и перепрыгивая с одного канала на другой. Затем выключил его нехотя и сказал с завистливым вздохом:

— У нас такого нет. Полезное изобретение.

Вот уж в чем я совершенно не был уверен.

Короче говоря, меня мучил комплекс неполноценности. Не интересно ему, видите ли. Что же так? Не такие уж мы тут, на Земле, скучные.

И еще меня задевало то, что он практически ничего не рассказывал о себе. Я не знал, ни откуда он появился, из каких-таких глубин времени или пространства, ни с какой целью прибыл сюда, если допустить, что таковая цель вообще имеется, ни долго ли он здесь пробудет, ни какой загадочный мир его породил, ни с кем он сражался, — неужели на Земле у него есть противники? Ни почему оказался тяжело раненый в нашем дворе. Ни на один из этих вопросов я ответа не получил. Геррик не пытался мне врать или отделываться неопределенно-обтекаемыми историями. Для этого он был, по-видимому, слишком горд, и несколько позже я убедился, что догадка моя оказалась верной: он физически не мог говорить неправду, но если он не хотел отвечать, он просто меня не слышал, и тогда бесполезно было спрашивать снова или на чем-то настаивать. Геррик в этих случаях демонстративно вставал и, ни слова не говоря, удалялся в соседнюю комнату. Правда, как-то раз опять же вскользь заметил:

— Зачем тебе это? Чем меньше ты обо мне знаешь, тем меньше у тебя неприятностей.

И он посмотрел так, словно сожалел о чем-то недоступном моему разумению.

Брови его слегка сдвинулись.

О неприятностях он упоминал явно не для пустой отговорки. По отдельным намекам я все же мог сделать вывод, что ситуация у него далеко не простая. Полыхает какая-то грандиозная битва, затрагивающая чуть ли не всю Вселенную: горят города, гибнут люди, вытаптываются посевы злаков, закованные в броню солдаты вторгаются на обуянные ужасом территории. Геррик — тоже солдат, и оказался здесь в результате неких трагических обстоятельств. У него сейчас нет связи со своими сторонниками.

Даже внешность его была, как у настоящего воина: выставленная вперед, тяжелая угловатая челюсть, стиснутые крепкие губы, за которыми вгрызались друг в друга квадраты белых зубов, светлые, со льдинкой глаза, наверное, не знающие

площады, — не хотел бы я оказаться под прицелом этих водянисто-полыхающих глаз (Что делать с пленными, командир?.. — Расстрелять! У нас нет времени с ними возиться!..), вертикальные прорези складок между бровями, тоже светлые, под стать глазам, льняные спадающие на плечи волосы, если бы не пятерня, который он по утрам причесывался, я бы сказал — ухоженные, точно из парикмахерской, и — звериная хищная гибкость во всем теле. Несмотря на изрядный вес, по квартире он перемещался абсолютно бесшумно, неожиданно вырастая в самых разных местах. Я испуганно вздрагивал, когда он вдруг оказывался у меня за спиной. А Геррик трогал меч, прикрепленный к поясу, и уступал мне дорогу.

К мечу своему он, кстати, относился с чрезвычайным вниманием. В первый же день, едва встав на ноги, он протер лезвие мягкой замшей, которую достал из кармана куртки, подышал на него, поднял на уровень глаз, замер, точно увидев что-то в струящихся по клинку тенях, почувствовав мой взгляд, тихо заметил:

— Его зовут Эрринор...

После чего осторожно вдвинул лезвие обратно в ножны.

К неприятностям, в отличие от меня, он был хорошо подготовлен. Все вообще, видимо, было не так однозначно, как можно было предполагать, потому что на мой осторожный вопрос, почему он, например, не обратится в правительство или в какие-нибудь другие государственные структуры, он ответил после секундной паузы холодно и высокомерно:

— А зачем мне туда обращаться?

— Ну — вдруг они в состоянии чем-нибудь тебе помочь...

— Не думаю.

— А ты все же попробуй.

— Попробовать можно. Боюсь, плата за помощь окажется слишком высокой.

Больше он в тот момент ничего не добавил. Расспрашивать же его, как, впрочем, и в остальных случаях, было совершенно бессмысленно. Но насколько я уловил подтекст сказанного, в некие государственные структуры он все-таки обращался, однако цена, которую там с него, видимо, запросили, показалась ему чрезмерной.

Меня это насторожило.

Может быть, все его неприятности проистекали как раз оттуда.

О чем-то они там совершенно явно не договорились.

Причем вину за это я не стал бы возлагать только на государственные структуры. Они, конечно, не сахар, но свою пользу видят. Польза же от сотрудничества, на мой взгляд, могла быть огромной. Так что дело здесь заключалось, скорее всего, в самом Геррике. Иногда он мог быть необычайно резок и неподатлив. В мелочах, не имеющих принципиального значения, он как правило уступал, но уж если он говорил «нет», обычно после некоторого раздумья, это было действительно «нет», «нет» — и никаких других толкований, «нет» — навсегда и на все случаи такого рода.

Перечить ему, вероятно, было небезопасно.

Убедился я в этом уже в самое ближайшее время. Где-то дней через десять после появления его у меня дома, потребовалось в очередной раз сходить в магазин, и Геррик, который, как я уже говорил, заниматься хозяйством отказывался категорически, неожиданно вызвался меня сопровождать.

Ничего рискованного в его желании не было. В моей рубашке и джинсах, пришедшихся ему как раз в пору, выглядел он вполне обыкновенно: ничем не примечательный парень примерно моего роста и возраста. Взгляд, правда, немного угрюмый, но что с того, что человек посматривает исподлобья. Может же у человека быть невеселое настроение? Хуже было то, что он ни за что не хотел расставаться со своим мечом. — Ты же не выходишь на улицу без штанов, объяснил он. — Для меня оставить Эрринор дома — то же самое. — Аргументы вроде того, что с мечом он лишь привлечет внимание, на него не действовали. Пришлось дать ему плащ, который он перекинул через руку, и свисающая почти до пят ткань прикрыла ножны. В остальном же он ничем не выделялся среди других граждан.

Тем более, что и держаться он старался как можно более незаметно. Равнодушно обозрел магазинное изобилие, к которому я лично привыкнуть еще не успел, постоял у витрины,

где были аппетитно разложены сыры и многочисленные колбасы, неприятно потянул носом воздух, принюхиваясь к гроздьям сосисок, отвернулся от кондитерского отдела со всем его шоколадно-кремовым великолепием — я уже обратил внимание, что к сладкому он относился с необыкновенным безразличием, — а потом примкнул в очереди ко мне и стал терпеливо ждать, пока вежливая продавщица отпустит двух покупательниц. Все, наверное, обошлось бы благополучно, но, как назло, именно в эту минуту некий крепыш в серо-красном мешковатом спортивном костюме, стриженный бобриком, из тех, вероятно, что целыми днями толкутся возле ларьков, грубовато втиснулся между нами, раздвинув плечом, и с хозяйскими интонациями сказал продавщице:

— Валечка, кинь-ка мне, дорогуша, пачку «Мальборо»...

Я уверен, что он вовсе не собирался нас как-то обидеть. Он был преисполнен сознания собственной крутизны и не замечал нас как факт. Подумаешь, два чувака. Я несколько брезгливо посторонился. И обмер — увидев уже знакомую светло-голубоватую молнию, мелькнувшую в глазах Геррика. Его этот крепыш, вероятно, тоже толкнул. Я чуть было не закричал. Потому что ознобом, мгновенно одевшим сердце, почувствовал — сейчас произойдет что-то страшное, что-то непоправимое, после чего возврата к привычной жизни уже не будет.

Магазин поплыл у меня перед глазами.

Однако ничего страшного, к моему удивлению, не произошло. Светло-голубая молния полыхнула и беззвучно погасла. Крепыш взял сигареты и сбежал по ступенькам на улицу. Геррик наигранным безразличием погасил мой вопрошающий взгляд. Весь его вид говорил, что он не собирается вмешиваться в дела диких аборигенов.

Я облегченно перевел дух.

Но, оказывается, радовался я преждевременно. Крепыш, вероятно, тоже заметил полыхнувшую в глазах Геррика молнию. И она ему не понравилась, как не нравится вожаку, если в стаде, подвластном ему, кто-то поднимает голову. Или, может быть, он почувствовал мое внутреннее презрение. Не знаю. Во всяком случае, когда мы вышли из магазина и свернули

в переулок, ведущий к дому, в подворотне раздались уверенные шаги, и он вырос перед нами, загораживая дорогу:

— Что, мужики, есть какие-нибудь вопросы?

Он нас не боялся. Чего бояться? Опять же — подумаешь, два чувака. Чувствовалось, что ему хочется размяться и восстановить социальную справедливость. Разумеется, в том однозначном виде, как он сам ее понимал.

Впрочем, даже тут еще все можно было уладить. Я уже попадал в подобные ситуации и знал, как держаться. Требовалось миролюбиво ответить, что никаких вопросов у нас к нему нет, и тогда бы он снисходительно разрешил следовать нам дальше.

Противно это было бы, зато — безопасно.

Именно так я и собирался поступить в этот раз. Но я просто не успел открыть рта. Геррик вздернул железный свой подбородок и голосом, которого я от него раньше не слышал, скрипуче вынес вердикт:

— Вы — хам, сударь...

Крепыш даже не возмутился. Напротив, лицо его озарила понимающая радостная улыбка, и он широко, как будто желая обнять друзей, развел руки:

— Ну что, мужики, тогда будем разбираться?

Дальнейшее произошло с такой быстротой, что практически не запечатлелось у меня в сознании. Кажется, крепыш, продолжая дружеское объятие, попытался одним движением вырубить Геррика. Его он, вероятно, считал наиболее опасным противником. Локоть в спортивном костюме, во всяком случае, пошел резко вверх. И одновременно я услышал нечто вроде короткого: Х-х-хек!.. — так обычно кричат в кино всякие кунфуисты перед смертельным ударом; видимо, удар и в самом деле должен был воспоследовать, однако в ту же секунду Геррик как бы протанцевал на цыпочках немного вперед, тоже произведя руками некие странные пассы, после чего отступил и принял вид незаинтересованного наблюдателя. К своему противнику, как мне показалось, он даже не прикоснулся. И тем не менее, крепыш издал открытой пастью уже не Х-х-хек!.. — а какое-то беспомощное: Пых-пых-пых... — задохнулся, побагровел, глаза его выпучились, как под давлением, он попятился, натолкнувшись на стену дома,

взялся руками за напряженный живот, и вдруг — сполз по стене, видимо, потеряв сознание.

Зрачки его вывернулись белками наружу.

Я был потрясен.

— Ты его убил!..

— Еще нет, — спокойно, все с тем же выражением незаинтересованного наблюдателя сказал Геррик. — Он просто без сознания. Придет в себя минут через десять. Ну что — двинулись или подождем?..

Дома он спросил меня с любопытством:

— А если бы я его действительно убил, ты что — стал бы его жалеть?

— Его, возможно, и нет, — сказал я. — Наверное, я стал бы жалеть тебя.

— Меня?! Почему?!

— Потому что тогда бы уже ты превратился в убийцу. Представляешь: жить дальше и знать, что ты убил человека...

Лицо Геррика окаменело. Светлая молния не полыхнула, но только, видимо, потому, что от чудовищного напряжения он опустил веки.

Зубы у него длинно скрипнули.

Но все-таки он сдержался. Надменно вздернул голову и сказал:

— Убийство оскорбившего тебя хама не есть убийство. Убийство оскорбившего тебя хама есть — отмщение. Цена оскорбления — кровь. Этого требуют Законы чести...

— А если стать выше оскорбления? — сказал я. — Отвечать на оскорбление местью — значит уподобиться тому же хаму. Человек, у которого действительно есть честь, именно человек, а не хам. Убийство — это не отмщение, это — убийство.

— Но вы же сами убиваете, — сказал Геррик после выразительной паузы.

— Только цивилизованным образом, — возразил я. — По приговору суда или в случае военных действий. Кровная месть запрещена, и, по-моему, это правильно. Кстати, и по приговору суда скоро, видимо, убивать не будут. У нас нет права отнимать жизнь, которую не мы зародили...

— Простить оскорбление?

— Не простить, а, повторяю: быть выше него.

— Я этого не понимаю, — все так же надменно произнес Геррик. — Хам есть хам лишь потому, что он чувствует свою безнаказанность. Если бы право на хамство нужно было отстаивать с риском для жизни, если бы за оскорбление пришлось встать в одиночку перед свистящим клинком, уверяю тебя — всякий хам улыбался бы тебе еще издали. Потому что все они — трусы...

— Не уверен, — сказал я.

— Потому что ты — не воин, — холодно сказал Геррик.

Он повернулся на каблуках и ушел к себе в комнату.

Больше мы в тот вечер не разговаривали.

И, тем не менее, несмотря на все возражения, я чувствовал некоторую его правоту. Быть выше хама — это, конечно, очень красиво, но одно дело теория, созданная в одиночестве размышления, и совсем другое — когда некое свиноподобное рыло по привычке обходится с тобой, как с недочеловеком. Можно сколько угодно осуждать дуэли, но, получив пощечину, следует взять пистолет и выйти к барьеру. Бывают в жизни моменты, когда отступать нельзя, когда даже самая явная глупость стоит выше рассудка. Потому что это уже не глупость — это достоинство. Слова Геррика меня будоражили. В них было то, чего не хватало мне в моей жизни. И вместе с тем я довольно отчетливо осознавал, что эти правила чести сами по себе, возможно, и неплохи, однако если я буду придерживаться их в повседневной реальности, например, толкнули в автобусе — сразу же вызвал на поединок, то больше трех дней я в нашем мире не проживу. В крайнем случае, может быть, протяну неделю-другую. Потому что наш мир не приспособлен для чести. Ей нет места среди неистовства бытовых коллизий. Для чести необходим некий моральный простор. Можно, конечно, попробовать создать этот простор. Можно расширить пространство вокруг человека, которое принадлежит лично ему. Короче, можно начать. Правда, судьба начинателей, как правило, бывает весьма печальной.

Во мне что-то менялось.

И на Геррика этот случай, вероятно, тоже подействовал, потому что, судя по звукам, он весь вечер мерял шагами ком-

нату, останавливался, громко дышал, словно ему не хватало воздуха, сквозь полуоткрытую дверь я видел, что он недоуменно разглядывает свои ладони, а ближе к ночи он, твердо ступая, прошел на кухню и замер в проеме, глядя поверх моей головы:

— Мне нужна твоя помощь!

У меня болезненно чмокнуло сердце. Но я тут же взял себя в руки и ответил:

— Пожалуйста...

— Надо посмотреть одно место. Давай завтра туда съездим...

— Куда именно?

— Тут недалеко...

Геррик опустил глаза, рассматривая меня сверху вниз. Вдруг мигнул.

— Давай, — сказал я.

4

Следует, вероятно, сказать несколько слов о себе. Правда, насчет себя у меня никогда не было особых иллюзий. Так, мальчишеская романтика, затянувшаяся не по возрасту. Еще в школе мне представлялось, что я предназначен для неких великих свершений, что сверкающая карусель бытия вознесет меня к какой-то исключительной и неповторимой роли. Мне грезились какие-то битвы, где я одерживаю блистательные победы, какие-то выдающиеся открытия, которыми я потрясу весь мир, какие-то сияющие вершины, куда я взойду в результате самоотверженного труда и подвигов.

Однако где эти вершины в нашей жизни? В институт я, недобрав один балл, чуть-чуть не прошел, о чем, кстати сказать, сейчас нисколько не сожалею. Ну, получился бы из меня рядовой инженер, ну что — инженеров у нас в стране не хватает? Инженеров у нас, по-моему, несколько сотен тысяч. Мне грозила армия, которая меня, естественно, нисколько не привлекала. Кому это хочется терять два года жизни в казармах? Дрожь пробирала меня при одной только мысли о противогазах и кирзовых сапогах, о побудке в четыре утра и пробежках на

шесть километров с полной солдатской выкладкой, о сержантах, которые, конечно же, будут гонять меня в хвост и в гриву, вообще о сугубой бессмысленности времяпрепровождения такого рода. Жизнь есть жизнь, и хочется прожить ее — так, а не в армии. И вот, чтобы не загреметь на два года в пахнущую карболкой мешанину рядовых гимнастерок, я — по совету отца и не без его помощи, разумеется, — пристроился на работу в одно скромное проектно-конструкторское бюро, разрабатывавшее, впрочем, что-то отнюдь не скромное и потому обладавшее льготами для своих сотрудников. Меня быстренько натаскали на какие-то чертежные операции, подучили чему требовалось, заставили зазубрить довольно скучную методичку, и спустя всего месяц я уже довольно уверенно стоял за кульманом, проводя отточенными карандашами линии по рейсшине, меленько отмечая масштаб, вписывая красивым почерком необходимые данные и без особого увлечения видя, как вырастает из-под моих пальцев нечто механически-замысловатое. Интереса к технике я никогда не испытывал. Зато мне действительно дали отсрочку от военной службы на год, а через год, по представлению директора ПКБ, — вторую отсрочку. Я был тогда страшно доволен. Еще бы, перехитрил всех, меня так просто, на голый крючок не словишь! И только спустя некоторое, надо сказать, весьма долгое время я постепенно начал догадываться, что, поступив в это муторное бюро, я, как щенок, оказался в очень примитивной ловушке. Я угодил в невидимый, но чрезвычайно прочный ошейник. Можно было избавиться от него, но тогда меня сразу же заберут в армию. Можно было не избавляться, но что же тогда — всю жизнь провести в ошейнике? Выхода из этого тупика я не видел. Поступить в институт? Это с каждым годом становилось для меня все труднее и проблематичней. Я стал ощутимо хуже запоминать необходимый для экзаменов материал: строчки из учебников по физике и математике выветривались уже через полчаса после серьезной, казалось бы, проработки, формулы и уравнения никак не хотели задерживаться в моем сознании, я лишь тупо таращился на бумагу, пытаясь воспроизвести, например, уравнения Максвелла. Главное же, что я отчетливо ощущал всю никчемность этих громадных усилий. Ну — поступлю даже куда-нибудь,

ну — повезет, ну — придется еще пять лет зубрить те же формулы, ну — распределят меня потом на завод технологом. Стоит ради этого принимать такие мучения? Что у нас в стране, технологов не хватает? Завод — та же армия, только бойцы ее ходят не в форме, а в гражданских костюмах. Надо ли менять шило на мыло: конструкторское бюро на предприятие металлоконструкций? Примерно такие мысли бродили у меня в голове, и потому я не делал попыток вырваться из невидимого ошейника: спокойно вычерчивал себе узлы и детали, сдавал упругие листы ватмана Моисею Семеновичу (тому самому другу отца, который был очень доволен моей аккуратностью), получал зарплату, кстати, несколько большую, чем обычно у моих сверстников, — в этом тоже сказывалась привязанность КБ к военному ведомству, — в общем, плыл по течению, едва-едва, лениво загребая руками.

Месяц проходил за месяцем, год за годом. Шлепали в Петербурге дожди, шипела вода в водосточных трубах. Бесконечно тянулись мерзлые зимние сумерки. Наступала весна, и бежали по асфальту горячие коричневые от солнца ручьи. Внешне все выглядело нормально. Я ходил на работу и исполнял все имеющиеся у меня обязанности. В выходные читал или ездил, чтобы найти нужную книгу, на книжный рынок. Изредка встречался в компаниях с немногочисленными друзьями. Жизнь — текла и не предвещала ничего нового. Я уже и сам ничего не ждал от нее. И лишь иногда в прозрачные петербургские ночи — как та ночь, например, когда я впервые столкнулся с Геррико, — когда загорался на небе густой звездный творог, когда без ветра таинственно шумели тополя на набережных и когда легкой жутью мерцала вода в каналах, сердце мое пронзала ослепительная тоска, потому что жизнь, как резина, тянулась и не была при этом настоящей жизнью, надежды на свершения отодвигались и выцветали, я, как в тумане, бродил по квартире, не зная, куда себя деть, все у меня выпадало из рук, ничего не хотелось, и я заваливался спать на тахту, зная, что утром меня ждет то же самое.

У меня не было главного в жизни — у меня не было настоящего Приключения. Неважно, в чем оно состоит — в любви или в подвиге. В наши дни это, по-моему, одно и то

же. Приключение, от которого кровь начинает шуметь в сердце; которое властно срывает паутину однообразных будней; которое подхватывает тебя и, как лист с дерева, несет в тревожную неизвестность.

Вот чего мне хотелось бы больше всего на свете. Вот почему я тогда привел Геррика к себе домой. И вот почему я не вызвал «скорую», когда он попросил меня не делать этого. Я почувствовал в сентябрьском воздухе вкус Приключения. Меч и перстень с граненым камнем были тому порукой. Мне выпал шанс, и я не хотел упустить его. Впереди у меня был отпуск — целых три недели свободного времени. Я сейчас сам распоряжался своей жизнью. У меня возникало чувство необыкновенной свободы. И потому, когда Геррик сказал, что ему нужна моя помощь, я кивнул и лишь в груди у меня опасно похолодело. Это было именно Приключение, которого я, быть может, ждал всю свою жизнь. Я чувствовал, что отступать мне нельзя. А кроме того, я и не хотел отступать. Я только прищурился под испытующим взглядом Геррика.

Щеки у меня покраснели.

— Давай, — повторил я.

5

— Здесь, — сказал Геррик, оглядывая кишащий прохожими солнечный Невский. — Здесь, вон — в тот дом, вторая парадная...

Он, указывая, незаметно повел подбородком.

Я тоже бросил осторожный взгляд вправо и влево.

Кажется, все было спокойно.

В трамвае, которым мы сюда добирались, Геррика, к счастью, никто не оскорбил. Его, правда, толкали спинами и согнутыми локтями, затолкали, в конце концов, в самый угол, прижав к поручням. Но, по-видимому, это он не воспринимал как оскорбление. И сейчас, стоя на углу Невского и Садовой, мы тоже, вероятно, не выделялись. Любопытствующих глаз я, во всяком случае, не ощущал. Лишь охранник в пятнистой форме у дверей крупного универмага посмотрел на нас — скорее всего, по обязанности — и отвернулся.

Внимания мы не привлекали.

И все равно мне это не слишком нравилось.

— Другого места найти не могли? — спросил я. — Посмотри: сколько народу...

— Это не я выбирал, — объяснил Геррик. — Квартирьеры наши считали, что здесь будет лучше. У них — свои требования к проживанию. К тому же, далеко не любое место подходит. Существуют «мертвые зоны», в них переход невозможен. — Он поправил плащ на сгибе руки, скрывающий неизменный меч. — Ну что, пошли?

Тут же у тротуара затормозила машина, обтекаемая, как жук, с затененными стеклами, и оттуда вывалились несколько крепких парней, наподобие того, что пристал к нам вчера в магазине: коротко стриженные, в свободных спортивных костюмах, стянутых шнурками по поясу.

Передний сказал коротко:

— Фуфло на фуфло. И чтобы мне — без гармидера...

— А повыпендриваться? — спросил кто-то с нехорошим смешком.

— Зачем тебе повыпендриваться?

— А чтобы знали...

— Обойдешься, — сказал первый парень.

Плотной деловой группой они двинулись в торговый подвальчик. Мне показалось, что там сразу же наступила нехорошая тишина. Такая тишина обычно заканчивается криками и оживленной стрельбой. Впрочем, парням от этого — одно удовольствие. Интересно, откуда они только повылезали? Какая-то совершенно новая раса людей.

— Пошли-пошли... — поторопил меня Геррик.

Мы остановились у двери, почти сливающейся с проеденными копотью стенами, Геррик, прильнув вплотную, набрал код на запыленном замке, и сразу же сумрак, напитанный кошачьими запахами, охватил нас со всех сторон. Все-таки удивительное явление — наша страна. Вот Невский, вылощенный до блеска, слепящий витринами, с шатающимися по нему туристами и тут же, буквально в двух шагах, — кислая кошачья вонь, разбитые лампочки, перила, с которых содрана деревянная облицовка. Никогда этого не понимал.

Впрочем, и квартира, где мы очутились, была нисколько не лучше. Окна ее, забранные решетками, не мылись, наверное, года четыре. Свет сквозь напластования грязи проникал наполовину ослабленный. И в сероватом немощном воздухе, полном затхлости, какая образуется в нежилых помещениях, — смеси давнего табака, остатков еды, проступающей по углам плесени — вставал страшноватый коридорчик, заканчивающийся таким же страшноватым туалетом без двери, и по бокам его — две комнаты, почти лишенные мебели. В одной из них находилась тахта, и видно было, как из-под одеяла, которым она была прикрыта, высовываются разношенные пружины, а на колченогий стул рядом с ней опасно было садиться. В другой же комнате вообще ничего не было — дыбился плашечками паркет, свисали пересохшие лохмотья обоев, и единственной странностью, приковывающей к себе взгляд, было громадное, от пола до потолка, зеркало, висевшее на стене, противоположной окну. А может быть, и не зеркало — поверхность его была темна, как вода в земляном пруду.

— Тихо! — одними губами сказал Геррик.

Он стоял, вслушиваясь в слежавшуюся тишину квартиры. Ни единого звука не доносил безжизненный и, кажется, влажный воздух. Наше дыхание расплывалось и угасало в нем, точно в вате. Геррик, тем не менее, чего-то ждал. И чем дольше мы оба стояли в начале этого страшноватого коридора, тем сильнее я чувствовал тянущий откуда-то неприятный озноб, мертвым холодом выстилающий стертые половицы. Пальцы ног у меня заметно окоченели.

— Да! — наконец сказал Геррик. Махнув ладонью, чтобы я следовал за ним, уже не пытаясь быть осторожным, прошел в комнату, где висело темное зеркало, встал перед ним, точно нерешительный покупатель, раскинул руки по ширине медной оправы. — О, боги, это Ворота Инферно...

Теперь я и сам видел, что зеркало вовсе не было зеркалом. Кусок черной без дна пустоты был ограничен прихотливыми извивами меди. Чувствовались за ним угольные дали пространства. Ни звезд, ни проблеска света, ни одного зримого ориентира. Мрак, безмолвие, темнота, сосущая душу. Холод вытекал оттуда невидимым водопадом и распространял-

ся по полу. И, наверное, — дальше, на улицу и по всему городу.

— Отсюда пришли басохи, — мрачно сказал Геррик.

— Кто? — не понял я.

— Ладно, не имеет значения!

Не оборачиваясь, он немного наклонился вперед. Синеватое, как от газа, пламя, затрепыхалось у него на кончиках пальцев. Вдруг оторвалось и, проплыв огоньками в воздухе, коснулось оправы. Зеркало отозвалось басовитым гулом. То, что казалось мне медью, просияло, точно очищенное кислотой, внутренние края оправы завибрировали, белая молочная муть потекла от них к центру заколебавшейся амальгамы, струйки сомкнулись, покрыли собой всю поверхность, затвердели, в них, словно в морозных узорах, проявились пластинки гладкого льда; раздался звонкий громкий щелчок, гул утих — и уже вполне обыкновенное зеркало отразило наши напряженные физиономии.

— Так! — опять одними губами сказал Геррик.

Синеватые огоньки вновь поплыли от вытянутых пальцев к оправе, вошли в нее, что-то звякнуло, ломаная безобразная трещина вспорола стекло, и десятки зеркальных обломков обрушились на паркет. Медная оправа потускнела и превратилась в пустой овал, подрагивающий на гвозде. Теперь внутри нее проглядывали только пузырчатые обои.

— Дорога закрыта, — сказал Геррик.

Тишина в квартире была оглушительная. И, наверное, будь она хоть чуточку меньше, мы, наверное, не услышали бы легкий, почти неуловимый скрип дверных петель и не почувствовали бы множественных шагов, перетекающих с лестничной площадки внутрь помещения.

Слабое дуновение коснулось моего уха:

— На цыпочках... — как у лошади, дернулись вбок голубоватые белки Геррика.

Из комнаты с зеркалом мы отступили в соседнюю, из нее — в сумрак кухни (комнаты оказались сквозными), и здесь Геррик, повозившись немного, поднял крючок черного хода. Дверь, видимо, смазанная, отошла совершенно бесшумно. Одним махом мы очутились в просторе темноватого лестничного

перехода. Дверные створки закрылись за нами как бы сами собой. Я уже облегченно перевел дух — кажется, ускользнули, — но тут, едва брезжущая в сочащемся с улицы свете, отделилась от стены громоздкая, по-боевому растопыренная фигура и угрожающий голос предупредил:

— Стоять! Стрелять буду!..

У меня чуть не лопнуло сердце.

А Геррик, бывший у меня за спиной, судя по звуку, переместился вперед. Тени теперь покачивались друг напротив друга. Мелкий стремительный танец их был страшен и протекал в полном молчании. Все происходило с какой-то удручающей быстротой. Вдруг глухо звякнуло, будто тупым гвоздем по металлу, обе тени слились, образовав пошатывающееся по-медвежьи туловище, снова глухо звякнуло, правда, уже сильнее, а затем тени — разъединились, и одна из фигур, как тряпичная кукла, мягко повалилась на пол.

Сноп желтого солнца ударил из-за распахнутой двери.

— Быстрее! — прошипел Геррик.

Мы выскочили в переулок. Был он короток, но довольно широк — образованный задниками домов, выходящих на Невский, пустой, залитый солнцем, с рядами дорогих легковушек, приткнутых в ожидании хозяев. Оцепенелыми насекомыми сгрудились они у тротуара.

И в тот момент, когда мы с Герриком выбежали туда с черного хода, одно из таких насекомых на противоположной стороне улицы дернулось хитиновым телом, мотор зарычал, шины противно взвизгнули по асфальту, и каплевидная обтекаемая махина выпрыгнула из переднего ряда.

Я до сих пор иногда вижу эту картину: туман ветхого солнца в скверике, которым заканчивался переулок, гладь асфальтовой части, белая разделительная полоса и непроницаемая стрекозиная выпуклость ветрового стекла машины. Увеличивалась она, как капля, сорвавшаяся с крыши. И я также вижу бледное, ставшее вдруг очень рельефным лицо Геррика, его чуть приподнятую твердую верхнюю губу, его глаза, ярко-выпуклые, точно из отшлифованного хрусталя. Я вижу, как он поворачивается и выставляет вперед ладонь, и как начинают слабо, почти невидимо, светиться кончики его паль-

цев, газовые стремительные огоньки от них, как прежде, не отделяются, но машина запрокидывает два колеса, будто наехав на кочку, разворачивается, со скрежетом обдирая мостовую багажником, и, уже окончательно перевернувшись, врезается в светлую «волгу», которая от удара тоже подпрыгивает.

Полыхнуло так, что напрочь сдернуло стекла в ближайших окнах.

Я непроизвольно рванулся.

— Куда?.. — клещами перехватив мою руку, закричал Геррик.

— Пусти, там — люди горят!..

— Какие люди?

— Говорю — пусти!..

Он тащил меня в ближайшую подворотню.

— Нет там никого. Уже все — сгорели...

И действительно, огневой желтый пузырь разодрался, и лишь крохотные язычки пламени доплясывали на блестящих капотах.

Перевернутая машина последний раз дрогнула и затихла.

Из-под грязного, с проплешинами ржавчины днища выползал густой смрадный дым.

— Это был не Тенто, это были ваши, — сказал Геррик. — Хотя я вовсе не исключаю того, что в данном случае Тенто мог пойти на сотрудничество с так называемыми органами. Ему кажется, что победа над Домом Геррика близится, еще одно усилие, — он не хочет упустить свой шанс. Ну, что ж... Законы этого не запрещают. Правда, помимо законов существуют еще и некоторые негласные правила. Несотрудничество с властями аборигенов — одно из главных. И тем не менее, это уже правила, а не законы. Соблюдение их — личное дело каждого Дома. Дом Тенто вполне мог пренебречь правилами...

— Кто такой Тенто? — спросил я, жадно прихлебывая горячий чай.

Геррик остановился посередине кухни и посмотрел на меня сверху вниз.

— Тенто? Для тебя это, скорее всего, не имеет значения. Тенто — это человек, который преследует меня всю жизнь.

Еще с того времени, когда я был пятилетним мальчишкой. Да-да, первый удар был нанесен именно в те годы. Я тогда выжил чудом. Просто один из нас должен умереть, он или я. — Губы его раздвинулись в беспощадной улыбке. — Лучше, конечно, если это будет — он. Однако то, что подключены местные спецслужбы, мне не нравится. Дело здесь вовсе не в том, что они могут быть нам слишком опасны, ерунда, с любыми спецслужбами аборигенов справиться можно, главная трудность — что у нас совсем нет сил. И я просто не могу распылять их на такие мелочи... — Он одним глотком выпил свой остывающий чай, поставил чашку и побарабанил пальцами по подоконнику. — Не нравится мне это, очень не нравится...

Что тут можно было ему сказать? Мне самому это тоже не очень нравилось. Одно дело — приключение, захватывающее великолепной игрой, необычность, прорыв сквозь мутную рутину жизни, звездные лорды, как я их называл про себя, поединки на мечах и, может быть, разных там бластерах, спасение пока никак не проявивших себя звездных принцесс, и совсем другое — наши родные и таинственные спецслужбы. Это уже не приключение, это борьба не на жизнь, а на смерть, это неопрятная кровь, холодная липкая грязь, мучения. В приключении герой даже погибает красиво, а здесь — будут бить пистолетом по почкам и выпытывать сведения. В конце концов, без особых затей упрячут в лагерь. Просто — чтобы человек был у них под контролем.

Я вяло заметил:

— Нам еще повезло, что у него случилась осечка. А представляешь, если бы он тебя застрелил?

Геррик повернулся ко мне и поднял бровь.

— Это была не осечка, — медленно сказал он.

— Не осечка? Тогда что же?

Несколько секунд Геррик смотрел на меня, видимо, что-то соображая, а потом все так же медленно произнес:

— Включи телевизор.

— Зачем? — спросил я.

— Включи-включи, сейчас увидишь...

Замерцал экран, и появилась на нем бесконечная колонна повозок, движущихся по какой-то равнине. Голос диктора сообщил, что началась эвакуация руандийских беженцев из Заира. Войска Леона Кабиллы — уже в шестидесяти километрах от Киншасы...

И вдруг экран безнадежно погас. Будто вырубили свет сразу во всей квартире.

Стала видна пыль на выпуклой серости кинескопа.

Я обернулся к Геррику.

— Вот именно, — подтверждая, кивнул он. — Так будет с любым механизмом или устройством. Капсюль в патроне не сработает, порох не воспламенится, двигатель на полном ходу превратится в глыбу слипшегося металла. Ты помнишь, как давеча перевернулась машина?..

— Любопытно, — сказал я. — И как тебе это удается?

Геррик безразлично пожал плечами.

— Не знаю, удается, мы с этим рождаемся... — И, по-видимому, заметив на моем лице тень недоверия, поспешно добавил: — Ты же не знаешь, например, как работает телевизор. Ты его просто включаешь, и все. Просто пользуешься. Мне вообще странны все ваши приборы и оборудование. Наука ваша, занимающаяся созданием агрегатов. Зачем агрегаты, если тебе даны тело и разум?

— Значит, из огнестрельного оружия тебя убить нельзя?

— Только мечом на поединке, один на один, — ответил Геррик.

— А если издалека, скажем, из снайперской винтовки?

— Тенто на это не пойдет, он же не сумасшедший. Это запрещено Законами Чести.

— Законы — это законы, а жизнь — это жизнь, — заметил я. — Если твой Тенто решит, что так победить проще, что ему помешает выстрелить или — если не самому — нанять профессионального снайпера? Заказное убийство сейчас стоит совсем недорого.

— Ты ничего не понял, — внятно сказал Геррик. — Законы Чести — это не ваши законы, писанные по бумажке, нарушать которые может каждый, пока его не поймают. Законы

Чести — это сама наша жизнь. Их преступить невозможно, даже если это сулит чрезвычайные выгоды. Вот ты, например, — у тебя есть человек, которого ты по-настоящему ненавидишь?

— Ну, один такой есть, подлец, — кивнул я.

— Но ты же не пойдешь его убивать из-за своей ненависти?

— Если я его убью, меня просто посадят. Вот еще — получить десять лет из-за этого хмыря...

— Нет, не в этом дело, — непримиримо сказал Геррик. — А если бы ты имел возможность убить его так, чтобы тебя даже не заподозрили? Ну, например, нанять киллера, как ты только что предположил, или подстроить несчастный случай? И насчет тебя — ни у кого никаких намеков? Ты же все равно не станешь его убивать? Для тебя это неприемлемо по твоему образу жизни. Помнишь, ты тогда назвал меня... м-м-м... убийцей? Несправедливо, конечно, но — и у нас точно так же. Убить ничего не подозревающего человека на расстоянии — противоестественно. Это чудовищно, это подло, это значит — опозорить себя до скончания времен. На такое не пойдет ни один из лордов. Простолюдин, может быть, — да! Лорд — ни за что на свете! Он покроет позором не только себя, но и весь свой Дом. — Геррик, кажется, почувствовал, что не убедил меня, потому что оперся о стол и наклонился вперед всем телом. Закачались льняные локоны, чуть завитые на кончиках. — Как бы тебе лучше объяснить это? Вот аналогия: вы воевали недавно с одной из своих республик. Крошечная такая республика, в горах, верно?..

— Да, позорная была война, — поспешно сказал я.

— И вы эту войну проиграли. Маленький народ вдруг победил огромное государство. Не будем сейчас выяснять, почему так случилось. Но ведь вы могли бы и выиграть эту войну — одним ударом, если бы применили свое ужасное оружие, поражающее все и вся. Вы, по-моему, называете его атомной бомбой? Почему вы не сбросили атомную бомбу на их столицу? Война была бы закончена в один день...

— Это было невозможно, — выпрямившись, сказал я. — То, что ты говоришь, и в самом деле чудовищно. Погибли бы

сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Дети, старики, женщины. Это не укладывается в рамки нашей морали.

— Они же все равно гибли, — сказал Геррик. — Гибли во время бомбежек, во время штурма городов и поселков. Не вижу разницы — убивать осколочной бомбой или атомной. Что такое атомная бомба? Это просто тысяча обыкновенных бомб, соединенных вместе...

Он ждал.

— Нет, невозможно, — наконец, сказал я. — Существуют вещи, которые мы делать просто не в состоянии. Мировое сообщество немедленно осудило бы эту акцию. Нас назвали бы преступниками, и исключили бы из всех международных организаций. Мы оказались бы в полной политической изоляции.

Тогда Геррик разогнулся и поднял палец.

— Вот в такой же изоляции оказался бы любой из нас, попытайся он применить для своих целей снайперскую винтовку. От него отшатнулись бы собственные союзники. Был только один человек, который осмелился нарушить этот великий Закон.

— Кто? — спросил я.

— А зачем тебе знать?

— Ну интересно...

Знакомая светлая молния полыхнула в глазах Геррика. Он отвернулся к окну.

Плечи — сгорбились.

— У этого человека нет имени, — не сразу сказал он. — Теперь его называют — Изгой...

Так мы поговорили. Вероятно, все это требовалось хорошенько обдумать. Вот только думать мне было абсолютно некогда, потому что в тот же день, к вечеру, когда я после часового отсутствия вернулся из магазина, я услышал доносящиеся из комнаты Геррика голоса на незнакомом мне гортанном, звенящем и прищелкивающем языке — так могли бы говорить птицы, если бы обрели речь, — а едва я поставил на пол тяжеленную сумку, как в кухне появилась Алиса.

Собственно, о том, что ее зовут Алиса, я узнал несколько позже, а в тот момент она просто возникла сбоку от дверного проема — будто бы не вошла, а материализовалась из воздуха, — сразу же развернулась на носках в мою сторону, чуть присев и держа в кулаке выставленный жалом вперед короткий кинжал.

Ну, вот и принцесса, обреченно подумал я.

В том, что передо мной именно принцесса, я нисколько не сомневался. Кому еще могло принадлежать это надменное, будто мраморное лицо, окруженное бутоном волос бронзового осеннего цвета, рыжина их умопомрачительно оттеняла нежную кожу на скулах. Кому могла принадлежать горбинка носа, ярко-алые губы, влажные и, видимо, горячие одновременно, за которыми угадывалась сахарная белизна зубов? Кому могли принадлежать тонкие и вместе с тем сильные пальцы, сомкнутые сейчас на рукояти кинжала?

— Привет, — выдохнул я.

Трудно сказать, почему она тогда не ударила сразу. По ее представлениям, как я позже стал их понимать, это было бы правильно и, более того, вполне естественно. Воин должен был отразить первый, так называемый «проверочный» выпад. Но она не ударила, и тем самым, вероятно, сохранила мне жизнь. А уже в следующую секунду в проеме дверей вырос Геррик и, гораздо лучше меня оценив ситуацию, быстро сказал:

— Это — моя сестра, Алиса...

— Ну, ты даешь... — только и вымолвил я, с трудом переведя дух. — Мог хотя бы предупредить...

С шорохом завалилась на бок осевшая сумка с продуктами. Никто даже не дрогнул. Однако глаза у Алисы расширились и налились необыкновенной, в отличие от Геррика, синевой. Кинжал куда-то исчез. Лицо из мраморной маски превратилось в обыкновенное, человеческое. Она, кажется, растерялась и, отступая на шаг, одновременно выдвинув вперед ногу в кроссовке, сделала нечто вроде придворного книксена.

— Простите, милорд, я не знала... — Вспыхнула, поймав странный взгляд Геррика. — Еще раз простите, милорд, я де-

лаю что-то не так? Это не по зломыслию, ваша милость. Я не имела чести быть вам представленной. Будьте снисходительны к бедной провинциалке. В каждом Доме — свои обычаи...

Она по-ученически, беспомощно посмотрела на Геррика. Тот, как простуженный, трубно кашлянул.

— Это не лорд... кгм... сестра...

— Не лорд?

— Кгм... Извини...

Тогда Алиса стремительно выпрямилась. И голос ее зазвенел, будто натянутая струна.

— Какого черта, — воскликнула она в негодовании. — Значит, я, как в цирке, выламываюсь перед простолюдином? Ты чересчур мягок, брат! У них и так слишком много данных им прав. Если это простолюдин, то почему он обращается к тебе на «ты»? Почему он непочтительно отвечает и почему он не называет тебя: «мой господин»?!

— Он спас мне жизнь, — с запинкой пояснил Геррик. — Он сражался рядом со мной. Он — достоин. И я... Я посвятил его в воины...

Взгляд Алисы стал испытующим.

— Это посвящение... Оно было официальным?

— В какой-то мере, сестра...

— Ах, вот как!..

— Я тебе потом все объясню, — поспешно сказал Геррик. С некоторым удивлением я отметил, что он тоже слегка покраснел. А с лица слетело высокомерие, и оно стало несчастным. — Пока оставим этот разговор, сестра...

Обо мне они как будто забыли.

Я нагнулся и начал разбирать сумку с продуктами. Достал творог, молоко, плоскую упаковку сыра.

В конце концов, я был у себя дома.

Геррик, видимо, тоже что-то почувствовал. Лицо его стало не просто несчастным, а как бы даже страдающим.

Он, чуть задыхаясь, сказал:

— Наверное, мы тебя очень обременяем, Рыжик. Скажи слово — и мы с сестрой сразу уйдем. У тебя нет перед нами никаких обязательств.

Он еще никогда не говорил со мной так. У него даже голос немного дрожал.

Я посмотрел на него — он кивнул. Я посмотрел на Алису — она молча и непреклонно ждала. Я посмотрел в окно — крупные тревожные звезды горели над городом. Небо очистилось, и крыши чуть серебрились лунным отблеском сентября.

Черный ветер обрывал листву на канале.

Был вечер Земли.

Половина девятого.

— Оставайтесь, — тихо сказал я.

6

Не знаю, прав я был или нет. Я уже говорил, что те события, в которые меня затянуло, начинали нравиться мне все меньше и меньше. В них теперь ощущался мерзкий вкус крови. И если бы в тот момент я мог рассуждать здраво и хладнокровно, я, скорее всего, попробовал бы расстаться со своими неожиданными гостями. Приключение приключением, гостеприимство гостеприимством, но всему должен быть разумный предел. Нельзя выходить за границы допустимого риска. Это уже не приключение, это борьба не на жизнь, а на смерть. Причем значительно вероятней, что — на смерть, а не на жизнь. Это если, конечно, рассуждать здраво и хладнокровно. Однако в тот момент я не мог рассуждать здраво и хладнокровно. Синева Алисиных глаз окатила меня, и я понял, что никакие будущие опасности просто не имеют значения. Что такое будущие опасности, когда загорается в глазах подобная синева? Я понял, что пропал сразу и на всю жизнь. И если Алиса захочет, я буду сражаться со всеми спецслужбами мира одновременно. И со всеми басохами, если таковые соблаговолят обратить на меня внимание. Потому что есть женщины, ради которых следует совершить подвиг. И Алиса, как я сразу почувствовал, была одной из таких женщин. Принцесса — это ведь не красивая выдумка сказочников. Принцессы действительно существуют, просто в жизни они встречаются крайне редко. И я также отчетливо понимал, что — на жизнь или на смерть, — но здесь

у меня нет почти никаких шансов. Ей был нужен не я, ей был нужен лорд, как они там себя называют. Ей был нужен воин, способный мужественно взять меч в руки. А что я — мешковатый и застенчивый человек в мятой рубашке, в джинсах, пузырящихся на коленях, в разваливающихся старых кроссовках. Не в одежде, разумеется, дело, но уже по тому, как человек одет и как он держится, можно сразу сказать, что он собой представляет. Алиса и показала непроизвольно — скользнула по мне, как по мебели, равнодушным взглядом и отвернулась. Я был недостоин ее внимания. И, наверное, мы все-таки расстались бы через некоторое время — ночью, лежа без сна и глядя на звезды, я непрерывно думал об этом, — она сохранилась бы в моей памяти молнией, просквозившей по скучной обыденности (живи с молнией, как выразился один забытый ныне английский писатель), она исчезла бы навсегда, и я вспоминал бы о ней лишь такими изматывающими сердце ночами — как о том, что могло бы быть, и чего, к сожалению, не было, но на другой день неожиданно произошли два события, которые, как я теперь понимаю, изменили мою жизнь окончательно и бесповоротно.

Утром, когда Алиса, объявив, что «мальчики, да, оказывается, у вас тут есть нечего; вот что значит — мужчины, сами о себе не в состоянии позаботиться!..», отказавшись от моих денег, объяснив, что деньги у нее как раз есть, умчалась в магазин, чтобы купить хотя бы яйца и молоко, я, видимо, находясь еще под воздействием бессонной ночи, ехидно и вместе с тем обиженно спросил Геррика:

— Когда это ты меня посвятил? Я что-то не припоминаю...

Честно говоря, я от него ничего не требовал. У них свои правила жизни, у меня — свои. Однако Геррик после моих слов как бы окаменел — просидел так секунду, а потом встал и молча ушел к себе в комнату.

Я думал, что он на меня обиделся, все-таки так, с сарказмом, я с ним до сих пор не разговаривал, но минут, наверное, через пять дверь из комнаты распахнулась, Геррик вырос на пороге, угрюмый, сосредоточенный, и, как вчера Алиса, обдав меня сияющей голубизной, мрачновато предложил:

— Заходи...

Он даже переоделся по такому случаю. Теперь на нем была та кожаная безрукавка, в которой я его впервые увидел, кожаные же (или из чего-то напоминающего кожу) джинсы и уже упоминавшиеся сапожки с металлическими заклепками. Но все — чистое, в отличие от первого раза, точно выстиранное, без каких-либо следов крови. Льняные шелковистые волосы спадают на плечи. На безымянном пальце — массивный перстень с синим, удивительно искристым камнем.

Главное же — на журнальном столике недалеко от торшера светил тусклым металлом обнаженный меч (Эрринор, как Геррик называл), и по гладкой поверхности проносились дымные расплывчатые тени.

Атласная синяя лента обвивала эфес.

Я почувствовал некоторое волнение от происходящего.

А Геррик взял меч, прижал его к правой стороне груди, клинком вверх, и отставил вбок свободную руку с раскрытой ладонью.

— Посвящение в воины Дома Герриков! — напевно провозгласил он. — Ты, пришедший сюда, готов ли стать воином Дома Герриков?

— Готов, — ответил я, чуть было по глупости не пожав плечами.

— Готов ли ты сражаться за Дом Герриков, когда призовет тебя к этому твой долг, и готов ли ты отдать за Дом Герриков свою жизнь, если потребуется?

— Готов, — опять сказал я.

— Обещаешь ли ты быть верным Дому в несчастьях и поражениях, в сомнениях и бедах, в горе и в отчаянии?

— Обещаю...

— С чистым ли сердцем говоришь ты, пришедший сюда?

— С чистым, — ответил я.

— Не отступишь ли ты от того, что потребует всех твоих сил?

— Не отступлю.

— Тогда поклянись в этом передо мной и перед всеми остальными Домами!

— Клянусь! — сказал я.

— Клянись трижды — чтобы услышали тебя все, кто должен слышать твою клятву.

— Клянусь!.. — сказал я. — Клянусь!.. Клянусь!..

— Тогда преклони колено, — велел Геррик.

Я опустился.

Не знаю, что в эту минуту на меня снизошло, но я тоже вдруг стал ощущать значительность и торжественность церемонии. Наверное, каждому хочется, чтобы его когда-нибудь посвятили в воины. Есть в нас такой древний и, видимо, непреодолимый инстинкт. Инстинкт сражения, инстинкт старой, как мир, победы. Вероятно, он сейчас впервые пробудился во мне, и когда дымчатая полоса клинка, источающая жар, который чувствовался даже сквозь рубашку, легла на мое плечо, меня пронзила дрожь — так что звонко и неожиданно стукнули зубы.

Дрожь восторга, дрожь небывалой радости.

— Ты хочешь сохранить свое прежнее имя? — спросил Геррик. — Отныне ты начинаешь другую жизнь. Ты рождаешься заново и ты можешь выбрать то имя, которое тебе нравится.

— Пусть останется прежнее, — сказал я.

— Так — будет!..

Меч сильно вдавился мне в кожу. Жар был непереносим, казалось, рубашка сейчас задымится и вспыхнет. Ясно было, что долго мне так не выдержать. Но продолжалось это, к счастью, не больше мгновения. Раскаленный металл перешел как бы в свою полную противоположность, и возвышенная прохлада разлилась по всему телу.

— Поднимись, воин! Теперь ты принадлежишь к Дому Герриков!..

Я несколько неуверенно встал на ноги.

А Геррик, положив меч на столик, поднес к лицу обе ладони уже знакомым мне жестом и сказал в синеватый туман, который вдруг затянул их внутреннюю поверхность:

— Объявляется всем!.. Я — Геррик Беттофол Старший, из Дома Герриков, наследственный лорд Алломара, чье право

подтверждено вечным Законом, член Императорского Совета, имеющий полный голос, владетель Гискарских гор и озера Натайико, объявляю для всеобщего сведения...

Дальнейших слов я не слышал. У меня, как на сдвинувшейся карусели, поплыла голова и, чтобы не упасть, я был вынужден схватиться за ближайшую стенку.

Тут же бухнула дверь на лестницу, послышались торопливые шаги в коридоре, и в комнату ворвалась Алиса, разъяренная, как фурия.

— Что ты наделал?!

— Я посвятил его, — тихо, но с громадным достоинством сообщил Геррик.

— Ты прокричал об этом во всех Домах мира!..

— Таковы Законы, и я не вправе их изменить. О посвящении должно быть объявлено.

— Геррик! Геррик!..

— Ты знаешь это не хуже меня.

Алиса разжала пальцы, и сумка, откуда высовывались молочные упаковки, шмякнулась на пол.

— Тенто тоже услышит твой голос, — безнадежно сказала она.

— Пусть слышит...

— Геррик! Геррик!.. Что ты наделал!..

И тут Геррик показал, что он действительно лорд и глава Дома. Он вздернул угловатый костяной подбородок и посмотрел на Алису, точно из неимоверной дали.

— Я сделал то, что должен был сделать, — холодно сказал он. — А теперь ты сделай то, что по законам нашего Дома должна сделать женщина!

Алиса молчала.

— Ну?

В голосе звякнул металл.

Тогда Алиса обернулась ко мне и склонила голову.

— Приветствую тебя, отныне сражающийся... — негромко сказала она.

Ресницы ее подрагивали.

Так я стал воином.

А другое событие, еще более неожиданное, чем первое, произошло ближе к вечеру. После церемонии посвящения меня почему-то охватил приступ отупляющей слабости — пришлось лечь и провести почти три часа в постели. У меня по-прежнему плыла голова, а в груди вместо сердца была какая-то намокшая вата.

Кстати, Геррик находил это вполне естественным.

— Так и должно быть, — успокоил он меня, на мгновение прикоснувшись ко лбу. — Посвящение захватывает человека полностью. Зато потом у тебя будет прилив сил.

Правда, пока что прилив сил был лишь у него самого. Он как будто преисполнился энергией, не позволяющей ни на секунду оставаться в покое. Быстро ходил по квартире, брал и сразу же клал на место разные вещи. Включил телевизор и тут же, поморщившись, вновь его выключил. Кажется, он был не в состоянии ни на чем сосредоточиться. Веки его опускались, и вдруг — распахивались как бы ударом. Яростный световой поток бушевал на дне глазных яблок. А часов в шесть вечера, когда я уже начал понемногу приходить в себя, он прицепил Эрринор к поясу, прикрыл его брошенным через руку плащом и, не предупредив ни о чем, исчез из дома.

Меня это, честно говоря, устраивало. Если признаться, обряд посвящения подействовал на меня очень сильно. Конечно, он был не из нашей эпохи, а откуда-то из непрозрачной толщи веков; конечно, времена рыцарей и колдунов давно отошли в прошлое; конечно, сказка есть сказка, и она не может быть выше реальности — все это так, однако жар дымного светящегося меча остался во мне, я действительно будто родился заново, магия преобразила меня, и я двигался и разговаривал, как мне казалось, с гораздо большей уверенностью.

Я точно повзрослел сразу на несколько лет.

Немного смущало лишь то, что Алиса весь день меня как бы не замечала — столкнемся где-нибудь на проходе, она отстранится, непреклонно опустит ресницы, взгляд — в пол, впечатление такое, что она не хочет даже дотрагиваться до меня. Ждет, пока я пройду, чтобы двинуться дальше. Меня это несколько задевало. В конце концов, я им себя не навязывал.

Скорее, наоборот. И если уж ты в гостях, то соблюдай определенные правила вежливости. Нечего презирать хозяина, как бы он тебе ни был противен. Я, в свою очередь, тоже — обиженно надувался. Но еще хуже стало, когда мы остались вдвоем в пустой квартире.

Квартира — это, пожалуй, единственное, в чем мне по-настоящему повезло в жизни. Она у меня — громадная, невероятная даже, разумеется, по нынешним представлениям, расположенная в центре города, что для меня было немаловажно, и досталась мне путем сложных, многоступенчатых родственных обменов. Собственно, мне она как бы и не принадлежала. У нее был другой хозяин, который по каким-то причинам пока не мог ею пользоваться. В результате я наслаждался почти дворцовыми просторами своей площади: гулкие большие комнаты, здоровенная кухня почти в тридцать метров, два разных входа, парадный и со стороны черной лестницы (очень удобно, если кого-то нужно впустить тайком). Все мои приятели испытывали ко мне лютую зависть. Квартира в Санкт-Петербурге — вещь исключительно дефицитная. Располагалась она на шестом, последнем, этаже здания. Вид из окна — крыши и трубы, над которыми расплывается масляно-желтый купол Исаакиевского собора. В общем, местоположение мне очень нравилось. Однако сейчас дело заключалось вовсе не в этом. Только теперь, с появлением здесь Геррика и, главное, с появлением Алисы, я почувствовал, до чего она была пустой до сих пор, сколько тут накопилось одиночества и странных мечтаний, сколько неосуществленных надежд осыпалось пылью на полках и между шкафами. Хватило бы, вероятно, не на одну человеческую жизнь. Люблю поразмышлять о том, чего никогда не будет. Геррик взметнул эту пыль, как ветер, ворвавшийся из распахнутых окон. Мечтать стало некогда. Все мечты были здесь — достаточно протянуть руку. Алиса же принесла с собой колебания грозовой атмосферы: зыбкое напряжение электричества стало струиться по комнатам, концентрироваться вокруг меня, покалывая лицо и руки, и, казалось, что оно вот-вот вспыхнет ослепляющим разрядом молнии. Я все время чувствовал ее при-

сутствие. Вот она прошла в кухню, вот зачем-то включила кран в ванной. И Алиса, несмотря на демонстративную холодность, вероятно, чувствовала меня тоже. Мне с чего-то почудилось даже, что она слегка покраснела, когда за Герриком захлопнулась входная дверь. Чуть порозовела лицом и немедленно ушла к себе в комнату. Чем она занималась там, я не мог представить, ни одного звука не доносилось ни в коридор, ни через толстые стены, но примерно через полчаса после этого она, как хозяйка, не постучав, весьма решительно вошла ко мне и, присев на краешек стула, спросила, по-прежнему глядя в пол:

— Скажи, пожалуйста: ты действительно спас жизнь моему брату?

Я вскочил с тахты, где листал некий роман, не особенно, впрочем, захватывающий.

— Ну, нечто вроде того...

— А как именно это произошло?

Я удивился:

— Разве Геррик тебе не рассказывал?

— Я хочу знать это от тебя, — сказала Алиса. Шевельнулась и добавила после некоторого молчания: — Вообще-то, ты, когда ко мне обращаешься, должен добавлять титул «миледи». Мы с тобой не равны. Что ты смеешься?!

Я не смеялся. Я лишь усмехнулся, вспомнив «Трех мушкетеров». Потому что там тоже была своя миледи. Леди Винтер, и — не слишком положительная героиня.

— Учитывая твое происхождение, — гневно сказала Алиса, — и учитывая обстоятельства, при которых произошло твое посвящение, я тебя прощаю, в конце концов, что требовать с простолюдина? — Она нетерпеливо притопнула носком тапка. — Ну, рассказывай!..

— С самого начала? — спросил я.

— С самого начала, разумеется, и — во всех подробностях!..

Делать было нечего — я рассказал ей обо всем именно сначала. Как я две недели назад возвращался довольно поздно домой с одной вечеринки, какая это была скучная

вечеринка и какое у меня было отвратительное настроение, и как я услышал стон в темном углу двора, и как, преодолев нерешительность, подошел и обнаружил там Геррика, и как ужасно он выглядел, когда я его там увидел, и как я, опять-таки преодолев нерешительность, привел его к себе на квартиру, и как он бредил всю ночь (теперь я догадывался, что он так звал Алису), и как он поправился, наконец, и какие удивительные события последовали за всем этим.

Я не пытался ничего приукрашивать, не преувеличивал трудностей и не строил из себя героя. Мне почему-то стыдно было так поступать. Мне казалось, что Алиса взвешивает каждое мое слово. Слушала она, не перебивая, а когда я закончил, задала всего два вопроса:

— Там, во дворе, ты точно видел черную лужу?

— Точно, — сказал я. — И мне кажется, что это была не вода. Темная такая, как — чернила...

— Ну, это был басох, — заметила Алиса будто сама себе. — Интересно, как басох оказался здесь, прежде чем пришел зов от Геррика? — Лоб ее прорезала вертикальная складка. — Странно и необъяснимо...

И второй вопрос, который она мне задала:

— Значит, поначалу ты не хотел вести Геррика к себе домой, но все же привел. Почему?

— Ну... ему было плохо, — нерешительно объяснил я. — Он был такой слабый, и, может быть, даже умирал. А вызвать «скорую помощь» не захотел. Что же мне было делать, не оставлять же его так на улице...

Я замолчал, потому что Алиса прерывисто и быстро вздохнула. Она вздохнула, а потом подняла руки, сжатые в кулачки, и слегка ударила их друг о друга.

— Все правильно, — заключила она. — Все правильно. Ты спас ему жизнь. А я надеялась...

На что она надеялась, она объяснять мне не стала, снова прерывисто вздохнула — раз, другой, третий... Вскочила на ноги, словно хотела выбежать из комнаты, широко открыла глаза — яркая синева их хлынула на меня, как волна, — опустилась рядом со мной на тахту, почти неслышно произнесла:

— Ты спас всех нас, воин...

И вдруг подняла лицо — с чуть разомкнутыми нежно-упругими губами, ждущими поцелуя...

Потом Алиса заснула минут на пятнадцать. Я смотрел, как она безмятежно дышит: спокойно, точно ребенок. Волосы ее цвета осени разметались по всей подушке. В углах тонких век скопились серые тени усталости. Я готов был драться со всем миром, только чтобы не потревожили ее сон. Ничего подобного со мной еще никогда не было.

Но когда она проснулась и рывком открыла глаза, я увидел, что солнечная синева из них опять испарилась, и остался твердый голубоватый металлический блеск, как у Геррика, такой же безжалостный и пустынный, только, пожалуй, еще более непримиримый, чем раньше.

Несколько мгновений она изучала меня, словно не понимала, как оказалась в постели с этим мужчиной, а потом — тоже рывком — уселась и, придерживая на груди одеяло, глянула с проявившейся озабоченностью:

— Пожалуйста, никогда не говори об этом моему брату. Ни словом, ни намеком. Я тебя очень прошу.

— Почему? — спросил я.

— Он этого не поймет.

— Разве ты не свободная женщина? — с удивлением спросил я.

Мне казалось, что уж кто-кто, а она делает то, что захочет.

— Разумеется, свободная, — высокомерно объяснила Алиса. Отодвинулась нервно, как будто ее смущало, что я созерцаю ее голую спину. — Разумеется, я перешла порог детства и давно решаю сама, как мне поступать.

— В чем дело? — озадаченно спросил я.

— Ни в чем!

— Я тебя чем-то обидел?

— Не трогай меня!

Я протянул руку, чтобы привлечь Алису к себе, но она, точно кошка, отпрянула еще дальше.

Высоко поднялись дуги рыжеватых бровей.

Нос заострился.

Алиса, не глядя на меня, объяснила:

— Миледи, конечно, может переспать с простым воином или слугой, если таков будет ее каприз. Но ни воин, ни тем более слуга никогда не станут ей равными. Потому что воин — это всего лишь воин, и слуга — это всего лишь слуга. Они останутся таковыми до конца жизни.

Она прикусила губу.

— Отвернись, мне надо одеться.

— А я, по-твоему, кто — воин или слуга? — спросил я.

— Ты — простолюдин, недавно обретший свой Дом...

— Понял, — сказал я.

— Отвернись!..

Так она меня обнадежила.

7

И тем не менее, наступило чудесное светлое время, которое я до сих пор вспоминаю подробно и с замиранием сердца. Уже через пару дней после своего появления Алиса голосом строгой сестры сказала Геррику:

— Надо бы тебя подлечить, братец. Какой-то ты здесь стал желтоватый...

Лично я болезненной желтизны в Геррике не замечал. Наоборот, здоровый, резкий в движениях парень одного со мной роста (а я, чтоб вы знали, тоже вовсе не из коротышек), несколько, быть может, угрюмый, что не удивительно при его обстоятельствах, но такой — мускулистый, явно не обремененный хилостью тела, берет вилку, задумывается, и — металлический черенок начинает гнуться в его пальцах. Куда уж лучше? Тем не менее, Алисе, вероятно, было виднее. И несмотря на все возражения Геррика, не очень, впрочем, упорные, — чувствовалось, что в этом вопросе Геррик ей подчиняется, — она увела его к себе в комнату, плотно прикрыла двери, даже, кажется, на защелку, и, уж не знаю, как там она его лечила, но когда примерно через полчаса Геррик вышел на кухню, это был чуть ли не совершенно другой человек. Полный энергии, свежий, помолодевший, наверное, лет на десять. Он теперь даже двигался несколько по-иному, точно не пользуясь зре-

нием, а ощущая предметы интуитивно. Мог безошибочно взять нужную ему вещь, не оборачиваясь. Целыми днями он пропадал по каким-то своим совершенно непонятным делам. Возвращался домой уже только к полуночи — с виду неимоверно уставший, голодный, не способный ни к чему, кроме как быстро поесть и завалиться в постель, и, тем не менее, расплескивающий вокруг себя лихорадочное возбуждение. Глаза у него сияли. А уверенное лицо было — кровь с молоком. Лишь теперь я оценил слова Алисы насчет желтизны.

Сама же она после лечения стала выглядеть значительно хуже. В тот же вечер сразу легла и до следующего утра больше не появлялась. Да и на другой день казалась какой-то вялой и не отдохнувшей. Тогда-то особенно и проявились те тени в уголках глаз. Она точно отдала часть своих сил Геррику и потом всю неделю медленно их восстанавливала, впитывая из окружающего. Нельзя сказать, чтобы это было совсем уж плохо: да, конечно, некая тягучая слабость в ней ощущалась, но зато, благодаря, видимо, этой слабости, Алиса значительно больше стала походить на женщину. Не на звездную воительницу, с презрением отстраняющую от себя любое человеческое тепло, а на обыкновенную девочку, вчерашнюю школьницу, еще не распростившуюся с уроками и так еще не понявшую до конца, что ни строгой учительницы, ни экзаменов больше не будет.

Обычно она приходила ко мне ранним утром. Геррик уже убегал, и мы были полностью предоставлены самим себе. Вся наполненная тишиной квартира была в нашем распоряжении, и внезапно прорвавшийся смех, голоса, восклицания выдавливали из нее одиночество. Гулкие пустоватые комнаты больше не наводили на меня тоску. Никакой косметикой или шампунями Алиса не пользовалась, но всегда приносила запах цветов и звезд — еле чувствующийся, однако — острый, пряный, тревожащий сердце. Так, наверное, пахнут весной распускающиеся первыми травами степи. И дурачилась она именно так, как вырвавшаяся на свободу школьница. Наше утро было не постепенным и внимательным узнаванием тайн друг друга, а напоминало скорее возню подростков на жарком пляже, когда лица обоих

разгорячены, лямки купальника сползают с голых плечей, глаза чуть ли не светятся, выдавая внутреннее возбуждение, и обоим еще неясно, что это уже не игра, не возня, а первые проблески совсем иных отношений.

То же самое было и у нас с Алисой. По-моему, удовольствие она получала вовсе не от того, что мы, употребляя иносказание, называем любовью, — хотя то, что мы называем любовью, ей несомненно было приятно, но еще больше ей нравилось то, что в эти часы можно было вести себя безо всяких ограничений: вскрикивать, как птица, мяукать, строить забавные рожицы, болтать глупости, какие только приходят в голову, хохотать от души, затевать беготню по всем трем комнатам. Поймать ее в таких случаях было очень непросто. Мне казалось, что она не столько бежит, сколько перепрыгивает из одного места в другое. И когда я все же ее ловил, создавалось впечатление, что она мне слегка поддается. Утвердил меня в этом еще и такой случай: как-то Алиса, лежа рядом со мной, взяла, поначалу дурачась, — пальцы в пальцы — мою руку и согнула ее, несмотря на яростное сопротивление. Причем, сделала она это без какого-либо видимого напряжения. Вероятно, физически она была значительно сильнее, чем я. И мне показалось, что в глазах у нее тогда мелькнуло снисходительное презрение. Это царапнуло, но постепенно забылось, как забываются все мелкие неприятности.

Затем мы в расслабленном и умиротворенном настроении завтракали, практически не разговаривая, Алиса ела, как эльф, — ломтик сыра, одно яблоко, — а потом, как правило, часа три-четыре гуляли по городу.

С погодой нам повезло исключительно.

Была осень, именно те прозрачно-великолепные дни, когда воздух чуть холоден, но не до такой еще степени, чтобы стало зябко, зато — вкусен, свеж и, видимо, благодаря холоду почти не виден. Парки сквозят желтизной, зеленоватыми прудами, дорожками. Настой дряхлого солнца выпаривается в просветах улиц. Тащатся покоробленные сухие листья по набережным. Будто оплавленное стекло, перемещается от моста к мосту темная вода в каналах. Лучшее время года в

Санкт-Петербурге. И даже когда небо с утра затягивало лохматым туманом, и противная зыбкая морось выдавливалась как будто прямо из воздуха, мокрой пленочкой одевая лицо и одежду, мы все равно не спешили возвращаться домой, а лишь старались поплотнее прижаться друг к другу. Впрочем, Алиса, по-моему, никогда не мерзла. Я рассказал ей удивительную историю города, возникшего на чухонских болотах, проклятого еще в самом начале своего рождения, но стоящего, вопреки историческому проклятию, до настоящего времени.

Алису это чрезвычайно интересовало.

— Значит, проклятия можно избежать? — задумчиво спрашивала она.

Я пожимал плечами:

— Наверное, можно...

— Но для этого, — говорила она, — требуется, по-видимому, какое-то другое заклятие.

Я молчал. Это была область, мне недоступная. Зато я показывал ей светящие мрамором статуи Летнего сада, фантастическую решетку, которую, как считается, нужно увидеть хотя бы раз в жизни, серо-кровавый Михайловский замок с подъездом из грубовато отесанных каменных плит. Представляешь, говорил я, ветреная мартовская ночь, качающиеся фонари, скованные дремотой стражники, глухая темнота в окнах, и — шаги заговорщиков, разносящиеся по мозаичным покоям. Треск восковых свечей, железные молнии шпаг, вытащенных перед спальней... Это как раз мне понятно, отвечала Алиса... Я показывал ей Зимний дворец в коросте фризов и лепки; неприветливую, будто из загробного мира, крылатую колоннаду собора на Невском; оставляющую след в небе иглу Петропавловской крепости. Алиса обо всем этом живо расспрашивала, утверждала, что у Санкт-Петербурга, в отличие от многих других городов, есть собственная душа. Есть-есть-есть, поверь, я уже кое-что видела. Правда, я не уверена, что душа эта — добрая, тут же добавляла она. А у сфинксов, придавливающих постамент звериными лапами, она простояла в оцепенении, наверное, минут пятнадцать — пристально рассматривала их плоские каменные глазницы.

Наконец, произнесла очень тихо:

— Они — страшные. Они знают нечто такое, чего нам, людям, лучше не знать... — А через некоторое время, когда мы по мосту, парящему над осенними водами, перешли в узкие и печальные переулки петербургской Коломны, она снова, как от озноба, поежилась. — Мне теперь кажется, что они все время на меня смотрят. Б-р-р!.. Как вы можете жить с ними в одном городе? От них исходит — зло.

Здесь опять была недоступная мне область. Я не то чтобы побаивался ее, но чувствовал, что пока не стоит туда соваться. Я был внутренне не подготовлен к выходящему за рамки обыденного и поэтому предпочитал в разговорах несколько иные темы: о себе, о проектной конторе, где я убивал скучное время, о свершениях, которыми я грезил когда-то в детстве, о надеждах, не сбывшихся и, вероятно, уже не имеющих силы осуществиться.

Как ни странно, Алиса слушала меня довольно внимательно.

— Ты — не разбуженный, — сделала она вывод, когда мы брели в районе Сенной, по изгибу Екатерининского канала. — Не обижайся, бывают такие люди. Они действительно предназначены жизнью для чего-то большого. Но в них пока не зажглась искра, которая озаряет душу. Впрочем, — задумчиво пояснила она, — не разбуженный — это еще не самое худшее. Я боялась, что ты — погасший, а это гораздо опаснее. Погасшие — те, в ком некая искра была, но потом исчезла: ненавидят и себя, и — непременно — всех остальных. Прежде всего — остальных. А в тебе такой ненависти не ощущается...

Это заключение меня обрадовало. Значит, я в ее глазах еще не совсем безнадежен. Значит, у меня все еще впереди! Меня это вдохновляло.

А вот о себе Алиса рассказывала значительно меньше. На вопросы, откуда они появились, она реагировала точно так же, как Геррик, — то есть либо отмалчивалась, либо отвечала что-то неопределенное. Ясно было, что ей не хочется поднимать эту тему. И лишь однажды, когда мы, расслабленные после утренней физзарядки (так я ее называл), отдыхали под простыней, следя, как наползает на нас

осенний бледно-слюдяной луч солнца, Алиса, глядя на него, точно загипнотизированная, начала говорить о холмистых равнинах, покрытых густыми травами, как они сливаются с зеленоватым небом на горизонте и как расцветают весной, покрытые миллионами лазоревых колокольчиков; о дубравах, которые перед грозой кричат человеческими голосами; о самумах, в одно мгновение срывающих листья с целой рощи и уносящих их, завив в столб до неба, куда-то за горизонт; о ярких звездных дождях, падающих почти каждое лето, иногда удается найти кусочек такой звезды, и, заключенный в янтарь, он потом светится целую вечность; о мрачных замках, поднимающихся в излучинах неторопливых рек, о поселках свободных людей, разбросанных друг от друга на целые тысячи километров (как я понял, что-то вроде поселений американских первопроходцев); о своем доме, тоже высоком замке, с семи башен которого виднеется великое озеро Натайико; о громадных покоях, днем и ночью охраняемых дрессированными летучими мышами; о величественном тронном зале, четыре стены которого сделаны из драгоценных металлов: одна золотая, одна серебряная, одна платиновая и одна из красноватого фартрского электрума, в центре зала — фонтанчик, куда по подземным трубам течет вода из Хрустального источника в Гискарских горах, на потолке — малахитовая картина Древнего Царства (А теперь там хозяйничают солдаты Тенто, добавила она, скрипнув зубами. Я промолчал.); рассказывала о страшных засухах, иногда приходящих из загадочной пустыни Гайум, — реки быстро спадают, обнажается дно в длинных водорослях, йодистый пар гниения докатывается до смотровых башен замка, трава на равнине становится хрупкой и серой, точно из пепла, ветры ломают ее и, вздув грязным облаком, уволакивают туда же, за горизонт, а потом рушится с неба ливень и земля превращается в липкую грязь, из мрака опустевших лесов выходят тарригры — помесь обезьяны и леопарда, — и тогда стада диких буйволов жмутся к поселкам, а по ночам скользят вдоль улиц тени, выпивающие человека, как глоток воды.

— Басохи? — спросил я.

— Нет, басохи — это другое... — неохотно ответила Алиса. — Басохи — вообще не из нашего мира. Они принадлежат Хорогру...

— Кому?

— Тому, кто рождает мрак, и сам, как мертвый, живет в вечных тенях...

Обсуждать эту тему дальше она не пожелала. Меня удивило, что хищных зверей на Алломаре никто специально не истребляет.

— А зачем? — в свою очередь удивилась Алиса. — Каждый разумный человек может справиться с хищником.

— А если не справится? — поинтересовался я.

— Ну, значит, он... не слишком разумен. И тогда ему нечего делать в этом мире.

Здесь было что-то от жестоких законов Спарты. Странно звучали ее рассказы в обыкновенной петербургской квартире, среди кирпича и железных коммуникаций, стиснувших нас со всех сторон, среди обоев, громоздких шкафов, книжных полок. Это была сказка, которая никогда не проникает в реальность, забывается вместе с детством и возникает заново — в каждом подрастающем поколении. Сны, которые ни при каких обстоятельствах не превращаются в явь. Сны потому и снятся, что они — только сны. И все же сердце у меня слегка замирало при этих рассказах, а потом начинало биться часто и звонко. Я готов был слушать Алису целыми сутками. Сны иногда сбываются; холмистые травяные равнины завораживали меня. Я буквально чувствовал ветер, несущийся над дубравами, слышал звон лазоревых колокольчиков, поющих каждое утро, видел вздымающееся над горизонтом зеленовато-светящееся громадное солнце. Алиса же говорила, что наш мир для них слишком грязен: слишком много каменных зданий, которые иссушают душу своей безжизненностью, слишком много асфальта, булыжника, кирпичей, гранита, даже вода у вас заключена в камень, слишком много металла, набитого в почву, слишком много всего такого, без чего человек мог бы вполне обойтись.

— Ну, например? — спрашивал я.

— Ну, например, этот ваш ужасающий транспорт. Эти железные фуры с резиновыми колесами. Какой смрад они испускают на улицах, фу-у-у... Дикое, совершенно варварское средство передвижения. Как вы можете ездить среди неживого железа? Нет, фу-у-у!.. Отвратительно!..

Что тут можно было ей возразить?

Кстати, некоторые моменты она не могла объяснить при всем желании. Например, из каких звездных далей они с Герриком попали сюда, на Землю? Наша система координат представлялась Алисе совершенной загадкой. Она искренне не могла втолковать мне, где находится ее холмисто-равнинный мир. Законы физики или астрономии не имели для нее конкретного содержания. По-моему, она их просто не знала и никогда ни о чем подобном не слышала. В ответ на мое искреннее недоумение она только пожимала плечами:

— А зачем мне их знать? Ты же не вычисляешь точных координат того места, где находится каждая твоя вещь. Ты просто знаешь, где она сейчас пребывает. Вот и я знаю, где сейчас находится Алломар.

— Алломар?

— Мир, где я родилась... Я могу шагнуть туда прямо отсюда.

— Прямо из этой квартиры?

— Не совсем так, но — примерно...

Я в таких случаях умолкал. Недоступное раздражало меня и подчеркивало разницу между нами. Шагнет в Алломар из Санкт-Петербурга! Все, однако, было не так просто, как Алиса рассказывала. Шагнуть-то она шагнет, но для мгновенного перемещения из одной точки пространства в другую или для перемещения по времени — я не был уверен, что они не пришли к нам из нашего далекого будущего (или из прошлого, что мы, в конце концов, знаем о прошлом? Или из каких-то иных пространственных или временных измерений), — для этого требовалось колоссальное количество внутренней силы, и такую силу еще следовало терпеливо копить в себе, иначе придется совершить где-то вынужденную остановку — в каком-нибудь

мало приспособленном для этого мире. Собственно, как я догадывался, они с Герриком так и очутились в Санкт-Петербурге. Промежуточная остановка, вынужденный отдых для накопления сил перед дальнейшей дорогой. Поспешное бегство из разгромленного Алломара. Эти рассуждения приводили к мысли, которая мне не очень нравилась:

— Так, значит, вы скоро отсюда уйдете?

— Конечно, — объяснила Алиса. — Неужели ты думаешь, что мы останемся навсегда в этом варварском мире?

Я был задет и даже до некоторой степени оскорблен. До сих пор я не то, чтобы считал Алису и Геррика представителями несколько менее развитой по сравнению с нами цивилизации, — вот так прямо я не формулировал бы это даже наедине с собой, — но согласитесь, что мечи и кинжалы в эпоху атомных бомб и ракет «воздух — земля» с компьютерным наведением — это все-таки нечто такое, что вызывает снисходительную улыбку. Да, конечно, драться они умеют, если речь идет о физической драке, но хотел бы посмотреть на них, когда долбанут по городу разделяющиеся боеголовки или когда бомбовые ковры, перемешивая камень с землей, начнут один за другим накрывать его родовой замок. Против «Су» и «Фантомов» никакие отточенные финтифлюшки не защитят. Мне казалось само собой разумеющимся, что и Алиса, и Геррик тоже внутренне осознают это.

И вдруг выясняется, что они не только не осознают, но, напротив, искренне считают примитивным аборигеном меня самого. Это была, разумеется, мелочь, и, однако, мелочь — чрезвычайно для меня неприятная.

Я в тот момент даже не сообразил, что ответить. И Алиса, наверное, тоже что-то почувствовала. Подняла голову и внимательно посмотрела на меня.

— Обиделся? — спросила она. — Не обижайся, я — не нарочно. Мне еще учитель Моррэ говорил, что я слишком эмоциональна.

— А это плохо или хорошо? — спросил я.

Алиса хитровато прищурилась.

— Смотря откуда смотреть. Для женщины Дома Геррик — это плохо. А для некого человека по имени Рыжик —

это, по-моему, хорошо. Пусть он только попробует заявить, что это не так. Понял?..

И она решительно притянула меня к себе, обвив гибкой и сильной рукой.

Мелкие противоречия возникали у нас постоянно. Вероятно, Алиса задевала меня, сама того не подозревая. На мой осторожный намек о возможных последствиях наших нынешних отношений она небрежно ответила, что насчет последствий мне можно не волноваться, беременности не будет, никакие противозачаточные таблетки ей не нужны, само нежелание быть беременной предохраняет ее лучше любых лекарств.

— У меня будет ребенок, только если я сама этого захочу, — объяснила она.

— А как же я? — мой голос, по-видимому, из-за того, что я отвернулся, прозвучал глухо.

— При здесь ты?.. Отцом моего ребенка должен быть лорд или, в крайнем случае, воин. Потомок простолюдина не может стать владетелем Алломара. Это абсурд!.. — Алиса, видимо, здесь опять что-то почувствовала, потому что, ласкаясь, потерлась носом о мое плечо. — Посвящение, как таковое, еще не делает человека настоящим воином.

— А что делает? — спросил я по-прежнему глухо.

— Ну... Следует доказать, что ты — действительно воин. Требуется совершить что-то, что послужит таким доказательством. Нужно сражаться, нужно победить врага...

Вероятно, она была права. Слышать это было обидно, но Алиса была права. Какой из меня воин? Я ни разу в жизни не брал в руки оружие. И у меня нет врагов.

Я был с нею почти согласен.

И еще меня задевало то, что она, проговариваясь, вероятно, упорно называла меня простолюдином. Социальное устройство их мира было, на мой взгляд, крайне отсталым: крестьяне, они же ремесленники, всецело занимающиеся земледелием или содержащие мелкие мастерские; свободные люди, отличающиеся от крестьян-ремесленников тем, что имели право носить при себе оружие; слуги; ученые, в

число которых входили, по-видимому, и все занимающиеся искусством; воины, опять же свободные или по контракту на службе, и, наконец, как вершина всего, — немногочисленные владетельные лорды. Насколько я понимал, это была жесткая кастовая система. Каждый занимался исключительно своим делом, к чему предназначен был чуть ли не с самого момента рождения, и каждый имел круг прав, ограниченных его собственным положением. Система освященного законом неравенства.

Алиса, впрочем, находила такой порядок вполне естественным.

— Люди действительно отличаются друг от друга, — слегка поднимая брови, говорила она. — Один пашет землю, другой сражается за него, рискуя жизнью. И очевидно, что тот, кто рискует жизнью, должен иметь больше прав. Это логично и не требует никаких дополнительных объяснений. Кстати, никому не возбраняется стать воином, — добавляла она. — Нужно только взять в руки меч и доказать, что ты способен сражаться. Но ведь большинство людей вовсе не хочет совершать подвиги. Они хотят жить спокойно и чтобы их никто не тревожил. И пусть живут, и пусть подчиняются тем, благодаря кому они только и могут спокойно жить. Тем, кто платит жизнью за свое высокое положение.

И, наоборот, ей казалось диким, что в том мире, где она сделала временную остановку, и Эйнштейн, и последний задрипанный алкоголик обладают, хотя бы в теории, равными политическими правами. Один человек — один голос. Демократия представлялась ей верхом нелепости.

— Править должны умные, — говорила она. — Править должны только смелые и образованные. За кого проголосует крестьянин, всю жизнь ковыряющийся в земле? Да за того же крестьянина, кругозор которого ограничен полем пшеницы. И тогда — что? Весь мир превратится в деревню?

— А кто будет определять, что он — умный? — иронически спрашивал я.

— Другие умные, — терпеливо, как ребенку, разъясняла Алиса. — Если он достоин, они без разговоров примут его к себе. Здесь препятствий нет. Он станет одним из них.

Что-то в ее словах было.

Но меня все же коробило, что при Геррике, например, она становилась совсем другой — отчужденной, почти незнакомой, холодно-высокомерной, настоящей миледи, осознающей высоту своего положения, для которой простолюдин — это где-то там, в самом низу.

Вот — оборотная сторона разделения людей на касты.

Меня это просто бесило.

И я давал себе слово, что потом, оставшись с Алисой наедине, буду вести себя точно так же сдержанно и высокомерно. Покажу, что и у простолюдина, если уж они меня таковым считают, тоже есть чувство собственного достоинства. Что бы они там о простых людях ни думали. Я старался быть хмурым и отворачивался, когда она ко мне обращалась. Я старался, чтобы она также наталкивалась на некий барьер между нами. Однако при всех усилиях удавалось мне это плохо. Стоило Алисе, дурачась, чмокнуть меня в щеку, стоило ей прильнуть и провести по спине ладонями, стоило ей по-женски, снизу вверх, заглянуть мне в глаза, как вся моя тщательно накопленная обида мгновенно улетучивалась.

Долго сердиться на нее я не мог.

Это были действительно всего лишь досадные мелочи. И хотя отношения между людьми складываются по большей части именно из мелочей, мы еще были на той стадии отношений, когда разногласия легко стираются поцелуями.

Алиса моей хмурости как бы не замечала.

И только однажды она вспыхнула не на шутку. Я (не помню уже, по какому случаю) спросил, из-за чего, собственно, разгорелся весь этот сыр-бор, почему лорд Тенто преследует их и почему они вынуждены скрываться здесь, на Земле? И Алиса неохотно ответила, что разрезана Синяя Лента.

— Не понял, — озадаченно сказал я.

Тогда Алиса объяснила мне, что Синяя Лента — это знак Дома Герриков. Цвет наследственного владения земель Алломара. На Синей Ленте висела Капля Росы, которая, сверкнув с неба, вдохнула жизнь в первого лорда Геррика. С тех пор, уже четыреста лет, каждый лорд Дома Герриков целует ее, вступая во владение Алломаром.

Я все равно не понял.

— Это что — такая материя?

— Сам ты — материя, — презрительно сказала Алиса. — Синяя Лента соткана из волокон семи Тайных Трав. Только великий Орразио знал, где растут эти Травы. И только он, работая двадцать лет, мог соткать подобную Ленту. Сейчас секрет Семи Трав утерян.

Тогда я, кажется, понял.

— О, господи!.. — невольно сказал я. — Разрезали Синюю Ленту! Что за чушь? Да сшейте ее обратно, в конце концов! Господи, ну вы просто — как дети! Сколько человек погибло в этой бессмысленной бойне?

Я помню, как Алиса гордо выпрямилась при этих словах. И у нее даже подбородок задрался вверх, как у Геррика.

— То, что ты называешь бессмысленной бойней, длится уже больше тридцати лет. Мой отец и моя мать погибли во время первого вторжения Тенто на Алломар. Я потеряла замок, в котором выросла, я потеряла луга, на которых играла в детстве. Я потеряла свое сиреневое озеро Натайико!..

Она кричала, больше уже не сдерживаясь.

— И все из-за какой-то Синей Ленты, — небрежно напомнил я.

— Не из-за Синей Ленты, черт бы тебя побрал, а из-за чести!.. — сверкнула глазами Алиса. — Простолюдину, видимо, не понять, что такое — честь!.. Не из-за прибыли же воевать, как вы! Не из-за таможенных пошлин, не из-за выгодных торговых путей!..

Она замолчала, и видно было, как страстный гнев борется в ней со сдержанностью.

— За такое у нас вызывают на поединок, — через некоторое время сказала она. — Или навечно, официально проклял, изгоняют из Дома. Я прощаю тебя, потому что ты не имеешь должного происхождения. Ты не жил в Алломаре...

— Спасибо, — иронически сказал я.

— А что касается воинов, погибших за Алломар, то сражаться они пошли исключительно добровольно. Никто не может заставить человека жертвовать своей жизнью, если он сам того не желает. Любой воин в любую минуту может отка-

заться от выполнения почетного долга. Ему достаточно вернуть свой меч лорду Геррику...

— И что тогда? — ехидно, как мне казалось, спросил я.

— Тогда — ничего, — не менее ехидно парировала Алиса. — Во всяком случае, ничего из того, о чем ты, вероятно, подумал. Ни смертной казни, ни ссылки, ни даже общественного порицания. Такой человек просто перестает быть воином, вот и все.

— И что, кто-нибудь отказывался? — спросил я.

— До сих пор — нет! — Пальцы скомкали простыню, которой она спереди прикрывалась. — Нет, и я надеюсь, что никогда не будет. Потому что среди воинов Алломара нет трусов, — заключила она.

Откинулась на подушку и в гневе раздула ноздри.

В глазах была — синева.

Вот так мы с нею поговорили.

8

Переубедить я ее даже не пробовал. Я интуитивно догадывался, что это невозможно, и ни к чему хорошему не приведет. При малейшем намеке на злополучную Синюю Ленту (в подтексте — на ничтожность причин жестокой многолетней войны) Алиса просто ощеривалась, как зверек. Разговаривать на эту тему спокойно было нельзя. Все, что я сделал, это однажды подсунул ей Библию, Новый Завет.

Алиса перелистала книгу и очень мило наморщила точеный носик.

— С какой стати я должна прощать своих врагов? Враг от этого не перестает быть врагом. Зато друг вполне может перестать быть другом...

— Это идея примирения, — пояснил я. — Она отвергает месть, тем самым, возможно, способствуя некоторому улучшению человека. Потому что человек по природе своей должен быть добр...

— И намного улучшила? — поинтересовалась Алиса с искренним любопытством.

Я впал в затруднение.

— Ну... Определенный прогресс все-таки есть.

— А, быть может, прогресс был достигнут за счет развития цивилизации? — сказала Алиса. — Возникали законы, регулирующие отношения между разными сообществами людей, ограничивалась жестокость, постепенно возникало сознание, что определенные вещи недопустимы. Это те же Законы Чести, христианство здесь ни при чем. Как ни при чем — буддизм, иудаизм, мусульманство... Вообще не следует придавать религии слишком большого значения. Предположим даже, что именно Бог создал ваш мир, это вовсе не означает, что он им далее интересуется. Скорее — наоборот. Человек с начала времен был предоставлен самому себе и потому должен сам отвечать за свои поступки. Должен сам решать, как он поступит, и должен сам отвечать за это.

Она загоняла меня в тупик. Спорить с ней не имело никакого смысла. Аргументов, как таковых, Алиса не воспринимала. Для нее все было уже давно и окончательно решено. Вот враг — и с ним надо сражаться не на жизнь, а на смерть. Вот друг — он заслуживает помощи и уважения. Я в такие моменты чувствовал, насколько зыбки наши с ней отношения. Ни о какой любви с ее стороны не могло быть и речи. Алиса лишь заплатила долг за Геррика, которого я, по ее мнению, спас. Заплатила согласно законам того мира, откуда она пришла. Ну и еще, может быть, — любопытство к туземцу с отсталой планеты. Как человек я ее, видимо, не слишком интересовал.

Тем более, что некая тень лежала на всем, что происходило в те светлые осенние дни. Нельзя было ни на секунду забыть, что и Алиса, и Геррик находятся в смертельной опасности, что у них — безжалостный и неутомимый противник, что их ищут, и, как только найдут, черный ветер растреплет хрупкий мирок, который у нас случайно образовался. Она помнила об этом с утра до вечера.

И даже в те полные сентябрем часы, когда мы гуляли по городу, в те минуты, когда Алиса выглядела особенно веселой и беззаботной, она вдруг ни с того ни с сего замирала на одно-два мгновения, улыбка исчезала с ее лица, смех стихал, и она стояла, прислушиваясь к чему-то такому, чего я при всем желании слышать не мог. Кстати, время от времени так

же прислушивался и Геррик. И мне тогда представлялась напряженная тревожная тишина, возникающая иногда в перерыве между концертными номерами: музыки еще нет, но она как бы сохранена и присутствует в виде гулкого эха, которое вот-вот грянет неистовыми аккордами. Алиса объясняла, что связаться с ними могут в любое время. Гийом знает, что мы здесь, и он нас разыскивает. А кроме того, об этом знает и Дом лорда Тенто. Самого его еще нет на Земле, но он, несомненно, сюда прибудет. Нам нельзя пропустить этот момент. Синева в ее непримиримых глазах темнела.

— А откуда он знает, что вы здесь? — спросил я.

— Геррик оповестил все Дома о твоем посвящении. Передачу можно засечь и установить, откуда она была произведена. У меня нет сомнений, что Тенто именно так и сделал. Теперь они обязательно нас найдут. Это — вопрос времени, двух-трех недель, может быть, дней...

Я был ошеломлен ее словами и даже до некоторой степени — рассержен.

— Ты хочешь сказать, что Геррик сам выдал место вашего пребывания? Что это дурацкое посвящение обнаружило вас, и что теперь вся свора ринется на его голос? Черт побери, да неужели нельзя было отложить эти игры?..

Алиса уже в который раз устало вздернула брови.

— Геррик был обязан тебя посвятить, если ты сам хотел этого. А поскольку он тебя посвятил, он обязан был известить Дома о совершенном обряде. Посвящение в воины — не такой частый случай, как ты думаешь...

— И Дом Тенто он, значит, тоже поставил в известность?

— Разумеется. Весть должны слышать все, кто в ней заинтересован.

— Но зачем, зачем, зачем?! — вскричал я в ужасе.

— Таковы Законы нашего мира, — сказала Алиса. — Алломар не обманывает никого, даже своих врагов. Причем, врагов — тем более!

— Как это глупо!..

Алиса помолчала немного, взирая на меня как бы несколько издали, а потом, не найдя, вероятно, слов, демонстративно пожала плечами.

— Глупо, но — честно, — сказала она с явственным холодом в голосе. И затем повторила — опять после томительной паузы: — Может быть, это и глупо, с твоей точки зрения, но — это честно...

Я помню, как при ее словах померк солнечный сентябрьский день. Дунул ветер, и мелко зарябила вода в невском просторе. Из-за шпиля Петропавловской крепости потащились кривобокие облака с подгоревшей изнанкой. Я теперь тоже чувствовал тень, которая наползала на нас неизвестно откуда.

Ощущалась она буквально во всем. В том, что Геррик пропадал отныне целыми сутками — видимо, пытался кого-то найти, как я понял из намеков Алисы, — в том, что он возвращался в квартиру уже заведомо после полуночи, быстро и отрицательно мотал головой в ответ на наши взгляды, быстро ел, ничего никогда нам не объясняя, и немедленно после ужина скрывался к себе в комнату. Тень эта ощущалась в тревоге, которая прорывалась теперь у Алисы чуть не в каждом слове. Она явно нервничала и раздражалась теперь по самому пустяковому поводу. Дважды довольно резко отвечала на мои реплики и, наверное, чтобы не наговорить лишнего, как и Геррик, немедленно уходила к себе. Хорошо еще, что у каждого из нас была своя комната. А потом, через короткое время, опять появлялась и старалась вести себя так, словно между нами ничего не произошло. У нее даже веки подергивались — такие нечеловеческие усилия она для этого прилагала. А однажды она, схватившись за оконную штору, чтобы ее отдернуть, неожиданно замерла и сказала стиснутым горлом:

— Кажется, за нами следят...

Я осторожно выглянул через ее плечо.

— Да нет, это просто Васька Егоров, мой бывший одноклассник...

— Я уже третий день вижу его здесь, — сказала Алиса.

— Так он живет — вон где. С чего бы ему за нами следить?

— А если это басох?

— Какой басох?

— Басох не убивает человека, — терпеливо объяснила Алиса. — Он просто проникает в него и живет внутри. Внешне человек нисколько не изменяется — разве что глаза у него в темноте светятся красным, знаешь, как габаритные огни ваших машин, — но с этой минуты всеми его действиями руководит темный зверь. Причем сам человек об этом даже не подозревает...

— Кто, Васька?..

— Басох, — твердо повторила Алиса.

— Смотри-смотри! Он уже уходит!..

— Ну, я не знаю, — протянула Алиса с сомнением. — Он ведь действительно толчется здесь чуть ли не каждый день.

Больше мы к этому вопросу не возвращались. Однако тем же вечером вспыхнул спор, который произвел на меня сильное впечатление. Я что-то делал на кухне и вдруг услышал громкие голоса из комнаты Геррика. Вероятно, дверь туда против обыкновения была не закрыта. Говорили они по-русски, хотя не раз до этого переходили при мне на гортанный язык, звенящий многочисленными согласными. Мне казалось, что такой язык должен быть у людей, живущих в высоких горах. Язык ледников, язык долгого горного эха. Впрочем, Алиса с Герриком пользовались им не слишком часто: у нас нет тайн от воинов, у нас есть только некоторые личные отношения. Вообще, мог бы уже давно говорить на языке Алломара. — А как? — спросил я. — Ну как? Открываешь рот и — говоришь... — Тут мы, по-видимому, опять упирались в какую-то стенку. Так или иначе, я понимал сейчас каждое их слово. Геррик жестковато настаивал, чтобы Алиса немедленно покинула Землю. Говорил, что это безумие, здесь они все равно по-настоящему сражаться не смогут. Нечего подставлять под удар сразу двоих, в то время как некому защищать базу на Орисгедо. — Там — Гийом, — не менее упрямо отвечала Алиса. — Гийом, Гийом!.. — недовольно восклицал Геррик. — Гийому уже давно пора было бы быть здесь! Его место — тут, а не там, где вполне достаточно Герша!.. — Пусть лучше — там, я, знаешь, не очень верю Гийому... — Он — наш брат, и не забывай, что сейчас он — единственный наследник Алломара... — Вот поэтому я ему и не верю, — твердила

Алиса. Вспомни Капараббаю — откуда Тенто узнал, что мы готовимся там обосноваться? — Прошу тебя, замолчи!.. — Ни в чем нельзя быть уверенным, когда речь идет о Гийоме. — Чувствовалось, что они оба сильно раздражены разговором. Алиса сказала: — Может быть, ты и прав, но у меня все равно нет сил на это. — Ну, теперь у тебя есть, где взять силы, — странным голосом сказал Геррик. — Так ты его для этого посвятил? — Воин должен быть готов умереть за свой Дом... — Тише, пожалуйста, он может услышать, — сказала Алиса. Петли скрипнули, дверь, вероятно, плотно прикрылась, голоса сделались неразборчивыми и скоро совсем пропали.

Речь у них, по-видимому, шла обо мне. Я был тем воином, который принес обет Дому Герриков, и глава Дома решал — умереть мне как воину или позволить пока жить дальше.

Кажется, только тогда я впервые понял, насколько все это серьезно. Тень другого мира росла и все опаснее наползала на нас своим мрачным холодом.

Прикосновение ее я почувствовал уже на следующий день. Мы с Алисой прогуливались от Конюшенной вдоль Марсова поля, и когда свернули на отрезок Садовой, изгибом стремящийся к Невскому, Алиса чуть вздрогнула и, крепче взяв меня под руку, сказала, что за нами — басох.

Я как бы невзначай оглянулся.

Длинный трехвагонный трамвай как раз заползал на мостик между Марсовым полем и улицей, солнце пронизывало его от окон до окон, и видны были сгорбившиеся внутри редкие фигуры пассажиров.

Двое военных на переходе ждали, пока он освободит дорогу.

Мигнул огонь светофора.

— Не туда. Вон там — на бульваре...

Громадный лохматый пес возник между двумя тополями. Был он черен, будто только что вынырнул из кипящей смолы, и широкие медвежьи лапы его скребли землю. Угловатая, как у терьера, морда, вывесила синеватый язык.

Треугольные уши — торчком.

— Пошли-пошли, скорее!.. — Алиса даже царапнула меня ногтем по запястью. Повлекла вдоль изгиба Садовой, мимо

чугунной ограды, — увидела выломанный в решетке прут и тропинку за ним. — Пролезай!.. Бож-же мой, какой ты неповоротливый!..

Сильный толчок в спину чуть не заставил меня упасть на руки.

— Поосторожнее!..

Здание за оградой, наверное, принадлежало какой-то казенной конторе: окна его с тыловой стороны были прикрыты решетками, а на пустыре, испятнанном вялыми листьями, догнивала огромная, в человеческий рост, катушка с кабелем. Тут же — обрезок его, вспушенный коричневой ржавчиной.

— Здесь, — сказала Алиса, охватив пустырь быстрым взглядом. — Спина будет защищена, это хорошо...

Я ничего не успел толком сказать.

Она крутанулась, как в тот момент, когда я ее впервые увидел, протанцевала три шага, словно пробуя почву, мелко подпрыгнула несколько раз, немного присела, выбросила, как на пружинах, руки по сторонам, и из обоих ее кулаков высунулись голубоватые острия кинжалов.

Короткие плоские лезвия чуть дымились.

— Может быть, милицию? — предложил я, чувствуя себя лишним.

— Отстань!

— А что?

— Не болтай ерунды!..

Она повела плечами, видимо, разрабатывая суставы.

Кусты на противоположной стороне пустыря раздвинулись, и из них не столько выступило, сколько вытекло черное тело басоха.

Слышно было его дыхание, забитое мокрыми хрипами.

— Отойди назад, ты мне мешаешь... — яростно прошипела Алиса.

Я попятился, и в этот момент басох прыгнул.

Я, наверное, до конца жизни буду помнить эту картину: быстро плывущее в воздухе осени вытянутое собачье туловище, мохнатые широкие лапы, прямоугольная голова между ними, голая розовая, как у настоящей собаки, полоска кожи на брюхе. Басох был страшен и неумолим в своем натиске.

Не знаю, что произошло со мной в эту минуту, я прекрасно осознавал, что я без оружия и что не умею сражаться, мне ни в коем случае нельзя было вмешиваться в происходящее, но когда я узрел воочию черную глыбу басоха, надвигающуюся на Алису, слабую вдруг такую, беспомощную, как мне показалось, перед загробной угольной тенью, во мне словно что-то проснулось нечто отчаянное — толкнуло сердце, кипящей кровью зашумело в висках, — и я, замахав руками, ринулся, чтобы принять удар на себя.

Разумеется, я не успел. И, видимо, успеть не мог. Потому что я двигался не в том времени, в котором разворачивались события. Я едва-едва сумел сделать вперед два шага, как присевшая еще больше гибкая фигура Алисы взвилась в воздух, будто и в самом деле выстреленная пружиной, и одновременно в долю секунду провернулась вокруг оси — сначала левая ее рука коснулась басоха, потом так же — правая... Все произошло необыкновенно быстро. Момент равновесия при вращении, наверное, был потерян — Алису отбросило, точно зацепив мчащимся паровозом, и она покатилась по прелым листьям, переворачиваясь с груди на спину.

Кажется, я что-то крикнул.

Однако и для басоха быстрые прикосновения рук не прошли бесследно. Приземлился он, как и полагается псу, на четыре лапы, но они не спружинили, а подогнулись, не выдержав мнущей тяжести, и тяжелое мохнатое тулово, пропахав мордой почву, неуклюже кувыркнулось через голову.

Басох вытянулся на всю длину тела.

Уже в следующую секунду он, конечно, попытался подняться, лапы опять разъехались, брюхо безобразно зашуршало по листьям, приоткрылась ужасная пасть с коническими зубами, длинная конвульсия поставила дыбом шерсть вдоль хребта, туловище завалилось на бок, и прямоугольная оскаленная башка вывернулась в обмяклом изгибе.

Я почти ничего не соображал.

А Алиса уже вскочила с земли и, не разгибаясь, обходила распростертую тушу, по-прежнему держа наготове кинжалы в разведенных руках.

К свитеру прилипли скомканные мокрые листья.

Наконец, она шумно вздохнула и выпрямилась.

— Дурак, — сказала она, косясь на меня. — Дурак! Чуть было не испортил мне такой удар!..

Брякнула отодвигаемая задвижка, в здании приоткрылась дверь, обитая жестью, бритоголовый солдат в гимнастерке, перетянутой до складок ремнем, выглянул оттуда и чуть ли не со стуком захлопал глазами:

— Ну вы, земляки, даете!.. Что это вы, земляки, тут делаете?..

Он перебирал ногами, словно по малой нужде, но наружу не выходил.

— Пойдем-пойдем, — сразу торопливо сказала Алиса. Подхватила меня под локоть и потащила к забору.

— А как же басох? — спросил я.

— Насчет этого можешь не волноваться...

Я все-таки оглянулся.

Басох, как зарезанная овца, чернел на палой листве, и над кучерявой шерстью поднимался белый парок. Будто его, сваренного, только что вынули из кипятка. Вдруг грудинная часть просела и как бы треснула — темно-чернильный ручей выбежал из-под ребер и, сверкнув, как змея спинкой, устремился в канализационное отверстие.

Я вспомнил жутковатую лужу, виденную мною во дворе, в тот первый день, когда я наткнулся на Геррика.

— Что это, он — растворился?..

— Шевелись, шевелись!.. — теребила меня Алиса. — Она снова просунулась через дырку в заборе и, опять подхватив меня, выволокла наружу. — Соображай, наконец, он может быть не один. Ну что ты, в самом деле, еле шевелишься!..

Коленки у нее были в сырой земле.

— Ты классно сражаешься, — сказал я, наконец-то протолкнув ледяной воздух в горло.

Я хотел высказать ей свое восхищение.

Однако Алиса, как кошка, отпрянула и сверкнула яростными глазами.

— Женщины не сражаются, — прошипела она — опять же, как кошка. — Запомни, воин: женщины не сражаются, женщины — только любят. — И, увлекая меня по дуге Садовой в

сторону Невского, тоже отдышавшись, добавила через некоторое время: — Я тебя об одном прошу: Геррику про это — ни слова...

— Хорошо, — сказал я. — А почему?

— Потому что ему не надо об этом знать!..

9

Сказать, впрочем, пришлось. Против всех правил, Геррик к нашему возвращению уже был дома — сидел в моем кресле, у окна, ближе к свету, и, немного морщась, отрезал ножницами рукав у рубашки. По всему плечу у него расплывалось темное пятно продолговатой формы, и когда, наконец, он осторожно отвернул липнущую материю, открылась рваная рана от плеча до локтевого сустава, откуда сочилась похожая на сироп, густая, алая кровь.

Он поднял на нас глаза и виновато, точно оправдываясь, улыбнулся.

— Сколько их было? — будничным, поразившим меня тоном спросила Алиса.

— Трое... И, кажется, четвертый — наблюдал издали...

— Только наблюдал?

— Да, не вмешивался, если он вообще присутствовал. Мне, знаешь, было не до того... Ты не беспокойся, я все сделаю сам...

— Ладно уж, молчи...

Алиса сдернула свитер, присела на корточки и внимательно осмотрела рану.

Приказала мне:

— Что стоишь? Принеси бинт или чистую тряпку! Пластырь у тебя в доме найдется?

Несмотря на возражения Геррика, впрочем, не слишком уверенные, она быстрыми опытными движениями, как медсестра, сняла лишнюю кровь и, не оборачиваясь, протянула испачканный бинт назад:

— На, держи...

Затем она положила пальцы на рану, прикрыла глаза и замерла.

Геррик тоже немного опустил веки.

От меня в этот раз ничего не скрывали, и я, подавшись вперед, в некотором ошеломлении наблюдал, как кровь между пальцами Алисы сразу же остановилась, как густая ее поверхность сморщилась, стремительно подсыхая, превратилась в коросточки, которые тут же потрескались, и Алиса легко их отшелушила, проведя ладонью вдоль раны. Показалась мягкая розовая нежная кожица.

Тогда Алиса выпрямилась и несколько раз медленно и глубоко вздохнула.

— Все. Остальное — сам...

— Конечно, конечно, — поспешно сказал Геррик. — Это была засада, я не представляю, откуда они могли знать... Всего трое бойцов...

— Ладно уж, молчи...

Лицо у нее заострилось, глаза стали большими, облепленными морщинами, как от бессонницы. Она опустилась на поспешно подсунутую мною подушку и, передернув плечами, точно в ознобе, сообщила нейтрально:

— У нас тоже — новости...

О басохе она рассказала сухо и сжато, без лишних подробностей, но одновременно так, что я будто заново обозрел всю картину: плывущее по воздуху лохматое черное тело, гибкую фигурку Алисы, расставившую кинжалы... Желтая от листьев земля... Дымящаяся поверх них мазутная лужа... Мне стало зябко. А Геррик, выслушав рассказ Алисы без единого замечания, приоткрыл веки и спросил удивленно:

— Что, так и бросился на него — с голыми руками?..

— Представь себе...

Я был готов сгореть со стыда.

— Ну-ну, — непонятно сказал Геррик. Откинулся в кресле и снова прикрыл веки. Изможденный, с провалившимися, как у Алисы, щеками.

Мне было безумно жаль их обоих: одни на чужой планете, в чужом городе, в незнакомом и враждебном им окружении. Загнанные на квартиру к недотепистому аборигену, непрестанно преследуемые монстрами, выныривающими из мрака Вселенной.

Они были боги, но они были — гонимые боги.

Я будто вновь ощущал тот сквозняк, которым тянуло из черноты разбитого зеркала.

Вот откуда мелкий озноб.

И, вероятно, Геррик ощущал его тоже.

Потому что он передернул плечами, открыл глаза, посмотрел на меня, точно сумев разглядеть нечто новое, и повторил изумленно, не находя, видимо, других слов:

— Ну-ну...

Что он имел в виду, стало ясно на следующее утро. За завтраком, уже не избегая меня, как раньше, они с Алисой обсудили сложившуюся ситуацию. Оказывается, между ними существовали серьезные разногласия. Алиса считала, что им следует немедленно сменить квартиру и, быть может, не только квартиру, но и город, а еще лучше — страну. Кольцо вокруг стягивается, их местопребывание будет вот-вот обнаружено. И что тогда? Тогда — только гибель.

— Басох шел по запаху, это необходимо учитывать, — сказала она.

Доводы ее казались разумными.

Геррик же полагал, напротив, что ничего страшного, в общем, не произошло. В любой другой точке Земли нас ждет то же самое. Басохи выйдут на след, самое большее, через две-три недели. Мы же не можем забиться в какую-нибудь дыру и сидеть там безвылазно? Зато если мы переедем отсюда, будут окончательно и бесповоротно обрублены все связи. Гийом не сумеет добраться до нас, силы опять будут разобщены. Следует подождать еще немного.

— Сколько, по-твоему? — сразу же спросила Алиса.

— Хотя бы несколько дней. Еще несколько дней, наверное, ничего не решат. А пока — всем троим ограничить передвижения по городу. Чтобы не оставлять следов, по которым могут прийти басохи...

Я заметил, что при упоминании Гийома Алиса мимолетно поморщилась. Но ничего не сказала, сдерживаемая, вероятно, моим присутствием.

К согласию они так и не пришли.

Однако ясно было, что пока все остается по-прежнему. Окончательное решение в этих вопросах, как я уловил, было за Герриком.

— Ждем десять дней, — заключил он.

А Алиса пожала плечами и с очаровательной гримасой произнесла:

— Как хочешь...

Завтрак поэтому завершился в несколько отчужденном молчании. Я не вмешивался, чувствуя, что права на какое-то определенное мнение у меня еще нет. Алиса немного дулась и всем поведением демонстрировала, какие мы идиоты. Пожалеете потом, что ее не послушались, но будет поздно. В свою очередь, Геррик старательно делал вид, что ничего этого не замечает. Но в конце концов утомился и быстро допил свой кофе. А потом, с полчаса бесцельно побродив по квартире, заглянул ко мне в комнату и сказал, что нам пора бы заняться делом.

Под делом он, как выяснилось, подразумевал обучение меня боевому искусству. Ты теперь — воин, тебе необходимы хотя бы первичные навыки. Воин должен уметь отстоять при нападении себя и других.

— А получится? — спросил я, с опаской поглядывая на освобожденный от ножен матовый тяжелый клинок. Сразу чувствовалось, что он мне просто противопоказан. — Я никогда раньше не пробовал. Может быть, лучше не надо?..

Не отвечая, Геррик, как пушинку, поднял Эрринор на уровень глаз, двинул кистью так, что острие вычертило беззвучный круг в воздухе, посмотрел на меня искоса, словно призывая к вниманию, и вдруг, будто танцуя, сделал стремительный неуловимый выпад. Раздался свист нажатого воздуха, меч как бы отслаивая от себя тут же гаснущие отражения, быстрей, чем мог уследить глаз, описал замысловатую фигуру в пространстве — нечто вроде незамкнутой вытянутой восьмерки, — по изгибу ее явным чудом прошел между торшером и телевизором, сверкнул в опасной близости от моего носа (я даже не успел отшатнуться) и уже на излете коснулся

пергаментного сухого букета из трех разных трав, с незапамятных времен стоящего у меня на полочке неподалеку от зеркала.

Букет даже не шелохнулся, но спустя долю мгновения одна из пышных метелочек надломила соломинку стебля, нерешительно, будто задумавшись, отъединилась и упала на пол, разбросав вокруг мелкие семечки.

А Геррик снова поднял рукоять Эрринора на уровень глаз.

— Вот так, — без всякой рисовки, просто сказал он.

С этой минуты начались мои смешные мучения. Теперь два раза в день, утром и вечером, Геррик, не говоря ни слова, снимал со стены меч, покоящийся на двух шурупах, снимал с него ножны, кстати говоря, оказавшиеся действительно деревянными, и, подышав на клинок, пошептав над его разводами что-то неслышимое, протягивал его мне — вперед витой рукоятью.

Шептал он над дымным лезвием вовсе не просто так, и не случайно в тот первый вечер эфес показался мне вынутым из огнедышащего горнила. Никто чужой действительно не мог взять Эрринор в руки, рукоять сразу же раскалялась и способна была прожечь ладонь до кости. Успокоить ее можно было лишь особого рода магическим заклинанием.

Обнаружилось вообще, что в том мире, откуда пришли Алиса и Геррик, дело с мечами лордов обстоит весьма любопытно. Их, оказывается, не изготавливали из особых сплавов, как у нас, на Земле, не выковывали, не полировали и даже никогда не затачивали. Меч в том мире выращивался для каждого человека индивидуально. В глубоких Темных пещерах, лежащих под хребтами Гискара, у печального озера Аггерон, чьих нежных вод никогда не касался свет солнца, воспитанные в горных монастырях загадочные мудрецы, тийины, закладывают в день рождения мальчика светящуюся «нить жизни». Ежедневно они произносят над ней Древнее заклинание воинов, передаваемое из поколения в поколение, и ежедневно окропляют ее священной водой из озера — такой чистоты, что пить ее обыкновенному человеку нельзя. И ежед-

невно «нить жизни» подрастает вместе со своим хозяином... (А что такое «нить жизни»? — поинтересовался я. — Не знаю, спокойно ответил Геррик. — Как так, не знаешь? — А вот не знаю и все. Зачем мне это знать? — ответил Геррик.) В возрасте «первого разума», в три года, ребенок впервые касался теплого, еще живого металла. В возрасте «второго разума», в десять лет, меч приобретал режущие боевые грани. И, наконец, в возрасте «третьего разума», когда дымный металл окунался в жаркую кровь врага, он получал имя и с тех пор никогда не расставался с хозяином. А если хозяин его погибал, то утративший «нить жизни» меч погибал вместе с ним.

Вот каково было происхождение Эрринора. Неудивительно, что, первый раз взяв его в руки, я почувствовал, что сжимаю в своих ладонях почти неподъемную тяжесть — переменчивую, словно ртуть, неуправляемую в текучих стремлениях, — а когда попытался, подобно Геррику, чуть-чуть крутануть его кистью над головой, меня повело в сторону, запрокинуло назад, потащило, и я, заплясав, как клоун, чуть было не вылетел вместе с Эрринором в стеклянную дверь балкона.

Геррик, стоявший настороже, едва успел перехватить меня уже у самой ступеньки.

— Фу-у... черт!.. — сказал я, опасливо упирая острие в щель паркета. Это чтобы оно, не дай бог, не соскользнуло. — Ничего-ничего, я — сейчас...

Дальше, впрочем, получалось не лучше. Несмотря на солидные, прямо-таки танцевальные габариты моей квартиры, на высокие потолки и на почти полное отсутствие мебели, это обжитое пространство было, разумеется, совершенно не приспособлено для рукопашной схватки. Места для разных прыжков и отскоков здесь явно недоставало, и когда я, повинуясь отрывистым командам Геррика, разворачивался, например, направо, с одновременным взмахом меча снизу вверх — «полет стрижа» назывался такой удар, — та же ртутная тяжесть неизменно утаскивала меня далеко в сторону, лезвие, к моему ужасу, устремлялось по направлению к Геррику или натыкалось на стену и оставляло на ней рваную полосу с лохмотьями штукатурки. Эрринор при этом по-человечески

возмущенно звенел. Будто негодовал, что попал в неумелые руки.

Геррик объяснял мою растяпистость тем, что я абсолютно не ощущаю духа оружия.

— Для тебя меч — это не ты сам, а кусок неодушевленного металла, — объяснял он. — Существующий от тебя отдельно и подчиняющийся только усилию мускулов. Ты не поражаешь врага, ты пытаешься его ударить. А от удара любой твой противник может легко уклониться. Вот, например, я перед тобой без оружия — ударь меня...

— Как это?

— Ну — коли-коли, не бойся, изо всей силы...

Я делал выпад, и лезвие проходило в нескольких сантиметрах от Геррика. Мне не удавалось даже заметить, как и когда он перемещался со своего места. Еще выпад — и опять клинок пронизывал пустой воздух.

— В тебе нет ненависти, ты не хочешь меня убить. А если ты не хочешь меня убить, значит, и не убьешь. Эрринор чувствует эту твою слабость и потому подчиняется неохотно. Удар идет в половину силы. Ты обязательно должен хотеть убить меня, иначе ничего не получится...

— Как я могу хотеть убить тебя?!

— Очень просто. Взял в руки меч — значит, должен убить!..

— Ну, знаешь ли!.. — Я крутил головой.

— А ты как думал?..

И все же после нескольких дней тренировок у меня что-то начало получаться. Я не то, чтобы стал ощущать скользящий к смерти безжалостный полет Эрринора — хотеть убить Геррика мне все равно было дико, — но вдруг, как бы сама собой, повинуясь взметающемуся клинку, моя рука, а вслед за ней и все тело совершали некое неожиданное движение, и тогда острие действительно устремлялось к сердцу Геррика — он, танцуя, конечно, мгновенно перемещался из-под удара, и, однако, ясно было, что это уже в самый последний момент. У меня получались выпады, о которых я просто не имел представления. Я их не знал никогда и не мог применить на практике. Видимо, Эрринор, привыкнув к руке, вел меня за собой.

Геррик в такие минуты одобрительно улыбался, и от этой улыбки у меня мурашки ползли по коже. Так улыбается смерть, прежде чем забрать человека в свои владения. Мне эта улыбка не очень-то нравилась.

И я был только рад, что тренировки наши продолжались не слишком долго: во-первых, сколько бы Геррик ни нашептывал заклинаний над дымным металлом, Эрринор, по-видимому, все равно полновластным хозяином меня не признавал, рукоять меча, сначала холодная и равнодушная, очень скоро теплела, но не от тепла ладони, а вероятно, от проступающей неприязни, и уже через полчаса раскалялась так, что ее невозможно было держать в руках.

Тренировка наша поневоле заканчивалась.

А во-вторых, я элементарно уставал от этих занятий. Все же, в отличие от владетеля Алломара, мне не вручали меча в возрасте «первого разума». Я с ним не рос, и у меня не было многолетней привычки размахивать тяжелым клинком по всякому поводу. Я вообще в своей жизни не слишком-то увлекался физическими упражнениями. Поэтому мышцы у меня начинали болеть уже минут через десять, колени дрожали и прогибались, как вареные макаронины. Я иногда боялся, что просто в бессилии опущусь на пол. А вдоль позвоночника, которому от различных наклонов доставалось больше всего, натягивались и дрожали, готовые лопнуть, какие-то ноющие слабые жилочки. Перегретый легкими воздух вырывался из горла с астматическими похрипываниями. Я тогда останавливался и умоляюще просил Геррика: Хватит...

Алиса наблюдала за моими потугами со снисходительностью взрослого человека. Ну, возится и пыхтит несмышленый подросток, ну — пусть возится. Ничего страшного, лишь бы ему самому это нравилось. Время от времени я ловил на себе ее насмешливый взгляд. И, поймав его, сразу же делал сбой в движениях. Терпеть не могу, когда надо мною смеются. А однажды вечером, едва мы остались одни, она с извиняющейся улыбкой тронула меня за щеку:

— Ты же, наверное, понимаешь, что это бессмысленно. Любой мальчишка из Алломара сражается намного лучше,

чем ты. И он всегда будет сражаться лучше, чем ты. Ты упустил время. Не трать его напрасно сейчас...

Я понимал, что она, скорее всего, права. Я — не воин, и, вероятно, настоящим воином никогда не стану. Для этого действительно надо было тренироваться с детства. И вместе с тем, я чувствовал странную тягу к клинку, высоко поднятому над головой. Мне хотелось, чтобы он рассекал воздух так же свободно и элегантно, как это получалось у Геррика, чтобы дымный металл и у меня непринужденно пронесся между телевизором и торшером, чтобы он тоже описал замысловатую незамкнутую восьмерку в пространстве и чтобы он, зацепив букет сухих трав на полочке, пересек бы остистый стебель именно там, где я это наметил.

Вот почему, несмотря на длинную, вдоль всего позвоночника, боль в спине, несмотря на слабость в коленях и скручивающиеся тугой судорогой мускулы я каждое утро вновь сжимал рукоять Эрринора, становился в позицию и нетерпеливо ждал первой команды.

Мне хотелось сражаться с врагом, который бросил мне оскорбительный вызов. Пронзить его сердце, увидеть в его глазах мутную пленочку умирания. Наступить на меч, выбитый из его руки, и услышать, как хрупнет клинок под моей подошвой.

Чувство это было для меня совершенно новое. Даже Алиса, в конце концов, стала поглядывать на меня как-то иначе и уже другим вечером, кажется, дня через три после первого, заметила с некоторой растерянностью:

— Ты какой-то не такой стал последнее время. Что с тобой происходит?..

Я догадывался, что со мной происходит. До сих пор я жил размеренной и спокойной жизнью, не выходящей за рамки привычного. Ходил на работу, как я уже говорил, вычерчивал не слишком интересные мне чертежи и схемы, — сдавал их Моисею Семеновичу, выслушивая дежурные благодарности, возвращался домой, смотрел похожие друг на друга фильмы по телевизору, читал книги, иногда — без особого, впрочем, успеха — ухаживал за девушками. Это была обычная жизнь самого обычного человека. Я не вылезал из нее,

как моллюск не вылезает из своей раковины. И постепенно я привыкал к мысли, что именно так дальше и будет: я женюсь, скорее всего, каким-нибудь случайным образом, потом меня через два-три года повысят по службе, дадут должность конструктора, например, как уже пару раз намекал тот же Моисей Семенович, потом, еще лет через пять — должность руководителя группы. Видимо, это и будет пределом моей карьеры. Родятся дети, и в свою очередь пойдут по привычной отцовской дороге. А что делать, если колея так удобно натоптана? Я состарюсь, и незнакомая пока еще будущая моя жена тоже состарится. И по утрам мы будем вместе сидеть на скамейке в ближайшем скверике.

Так пройдет жизнь. Я не то, чтобы очень стремился к намеченному сюжету, но я просто не видел, как мне его избежать. Человек — не хозяин своей судьбы, напротив, судьба — вечно и непреклонно властвует над человеком. Лепит из податливой глины — то, к чему она предназначена. И я даже не представлял, что со мной может случиться нечто иное.

А теперь все как будто перевернулось с ног на голову. Чертежи, над которыми я еще недавно так старательно и аккуратно корпел, ныне представлялись мне полузабытыми и смешными. Паутина чернильных линий на ватмане, прикнопленном у кульману. Кому они были нужны? Кому интересны? Все мое существование неожиданно изменилось. Гости из далекого мира скрывались у меня дома. Дымился серебряными тенями загадочный Эрринор. Ветер черной тревоги трепал мне волосы. В глубинах Вселенной, в глубинах времени и пространства, разгоралась грандиозная битва, не ведающая жалости и пощады. Полыхали плазменные протуберанцы. Брели по щиколотку в песке солдаты в кованых вороненых латах. Бесшумно проливались над городами зеленоватые дожди звездопадов. Петербург был местом моего рождения, но он не был местом моей судьбы. Приключение, о котором я так страстно мечтал, распахнулось передо мной простором любви и риска, простором славы, простором необыкновенных возможностей. Меня затягивало туда даже против моей собственной воли. И что самое интересное, я был только рад этому головокружению.

— Ничего особенного, — после долгого молчания сказал я Алисе.

Она подозрительно, явно не доверяя, посмотрела на меня. Вдруг — вздрогнула, как от боли, и приложила к груди тонкие пальцы. Мне показалось, что стонущий жестяной скрежет пронесся по всей квартире. Точно соприкоснулись друг с другом листы кровельного железа.

Я тоже вздрогнул.

— Что это такое?

— Подожди-подожди-подожди!.. — быстро сказала Алиса. Она прислушивалась, чуть-чуть поводя головой из стороны в сторону.

Скрежет внезапно утих.

Зато в комнату к нам, даже не постучав, ворвался Геррик и, не обращая на меня внимания, торопливо спросил:

— Ты слышала?

— Да, — неохотно подтвердила Алиса.

— Сигнал?

— Да, сигнал, очень сильный и продолжительный. Я оцениваю — почти в четыре секунды...

— Это значит...

— Это значит, что они перебросили сюда койотля, — сказала она.

— Ты уверена, сестра?

Алиса кивнула.

Геррик быстро, но пристально посмотрел на нее, потом — на меня, потом — опять на нее, и лицо его залила нервная бледность.

Два кирпично-бурых пятна затеплели на скулах.

Светлые глаза полыхнули.

— Значит, решились. Они готовы на все, — гневно сказал он.

10

Позже Алиса объяснила мне, в чем тут дело. Они перебросили на Землю койотля, сказала она. Честно говоря, я не думала, что Тенто на это пойдет. Переброска койотля требу-

ет такого невероятного количества сил, что надо либо собрать вместе десять-двенадцать тийинов, способных к концентрации энергии «жэнь», и тогда, объединившись в «каррас», они протолкнут койотля сквозь мантию космоса, но собрать десяток тийинов — задача невозможная даже для Тенто, тийины, скорее всего, на это не согласятся — либо кто-то из приближенных Тенто должен полностью распылить свои силы, проще говоря, умереть, чтобы высвободившаяся энергия «жэнь» достигла Земли. Если Тенто пожертвовал одним из своих соратников, значит, ситуация крайне серьезная. Значит, он уверен в победе и знает, что мы уже не выберемся отсюда. Слишком дорогая цена уплачена, чтобы задержать нас здесь. Дом Тенто неудачи ему не простит.

— А что такое энергия «жэнь»? — спросил я.

— Это энергия жизни, — мельком объяснила Алиса. — Она разлита в природе, в живой материи, кстати, в людях. В том числе, определенный ее запас есть и в тебе. Правда, ты используешь едва ли одну сотую часть того, что имеешь. Я тебе уже говорила, ты — не разбуженный...

— Спасибо, — ответил я.

— Пожалуйста, — сверкнув глазами, сказала Алиса.

Далее она объяснила, что койотли — это такие малопривлекательные рептилии, вроде ящериц, сохранившиеся на Алломаре еще с доисторического периода. У вас, на Земле, они, кажется, вымерли...

— Динозавры? — недоверчиво переспросил я.

— Вот-вот, динозавры! — вспомнила термин Алиса.

Но, конечно, они не обладают уже прежними чудовищными размерами. Гигантам в нашу эпоху было бы просто не выжить. Средний койотль — обычно где-то в рост человека. Ну, чуть меньше, быть может, или чуть больше в зависимости от конкретного экземпляра. На Алломаре их дрессируют и используют в военных целях. Койотль, как и всякая хищная ночная рептилия, хитр и злобен. Далеко не каждый воин, пусть даже опытный, рискнет выйти один на один — с ящером, прыгающим, как лягушка, на десять-пятнадцать метров. В общем, это трудно так объяснить, когда сам увидишь —

поймешь. Уверяю тебя, сразу поймешь. Впрочем, подожди, у тебя, вроде бы, что-то такое было...

Она пробежала ладонью по книжным полкам, вытащила красиво иллюстрированное издание «Природа Земли», быстро перелистала, пробрасывая глянцевые страницы и, по-моему, с неуместной радостью, ткнула в одну из них пальцем.

— Вот, посмотри, очень похоже...

Омерзительный древний хищник глядел на меня с иллюстрации. Глаза у него по-жабьи выдавались вперед бугорчатой морды, были прикрыты пленками и, видимо, едкой слизью, туловище, оглаженное костяными пластинками, переходило в мощные лапы, позади которых упирался в землю гибкий, но сильный хвост. Причем, чувствовалось, что слизь проступает не только в его глазах, но и в щелях панциря, и, видимо, в когтистых лунках на лапах, и что ящер этот, скорее всего, мокрый и холодный на ощупь, и что разодрать человека на куски ему ничего не стоит.

Я даже передернул плечами. После предшествующих событий, я был, конечно, уже готов ко всему. Меня было трудно чем-либо удивить. Но поверить, что такое чудовище сейчас бродит по Петербургу?

Нет, пожалуй, зря я ввязался в эту историю.

— Бить койотля надо сюда, — между тем сказала Алиса, тыча ногтем в участок рядом с левой подмышкой. — Здесь у него — не заросший кожистый такой родничок. Если повезет, лезвие войдет прямо в сердце...

— А если не повезет? — поинтересовался я.

Алиса пренебрежительно пожала плечами.

— Ты же все равно сражаться не будешь. У тебя даже нет собственного оружия.

— Ну тогда дай мне хотя бы кинжал, — попросил я.

— Нельзя, Рыжик, мой дорогой...

— Почему?

— Потому что оружие не дают, оружие — только берут. Дают — деньги, милостыню, дают покровительство. А меч или кинжал ты должен взять сам...

Она резко захлопнула книгу и поставила обратно на полку.

Хмурая вертикальная складка прорезала лоб.

— Успокойся, сражаться тебе не придется.

— Я — понял, — раздраженно сказал я.

И Алиса высоко подняла брови. Глаза стали синими и холодными, как у чужой.

— К тому же, койотль не знает твоего запаха, — сказала она.

Последняя реплика, разумеется, обнадеживала. Значит, меня койотль, скорее всего, рвать не будет. Я могу спокойно смотреть, как он грызет Геррика и Алису. Она меня очень обрадовала, и особенно тем, что уже в который раз давала понять, какого она низкого обо мне мнения. С другой стороны, что я мог возразить ей на это? Сражаться я действительно не умел, и оружия, даже самого завалящего, у меня не было. Если честно, то оружия я немного побаивался. Оружию свойственно убивать, а убивать я никого не хотел. Но как стать воином, никого не убив, я тоже не представлял. Это была дилемма и, судя по всему, логически неразрешимая. Я, в конце концов, бросил ломать над ней голову. Слишком задумываться о жизни тоже вредно. Начинают мучить разные неприятные мысли — что она, эта жизнь, например, коротка, что она, быть может, наполовину прошла, а еще ничего не сделано. И что она так и пройдет в бесплодных мечтаниях. Спросят потом: Кто такой Рыжик? — в ответ — ни одного слова. Ни хорошего, ни плохого, никакого вообще. От таких размышлений у меня всегда портилось настроение. Я начинал злиться на себя самого, раздражаться без повода и, как Геррик, бродить по квартире, правда, стукаясь, в отличие от него, об углы предметов. Стукаться обо что-нибудь — это вообще мой профиль. Если где-нибудь можно стукнуться, я обязательно стукнусь.

Возразить Алисе мне было нечего. И однако, несмотря на ее несколько пренебрежительное отношение, — может быть, и не пренебрежительное, но снисходительное, как к ребенку, это уж точно — несмотря на жутковатый сквозняк, повеявший внезапно в моей жизни — сквозняк, вероятно, рождающийся из незаделанной черноты какого-нибудь

другого зеркала, несмотря на то, что бородавчато-шишковатый койотль, видимо, шумно принюхиваясь, разыскивал нас по всему Петербургу, — несмотря на все это я чувствовал себя, как никогда раньше. Рядом был Геррик, сжимающий рукоять Эрринора, рядом была Алиса, посверкивающая необыкновенной синевой глаз, наконец, был и я сам, еще не разбуженный, как она выразилась, но, кажется, уже просыпающийся. Я все это чувствовал, я это знал, у меня, как в детстве, звенело и надрывалось сердце, холод прозрачного сентября обжигал легкие, шумела в артериях кровь, и, кажется, впервые в жизни я с нетерпением ждал, когда же наступит следующее утро...

11

Эта идиллия была прервана самым неожиданным образом. Дня четыре после нашего с Алисой разговора о ящерах лупили проливные дожди, выло и грохотало так, что, казалось, сорвет с домов водосточные трубы, ночью я просыпался от вдруг накатывающегося на город обвала воды — лежал и слушал, как хлещут струи, летящие с крыш в глубины двора-колодца. Дом гудел от напора ветра, и даже стены, по-моему, немного подрагивали. Дребезжали стекла, выкрашивалась из пазов старая замазка. Геррик хмурился и часами простаивал у окна, всматриваясь в сырую муть, простершуюся над крышами — в кладбищенский частокол труб, в дрожащий купол собора, плывущий меж ними, как дождевой пузырь. Пальцы его барабанили по подоконнику. Алиса тоже хмурилась и отмалчивалась. По утрам она ко мне больше не приходила, а на высказанную мною по глупости радостную уверенность, что койотля нам теперь опасаться не следует, при таких дождях любой след будет потерян, объяснила, поморщившись, что койотль разыскивает добычу не просто по запаху, — койотль чувствует след пребывания человека в данном месте. Этого никакие дожди не смоют. Он нас найдет, тут вопрос времени.

Алиса оказалась совершенно права. Потому что на пятый день, когда дожди кончились, когда проглянуло солнце, задымился паром асфальт и настроение у нас слегка улучшилось,

пролистывая после обеда утреннюю газету, я увидел заметку, которая сразу же бросилась мне в глаза.

Озаглавлена она была «Водителям уже мерещатся динозавры» и рассказывала, что шофер Махоткин такого-то коммерческого предприятия, проезжая по улице Рубинштейна, неподалеку от Малого драматического театра, неожиданно узрел выскочившего на проезжую часть гигантского ящера — резко свернул и врезался в старинную чугунную тумбу на тротуаре. Никто, к счастью, не пострадал. Проба на алкоголь, произведенная сотрудниками ГАИ, дала отрицательные результаты. Между тем, шофер Махоткин утверждал, что это был именно динозавр. Что я, динозавров не знаю? — заявил он нашему корреспонденту.

Улица Рубинштейна — это недалеко от моего дома.

— Ну вот, — сказала Алиса, когда я показал ей заметку. — Ему потребуется еще дня два-три, не больше.

А Геррик ничего не сказал. Он лишь молча снял со стены Эрринор и переложил его на тахту, чуть выдвинув рукоять из ножен.

Гостей можно было ожидать в любую минуту.

Когда же несколько позже я, нагруженный двумя сумками, возвращался из магазина — магазины теперь были на мне, потому что койотль не мог взять моего следа — я увидел на половине подъема к своей квартире некоего молодого парня, попыхивающего сигаретой.

Чем-то он мне сразу же не слишком понравился: может быть, роскошными черными волосами, рассыпанными по отворотам плаща, или, может быть, кокетливой мушкетерской бородкой, собранной в клинышек и явно ухоженной, или насмешливыми глазами, которыми он меня быстро царапнул. Чувствовалось в нем сильная грация, которой я лично всегда завидовал, — этакая уверенность, проникновенность, которая так нравится женщинам. Этакая пренебрежительность к тем, кто как бы ниже него. И курил он тоже, на мой взгляд, не очень естественно: не затягивал табачный дым в легкие, как настоящий курильщик, а лишь набирал его в рот и сразу же выпускал обратно. То ли берег здоровье, то ли вообще взял сигарету исключительно для антуража.

В общем, симпатии он у меня не вызывал.

И чувство это, по всей видимости, было взаимным, потому что сам парень тоже без особой приязни, равнодушно посмотрел на меня с высоты лестничного пролета и немедленно отвернулся к потекам оконных стекол, якобы изучая двор, вытянутый к небу домами.

Я выбросил его из головы буквально через секунду. И только когда, открыв ключом дверь, подхватил обе тяжеленные сумки и хотел уже пройти внутрь квартиры, вдруг почувствовал рядом с собой чье-то присутствие — сдерживаемое дыхание, почти неуловимый поверхностный шорох шагов — и сейчас же что-то острое уперлось мне между лопаток, и командный голос прошелестел:

— Тихо! Без звука!.. Иди вперед — так, как идешь обычно...

Видимо, этот парень находился у меня за спиной. Душный запах духов защекотал ноздри. Сообразить я толком ничего не успел: ноги сами собой понесли меня по коридору к кухне. Я уже слышал позвякивание снимаемой с сушилки посуды.

— Это ты? — не выглядывая, спросила Алиса. — Ну чего? Где ты там ходишь?..

Она просила меня купить овощей для завтрашнего обеда. Дверь в комнату Геррика, к сожалению, была плотно закрыта. Значит, на Геррика тоже рассчитывать не приходилось. Спиной я все время чувствовал острие приставленного меж лопаток ножа. Одно подозрительное движение, — и металл войдет в мягкое тело.

— В кухне сразу же сдашь налево, — шепотом предупредил парень.

Я кивнул. И — даже не понимаю, что это вдруг на меня нашло — после кивка не остановил голову, что было бы только благоразумно, а со страшной силой ударил назад затылком:

— Хрряс-с-сь!.. — Кажется, парень у меня за спиной сдавленно вскрикнул.

Я точно не разобрал.

Потому что одновременно я рванулся от него всем телом, но не налево, куда он мне приказывал, а направо, где находилась моя комната. Правда, это я только так говорю, что — рванулся. На самом деле я весьма неуклюже уронил обе сумки на пол, — в голове промелькнуло, что я то и дело роняю их на пол, такова, видимо, жизнь, это мне предначертано — зацепился, пытаясь перескочить за ручку одной из них, грохнулся во весь рост, пропилил носом паркет, чуть не врезавшись головой в стенку, а когда, разобравшись с сумками и со своими конечностями, все же вскочил на ноги, ситуация в коридоре резко переменилась.

Уже стояла в проеме кухни Алиса — по-боевому оскалившись и разнеся от стены до стены два кинжала, парень теперь находился как бы в их фокусе, а позади него, отрезая путь к отступлению, высился Геррик, почему-то по пояс голый, перевитый мускулами, — тряхнул головой, чтобы перебросить назад длинные волосы, и меч, выставленный вперед, переместился в сторону незнакомца.

Тот, впрочем, не собирался ни бежать, ни сражаться с ними — раздраженно посмотрел сначала на Алису, потом на Геррика, скользнул взглядом по мне, все еще выпутывающемуся из сумок, и гортанно сказал — без всяких признаков волнения в голосе:

— Ну, здравствуй, брат. Здравствуй, сестра. Вот — и встретились!..

Из носа у него капала кровь. Он достал из-за рукава кружевной тонкий платочек и промокнул ноздри.

Запах духов стал сильнее.

— Гийом!.. — не сказала, а, скорее выдохнула Алиса. — Гийом, боже мой, как мы тебя ждали!..

— Напороться мог, — в свою очередь буркнул Геррик, засовывая меч в ножны.

А Гийом — значит, это и был тот самый знаменитый Гийом — фамильным жестом высоко вздернул брови:

— Кто, я?.. Ну, брат, ты обо мне плохого мнения. — Скомкал платок и не столько бросил, сколько уронил его на пол. Перевел на меня взгляд, пропитанный ненавистью. —

Догадываюсь, что это и есть новый воин Дома Герриков? Я слышал твое извещение, брат. Ну-ну...

Не знаю, что он хотел этим сказать. Я, наконец, освободил ногу из сумки. У меня саднил локоть, и ныло стукнутое о паркет колено.

Я был багровый от злости.

Что-то у нас становится людно, подумал я.

Прежде всего они устроили короткое совещание. Гийом — кровь у него к тому времени остановилась — говорил много, но все это были плохие новости. Резервная база на Саматранской равнине была разгромлена, замок Фаррега пал, сам Фаррег, по всей видимости, погиб или скрывается. Вызвать его по открытой связи Гийом не рискнул. Найдено, вероятно, басохами и уничтожено запасное убежище на плато Зарамчор. Тийины в Гискарских горах затворили все входы и выходы из нижних пещер на поверхность. Посевы сожжены, крестьяне бегут в поселки, стаи тарригров, вышедшие из лесов, бродят там, где раньше зеленели сады и усадьбы. От Виндаураса, укрепившегося на Торосе, нет никаких известий. Судя по слухам, которые циркулируют среди горцев, Виндаурас тоже погиб. Горцы вообще стали дерзки, — спускаются в долины и грабят брошенные дома. Поговаривают о Конфедерации малых народов, которая объединит весь Гисскарский хребет. Трудно пока сказать, что из этого выйдет. Объявился у них и свой лидер, некий Вовдиг, в прошлом пастух, провозгласивший себя новым *иккапом* и объявивший священный *ваххад* против всех, в ком нет горской крови.

И, наконец, самая тяжелая весть: неделю назад пришлось оставить крепость на Орисгедо. Кто-то, видимо, выдал ее местонахождение — черная гвардия Тенто выросла в солончаках будто из-под земли. Слухачи прозевали появление первых разведывательных отрядов, ворота оказались незапертыми, Герш был ранен ударом в спину одним из лазутчиков, противник ворвался за стены крепости практически без потерь, некоторое время удавалось удерживать лишь сам Холм и верхние башни замка — до тех пор, пока не эвакуирова-

лись слуги и воины Геррика. Сейчас они здесь и ожидают воссоединения с владетельным лордом.

— Кстати, скоро увидишься со своей Миррой, — обрадовал он Алису.

— Она тоже здесь?

— Здесь-здесь, можешь не беспокоиться...

В голосе прозвучала непонятная для меня насмешка. Впрочем, Гийом тут же снова взял себя в руки и уже другим тоном — сухим, деловым, — объявил, что задерживаться тут надолго, по его мнению, не следует, после вести о посвящении это укрытие тоже почти расшифровано. Появления Тенто можно ожидать со дня на день.

— Лучше всего временно перейти на Пеллору, — сказал он. — Там, конечно, нет рудников и оружие изготавливается, в основном, из дерева, зато на Пеллоре есть где укрыться. Я уже перебросил туда часть людей...

Геррик просто посерел при этих известиях. Опустив голову, поскрипывая стиснутыми зубами, спрашивал: А что все-таки Герш? — Герша я не видел с самого начала сражения... А младший Биоррик? — Говорю тебе, брат: там была мясорубка... — А где Троттигар? — Троттигар будет ждать нас на Пеллоре... — Чувствовалось, что каждое новое имя добавляет Геррику печали и гнева. Иногда он поглядывал искоса то на Алису, то на меня, но, казалось, что ни ее, ни меня он просто не видит, а видит глинистые безжизненные проплешины темных солончаков, редкий кустарник, свинцовую воду, обметанную кристалликами минералов, и — вдруг поднимающуюся среди маревой степной пустоты черную пехоту Тенто...

Бисеринки пота выступили у него на лбу.

— Где у тебя сейчас основное убежище?

Гийом, не торопясь, объяснил.

— Место удобное, — добавил он. — Окружено каналами. К тому же — фортификация, крепостные стены. У нас — с десяток солдат, в случае чего — отобьемся...

Я тоже кивнул.

— Да, это минут двадцать ходьбы отсюда...

До сих пор я в их нерадостный разговор не вмешивался. Еще раньше, когда мы готовили чай на кухне, Алиса

предупредила меня, чтобы я ни в коем случае не затевал споров с Гийомом.

— Понимаешь, он все-таки — лорд, а ты простой воин, — сказала она извинительно. — Да и воином ты стал, знаешь, слишком недавно. К тому же, ты, пусть нечаянно, ударил его, а такого Гийом еще никогда никому не прощал.

В общем, она просила меня быть поосторожнее. И сама отстранилась, когда я, пользуясь уединением, попытался ее быстренько поцеловать.

— Нельзя-нельзя, Гийом может догадаться...

Свет клином сошелся на этом Гийоме! Моя инстинктивная неприязнь к нему начинала усиливаться. Тем более, что и сам Гийом, будто нарочно, старался ее вызвать: в течение всей их беседы с Герриком и Алисой он меня демонстративно не замечал, ни разу не обратился ко мне и даже не глянул в мою сторону, будто меня вообще среди них не было. Он даже не кивнул из вежливости, когда я поставил перед ним чашку с чаем. Кровь у него действительно быстро остановилась, однако горбатый нос, по которому я врезал затылком, жутковато распух и теперь представлял собой сизую сливу, невесть каким образом выросшую среди нежных, почти девичьих щек. Сердце радовалось, глядя на ее сочные переливы. Видимо, и на лице моем отражалось некоторое злорадство, потому что Алиса посматривала на меня с некоторой озабоченностью, Гийом же теперь, поворачиваясь в мою сторону, неприятно втягивал носом воздух, морщился, кривился, причем весьма заметно, а в ответ на эту мою первую реплику невероятно задрал брови:

— Прошу прощения, брат, — надменно сказал он. — Почему простой воин вмешивается в разговор двух владетелей? Или одновременно с посвящением ты не объяснил ему правила хорошего тона? Тогда это могу сделать я — своим мечом...

— Не можешь, — коротко ответил Геррик, бросив на меня предостерегающий взгляд из-под хмурых бровей.

— Почему, не могу, брат?

— У него нет меча...

— Ах, нет меча?! — как-то даже с энтузиазмом воскликнул Гийом. — Тогда, брат, я не понимаю, почему он сидит среди нас. Воин без оружия — это простолюдин. Если он воин, то пусть он идет — и добудет себе свой меч!

— Нет, он останется здесь, — так же коротко ответил Геррик.

— Почему, опять же позволь спросить, мой повелитель и брат?..

— Потому что — я так решил!

Геррик поднял ладонь и беззвучно, но с силой опустил ее на клеенку стола. Камень на безымянном пальце брызнул синими искрами.

Гийом сразу же склонил голову.

— Слушаюсь, мой брат и наследственный владетель Алломара!.. Милость твоя поистине не знает границ...

Мне почудилась в его голосе плохо скрываемая издевка. Я вдруг вспомнил тот разговор между Алисой и Герриком, который случайно подслушал. Когда Алиса сказала: Знаешь, я не очень верю Гийому. Пусть лучше он будет там, а не здесь...

Неудивительно, что и Геррик это тоже почувствовал.

— Брат, — сказал он ледяным тоном, глядя Гийому в глаза. — Брат, ты что-то имеешь против моего решения? Если у тебя есть возражения, брат, выскажи их мне. Я их выслушаю, и мы подумаем, что здесь можно сделать. Но если у тебя, брат, нет возражений по сути, прими мой *фетмаг*, как решение главы Дома Герриков. Надеюсь, ты не оспариваешь мое право быть законным владетелем Алломара?

— Нет, — сказал Гийом после томительной паузы.

— Благодарю тебя, брат.

Геррик медленно, будто усилием, опустил и вновь поднял веки, вздохнул.

Я чувствовал, что сейчас произойдет что-то страшное. Лицо Геррика было бледно-спокойным, голос — ровен, а обе ладони лежали на цветистой клеенке. Однако это было спокойствие бомбы со взведенным взрывателем — одно касание, один звук, одно легкое колебание, и — смерть вспорет воздух зазубренными осколками.

Я боялся пошевелиться — не то чтобы что-то сказать.

Пауза отчаянно нарастала.

И вдруг Алиса, до сих пор почему-то молчавшая, прижала тонкие пальцы к стыку ключиц на горле, вдавила их, точно ей что-то мешало, тоже вдохнула, выдохнула и побледнела не меньше, чем Геррик.

— Они нас нашли, — звенящим голосом сказала она. — Вы слышите? Койотль взял след!..

Геррик и Гийом разом повернули к ней головы. Я увидел легкое недоверие в глазах обоих. И Алиса, вероятно, также его увидела, потому что, глядя в пространство, будто противоположной стены перед ней не было, оторвала руки от горла, медленно развела их над круглой столешницей и положила поверх ладоней Геррика и Гийома.

Оба они вздрогнули, как от удара электрического тока.

— Да, — сказал Геррик. — Они нас нашли!..

У него даже волосы зашевелились, точно наэлектризованные. А Гийом сдернул плащ, и на широком кожаном поясе поверх джинсов у него обнаружился такой же меч, как у Геррика.

— Надо уходить отсюда!.. Скорее!.. Быть может, успеем!..

— Кой-й-йотль!.. — сквозь стиснутые зубы веско напомнил Геррик.

— Все равно. Там — наши люди. Надо идти!..

Я не очень соображал, о чем это они пререкаются, и Алиса наскоро объяснила, что она внутренним зрением почувствовала приближение койотля. Она чувствует такие вещи гораздо лучше, чем братья. Женщины вообще лучше чувствуют.

— Скоро он будет здесь. Надо что-то предпринимать. Ты — с нами? — спросила она. — Учти: тебя койотль, скорее всего, не тронет.

Они все трое посмотрели на меня, ожидая. Сжатые губы Геррика, ироническое презрение в глазах Гийома, синева горящих надеждой зрачков Алисы.

Она была сейчас очень красива.

— А куда? — спросил я.

— Сначала — туда, где нас ждут слуги и воины. А потом — дальше. Вселенная велика. Решай!..

Алиса была права, хотя меня это вовсе не вдохновляло.

Одно дело — помочь человеку в беде, в данном случае — Геррику, когда он был ранен, помочь его сестре, помочь его младшему брату, хотя Гийому, если бы не особые обстоятельства, я бы ни за что помогать не стал, не нравился мне Гийом, ну его, пусть сам выкарабкивается, и совсем другое — оставить квартиру, где я прожил последние годы, оставить, видимо, навсегда, сюда я уже не вернусь, — оставить всю прежнюю жизнь, работу, каких-никаких приятелей, сделать шаг в пылающий звездами черный простор Вселенной. Мне это было непросто. Я начал вдруг понимать, что такое судьба. Сейчас или никогда.

Молчание чересчур затягивалось.

— Ну ладно, у нас нет времени, — нетерпеливо сказал Гийом.

И отвернулся.

Он уже за меня все решил.

Именно в этот момент зазвонил телефон.

Я даже подпрыгнул от неожиданности. А когда, будто нечто живое, осторожно взял трубку, не сразу понял, кто это и чего от меня хотят.

— Я спрашиваю, Леня, вы не заболели? — трепетал в проводах заботливый голос Моисея Семеновича. — Отпуск давно кончился, а я вижу, что вас все нет и нет. Дай, думаю, позвоню...

Он говорил еще что-то, но я никак не мог уловить смысл. Отпуск какой-то. Какой отпуск? Ах да, в самом деле, это у меня — отпуск. И он закончился ровно три дня назад. Сегодня двадцать четвертое сентября, все правильно. Я еще в четверг должен был быть на работе. Как это я забыл?

— Вы слышите меня, Леня?

Голос Моисея Семеновича вползал с другого конца города. Сейчас — встревоженный и очень далекий.

— Леня! Леня! Почему вы не отвечаете?

— Слышу, — сказал я.

И положил телефонную трубку.

Отпуск мой действительно завершился.

Они нетерпеливо ждали меня у дверей — Геррик с Гийомом, опоясанные тяжелыми боевыми мечами, подтянутые, готовые сражаться не на жизнь, а на смерть; Алиса — тоже подтянутая, в джинсах и свитере, уже посматривающая на меня как бы со стороны. Из той зыбкой дали, которая — за пределами воображения.

Губы ее шевельнулись.

Сейчас она скажет:

— Прощай...

И тогда они уйдут навсегда.

Они покинут Землю, а я — останусь.

Звезды над крышами, черный сквозняк Вселенной, разбитые зеркала, призрачная красота Алломара. Жизнь, которая дается тебе — и никому больше.

— Постойте, я с вами! — сказал я.

И — ничего не произошло.

Мигнула над крышами одна звезда, за нею — другая. И потом все они загорелись, как бриллианты на бархате.

Геррик молча кивнул. Гийом посторонился.

Алиса открыла дверь...

12

Тих и сказочен долгий петербургский сентябрь, когда после дождей, смывших грязь и пыль, устанавливаются сухие ясные ночи. Гулок осенний камень, озвонченный прохладой, пустынны улицы, светлы трамвайные рельсы под фонарями. Листья на асфальте пожухли и при малейшем движении воздуха издают жестяной шорох. Каналы полны звезд. Их промывает вода такой черноты, что на первый взгляд кажется продолжением ночи. Желты окна в домах, и за каждым из них — будто своя история. Правда, что это за история — неизвестно.

— Спокойнее, — сказал мне Геррик.

— А что?

— Спокойнее...

Видимо, он чувствовал, что я нервничаю.

Мы двигались переулками, изломанной линией выводящими нас к цели. Геррик шел впереди, и его левая рука придерживала эфес Эрринора. Плащ он с собой не взял и потому редкие ночные прохожие, завидев человека с мечом, вздрагивали и переходили на другую сторону улицы. Впрочем, прохожие нам практически не попадались. Далее следовали мы с Алисой, причем Алиса держалась на некотором отдалении от меня, — для того, вероятно, чтобы иметь свободу движений, и посматривала вправо-влево, будто считывая провалы теней в подворотнях. Почему-то ее беспокоили именно подворотни.

Пару раз она мне шепнула:

— Не заслоняй. Я из-за тебя ничего не вижу...

И тогда я неловко замедлял шаги, держась сзади. Я чувствовал себя лишним. Зачем они меня прихватили? При чем тут я, и какая от меня польза?

Шествие замыкал Гийом. Двигался он с какой-то кошачьей грацией, совершенно бесшумно, — то слегка отставая, то догоняя нас вновь, будто переместившись по воздуху, и в отличие от Геррика, держа меч обнаженным. Оборачиваясь, я встречал его взгляд, почему-то в такие мгновения направленный именно мне в спину. Словно я и был тем человеком, которого следовало опасаться.

Мне это было неприятно.

И еще неприятней было то, что у меня нет никакого оружия. И настороженность Геррика, и ощутимое беспокойство Алисы, и кошачьи перемещения Гийома, кружащего вокруг нас словно птица, показывали, что драться нам, скорее всего, придется. Что я буду делать в случае нападения? Как защищаться? Иметь бы, по крайней мере, кинжал. И хотя рассудком я понимал, что кинжал меня не спасет, не умею я орудовать ни мечом, ни кинжалом — пусть уж лучше останется у Алисы, вон, как она ловко распорола басоха — тем не менее, мне было как-то не по себе. Будто я был слишком легко одет на пронизывающем ветру. Я чувствовал себя беззащитным.

И чувство это усилилось, когда, просочившись по переулку, отходящему от Садовой, мы свернули на набережную,

залитую сиреневыми фонарями. Равнодушен и тускл был их свет под колпаками из оцинкованного железа, и жестоко они поскрипывали, хотя течения воздуха не было. Подагрической бронзой желтели выхваченные из темноты деревья.

— Не нравится мне здесь, — быстро шепнула Алиса. — Вроде есть что-то, а что — непонятно...

Она щурилась от нервного напряжения. Лично мне это место тоже почему-то не нравилось. Конечно, с одной стороны нас теперь защищал канал, но тягучая чернота подворотен с другой выглядела как-то очень уж неприятно. Мрачными наледями припечатывала она тротуары. Можно было ступить в нее и провалиться, как в болотную жижу.

Ничего удивительного, что Геррик взял ближе к середине набережной.

От подворотен следовало держаться подальше.

Мы уже почти дошли до моста, когда это случилось. Алиса внезапно остановилась и мелко затрясла головой.

— О, господи!.. — негромко сказала она. Прижала к ушам ладони и несколько раз их вдавила, словно пытаясь прочистить. Лицо стало ее отчаянным. — Нет-нет-нет, не сейчас, великий Хорогр!..

Я даже испугался.

— В чем дело?

— Не слышу, — объяснила Алиса, все так же то отпуская, то прижимая ладони. — Нет эха мира... Как мы пойдем дальше?..

— Но меня-то ты слышишь? — возразил я.

— Тебя слышу. О, господи, но разве же в этом дело? Я не слышу ничего, кроме обычных звуков!.. Тишина — будто весь мир забили ватой!..

— Ну, давай вернемся.

— Нет-нет, возвращаться нельзя! Подожди, не трогай меня сейчас, не надо!.. — Она оторвала руки от головы и повернулась из стороны в сторону, как локатор. Облегченно вздохнула, и складки на лбу разгладились. — Кажется, все... Все-все, я в порядке...

— Надо идти, — хмуровато сказал Геррик, стоявший к нам вполоборота. — Не слышишь, ну — ничего, пока обойдемся — так...

— Это — Тенто, — уверенно заявил Гийом, подтянувшийся сзади. — Больше некому. Я думаю, что он уже где-то здесь.

— Вперед! — коротко приказал Геррик.

Алиса, оттопырив пальцами уши, нацелила их, точно прозванивая пространство, и вдруг, будто выстрелив, метнула вперед руку:

— Оттуда!..

— Койотль!.. — хрипловато сказал Геррик.

Наверное, до конца дней моих я не забуду эту картину. Набережная канала — там, куда показывала Алиса, поворачивала гранитным хребтом, скрываясь за теснящимися домами. Фонари на изгибе ее были почему-то погашены. Зиял туннель мрака с редкими просветами окон. И вот оттуда, из этого угольного туннеля, из мертвящего сквозняка, как мне показалось, потянувшегося по набережной, выскочил на задние лапы безобразный ящер примерно в рост человека, и, подергав туда-сюда бородавчатой мордой, как лягушка, зашлепал по мостовой, стремительно приближаясь.

Я видел это как бы со стороны: бледно-оранжевый круглый живот, выпяченный, точно груша, над ним — маленькие, почти детские лапки с цепкими коготками, выпуклые пластинки панциря — в ртутном свете они казались оливково-гладкими, — шипастый костяной нарост вокруг горла, и — ребристая продолговатая голова с вытаращенными по-жабьи глазами. Я, по-моему, видел молочные пленки, прикрывающие их сверху. Не знаю уж, как мне удалось это все рассмотреть. Даже слизь у раздутых ноздрей поблескивала совершенно отчетливо.

Двигался койотль с невероятным проворством: вот он только что шлепнулся из темноты на дальнем конце набережной, вот, как танк, развернулся, и вот он — уже где-то на середине. А вот — темно-бугорчатая свирепая физиономия совсем рядом. — Фыррр!.. фыррр!.. фыррр!.. — выхрипывала забитая мокротой дыхалка. Жутковатое тинистое зловоние полезло мне в ноздри.

Я закашлялся.

— В сторону, отойди!.. — громовым голосом закричала Алиса.

Я и не подозревал, что она может кричать с таким напором. Меня оглушило, как рыбу, и, кажется, даже отбросило. Я почти ничего не соображал в эти минуты и, по-моему, успел сделать всего один-два шага в направлении тротуара. Ног я не чувствовал, будто шел на резиновых протезах. Кто-то, видимо, подоспевший Гийом, грубовато схватив, дернул меня за шиворот. Я едва-едва сохранил равновесие. А они с Алисой тоже отскочили к ближайшему дому.

Геррик уже стоял с мечом в руках, и по дымящемуся Эрринору стекал лунный отсвет.

Дальнейшее произошло очень быстро. Койотль взвился вверх и шлепнулся на то место, где только что находился его противник. Геррик же за момент до этого переместился метра на полтора. Причем, именно переместился, а не шагнул — как бы туманно размазался по всему интервалу движения. Я заметил даже отслаивающиеся от него силуэты. Клацнули по асфальту когти, громадной метлой шаркнул проехавший хвост, полетели листья — койотль тоже переместился. Взметнулись скрюченные передние лапы, дернулась угловатая морда. Зверь с быстротою молнии ринулся на добычу.

И в это мгновение Геррик сделал выпад мечом.

Они так и застыли некой скульптурной группой — человек, устремленный вперед и вытянувший правую руку; он, казалось, усилием воли удерживал наваливающегося на него ящера, и — койотль, не достающий до него буквально каких-нибудь сантиметров. Я видел мокрые усики, свисающие с изъязвленного подбородка.

Щелкнули треугольные зубы.

— Боже мой!.. — шепотом сказала Алиса.

Она прижималась ко мне всем телом.

Стукнула открытая форточка над нашими головами, и кто-то наверху задышал — громко и раздраженно.

— Безобразие!.. — сказал он через некоторое время. — Распускали здесь крокодилов. Куда милиция смотрит?.. — а потом, почти без паузы, потрясенно. — Ой, елы-палы!..

Форточка с таким же стуком захлопнулась, исчез желтый прямоугольник с асфальта, свидетельствуя, что свет в квартире поспешно выключили. Только тогда я заметил, что Геррик уст-

ремился вперед не просто так: лунный клинок Эрринора был наполовину погружен в грудь койотля, — не представляю, уж как он там сумел пробить панцирь, — и, вероятно, упершись в хребет, не позволял хвостатой туше приблизиться.

Впрочем, продолжалось это недолго. Койотль тоненько взвизгнул, как кролик, которого ущипнули за шкурку, когти его затрепетали в болезненном треморе, хвост печально и тяжело шлепнул по мостовой. А Геррик неуловимым движением выдернул меч и отскочил к тротуару.

— Классный удар!.. — заворожено сказала Алиса. И вдруг вытянулась как струна.

Медленное осеннее дуновение прошло вдоль набережной. Зашевелились звезды, заплескалась вода о гранитную облицовку, с железным шорохом унесся прочь ворох покоробленных листьев. Массивная туша койотля покачалась из стороны в сторону и, не удержавшись на лапах, опрокинулась навзничь. Брякнулась голова, со свистом опал оранжевый круглый живот, выпустив воздух; кончик хвоста пришлепнул пару раз по асфальту и вытянулся. Длинная судорога встопорщила чешуйки на теле. — Ох... — почти по-человечески, грустно вздохнул койотль, и над распростертой тушей его задымился уже знакомый мне густой белый парок.

Грузное тело рептилии быстро истаивало.

— Ох!.. — облегченно выдохнул я — почти как койотль.

А Геррик тряхнул мечом, чтобы смахнуть темную кровь, и спокойным движением бросил клинок в ножны.

— Вот и все, — по-моему, немного рисуясь, сказал он.

Дуновение вдоль набережной прекратилось. Горел ледяной месяц, мертвели пятна пустого асфальта под фонарями. Тишина казалась невыносимой.

Ногти Алисы весьма ощутимо впились мне в запястье. Она дрожала.

— Что-что? — бешено оглянулся Гийом.

А сам Геррик будто прирос к месту.

Вдруг — тоже бешено оглянулся.

— Нет, еще не все, лорд Геррик, — сказал звучный голос из темноты дворовой арки.

Вот когда я испугался до смертного холода. У меня перехватило дыхание, и кровь застучала в голову с настойчивостью часовщика. Ногти Алисы, казалось, вошли в кожу чуть ли не до костей.

Я едва удержал крик в горле.

Впереди по набережной, куда нам еще только предстояло ступить, один дом несколько выдавался из ряда других фасадов, ближний к нему фонарь отбрасывал поперек мостовой чернильное отражение, арка лишь контуром камня угадывалась в непроницаемом мраке.

И мрак этот шевельнулся, и из него выступил человек, облитый серебряной пелериной. Влажно забелели глаза, в которых растекся месяц. Нос с горбинкой придавал лицу хищное выражение. Шапка курчавых волос выглядела, как парик, натянутый, чтобы изменить внешность.

И в руках его был клинок, огнем простершийся к Геррику, и опасное лезвие поднялось и отразило свет звезд.

— Лорд Тенто, — обреченно прошептала Алиса.

Гийом у меня за спиной скрипнул зубами.

Цокая металлическими подковками, Тенто неторопливо вышел на середину набережной, поднял левую руку, не глядя, расстегнул у шеи складчатую пелерину и небрежно отбросил ее к решетке канала, оставшись в камзоле с пуфами, который покрывал звездчатый воротник.

Пуговицы отливали гранями бриллиантов.

— Вот мы и встретились, Геррик!.. — тем же звучным, раскатывающимся в ночи голосом сказал он. — Настал час решить, кто из нас прав, а кто — нет! Сделаем это, как подобает воинам!.. — Он поднял к лицу ладонь, и на внутренней ее стороне вспыхнул яркий синеватый дымок. Такой же точно, какой я уже когда-то видел у Геррика. — Я, лорд Тенто, наследный владетель Берригора, честно и открыто вызываю на поединок тебя, лорд Геррик. Мы будем драться, пока одного из нас не возьмет смерть. Пусть слышат меня — все, кто этого хочет!..

И тогда Геррик тоже вытащил меч и точно так же поднял свободную руку.

— Я, лорд Геррик, наследный владетель Алломара, — сказал он в яркий дымок, — честно и открыто вызываю на поединок тебя, лорд Тенто. Мы будем драться, пока одного из нас не возьмет смерть. Пусть меня слышат все, кто этого хочет!..

И вдруг Алиса выпустила мое запястье и тоже приблизила ладонь к лицу.

— Я, Алиса Геррик, — звонко сказала она, — сестра лорда Геррика, наследного владетеля Алломара, свидетельствую перед всеми Домами, что бой будет вестись открыто и честно, согласно законам, принятым Древними Королями.

Она дрожала, но, кажется, эту дрожь чувствовал только я.

— Спасибо, миледи, — сказал Тенто.

— Спасибо, сестра!..

— Я готов!.. — Тенто чуть выставил локти и направил меч в сторону Геррика.

— Я готов! — эхом повторил Геррик и тоже выпрямил Эрринор навстречу мерзлому серебряному огню, грозящему ему смертью.

Клинки тихо соприкоснулись. Рой длинных искр, какие иногда роняют трамваи, прошипев, вылетел из точки скрещения и рассыпался по асфальту.

Это было необычайно красиво.

И тут лорд Тенто нанес первый удар.

Я не видел, ни как он замахивался, ни как опускал меч; с непривычки глаза мои не успевали следить за молниеносными выпадами и фигурами. Это напоминало грациозный и быстрый танец бабочек друг против друга: трепет крыльев, внезапно-неуловимые перемещения в зыбком воздухе, вроде бы они просто парят на одном месте, однако моргнуть не успеешь, как вдруг оказываются у тебя за спиной. Так было и здесь. И только, наверное, минуты через две или три я, немного привыкнув, стал различать прекрасную и сложную конфигурацию боя. Состоял он, насколько я мог судить, не просто из поспешных ударов и их парирования, а представлял собой действительно редкий по красоте танец, когда партнеры, исполненные достоинства и мастерства, разворачивают перед восхищенными зрителями целый спектакль.

Меч лорда Тенто вычерчивал загадочные спирали в ночном воздухе, причем дымка металла при наиболее резких движениях как бы отслаивалась, и пять-шесть испаряющихся отражений следовали за лезвием. А когда в изгибе сверкающего многолепесткового цветка клинок на мгновение замирал, готовый молниеносно обрушиться на противника, к нему, будто из зеркала, так же отслаивая огонь, подлетал клинок лорда Геррика. Они больше не выбрасывали снопы длинных искр при столкновении, зато если лезвия их хотя бы легонько соприкасались, оба меча откликались чистыми музыкальными нотами и, наверное, сила и высота этих нот зависела от длительности соприкосновения. Металл пел то басами, напоминающими о громаде Вселенной, а то — чистыми детскими голосами, вздуваемыми, казалось, солнечным ветром. Симфония звезд полоскала осеннюю набережную. Мелодичным поскрипыванием отзывались омытые ей бронзовые тополя, тонкий плеск воды о гранит заполнял паузы. И как будто одухотворенные этой чудесной музыкой отклонялись, картинно подпрыгивали и перемещались друг возле друга две странных фигуры — точно паяцы, дергаемые кукловодом за ниточки. Разлетались льняные волосы лорда Геррика, кожаная безрукавка его распахивалась, как крылья птицы, взметывался звездчатый воротник лорда Тенто, и тысячекратными гранями переливались пуговицы на камзоле.

Зрелище по-настоящему завораживало. Я, пожалуй, впервые в жизни почувствовал, что смерть — это тоже искусство, и что бомба и пистолет — варварство перед благородным клинком.

Или, может быть, в меня проникала музыка звезд? Но хотелось так же — сомкнуть пальцы на теплой витой рукояти, устремить лунный блеск навстречу ненавидимому врагу и услышать рождаемую тобой прекрасную мелодию боя. Я уже был почти готов к этому. И я не сразу понял, почему вдруг так судорожно, со всхлипом вздохнула Алиса, и почему она опять смятенно прижалась ко мне, и почему она вновь впилась мне острыми ногтями в запястье. Я просто как бы очнулся, но, возвратившись в сознание и поглядев на карна-

вальную схватку несколько со стороны, с замиранием сердца увидел, что сверкающий великолепный цветок, вычерчиваемый в осеннем мраке, начинает огненными лепестками своими смыкаться вокруг Геррика, огибать его, захватывать в полупрозрачную чашу, — он уже почти не выскакивал за ее пределы, — и увидел, что клочья плазменных отражений пролетают в непосредственной близости от него и что и они все чаще и чаще сливаются в сплошную поверхность. Геррик то ли устал, то ли мастерство лорда Тенто было несколько выше. И становилось ясно, что долго так продолжаться не может: еще минута-другая, и — меч звездным лучом войдет в сердце.

Хуже всего было то, что я ничего не мог для него сделать. Я попытался освободиться, однако Алиса крепко ухватила меня и за второй локоть.

— Куда ты?.. — яростно прошипела она.

— Он — погибнет. Надо прекратить — это!..

— Стой, где стоишь!..

Уже не церемонясь, она взяла меня в стальные тиски. Она была сильнее меня, и это было самое унизительное. Все, что я смог, выламываясь и напрягаясь, — протащить ее на полшага к смыкающейся плазменной чаше. Но тут на плечо мне легла тяжелая ладонь Гийома, и я остановился.

— Пустите!..

— Нельзя вмешиваться, — отчаянно сказала Алиса. — Это его поединок, и он должен провести его сам. Жизнь — значит, жизнь, смерть — значит, смерть. Таковы Законы чести, и не тебе их отменять!..

— Значит, не прекратишь это?

— Нет!..

— Ладно, — смиряясь, ответил я. — Ладно, ладно, оставьте, можешь меня больше не тискать!.. Если ты хочешь, чтобы он умер, пусть он умрет. Отпустите меня! Я не собираюсь встревать в ваши дела!..

Тиски немного ослабли, однако Алиса по-прежнему цепко держала меня за локти. Правда, и порыв мой иссяк. В самом деле, ну чем бы я помог Геррику? Даже если допустить, что он захочет принять мою помощь?

— Я возвращаюсь к себе, — сказал я. — Прощай. Мы больше не встретимся...

И Алиса быстро кивнула, не оборачиваясь:

— Да, наверное, так будет лучше...

— Я ухожу...

— Иди!..

Она подалась вперед, притягиваемая зрелищем схватки. Здесь, насколько я мог судить, подходило к финалу. Цветок, вычерченный мечом Тенто, почти сомкнулся над Герриком. Фигура его за плазменными отражениями была практически не видна. Очертания все же проглядывали, словно тени, и по ним было видно, как мечется он, прыгая из стороны в сторону, как он изгибается и приседает, чтобы не коснуться тающих полосок огня, как взлетает его Эрринор, нарезая дольками воздух, как он плещет вокруг и все-таки не успевает раздвинуть падающие на него прозрачные лепестки.

Мелки были мои обиды перед накатывающимся молчанием. Я дрожал.

— Прости, — сказал я Алисе срывающимся голосом.

И она снова, не оборачиваясь, кивнула. Ей было не до меня.

— Ладно...

Грохот, будто камни повалились с горы, заглушил сказанное. Он раздулся до самого неба, и лопнул, и укатился по набережной.

И тогда я понял, что это смеется Тенто.

— Геррик!.. — так же звучно и совсем не устало сказал он. — Геррик! Ты можешь — сдаться, лорд Геррик!.. Принеси мне клятву на верность, и я, так уж и быть, пощажу тебя. Я оставлю тебе Алломар и земли — на полет стрелы от крепостных стен. Ты сможешь вернуться в свой Дом, владетель...

Мигнули тусклые фонари, и заколебалась в воде льдистая половинка месяца.

— Ты слышишь меня, лорд Геррик?..

Ответа Геррика я не разобрал, но по тому, как гордо и облегченно выпрямилась Алиса, по тому, как она выдохнула: Слава богу!.. — и по тому, как сверкнули ее глаза, я догадался, что Геррик бросил короткое «нет».

— Ну что ж! — громко сказал лорд Тенто. — Значит, быть тому, чему — быть! Прощайте, милорд!..

Плазменный великолепный цветок сомкнул лепестки, заключив в себя скорченную фигуру Геррика, — сжался, вытянулся, превратившись в блистающую цветоножку, на секунду застыл, точно соединение между сражающимися, а потом, когда лорд Тенто повел рукой — снова стал лунным мечом, который взлетел в салюте.

— Ах!.. — сказала Алиса.

Геррик же постоял, держась обеими руками за грудь, покачался, упал на одно колено, выронил Эрринор, звякнувший о корку асфальта и, как тряпичный мешок, мягко завалился на спину.

Левая ладонь его поднялась и слабо пошевелилась. Синевой чистых граней вспыхнул в кольце камень.

— Сестра... — Через мгновение Алиса стояла перед ним на коленях. — Дай руку, сестра...

Я не видел, что у них там произошло, но Алиса вдруг торопливо сказала: Нет-нет, не надо!.. — кажется, она даже попыталась отвести от себя что-то, — безуспешно — губы Геррика приоткрылись, и хотя слышать я уже ничего не мог, я увидел, что Алиса покорно склонила голову.

А потом она медленно выпрямилась, и на безымянном пальце ее также вспыхнуло кольцо с синим камнем. Будто сгусток весеннего неба, оправленный в платину.

Громко вздохнул Гийом у меня за спиной. Вздохнул, но не сказал ни единого слова.

Я боялся на него посмотреть.

А ладонь Геррика бессильно упала на грудь, и над телом закурился колеблющийся белый дымок.

Кажется, все...

13

Однако это было еще не все. Чернело небо, и холод осеннего космоса струился по набережной. Светлел асфальт, и затрещал сухой лист, на который я наступил. Звезды в канале трепыхались, точно рыбы в аквариуме.

Тенто подцепил пелерину и застегнул ее вокруг горла.

— Итак, отныне Домом Геррика управляет женщина, — сказал он. — Ну что ж. Видимо, такова судьба. Примите мои поздравления, миледи.

Он отвесил церемонный поклон.

По-моему, это было расчетливое оскорбление. Такие вещи я уже начинал слегка понимать. Алиса, тем не менее, даже бровью не повела — чуть повернула голову и властным тоном произнесла:

— Гийом!

— Да, миледи!.. — Гийом выступил у меня из-за спины — держа в руках меч и, видимо, готовый к схватке. — Моя очередь, милорд Тенто. К вашим услугам!..

Я облегченно вздохнул.

Но лорд Тенто покачал головой и даже не сделал попытки принять защитное положение.

— Нет-нет, миледи! Я имею право отказаться от немедленного поединка, я — отказываюсь. — Снова церемонный поклон. Тенто показал крепкие зубы. — С женщиной я тоже драться не буду, — холодно добавил он.

— Но милорд!..

— Нет, мой Гийом. В другом месте и в другое время.

Алиса закусила губу.

Не знаю, что произошло со мной в этот момент. Я твердо помнил, что я — в стороне и что вмешиваться мне не следует. Тем более, что этого от меня никто и не ждал. Это была чужая война, и меня она никоим образом не касалась. До сего момента я даже никогда не встречал лорда Тенто. И, в общем, ничего не имел против него. Я мог повернуться и спокойно возвратиться к себе в квартиру. Посвящение посвящением, но я ничем не был обязан Дому Герриков. Точно так же, как самому Геррику, или Гийому, или даже Алисе. Геррик погиб, но это не имело ко мне отношения. Я мог уйти, и, по-видимому, никто бы меня не упрекнул. И все же, будто какая-то непреодолимая сила толкнула меня — я шагнул, наклонился и поднял светлый клинок Эрринора.

Оказался он много легче, чем можно было предполагать; и был вовсе не дымным, как раньше, с бегущими по металлу

тенями, а тускло-мертвенным, словно из дерева, с нездоровой яично-желтоватой обсыпкой вдоль лезвия.

Точно Эрринор умирал вместе с Герриком.

Однако я поднял его и направил в сторону серебряной пелерины.

— Я вызываю вас на поединок, лорд Тенто, — сказал я, безуспешно пытаясь подражать торжественной речи Геррика. — Я вызываю вас, потому что вы убили моего друга. Настал час решить, кто из нас прав, а кто — нет! Сделаем это, как подобает воинам! Мы будем драться открыто и честно, пока одного из нас не возьмет смерть!.. — Тут я вспомнил еще кое-что и поспешно добавил: — Пусть меня слышат все, кто хочет слышать!..

Ответом мне был смешок. Лорд Тенто опять показал крупные зубы.

— Я не знаю тебя, человек, — сказал он. — Я не знаю ни твоего имени, ни твоего сословного положения. Кто ты такой, чтобы вызывать на поединок наследственного владетеля Берригора?..

Я не знал, как мне дальше себя вести.

— Ну?..

Тенто ждал.

И тут вперед выступила Алиса. Свет фонаря упал на нее и выхватил мраморное лицо с влагой глаз. Зрачки были темные и тревожно мерцали.

— Это воин Дома Герриков, — сказала она. — Имя его, милорд, известно вам по посвящению в воины. Он спас жизнь моему брату. Он имеет право вас вызвать.

Тут она повернулась ко мне, и я вдруг понял, что значит встреченная мною в одной из книг фраза: «Умереть за взгляд женщины». Это была не выдумка автора. За такой взгляд действительно можно было отдать жизнь.

Однако на лорда Тенто ее порыв не произвел никакого впечатления.

— Да, я слышал о посвящении, — сказал он с пренебрежительной скукой. — Но этого мало, миледи, как вам, вероятно, известно. Лорд Дома Тенто не обязан сражаться с простым воином.

— Вы, милорд, отказываетесь от поединка?

— Это в бою все равны. А в жизни, миледи, каждый сам выбирает себе противника. Скрестить меч с врагом — значит признать его достойным себя. Впрочем, женщины не обязаны разбираться в этом, — примирительно добавил он.

Твердая рука Алисы легла мне на локоть. Я почувствовал ее рядом с собой — яростную и непримиримую. Голос зазвенел жаворонком, летящим в зенит:

— Это не просто воин, это — мой муж, милорд. Мы обвенчаны Небом, и разлучить нас может не жизнь, но — смерть. Я свидетельствую об этом перед всеми Домами!..

Она подняла руку к лицу. Вспыхнул дым и — улетел, сдернутый сквозняком. Коротко, страшновато вздохнул-всхлипнул Гийом у меня за спиной.

Лорд Тенто домиком выгнул черную бровь.

— Это меняет дело, — сказал он, впервые посмотрев на меня с некоторым интересом. Мне стало неуютно под этим оценивающим взглядом. Будто я был не тем, за кого он меня до сих пор принимал. — Не могу сказать, что одобряю ваш вкус, миледи. Однако выбор здесь все-таки принадлежит самому воину. Он может сражаться, но он также может оставить свой меч в ножнах. Насколько я понимаю, миледи, у него нет перед вами клятвенных обязательств?..

Строгий блеск глаз, казалось предостерегал. Однако горячие пальцы Алисы сжимали мне локоть, и я чуть выше поднял тусклый клинок Эрринора:

— Защищайтесь, милорд!..

Темная фигура выпрямилась — на полголовы выше нас всех. Просияла улыбка, от которой у меня мурашки пробежали по коже.

Тон, тем не менее, был приветлив и ровен.

— Ты не понял, — сказал он, вновь медленно расстегивая пелерину. — Я дарю тебе жизнь — ни больше, ни меньше. Ты можешь уйти, и никто никогда не упрекнет тебя ни единым словом. Это не твоя битва, воин. Ты не преступаешь Законов чести, и имя твое останется незапятнанным. — Серебряная ткань, взмахнув крыльями, упала на тротуар. — Я предоставляю тебе, может быть, последний шанс...

— Нет! — сказал я.

— Ну что ж, тогда одним воином в Доме Герриков станет меньше...

Лунный огонь вдруг вытянулся из его руки. Клинок был остр, и замерзающий свет струился по лезвию. Момента, когда он обнажил меч, я не заметил.

Сердце у меня затрепетало. Потому что огонь этот предвещал мою смерть.

Я вдохнул, выдохнул и опять судорожно вдохнул.

Мне не хватало воздуха.

— Начнем, — обыденным голосом сказал лорд Тенто.

Отступать было поздно.

Я крепче сжал витую рукоять Эрринора.

Первый удар, нанесенный им, был страшен. Меч лорда Тенто описал в воздухе неторопливую сверкающую дугу и, достигнув высшей точки ее, казалось, коснувшись звезд, обрушился на меня сверху. Я едва успел подставить под смертельное острие тусклый клинок Эрринора. Мечи, лязгнув, столкнулись. Длинный сноп искр осыпал меня с головы до ног и, свернувшись пыльными катышами, брызнул по мостовой во всех стороны. Гибкая боль пронзила мне локтевые суставы и, скатившись в коленные чашечки, которые чуть было не надломились, отозвалась в щиколотках и пятках. Точно я спрыгнул с большой высоты на твердый настил. Я с громадным трудом удержался, чтобы не закричать. И был вынужден отступить на шаг — почти задохнувшись.

А когда я, собравшись с силами, сделал ответный выпад, Эрринор отскочил от меча лорда Тенто, словно картонный. Будто попал я не по мечу, а по каменному монолиту. Причем, сам лорд Тенто даже не пошевелился.

Только теперь я понял, во что я ввязался. Тенто дрался небрежно, лениво, в лучшем случае, в одну треть своей истинной силы. По неторопливым движениям угадывалось, что ему со мной просто скучно. После первого потрясшего меня натиска он больше не нападал, а, едва поводя мечом, отмахивался от моих петушиных наскоков. Он не танцевал, перемещаясь в пространстве, как делал это во время поединка с Геррик, но — точно снисходительный педагог — стоял на одном

месте. Звездчатый воротник спокойно облегал бархат камзола, корпус не сгибался и не нырял, чтоб уклониться от целящего в сердце удара, фигура казалась памятником из темной бронзы. Цинковые сиреневые фонари подчеркивали ее окаменелость. И несмотря на то, что он даже думал, по-видимому, о чем-то другом, меч его неизменно оказывался именно в той точке, куда я метил. Это была просто какая-то мистика! Словно Тенто заранее предугадывал все мои атакующие намерения, на мгновение раньше, чем я сам их начинал понимать, и парировал каждый выпад еще в зародыше. Невозможно было пробиться сквозь глухую защиту. Меч натыкался на меч, металл пресекался металлом. Вот только чудесная музыка из этого столкновения не рождалась. Эрринор тупо звякал, будто по массивному лому, и не пел, а тихонько постанывал, жалуясь на неизбежное. Мне казалось, что Тенто, внимая постаныванию, иронически улыбается. Правда, я совершенно не был в этом уверен — лицо его, к сожалению, находилось в тени. Читать мимику, как он это, вероятно, делал со мной, не представлялось возможным. Однако после одного из моих особо идиотских ударов — чуть ли не плашмя, потому что я не удержал инерции Эрринора — он действительно усмехнулся и ласково посоветовал:

— Спокойно, малыш, ты слишком нервничаешь, чтобы драться по-настоящему. Не надо так стараться, мой мальчик. Смерть рождается не из страсти, а только из хладнокровия. Потому что она сама холодна, как небеса Вселенной. — И добавил, не столько, наверное, для меня, сколько для Гийома и для Алисы: — Впрочем, тебе мои советы уже не понадобятся...

Было ясно, почему он отказался от неизбежного, вроде бы, поединка с Гийомом и, напротив, так легко и охотно согласился сражаться со мной. Гийом для него был слишком опасным врагом, а меня он серьезным противником вообще не считал. Так, заносчивый глупый мальчишка, которого следует слегка проучить. Правда, «слегка» в данном случае означало — именно смертью. Он играл со мною, как сытая кошка с мышью — то чуть-чуть отпуская и давая таким образом слабую надежду на жизнь, то решительно пресекая эту на-

дежду одним быстрым движением. Я догадывался, почему завершающий смертельный удар до сих пор не последовал. Забавляясь со мной, выставляя напоказ мою беспомощность и неумение драться, он не просто делал из меня самоуверенного дурака, он тем самым унижал Алису, которая назвала меня своим мужем. Это была расчетливая и тонкая месть. Вероятно, вполне в духе всех их законов и отношений.

Не могу передать, какая ненависть охватила меня при этой догадке. Для него я был не человеком, которому больно терять друзей и еще больней умирать, не приятелем Геррика, спасшим его и посвященным в воины, не законным мужем Алисы, пусть даже названным таковым под давлением обстоятельств, моя личность, по-видимому, вообще не имела значения — я был для него лишь пешкой в какой-то второстепенной игре, деревянной фигуркой, лишенной души и собственных ощущений, закорючкой, которую можно было смахнуть с доски в любую минуту. Эта минута еще не наступила, но она — близится.

Я был оскорблен, раздавлен, унижен, вероятно, не меньше Алисы, которая сейчас с беспомощным гневом наблюдала за происходящим. У меня онемели пальцы, а сердце билось на тонкой ниточке, готовой вот-вот лопнуть. Так, наверное, чувствует себя человек, внезапно узревший сдвинувшуюся с горы лавину и не могущий ни отпрыгнуть от нее, ни даже пошевелиться. Вероятно, для лорда Тенто я уже просто не существовал. Я был для него по ту сторону жизни и смерти. И вместе с тем ненависть, загоревшаяся во мне, была так неистова, что словно пробудила новые силы. Поднялась волна свежей неистощенной энергии. Мышцы обрели упругость, а тело — проворность и гибкость. Каждое движение, каждый шаг давались мне теперь значительно легче. Я перестал задыхаться, как рыба, и хватать ртом воздух. Видимо, прав был Геррик: чтобы сражаться по-настоящему, надо хотеть убить. Если не хочешь убить, значит, и не убьешь. А я теперь по-настоящему хотел убить лорда Тенто.

По-моему, даже Эрринор это почувствовал. Он уже не был, как прежде, бесплотной детской игрушкой, служащей лишь для забавы и не могущей нанести никому никакого вреда, он

чудесным образом изменился буквально за считанные секунды: тускло-мертвенный, как из дерева, клинок посветлел, стал живым и блестящим, как будто протертый маслом, нездоровая яично-желтая сыпь на краях осыпалась, а по лезвию вновь побежали дымчатые быстрые тени. Я вдруг ощутил его стремительно разящую тяжесть. Причем, если раньше, пытаясь тренироваться с Герриком, я едва-едва, выворачивая суставы, преодолевал ее ртутную непокорность, то сейчас Эрринор казался и легким, и тяжелым одновременно. Легким — когда я возносил его для удара, и тяжелым — когда клинок устремлялся в сторону лорда Тенто. Он стал как бы продолжением моей руки, частью меня самого, такой же естественной, как вытянутые вперед пальцы, мне не надо было задумываться, чтобы вывести его туда, куда я хотел бы, — это получалось само собой, инстинктивно, безо всякого напряжения. И теперь, натыкаясь на меч лорда Тенто, он не звякал тупо и обреченно, как мертвый, а рождал настоящий волнующий боевой звон металла. Мне казалось даже, что в звоне этом начали проскакивать чистые музыкальные ноты. Вдохновенная симфония звезд была еще не слышна, но отдельные звучные такты уже прорезывали сумерки набережной, и уже грозно поскрипывали бронзовые тополя, и уже отзывалась смятенным плеском вода в канале.

Что-то неуловимо менялось.

Главное же, что Эрринор, ожив, не просто воплотился в некую часть меня — он стал моим сердцем, моим мозгом, моей кровью, кипящей и насыщающей меня яростью. Не я управлял им, а он — мной, приводя в движение мускулы и заставляя тело делать нужные повороты. Казалось, пробудилось все то, чему когда-то безуспешно учил меня Геррик, — и раскачивание корпуса с внезапным выбросом клинка сбоку, «порыв ветра», как назывался этот прием, и «полет стрижа», и «кузнечик», и «прыгающая лягушка», и даже трудное «цветение лотоса на воде», когда меч возникает перед противником из распадающегося сияния — все это без особых усилий складывалось, открывалось и перетекало друг в друга. Точно Эрринор сам хранил все бесчисленные и хитроумные при-

емы боя и теперь, получив меня в качестве движущей силы, направлял эту неразумную силу именно туда, куда следовало.

Мы с ним как бы поменялись ролями. Он был хозяином, а я — его послушным рабом. Я даже не уловил, когда, собственно, это произошло. И лорд Тенто, по-моему, тоже не уловил. Он по-прежнему с равнодушной грацией парировал мои наскоки, жестикуляция его не убыстрилась, и лишь когда лезвие Эрринора, именно в «лотосе на воде», вынырнуло, словно из ниоткуда, и, взрезая холодный воздух, прошло в непосредственной близости от его груди, даже, как мне почудилось, зацепив коричневый шелк камзола, он был вынужден дернуться, по-видимому, достаточно неприятно, и впервые за время нашего поединка сделать поспешный шаг назад.

Я перехватил его изумленный и, кажется, немного растерянный взгляд. Тенто явно не ожидал от меня такого искусства и прыти.

— А ты, оказывается, кое-что умеешь, малыш, — сказал он с одобрительным уважением. — Это школа Геррика? Ну-ну. А я всегда считал его плохим педагогом...

Блистающим полукругом он заслонился от моего следующего выпада и, вероятно, решив, что игра в кошки-мышки слишком затягивается, вырос всем телом и едва уловимо для глаз нанес три мгновенных удара.

Страшны были эти неожиданные удары. Точно три стальных молнии почти одновременно обрушились на меня с неба. Воздух, расслаиваясь, забурлил шипением и пузырьками. И если бы лорд Тенто нанес эти удары в начале нашего поединка, то, вне всяких сомнений, я распался бы после них, как апельсин, на множество долек. Однако он слишком долго тянул и демонстрировал мою глупость. Момент, когда кошка могла беззаботно прихлопнуть мышь, был упущен. Мышь за это время, оказывается, тоже кое-чему научилась. И хотя смерть, устремившаяся ко мне, была именно смертью и чуть было не достигла сердца, я все же каким-то немыслимым чудом сумел избежать ее страстных объятий.

Первый удар я увел в сторону «скатом»: меч лорда Тенто со звоном скользнул по поверхности Эрринора и,

по-видимому, не сдержав инерции, будто лемех, вспорол серую корку асфальта. Ровный край ее загнулся со скрежетом.

— Ах!.. — сказала Алиса у меня за спиной.

Она, по-видимому, не сдержалась.

От второго удара я довольно расчетливо уклонился, и парящий зеркальными отражениями лунный металл прошипел, нажимая воздух, около самого моего уха. Еще чуть-чуть — и я остался бы без головы.

Правда, «чуть-чуть» не считается.

И последний удар, нанесенный, по-видимому, в некоторой растерянности, — неожиданностью уже было то, что первые два не достигли цели, — повинуясь вставшему наискось Эрринору, я уверенно принял на всю пружинящую длину клинка, сам не понимая, как, сделал кистью руки плавное вращательное движение — отброшенный меч лорда Тенто взлетел вверх, а я, заканчивая прием, едва не шмякнулся, запнувшись обо что-то кедами, но — протанцевав на одной ноге, развернулся вокруг оси, успев все же выставить Эрринор навстречу противнику.

Вероятно, я в это мгновение был совершенно беспомощен. Меня занесло, и острие в итоге глядело несколько в сторону. Правый бок таким образом оказался незащищенным. Однако Тенто, вопреки ожиданиям, этим моим промахом не воспользовался. Ему, наверное, тоже нужна была передышка. Он на секунду замер, прижав свободную руку к левой части груди, а когда оторвал ладонь, она была перепачкана кровью.

Значит, я все-таки ухитрился его задеть. Я чуть было не подпрыгнул от радости.

А Тенто, тоже, по-видимому, не веря, понюхал ладонь, и крупные плоские зубы его просияли во мраке.

— Поздравляю тебя, малыш, — сказал он по-дружески, точно старый приятель. — Тебе повезло, ты ранил самого лорда Тенто. Этого, поверь, не случалось уже многие годы. Ты действительно — воин, и ты достоин вызвать кого угодно. Жаль, что мы с тобой не соратники, а враги. Ничего, я буду вспоминать о тебе...

— Ах!.. — снова негромко, но очень отчетливо сказала Алиса.

Коробчатый хрупкий лист сорвался с ближайшего тополя, тихо, как сказочная ладья, проплыл под фонарем, вдруг озарившим его, и бесшумно нырнул в темноту — за чугунную ограду канала.

Куда он теперь поплывет? В какую осень? Не знаю.

И, видимо, не узнаю уже никогда. Потому что лорд Тенто отвесил мне церемонный поклон и, поведя подбородком, вновь выставил меч вперед.

Заискрились бриллиантовые пуговицы на камзоле.

— Продолжим...

14

Вот когда он взялся за меня по-настоящему. Все предшествующие леность и снисходительность были отброшены. Тенто насторожился, собрался, и я сразу же ощутил страшную силу своего противника. Он уже не играл со мной, как кошка с мышкой, а отражал удары коротко, сильно, с той нервной точностью, какая в данный момент только и требовалась, а когда он наносил удар в свою очередь, мощь его, принятая на Эрринор, снова игольчатой болью отдавалась в суставах. Колени у меня подгибались, и я лишь чудовищным напряжением воли удерживался, чтобы не сесть на пыльную мостовую.

К тому же он начал пританцовывать вокруг меня. Вдруг — исчезнет из поля зрения и обнаружится двумя шагами левее, то порхнет, словно бабочка, то придвинется массивной фигурой почти вплотную. Не знаю уж, каким чудом я предугадывал его неожиданные маневры. Думать мне было некогда, я слепо повиновался влекущим приказаниям Эрринора. Мой оживший клинок гораздо лучше меня знал, что следует делать. И хотя лорд Тенто по-прежнему явно превосходил меня в мастерстве смертельного поединка — в том, по крайней мере, что на каждый удар, нанесенный мной, он отвечал двумя, а то и тремя атакующими ударами, темп ведения боя он навязывал мне играючи, — но и я уже не был пешкой, которую можно было смахнуть с доски в любую минуту. Это была уже не игра, а именно поединок. Тенто не мог просто

убить меня, когда бы ему захотелось, а был вынужден прорубаться сквозь многолепестковую круговую защиту, поставленную Эрринором. И не только прорубаться, что само по себе, вероятно, было не так уж и трудно, а еще и смотреть, чтобы ни одно из плазменных отражений не задело его самого.

Это его, по-видимому, раздражало. Я, во всяком случае, начал слышать неровные хрипловатые вздохи, рвущиеся из горла. Воздуха ему не хватало, как мне в начале боя. А один раз он после выпада, не достигшего цели, он неприятно и громко выругался сквозь зубы. Для меня его ругань прозвучала как высшая похвала. Мне даже удалось развернуть его против света. Я не думаю, что покачивающийся высоко над нашими головами фонарь так уж ему мешал, свет был слабый и не способный по-настоящему ослепить, но, по крайней мере, мое собственное лицо теперь было в тени, и лорд Тенто не мог читать по нему, как по раскрытой книге. У меня появилось одно из маленьких преимуществ.

Кажется, я только сейчас как следует его разглядел: крепкий литой подбородок, будто высеченный из гранита, полные светлого студня глаза, нос крючком и будто вставшая дыбом пружинистая лохматая шевелюра. Внешность бойца, не знающего жалости и пощады. Поразить такого мечом — действительно высокая честь для воина. Я был горд, что лорд Тенто признал меня равным себе. Звездная музыка боя рождала во мне ранее незнакомое вдохновение. Звучала она уже непрерывно, точно долгоиграющая пластинка, и прозрачная всепроникающая мелодия бросала меня из стороны в сторону.

Я, наверное, тоже теперь порхал, как бабочка. Мельком я видел Алису, держащуюся обеими руками за щеки, а за нею — Гийома, высокого, хмуровато-настойчивого. Они рассчитывали на меня. Я был их последней надеждой — здесь, на набережной, в пучине истекающего сентября. Я бился не только за Геррика или за себя, но и за них — тоже. И, вычерчивая Эрринором немыслимо-блистающие сквозь сумрак фигуры, глядя, как отражения, срывающиеся с клинка, тают и распадаются в воздухе, слыша странную музыку, создаваемую соприкосновениями двух мечей, я испытывал наслаждение, ко-

торому, казалось, нет равных. Я бросил вызов на поединок. Я сражался в честном и открытом бою, один на один со своим противником. Я взял в руки меч, и звезды пели мне необыкновенными голосами. Я должен был победить или погибнуть. Ледяной яркий месяц висел над изгибом канала, покачивались фонари, конусами света шаркая по асфальту, воздух был свеж и пьянил, как вино из волшебного винограда. Я был счастлив, и я с трудом удерживался, чтобы не запеть во весь голос.

Тем не менее, положение мое было все равно безнадежным. Пусть я неожиданно для всех проявил чудеса ловкости и отваги, пусть внезапно, но очень кстати пробудившийся Эрринор, подчинив меня, защищал от мерзкого прикосновения смерти, и пусть я даже каким-то чудом нанес рану самому лорду Тенто, однако, по сути, это не имело никакого значения. Смысл происходящего от этого не изменился. Мне по-прежнему противостоял один из лучших бойцов того мира, с раннего детства, как рассказывала Алиса, взявший меч в руки и привыкший сражаться. Он был опытнее меня, по-видимому, раз в десять. И потому исход схватки сомнения все-таки не вызывал. Я, конечно, мог бы слегка оттянуть неизбежный финал, я, наверное, был бы способен ценой невероятного напряжения продержаться еще какое-то время, может быть, мне даже удалось бы вторично ранить его — это, правда, уже из области наивных мечтаний, — но изменить результат поединка было не в моей власти. Я не мог, как бы там ни сложилось, победить лорда Тенто, и вся радость моя была радостью мотылька, пляшущего возле пламени. Сейчас огонь опалит нежные крылья, осыплется пыльца, оплавятся усики, и безвольное тельце шлепнется в щель пола. Никто этого не заметит.

Так произойдет и со мной. Я это знал. Уже видны были признаки надвигающейся катастрофы. Потому что как бы я ни прыгал по шершавой тверди асфальта, разумеется, уступая тому же Тенто и в грации, и в быстроте, как бы я ни размахивал Эрринором, пытаясь поставить защиту, которую нельзя будет преодолеть, как бы ни выкручивался и ни изгибался,

одновременно чувствуя физическую недостаточность своего тела, — все же тренироваться на мечах надо именно с детства, — сверкающий многолепестковый цветок, созданный отражениями, уже окружал меня полупрозрачной чашечкой, вроде тюльпана, и она неуклонно смыкалась, оставляя все меньше и меньше пространства для жизни. Было ясно, что скоро она сомкнется вокруг меня окончательно, коснется, опалит мучительным холодом, прервет ту нить, на которой пока еще бьется сердце, и я, как Геррик, повалюсь на пыльную мостовую.

Только в отличие от лорда Геррика мне некому будет передать синее Кольцо власти. У меня нет такого кольца, у меня вообще ничего нет.

Нет, и не надо.

Я уже стал задыхаться, так как воздух внутри сверкающего тюльпана был спертый, и не столько перемещаться вслед за порхающим Эрринором, сколько неуклюже перетаптываться на одном месте, еле-еле отмахиваясь от лезвия, выныривающего из плазменной амальгамы. Силы у меня были на исходе, мускулы сводило судорогой, а в груди, между легкими, пророс режущий кристаллик льда. Вдохнуть по-настоящему я теперь тоже не мог. И тем не менее, именно в этот момент я обратил внимание на одну странную закономерность.

Меч лорда Тенто, казалось, был всюду. Лепестки колышащегося тюльпана уже почти обнимали меня. И все же, вглядываясь в отражения, оставляемые лунным металлом, я заметил, что даже самые замысловатые по рисунку выпады представляют собой нечто законченное. С колоссальным искусством, даваемым, видимо, лишь прирожденным талантом, Тенто вычерчивал передо мной сферы, круги, растягивающиеся и сжимающиеся спирали, остроносые пики, в вершинах которых меч замирал, как бы в раздумье, плавные и стремительные параболы, возвращающиеся к исходной точке движения. Рисунок боя был отшлифован до немыслимого совершенства. Раньше, когда мы были на значительном расстоянии друг от друга, это как-то не бросалось в глаза, однако теперь я мог проследить практически каждую линию и, повторяя за Эрринором, как в зеркале, те же параболы и арабески, самым ис-

кренним образом не понимал, почему, например, этот великолепный косой удар, должный бы вне всяких сомнений войти в грудную клетку противника, все же не входил туда, принося неминуемую смерть врагу, а заканчивался блистательным вспорхом клинка над головой лорда. И почему неудержимый полет с пика вниз — полет, который я мог узреть благодаря лишь аналогичному движению Эрринора, — не заканчивался опять-таки огнем в моем сердце, а красивейшей легкой виньеткой уводил лезвие в сторону?

Было в этом что-то бездушное, механическое, как у хорошо отлаженного автомата. Уже не искусство, а выверенная до мельчайших деталей великолепная копия. Копия отличается от искусства отсутствием непредсказуемой и невозможной души, отсутствием тех неправильностей, которые только и составляют личность художника. Души в том, что делал лорд Тенто, не было. Было потрясающее мастерство, была заученность, доведенная тренировками до автоматизма, была подлинная ненависть, придававшая удару настоящую силу. А души не было, и почему-то от этого мне стало вдвойне обидней. Погибнуть от руки человека еще куда ни шло, но погибнуть от рычага равнодушной машины — есть в этом некоторое унижение.

Главное же, я абсолютно не понимал, почему я должен копировать навязанную мне манеру боя. Эрринор, как бы принявший на себя всю полноту власти, в самом деле, как в зеркале, повторял каждое движение лорда Тенто, вычерчивая те же замысловатые арабески, взметываясь к тем же пикам и проносясь по таким же параболам. Это было надежное глухое прикрытие, но это не было подлинным поединком. Вероятно, Эрринор не был уверен во мне, как в своем хозяине. И потому предпочел обходиться без риска, ограничиваясь только защитой. Но уйдя целиком в защиту, победить невозможно. Я об этом догадывался и чем дальше, тем больше недоумевал, почему, например, не прервать эту бессмысленную параболу — вот так, просто, пока меч лорда Тенто еще летит вверх, взять и ткнуть вперед отточенным лезвием?

Это неосмотрительное движение чуть было не стоило мне жизни. Эрринор, внезапно сдернутый с начавшей вычерчиваться

арабески, забился в моей руке, будто живая рыба, ртутная тяжесть потащила меня куда-то непреодолимой инерцией, я нелепо затанцевал, пытаясь сохранить равновесие, а Эрринор, действительно, как живой, вновь дернул меня в сторону.

И, как выяснилось, на редкость вовремя. Лунный клинок лорда Тенто вдруг вырос у меня перед самым носом, плоская сталь обожгла глаза мертвым сиянием, а по левому моему плечу полоснула боль, сразу же сделавшая рубашку мокрой и прилипающей.

Я услышал, как слабо застонала Алиса, кажется, вцепившаяся в Гийома. Или не застонала, а мне только так показалось. Облачко звука мгновенно рассеялось в воздухе. Прислушиваться, а тем более смотреть на нее, мне было некогда. Эрринор опять дернул меня, едва не вывернув здоровое плечо из суставов, и я еле-еле успел отклонить следующий выпад.

В общем, самодеятельность обошлась мне довольно дорого. И все же я понимал, что единственная моя надежда — нанести смертельный удар вне всяких правил. Только в этом случае у меня имеется шанс на победу. Шанс ничтожный, почти неосязаемый, неуловимый, сумасшедшее счастье, приваливающее дураку один раз в жизни. Но я был просто обязан воспользоваться этим шансом, потому что все остальное не сулило и тени успеха. Причем, воспользоваться им я должен был как можно скорее. Раненая рука у меня уже онемела, рубашка набрякла горячей кровью почти до пояса, еще немного — и вязкая жидкость пропитает бок джинсов. Мне долго не продержаться. Поединок должен был завершиться немедленно.

Я не столько обдумал это и принял решение, сколько подчинился безудержному порыву, кинувшему меня, точно на амбразуру. Разумеется, я мог подождать и собраться с силами, выбрать удобный момент, усыпить бдительность лорда Тенто — это, вероятно, было бы гораздо предусмотрительнее. Однако никакая предусмотрительность уже не имела надо мной власти. Час пробил, все должно было решиться именно и только сейчас. В действие вступали совсем иные силы. И я

не стал ни ждать, ни усыплять, ни выгадывать. Кажется, я вообще отбросил всякое благоразумие. И когда меч лорда Тенто, раскрутив вокруг меня очередную блистающую спираль, кстати, лишь на какие-то сантиметры не дойдя до груди, вознесся к небу, как стриж, чтобы набрать высоту для удара, я, уже зная, что придется опять преодолеть яростное сопротивление, как на ручку лопаты, нажал на рукоять Эрринора и, не дав ему устремиться вслед за клинком противника, послал прямо вперед, сломав начинающуюся параболу.

Эрринор снова дернулся, как живая рыба, но, то ли не ожидая от меня новой прыти так быстро, то ли укрощенный еще прежним моим своеволием, вдруг подчинился, как бы удлинив мою руку металлом, и голубоватой молнией соединил нас с лордом Тенто.

Впрочем, уже в следующее мгновение он, вероятно, опомнился — выгнулся стальной полосой, загудел возмущенно, вновь распрямился и, точно сорванная пружина, с невероятной силой отбросил меня назад.

Я запнулся и со всего размаха шлепнулся на асфальт. Острый электрический ток промчался от копчика по позвоночнику. Ребра, казалось, сложились «елочкой» и снова раздвинулись. Я был полностью оглушен. А сам Эрринор зазвенел по камням, куда-то откатываясь.

Погребальными колоколами повис этот звон в воздухе. Звонили колокола обо мне. Я — погиб, здесь, на набережной, под скорченными тополями. Мне потом иногда даже снилась эта картина: мрачная, будто отливка памятника, фигура Тенто, выглядящая исполинской, потому что я смотрел на нее снизу вверх, звездчатый кружевной воротник, горгоньи кудри вокруг лица с полуприкрытыми веками — на секунду мне показалось, что кудри эти медленно извиваются, — и холодный клинок, плывущий будто посередине звездного неба. Сейчас он сверкнет в точном падении, и для меня все кончится.

Не знаю, почему я тогда не зажмурился, как ребенок. Если уж умирать, то лучше не видеть, как смерть протягивает к тебе мерзкие лапы. Наверное, я в тот момент просто остолбенел:

глаза вытаращены, неповрежденная рука ощупывает пылающий копчик. Помню, мелькнула мысль, что я теперь на всю жизнь останусь калекой. И все-таки я тогда не зажмурился, и потому внезапно увидел, что опасный лунный клинок вовсе не плывет среди звезд, как мне в первое мгновение показалось, — плывут тоненькие ободочки невидимых облаков возле него, — а сам меч не плывет, а лишь немного покачивается, и покачивается, как в невесомости, темная отливка фигуры, беловатый дымок курится из-под звездчатого воротника, и — усиливается, и брызжет струйками, точно от паровоза.

И вдруг костюм лорда Тенто сминается, будто внутри него — пустота, и широкими мягкими складками ложится на мостовую. И тут же глухо, как деревяшка, стукается о крышку люка. И — подскакивает пару раз и после этого замирает.

Вот как все это произошло. Я даже забыл про невыносимую боль в копчике. Кое-как выпрямился в полный рост и опять почувствовал у себя в ладони рукоять Эрринора.

Кажется, мне его подала Алиса.

Была набережная под фонарями, и была желтая перешептывающаяся листва на деревьях, и был месяц над черной прозрачной водой канала.

Алиса подняла к лицу обе ладони, и густой дым вспыхнул между разведенными пальцами.

— Пусть слышат все, — звонким голосом сказала она. — Свершилось то, чему суждено было свершиться. Лорд Тенто — умер. Я свидетельствую об этом перед всеми Домами. И свидетельствую, что он умер, сражаясь, как подобает воину.

Губы ее задрожали, и я увидел светлую влагу, склеивающую ресницы.

— Свидетельствую, — негромко, точно через силу, повторил вслед за ней Гийом.

Взгляд его обжег меня странным огнем.

И опять — точно медленное дуновение прошло вдоль набережной. Заколебались звезды и проскрипел-простонал суставами подагрический тополь.

А Алиса взяла мою руку, сжимающую Эрринор, подняла и тихонько поцеловала ободранные костяшки пальцев. Когда это я успел их так ободрать?

Она сказала:

— Ты победил Черного лорда, Рыжик. Ты сражался и победил, ты — великий воин...

Я отступил:

— Никогда так больше не делай!..

И Алиса покорно склонила голову.

— Слушаю, милорд муж, мой повелитель...

И повернулось бледное, точно вымоченное в воде лицо, Гийома.

— Поздравляю, милорд...

Только тогда я — понял.

И, стоя посреди осеннего города, под шорох листьев и ломкий плеск сентябрьской холодной воды, я поднял меч — к звездам, к черному сквозняку, ко всему, что еще могло нам грозить.

Качнулись тени. Быстрый лунный свет заструился по лезвию.

Порыв ветра утих.

Так я стал лордом.

15

С точки зрения обороны, место было выбрано идеально. Крепость находилась на островке, со всех сторон окруженном каналом. Канал, правда, был не слишком широк: полоса тусклой воды — если плыть, гребков на десять-пятнадцать, но преодолеть его без средств переправы было нельзя. Алиса сказала, что глубина в отдельных промоинах достигает двух и даже трех метров. К тому же дно канала чрезвычайно замусорено: и бутылки битые, и консервные банки, и нагромождение досок. А как раз напротив ступенек к воде — перекрученные ребра листового железа. Вон, видишь, там — немного левее. Напорешься на такой угол — и все...

— Ты что, в самом деле его видишь? — спросил я, глядя на непрозрачную, как в торфяном омуте, гладь с пятнами полузатонувших листьев. — Как тебе удается?

— Конечно, — сказала Алиса. — А ты разве не видишь? Жаль...

С материком, если так можно выразиться, нас соединял единственный деревянный мост, упертый съездом своим в противоположную набережную. Причем ширина его была такова, что перекрыть проезжую часть было делом минуты. Для этой цели в конце его имелись две чугунные тумбы — круглые массивные чушки, перетащенные сюда от ближайшего дома. Опрокинуть их — ни одна машина не въедет.

По-моему, вполне надежно.

Крепость же представляла собой бывшие военные склады, сплошной громадной стеной опоясывающие весь остров. Багровая кирпичная кладка позапрошлого века вздымалась выше третьего этажа. И хотя в ней имелись довольно обширные окна и пара ворот, но до окон без крючьев или приставной лестницы было бы не добраться, а ворота, обшитые нарезками рельс по створкам, были заперты на такие замки, которые не то что не выломать, но даже не поднять обыкновенному человеку. Причем кирпич стен за два столетия спекся, окаменел, и пробить в нем проход можно было только с помощью артиллерии. Я надеялся, что артиллерию против нас все-таки применять не будут. В общем, местечко удобное, чтобы отсидеться и привести себя в норму. Не знаю уж, как Гийом его обнаружил.

Лишь один недостаток причинял мне некоторую тревогу и беспокойство. Чтобы грамотно защищать крепость, требовалось по крайней мере полторы сотни солдат. Тогда можно было бы организовать оборону в два яруса. Мы же располагали не сотнями, а всего четырнадцатью бойцами, и хотя солдаты были явно знающими свое дело — молчаливые, плотненькие, дотошные до казарменного устава, в кожаных куртках и кожаных же штанах, защищающих от случайных порезов, с тусклыми бронзовыми наплечниками, нагрудниками и наколенниками, все, как один, мордастые, напоминающие крестьян, оторванных от привычного плуга (да, действительно, простых солдат набирают именно из крестьян, подтвердила Алиса), и хотя командовал ими опытный, побывавший, наверное, в десятке сражений сержант по имени Беппо — с просветленными выпученными глазами, как у старого рака, без сомнений (убьют так убьют, такая у солдата судь-

ба), со щеточками звериных усов под носом, которые он ежевечерне лелеял, и с таким голосом, что когда он гаркал: Эй, ты, хрен ползучий, шевелись, ты не у тещи на именинах!.. — то над стенами крепости вскидывались стаи перепуганных воробьев, а очередной хрен ползучий, действительно начинал шевелиться, — для защиты этого все равно было мало. Тем более, что четверо хренов ползучих были постоянно заняты во внутреннем дворике сборкой какого-то совершенно непонятного громоздкого сооружения, состоящего из гнутых латунных трубочек и больше всего напоминающего клетку для птицы.

Алиса, лично наблюдавшая за ходом работ, объясняла, что это — действительно клетка, она так и называется — «клетка», но не для птиц, а для объединения и концентрации по нужной оси загадочной энергии «жэнь».

— Слуги и солдаты не могут самостоятельно перемещаться в пространстве, — говорила она. — Собственной их «жэнь» для этого недостаточно. К тому же они не умеют по-настоящему ею управлять. Ты, кстати, тоже не можешь, ты пока — не разбуженный. Однако если ваши усилия соединить определенным образом... Конечно, без Геррика это будет очень непросто. На мне теперь висит семь человек, на Гийоме — восемь... — Она озабоченно хмурилась, и я чувствовал свою вину, которая неизвестно в чем состояла. — К счастью, нам не на край Галактики. Мы уйдем на Пеллору. Там — учитель Моррэ, и туда, по слухам, отступил с Алломара отряд Троттигара. Нам следует объединить силы...

— А Пеллора?.. — осторожно интересовался я.

— Дождевой лес, карстовые пещеры, реки — на ложе из чистого кварца. Представляешь — дно видно до последней песчинки. Там есть где укрыться. Дому Тенто эта база пока неизвестна. Главное, конечно, объединиться с людьми Троттигара...

— А что там буду делать я?

— Ну — прежде всего следует выяснить, чем мы располагаем. У Троттигара — очень серьезный отряд, затем есть еще где-то в Малых Мирах вполне приличное подразделение Шинны. Это амазонки, давшие обет безбрачия. И еще

какие-то люди остались на самом Алломаре. Должны быть, я не верю, что разгром Герша — полный... Тихая, в общем, планета, тебе там понравится. Ну — не сердись, ну — ладно, ну — мне сейчас некогда...

И она убегала к клетке, лоснящейся сквозь дождевой день жирной латунью.

Что-то там получалось у них не совсем так, как надо.

Сердце у меня проваливалось в бездонную пустоту. До сего дня, несмотря на поток необычайных событий, обрушившийся на меня, в глубине души я все же не верил, что вот так, запросто, уйду с Земли к звездам. Это противоречило всему моему прежнему опыту. И только здесь, в центре города, на островке, знакомом мне еще по детским воспоминаниям, с оглушительной ясностью и прямотой я осознал, что именно отсюда открывается путь в просторы Вселенной — от этих одноэтажных строений, похожих на покинутые казармы, и, кстати говоря, казармами и являющихся, от пыльного плаца, простершегося крошкой битого кирпича, от двух замученных тополей и деревянной скамейки меж их стволами, от офицерского флигеля, где мы все временно разместились. Постоянный озноб, будто душ холодной воды, стискивал мне кожу. Голова чуть кружилась, и меня, казалось, несло незримым, но сильным течением. Потому что одно дело — странные люди, возникшие в привычном мне мире, странные животные, пусть даже койотль тот же самый, — они появятся и исчезнут, в принципе, ничего в этом мире не изменив, и совсем другое, когда ты вырван из спокойной обыденности, знаешь, что возврата к ней уже никогда больше не будет, и живешь среди тех, для кого вознесение к звездам — рутина и муторные обязанности. Было от чего появиться пронизывающему ознобу.

Мне достаточно было глянуть, например, на Петипа. Этот замкнутый, неслышный и практически неощущаемый человек с темно-желтым, как будто от разлития желчи, лицом, с необычными, как две стекших капли, глазами (выпуклая нижняя часть и домики бровей над нею), одним видом подчеркивал, что он — не отсюда. Он был слугой Гийома и подчинялся только своему господину. Если же кто-то другой обращался к нему, например, как я, в первый день по незнанию,

Петип долго молчал, словно прокручивая голове варианты ответов, а потом отвечал писклявым нечеловеческим голосом: Не знаю, сударь, простите... — И после этого желание иметь с ним дело больше не возникало.

Странно, что при такой вызывающей внешности этот Петип, как выяснилось, был одним из наших лучших лазутчиков. Он почти ежедневно отправлялся на разведку в город — возвращался лишь вечером и о чем-то долго шептался с Гийомом, запершись в комнате. Чем он там, в городе, занимался, было никому неизвестно.

А в те дни, когда у Петипа не было нужды куда-то идти, он как будто брал на себя роль добровольного соглядатая. Его манера материализовываться из воздуха меня пугала и заставляла оглядываться. Занимаешься чем-то своим, никого не трогаешь, думаешь, что находишься в одиночестве, ну и ведешь себя соответственно, и вдруг — натыкаешься взглядом на согнутую, будто из пластилина, фигуру, — понимаешь, что он пребывает здесь уже довольно долгое время, изучает тебя, наблюдает за каждым твоим движением, и непонятно, что он тут углядел и какие из этого сделал выводы.

По-моему, даже Алиса его немного побаивалась. Во всяком случае, заметив, как я к нему в первый день обратился, отозвала меня в сторонку и предостерегла:

— Знаешь, ты с этим Петипом, пожалуйста, будь поосторожнее. Ему незачем знать некоторые вещи, касающиеся только нас с тобой.

— А что, слугам вы не доверяете? — ехидно спросил я.

— Это — слуга Гийома, — с досадой сказала Алиса. — Я тебя предупредила — делай, как знаешь...

Больше она к этой теме не возвращалась.

Впрочем, и без Алисиного предупреждения никакой охоты откровенничать с желтолицым Петипом у меня не было. Зато с Миррой, служанкой самой Алисы, возникли совсем иные проблемы. Внешность ее, в противоположность Петипу, была совершенно земной, разве что более экзотичной, чем мы, в Петербурге, привыкли; на мой взгляд, несколько негритянского типа: полные яркие губы, чуть фиолетового оттенка, смуглая кожа, приплюснутый и довольно широкий нос, —

ноздри подрагивали, когда она со мной разговаривала, — глаза, будто две чашки топленого шоколада, и громадная пена мелко-пружинистых, тоже подрагивающих африканских волос. Точно Мирра буквально минуту назад вырвалась из знойной саванны. Для дождливого и хмуроватого Петербурга вид действительно экзотический. Впечатление это усиливалось голубым, как у космонавтов, комбинезоном — цельным, с длинной молнией впереди, заправленным в легкие полусапожки. Причем, эластичная и, видимо, очень тонкая ткань, облегая тело, подчеркивала все детали. Даже соски прорисовывались сквозь голубую материю. Из-за этого Мирра выглядела как бы полностью обнаженной. Отношения между ней и Алисой были немного странные: с одной стороны, вроде служанка, и повседневный быт это отчетливо демонстрировал — Мирра приносила завтрак Алисе (и даже мне), бегала по ее поручениям, когда Алису, скажем, интересовало, чем я сейчас занят, вообще — подавала, убирала, напоминала, следила за комнатами, ходила по утрам с веником и в переднике, но с другой стороны, где-то на третий день я увидел собственными глазами, как она гневно и явно раздраженно выговаривает за что-то Алисе, а Алиса стоит и слушает, покорно опустив голову, и на властную госпожу она в эту минуту ничуть не похожа, а потом поднимает лицо и робко произносит две-три фразы. Слов я не слышал, но она словно извинялась за что-то. В отношения госпожи и служанки это как-то не вписывалось.

Мирра сразу же взяла меня на прицел. Уже в первый момент, точнее — в первую ночь нашего появления в крепости, как бы ни был я оглушен только что происшедшими трагическими событиями: сначала гибель Геррика на поединке, а потом мое изматывающее сражение с лордом Тенто, — я обратил внимание на яростный накал шоколадных глаз, устремленных в мою сторону, и в последующие дни тоже не раз ловил его в самые неожиданные минуты. Мирра разглядывала меня весьма откровенно. Более того, однажды в комнате у Алисы — та как раз отвернулась, доставая что-то из дорожной шкатулки, — она очень характерно приоткрыла полные губы и, просунув сквозь белизну зубов неожиданно яркий

язык, точно поддразнивая меня, провела по воздуху влажным кончиком. Жест, по-моему, понятный любому мужчине. А в другой раз, столкнувшись со мною в дверях на выходе, она не посторонилась, как это делали все остальные, а напротив, немного прогнулась в своем облегающем комбинезоне, и подавшиеся вперед груди ее довольно явственно прошли по моему телу. Я даже закашлялся от смущения. Тем более, что Алиса, по-моему, глянула в эту минуту в нашу сторону. Не знаю, заметила ли она соприкосновение или нет, но на всякий случай я стал теперь держаться от Мирры на некотором расстоянии и, встречаясь с ней в коридоре или на площадке, которую условно именовал «строительной», делал вид, что задумался и сам уступал ей дорогу.

Только неприятностей с девочками мне еще не хватало! Правда, сдерживаться при таком откровенном призыве было достаточно трудно. Тем более, что Алиса с нашего появления в крепости стала неприкосновенной.

— Нельзя, — говорила она, вежливо, но твердо пресекая все мои попытки добиться сближения. — Я не имею права растрачивать силы по пустякам. Скоро они понадобятся мне — все, до последней капли, — и вдруг, точно спохватившись, приседала в почтительном реверансе. — Прошу простить мою слабость, милорд муж...

И хотя я отлично знал, что мужем она меня назвала только под давлением обстоятельств, но за этот действительно почтительный реверанс и за взгляд, которым он сопровождался, я готов был простить что угодно.

Потому что теперь я и в самом деле был для нее лордом и мужем.

И Алиса тоже готова была простить мне многое. Разумеется, прежняя высокомерная и снисходительная девчонка, с равнодушным презрением посматривающая на простолюдина с высоты своего рода, никуда не исчезла, да, наверное, и не могла исчезнуть так быстро, но теперь в ней проглядывал и совершенно иной человек — женщина, сердцем чувствующая волнующую привлекательность слабости. Это проявлялось у нее какими-то стремительными нахлывами, и забавно было

наблюдать, скажем, за завтраком, как после какого-нибудь моего особо идиотского замечания, ну, например, что мне надо бы вернуть книги в библиотеку, неудобно, срок пользования давно просрочен, Алиса фамильным жестом надменно вздергивала подбородок, поднимала брови, уже готовая сказать нечто резкое, и вдруг останавливалась, сдерживала дыхание, переламывала самое себя и отвечала с восхищавшей меня покорностью: Да, милорд муж, это следует серьезно обдумать... — А потом смущенно краснела и от этого делалась еще привлекательнее.

Гийом в такие минуты с любопытством пощипывал свою бородку. Впрочем, в наши дела он не вмешивался и продолжал, как ни в чем не бывало, орудовать вилкой или деревянной лопаточкой (оказались у них в дорожном сундучке и такие), прислуживавшая нам всем троим Мирра — Петип, как я уже говорил, имел таинственные дела в городе — через голову своей хозяйки поглядывала на меня с насмешливым одобрением. Она словно бы говорила: Ну ты ее и взнуздал, парень... — И ловить этот поощряющий взгляд мне тоже было приятно.

Я действительно ощущал себя лордом и мужем.

Лишь в одном-единственном пункте мы с ней никак не могли добиться согласия. Это когда я, разгоряченный своим нынешним положением, легкомысленно ляпнул, что поскольку лорд Тенто, нанесший Геррику оскорбление, сейчас мертв, то само оскорбление можно считать отмщенным. Оно смыто кровью, повода для раздора больше не существует. Все, финал, бесконечная война двух Домов окончена.

Я уже в середине тирады начал понимать, что несу что-то не то, и споткнулся, увидев, что счастливое лицо Алисы внезапно окаменело, — пробормотал еще что-то насчет того, что следовало бы заключить мир, и умолк в растерянности. Я до сих пор помню тягостное молчание, которое воцарилось после моих слов. Гийом прямо-таки застыл и смотрел — не на меня, а куда-то в пространство. Зрачки у него были светлые и холодные, совсем как у Геррика. Тихо скрипнула дверь — это выскользнула наружу Мирра, подальше от неприятностей.

Алиса повернулась ко мне, и глазах ее был синий несокрушимый лед.

— А Алломар? — спросила она голосом, по-моему, вообще лишенным температуры. — Алломар мы, выходит, должны оставить наследникам Тенто? А сожженная база на Орисгедо? А гибель наших людей? А твои владения, за которые ты тоже несешь ответственность?..

— Какие еще владения?.. — растерянно спросил я.

— Пенный берег и Солнечные луга на Гирассе, Вертская пустошь с тремя находящимися на ней городами аборигенов, Серебряные рудники Кифта, и еще что-то, сейчас я не помню. Личная собственность Тенто, которая не входит в наследственный майорат. Ты обязан заявить права на эти земли и отстоять их своим мечом. У Тенто два брата, они будут мстить...

— Значит, ничего не кончено? — спросил я.

— Ничего и не будет кончено — никогда, — сказала Алиса. Повернулась, и рыжим снопом зажглись волосы, подсвеченные из окна. — Пока жив хотя бы один воин из Дома Герриков. И пока жив хотя бы один воин из Дома Тенто.

— Это просто самоубийство, — сказал я обеспокоенно.

— Нет, это — жизнь, и она ограничена смертью, — холодно возразила Алиса. — Право на жизнь — одновременно есть право на смерть. Так было, и так будет, милорд муж!..

Голос ее зазвенел.

Гийом поднял голову и с отчетливым стуком положил нож на тарелку.

16

Итак, война продолжалась. Пылали взятые города, ветер нес клочковатый дым над травянистыми равнинами Алломара, скрипел на зубах песок, и солдаты Тенто, выросшие, словно из-под земли, переваливаясь с ноги на ногу, бежали по солончаковой пустыне. Черный сквозняк Вселенной выдувал осень из Петербурга. Улицы понемногу запустевали. Сердце будоражил скользкий тревожный озноб. Больше всего меня задевало то, что моего мнения никто даже не спрашивал.

Словно Алиса с Гийомом заранее были уверены, что я ляпну какую-нибудь ерунду, и потому нет смысла тратить на это драгоценное время. Наверное, со своей точки зрения, они были правы. Законы Чести были для них все равно что для меня законы природы. Им и в голову не приходило, что можно выйти за их пределы. Это меня угнетало и порождало странную безнадежность. Я, в конце концов, рисковал жизнью нисколько не менее, чем они. Ради них я оставил — свой дом, работу, привычный мне образ существования. Тот же сквозняк Вселенной тащил теперь в неизвестность и меня. Я сжег корабли, обратного пути не было.

Иногда, бродя по пустым складским помещениям, ошалелым от шорохов и запаха старой пыли, якобы проверяя караулы — единственное дело, которое мне доверил Гийом, — я выглядывал из громадных, в два человеческих роста, многостворчатых окон и видел на той стороне набережной дома с зажженными внутри лампами, проезжающие машины, пешеходов, озабоченных какими-то своими проблемами, перегибающийся на горбатом мосту неторопливый двухвагонный трамвай. Жизнь в Санкт-Петербурге текла, как обычно. О сквозняке, льющемся из черных зеркал, никто даже не подозревал. Однако я знал, что обыденность и спокойствие эти обманчивы. Еще той ночью, когда мы среди всеобщего изумления вошли в крепость, с неохотного разрешения Гийома я позвонил родителям и узнал, что к ним приходили недавно два каких-то молодых человека, предъявили удостоверения (какие — родители не запомнили) и затем довольно долго расспрашивали обо мне. Не могут ли они сказать, где я сейчас нахожусь? Не знают ли они, каковы мои дальнейшие планы? Молодые люди утверждали, что им надо обязательно со мной побеседовать. Не звонил ли я в последнее время, не присылал ли каких-нибудь известий по почте? Оба они были крайне вежливы и заверяли, что никаких претензий с их стороны ко мне нет, просто — встретиться и поговорить, ну вы понимаете, ваш сын мог бы помочь нам в одном важном деле. Нет-нет-нет, ради бога, ничего криминального!.. Тем не менее, родители были крайне обеспокоены этим визитом, и еще больше — тем, что я не вышел на работу после окончания

отпуска. Как это можно не выйти на работу? — недоумевал в трубке отец. Где ты шляешься и что вообще думаешь? Звонил Моисей Соломонович, он тоже беспокоится, что тебя нет... Голос его срывался, и в паузы проникали пластмассовые телефонные скрипы.

Это был мучительный и, по-моему, довольно-таки бессмысленный разговор, когда оба собеседника не слышат и, главное, не хотят слышать друг друга. Мне было отчаянно жаль родителей, которые так за меня переживали, но, в самом деле, как объяснить им, что происходит? Объяснить это, по-моему, было невероятно трудно. Я лишь мог упрямо и с неприятной черствостью в голосе повторять, что — это моя жизнь, и я должен прожить ее сам, что я — уже взрослый, и отвечаю за то, что делаю.

Так мы препирались, наверное, минут пятнадцать. А потом я сказал, что позвоню еще раз, и повесил трубку. Настроение у меня было совершенно убийственное. Не так просто рвать связи, которые прорастали всю жизнь. Это — как будто выдергивать один за другим длиннюсенькие ниточки нервов. Тем более, что пути обратно у меня действительно не было. Если даже я каким-то образом брошу все, что меня здесь держит, и вернусь к себе, то те люди, что приходили к родителям, вероятно, сотрудники органов государственной безопасности, все равно ни за что не оставят меня в покое. Они вытрясут всю информацию, которая мне только известна, они возьмут меня под контроль и, скорее всего, заставят работать против Алисы. И я окажусь в том же самом положении, но только уже — на другой стороне. Я это понимал, я понимал это чрезвычайно отчетливо. И потому, бродя по пустым складским помещениям, вянущим в паутине, глядя на город, лежащий по ту сторону гладкой осенней воды, такой близкий и такой недоступный одновременно, стиснутый ощущением несвободы, особенно сильным при виде кирпичных стен, ограничивающих мое нынешнее пространство жизни, — интересно, куда подевались все люди, которые работали здесь раньше, как это Гийому удалось найти целый комплекс строений? — я испытывал чувство удручающей меланхолии, одиночества и ненужности никому, кроме самого себя. Это были

дни и часы, полные сладкого одиночества. Небо то прояснялось — и тогда настой слабого солнца заливал желтизной пустынную чашу крепости (чахлая трава возле зданий торчала ржавыми кудрями), — то накатывалась откуда-то рыхлая бескрайняя муть с молочными пенками, свистел в трубах ветер, и шумом сильного душа обдавали стекла серые потоки дождя. Жизнь заканчивалась, и я упивался ее неизбежным финалом.

Даже Алиса была не в силах изменить это мое состояние. Тем более, что понимала она его очень своеобразно.

Она как-то сказала:

— Тебя преследует неуспокоенный дух Тенто. Надо держаться. Если он одолеет тебя, ты сам станешь Черным лордом. Ты будешь служить злу, а не людям...

— Что есть зло? — спросил я тоном, вероятно, точно таким же, каким задал аналогичный вопрос две тысячи лет назад один римский чиновник.

И Алиса недовольно сдвинула брови.

— Не философствуй, пожалуйста. Философия приличествует ученым, поэтам, артистам, но только не воинам. Воин должен — сражаться и побеждать. — Она оглянулась на плац около трехэтажного корпуса — ни одного человека не было в проемах зданий, — поднялась на цыпочки и быстро поцеловала меня в губы. — Ну, все-все, больше нельзя!..

Вздрогнула, выпрямилась, обернулась с ледяной отстраненностью:

— Что тебе угодно, Петип?

Человек с каплевидными неземными глазами согнулся в раболепном поклоне:

— Милорд Гийом хотел бы вас видеть, миледи...

— Иди, я сейчас буду! — И она добавила в спину удаляющегося Петипа: — Господи, как я его ненавижу!..

Чувствовалось, что Алисе не до меня. Целыми днями она пропадала во внутреннем дворике, возле сооружения из латуни. Клетка все больше напоминала хитрую внутренность муравейника: множество узких туннельчиков, какие-то балочки и странные сочленения. Модернисты начала века были бы от нее в восторге. Иногда эти балочки, видимо, не состыко-

вывались между собой, и тогда часть конструкции приходилось снимать и осторожно доделывать: вымерять длину реечек, менять углы и направленность, а потом закреплять и встраивать эту секцию снова. Занятие муторное и требующее большого внимания. Время от времени Алиса присаживалась на деревянный чурбан, щурилась, как будто расплывчатый дневной свет мешал ей видеть, и сидела так — полчаса, час, полтора часа, внимательно изучая, что получилось, а потом бросала несколько загадочных фраз, и солдаты начинали соединять новый узел.

Я видел, каких усилий ей это стоило. Домой, в квартиру, которую для нас оборудовали, выделив в офицерском флигеле несколько комнат, она возвращалась, когда было уже совершенно темно, быстро проглатывала ужин, приготовленный Миррой, минут сорок таращилась на цветные картинки, мелькающие в телевизоре, — к телевизору у нее, как и у Геррика, была прямо какая-то страсть, — а затем легко прикасалась к моему плечу и уходила спать.

Было ясно, что ничем другим она заниматься не в состоянии. Гийом как-то, понизив голос, обмолвился, что на сборку «падающей звезды» — так он называл этот муравейник или клетку для птиц — в обычных условиях уходит от двух до трех месяцев, причем человек, занимающийся монтажом, после каждых трех дней работы делает перерыв, чтобы восстановить силы. Иначе слишком велика вероятность ошибки. Тут важно не столько энергетическое соотношение элементов, сколько тщательная фокусировка их всех в единый канал, чтобы путь через пространство Вселенной не оказался размытым. Алиса же сделала большую часть работы за две недели. В принципе, «падающей звездой» уже можно пользоваться, вчерне собрано, остались лишь некоторые мелочи. Сейчас она их спешно доводит. Естественно, что при такой загрузке Алисе было не до меня. Я был здесь как ребенок, отвлекающий взрослого человека от трудной и серьезной работы.

В том-то и дело, что всем им было не до меня. Солдаты монтировали «звезду» и охраняли крепость. Сил было мало, и караулы менялись каждые четыре часа. Петип по своим таинственным надобностям пропадал в городе. А когда не был

там, приглядывал за мной и Алисой, видимо, по приказу Гийома. Мирра крутилась на кухне, обеспечивая наше маленькое хозяйство. Сидящей просто так, сложа руки, я ее ни разу не видел. И Гийом тоже не имел ни одной свободной минуты. Он, по крайней мере, два раза за ночь обходил караулы — днем, как я уже говорил, это было моей обязанностью, — непременно выстаивал дежурство и сам (то в одной, то в другой части крепости) подолгу совещался с Петипом, когда тот возвращался из города, трижды уходил вместе с ним и как-то раз даже заночевал вне дома (этой неожиданной свободой мне воспользоваться не удалось). Чем он там занимался, по-прежнему оставалось загадкой.

Впрочем, Алису, по-моему, это не слишком интересовало.

— У каждого свое дело, — сказала она мне как-то вечером. — Гийом — опытный воин, он знает, что от него требуется...

Кстати, после очередной их отлучки я перестал чувствовать мокрый озноб, тянущий неизвестно откуда, — вероятно, Гийом нашел и закрыл в Петербурге еще одно черное зеркало, — а когда у него выдавалось немного свободного времени, он склонялся над странной картой, сделанной из мягкой ткани. Рисунки на карте были нанесены красками и, видимо, от руки: толстый розовощекий младенец, трубящий в морскую раковину; змей с двумя головами, выныривающий из звездной пучины; что-то вроде распластанного в нижней части холста мохнатого скорпиона.

Карта напоминала те наивные схемы мира, которые делали на Земле в древности: вот тут обитают люди с песьими головами, а здесь — государство скачущих на конях амазонок.

Что это все обозначало, я мог только догадываться. Но по лихорадочному блеску глаз, становящемуся день ото дня все сильнее, по провалам щек, по суровости, очерчивающей теперь мушкетерскую внешность Гийома, можно было судить о том немыслимом напряжении, в котором он пребывает.

Гийому, видимо, тоже приходилось несладко.

Только для меня у них не было никакого занятия. И хотя я вступил в крепость, сопровождаемый им и Алисой, опоя-

санный Эрринором, в славе победителя Черного лорда Тенто, кстати, сам уже являющийся не только лордом, но и мужем Алисы, причем у Алисы горел синим огнем камень на безымянном пальце, и хотя меня с первых же минут окружило несколько боязливое восхищение (откровенная приязнь Мирры объяснялась не в последнюю очередь именно этими обстоятельствами), я прекрасно чувствовал, что восхищение — оно, разумеется, восхищением, лорд — лордом, слава воина как бы сама по себе, но вот если я осмелюсь отдать приказ самому последнему солдату нашего гарнизона, он не то, чтобы не побежит его исполнять, а, напротив, уставится на меня с искренним недоумением. Слава — это отлично, но мне все-таки не было места в их жизни. Я не видел горящего семибашенного Алломара и не отступал вместе с ними через солончаковые пустоши Орисгедо, не терял товарищей и не получал ран в боях с наступающими гвардейцами, не жег бледных костров на плато Зарамчор и не знал, как закапываться, если из пустыни Гайум приходят жарко дышащие самумы. Я был просто везунчиком, которому посчастливилось вытащить удачную карту. Можно восхищаться везением, везению можно завидовать, можно, наконец, ненавидеть везунчика всей душой, но вот уважать его как такового вроде бы не за что. И к тому же, везение мое, вероятно, уже закончилось — я стал просто обузой, человеком, от которого неизвестно чего можно ждать, и который по глупости способен наворотить что угодно. Короче, я был среди них лишним.

Никто, разумеется, прямо мне этого не говорил, но и никто не обращался ко мне с какими-нибудь серьезными предложениями. Я был случайным туристом, человеком со стороны, их жизнь текла, не задевая меня никоим образом.

Так что, слоняясь без дела из конца в конец тихой крепости, уныло взирая на стружку травы, закручивающуюся под фундаментом зданий, глядя на другой берег канала, такой близкий и такой для меня недоступный, я чувствовал нарастающую пустоту в сердце, ненужность, полную свою никчемность, неприспособленность, и мне хотелось уйти и никогда больше сюда не возвращаться.

Немного выручали меня только ежедневные тренировки на плацу, возле казарм. Алиса считала, что лорд, пусть даже такой случайный, как я, должен уметь сражаться. Должен хотя бы грамотно держать меч в руках. Иначе — что? Иначе — полный позор Дому Герриков. И потому я теперь два часа утром и два часа вечером, стиснув зубы, упражнялся в выпадах и парировании ударов. Это получалось у меня не слишком здорово. Беппо, тот усатый сержант с выпученными глазами, ставший по распоряжению Алисы моим спарринг-партнером, только хлопал белесыми веками, дивясь моим неуклюжим метаниям. Глаза у него вылезали еще больше. Он, по-моему, подозревал с моей стороны какую-то хитрость. Ведь не может же человек, победивший на поединке самого лорда Тенто, слывшего непревзойденным бойцом во всех известных мирах, как он доверительно сообщил мне несколько позже, так по-идиотски рубить, словно в руках у него не меч, а топор, так неловко подскакивать, отражая удар, будто всполохнутая курица, так карикатурно и мешковато перемещаться с места на место и так душно сопеть при выполнении самых простых приемов.

Вероятно, он поначалу решил, что, имитируя неумелость, я очень тонко подшучиваю над бывалым воякой. Ему эта шутка вполне определенно не нравилась. И лишь когда я, нанося прямой и короткий удар вперед, промахнулся и по инерции чуть не врезался в кирпичную стену — не хватило буквально каких-нибудь сантиметров, чтобы расквасить себе нос в лепешку, — смутная догадка забрезжила у него в сознании. А минут через десять, когда я, явно не собираясь этого делать, лихо срубил Эрринором железный штырь ограждения, идущего вдоль площадки, догадка эта превратилась в уверенность.

Теперь Беппо понимал все. Он только не понимал, как я сумел победить лорда Тенто. И непонимание заставляло его относиться ко мне с опаской. Черт его знает, что там милорду взбредет в голову.

Впрочем, как дисциплинированный солдат, он делал то, что от него требуется: объяснял мне на пальцах, как можно

поставить самую простую защиту, как принять удар не всем телом, а — чуточку заземлив его по касательной, как, в свою очередь, послать лезвие в образовавшуюся у противника брешь, и так — раз за разом, с терпением и не допуская никаких шуточек. Для него это была привычная работа по обучению недотепистого новобранца.

И нельзя сказать, чтобы она проходила для меня совсем уж бесследно. Беппо знал множество полезных приемов, накопленных в течение долгой своей военной службы. Некоторые из них действительно могли пригодиться впоследствии. Ежедневные физические упражнения вообще шли мне на пользу: исчез бледный жир, ранее вялой складкой оттягивавший живот, мускулы у меня стали звонкими, чистыми и напряженными, заиграла, казалось, каждая жилочка в теле, разработалась и перестала ныть рана, полученная мною на набережной. Алиса в первый же день залечила ее с помощью заклинаний, и пластичный гладкий рубец, поблескивающий коллагеном, пророс мышцами и совершенно не мешал мне двигаться. Чувствовал я себя гораздо лучше, чем раньше. Эрринор тоже стал как бы послушнее и несколько управляемее. Правда, особой моей заслуги в том, кажется, не было. Эрринор, наверное, просто приноровился к направляющей его руке и сводил едва намеченные движения мышц в правильные отмахи и повороты. Нечто подобное, помнится, происходило и на тренировках с Герриком. Я, конечно, не мог за пару дней превратиться в опытного и закаленного воина, способного реально противостоять трем-четырем противникам сразу, а тем более я не мог противостоять лорду, владеющему мечом в совершенстве и умеющему, кроме того, порхать в пространстве. Однако я уже вполне грамотно отражал некоторые довольно чувствительные удары и, по-моему, мог не стыдиться, вытягивая по утрам Эрринор из ножен.

Вероятно, Беппо был мною доволен.

И все-таки он не мог научить меня главному. Как сказал в свое время Геррик: ты должен хотеть убить своего противника. Иначе у тебя просто ничего не получится. Взял в руки меч — значит, должен убить... — Беппо не мог научить меня

испепеляющей ненависти — той, которую я ощущал в сражении с лордом Тенто. Я его ненавидел и потому бился с яростью, преодолевшей искусственную стратегию боя. Беппо не мог научить меня самому основному — желанию убивать. А без этого, как я понимал, победить было нельзя.

Кстати, скованность и неуклюжесть сослужили мне хорошую службу. Когда Беппо после первых двух-трех тренировок убедился, что я не притворяюсь, дабы посмеяться над ним, и увидел, какие успехи достигнуты благодаря его педагогическому таланту: туповатый увалень на глазах превращается в более или менее отесанного бойца, он отмяк, и деревянная сдержанность его дала трещину. Он стал чувствовать во мне не господина, а обыкновенного человека, и хотя по-прежнему именовал меня исключительно «милорд» или «ваша честь», проявляя все официальные знаки почтения, — слишком долго Беппо служил, чтобы пренебрегать ими, — в поведении его стало проявляться и чисто дружеское внимание. Снисходительная симпатия опытного солдата к зеленому новобранцу.

Он теперь не каменел лицом и не вытягивался, когда я к нему обращался, начал даже покрикивать на меня, впрочем, всегда абсолютно по делу, а в коротких перерывах между занятиями, отдыхая на кривоватой гнилой скамейке под тополем, расстегнув ремень и выпустив плотный живот (который, впрочем, не мешал ему быть подвижным), иногда рассказывал кое-что о своей жизни.

Причем рассказы его были не совсем такие, как у Алисы. Беппо говорил о бескрайних пшеничных полях, над которыми по утрам поет Птица Зорь, — кто встанет позже, чем она закончит прозрачные свои рулады, у того весь день будет тяжелым и несчастливым. Он говорил о лесах на краю равнин, почва там так тверда, что корни, вылезшие из нее, образуют непроходимые заросли, и по ним скользит длинной тенью меняющий цвета зверь хырр, когти у него железные, а взгляд белых глаз приводит человека в оцепенение. Убить его нельзя, но можно ранить, правда, не металлом, а костью. Он говорил о свирепых малиновых лошадях, таких маленьких, что они едва достают человеку до пояса, но — выносливых и способных

тащить плуг целые сутки, о том, как они сбрасывают весной кровавую зимнюю шерсть и тогда на все лето становятся покорными и совсем домашними. Он говорил, как пахнет земля, отворачиваемая деревянным сошником плуга, как позванивают чистой водой родники, открывшиеся на вспаханном поле, как выше глаз вздымается по краям ядовитый осот, и как приезжают из семибашенного Замка на холме железные подводы за хлебом. Женщины тогда уходят за горизонт, на край леса, потому что по традиции все, что родит, принадлежит воинам. Беппо вовсе не осуждал этот обычай. Кому-то надо сражаться, а кому-то пахать землю, считал он. Если человек готов отдать свою жизнь за других, он, конечно, должен иметь некоторые привилегии.

Здесь слышны были отзвуки наших разговоров с Алисой.

— Поэтому ты и стал солдатом? — однажды спросил я.

— А что хорошего всю жизнь ковыряться в земле? — вздохнул Беппо. — Вспахал, посеял, убрал урожай — все радости. — Объяснил, что каждый, честно прослуживший в солдатах отмеренных десять лет, получает земельный надел в наследуемую собственность, урожай в замок не отдает, становится свободным йоменом. — Это уже, милорд, дело — совсем другое. Свободный йомен сам решает, как ему жить. Он может даже принимать участие в военном и гражданском Советах...

Неожиданно выяснилось, что в отличие от Геррика и Алисы — ему, Беппо, у нас, на Земле, нравится.

— Тяжелый, конечно, мир, — признавался он. Слишком много металла и слишком сильно, по его мнению, зачумлены города. У вас прямо-таки дышать трудно, милорд... Зато нет определяемого рождением строгого социального статуса. Это — родился крестьянином, значит, и будешь всю жизнь землепашцем, родился в семье ремесленника — отец передает тебе свое дело. А хочешь или не хочешь — никто этим не интересуется. — У вас, к счастью, иначе, милорд...

— Так оставайся, — однажды предложил я. — Кто, собственно, тебе запрещает?

Беппо вздохнул и почесал круглый живот под мундиром.

— Не так это просто, милорд, а — обет Дому Герриков? Срок моей службы еще не кончился. И — солдат не покидает своего лорда в минуту несчастий. После победы — пожалуйста, есть даже специальный закон на этот счет. А уйти сейчас — позор на всю жизнь и клеймо труса... — Он вытащил короткие пальцы из-под мундира, посмотрел на тупые квадратные ногти, торчащие уголками, и с несвойственной ему торопливостью взялся за рукоять меча. — Давайте работать, милорд, за нами присматривают...

Чуть повернув голову, я увидел на другой стороне плаца пластилиновую фигуру Петипа.

17

О том, что Гийом не любит меня, я догадывался. Я еще не забыл тот странный взгляд, которым он обжег меня там, на набережной, его бледное, точно вымоченное в воде, лицо, когда он впервые был вынужден назвать меня лордом, его явную отстраненность и вдумчивую серьезность в разговорах со мной. Да и здесь, в крепости, это проявлялось во многих, весьма заметных деталях: в равнодушной надменности, с которой он проходил мимо меня, в неприятном вздергивании бровей, когда Гийом слышал мой голос, в чрезвычайно подчеркнутой вежливости, с которой он ко мне обращался. Вежливость его меня просто душила. Вспоминая обо мне в тех случаях, когда без этого нельзя было обойтись, он, в отличие от Алисы, никогда не забывал прибавить к моему имени титул «милорд», причем голос весьма ощутимо был окрашен иронией: с его точки зрения я, конечно, ни лордом, ни воином не являлся, — а выслушивая ответ, он смотрел на меня непроницаемым твердым взглядом, после чего сразу же отворачивался и как будто напрочь забывал о моем присутствии.

Однако, демонстрируя такое пренебрежение, впрочем, полностью в рамках благовоспитанности, так что придраться ни к чему было нельзя, Гийом вместе с тем ежесекундно следил за моей персоной. Я все время чувствовал на себе его прицельные суженные зрачки, словно железный палец упирался между лопаток, но, когда оборачивался, встречал лишь опу-

щенные, точно в задумчивости, тонкие веки. Гийом явно сдерживался, и только однажды его будто прорвало. Беппо как раз, наживив гвоздь в дерево, показывал мне, как надо выполнять удар под названием «косой ливень» — это когда меч падает от плеча с ощутимым уклоном, — вдруг весь вытянулся и по-уставному, плашмя, приложил лезвие к животу. Я даже понять ничего не успел — из-за спины моей неторопливо выдвинулся Гийом, иронически, как всегда, посмотрел сначала на меня, а потом на Беппо, перевел очерченные, как у зверя, зрачки на гвоздь, торчащий из бруса, тряхнул длинными волосами, тронул бородку, я опять-таки не успел ничего толком понять, — на долю секунды распахнулся сверкающий плазменный полукруг, гвоздь слегка шелохнулся и, точно переломившись, начал медленно заваливаться на бок, но еще прежде, чем он упал, серебряный полукруг снова распахнулся, как веер, и когда металлический стерженек, наконец, покатился по брусу, я увидел, что разрублен он не на две, а на три части. Тихо звякнув, упали они на твердую землю плаца. А Гийом вновь посмотрел сначала на меня, а потом на Беппо и, ни слова не говоря, бросил меч в ножны.

И хотя взгляд у него был, как обычно, тверд и абсолютно непроницаем, я вдруг понял, что бледность, выступившая в нем на набережной, была не случайной. Гийом действительно меня ненавидел. В его глазах я был уже мертв — это лишь вопрос времени.

Я это действительно понял.

И, наверное, понял Беппо, который еле слышно шепнул, когда Гийом удалился:

— Осторожней, милорд, вам здесь следует быть очень внимательным...

Это, разумеется, было плохо.

Однако гораздо хуже было другое.

Хуже всего было то, что Гийом тоже понял, что я это понял.

Любопытно, что я ему даже сочувствовал — до некоторой степени. Еще бы, быть естественным и законным наследником главы великого Дома, единственным претендентом на

Алломар в случае смерти Геррика, претендентом, права которого ни у кого не вызывают сомнений. И вдруг — кольцо лорда с аквамариновым камнем достается Алисе. Удар? Удар! И вдруг у Алисы — муж, внезапно обретший права наследного лорда. Опять удар! Оказаться на третьем месте, быв фактически первым, терпеть наглого самозванца, каковым я ему, по-видимому, представлялся, наблюдать, как земли, уже казавшиеся твоими, уходят в чужие руки. От этого у кого угодно померкнет сознание.

Повторяю: я ему в определенной мере даже сочувствовал. Более того, я был готов отказаться от наследования Алломара. Отказаться от того, чего никогда не имел, очень просто. Алломар представлял для меня некую гипотетическую условность. Но я кожей чувствовал, что Алиса ни за что не пойдет на подобный шаг. Даже слабый намек на такую возможность был бы для нее оскорбителен, потому что она-то как раз полагала, что здесь все нормально. Таковы непререкаемые Законы в основе мира: лордом можно стать, лишь победив в честном бою другого лорда, в этом наше проклятие — мы обязаны непрерывно отстаивать свое положение. Лорд по праву рождения — это еще не совсем то, что требуется. Человек, родившийся лордом, должен подтвердить это, совершив подвиг. Гийом — талантливый воин, он не раз демонстрировал мужество и умение командовать боем. Можно, не задумываясь, поручить Алломар его попечению. Тем не менее, подвига — того, что выделяет человека из разряда других, — у него пока нет. Может быть, ему просто не везло до сих пор, а быть может, у него не хватает той внутренней силы, которая заставляет человека преодолеть невозможное.

— Так что все справедливо, — говорила она, покусывая ноготь на пальце. — Именно поэтому Геррик передал кольцо Алломара мне, а не младшему брату. Женщина обязана хранить традиции своего Дома. Кстати, о традициях, раз уж зашла речь...

И все так же покусывая несчастный ноготь, она с некоторым раздражением объяснила мне, что с точки зрения традиций Дома Герриков я виду себя абсолютно возмутительно и

недопустимо: фамильярничаю с прислугой — что тебе далась эта Мирра? — слишком накоротке держусь с солдатами и, тем более, с Беппо. Беппо учит тебя сражаться, но это не значит, что вы — приятели. Он — сержант, ты — лорд, вы просто не равны друг другу. Пожалуйста, милорд муж, имейте это в виду!

— «Все люди рождаются свободными и равными», — процитировал я. — «Общественные различия могут основываться лишь на соображениях пользы». Так, во всяком случае, принято у нас на Земле. Закон есть выражение общей воли.

— Нет, — упрямо сказала Алиса. — Все люди только — рождаются. А свободными и равными они становятся сами, если того хотят. Кстати, в большинстве своем они того не хотят. Свобода налагает слишком серьезные обязательства.

— Например, ограничивать свободу других, — заметил я.

— Но взамен они получают спокойствие и мирную жизнь, — сказала Алиса. — Неужели не очевидно: свобода — это плата за жизнь. Точно так же, как жизнь — это неизбежная плата за обретаемую свободу. Либо ты выбираешь свободу, но тогда будь готов в любой момент отстаивать ее ценой жизни, либо ты выбираешь собственно жизнь, но тогда отдаешь часть свободы тому, кто за тебя умирает. Это — основа любых человеческих отношений. Во все времена и во всех мирах, которые мне известны. Никакие уступки здесь невозможны. Потому что если уступить даже в мелочи, то, как домик из песка, начнет разваливаться все остальное. Люди превратятся в зверей, пожирающих друг друга. Это — неизбежно, так уже было в Смутные времена... Что же касается Мирры, на которую ты украдкой поглядываешь, то тут вовсе необязательно скрывать что-то или делать тайком от меня. Лорду принадлежит любая незамужняя женщина, это тоже — закон. Если ты хочешь Мирру — просто возьми ее. Ни одна женщина Дома не вправе отказать лорду.

До сих пор она избегала прямо смотреть на меня, будто я был ей исключительно неприятен, но тут резко распахнула глаза, и синь прежнего высокомерия хлестнула меня, как разряд электричества.

— Значит, не возражаешь? — спросил я, взбешенный этой педагогической выволочкой.

— Ничуть, — сказала Алиса, точно речь шла о каких-то немыслимых пустяках.

— Это тоже в ваших традициях?

— Постольку, поскольку это улучшает человеческую природу.

— Тогда я воспользуюсь своим правом, — проинформировал я. — Ты не возражаешь?

— Ничуть!

— Серьезно?

— Ради Бога, — сказала Алиса.

И она даже пожала плечами, показывая, насколько это ей безразлично.

18

С Алисой вообще что-то происходило. Она стала капризной, чего за ней раньше не замечалось, возражала по каждому поводу, пренебрежительно фыркала и кривила губы, а один раз, вспылив из-за какой-то мелочи, накричала при мне на Гийома — тот лишь щурился, иронически взбивая пальцем бородку, — сделала за что-то резкий выговор Беппо, сержант мудро ответил ей: «Виноват, миледи. Больше не повторится...» — Мирра дважды выходила от нее с заплаканными глазами, а меня она после нашего последнего разговора и вовсе не замечала: услышав мой голос, поднимала брови и отворачивалась. Обращение «милорд муж» исчезло из ее лексикона. Я не представлял, что думать по этому поводу. Как бы там ни было, но я действительно был ее мужем. Никто ее за язык не тянул. Алиса сама провозгласила это перед всеми Домами. Мне казалось, что я теперь имею на нее некоторые права. Однако Алиса, по-видимому, так не считала. Отношение ее ко мне стало хуже, чем даже при нашем первом знакомстве. Но тогда для этого были хоть какие-то основания, а сейчас причин нашего охлаждения я не видел. Ведь не ревновала же она меня к Мирре, в конце концов! Конечно, многовековая традиция — это прекрасно, но помимо традиций дале-

кого Алломара существовали еще нравственные законы Земли. Мне не так просто было переступить через них. Пусть Мирра была готова к этому, однако не готов был я сам. Нет, ревность здесь была ни при чем.

Скорее уж, на Алису действовала напряженная обстановка тех дней. Время шло, а стартовать на Пеллору мы по-прежнему не могли. Не знаю уж, в чем там было дело, но с завершением «падающей звезды» у Алисы явно не ладилось. Конструкция приобрела вид птицы с отставленными назад пустыми крыльями. Этакий воробей, нахохлившийся перед прыжком в небо. В груди воробья должны были разместиться Алиса с Гийомом, а в решетчатых крыльях, похожих на самолетные, — солдаты и слуги. Именно в этой части сооружения что-то не совпадало. Крылья, по требованию Алисы, несколько раз снимали — то немного укорачивали и делали толще, то, наоборот, удлиняли за счет новых латунных трубочек. Кончики их при этом слегка загибались кверху. Воробей приобретал бравый вид. Однако Алису это все равно не устраивало. После каждого монтажа она, словно кошка, протискивалась в переднюю часть «звезды», бралась за причудливо изогнутые перекладины, закрывала глаза, стояла так в неподвижности одну-две минуты, а потом говорила с тихим отчаянием: Нет, не чувствую. Правая сторона — будто мертвая... — Крылья снова снимали, развинчивали и меняли конфигурацию. Повторялось это раз пять или шесть — с одинаковым результатом.

Неудивительно, что Алиса нервничала.

К тому же, как всегда в это время года, потянулись свойственные Петербургу дожди: мелкие, занудливые, с печальным шорохом сеющиеся на воду канала, поверхность воды приобретала вид серого зеркала, отражающего такую же серую пустоту, медленно тонули в стоячем холоде желтые листья, у деревьев распухли суставы, а запретный для меня город на той стороне казался полностью вымершим — редко-редко когда протащится легковая машина да раз в час пробежит пешеход, прикрытый зонтиком или капюшоном.

Казалось, мы не выберемся отсюда никогда в жизни. Так и будет сыпаться морось, шурша по трубам и крышам, так и

будет скрипеть под ногой влажный песок на плаце, так и будет наваливаться по ночам ветер на дребезжащие стекла.

Тоска у меня усиливалась.

В один из таких безнадежных дней исчез Петип. Он опять отправился в город по своим таинственным надобностям и, наверное, что-то там у него сорвалось, потому что обратно, в крепость, он уже не вернулся. Гийом напрасно прождал его целые сутки. Я видел тревожный электрический свет под его дверями. Ситуацию это, конечно, не облегчило. А на другое утро, когда мы в молчании завтракали, вопреки установленному этикету ввалился в гостиную мокрый, распаренный, слегка задыхающийся от волнения Беппо и, чуть ли не забывая величать Гийома милордом, доложил, что на другой стороне канала замечен снайпер.

— Какой еще снайпер? — буркнул Гийом, отодвигая тарелку с тушеными овощами.

Беппо выкатил и без того выпученные глаза и, как кот, пошевелил щеточками усов под носом.

— Не могу знать, милорд. Стекло отражается, то есть, видимо, оптика. Наблюдал сам, лично, с поста номер пять, милорд!..

— Придется пойти посмотреть, — сказал Гийом со вздохом.

Минут десять мы провели за кирпичным пилоном, поддерживающим крепостные стены, стараясь не слишком высовываться и вглядываясь в мокрые здания на той стороне. Правда, Гийом, по-моему, не столько вглядывался, сколько вслушивался, опустив веки. Кудри его намокли и висели сосульками. И точно так же поступала Алиса, вжимающаяся в выбоину штукатурки. Что они могли там услышать, я не представлял. Лично мне затекал в уши шелест зыбкого дождя по булыжнику. Я уже не говорю о том, чтобы что-то заметить. Но по истечении этих десяти или чуть больше минут Гийом сказал, что все верно, вон в том здании находится наблюдатель — вон там, на крыше, за двумя трубами. И Алиса, соглашаясь, кивнула. А через час, когда мы таким образом обошли по периметру всю крепость, стало ясно, что островок находится в жестоком кольце блокады, причем здесь имеются не только

снайперы или наблюдатели — в количестве двенадцати человек, как насчитал Гийом, — а еще какие-то военные подразделения, спрятанные во дворах и в ближайших улицах.

Гийом сказал, что он чувствует по крайней мере четыре самодвижущихся механизма. Боевая машина пехоты, так вы, кажется, их называете? Объяснил, что глушить в них моторы пока не имеет смысла. Пусть они думают, что мы не подозреваем об их присутствии.

— Всегда полезно изобразить неведение, — добавил он. — Прикинуться дураком, чтобы противник расслабился.

С мушкетерской бородки у него капало.

— Троттигара бы сюда, — с непонятной мечтательностью сказала Алиса. — Он бы им показал — боевые машины пехоты. Помнишь Саларнский плацдарм, как они заполыхали по всему полю?..

— Троттигар на Пеллоре, — сухо напомнил Гийом. — Сражаться здесь мы все равно не будем. Наша задача — уйти как можно быстрее. Желательно без потерь.

И он придавил Алису начальственным взглядом.

Необходимые меры, тем не менее, были приняты. Мои ежедневные тренировки с Беппо были прекращены железной рукой. Стало ясно, что заниматься глупостями просто нет времени. Нас обоих поставили на дежурство к деревянному мосту через канал. Гийом, видимо, полагал, что новичок и сержант уравновесят друг друга. Он теперь каждые два часа лично обходил все посты. Запретил гарнизону, кроме Алисы, спать вообще: ничего, пару суток без сна вполне обойдутся. Переправимся на Пеллору — тогда пусть дрыхнут с утра до вечера. Распорядился доставлять пищу прямо на места боевого дежурства. В результате Мирра с ног сбилась, таская похлебку. Кстати, выяснилось, что продукты у нас тоже заканчиваются. Обеспечивал их Петип, а теперь — нет Петипа. Ничего, пару дней перебьемся, опять-таки заметил Гийом. Мушкетерская бородка на его лице казалась плохо приклеенной. У меня опять поползли холодные мурашки по коже. И уже не только по спине, между лопаток, но и по желудку, заставляя его болезненно конвульсировать. И хотя тот же Гийом считал, что снайперов можно не опасаться, стрелять

они в нас не будут, мы нужны им живыми, утешало это меня весьма слабо. Они-то, Гийом с Алисой, еще, может быть, и нужны, а вот насчет себя я далеко не был уверен. Я-то им на кой хрен сдался? Я старался выбросить эти мысли из головы, однако, отстаивая вместе с Беппо смену у моста, выбеленного дождями, слушая тихий шелест и зная, что за мокрыми зданиями на той стороне скрывается сила, готовая нас уничтожить, я чувствовал себя неуютно — точно на сцене, в фокусе недоброжелательного внимания.

Алисе было с чего волноваться.

И все же не эта причина, оказывается, являлась главной. Главное обнаружилось совершенно случайно, на другой день после сообщения Беппо. Я как раз затягивал перевязь, чтобы идти на свой пост, когда ко мне в комнату вежливенько просочилась Мирра и, посматривая так, словно между нами уже были какие-то отношения, скромненько сообщила, что меня хочет видеть миледи.

— Срочно? — спросил я, не слишком стремясь опоздать на дежурство. Беппо, как старший по караулу, был с этим чрезвычайно строг.

— Прямо сейчас, — ответила Мирра. — Простите, милорд, у них там человек с той стороны. Насколько я понимаю, парламентер...

Я так и подскочил, стукнув ножнами.

— Парламентер? Ты уверена? От кого?

— Вероятно, от этих, милорд, ну — которые... Миледи считает, что вам надо присутствовать на переговорах.

Она со значением округлила глаза из топленого шоколада. Не знаю уж, как получилось, но я тронул ее пальцем за подбородок. И чуть фиолетовые губы Мирры с готовностью приоткрылись.

— Это правда, что как лорд я обладаю некоторыми правами? — поинтересовался я.

— Правда, милорд, — без смущения подтвердила Мирра. Шевельнувшиеся горячие губы были теперь совсем близко. — Очень жаль, что милорд не может этими правами воспользоваться.

— Почему?

Мирра с сожалением подняла плечи.

— Пока не родится ребенок, милорд, вы обязаны тоже воздерживаться... от излишеств. В знак уважения к тяготам своей супруги. Это, разумеется, не закон, милорд, но такова традиция...

— Какой ребенок? — туповато спросил я.

— Ваш ребенок, милорд, будущий наследник земель Алломара...

Сердце у меня как-то мягко перевернулось. Я попытался, не глядя, сесть и ударился о неизвестно откуда вылезший угол тумбочки.

Черные брови Мирры поползли к шевелюре.

— Боже мой! Милорд не знает об этом?..

— Ну-ка, расскажи все по порядку!

Мирра помолчала секунду и вдруг отступила к открытой двери.

— Милорд, я не смею вмешиваться в ваши семейные отношения. Миледи сама скажет вам, когда сочтет нужным...

— Мирра! — крикнул я.

— Нет-нет, милорд!..

— Рассказывай!..

Я протянул к ней руку.

Однако Мирра уже была в коридоре, и оттуда донесся ее серьезный и, по-моему, испуганный голос:

— Миледи ждет вас в комнате молодого лорда...

Ускользнули шаги. Скрипнула дверь, если не ошибаюсь, на кухню.

Пару мгновений я был, как рыба, оглушенная взрывом. Я открывал и закрывал рот, не произнося ни звука. В голове у меня клокотал хаос гнева и возмущения. А потом я резко поднялся и затянул кожаную перевязь. Эрринор довольно чувствительно стукнул меня по голени.

Сейчас все выясним.

Однако выяснить ничего не удалось. Когда я, дергаемый нетерпением, ворвался в комнату, которую занимал Гийом (вероятно, бывшее помещение дежурного офицера: канцелярский стол, два стула, узкий диван, вывернувшийся трещинами кожзаменителя), я прежде всего обратил внимание не на Алису,

приткнувшуюся на подоконнике, а на рослого незнакомого парня, сидящего посередине комнаты напротив Гийома.

Был он в пятнистом комбинезоне, делавшим его похожим на болотную жабу, и сам был, как жаба, — коренастый, почти квадратный, с приплюснутым на широких плечах черепом. Причем, стрижен он был почти наголо, и башка в сизой щетине казалась по-детски бугорчатой. Ноги в бутсах были выставлены вперед — так что сразу не вскочишь, а коротко-палые руки лежали на коленях, как у прилежного школьника.

Было в его позе нечто одеревенелое. Люди обычно так не сидят.

А в тот момент, когда я ввалился в комнату, он говорил — голосом, лишенным всяких эмоций:

— Гарантией здесь может служить только взаимная потребность друг в друге. Мы заинтересованы в вас не меньше, чем вы — в нашей помощи. Объединение технологий способно породить новую силу...

— Кто будет направлять эту силу?

— Договоримся...

— То есть — вы?

— Предполагается нечто вроде объединенной комиссии. Неофициально, естественно, чтобы не возбуждать аппетиты других стран...

— А когда назначен штурм? — быстро спросил Гийом.

— Штурм решен в принципе, но точное время не определено. Готовность — десять минут с момента отдачи приказа. Все будет зависеть от того, как пройдут наши переговоры...

— У нас есть время на размышления?

— Да, вам дано три часа — опять же, с момента, когда будет получено подтверждение.

— Подтвердите, — сказал Гийом после секундной паузы.

Спецназовец достал из комбинезона плоскую трубку, нажал кнопочку в ее внутренней части и сказал в появившееся легкое потрескивание эфира:

— Подтверждаю завершение переговоров. Время — двенадцать ноль три. Возвращаюсь.

— Принято, — раздался приглушенный ответ.

Гийом перевел глаза на меня.

— Проводишь его до моста и проследишь, чтобы все было нормально.

Он посмотрел на Алису. Алиса кивнула. Мне никак не удавалось поймать ее взгляд.

— Ты слышишь меня?

— Да, будет исполнено...

— Я могу остаться в качестве связника, — сказал спецназовец. — Это предусмотрено. Прямая связь упростит дальнейшие процедуры...

Гийом покачал головой.

— Нет.

— А ваш представитель?..

— Тоже — не стоит...

— И все-таки...

— Нет.

— Пошли, — сказал я.

Плац мы пересекли в полном молчании. Спецназовец шагал впереди, заложив руки за спину. Я ему ничего не приказывал, он сделал это по собственной инициативе. Оставалось лишь удивляться, что он так механически, равнодушно переставляет ноги, что не оглядывается вокруг, запоминая на всякий случай все, что возможно, и что, пользуясь ситуацией, не пытается меня разговорить, хотя знает наверняка, кто я такой и откуда.

Было в нем что-то мертво-неодушевленное. Словно игрушка, в которую заложили всего два-три простых действия. У моста он остановился, не дожидаясь моей команды, и, по-моему, даже не воспринял Беппо, когда тот спросил:

— Ну что, отпускаем? Значит, закончены переговоры? — А потом, после моего утвердительного кивка, распорядился: — Вперед, тихим шагом!..

Он так и двинулся, как ему было приказано.

Догадка забрезжила у меня лишь тогда, когда пятнистый комбинезон исчез в подворотне, и отмякший Беппо вздохнул с несвойственным ему сожалением:

— Жалко парня. В конце концов, послали его — он и пошел...

— Что такое? — спросил я с нехорошим предчувствием.

— Вы, милорд, видели когда-нибудь выжатый лимон? Шкурка у него, вроде бы, целая, а внутри — смято. Вот так и этот. К вечеру он уже начнет заговариваться, ночью — горячка и бред, будет звать маму, а утром — все, нет солдата. У него — мозг вытечет через ноздри.

— Почему?

— Потому что его допрашивали — милорд Гийом...

Я подумал.

— Значит, и со мной можно сделать то же самое?

— Что вы, милорд! Кому это придет в голову? Вы — лорд Дома Герриков, а допрос — это для простых солдат, вроде меня или как этот...

Казалось, он был шокирован.

— И на том спасибо, — мрачно сказал я.

Лицо Беппо застыло. И вдруг выпученные глаза оделись морщинами, щеточки усов под носом задвигались, точно сержант принюхивался, а бугристые щеки растянулись в подобострастной улыбке.

— Миледи, прошу прощения...

Я обернулся.

Алиса в ярко-небесном, облегающем, как у Мирры, комбинезоне, стояла у меня за спиной, и ноздри ее решительно раздувались.

Она лишь скосила зрачки на Беппо, и тот деликатно попятился.

— Миледи... Милорд... Кгм...

Его заслонили бетонные плиты, складированные неподалеку.

Я знал, что сейчас произойдет, и потому резко поднял обе ладони:

— Пожалуйста, не надо ничего говорить, я — сам все скажу. Я спас жизнь Геррику, и ты оплатила этот долг, как смогла. Ты объявила меня мужем, потому что не видела в той ситуации другого выхода. Я должен был иметь право сражаться, и я сражался, и победил. Но ты никогда не думала,

что — это всерьез. Так, абориген, которого можно использовать. Но тут появился ребенок — неожиданно для тебя, не так ли? — и вдруг выяснилось, что ты связана со мной крепче, чем предполагала. Тебе это не нравится...

Я замолчал.

— Глупо как-то все получилось, — нервно сказала Алиса. — Чтобы предохранить себя от... последствий... достаточно усилия воли. Непонятно, почему в данном случае оно не сработало. Вероятно, существует какая-то разница биологий. Поразительно глупо, однако я не могу прервать уже возникшую жизнь...

— У вас есть обряд, расторгающий супружеские отношения между мужчиной и женщиной?

Она покусала губы.

— Только для простолюдинов... Брак лорда может прекратить только — смерть.

— Объявляя меня мужем, ты рассчитывала именно на это?..

Алиса покраснела, как мак, и непримиримо вскинула голову:

— Лучше всего было бы, если бы ты пал в бою. Воин, павший за свой Дом, остается в памяти всех следующих поколений. О нем рассказывают детям зимними вечерами. О нем шумят весной пробудившиеся равнины Алломара. Я бы вспоминала о тебе всю свою жизнь...

— Ладно, постараюсь, — ответил я с хмурым сарказмом. — Пасть в бою — это, конечно прекрасно. Я благодарен тебе за такую идею...

— Все равно эта война никогда не станет твоей...

По-моему, она собиралась поцеловать меня. Все правильно. Последний поцелуй воину перед смертью. Предполагалось, видимо, что это вдохновит меня на самопожертвование. Однако внезапно, как пробужденный от спячки медведь, зарычал мотор — в той подворотне, где скрылся спецназовец.

Алиса отпрянула от меня и обернулась.

Приземистый уплощенный бронетранспортер грязно-зеленого цвета, будто таракан, лихо вывернулся из-под арки и, наматывая гусеницами асфальт, рванул к мосту. Спереди у

него выдавалась какая-то металлическая штуковина: треугольник из сваренных труб — углом по ходу движения, вероятно, чтобы отбросить чугунные тумбы, препятствующие въезду в крепость. Двигался он, казалось, не слишком поспешно, действительно, как таракан, но уже через долю секунды влез на мостовое покрытие. Ноги у меня ослабели, а сердце трепыхалась, как рыба, вытащенная из воды. Все это происходило быстрее, чем я успевал что-либо сообразить и как-то отреагировать.

События разворачивались как бы без моего участия.

Беппо, выросший из-за тумб при первых же рокочущих звуках, прыгнул в сторону и раскорячился, приседая в стойке «рассерженный краб» — это я уловил неким боковым зрением, — приложил ладони ко рту и издал вибрирующий пронзительный звук такой силы, что, наверное, слышен он был не только в крепости, но и по всему городу. Уши у меня заложило. Громадная стая птиц поднялась откуда-то из-за домов на набережной. Они, видимо, жутко галдели, но я ничего не слышал. Тараканистая бронемашина была уже почти на середине моста. — Отойди!.. — как рассерженная пантера, рыкнули сбоку. Деревянный локоть Алисы чувствительно врезался мне в плечо. Значит, я все-таки начинал что-то слышать. Я увидел, что руки у нее приподняты и напряженно расставлены, как у Беппо, а ладони выгнуты тыльной частью вперед, словно она отталкивала от себя что-то невидимое. — Отойди, ради Бога, ты мне мешаешь!.. — Яркий синеватый дымок вспыхнул между ладоней. Правую гусеницу бронетранспортера точно парализовало, тяжелая, скошенная в гранях машина резко крутанулась на ней, мотор, кажется, взревел еще сильнее, и ребристая туша, в щепки разнеся ограждение, выехала передом в пустоту над водой и медленно перевернулась. Донесся плеск, столб серой пены взметнулся выше моста. Впрочем, из подворотни успели выехать еще два таких же порыкивающих бронетранспортера. А по мосту, пригибаясь, точно под пулями, уже бежали невесть откуда взявшиеся спецназовцы. Сейчас они будут на этой стороне. Я лихорадочно нащупывал на перевязи рукоять Эрринора. Не представляю уж, на что я рассчитывал против спецназа. Алиса

же чуть прогнулась и оттолкнула от себя то, невидимое, что было в ладонях. Синий дымок раскалился до ослепительного плазменного шнура, тот надулся беременным червяком и оглушительно разорвался. Воздух впереди задрожал, как над жаровней. Дикими заусеницами поднялись доски моста — вразнобой, расщепляясь, каждая по отдельности, раздались трески, мучительный скрип древесных волокон, обнажился бревенчатый нижний крепеж моста с бурлящей водой в просветах, — и вдруг все это деревянное сооружение оделось ликующим пламенем.

И такое же студенистое пламя бледной стеной поднялось вдоль нашего берега.

Заворочалась обугливающаяся в жаре трава. Выстрелили осколками лопнувшие булыжники. Белесый тяжелый пар начал подниматься от ближней кромки канала.

— Отступаем!.. Назад!.. — в ухо мне прокричала Алиса.

19

Именно так все и было. Они продвигались к нам короткими отрывистыми перебежками — вскакивая поочередно, будто вырастая из-под земли, пробегая несколько шагов и снова падая. Точно ваньки-встаньки — в разных местах территории. Из-за этого мельтешения казалось, что они — всюду.

— Давай!.. — приказал Гийом, прижимающийся к земле за двумя бетонными трубами.

Бородка у него подрагивала.

— Сейчас-сейчас, милорд... — Беппо всматривался вперед и, видимо, что-то прикидывал. Проволочные усы торчали в разные стороны. — Еще чуть-чуть, милорд, пусть подойдут поближе...

Я не понимал, чего он тянет. Несмотря на падения, спецназовцы надвигались стремительно. Вот они только что, мокрые, дымящиеся, проскочили стену огня, поставленную Алисой, вот они быстро, как насекомые, заполонили дальнюю оконечность плаца, и вот они уже почти рядом — всего каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят метров. Сейчас ворвутся во внутренний дворик, где мы закрепились. Все будет кончено.

Чего тянуть? У меня звенело в ушах, и, как бешеное, проталкивая через себя кровь, работало сердце. Мне казалось, что оно вот-вот разорвется на конвульсирующие остатки. Мне тоже хотелось затормошить непонятно медлящего сержанта: скорее, скорее!..

Однако Беппо, вероятно, знал, что делает. Он ворочал усами, будто у него чесался нос, смаргивал слезу, набегающую на выпученные глазные яблоки, шумно втягивал и выпускал воздух сквозь сжатые зубы, лицо разбухало багровым приступом раздражения, но он, сдерживая нетерпение, все-таки — ждал, ждал, ждал, и лишь когда спецназовцы, тоже, видимо, подгоняемые внутренней лихорадкой, поднялись чуть ли не все разом и ринулись, вероятно, намереваясь преодолеть оставшееся пространство одним энергичным броском, Беппо всхлипнул, по-моему, усилием задержав дыхание, подтянулся, превратившись в колобок, как бы собирающийся откатиться, а затем резко хекнул и вместе с хеканьем выбросил вперед чуть разведенные руки. Коротко сильно свистнуло, и почти половина бегущих точно напоролась на невидимую ограду: они делали по инерции еще два-три шага и падали, но — не стремительно, чтобы укрыться, как раньше, а мешковато, будто с надломившимся позвоночником. Они так и остались лежать, хотя некоторые еще шевелились. Другая же половина наступающих залегла и — вдруг двумя волнами начала растекаться вправо и влево. Чувствовалось, что в лоб они больше на нас не полезут, только с флангов. Что-то звякнуло, и я увидел выпавшую на камни короткую металлическую стрелку.

— Отлично, — сказал Гийом. — Молодец, сержант!.. Ну! Теперь у нас есть немного времени...

Он, в свою очередь, резко выбросил вперед руки. Бледное студенистое пламя встало из травы поперек входа во внутренний дворик. Земля, по-моему, даже не горела, а плавилась. Пощелкивали и выпрыгивали из огня красные нити песчинок.

Заслоненный поползшим дымом, Гийом вскочил на ноги.

— Отходим!..

— Они, милорд, пройдут через квартиры первого этажа... — Беппо поднял стрелку с земли и точно втер ее в

руку ниже запястья. Я так и не понял, как это у него получилось. — Слишком много окон, милорд, мы все не закроем...

Гийом только глянул на него по-лошадиному искоса, а потом опять небрежно выбросил вперед обе ладони — обращенные к нам окна ближнего здания заполыхали, и огонь, приклеиваясь к штукатурке, пятнами полез вверх, к крыше.

Бухнули стекла, разлетаясь на тысячи мелких осколков. Вывернулась из скобы и загрохотала по камню секция водосточной трубы.

Беппо несколько озадаченно поднял брови:

— Милорд?..

— Я знаю, что делаю! — грубовато отрезал Гийом. — Нам нужно еще минут десять, чтобы уйти... — Он повернулся к Алисе, выступившей из-за угла здания. — Сколько человек ты можешь взять реально?

— Шестерых... — слегка задыхаясь от бега, сказала Алиса.

— Я — тоже не больше, — подытожил Гийом, придавливая ее взглядом. Кажется, он не позволял сказать ей что-то, на что она внутренне была готова. — Всего двенадцать, не так уж плохо в нынешней ситуации. — И вдруг загремел: — Где они? Почему люди до сих пор не выведены?! Я не узнаю тебя, сестра!.. Если будем мешкать, все здесь погибнем!..

— Еще двое, — напомнила Алиса ровным, каким-то умершим голосом.

— Да, — подтвердил Гийом. — Двое должны будут остаться. Нам все равно потребуется прикрытие... — Пыльная кожа на лице его как бы треснула, и в беспощадной улыбке обнажился ряд крупных белых зубов. До меня не сразу дошло, почему он так ослепительно улыбается. — Да, сестра, у нас нет другого выхода...

Я почувствовал на себе быстрый взгляд Беппо.

Все решалось именно здесь, в эти доли секунды, — под серым небом, затягивающим город сыроватым туманом, на крохотном островке, среди клочьев бурого дыма, в сердцевине промозглой осени, когда-то породившей надежды. Теперь эти надежды развеивались, как дым над плацем. Боги пришли на Землю — боги, завершив земные дела, покидают ее.

Что им Земля? Краткая остановка на пути из одной вечной войны в другую. Что им наши надежды, наши радости, наши крохотные человеческие переживания? Они стряхивают их, как пыль с башмаков вечно странствующих. Перевернута еще одна страница великой битвы за Сверкающую росу Алломара. Убраны декорации, дождь и ветер овладели брошенными подмостками. Провинциальный театр опустел. Следующая сцена трагедии будет сыграна в другом месте. Честь и прекрасный звонкий клинок меча!.. Сердце у меня захлебывалось, не успевая гнать душную кровь. Я не видел звезд, скрытых дождевым пологом, но я чувствовал их игольчатый равнодушный холод.

Звезды — не для людей. Звезды — для богов осени.

Перекатывающийся дым пощипывал веки. Я моргнул. Алиса вдруг сделала порывистый шаг вперед и прижалась ко мне, не обнимая.

— Забудь, что я тебе наговорила — тогда. Я всегда буду помнить тебя и то, что у нас было, где бы я ни была и что бы со мной потом ни случилось. Свидетель — Хорогр, я всегда буду тебя помнить! И ты тоже знай — что я тебя помню!..

Она подняла ко мне приоткрытые губы. Мазнуло копотью, прилипла к щеке чешуйка сажи.

Мне захотелось снять ее поцелуем.

— Милорд!.. — громко и нетерпеливо напомнил Гийом. — У нас нет времени! Кого из моих солдат вам оставить?..

Зрачки Беппо странно переместились.

— Его!..

Гийом нахмурился.

— Я бы предпочел, милорд, чтобы вы избрали себе другого напарника. Беппо — опытный сержант, мне будет его недоставать...

Алиса оторвалась от меня.

— Пусть берет Беппо!

— Сестра!..

— Я сказала: останется Беппо!.. Беппо, слышишь меня? Ты останешься здесь и будешь сражаться. Ты не можешь умереть позже своего лорда!..

— Да, миледи!..

— Иначе род твой будет проклят на Алломаре!..

Она подняла ладонь, подтверждая клятву.

Покрывало рыхлого дыма, загораживающее нас, разъехалось.

Я увидел согнутые фигуры, перебегающие по краям плаца.

— Они снова идут!..

— Уходим!.. — как зверь, проревел Гийом.

Вместе с Алисой они побежали к латунным переплетениям. Клетка была, как птенец, собравший отчаяние, чтобы наконец выпрыгнуть из гнезда.

Никогда и ни за что он не выпрыгнет.

В решетчатых крыльях висели на перекладинах люди.

— Пригнитесь, милорд!.. — предостерегающе крикнул Беппо.

Я видел, как Алиса споткнулась, зацепившись за что-то, и как Гийом, будто ждал, тут же подхватил ее под руку.

В последний раз мелькнул голубоватый комбинезон. Они вскарабкались в плечевые изломы трубчатой шаткой конструкции. Будто авиаторы, на заре века поднимавшие в воздух полотняные этажерки.

Птенец тут же оделся дрожанием как бы раскаленного воздуха.

Голубое пятно.

Алиса.

Прощайте, осенние боги!

Я думал, что она обернется, но она все-таки не обернулась...

Я еще помню, как заколебался птенец, будто он и в самом деле собирался взмыть в небо, как сначала тускло, а потом все сильней и сильней заполыхали молочным свечением гнутые латунные трубки, как всплеснулась с булыжника пыль, захваченная невидимым глазу потоком воздуха.

Я это все очень хорошо помню.

И я хорошо помню, как услышал предостерегающий оклик Беппо: Берегитесь, милорд!.. — и как, даже не успев толком сообразить ничего, выставил перед собой дымное лезвие, и как прямо из серого воздуха начали вырастать передо

мной продолговатые металлические шмели, целый рой, и как я, быстро и плавно покачивая Эрринором, отводил их в стороны.

Это было почему-то нетрудно. Шмели, остроголовые, плотненькие, чуть шипящие жаркой злобой, хоть и образовывались неожиданно, точно из воздуха, но, выскакивая на меня, замедлялись, будто попадая в расплавленное стекло, и, введя острие в их рой, можно было, как волнорезом, рассечь его на два безопасных потока.

Я так и сделал.

И лишь несколько позже я догадался, что — это пули. То ли наступающие бойцы спецназа получили приказ задержать нас любой ценой, то ли у кого-то из них после веера стрел Беппо не выдержали нервы. Скорее, второе, потому что рой смертоносных шмелей, который я развел Эрринором, был единственным. Больше они не стреляли. Зато раздались на той стороне плаца несколько резких хлопков, пружинные шнуры испарений быстро пробуровили воздух и воткнулись в землю неподалеку от нас, и там, где они воткнулись, разрывчато затрещало, и со змеиным шипением поползли по двору струи отвратительного зеленоватого газа.

Это был финал. Я не понимаю, почему они не применили газ против нас раньше, совершенно не понимаю, да и не имело это, наверное, никакого значения; важно было то, что теперь у нас не осталось даже тени надежды. В ноздри мне уже набивался раздражающий запах свежего лука. Я не то, чтобы кашлял, но почему-то не мог вздохнуть полной грудью. Я лишь чувствовал, как нагревается внутри меня кровь, которой недостает кислорода. Сердце бухало так, словно хотело выломаться из жестких ребер. Завершался сентябрь, завершалась жизнь, завершалось то, что было, и то, чего не было. Мозг у меня бултыхался, как жидкий студень. И тем не менее, я хорошо помню, как Беппо прохрипел мне надсадно: Сзади, милорд!.. — и как я обернулся и увидел позади себя чуть согнутую пластилиновую фигуру, и как по каплевидным нечеловеческим глазам понял, что это — Петип. — Какой Петип? Откуда Петип? Ведь нет Пети-

па!.. — И мне до сих пор стыдно своего идиотского восклицания, продавленного сквозь горло: «Как ты тут очутился?..» — дурацкий был возглас, потому что уже в следующую секунду Петип призраком переместился ко мне вплотную, протянул руку, словно желая убедиться, что это я собственной персоной, и я тут же почувствовал жгучую боль под сердцем, и с изумлением воззрился на торчащую из моей груди рукоять кинжала.

Длилось это, наверное, какие-то считанные мгновения. Собственно, я даже не успел вскрикнуть от режущей боли, как увидел, что у Петипа вырос из предплечья металлический цветок с тремя-четырьмя лепестками, и — протянутую к этому страшноватому венчику руку сержанта. Вероятно, Беппо использовал свою последнюю стрелку. А Петип всплеснул ладонями, будто в свою очередь чему-то изумившись, и упал в наворачивающееся за его спиной облако дыма. Его словно засосала трясина иного мира.

Впрочем, за последовательность событий я бы не поручился. Все распадалось на части, и каждая часть воспринималась как бы отдельно: вот туманные силуэты со свинячьими рылами, бегущие к нам из дыма, это были, скорее всего, солдаты в противогазах, вот с чего-то запылавшая перед ними груда досок, Беппо, что ли, зажег, но когда это произошло, я совершенно не помнил, а вот сам Беппо, как скорпион, переползающий ко мне боком...

— Руку, милорд!.. — почему-то кричал он, будто помешанный. — Милорд, прошу, дайте мне руку!..

Голос все равно доносился, будто из невероятной дали. Черт его знает, зачем ему потребовалась моя рука. Мне было плохо, я умирал и все никак не мог умереть окончательно. Едкая луковичная вонь расцарапывала мне легкие.

— Руку, милорд, руку!.. — Сильные пальцы Беппо схватили меня за запястье. Кажется, я повалился, ударившись плечом о высовывающийся из земли бетонный надолб. Силуэты спецназовцев в противогазах были уже совсем рядом. Больше всего мне сейчас хотелось даже не умереть, хотя каждую клеточку в теле будто вытягивали железными щипцами

наружу, мне хотелось снова очутиться у себя во дворе — в тот момент, у скамейки с песочницей, когда я впервые наткнулся на Геррика, там, где это все месяц назад начиналось, — пройти мимо и никогда не знать ни Геррика, ни Гийома, ни даже Алису, ни Законов Чести, приведших меня в итоге на этот остров, ни поющего от наслаждения светлого клинка Эрринора, ни пучеглазого Беппо, ни лорда Тенто, ни Мирры. Вообще бы никогда о них ничего не слышать. Я хотел жить, как жил раньше, и я даже чувствовал запах слежавшегося сырого песка, и смоляной запах тополя, виснущего над скамейкой, и запах самой скамейки — сухого, давно мертвого дерева, я словно видел две ее доски, прикрепленные болтами к чугунной основе, ржавчину там, где головки болтов входили в доски, ее выгнутые лапы, почти наполовину вкопанные для устойчивости...

И в тот момент, когда я все это ясно увидел, сбоку от меня распахнулась бездонная чернота, лишенная звезд, — ни проблеска света, ни каких-либо видимых очертаний, — вероятно, пустая до самого края Вселенной, потому что воздух устремился туда, будто заглатываемый чудовищным пылесосом. Почва мягко качнулась, полетели — травинки, соломинки, мелкий почвенный мусор. Затрепетала взлизываемая вихревым потоком рубашка. Даже Беппо, всей тяжестью повисший на моей руке, не мог более удержать меня в этом мире. Меня безжалостно перевернуло, ноги задрались выше головы, край твердой земли обломился, и я, втягиваемый водоворотом, обрушился в неизвестность. День померк, будто его никогда не было. Но еще прежде, чем мрак окончательно сомкнулся вокруг меня, я успел заметить, что латунная клетка с людьми заколебалась, как фантомное отражение, трубки вдруг вспыхнули так, что на них стало больно смотреть, низкий гул зародился меж ними и поднялся до неба, а когда блеск погас, решетчатого птенца во дворе уже не оказалось.

Закрутился в образовавшейся пустоте ворох листьев, донесся звук, как от лопнувшего воздушного шарика, и заметалось звонкое эхо по двору крепости — все, финал...

20

Иногда мне кажется, что ничего этого не было. Не было торжественного прикосновения меча Геррика, после которого я стал воином, не было прогулок с Алисой по осеннему солнечному Петербургу: плоских глаз сфинкса, стеклянного плеска воды в каналах, не было звезд, заглядывающих в окно и выманивающих из дома, не было фантастического поединка с лордом Тенто на набережной: мелодии боя, цветка плазменных отражений, смыкающегося вокруг меня, не было отчаяния, любви, надежды, спасения, не было чудесной невероятной победы — опять же там, на набережной канала, не было старой крепости, гулкости складских помещений, мороси сентябрьского дождя, сеющегося на воду, одиночества, латунной клетки, которая унеслась в дали Вселенной.

Ничего этого не было.

Словно я читал книгу, которая куда-то потом задевалась, и теперь ее содержание постепенно выветривается из памяти — забывается, несмотря ни на какие усилия, делается все бледнее, расплывчатее и неправдоподобнее. И уже приходят сомнения: а читал ли эту книгу в действительности или то, что пригрезилось, — плод растревоженного воображения?

Тем более, что и жизнь у меня течет точно так же, как раньше. Словно никакие загадочные события не прерывали ее. Она, как вода, сомкнулась над тем сентябрем. Видимо, таково свойство жизни: лишать нас прошлого. Я работаю там же и выполняю те же обязанности чертежника: вычерчиваю на ватмане не слишком понятные мне детали, передвигаю рейсшину, меняю один остро отточенный карандаш на другой, меленько, печатными буквами вписываю внизу свою фамилию. Моисей Семенович этим чрезвычайно доволен. О моем опоздании из отпуска он практически не вспоминает. Да и что там было за опоздание: дней десять, не больше. Он считает, что я попал в какую-то романтическую историю, и, наверное, даже не подозревает, насколько близок к истине. Молодость, по его мнению, есть молодость. Кажется, он даже стал меня уважать за это внезапное легкомыслие. Но, по-моему, еще больше — за то, что в итоге я все же вернулся к своим

профессиональным обязанностям. Это было в его глазах самым главным. Приключения приключениями, а работа, знаете ли, прежде всего. Судить о человеке будут именно по его работе. Моисей Семенович поднимает палец, очки съезжают к кончику носа. Я благоразумно молчу. Почему не доставить радость хорошему человеку?

Происшедшее действительно кажется мне ускользающим сном. Я пытаюсь его удержать, а он — стекает и стекает в темные глубины сознания. Даже лица Алисы я уже почти не помню. Я помню лишь голубоватый комбинезон и на щеке — крохотную чешуйку сажи. И еще помню голос, которым она объявила: Это мой муж, милорд!.. — хотя кто его знает, было ли это на самом деле.

Два шрама остались у меня от того времени: узенькая полоска розовой кожи на левом плече — место, которое после прикосновения меча лорда Тенто залечила Алиса, и такое же розовое, как у младенца, пятно во впадине между ребрами — след кинжала, который едва не дошел до сердца.

Кстати, этого я уже совершенно не помню.

Беппо, который вместе со мной протиснулся сквозь пространство — прямо к песочнице, в спасительную тишину петербургского дворика, — дотащивший меня до квартиры и буквально не отходивший от меня первые дни, говорил потом, что почти двое суток я провел в полном беспамятстве: лихорадочно и громко дыша, лежал на диване, как в агонии, с проваленными серыми щеками и лишь иногда, не поднимая тряпичных век, просил пить. Причем все двое суток я мертвой хваткой сжимал рукоять Эрринора, и клинок двое суток пульсировал, будто нечто живое, — становясь то малиновым, словно из светящейся крови, то — желтея и переходя в бледную сукровицу. А на третьи сутки он, по словам Беппо, стал обычного дымного цвета, и тогда я открыл глаза и спросил, что случилось. Вполне может быть. Никаких следов этого мучительного состояния у меня в памяти не сохранилось.

И почти не сохранилась вздыбленная борозда на асфальте — там, где, отбитый мною, пропорол ее меч лорда Тенто. Видимо, первые же машины, проехавшие по набережной, примяли ее, и теперь она, зашпатлеванная землей, ничем не от-

личается от соседних вполне естественных трещин. Разве что — более ровная, словно проведенная циркулем. Вряд ли кто-нибудь обращает на нее внимание.

Как, впрочем, никто не обращает внимания и на меня самого. Я не знаю, какое подразделение так отчаянно штурмовало крепость на острове, к каким именно ответвлениям таинственных наших спецслужб оно принадлежит, что за цели преследовало и почему так внезапно прекратило свою деятельность. Пути спецслужб неисповедимы. У меня вообще нет уверенности, что они подозревают о моем существовании. Те двое людей, что приходили к моим родителям, больше не появлялись. Мне никто не звонил, никто не вызывал меня никуда и ни о чем не расспрашивал. И пусть тот же Беппо считает, что ничего еще в действительности не завершилось, что не трогают нас лишь потому, что мы — единственная ниточка от одного мира к другому, нельзя рисковать, милорд, а вдруг она оборвется, но имейте в виду, мы — под пристальным наблюдением; факт остается фактом: никто мною не интересуется и, вопреки утверждениям Беппо, слежки за собой я не чувствую.

По-моему, обо мне просто забыли. Ничего, меня лично это вполне устраивает.

Я и сам хотел бы забыть о себе, если возможно.

И только изредка, ведя карандашом по плотному ватману, я вдруг начинаю ощущать спиной неприятный черный озноб, будто потянуло сквозняком из невидимой щели, и, опасливо оборачиваясь, вижу, что никакой такой щели у меня за спиной нет, двери в чертежный кабинет плотно закрыты, зеркало рядом с ними белеет стеклянной поверхностью. И тем не менее, кожа у меня стягивается в пупырышки, и, вернувшись домой, я откидываю занавески, прикрывающие хозяйственную нишу в коридоре, сдергиваю два старых пальто, повешенных туда специально, снимаю с крючка Эрринор и осторожно вытягиваю из ножен светлое лезвие.

Правда, сейчас его нельзя назвать очень уж светлым. От висения в нише или от чего-то еще Эрринор выглядит мертвенным и тускловатым. Самый обыкновенный металл, кажется, даже не слишком заточенный. Однако стоит мне слегка

сжать в руках теплую рукоять, стоит поднять его и, не торопясь, провести клинком в воздухе, как из-под тусклости проступает нежное серебряное свечение, лунные тени начинают дымиться и скользить к кончику, а от лезвия, как тогда на набережной, отслаиваются плазменные отражения. Эрринор готов к бою, нужен лишь враг, который осмелился бы скрестить со мною оружие. Озноб не проходит, но в такие минуты он меня уже не пугает. Не озноб это — свежий ветер, побуждающий к действию. Лицо у меня горит, и весь я полон страстной энергией воина.

Между прочим, Беппо не одобряет этих моих порывов. К мечам лордов он относится настороженно, с явным недоброжелательством, и считает, что тронувший меч становится в определенной мере его заложником.

— Если взял в руки меч, значит, должен — убить. А я, милорд, убивать не хочу.

Кстати, Беппо мгновенно освоился в нашем мире. Уже дней через десять он работал охранником в какой-то коммерческой фирме — что, конечно, не удивительно, учитывая его военную подготовку, — а еще через пару недель получил вполне приличную комнату и переехал.

После этого мы с ним практически не встречались.

Он, по-видимому, хотел как можно скорее освободиться от прошлого.

И, в конце концов, кто я ему — случайный знакомый.

Я потом, наверное, месяца три пережевывал эту обиду.

И однако, как выяснилось, я был неправ в отношении Беппо. Он не собирался никого забывать и ни от чего не отказывался. В конце июня, когда навалилась на Петербург каменная жара, когда поплыл пух и зазеленела вода в каналах, он явился ко мне — все такой же усатый, плотненький, с выпученными, как у рака, глазами — и, не слова не говоря, выложил странный значок в виде тюльпана. А когда я недоуменно воззрился на золотые тычинки, объяснил, что — это родовой знак Дома Герриков, каждый воин, родившийся на Алломаре, имеет такой значок, цветок вживляется на груди, под левым плечом, и снимается только после смерти хозяина.

— Это значок Петипа, — добавил он после паузы.

— Как Петипа? А разве Петип не мертв? — спросил я.

Я отлично помнил короткую стрелку, воткнувшуюся тогда в предплечье.

— Вот теперь мертв, — сказал Беппо, пошевелив проволочными усами. — Нет, милорд, Петипа так просто убить нельзя... — И вдруг рядом с первым значком выложил второй, точно такой же. — А это — мой знак, милорд, если позволите...

Несмотря на природную недогадливость, я, кажется, понял.

— Ты хочешь, чтобы я освободил тебя от присяги воина? Хорошо, что я должен сделать?

— Просто сказать, милорд: «Ты — свободен»...

— Ты — свободен, Беппо, — произнес я торжественным, как подобает, голосом. — Я, наследный лорд Алломара, освобождаю тебя от воинского обета. Ты — свободен, и я готов засвидетельствовать это перед всеми Домами...

Беппо хитро прищурился.

— Вообще-то, по-настоящему меня зовут вовсе не Беппо. Новое имя дают, когда входишь в какой-нибудь Дом. Но для вас, милорд, пусть я останусь — прежним...

После я проводил его до остановки. Подошел шуршащий троллейбус и утащил сержанта в сторону Невского. Было ясно, что больше я его никогда не увижу. Чье победное знамя развевается сейчас над семибашенным Замком, кто греет в руках волшебную Каплю Росы и о чем шелестит звездный дождь над равнинами Алломара?

Этого я уже никогда не узнаю.

Сердце у меня сжималось, сдавливаемое асфальтовой духотой, был ранний вечер, прозрачные сумерки опускались на город, звезд еще не было, но колючий их свет чувствовался уже в чаше неба.

Вот и набережная, где я победил лорда Тенто.

Мне было плохо. Я дышал редко и тяжело. Горло, сдавленное воспоминаниями, не пропускало воздух. Внутреннюю часть ладоней вдруг защипало — точно от свежей раны.

А когда я инстинктивно поднял руки к глазам, между пальцами у меня заструился яркий синеватый дымок, загустел,

превратившись как бы в синюю линзу, сердцевинная часть этой линзы прояснилась и засияла, лицо Алисы, будто гемма, выступила оттуда, губы ее шевелились, по-видимому, она говорила мне что-то. Правда, ни одного слова я слышал не мог. И смотрела она не на меня, а куда-то в сторону. Голова ее была покрыта узорчатой тканью. Светленький новорожденный младенец смотрел туда же, блестя глазами от любопытства. Вот — он поднял пухлую руку, тронул Алису за подбородок и, видимо, засмеялся.

Мягкие складки набежали на голову в редких волосиках.

И сейчас же изображение будто сдернуло с моих пальцев. Сердцевина погасла, а синеватая линза заколебалась и рассеялась в воздухе.

Я даже не успел толком понять, что произошло.

Я лишь остановился, взирая на уже пустые ладони, сделал два шага по направлению к чугунной ограде, снова остановился и поднял голову к звездам, которых еще не было.

Их еще не было, но я знал, что они есть.

Теперь я буду помнить об этом всегда.

Я был счастлив.

И тут дунул ветер, зарябила зеленая вода в канале, зашумели-зашелестели деревья, полные июньской листвы, и, как сон, унеслось вдоль набережной облако тополиного пуха.

Куда — неизвестно...

ТРЕТИЙ ВАВИЛОН

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

Сегодня в 5.55 утра по местному времени четверо неизвестных лиц, вооруженных автоматами и ручными гранатами, захватили самолет «Боинг-747» американской авиакомпании «Пан-Америка», выполнявший рейс Бомбей — Карачи — Франкфурт — Нью-Йорк с 359 пассажирами на борту. Террористы в форме сотрудников службы безопасности подъехали к самолету на похищенной ими автомашине с номерными знаками администрации аэропорта. *** *Париж. Несколькими выстрелами в упор здесь был убит президент — генеральный директор машиностроительной фирмы «Рено» Жорж Бесс. Группа неизвестных поджидала Ж. Бесса около его дома, когда он возвращался с работы. Убийцы скрылись.* *** *С очередным признанием огромных масштабов, которые приняла в стране наркомания, выступил президент Рейган. Он обратился с речью к присутствовавшим в Белом доме послам США в ряде государств с призывом принять участие в борьбе против общенационального бедствия.* *** *Израильская артиллерия вновь подвергла обстрелу южноливанские селения, расположенные вдоль северной границы так называемой «зоны безопасности», незаконно созданной захватчиками на ливанской территории. Под огнем агрессора оказались населенные пункты Хумин, Султания, Джарджуа, а также ряд деревень в южной части долины Бекаа.*

1. Четыре минуты

На ступеньках при выходе я споткнулся и кубарем покатился вниз. Но не упал: Ивин, как на тренировке, точным

движением направил меня — я мешком плюхнулся на сиденье, толкнýв головой шофера. Тот крякнул, сухо щелкнула дверца, машина описала по двору визжащий полукруг, отъехали сплошные железные ворота, в рыхлом свете зарешеченной лампочки мелькнула напряженная фигура часового, который медленно, будто во сне, опускал полусогнутую руку, и мы вырвались на улицу — во мрак и зябкую осеннюю морось.

Я возился, пытаясь повернуться и при этом не задеть руль.

— Ты что — спал? — спросил Ивин, наблюдая.

— Немного.

— Оно и видно.

— Ступеньки тут у вас... Я уселся.

— Канада, — доложил Ивин. — Северо-Западные территории. Двести километров к востоку от Шинакана. Климон-Бей. Химическое производство средней мощности. Спецификация неизвестна. Завод не зарегистрирован в «Индексе».

Я присвистнул.

— Военный объект?

— Наверное.

— Боевые ОВ?

— Судя по всему.

— Дальше!

— Неуправляемый синтез в реакторе, резкое повышение температуры, неисправность систем охлаждения. Опасность взрыва и выброса отравляющих веществ. Рядом — городок на тысячу двести жителей. Представляю, какая там сейчас паника. Охранная автоматика не сработала.

— Конечно. Иначе бы Нострадамус не возник. Прибавь, Володя, — попросил я, хотя полуночные тихие дома и так размазывались от скорости.

— Не надо, — сказал Ивин. — Успеем.

— Тогда дай закурить.

— Ты же бросил.

— Ладно. Бросил так бросил. Откуда он звонил?

— Телефон-автомат на углу Зеленной и Маканина. Это напротив «Яхонта».

— Однако, — сказал я.

— Самый центр.

— Да.

Машина неслась по пустынной набережной. Сиреневые фонари лягушками распластались в лужах. Блестела в реке чернильная вода. На другой стороне, высоко, под самыми тучами, ныряли красные огни телебашни.

— Там, на Маканина, проходной двор, — глядя в проваливающийся под колеса черный асфальт, сказал шофер. — Длинный такой сквозняк с выходом и на Зеленную, и на Разовскую, и в Бойцов переулок. Я помню, когда гнали пацанов, которые залезли в «Радиоаппаратуру», ну, в прошлом году...

Я откинулся на сиденье и прикрыл нетерпеливые глаза. Наконец-то. Я уже боялся, что Нострадамус не объявится никогда больше. В последний раз он звонил дней десять назад — Регистр СССР — советский сухогруз «Нараян» во время шторма получил сильную течь и тонул в Атлантике. Между прочим, в том же квадрате находилось английское торговое судно. Миль тринадцать к югу. Капитан утверждал, что сигналов «SOS» они не принимали, рация была неисправной. Обычная история. Погибло пять человек. Западные агентства молчали. Пять человек — это не цифра. Вот если бы пятьсот человек. Или пять тысяч? Был процесс в Гааге. Капитана, кажется, оправдали. В таких случаях ничего доказать нельзя. Эсминец «Адмирал Крючков» спас команду, сетками выхватывая полуобморочных людей из кипящей воды.

Сто шестьдесят семь членов экипажа.

Четырнадцать женщин...

Ивин слушал сводку.

— Опоздание две минуты, — сказал он.

— Ого!

Я открыл глаза.

Две минуты — это было много.

— Канада, — глубокомысленно объяснил Ивин. — Пока прозвонили компьютерами Американский континент, пока вышли на Европу через спутники связи, пока ответила Евразийская телефонная сеть...

Я взял трубку и нажал несколько клавиш.

— Это Чернецов. Закройте район, примыкающий к сектору. По плану «Равелин». Да — тоже. Стяните туда ближайшие ПМГ. Пусть ищут Нострадамуса. Пусть качественно ищут. Сколько их?..Отзовите из соседних районов — под мою ответственность.

— Уже, — недовольно сказал дежурный. Я порядком осточертел им своим Нострадамусом. Зеленые стрелки часов показывали половину четвертого.

— Да ты не волнуйся, — сказал Ивин, демонстративно закуривая. — Мы его найдем. Не призрак же он, в самом деле.

Я не волновался. Призраки не пользуются телефоном. У них другие методы. Я мысленно видел карту города и на ней — сектор, обведенный жирным красным карандашом. Сектор Нострадамуса. Район, откуда он звонит. Совсем небольшой район. Нострадамус почему-то никогда не выходил за его пределы. Будто привязанный. Я видел, как сейчас, поспешно изменив направление, синие вспышки ночных патрулей стекаются к этой красной черте и идут внутрь, неожиданно пронизывая фарами туманные дождевые недра. Я не волновался. Операцию репетировали много раз, в ней не было ничего сложного. Чтобы плотно замкнуть кольцо, требовалось четыре минуты. Всего четыре. Нострадамусу будет некуда деться — ночь, пустые улицы. Разве что он живет в этом районе. Хотя маловероятно. Глупо звонить оттуда, где живешь. Он ведь не может не понимать, что мы его усиленно разыскиваем. Я не волновался изо всех сил, но попробуйте не волноваться, если уже две недели подряд, как проклятый, ночуешь у себя в кабинете, рассчитывая неизвестно на что. Хорошо еще Ивин подменял меня время от времени. Не слишком часто.

И Валахов тоже подменял. Правда, Валахов не верил в Нострадамуса.

Приглушенно заверещал телефон.

— Слушаю, — сказал я.

Докладывал дежурный по городу. В секторе прочесывания были обнаружены двое: работник хлебозавода Васильев, возвращающийся со смены, и гражданин города Орла некто

Шатько, который торопился на вокзал с огромным чемоданом. Это было явно не то. Васильев только что вышел из ведомственного автобуса, водитель подтвердил, что везет его непосредственно от ворот предприятия, а что касается Шатько, то — пожалуйста, у нас никому не запрещается, экономя на такси, тащить чемодан самому, пешком, через весь город, даже в такую погоду.

У меня упало сердце. Я, конечно, не думал, что первым же задержанным окажется именно Нострадамус, но всегда есть слабая надежда — а вдруг?

Четыре минуты уже истекли.

— Кто курирует «Храм Сатаны»? — покашляв, неожиданно для самого себя, спросил я.

У Ивина поползли изумленные брови.

— Но ты же не собираешься...

— Кто в настоящий момент курирует «Храм Сатаны»? — скрипучим, неприятно официальным голосом повторил я.

— Я курирую, — таким же официальным голосом сообщил Ивин.

— Результаты? — официальным голосом спросил я.

— Нет результатов, — официальным голосом ответил Ивин, скучно глядя вперед.

— Какое у них следующее мероприятие?

— Черная месса.

— Когда?

— Послезавтра.

— Где?

— Шварцвальд, у Остербрюгге. Ведьмы и голодные демоны. Вурдалаки. Я тебе не советую: там каждый раз бывают якобы случайные жертвы.

— Ты же работаешь в контакте с полицией....

Ивин молчал.

— Разве не так?

— Потому и нет результатов, что я работаю в контакте с полицией, — неохотно сказал он.

— А «Звездная группа»?

— Это Сиверс.

— И что?

— Умер Херувим.

— Убийство?

— Пока неясно...

— Ладно.

Я покусал ноготь на большом пальце.

— Подъезжаем, — сказал шофер.

По обе стороны мрачного гранитного углового дома на уровне второго этажа причудливой вязью неоновых трубок горела надпись: «Яхонт». В красных бликах ее, как памятники, неподвижно стояли двое — мокро блестя.

Сиверс шагнул мне навстречу.

— Обнаружили еще экземпляр — Халидов, студент университета, пьяный и без документов. Говорит: был в компании. Он тебя интересует?

— Нет, — сказал я. Сиверс хмуро кивнул:

— Мы его задержали — пока.

— Отпечатки? — спросил я.

— Каша, — лаконично ответил Сиверс. — Особо не рассчитывай.

Я и не рассчитывал.

— Где Валахов?

— Крутится.

— Еще не закончили?

— Там некоторые сложности...

— Пошли!

Я просто не мог стоять на месте. Предчувствие неудачи угнетало меня.

Мы прошли темный двор, где на задниках магазина уныло мокли груды деревянных ящиков, и через низкую арку проникли во второй — узкий, как колодец, — вымощенный булыжниками. Сеялся невидимый комариный дождь. Было холодно. Сиверс ладонью отжимал воду с костлявого лица: — Дорога разрыта, машина не пройдет, зачем ты приехал, отрываешь от дела, сидел бы себе в кабинете и прихлебывал чай... — Он был прав. Мне следовало сидеть и прихлебывать. Ивин ядовито похмыкивал сзади. — Как твои «звездники»? — в паузе спросил я. — «Звездники» на месте, —

буркнул Сиверс. — Кого проверили? — Весь «алфавит». — Даже так? — У них большое радение: восходит Козерог. — А кто проверял? — Верховский. — Понятно. — Я перепрыгнул через лужу, в которой желтела консервная банка. У меня не оставалось никакой надежды. Верховскому можно было верить. Если он говорит, что «алфавит» на месте, то «алфавит» на месте. «Звездная группа» отпадает. Девяностолетний туркмен, носитель мирового разума, сидя на молитвенном коврике, прикрыв больные глаза и раскачиваясь, выкрикивает в старческом экстазе бессмысленные мантры на ломаном русском языке, а покорный «алфавит», буквы мироздания, — инженеры, медики, кандидаты наук, окружающие его, — склоняются и целуют полы засаленного халата, искренне веруя, что Великий Космический Дух снизойдет с небес и просветлит их грузные томящиеся души. Трое убитых за последние полтора года — ушедшие к звездам. Ритуал посвящения в избранные, отречение от всего земного, культ наготы и безволия. Махровая уголовщина. Хорошо, что не придется влезать в эти дела. Я поежился и глубоко вдохнул холодный, насыщенный влагой воздух. Значит, полный провал. Значит, вся операция к черту. Нострадамус опять испарился бесследно. В одиннадцатый раз. Он умеет испаряться бесследно. Значит, метод исчерпал себя. Четыре минуты — это наш предельный срок. Меньше нельзя.

— Налево, — сказал Сиверс.

Пригибаясь под аркой, мы выбрались в тесный переулок, один конец которого был перерыт траншеей. У раскрытого телефона-автомата, присев на корточки, копошились люди в резиновых накидках. Вдруг — ощетинились голубыми фонариками.

— Уберите свет! — приказал невидимый Валахов. — Это гражданин Чаплыгин.

Гражданин Чаплыгин был в плаще поверх полосатой пижамы и в незашнурованных ботинках на босу ногу.

— У меня бессонница, — пробормотал он. — Я курил в форточку, гляжу — милиции много...

— Вы кого-нибудь видели здесь?

— Никого.

— Припомните хорошенько: кто-нибудь звонил из этого автомата?

Гражданин Чаплыгин выпучил глаза. Будто филин.

— Телефон уже неделю не работает...

— Как не работает?

Произошло быстрое движение на месте. Головы повернулись. Один из сотрудников Сиверса носовым платком осторожно снял трубку и послушал.

Лицо его приобрело туповатое выражение.

— Не работает, — растерянно подтвердил он. Я посмотрел на Сиверса. Сиверс задумчиво моргал, и вода капала с его редких пружинистых ресниц. Я отвернулся. В машине Ивин сказал:

— Ничего не понимаю. Мы ошиблись — бывает. Но компьютер указал именно на этот автомат. Европейский ВЦ... — Закурил очередную сигарету. — О чем ты думаешь?

Шелестели шины. Морось ощутимо усиливалась. Набухли туманные шары света под проводами. Я расслабленно лежал на сиденье. Проносились черные окна. Мигали светофоры на безлюдных перекрестках. Где-то здесь, в сердцевине дождя, одинокий и неприкаянный, бродил загадочный Нострадамус, и жестокие глаза его, будто рентген, пронизывали город.

— Я думаю о докторе Гертвиге, — сказал я. Ивин ошарашенно повернулся.

— Кто такой, почему не знаю?

— Доктор Гертвиг умер в семнадцатом году.

— Когда?!

— В январе тысяча девятьсот семнадцатого, незадолго до февральской революции.

— Парадиагностика?

— Да.

— Погружение в историю?

— Да.

— Ну ты даешь, — после выразительного молчания сказал Ивин.

2. Доктор Гертвиг и студент

Луна была яркая и большая, просто невозможная была луна. Резкой чернью обдавала она булыжник на мостовой, битый череп фонаря, синюю листву сада. Как мертвый ящер, ощетинясь оглоблями, лежала поперек улицы растерзанная баррикада. Напротив нее, у здания рынка, зияющего каменным многоглазием, будто приклеенные, стояли Кощей и Тыква. Кощей гоготал и длинно сплевывал, а Тыква подкручивал свои дурацкие намыленные усы. Прямо зло брало: давно ли бегали, как куропатки, — теперь гогочут.

Человек, невидимый в низкой подворотне, шевельнулся, и лунный свет упал на фуражку, какие носят студенты. Ну — слава Богу, тронулись, пошли к площади, во мрак собора. Тыква переваливался, а Кощей придерживал шашку. Говорят, это он убил Сапсана, зарубил во дворе участка, еще в июне. Садануть бы по ним из револьвера — нельзя, нет револьвера, зарыт дома, в сарае, под поленницей. Не такое сейчас время, чтобы разгуливать с револьвером.

Погрузив кулаки в карманы тужурки, упрятав лицо в поднятый воротник, человек быстро пересек улицу и прильнул к чугунной ограде. Взялся за железные прутья и, легко переломившись в воздухе, махнул прямыми ногами на ту сторону.

Тотчас, заколачивая в землю булыжник, из Кривого переулка вывернул конный отряд и поплыл в бледном сиянии — призрачные лошади, призрачные люди.

Казаки дремали в седлах.

Человек с головой ушел в синюю листву. Разогнулись ветви. Он знал, куда ему идти, — к двери на стыке двух глухих стен. Он достал ключи. Ключи у него были. Застучало сердце. Ай да Абдулка, медный котел! Не обманул все же, подлец, дурацкая рожа! — Зачэм рэзать такой бедный доктор, совсем нищий... Плохо живет — слуга нету, жена нету, сам ноги моет... Или другой этаж — баба живет, фабрика имеет... шибко толстый, богатый, деньги в подушку зашил — золото, Абдулка знает... Ее рэжь — бабу не жалко... Убэй, пожалуйста, — дай Абдулке пятисот рублэй... Абдулка хитрый — пьяный был, ничэго не видэл...

Сотню взял за ключи, пузатая сволочь. В тусклом гробовом свете паутинного окна угадывалась черная лестница. Он поднялся на второй этаж и чиркнул спичкой. Лезвие ножа просунулось в щель, звякнул сброшенный крючок — все! Он проскользнул пахнущее аптечными травами междудверье, миновал светлую кухню, где цепенели тарелки, кастрюли и раздутый, сияющий медалями бок самовара. В коридоре было хоть глаз выколи, но он помнил, что дверь в библиотеку третья направо. Об этом рассказывал Сапсан. Гертвиг почему-то доверял ему. Именно ему. Правда, Сапсана больше нет. Исчез после провалов в организации, я даже имени его не знаю — просто Сапсан. Он первый понял, что это означает: врач, который не ошибается в диагнозе. Вообще не ошибается. Даже не осматривает пациентов. Мистика, не иначе. Оккультные знания. Что-то по ведомству госпожи Блаватской.

Он стоял посередине библиотеки. Луна струилась в широкие окна, и корешки книг за стеклом налились жирным золотом. В простенке громоздился резной стол с секретером. Дай Бог, чтобы это оказалось здесь. Потому что может быть тайник, сейф, абонемент в банке. Где еще хранить миллионное состояние? Но не деньги же мне нужны. «Медицина часто утешает, иногда помогает, редко исцеляет...» Записки какие-нибудь, протоколы наблюдений, просто лабораторный дневник... Он не замечал, что бормочет себе под нос, — руки уже сами выдвигали верхний ящик, наполненный бумагами. Пальцы дрожали от нетерпения. Страховой полис, поручительство, векселя на имя господина Константи — не то, на пол... Старые документы, аккредитив, кипы желтых акций — не то... «Немецкий банк развития промышленности», «Гампа», «Товарищество железных дорог Юго-Востока России»... Ящик был пуст... Он вдруг испугался, что двойное дно, и перевернул его. Бронзовый подсвечник в виде обнаженной нимфы нерешительно качнулся на краю зеленого сукна и звякнул по ковру. Он обмер, закусив пальцы. Боже мой, нельзя же так, он же все погубит этой спешкой.

Внутри квартиры распадались неопределенные шорохи. Или кажется? Дно чистое, простое, без тайника... Дальше —

фотографии на ломком картоне, остолбеневшие лица, женщины со вздернутыми плечами, мужчины в касках, — на пол, давно умерли... Диплом медицинского факультета Санкт-Петербургского Императорского — не то... Письма, груды писем... Опустившись на колени, он разбрасывал их. Третий ящик — ага! История болезни. Поближе к свету, хорошо, что луна яркая... Господин Мохов Евграф Васильевич, пятидесяти трех лет, купец первой гильдии, житель города Саратова, обратился по поводу... Крохман Модест Сергеевич, сорока девяти лет, мещанин, житель Санкт-Петербурга, обратился по поводу... Грицюк Одиссей Агафонович... Быстрый Яков Рафаилович... Дымба Мустафа... Двести диагнозов. Палладину потребовался год, чтобы повторно собрать их... Чисто научные интересы — любезный господин Палладин, который все понимает... Обещал помочь с документами, потому что нынешние документы — барахло, дрянь, на грани провала... Четвертый ящик — истории болезни — некогда, на пол... Дно простое, без тайника... Теперь с другой стороны, тоже четыре ящика... А затем секретер из множества отделений...

Тетради! Тетради с заметками! Наконец-то! Он листал серые клетчатые страницы. Ужасно много времени уходило, чтобы разобрать пляшущий почерк... «Симптомы, кои при наружном осмотре позволяют определить»... «Повышение температуры не есть признак болезни, но всегда признак ненормального состояния организма»... Одна, две, три, четыре — восемнадцать тетрадей. Придется захватить все. И, наверное, есть еще. Конечно, еще — оба нижних ящика. Как я их унесу? Первый же городовой кинется на прохожего, который тащит узел в три часа ночи. Надо идти дворами, отсюда — вниз, через дровяные склады, мимо барж на канале, по Сименцам и Богородской протоке. В крайнем случае — отсидеться, в Сименцах есть такие притоны, Господь бог не найдет...

Желтый колеблющийся свет озарил комнату.

— Руки вверх! — нервно сказали у него за спиной. Доктор Гертвиг стоял в дверях.

Оказывается, были другие двери, ведущие прямо в спальню. Проклятая спешка! На докторе был малиновый халат,

расшитый драконами, в левой руке — отставя, чтобы видеть, — он держал керосиновую лампу, а в правой сжимал плоский вороненый пистолет.

Бульдожьи щеки у него дрожали.

— Руки вверх!

Человек, сидящий на полу, выпрямился.

— Не подниму, — угрюмо ответил он. Доктор Гертвиг отступил на шаг и потерял туфлю без задника.

— П-п-почему?..

— Потому что я не вор, — сужая зрачки, сказал человек в фуражке. — Потому что я хочу взять то, что вам не принадлежит. Потому что должна быть в мире хоть какая-то справедливость!..

— Ах, это вы, — с громадным облегчением вздохнул доктор Гертвиг. — Я вас узнал: студент-медик... Упорный молодой человек, я мог бы и выстрелить нечаянно... Боже мой, какое время!.. — Он нащупал туфлю, прошлепал к креслу, раскорячившему витые лапы, грузно сел, поставив лампу на широкий подлокотник, и поправил съехавший на ухо ночной колпак. Сказал брюзгливо: — Ну и кавардак. Вам бы лучше уйти, господин Денисов. Удивляюсь, как вы этого не понимаете.

— Я никуда не уйду, Федор Карлович.

— Боже мой, ну что мне с вами делать? Передать полиции? Вы звоните мне, вы посылаете мне письма, вы врываетесь ко мне в приемную и устраиваете скандалы. Вы меня измучили. Хотите, я дам вам денег? Хотите, я дам вам шесть тысяч? Это все, что у меня есть. Только уходите, честное слово, я вас не обману...

— Нет, — сказал студент.

— Конечно! Вы желаете обладать миллионами, — потея от ненависти, проскрипел доктор Гертвиг. — Что вам больной старик?..

— Деньги меня не интересуют.

Студент стоял боком, а теперь повернулся, и расширенные глаза его искрами, как у рыси, отразили лампу.

— Я помню, помню: вы собираетесь облагодетельствовать человечество...

— Не надо смеяться, Федор Карлович...

— Элементарная гигиена даст в тысячу раз больше, чем все ваши замысловатые потуги! Да! Идите в Коломенские кварталы — кипятите воду, сжигайте нечистоты в ямах, отбирайте у младенцев тряпочку, смоченную сладкой водой!

— Я все знаю, доктор, — опасным тоном, разевая напряженный рот, сказал студент.

— Конечно, славы здесь не будет и денег тоже, — доктор Гертвиг обессилел. И вдруг закричал: — Нет у меня ничего! Поймите вы это! Я даже не представляю — как... Я смотрю и вижу! Я не могу научить, я пробовал, это все бестолку!

Он осекся и тревожно поворотился к темному проему спальни. Сказал шепотом:

— Ко мне ходил ваш настойчивый коллега — Ясенецкий. Он, кажется, убедился.

— Сапсан? — спросил студент.

— Что?

— Его звали Сапсан?

— Вы нелегал? Не желаю знать ваших кличек! — Доктор Гертвиг сердито запахнул халат на животе. — Уходите, прошу вас, вы все выдумали.

— Я не выдумал, — тем же ровным и опасным тоном сказал студент. — Я смотрел ваших пациентов — двести случаев...

— Ну, это вы врете. Откуда?

— Мне помог господин Палладин, — студент приветливо улыбнулся.

— Статский советник Палладин? Секретарь Всероссийского общества народного здоровья? — У доктора Гертвига побагровели отвисающие щеки. Он, как птица, замахал малиновыми рукавами. — Вы с ума сошли! Палладин служит в охранке, это же всем известно!

Студент мучительно опустил веки.

— За Хрисанфа Илларионовича я убить могу...

— О! — Вы не понимаете, молодой глупец!

Доктор Гертвиг застыл. Из проема дверей, как приведение, возникла старуха в ночной рубашке до пят. Над головой

она держала свечу, прозрачный воск капал на седые и редкие волосы, между которыми серебрилась сухая кожа.

— Кто этот молодой человек, он вор? — сказала старуха.

— Ах, муттер, зачем вы встали, ради бога, это мой пациент, — доктор Гертвиг с неожиданным проворством загородил дорогу, но старуха, твердо отстранив его, вошла в комнату, протягивая ладонь тыльной стороной кверху.

Студент с испугом заметил, что глаза у нее закрыты.

— Марта Гертвиг, сударь...

— Фон Берг, — студент неловко чмокнул деревянные костяшки на пальцах.

— Вы из гессенских фон Бергов, — благосклонно кивнула старуха. — Я знавала вашего деда, Гуго фон Берга, Лысого...

— Муттер, вы бы пошли к себе прилечь, у вас начнется мигрень, — плачущим голосом сказал доктор Гертвиг, поддерживая ее за локоть и осторожно вынимая свечу. — Мне еще нужно осмотреть молодого человека.

Старуха вздернула костяной подбородок.

— Не забывай, Теодор, я урожденная Витценгоф, мы в родстве с Бисмарками... Мой бедный муж и твой отец привез меня сюда шестьдесят лет назад. «Кляйнхен, мы будем очень богатеть», — говорил он... Мой бедный муж — его обманули и обобрали, он умер в нищете, вспоминая родной Пупенау... «Ах, зачем я покинул фатерлянд и приехал в эту ужасную грубую страну?» — таковы были его подлинные слова перед смертью. — Она повернулась. — Теодор, предложи молодому человеку бокал настоящего рейнвейна.

С несчастным видом доктор Гертвиг открыл инкрустированный шкафчик, внутри которого блеснуло стекло.

— Не беспокойтесь, гнедиге фрау, — растерянно сказал студент.

— Слава богу, в этом доме еще найдется настоящий рейнвейн, — сказала старуха. — Теодор пошел по стопам своего бедного отца. Представьте: является нищий русский учитель, и Теодор бесплатно лечит его, приходят пьяные русские мужики, и Теодор дает им денег...

— Ах, муттер...

— Кто сказал, что нужно лечить нищих? Он хочет, чтобы я пошла в церковь и стояла с протянутой рукой: «Подайте урожденной Витценгоф...» О! Это будет грустная мизансценен...

Доктор Гертвиг незаметно, но энергично кивал студенту:

— Уходите.

— У вас прекрасное вино, гнедиге фрау, — послушно кланяясь, сказал студент.

Где-то в черноте коридора кашлянули басом, и тут же, бухая сапогами, в комнату ввалились четверо жандармов во главе с ротмистром, как оса, затянутым ремнями.

— Па-апрошу не двигаться, — сказал ротмистр.

Из-за спины его, прижимая к груди облезлый малахай, выбрался Абдулка и боязливо указал черным пальцем.

— Вот этот, начальника... в фуражке... Говорил — домой пусти, старика рэзать буду, бабу рэзать буду... Деньга мне обэщай, сто рублев... Абдулка дэнег нэ взял, Абдулка чэстный...

— Ладно, ладно, оставь себе, — брезгливо сказал ротмистр. Перекатил на студента черные бусины глаз.

— Моя фамилия Берг, — скучно сказал студент. — Фон Берг. Вот мои документы.

Ротмистр смотрел на него еще какую-то секунду и вдруг расплылся в широчайшей улыбке.

— Батюшки-светы, Александр Иванович! Какими судьбами? А мы-то вас ищем...

— Не имею чести, — очень холодно возразил студент. Ротмистр даже руками развел.

— Ну какой же вы, голубчик мой, фон Берг? Стыдно слушать. Денисов Александр Иванович, член запрещенной Российской, социал-демократической партии, — эти слова ротмистр выговорил отчетливо и с особенным удовольствием. — Были сосланы в Пелым, потом бежали, я же допрашивал вас в пятнадцатом году, неужели не помните?

— О, майн гот! — сказал доктор Гертвиг. Тяжело повалился в кресло и прижал ко лбу ладонь, похожую на связку сарделек.

— Господа, минутку внимания, — прощебетала старуха, по-прежнему не открывая глаз. — Господа, я спою вам любимую песню моего бедного мужа.

Она присела в страшном реверансе и запела по-немецки:

— Мое сердце, как ласточка,
Улетает в небеса.
Там оно будет жить,
Вечно счастливое...

— Уберите старую дуру, — ласково сказал ротмистр, любуясь студентом. — Если бы вы знали, Александр Иванович, как я вам рад, вы даже представить не можете...

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

*Минувшей ночью пакистанские «командос» произвели штурм самолета «Боинг-747», захваченного в аэропорту Карачи группой неизвестных террористов. Во время штурма террористы бросили дымовые шашки и открыли огонь, в результате двадцать пассажиров убиты, около сотни получили ранения. *** Самолеты иракских ВВС подвергли бомбардировке военные и промышленные объекты в городах Бахтаран и Исламабаде-Гарб, а также нанесли серию ударов по районам концентрации войск противника на различных участках фронта. Иранская дальнобойная артиллерия обстреливала жилые кварталы в городах Хиракин и Басра, имеются жертвы среди населения. *** 14 рабочих погибли в результате катастрофы на золотых приисках ЮАР. По сведениям властей, горняки задохнулись под землей из-за скопившегося в шахте газа. *** Обостряется обстановка в предгималайском районе штата Западная Бенгалия — Дарджилинге. В минувшую пятницу сепаратисты из «фронта национального освобождения гуркхов» сожгли 13 домов и школьное здание. *** Соединенные Штаты провели очередное ядерное испытание на полигоне в Неваде. Мощность взрыва под кодовым названием «Белмонт» составила от 20 до 150 килотонн. Нынешнее испытание стало уже 22-м со времени введения Советским Союзом одностороннего моратория на все ядерные взрывы...*

3. Северо-западные территории

Вертолет пошел вниз, и молочные языки тумана проглотили его.

— Садимся наугад! — крикнул пилот.

— Хорошо!

Бьеклин повтóрил мне, не разжимая потных нечеловеческих зубов:

— Под вашу ответственность, сударь...

— Хорошо!

— Нет связи! — обернувшись, крикнул пилот. Шасси неожиданно ударилось, и вертолет подпрыгнул, чуть не перевернувшись. Тряхнуло. Разлетелось лобовое стекло. Пилот приподнялся в кресле, будто готовясь выскочить, и упал обратно, оттянутый ремнями. Левая рука его безжизненно повисла вдоль тела. За стихающим шумом винта выстрелов не было слышно, но в каких-то сантиметрах от меня металл борта вдруг загнулся блистающими лохмотьями, образовав дыру, словно его продавили железным пальцем.

— Все из машины!

Я стукнулся пятками, отбежал и растянулся на взлетной полосе. Бетон был ровный, ноздреватый и влажный от утреннего холода. Ватные полосы тумана переливались над ним. Отчетливо пахло свежими, мелко нарезанными огурцами. Я невольно задержал дыхание. «Безумный Ганс» начинает пахнуть огурцами на стадии водяной очистки. Детоксикация. Кажется, в этом случае он уже совершенно безвреден. Или нет? Метрах в пятидесяти от меня копошилось нечто, напоминающее скопище гигантских ежей: из торчащих зазубренных иголок, ядовито шипя, выходил тяжелый пар, застилая собой округу. Это была система общей дегазации, сброшенная с воздуха. И, наверное, не одна. Теперь понятно, почему нет связи. «Безумный Ганс» поглощает радиоволны.

Полковник из Центра ХЗ с седыми висками, топорща погоны канадских ВВС, чертил карандашом по карте:

— Связи еще нет, но по данным на восемь утра пожар перекинулся в левую цепь, взорвалась батарея газгольдеров, поселок не задет. Облако отнесло на север. Оно постепенно

рассеивается. Метеорологическая обстановка благоприятная, но я бы советовал немного подождать...

— Опасности никакой?

— Опасности никакой.

— Тогда я лечу.

Полковник пожал плечами.

Приблизительная информация — это кошмар современного мира. Никто ничего не знает точно. На запястье у меня болталась кассета с пристегнутым противогазом. Я немного поколебался, но не стал его надевать. Если я отравился, то уже отравился. Нейролептики впитываются моментально. Цокнула шальная пуля, ощербатив бетон. Наш вертолет нехотя задымил. По периметру аэродрома метались прожектора, и нездоровые желтые мечи их коротко рубили туман. Ныряя под ними, перебегали и падали расплывчатые фигуры. Сыро тукали карабины. Было непонятно, кто стреляет и в кого стреляет. Разворачивался какой-то кровавый и бессмысленный хаос. В сообщении Нострадамуса ничего не говорилось об этом. Я боялся, что взорвутся бензобаки. Рядом со мной ничком лежал человек. Я перевернул его — абсолютно незнакомое бледное неподвижное лицо с тонкими губами и орлиным носом. На синем хитоне, чуть ниже плеча, серебряно блеснули три полумесяца в окружении золотистых звезд. Это был не Бьеклин. Это был демиург. Судя по количеству нашивок — Демиург Девятого Круга, полностью посвященный, один из Великих Мастеров, член Верховной ложи, ардамант черной магии, повелитель духов, земное совершенство, наперсник тайных сил и прочая, и прочая. Если я правильно определил чин. Я плохо разбираюсь в современной геральдике. Тут требовался специалист. Иератическая геральдика — это целая наука. Я только не понимал, как демиург (член Всемирной организации масонов и экстрасенсов) мог попасть на совершенно секретный военный полигон, затерянный среди чахлых пространств приполярной тундры.

Осторожная рука тронула меня за плечо, и Бьеклин сказал одними губами:

— Внимание!

В цепких пальцах его чернел пистолет.

От призрачных зданий аэропорта к нам бежали люди. Много людей. Я расстегнул кобуру под мышкой. Я искренне надеялся, что мне не придется стрелять. Я был здесь чужой и находился лишь по соглашению о совместном расследовании.

Весьма неопределенный статус.

Но стрелять не пришлось, все было гораздо серьезнее.

В вестибюле больницы прямо на полу, под разбитым окном, сидел человек в пижаме и, удовлетворенно морщась, вел щепотью поперек лица. Будто чесался. Лишь когда хлынула неожиданная темная кровь, я осознал, что он режет себя бритвой.

Главный врач ногой запахнул мешающую дверь:

— Встретимся на том свете, если только Господь Бог удосужится вновь создать наши растерзанные души. Честно говоря, я не представляю, из чего он будет их воссоздавать, — материала почти не осталось. Ну да Господь Бог — умелец не из последних.

Он быстро перешагивал через расстеленные на полу матрацы.

— Значит, вы отказываетесь выполнить предписание правительства? — на ходу спросил Бьеклин, и вокруг его глаз, под тонкой кожей, собралось множество мелких костей, как у ископаемой рыбы.

— У меня всего два исправных вертолета, — ответил врач. — Полетят те, кого еще можно спасти. Ваш оператор будет отправлен с первой же колонной грузовиков — все, что я могу обещать.

— Где начальник гарнизона? — сухо спросил Бьеклин.

— Убит.

— А его заместитель?

— Убит.

— Вы сорвали операцию чрезвычайной важности, — сказал Бьеклин. — Я отстраняю вас от должности, вы предстанете перед судом по обвинению в государственной измене.

Главный врач поймал за рукав черноволосого подростка, который, как мантию, волоча за собой халат, извлекал изо рта длинные тягучие слюни, — сильно оттянул ему оба нижних века и заглянул в красноватый мох под ними.

— Белки уже зеленеют, — пробормотал он. — Не будьте идиотами, господа. У меня здесь восемьсот человек, половина из них хлебнула газа. Им грозит сумасшествие. Если они узнают, кто вы и откуда, то вас расстреляют немедленно, без суда. Я даю вам двадцать минут для беседы с оператором. Потом отправляется первая походная колонна. Можете сопровождать его, если хотите. В сущности, он безнадежен, уже началась деформация психики, он больше не существует как личность. Кстати, я советую вам принять пару таблеток тиранина — для профилактики.

— А тиранин помогает?

— Нет, — сказал врач.

Коридор был забит. Лежали в проходах. Мужчины и женщины ворочались, стонали, жевали бутерброды, спали, разговаривали, плакали, сидели, оцепенев. В воздухе стоял плотный гомон. Чумазые ребятишки лазали через изломанные теснотой фигуры. Я смотрел вниз, стараясь не наступить кому-нибудь на руку. За два часа до нашего прибытия взорвалась вторая батарея газгольдеров, и пламя погасить не удалось. Метеорологическая обстановка была совсем не такая, как об этом докладывал полковник. Ветер понес облако прямо на городок. Санитарная служба успела сбросить несколько ловушек с водяным паром, но их оказалось недостаточно. «Безумный Ганс», перекрутившись бечевой, пронзил казармы. Солдаты, как по тревоге, расхватали оружие. Сначала они обстреляли административный корпус, а потом, выкатив малокалиберную пушку, зажгли здание электростанции. Захваченный пленный бессвязно твердил о десанте ящероподобных марсиан в чешуе и с хвостами. Марсианами они, вероятно, считали всех штатских. Полчаса назад патрули автоматчиков начали методичное прочесывание улиц. Добровольцы из технического персонала завода пока сдерживают их. Хуже всего то, что солдаты отрезали подходы к зоне пожара, — огонь никто не тушит, под угрозой взрыва третья батарея газгольдеров. Тогда не спастись никому.

Я придвинул табуретку и сел у кровати, где на ослепительных простынях выделялось изможденное коричневое подергивающееся лицо.

— Когда он позвонил? — спросил я. Оператор поднял руку с одеяла и беззвучно шевельнул губами.

— Это те, кого вы хотели видеть, — объяснил врач.

— Я умираю, доктор?

— Вы проживете еще лет двадцать, к несчастью, — сказал врач. — Я говорю правду. Лучше бы вам умереть, но вы будете жить еще очень долго.

Рука упала.

— Записывайте, — сказал оператор. — «Поезд шел среди желтых полей. Был август. Колыхалась трава. Человек в габардиновом костюме, держась за поручень, стоял на подножке и глядел в мутноватые отроги хребта: Богатырка тупым острием поднималась к небу, и упирал воздух безлесый покатый лоб Солдыря. — Какая жара, — сказал ему проводник. Человек кивнул. — Хлеба опять выгорят, — сказал проводник. Человек кивнул. — Сойдете в Болезино? — спросил его проводник. — Нет, здесь. — Станция через две минуты, — сказал проводник. — Мне не нужна станция. — Это как? — А вот как! — Человек легко спрыгнул с подножки в сухую шелестящую мимо траву. — Куда? — крикнул возмущенный проводник. Но человек уже поднялся и помахал вслед рукой. Трава доходила ему до колен, а густая небесная синь за его спиной стекала на верхушки гор...»

— Записывайте, записывайте, — лихорадочно сказал оператор. — Его зовут Алекс... Алекзендр... не могу точно произнести...

— Он вам назвался? — быстро спросил я. Бьеклин подался вперед.

— Нет.

— Откуда же вы его знаете?

— Знаю, — сказал оператор. — Директор говорил, что это очень важно...

Я оглянулся на врача. Тот пожал плечами. Это было безнадежно. На лбу у оператора выступили крупные соленые капли, он дышал редко и с трудом. Тем не менее, Бьеклин напряженно крутил верньеры на портативном диктофоне, проверяя запись. У меня возникло неприятное ощущение, что он вычерпывает из разговора колоссальное количество информации.

— Где сейчас директор? — поинтересовался он.

— Директор занят.

— Я спрашиваю: где сейчас директор?

— Директор вас не примет, — нехотя сказал врач. — Директор сейчас пишет докладную записку во Всемирную организацию здравоохранения: просит, чтобы, учитывая его прежние заслуги, ему бы выдавали бесплатно каждый день четыре ящика мороженого и две тысячи восемьсот шестьдесят один сахарный леденец. Именно так — две тысячи восемьсот шестьдесят один. Он все рассчитал, этого ему хватит.

Протяжный, леденящий кровь, голодный и жестокий, зимний волчий вой стремительно разодрал здание — ворвался в крохотную палату и дико заметался среди нас, будто в поисках жертвы.

Врач посмотрел на дверь.

— Это как раз директор. Наверное, ему отказали в просьбе... Заканчивайте допрос, господа, у меня больше нет для вас времени.

Тогда Бьеклин наклонился и прижал два расставленных углом пальца к мокрому лбу оператора.

Элементарный гипнопрессинг.

— На каком языке говорил Нострадамус? — очень внятно спросил он.

— На голландском, — сказал оператор.

— Вы уверены? — изумился я. Бьеклин был поражен не меньше.

— Я голландец, — сказал оператор, теребя складки одеяла. — Записывайте, записывайте, пожалуйста... «Ангел Смерти... Си-нэл-ни-коф и Бе-ли-хат... Это пустыня: безжизненный песок, раскаленный воздух, белые отполированные ветрами кости... Войны не будет... Вскрывается королевский фланг, и перебрасываются обе ладьи. Двенадцать приговоров... Бе-ли-хат умер, Си-нэл-ни-коф покончил самоубийством... Черные выигрывают... Записывайте, записывайте!.. Войны не будет... Ангел Смерти: ладони мои полны горького праха... Схевенингенский вариант... Надо сделать еще один шаг... Один шаг... Один...»

Я поднялся и отошел к окну. Я не боялся что-либо пропустить, мой диктофон работал — ярко зеленела индикаторная нитка на пластинке корпуса. Я слушал назойливый, штопором впивающийся голос оператора и глядел, как внизу, из железных ворот больницы, выворачивает грузовик, словно живая клумба, накрытый беженцами. На подножках его, на кабине и просто на бортах кузова, свесив ноги, сидели люди в штатском с винтовками наперевес. Началась эвакуация. Этой колонне предстояло пройти шестьсот километров по раскисшей осенней тундре. Шестьсот километров — более суток непрерывной езды. Если их раньше не заметят с воздуха. Я посмотрел на часы. Я не мог терять целые сутки. Завтра меня ждали в «Храме Сатаны». Шварцвальд, у Остербрюгге. Им пришлось согласиться с тем, что я имею право присутствовать в качестве наблюдателя. Точно так же, как им пришлось согласиться, что я имею право произвести допрос оператора совместно с Бьеклином. Катастрофа в Климон-Бей — это третья международная акция Нострадамуса. Ноппенштадт, Филадельфия и теперь Климон-Бей. Интересно, как ему удалось позвонить сюда, через океан, из сломанного телефона-автомата на углу Зеленной и Маканина. Ему надо было пройти городскую станцию, затем союзную, потом международный контроль на МАТЭК, затем всю трансокеанскую линию и далее через Американский континент выйти на местного абонента. Машинный зал вообще не соединяется с городом, только через коммутатор. Правда, можно подключиться непосредственно со спутника, но тогда следует признать, что Нострадамус способен контролировать системы космической связи. У нас еще будут неприятности с этой гипотезой. Я подумал, что не зря ко мне приставили Бьеклина и не зря полковник из Центра ХЗ разрешил лететь при неясной обстановке. Видимо, они рассматривают ситуацию как предельно критическую. И не зря была организована утечка информации в прессу, и не зря последнее время усиленно дебатируется вопрос о пришельцах со звезд, скрываемых от мировой общественности.

— Насколько я понял, было предупреждение об аварии, — сдавленно сказал врач.

— Тише, — ответил Бьеклин.

Мы шли по копошащемуся коридору.

— И это непохоже на бред, — сказал врач.

— Тише, — ответил Бьеклин.

— А магнитофонная запись дежурства уничтожена при пожаре...

— Обратитесь в госдепартамент. Я не уполномочен обсуждать с вами сугубо секретные сведения, — высокомерно сказал Бьеклин.

— Так это правда? — врач неожиданно повернулся и взял его за выпирающий кадык. — Вы ведь американец? Да? И база находится под эгидой правительства Соединенных Штатов? Да? Значит, испытание оружия в полевых условиях? Да? А мы для вас — подопытные кролики?!.

Он кричал и плакал одновременно.

— Пустите меня, — двигая плоскими костями лица, косясь на обожженные, перебинтованные, розоволишайные, стриженые, бугорчатые головы, вдруг повернувшиеся к ним, прошипел Бьеклин. — Вы же знаете, что я не решаю такие вопросы...

— Ну и сволочи! — сказал врач. Вошел в кабинет и вытер блестящие злые глаза. — По-настоящему, вас следовало бы отдать сейчас этим людям, которых вы погубили, — сказал он. — Бог мне простит... Отправляйтесь с первой же колонной, чтобы больше вас здесь не было... Не вы решаете, вы не решаете, потому что решаете не вы, ибо решение всех решений есть решение самого себя...

Он отодрал руки от лица и испуганно посмотрел на них, а потом медленно, перед зеркалом, оттянул себе нижние веки. Я вдруг заметил, что белки глаз у него мутно-зеленые.

— А вы знаете, господа, откуда произошло название — «Безумный Ганс»? Изобретатель этого милого продукта Ганс-Иогель Моргентау сошел с ума, случайно вдохнув его. Вот откуда название...

— Успокойтесь, доктор, — холодно сказал Бьеклин, — возьмите себя в руки, примите таблетку тиранина...

— Я почему-то думал, что у меня еще есть время, — вяло сказал врач. — Идите вы к черту со своим тиранином. Бог мне простит...

Он отдернул штору на окне, раскрыл широкие рамы, втянул ноздрями мокрый белый туман, пахнущий свежими огурцами, забрался на подоконник и, прежде чем я успел вымолвить хоть слово, тряпичной куклой перевалился вниз.

— Ну и ну, — сказал Бьеклин, осторожно нагибаясь. — А вон, слышите? — Вертолет. Наверное, за нами.

Я не стал смотреть. Все-таки это был четырнадцатый этаж.

4. Здесь погиб Сапсан

Все было кончено.

Поезд шел среди полей, придавленных золотым августовским зноем. Было душно. Фиолетовые тучи выползали из-за Богатырки и сырой мешковиной затягивали безлесый покатый лоб Солдыря. Сумеречная тень бежала от них по бледной пшенице, догоняя вагоны. Денисов стоял на подножке и, ухватившись за поручень, глядел в синеватые отроги хребта. — Третий месяц без дождей, — сказал ему проводник. Денисов кивнул. — Хлеба опять выгорят, — сказал проводник. Денисов кивнул. — Сойдете в Болезино? — спросил его проводник. — Нет, здесь. — Станция через две минуты, — сказал проводник. — Мне не нужна станция. — Это как? — А вот как! — Денисов легко спрыгнул с подножки в сухую шелестящую мимо траву. — Куда? — крикнул возмущенный проводник. Но Денисов уже поднялся и помахал вслед небрежной рукой.

Все было кончено.

Фамилия Сапсана была Ясенецкий. Он родился в Москве в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, учился в Медицинском институте на отделении хирургии, вступил в РСДРП, вел кружок, был членом боевой дружины, участвовал в боях на Пресне, после поражения перебрался в Петербург, в девятьсот тринадцатом году был арестован охранкой, при аресте отстреливался, был тяжело ранен, вопреки слухам выжил, приговором военного суда сослан на десять лет в Зерентуй, оттуда бежал в Манчжурию, изучал тибетскую медицину, через два года объявился в Швейцарии, практиковал как врач, участвовал в издании антивоенных

листовок, в ноябре семнадцатого года через Стокгольм вернулся в Россию, работал в Наркомпроде у Шлихтера, по мобилизации ушел на Восточный фронт, был комиссаром полка, погиб в девятнадцатом году, в июне, в городе Глазове.

Из Глазова он прислал записку в самодельном пакете — несколько строк, на куске обоев, торопливым почерком: «Дела наши идут неважно, но настроение бодрое... Колчак выдохся — я так вижу... Скоро он покатится с Урала... Обязательно найди Гертвига, помоги ему, надо довести до конца. . . После окончательной победы приеду в Питер... Передай привет Верочке... Она меня помнит?.. Сапсан...»

Все было кончено.

Фиолетовая тень догнала его и побежала вперед, гася собою желто-зеленое разноцветье. Потрескивая, ломались кострецы под ногами. Хрустел дерн — как стекло. Отчаянно звенел полоумный кузнечик, единственный на все поле, — Великая Сушь выжгла оба берега, и со дна Чепцы перед Солдырем проступили длинные песчаные острова. Денисов шагал к обглоданным ракитным кустам, за которыми тянулись бараки.

Все было кончено.

Позавчера Губанов сказал:

— Мы не можем допустить, чтобы в нашем университете проповедовались идеалистические взгляды.

— Мир устроен так — как он устроен. И никак иначе, — ответил Денисов. Губанов кивнул.

— Поступило заявление от группы студентов: вы излагаете теорию Сыромятина не так, как это делается в утвержденном курсе лекций.

— Сыромятин ошибается.

— У вас есть факты?

— Чтобы опровергнуть Сыромятина, не требуется фактов, достаточно элементарной логики.

— Ученый опирается прежде всего на факты, — равнодушно перекладывая папки, сказал Губанов. — Ваш «прокол сути» — мистицизм чистейшей воды. Подумайте, Александр Иванович. Мы твердо стоим на материалистических позициях и — никому не позволим.

Все было кончено.

Письмо Сапсана он получил чуть не полгода спустя: после госпиталя, дрожа от озноба и слабости, сидел на ящике у окна, забитого фанерой, и держал в несгибающихся пальцах мятый клочок бумаги. Особенно поразила его фраза: «Я так вижу». Значит, у Сапсана получалось. Выходит, занимался не только тибетской медициной. Вьюга свистала на улицах Петрограда по горбатым мертвым фонарям. Сапсана к тому времени уже не было — контрудар Сибирской армии белых, второго июня захвачен Глазов, комиссар полка погибает на окраине города. Потом, уже значительно позже, когда Денисов собирал сведения по крупицам, выяснилось — да, занимался не только тибетской медициной. Ординарец полка рассказывал: — Был случай, когда увидел нового бойца и прямо заявил, что тот подослан белыми. Так и оказалось. Два или три раза очень точно предчувствовал, где ударит противник, хотели даже забрать в штаб армии. Были еще штрихи. Значит, не просто диагноз и лечение. Денисов об этом догадывался. Тогда же, в девятнадцатом, кинулся искать Гертвига. Дом стоял заколоченный, трещал мерзлый паркет, с могильным шорохом текла белая крупа за стеклами. Крысы проели допотопное кресло. Здесь танцевала безумная старуха. Какой он тогда был дурак — полез, словно вор, ночью, надеялся найти. А господина Палладина Хрисанфа Илларионовича расстреляли за контрреволюцию. Тетради, конечно, исчезли, пахло нежилым. Так и сгинул доктор Гертвиг; где, когда — спросить не у кого...

Все было кончено.

Темный, фиолетовый, напряженно пульсирующий свет лился через занавески, где на подоконнике рдела огненная герань. Белели синеватые подушки, и отчетливо тикали кошачьи зрачки в ходиках, опуская гири.

Гроза все-таки настигла его.

Все было кончено.

Вера, изумляясь, теребила пуговицу у горла:

— Какие документы?.. Какие дневники?.. Ты не представляешь, что здесь творилось — паника, разгром... Меня спрятали местные жители... Ничего не знаю... Неужели ты

приехал только ради этого?.. — Она отступила в глубь комнаты. — Прошло одиннадцать лет...

— Ладно, — сказал Денисов. — Я тебя увезу, мы больше не расстанемся. Мне обещали место у Глебовицкого в Ленинграде. Сам Глебовицкий обещал. Я все-таки неплохо разбираюсь в эволюционной систематике.

Тогда она остановилась.

— Бедный путешественник... Так и будешь метаться из института в институт, нигде не задерживаясь подолгу?

— Отряхни прах городов, — процитировал он, — отряхни прах незнакомой речи, прах дружбы и вражды, прах горя, любви и смерти. О, свободный человек, избравший свободу! У тебя есть только ветер в пустыне!

— Галеви?

— Ибн Сауд. «Скрижали демонов». — Вера вздохнула.

— Хорошо, — нетерпеливо сказал он. — Я тоже останусь. Наверное, тут нужны учителя, я могу вести математику, физику или биологию в старших классах.

Она засмеялась.

— У нас нет биологии, и у нас тем более нет старших классов...

— Хорошо, я буду вести чистописание. — Денисов взял ее за кружевной твердый учительский воротничок, облегающий слабую шею, и притянул к себе. Все было кончено. Лиловая опушь мерцала на предметах — электричеством грозы. В «Скрижалях демонов» сказано: «Каждый имеет свой час, но час этот никому не ведом, ибо длится он только мгновение и проходит, едва начавшись...»

— Мне нужно видеть это место, — уже совсем другим голосом произнес он.

— Боже мой...

Вера тут же встала.

Они вышли на улицу. Фиолетовый сумрак сгустился между заборами, из-под которых торчала жилистая крапива. Пустые проволочные ветви яблонь, как живые, скребли по доскам; дальше за ними вздымались бревенчатые пугала домов. Стояла чудовищная тишина.

— У вас здесь все вымерли, что ли? — напряженно спросил Денисов.

Вера ощутимо вздрогнула:

— Не понимаю...

На перекрестке из тени засохшей ивы навстречу им выбежал запыхавшийся человек с кобурой на кожаной куртке, в широких галифе и в совершенно стоптанных рваных сапогах — преграждая путь, махнул рукой:

— Документы!..

Денисов, удивляясь, достал паспорт, но человек упорно смотрел куда-то за спину.

— Документы, граждане!..

Беззвучная синерукая молния располосовала небо, на долгую секунду выхватив — седые разнобокие крыши, черную корчу сплетенных ив, собаку, чешущую в пыли больное розовое брюхо.

— А где он? — растерянно спросил Денисов. Человек исчез.

— Не знаю, — сказала Вера и передернула плечами. — Мне это не нравится.

Рухнул запоздалый гром, и, словно по сигналу его, неизвестно откуда, двинулся неторопливый густой мощный ветер, выше заборов накручивая пылевые столбы. Денисов щурился. В деревянных переулках перебегали какие-то тени. Колотил сторож далекой палкой. Пыль скрипела на зубах. Все было кончено. Лука Давид писал: «Суть вещей постигает лишь тот, чья душа стремится к чистому знанию». В двадцать восьмом, изучая тупики гносеологии, роясь в архивах Государственной библиотеки, стирая плесень с фолиантов из бычьей кожи, он прочел эти слова. Три года назад. Был июль, поздний субботний вечер, окно библиотеки было открыто, шелестела темная листва в Екатерининском саду, и праздничные толпы народа стекались к подсвеченным прожекторами колоннам Большого театра. Он сидел, будто оглушенный. В абсолютной чистоте знания было нечто незыблемое. Нечто от первооснов мира. От галактических сфер. Ведь законы природы не зависят от наблюдателя. Это был путь —

«прокол сути», как говорил Сапсан. Но путь этот никуда не вел. Или уже не хватало сил и терпения.

Все было кончено.

От горизонта до горизонта полыхнуло бледным огнем и рухнуло прямо над головой, сотрясая небосвод. Улица странно накренилась. Желтые мгновенные червяки, извиваясь, брызнули с одежды, а у Веры в поднявшихся волосах послышался резкий сухой треск.

Она пошатнулась.

— Давай вернемся!

— Ни за что! — весело сказал Денисов.

— Ты с ума сошел...

— Мне это и требуется...

— Нас убьет молнией...

Тогда он прижал ее к себе и, несмотря на сопротивление, поцеловал в твердые губы.

— Я люблю тебя!

И Вера подняла тонкую руку.

— Здесь...

Он заметил наверху мост с обрушившимися перилами, под коротким пролетом которого медленно и лениво, обнажая скользкую тину на камнях, струилась черно-зеленая Поганка. Это была именно Поганка, он узнал. Полчища сонных широких лопухов стекались к ней. На другой стороне, как ведьмины метелки, торчали голые ветви, и в мертвенной неподвижности их было что-то пугающее. Он уже видел все это. Хотя — нет! Конечно! Это была ложная память, мираж, фактор, сопутствующий «проколу сути». Огромный валун серым затылком высовывался из воды. Хватит выдумывать, сказал он себе. Нет никакого «прокола сути». Нет никакого «внутреннего зрения». Ничего нет. Обман. Одиннадцать лет потеряны впустую. Надо стряхнуть с себя остатки дремучих грез и начинать жить снова. Пора. Мне тридцать три года.

Все было кончено.

Вера сильно тянула его:

— Пойдем...

— Ты прости, я приехал — иди, иди, дождь, страшно, я потом — завтра или не приеду... — быстро, неразборчиво

пробормотал он. Оторвал ее пальцы и по глиняной насыпи вскарабкался на мост. Останки перил шелушились краской. Дерево было горячее. Грохотало уже непрерывно. Вся мощь небесных сил низвергалась на землю. Лопухи при вспышках казались черными. Вера стояла внизу и махала руками. Это было здесь — второго июня. Много лет назад. Денисов не знал, чего он ждет сегодня. Наверное, чуда. Чуда не происходило. Видимо, следовало приехать сюда именно второго июня. Или совмещение календарных времен не так уж важно? Молния разорвалась, кажется, прямо в лицо. Он на секунду ослеп. А когда схлынули красные и сиреневые пятна, плавающие в глазах, то в полумраке, оцепенело окутавшем мир, он увидел, что по мосту, пригибаясь, бежит человек с винтовкой и кричит что-то, разевая безумный жилистый рот. На человеке была старая залатанная гимнастерка и башмаки, перевязанные обмотками. Он вдруг споткнулся, упал и больше не двигался. Два темных пятна расплылись на его спине. Видно было удивительно ясно, как под рентгеном. И еще несколько человек побежали по мосту, оборачиваясь и вскидывая винтовки. Денисов вдруг услышал выстрелы — хлесткие, пустые. Это вовсе не сторож колотил в колотушку. А от здания гимназии, от железных ворот с вензелем, четко, будто внутри головы, затыртыкал пулемет. Денисов даже нагнулся, пугаясь. Кто-то из бежавших толкнул его, кто-то вскрикнул. Упала к ногам простреленная фуражка. Сапсан как и все, в гимнастерке и обмотках, появился на середине моста, размахивая маузером. — Ложи-ись!.. Ложи-ись!.. — Часть бойцов залегла, и дула ощетинились из лопухов, но большинство побежало дальше с матовыми, размазанными от беспамятства лицами. Их было не остановить. Денисов почему-то оказался внизу, он не помнил, где его столкнули, и в бледном пузыре света видел, как, изогнувшись, занеся маузер, оседает Сапсан — метрах в пяти от него, на мосту. Все происходило очень замедленно, точно со стороны. Ухнула пушка вдоль Сибирского тракта, и на другом берегу Поганки вспучился земляной разрыв. Тогда даже те, кто залег в лопухах, побежали дальше. И Сапсан остался лежать. Денисов опять вскарабкался наверх. Черная пыль выедала глаза. Лицо Сапсана

было в крови — осунувшееся, жесткое, быстро отвердевающее лицо с разводами потной грязи. Зрачки его закатывались голубоватыми белками. Шевельнулись разбитые губы. — По-бе-да... — прошептал Сапсан. Денисов, как мог бережно, поддерживал его тяжелую голову. Из пустоты появилась Вера и, взяв за плечо, умоляюще сказала:

— Пойдем отсюда...

Танцевали вертикальные молнии, и гром перекатывал чугунные болванки за облаками. На мосту уже никого не было.

— У меня галлюцинации, — слабо ответил он, дикими расширенными глазами поводя окрест.

— Пойдем, я тебя уложу, ты совсем больной...

Все было кончено.

Вера подхватила его и повела. Денисов шел, покорно переставляя ослабевшие ноги. Грохот уносило куда-то в сторону, молочные вспышки бледнели, гроза отступала, на раскаленную потрескавшуюся землю не упало ни одной капли дождя.

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

Новое кровавое преступление совершено протестантскими экстремистами в Северной Ирландии. Неизвестные лица ворвались вчера в небольшой домик в местечке Баллинаич (графство Даун) и в упор расстреляли 31-летнего Терри Маллэна и его 76-летнюю мать Катрин. Представитель королевской ольстерской полиции, ведущий расследование, заявил, что преступников обнаружить не удалось. *** *Сильный пожар вспыхнул на складе швейцарского химического концерна «Сандос» в Базеле. Он вызвал значительные разрушения и сопровождался серией взрывов и выбросом в атмосферу мощных облаков ядовитых веществ.* *** *Слезоточивый газ и резиновые пули были пущены в ход израильскими оккупантами, чтобы разогнать демонстрацию палестинских студентов на оккупированных арабских территориях. Волнения начались в связи с 40-й годовщиной резни в деревне Кфар-Касем, сорок девять жителей которой были убиты израильскими солдатами в первый день тройственной агрессии.* *** *Имена двенадцати прогрессивных чилийских журналистов фигурируют в списке «приговоренных к*

*смерти», который распространен в Сантьяго в виде коммюнике ультраправой террористической группировкой «7 сентября». *** Вооруженное нападение на детский приют в провинции Маника (Мозамбик) совершила банда из так называемого «мозамбикского национального сопротивления». В административном пункте Кифумпе террористы похитили 18 детей дошкольного возраста...*

5. Месса в «Храме сатаны»

— Сейчас пустят свиней, — сказал Бьеклин.

— Откуда вы знаете?

— В программе указано Харконово стадо.

— Причащение?

— Да. Будет большая суматоха, смотрите, чтобы вас не покалечили.

— Постараюсь, — ответил я.

Шестипалая когтистая лапа горела над лесом, и неоновые капли крови стекали по ней. — А-а-а!.. У-у-у!.. — голосила толпа. Бледно-зеленые тени метались вокруг дубов, и лица у всех были, как у вставших из гроба.

— Упыри, — сказал Бьеклин.

Валахов мрачно подмигнул мне. Суматоха была бы очень кстати. Мне надо было во что бы то ни стало избавиться от наблюдения. Бьеклин уже третий час ходил за мной, как привязанный, фиксируя каждый шаг. Я был уверен, что он записывает меня на видео. Я не возражал, это была его работа; Валахов занимался тем же, и в договоре о совместных операциях был обусловлен самый жесткий взаимный контроль. Так что я не мог жаловаться. Я лишь хотел бы знать, где проходят границы полномочий Бесклина. Каковы секретные инструкции? Например, может ли он меня убить? А если может, то при каких обстоятельствах? Я не сомневался, что такие инструкции существуют. Это было не праздное любопытство: месса продолжалась третьи сутки, позавчера ночью погиб Ивин. Он действовал в одиночку и, согласно заданию, не был обязан поддерживать регулярную связь с группой, тревога поднялась только утром, когда он не отметился в представительстве. Его

нашли на берегу Озера Ведьм (Остербрюгге), безнадежно мертвого, с двумя пулями, выпущенными в спину. Мне следовало соблюдать максимальную осторожность. Я висел на ниточке. Тем не менее, от Бьеклина требовалось избавиться — карман мне жгла записка, прочтенная полчаса назад при свете факелов погребальной процессии (несли Харкона, покровителя свиней), всего четыре слова на крохотном клочке бумаги: «Остербрюгге, полночь. Ищу брата». Я не заметил, кто сунул ее. Во время похорон, когда завывали гнусавые рога архаров, когда пищали мокрые бычьи пузыри, когда отверзлась электрическая преисподняя и запахло серой, сжигаемой на железных противнях, а внуки Сатаны — голые волосатые атлеты — с криками: «Ад!.. Ад идет по земле!..» — целыми пригоршнями начали разбрызгивать вокруг себя консервированную обезьянью кровь (фирмы «Медикэл пьюэ донорз»), я вдруг ощутил быстрое слабое прикосновение к ладони, и пальцы мои непроизвольно сжались. Но когда я обернулся, то на меня вновь уставились радостно-бессмысленные хари: демон-искуситель, и демон-вампир с трубчатым ртом, и демон-младенец, и Дракула, и Гонзага, и Кинг-Конг, и пара горбатых домовых, обросших паутиной, и семейка вурдалаков — родители с детишками, и веселая компания оживших мертвецов, которые, двигая челюстями, жаждали сладкой человечины. Я не мог определить, кто из них секунду назад был возле меня. Синие хитоны демиургов перемешивали этот оживший гиньоль. Демиургов было слишком много. Я надеялся, что Бьеклин так же не заметил — кто? Во всяком случае, на лице его не дрогнул ни один мускул и он брюзгливо сказал:

— Начинается...

В то же мгновение истошный поросячий визг прорезал холмы Шварцвальда. Толпа завыла. Сквозь просветы тел я увидел, как на поляну хлынуло что-то черное, уродливое, колотящееся. Свиньи были опоены водкой, а шкуры их безжалостно подпалены. Истерзанные болью и страхом, они, как безумные, сшибались неповоротливыми жирными тушами. Впрочем, люди были не лучше. Десятки торопливых рук потянулись вниз. — Я буду сатаной!.. — отчаянно завопил

кто-то. Свиней хватали и раздирали на части — живых, трепещущих. Когтистая лапа на небе сжималась и разжималась, оглушительно выстреливая пучками фосфорических искр. Картина была нереальная. Я увидел женщину, счастливо размахивающую оторванным колечком хвоста, и толстого добродушного человека, по внешности — бухгалтера, который, зверски исказив лицо, пожирал рваный ломоть сырого темного мяса. Считалось, что в черных свиней после осквернения мессы вселяются черти, а причастившийся мясом черта приобретает сверхъестественные качества. Меня подташнивало. Человек в наше время все чаще хочет быть не человеком, а кем-то иным. Словно можно уйти от самого себя. Морок и тщета инстинктов. Я этого не понимал. Жуткое людское варево неумолимо вращалось, выталкивая меня на периферию. Лупили в грудь и в спину. Патлатая ведьма вдруг ринулась ко мне с явным намерением укусить за нос, а малосимпатичный вурдалак припал к моей шее, чмокая и пытаясь найти сонную артерию. Я ожесточенно работал локтями. Я намеренно не искал Бьеклина, но боковым зрением видел, как его постепенно отмывает в сторону, — несмотря на все усилия, а Валахов, будто бы пытаясь помочь, на самом деле оттесняет его еще дальше. Рослые оборотни заслонили их. Все было в порядке. Меня выбросило в кусты. Я быстро перебежал метров пятьдесят и замер.

Лес в гладком зеленом свете стоял — чистый, выцветший и неподвижный, как на старинном гобелене. Широко раскинулись дубовые ветви. Я хорошо представлял себе холмистую равнину Шварцвальда. Точно на карте. До Остербрюгге отсюда было километра два — вдоль ручья, мимо Старой Мельницы. По программе там происходили Пляски Дев. За ближайшим дубом я достал из сумки невесомый пластиковый комбинезон и переоделся. Конечно, я сегодня проверял свой костюм, и Валахов проверял его тоже, но за последние три часа, которые мы провели рядом, Бьеклин вполне мог всадить мне микрофон размером с маковое зерно или какой-нибудь портативный передатчик, по сигналам которого меня запросто определили бы на расстоянии. Я не хотел рисковать. Ивина убили именно в Остербрюгге. Наверное, тоже

вызывали запиской. Это вторичное приглашение туда здорово походило на ловушку. Западня для дураков. Но ведь не бывает таких глупых ловушек? В любом случае, следовало идти. Я не имел права упускать даже слабый шанс. Я сориентировался по «Храму Сатаны», где на рогатой башне дрожали синие шлейфы костров, и зашагал вперед. Я хотел прийти немного пораньше, чтобы осмотреться на местности. Всегда полезно осмотреться и наметить возможные пути отхода. Неизвестно, что меня ждет. В игру включены очень крупные силы. Я вспомнил аршинные заголовки сегодняшних газет. Нострадамус требовал срочно задержать экспресс «Вапуту — Габа», так как железнодорожный мост через каньоны Бье заминирован сепаратистами. Нострадамус предупреждал, что «Боинг-707», следующий рейсом на Токио, который через три часа должен был взлететь с аэродрома «Саммерлайф», имеет серьезную неисправность в моторе. Нострадамус давал знать, что крупная банда диверсантов пересекла границу Никарагуа и направляется к Эстели. На этот раз он обратился в представительства крупнейших информационных агентств, видимо, учитывая историю с «Безумным Гансом», когда не было принято никаких мер. Мне это не нравилось: целых три передачи прошли менее чем за сутки. Ранее Нострадамус не проявлял подобной активности. Вероятно, что-то случилось. Что-то из ряда вон выходящее. Во всяком случае, теперь сведения о Нострадамусе открыто попали в прессу, и газеты просто захлебывались от восторга. Я представлял, под каким колоссальным давлением окажемся мы все в ближайшие же дни: «Иджемин бэг» недвусмысленно обвиняла СССР в создании нового информационного оружия. В короткой справке, которую я получил вчера по своим каналам, указывалось, что все три звонка были сделаны на терминалах Европейской телефонной сети, причем задействованы были прежде всего западные линии Советского Союза. Сейчас координаты абонента устанавливаются. Судя по всему, Нострадамус включился непосредственно в главный Европейский коммутатор. Как это ему удалось осуществить, пока неясно.

Черный ручей пересек мне дорогу. Я свернул и пошел по его топким хлюпающим берегам. Вода блестела, как ведьмино

зеркало, — ничего не отражая. Беззвучная летучая мышь шарахнулась у меня над головой и пропала за деревьями. Главный Европейский коммутатор транспонирует сигналы телефонных сетей в Западной и Восточной Европе, а также в значительной части Азии. Чтобы включиться в него, необходимо иметь десять восьмизначных совершенно секретных телефонных кодов — в восходящей иерархии. Я сомневался, что во всем мире найдется хотя бы пять человек, которым они доступны в полном объеме. Впрочем, это еще предстояло проверить. Хотя проверка была бы чисто формальной. Я был убежден, что эти пять человек абсолютно ни при чем. Я просто кожей чувствовал, что традиционные версии здесь бессильны. Требовался рывок сознания. Мы столкнулись с неким явлением, выходящим за рамки обыденных фактов. А именно: мы столкнулись с врожденной или приобретенной способностью вычерпывать громадное количество информации, когда угодно и откуда угодно без всяких запретов и ограничений. Насколько я понимаю, речь шла о профессиональном ясновидении. (Если, конечно, исключить возможности использования мощнейших компьютерных систем, доступ к которым в последние недели строжайше контролировался.) Почему, собственно, нет? У нас были определенные данные по ясновидению. Например, доктор Гертвиг (парадиагностика). Например, «Храм Сатаны» с его приступами группового безумия. Например, «Звездная группа», в которой работает Сиверс. Профессиональное ясновидение — это штука серьезная. Пожалуй, самая серьезная из всего, с чем до сих пор сталкивалось человечество. Нострадамус пробивает любые расстояния, для него практически нет тайн и секретов, нам неизвестны его цели — весь мир может оказаться под рентгеном холодных и внимательных глаз.

Это действительно оружие.

Катаклизм предстоит глобальный.

Легкий стон раздался за ореховыми кустами. Я сразу же присел и включил фонарик. Видимо, напрасно. На свет очень удобно стрелять, если меня ждали. Но меня не ждали — беловатый конус выхватил из темноты — косматый затылок, рубище, босые исцарапанные ступни в ручье.

— Воды...

Я набрал пригоршню и плеснул ему в лицо. Человек затрепетал веками, под которыми искрилась неподвижная влага.

— Изыди, сатана, — пробормотал он, — душа твоя — смрад, плоть твоя — гноище, помыслы твои — черви в горячей земле... Приидет Сын Божий, и распадется царствие твое, како роса при лучах солнца...

Он весь дрожал. Это была религиозная горячка. «Синдром Спасителя».

— Имя твое из шести имен: Азраил-Астарет-Вельзевул-Люцифер-Саваоф-Ганиал — твое имя...

Я оставил его. Ему ничего не грозило. Разве что простудится на земле. Но это уже не моя забота. До полуночи было еще пятнадцать минут. Лес расступился, отбросив назад гнетущие бородавчатые стволы, и открыл равнину, где над расширившимся серебром ручья махала скрипучими крыльями черная ветряная мельница, а у костров возле нее под костяной пересып барабанов плясали обнаженные женские фигуры. Девы уже начали свой очищающий ритуал. Было их человек пятьдесят. На ровной площадке перед плотиной в красноватом жаре углей они выделялись очень рельефно. Я знал, что смотреть на Пляски категорически запрещено. Нарушение запрета карается смертью. Девы крадут мужчин и прячут их под землей в карстовых пещерах. Оттуда уже не вырваться. Я пошел вдоль опушки и довольно быстро обнаружил первый сторожевой пост — обнаженная девушка лет восемнадцати дремала на корточках, прислонившись к стволу, и на коленях ее лежал скорострельный автоматический карабин. Я тихонько растворился во мраке. Будем надеяться, что этот пост единственный со стороны леса. Я миновал его, пересек небольшую бобровую запруду, усеянную хатками, и в этот момент меня негромко окликнули.

— Кто там?

— Ищу брата, — сказал я.

— Я ваш брат.

Он стоял в черноте орешника, и сине-зеленые пятна теней скрадывали его очертания. Даже рост было не определить.

— Не зажигайте света, — сказал он. — Незачем. Вы готовы записывать?

— Да, — сказал я.

— Приступим, — невидимый мне собеседник сразу же начал диктовать, быстро и внятно выговаривая каждую букву: — Создана группа, условное название «Ахурамазда», приблизительный состав — около шестидесяти человек. Основное ядро — демиурги из Ложи Мастеров. Руководитель группы — Трисмегист, псевдоним, настоящее имя неизвестно, демиург. Научный руководитель группы — Шинна, псевдоним, настоящее имя неизвестно, демиург. Технический руководитель группы — Петрус, псевдоним, настоящее имя неизвестно, демиург. Отбор кандидатов в группу — совместная операция разведки и демиургов. Финансирование группы — через секретные фонды разведки. Постоянная база группы — Оддингтон, Скайла. Задача группы — семантическая акупунктура. Расшифровка термина неизвестна. В работе используются сильные возбуждающие и наркотические вещества. Через военное ведомство заказано некоторое количество отравляющего газа ХСГ-18...

— «Безумный Ганс»? — спросил я.

— Не перебивайте, — властно сказал собеседник. — У вас диктофон не в порядке? За последние трое суток семь человек из группы погибли при неизвестных обстоятельствах. По официальной версии — нуждаются в отдыхе и отправлены в горы. На самом деле после вскрытия тайно, под чужими именами, похоронены на кладбище в Скайла. Еще четверо увезены в специальную клинику. Диагноз — шизофрения. Конкретное содержание работы строго засекречено. По некоторым данным, Трисмегист усиленно занимается вопросом о действиях русских партизан под Минском в интервале: август — октябрь тысяча девятьсот сорок второго года, заказаны все мемуары по этому поводу, заказаны карты местности, заказаны документы из немецких архивов. Обращаю особое внимание на то, что два дня назад создана так называемая «Шахматная секция». Помимо демиургов, туда включены три настоящих шахматиста в категории мастера спорта. Фамилии установить не удалось. Один из шахматистов —

участник международного турнира в Аделаиде (Австралия) в мае прошлого года...

Что-то треснуло над «Храмом Сатаны», и оттуда к черному небу, раздвигая сырую темень, взлетели огненные красные шары, заливая лес фотографическим светом.

Началась месса.

— Отступите в тень, — приказал мне собеседник. — Вы слишком на виду.

Он был в синем хитоне с нашивками низших степеней, а лицо — хищное, крючковатое, птичье.

— Так вы демиург? — спросил я.

— Не перебивайте. Трисмегист усиленно собирает мозаику. Цитирую: «Нострадамуса можно установить путем прямого экстрасенсорного контакта по биографическим признакам». Принцип «слепого адресата». Расшифровка принципа неизвестна. — Демиург перевел дыхание. — Еще раз подчеркиваю: сорок второй год, леса под Минском. Все. Теперь вопросы.

— Один вопрос, — сказал я. — Почему вы решили передать эти сведения?

— Вы не поймете.

— А все же?

Демиург сморщил резко заостренный нос.

— Меньше боли, меньше невыносимого суицида, меньше смертельной правды — некоторое оздоровляющее начало, это как лекарство. Истина убивает... — Он раздраженно отмахнулся рукой. — Хватит. Следующая встреча — на Святую Вальпургию. Раньше мне не вырваться. Я ухожу первый, не пытайтесь выяснить мое имя — вы все погубите...

Опять вспыхнуло, и шары затрещали. Когтистая лапа сатаны давила их в небе. Я увидел, что демиург повернулся, но почему-то не уходит, — он стоял, странно покачиваясь, будто пьяный, а потом упал лицом вперед, и хитон его задрался, обнажив мускулистые ноги в плетеных римских сандалиях, какие обязан носить каждый посвященный. Я нагнулся над ним и попытался поднять. Зрачки его закатились. Он был мертв.

От леса, от сплетенных пурпурных теней, отделился Бьеклин с пистолетом в руке и тоже посмотрел, собирая в мелкие складки кожу вокруг глазниц.

— А ведь я даже не успел выстрелить, — растерянно сказал он.

6. В лесах под Минском

Гауптштурмфюрер похлопывал стеком по черному сияющему голенищу.

— Хильпе! Вы уверены, что за ночь ни одна собака не выскочила из этой паршивой деревни?

— Так точно, господин гауптштурмфюрер! Я лично проверял караулы.

Староста, мнущий картуз поодаль, подтверждая, затряс клочковатой, сильно загорелой яйцеобразной головой.

— Нихт, нихт... Все по хатам...

— Что он бормочет?

— Он говорит, что все жители деревни на месте, господин гауптштурмфюрер!

— Смотрите, Хильпе, вы головой отвечаете за секретность операции.

— Так точно, господин гауптштурмфюрер!

Маленький полный Хильпе тянулся на носках, но едва доставал до подбородка офицеру СС.

— Вы двинетесь через час после нас. Направление — деревня Горелое. Там ссадите людей, скрытно выйдете к Мокрому Логу и займете позиции на краю леса, перекрыв выход из болот. У вас будет три пулемета. Кажется, вам что-то неясно, Хильпе?

— Болото непроходимо, господин гауптштурмфюрер, — низенький Хильпе даже взмок от того, что приходилось возражать начальству. Но гауптштурмфюрер благосклонно кивнул.

— Правильно, Хильпе. Непроходимо. Именно поэтому Федор поведет свой отряд туда.

— Есть там тропки, герр комендант, — подобострастно сказал староста, напряженно прислушивающийся к гортанным

звукам чужой речи. — На карте оно, правда, что не того, а тропки есть — местные ходят... Проведем вас, можете не сомневаться...

— Ваша задача, Хильпе, сдерживать партизан до тех пор, пока не подойду я с двумя ротами. Мы прихлопнем Федора на окраине болот. — Гауптштурмфюрер поднял одутловатое с прозеленью бессонницы лицо к озаренным верхушкам берез и длинно вдохнул прохладу хрящеватым носом. — Какое утро, Хильпе! Да у вас тут просто санаторий... Перед выходом деревню сжечь!

— Слушаюсь, господин гауптштурмфюрер!

Утро в самом деле было чудесное, и, когда машины, скрежеща на проваленной дороге, пятнистыми тушами зарылись в лес, то солнце уже вытекло из горизонта и теплое туманное золото его обволокло воздух. Вспыхнули сухие иглы на соснах. Загомонили птицы. Пестрая сорока, выдравшись из ветвей, уселась на самую макушку и заверещала, напрягая все свои мелкие силы. Связной отряда, примостившийся в развилке могучих лап, вздрогнул и чуть не выронил бинокль.

— Тьфу ты, зараза! — в сердцах сказал он. Отсюда, со всхолмленной высоты, грузовики казались безобидными навозными жуками, которые едва-едва скребут лапами по желтой глине. Но за ними в хрупкую и прозрачную сентябрьскую голубизну поднимался черный столб дыма.

— Что делают!

Обдирая колени, связной скатился вниз и побежал по хвойному склону в распадок — там его ждала лошадь. Через полчаса — охлюпкой, подпрыгивая на острой спине, — он ворвался на поляну в красном сосновом бору и, бросив поводья, растягивая губы вдоль десен, соскочил у бревенчатой землянки.

— Пропусти к командиру!

— А зачем тебе командир?

— Говорю: пропусти — срочное донесение...

И когда вышел коренастый бородатый человек, одергивающий гимнастерку за широким ремнем, то связной фыркнул, как кот, одной фразой:

— Идут, товарищ командир, четыре грузовика на Горелое, сам видел, деревню подожгли, сволочи...

Командир задумчиво, будто не видя его потное, взъерошенное, возбужденное лицо, кивнул: — Хорошо, отдыхай, — и вернулся в землянку, где мигала редкими хлопьями коптилка на стене, а посередине, отъединенный пустым пространством, горбился на шершавой табуретке человек в изжеванном городском костюме:

— Как выглядит этот офицер?

— Гауптштурмфюрер Лемберг? — Высокого роста, бледный, худощавый, отечный, волосы белые, неприятно щурится все время, — сразу же, не задумываясь, ответил человек. — Хильпе, комендант, — низенький, толстый, суетливый, подстрижен бобриком...

— Ну, коменданта он мог видеть в Ромниках, — сказал привалившийся в углу комиссар. Поправил ватник на озябленных плечах и отхлебнул ржавый брусничный чай из помятой кружки.

— А староста? — спросил командир.

Человек на табуретке опустил набрякшие веки. Он опять до осязания зримо увидел продолговатую тесную комнату, в неживом полумраке которой угадывались комод и громоздкий шкаф, а на вешалке подолами и рукавами теснилась одежда. Он никогда раньше не видел этой комнаты. Он мог бы поручиться. Шаркнула дверь — неуверенно, как больная, появилась женщина, закутанная до самых глаз в толстый платок, подошла к окну и не сразу, несколькими слабыми движениями отдернула плюшевые шторы. Проступил серый тревожный отсвет, крест-накрест перечеркнутый полосками бумаги. А за ними город — город и река в гранитных берегах, подернутая шлепаньем дождя.

— Что с вами, Денисов?

Он очнулся.

— Извините, я не спал трое суток... Староста — лет пятидесяти, среднего роста, почти лысый, на голове — клочья бумажные, очень темное лицо, щербатый, все время улыбается, облизывает губы...

— Дорофеев это, больше некому, — определил комиссар. — Увертливый, сволочь, никак до него не дотянуться.

— Ты вот скажи: проведет твой Дорофеев сотню человек через болота или не проведет? — спросил командир.

— Проведет.

Тогда командир выложил на стол пудовые кулаки с надутыми узлами вен.

— Немцы двумя ротами вышли из Новоселка и движутся сюда по лесной дороге, — сообщил он. У Денисова ввалились небритые щеки.

— Ну что же сделать, чтобы вы поверили мне!..

— Вообще-то лучше, чем Бубыринские болота, места не придумаешь, — неторопливо сказал комиссар. — Колдобина на колдобине, сам черт увязнет. Но если проводником будет Яшка Дорофеев... Он тут лесничил и каждый омут не хуже меня знает...

Командир с досадой впечатал кулаками по оструганным доскам.

— Задача!... Это же только сумасшедший пойдет через Марьину пустошь — голое место, бывшая гарь, укрыться негде, перестреляют, как рябчиков. У нас — лошади, обоз, трое раненых... — Он пересилил себя и крикнул громовым басом: — Сапук! Спишь, Сапук, чертова коза, цыган ленивый!

— Никак нет, товарищ командир!

— Посмотри внимательно, Сапук, очень внимательно посмотри: может быть, узнаешь старого знакомого?

Молодой рослый боец ощупал Денисова быстрым и неприязненным подергиванием бровей.

— Никак нет, товарищ командир, не из этих. Роменковских полицаев я хорошо знаю. И прихлебателей тоже. Нет, не попадался.

— Ладно, Сапук, бери его в хозяйственное, покорми немного, глаз с него не спускать! — Командир поднялся и решительно оправил гимнастерку. — Боевая тревога! Дежурное отделение ко мне!..

Через час тяжело груженный обоз, визжа несмазанными колесами и застревая на вывороченных корнях, тронулся из соснового сквозняка вдоль распадка по направлению к боло-

там. Денисов шагал за телегой, груженной мешками с мукой. Его мотало при каждом шаге. — Иди-иди, цыца немецкая! — однообразно покрикивал Сапук, и скучная злоба звучала в его голосе. Разжиженный утренний туман стоял между красноватых стволов, трещали шишки, и от густого чистого запаха смолы слипались угнетенные мысли. Далеко позади бухали редкие винтовочные выстрелы, накрываемые автоматной трескотней, — дежурное отделение, не вступая в открытый бой, тормозило продвижение немцев. Солнце уже начинало припекать. День обещал быть жарким. — Я не дойду, — подумал Денисов. — А если дойду, то Хильпе с пулеметами ждет нас на той стороне болота. Отвратительный низенький и толстый Хильпе, намокший от пота, — исполнительный служака. Он знал, что сейчас Хильпе трясется в кабине переднего грузовика. Это был третий «прокол сути». В тридцать шестом году, читая о боях на подступах к Овьедо, он вдруг увидел красную колючую землю, черные камни и плоские синие безжизненные верхушки гор. Над всей Испанией безоблачное небо. «Прокол» не содержал позитивной информации. Просто картинка. Воспроизвести ее не удалось. А критерий существования любого материального явления есть воспроизводимость. Кажется, еще Лэнгмюр писал об этом. «Наука о явлениях, которых нет». Подтверждение он получил три года спустя, когда беседовал с летчиком, побывавшим у Овьедо, тот подробно описал местность — узнавалось до мельчайших деталей. Интересно, что все три «прокола» были с интервалами в шесть лет: тридцатый, тридцать шестой и сорок второй годы. Откуда такая периодичность? Или случайное совпадние? Она явно не связана с масштабом событий — начало войны, например, он просто не почувствовал. Может быть, периодичность имеет внеземной источник? Но это предположение заведет слишком далеко. Во всяком случае ясно, что для «прокола сути» необходима предельная концентрация сознания. Как тогда — на мосту. Это можно достичь путем тренировки. Скажем — обычная медитация. Скажем — самогипноз. «Иисусова молитва», «экзерциции», «логос-медитация», «путь суфиев» — и так далее. Впрочем, теперь это не нужно.

Широкая пятерня взяла его за плечо, и Сапук все с той же скучной злобой в голосе сказал:

— Иди-иди, оглох? — Комиссар зовет.

Комиссар лежал на белых мешках, укрытый ватниками, и при свете дня было видно, какое у него заострившееся лихорадочное лицо.

— Простудился некстати, — сказал он, выдыхая горячие хрипы. — Совсем плохо, не время бы болеть... Сапук, оставь нас...

— Командир приказал охранять.

— Ты и охраняй — отойди на пять метров. — А когда Сапук, передав вожжи, отошел: — Что скажете, Александр Иванович?

— Сейчас Хильпе подъезжает к Горелому, — вяло ответил Денисов. — Там он высадит гарнизон, проведет его к Мокрому Логу и положит на Бубыринской гриве, развернув пулеметы в сторону болот.

— Помогите мне сесть...

Денисов передвинул тяжелые мешки, и комиссар взгромоздился, откинувшись, глядя в золотое небо.

— Вот что, Денисов, — спустя долгую, наполненную шуршанием ломких игл секунду, сказал он. — Неделю назад в Ромниках провалилась группа Ракиты — четыре человека, это подполье...

— Никогда в жизни не был в Ромниках, — ответил Денисов.

— Их арестовали одновременно, в ночь на восемнадцатое. Может быть, предатель?.. Группа занималась железной дорогой, и теперь мы — как слепые...

Денисов тряхнул вожжами.

— Вы же не верите мне, — устало сказал он.

Комиссар, будто не слыша, смотрел вверх на румяные от солнца лохмотья сосен.

— Их содержат в гарнизонной тюрьме совершенно изолированно. Внутренняя охрана состоит исключительно из немцев, наши люди не имеют доступа. А допрашивает Погель — усатая крыса... Вы, конечно, правы, Александр Иванович, я не

могу приказывать вам. Позавчера в город пошел связной и не вернулся.

— Ракита — ваша дочь?

— Да. Ракита — кличка.

— Но я же не могу включаться в любую минуту, — чувствуя подступающую ярость, сказал Денисов. — Вы думаете, это так просто: закрыл глаза и посмотрел?

— Хорошо, — сказал комиссар и подтянул сползающий ватник. — Хорошо. Не волнуйтесь. Мы отправим вас на Большую землю, там разберутся.

Ему было очень плохо. На разные голоса скрипели тележные оси. Осенняя муха, жужжа, выписывала сложные круги перед глазами.

— Сколько человек в группе? — бледнея, отрывисто спросил Денисов. — Их имена, фамилии, как выглядят, где живут. Вкусы, привычки, наклонности...

— Даже если бы я верил вам, то все равно не имел бы права рассказать, — ответил комиссар.

— Так что же вы от меня хотите?!

Тут же подскочил Сапук и начал тыкать прикладом в грудь.

— А ну прекрати!

— Уберите его отсюда!

— Сапук, отойди!

— Он — вон, что вытворяет...

— Отойди, Сапук... — Комиссар некоторое время молчал, а потом сказал неуверенно: — Что, если подойти со стороны немцев? Насколько я понимаю, надо просто извлечь определенные сведения? Правильно? Вам же не важен, так сказать, конкретный носитель этих сведений? Немцы наверняка знают. Гауптштурмфюрер Лемберг, например.

Денисов закрыл глаза. Голова сразу же поплыла. Он действительно не спал трое суток. Его охватывало бессилие. Они думают, что он все может, а он ничего не может. Ведь молния не ударит еще один раз. Он сглотнул царапающую сухость во рту. Почти тотчас же возникла та самая незнакомая продолговатая комната — комод и шкаф, женщина отдергивала шторы,

проступил неясный сумрак, шлепал дождь за окном, она была в толстом платке, так что лица не различить, осторожно присела у самодельной железной печки, труба которой упиралась в форточку. Застыла. Денисов пытался избавиться от этого видения. Он его не понимал. Оно ужасно мешало. Женщина перебирала какие-то изгрызенные щепки на полу. Это была Вера. Гауптштурмфюрер Лемберг вошел в комнату. Мундир чернел под опухолью лица. Денисов старался приблизиться к нему, но это не удавалось. Прозрачные губы шевельнулись. Гауптштурмфюрер говорил что-то неуловимое. Денисов изо всех сил разгребал слои времени и пространства, разделяющие их. Он задыхался. Давили минувшие сутки. Он протискивался сквозь них, как жук в земле. Ощущение было такое, что раздираешь на себе живую кожу. — Нет-нет, — сказал гауптштурмфюрер. — Не преуменьшайте своего вклада. Вы дали нам практически все подполье. Если мы и держим часть из них на свободе, то затем лишь, чтобы не подставлять под удар вас. — Он послушал. Денисов очень ясно видел сквозь него, как Вера, уронив собранные щепки, подняла голову и слабо сказала: — Саша! — Короткая тупая боль проникла из пустоты сердца. Будто сдвоили удары. Он вдруг понял, что это было. Слюдяные пластинки времени раздвинулись. — Теперь наша задача — обезвредить отряд Федора, — сказал гауптштурмфюрер. — Я надеюсь, что мы ее выполним, с вашей помощью. Вас ждет хорошая карьера и серьезные большие деньги, Самоквасов. Мы ценим людей, которые готовы искренне служить нам. — Гауптштурмфюрер заколебался, словно водоросли на течении. И вдруг исчез. Вообще все исчезло. Остался лишь приступ тошноты, жара, запах липкой смолы, телега, переваливающаяся по гладким коричневым корням. Сосны останавливали свое болезненное вращение.

— Самоквасов, — хрипло сказал он. — Вам знакома фамилия — Самоквасов?

И испугался, потому что лицо у комиссара налилось синей венозной кровью.

— Повторите!

— Самоквасов. Это он продает подполье.

— Нет, — сказал комиссар. — Нет, не может быть!.. Я знаю Игнатия пятнадцать лет... Мы вместе... мы с ним... я за него...

Сапук бросил винтовку.

— Врача!

Комиссар открыл лихорадочные глаза.

— Вы или провокатор, Денисов, или...

— Или, — сказал Денисов.

Тупая боль вывинчивала сердце и пригибала к земле. Он ухватился за качающийся борт повозки.

— Что с вами, Александр Иванович?

— Ничего особенного, — сказал он. — Все в порядке. У меня умерла жена.

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

Акт террора совершили сикхские экстремисты в индийском штате Пенджаб. Вчера вечером четверо террористов захватили рейсовый автобус на шоссе к северу от города Джаландахар и хладнокровно расстреляли 24 пассажира, принадлежащих к индуистской общине. Одиннадцать пассажиров были ранены. *** *Британское министерство сельского хозяйства заготовило 56 миллионов карточек на продовольственные товары для использования их англичанами «после ядерной войны». В секретном докладе министерства устанавливается процедура получения карточек и отоваривания их.* *** *40 человек погибло и более 100 ранено в ходе ожесточенных боев между подразделениями шиитского движения «Амаль» и палестинцами, которые продолжаются в районе южноливанского города Сайда и южных пригородах Бейрута. Палестинцам удалось установить контроль над деревней Магдуше. Однако отряды движения «Амаль» сумели вернуть этот населенный пункт.* *** *Как сообщил официальный военный представитель Ирака, минувшей ночью в один из жилых районов Багдада попала иранская ракета класса «земля — земля». 48 мирных жителей погибли и 52 получили ранения, разрушено несколько домов. По сообщению радио Тегерана, Иран нанес ракетный удар по Багдаду в «ответ на бомбардировки Ираком иранских городов».* *** *В Джакарте официально объявлено о казни*

еще девяти деятелей коммунистический партии Индонезии. Несмотря на широкие протесты во всем мире, смертные приговоры приведены в исполнение...

7. Работа с документами

В восемь утра поступило сообщение из МИДа: Нострадамус предупреждал, что в северо-западной части Мексики на глубине около двадцати четырех километров возник очаг напряжения земной коры. Вероятность землетрясения более девяноста процентов, предполагаемая сила землетрясения — одиннадцать баллов по шкале Рихтера, начало реализации — от четырех до шести часов с момента сообщения, эпицентр землетрясения приходится на Сан-Бернардо — двести пятьдесят тысяч жителей. Нострадамус позвонил президенту Да Палма и предложил немедленно эвакуировать город. Разговор происходил по-испански. Начата обработка линии связи. Мексиканское правительство по официальным каналам срочно запрашивало нас, насколько можно верить этим сведениям.

В восемь тридцать мне принесли историческую справку. Ясновидение впервые было описано Якобом Беме, придворным астрологом герцога Лауэрштейнского. В книге «Свод хрустальный» он рассказывает о женщине по имени Зара, которая «могла видеть сквозь стены из доброго камня и тем производила великое удивление в знатных людях». Зару сожгли. В семнадцатом веке некто Готтхард из Целмса, находясь в родном городе, за сотню километров от театра военных действий, подробно описывал сражение при Зюбингене, за что и был заключен в тюрьму. В восемнадцатом веке прославились братья Самюлэ — они лечили от всех болезней, снимали колдовство, уводили сглаз, мор и чуму, отверзали хляби небесные. В частности, они предрекли солнечное затмение 1765 г. и предсказали эпидемию оспы во Флоренции. Впрочем, последнее относится к проскопии (видение будущего). В девятнадцатом веке был известен Жан из Пьесси («амьенский пророк»). Наполеон тайно содержал его при своей ставке; этот неграмотный

крестьянский парень очень точно угадывал перемещения войск противника. Далее упоминается Эфраим Хальпес, португальский географ, нанесший на карту Антарктиду в ее современных очертаниях (Антарктида была открыта Беллинсгаузеном только через пятьдесят лет, а изучена значительно позже). Затем — надолго забытые прозрения Хевисайда; Менделеев, который увидел во сне Периодическую систему элементов; Симгруссон — разбегающиеся галактики; Антон Глечик — соотношение модулей в колонне вращения. И так далее, и тому подобное. Справка представляла собой талмуд в четыреста папиросных страниц, приводились сотни фамилий и тысячи противоречивых фактов со ссылками на десятки тысяч источников.

Отдельно был приложен заказанный мною материал. Доктор Гертвиг Теодор Карлович родился в 1860 г. в Петербурге, в семье обрусевшего немца, получил медицинское образование, дополнительно прослушал курс сравнительной зоологии на биологическом факультете Санкт-Петербургского университета, учился в ординатуре, занимался частной медицинской практикой, имел научные труды, пользовался большой известностью как первоклассный клиницист широкого профиля, характер заболевания устанавливал методом бесконтактной диагностики (парадиагностика — это частный случай ясновидения), при проверках на консилиуме или при патологоанатомическом исследовании диагноз обязательно подтверждался. Остались многочисленные свидетельства. Например — А. И. Шиманский «Записки русского врача». Например — «Труды Санкт-Петербургского общества биологии и медицины». Умер он в январе 1917 г. от воспаления легких, причем сам себе поставил диагноз и предсказал ход развития болезни. Кажется, это был единственный строго документированный случай профессионального ясновидения. Библиография к нему, с указанием на сохранившиеся в архивах источники, составляла около десяти страниц сплошного машинописного текста.

Это было серьезно. Данные по Гертвигу можно было положить в основу при создании информационного муляжа. Так сказать, нижняя граница мозаики.

В девять утра поступило второе сообщение от Нострадамуса: существует неисправность в системе регулирования и подачи топлива рабочей части космического челнока «Скайлеб», возможно смещение фокуса сгорания смеси за пределы камеры сгорания, необходимо отложить планирующийся полет. Звонок в Управление НАСА был сделан из красного сектора, и вокруг него начали сжиматься кольца патрульных милицейских групп.

Операция «Равелин».

В девять пятнадцать терминал моего компьютера выдал дешифровку первого эпизода по материалам из Климон-Бей (безумный оператор Ван Гилмор): Солдырь и Богатырка представляли собой средние отроги Уральского хребта, находящиеся на территории Удмуртской АССР в районе города Глазова (перегон Глазов — Болезино). Судя по косвенным признакам, указанный эпизод имел место в период 1930 — 1931 годов или 1957 — 1958 годов (засуха в Поволжье). Более точная временная привязка пока невозможна.

Это была вторая координата для мозаики. Третьей координатой можно было считать сектор Нострадамуса. Если Нострадамус действительно живет там.

Ладно.

В девять пятнадцать Сиверс начал повторные допросы участников «Звездной группы» — всего восемнадцать человек. А в десять часов поступили данные по «Храму Сатаны». Первое. Полицейская сводка из Остербрюгге, составленная в неопределенно-официальной форме, извещала, что Ивин был убит около полуночи двумя выстрелами в спину из пистолета системы «маникан», смерть наступила мгновенно. Данное оружие по своим индивидуальным характеристикам не значится в полицейских картотеках Европы и Америки. Свидетелей происшествия нет. Подозреваемых нет. Установлено, что за два часа до смерти Ивин контактировал с неизвестным лицом, одетым в хитон Пятого Круга. Ведется проверка всех зарегистрированных демиургов. Второе. Мужчина, тело которого было обнаружено на опушке Шварцвальда неподалеку от Остербрюгге, является гражданином ФРГ Петером

Клаусом, владельцем фирмы музыкальных инструментов в Кельне. В каталоге зарегистрированных демиургов он не значится. Месяц назад Петер Клаус внезапно, без каких-либо особых причин, крайне поспешно передал права на фирму старшему сыну Гансу Клаусу и уехал в длительное путешествие по Африканскому континенту. Место пребывания его в последнее время неизвестно. Предполагалось, что он был похищен. Заявления от родственников не поступало. Официальный розыск не осуществляется. Смерть наступила естественным путем: острый инсульт и кровоизлияние в мозг с мгновенной потерей сознания. Полиция квалифицирует этот инцидент как несчастный случай и не намерена проводить специальное расследование. Третье. В сводке содержались запрошенные нами данные на Бьеклина. Ничего существенного — возраст (тридцать пять лет), место рождения (Лапис, Айова), специальность (информатика), военная специальность (перехват РС), состав семьи, место жительства, последнее место работы (отдел по борьбе с наркотиками), звание (майор), служебные награды и поощрения. То есть — полный ноль. Видимо, основные сведения о нем были засекречены.

Для мозаики это ничего не давало.

В одиннадцать утра Нострадамус через трансокеанскую сеть связался с Революционным Советом Обороны республики Пеннейские острова и предупредил капитана Геда, что на шесть утра по местному времени назначен путч офицеров высшего командного состава армии. Он подробно изложил график-план мятежа, продиктовал полный список заговорщиков и поддерживающих их частей, назвал номера секретных банковских счетов, на которые поступали деньги из-за океана. Связь с Пеннеями продолжалась целых четыре минуты — последнюю треть ее Сиверс недоуменно взирал все на тот же пустой испорченный телефон-автомат на углу Зеленной и Маканина, откуда якобы происходил разговор. Операция «Равелин» окончательно провалилась. Капитану Геду из «Движения молодых офицеров» было двадцать девять лет — военное положение в республике было объявлено немедленно. А еще через полчаса мне позвонили по красному

телефону и очень вежливо осведомились, когда я собираюсь взять Нострадамуса.

— Скоро, — ответил я.

— Вы уверены, что его вообще можно обнаружить? — деликатно спросили в трубке.

— Конечно, — ответил я.

Я действительно был уверен. Вычислить можно практически любого человека. Информационный муляж — это чрезвычайно мощное средство. Трудно даже представить, каким громадным количеством совершенно загадочных, незримых нитей соединены мы с этим миром. Следы всегда остаются. Остаются карточки РОНО, остаются записи в поликлиниках, остается учет строгого отдела кадров, остаются друзья, остаются непредсказуемые очевидцы, остается память. Все эти сведения можно извлечь — при определенных усилиях. Так возникает мозаика: биографическая сетка координат, которая выделяет в себе информационный муляж — пространственно-временное, условное подобие разыскиваемого человека. (Принцип «слепого адресата» — сбор абсолютно всех существующих данных.) Я не зря летал в Климон-Бей и не зря двое суток варился в бесовской отвратительной гуще Черной мессы — кое-какие координаты мы выловили. Теперь следует уточнять их и жестко привязывать друг к другу.

Это уже вопрос техники.

Около часа дня произошло землетрясение в Мексике. Сейсмическая аппаратура зафиксировала три протяжных толчка силой до одиннадцати баллов каждый. Согласно приборам, эпицентр землетрясения приходился точно на Сан-Бернардо. Город был разрушен до основания. Погибли восемь человек из числа тех двухсот, которые не захотели эвакуироваться.

Одновременно я получил письмо из Центрального военного архива. Старший научный сотрудник отдела Великой Отечественной войны кандидат исторических наук полковник Хомяков В. А. отвечал, что в указанный период в районе Минска и Минской области действовало более трех десятков регулярных партизанских отрядов и великое множество

мелких партизанских групп. Прилагался список чуть не из сотни наименований. Многие были условными. Количество, численность и состав партизанских соединений непрерывно изменялись. Полковник Хомяков В. А. вполне обоснованно отмечал, что запрос составлен в слишком общей форме и потому нельзя точно сказать, о каком именно отряде идет речь.

Я и сам не знал — о каком? Это была четвертая координата для муляжа. Довольно хлипкая координата.

Пятой координатой было имя Александр.

В четырнадцать часов состоялось заседание Экспертного Совета, который разрабатывал проекты по направлениям — «Гость» и «Человек Новый». В результате острой дискуссии было установлено: 1. Действия Нострадамуса целиком укладываются в категории земной логики («закрытой» семантики нет). 2. Нострадамус использует технические средства, не выходящие за рамки земной технологии (исключая сам ридинг-эффект: непосредственное считывание информации). 3. В целях концентрации усилий только на реальных направлениях следует категорически отвергнуть версию «Гость» — о внеземном источнике Нострадамуса. Ладно. Далее выступил профессор Сковородников (Институт эволюционной физиологии АН СССР). Мы ни в коем случае не должны рассматривать Человека Нового как результат внезапного видообразования, сказал он. Homo novis не есть другой вид. Это есть лишь очищение некоторых уже существовавших качеств внутри прежнего эволюционного материала. Ридинг-эффект, вероятно, сродни «ощущению сторон света» у перелетных птиц или «чувству географии» у определенных видов насекомых. Наличествует элемент прогностики. Человек получает здесь третью степень физической свободы. Ранее он ориентировался во времени и в пространстве, а теперь он будет так же уверенно, без отгораживающего посредничества компьютеров, ориентироваться в бесконечно разнообразном мире информации...

И так далее.

Я едва высидел до конца заседания.

В пятнадцать десять Управление НАСА коротко сообщило, что двадцать минут назад с космодрома на мысе Канаверал после проверки топливных систем был произведен очередной запуск космического челнока «Скайлеб» с экипажем на борту. Первые семьдесят шесть секунд характеристики полета были устойчивыми и отчетливо совпадали с расчетными. На семьдесят седьмой секунде произошел взрыв, связь с кораблем прервалась, по данным телеметрических наблюдений, капсула экипажа перестала существовать — обломки ее рухнули в Атлантический океан. Службы ВВС США и военно-морские соединения, находящиеся в данном районе, производят интенсивный поиск остатков. Шансы на спасение людей минимальные.

Через три минуты я начал отработку Ангела Смерти — дешифровка второго эпизода по материалам из Климон-Бей (безумный оператор Ван Гилмор).

В пятнадцать сорок пять ЮСИА сообщило о волнениях на Пеннейских островах: части путчистов удалось затвориться в казармах столичного гарнизона, там была радиостанция — и в течение последующего часа вместо того, чтобы работать, я был вынужден принимать копии протестов, передаваемых нам из МИДа: западные специалисты по международному праву квалифицировали ридинг Нострадамуса о Пеннеях как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Дискутировалось предложение — временно заблокировать трансокеанскую линию и отключить синхронизацию спутников связи, — то есть изолировать материки. Обстановка сгущалась. К исходу этого часа мне вторично позвонили по красному телефону и довольно настойчиво попросили всемерно ускорить поиск.

Выхода не было.

К семнадцати часам я вчерне собрал мозаику и передал ее на ВЦ. Муляж был смонтирован по пяти координатам: доктор Гертвиг, Удмуртская АССР, леса под Минском (1942 г.), имя и красный сектор Нострадамуса, — за исключением последнего это были все недостоверные позиции. Я не ждал никаких результатов.

Муляж начинает жить, если масса исходных сведений оказывается способной к логической самоорганизации — для этого необходимо достаточно большое количество информации. Или — если координаты фокусируются в очень узком пространственно-временном локусе, — «обжимая образ». Здесь же разброс был громадный. Оператор на ВЦ так и резюмировал:

— Ничего не выйдет.

— Делайте! — приказал я.

Следующие два часа были посвящены демиургам. На официальный запрос мы получили такой же официальный ответ: «Правительству США ничего не известно о существовании секретной группы „Ахурамазда", перечисленные в запросе личности: Трисмегист, Шинна и Петрус не фигурируют в полицейских картотеках страны, в названном районе — Оддингтон (Скайла) — находится частная психиатрическая больница, не имеющая отношения к государственным учреждениям США». Были приложены фотоснимки: уютные одноэтажные домики, утопающие среди ярких роз, чистые асфальтовые дорожки между ними, прозрачная стена из орогласса с колючей проволокой наверху. Вот так. Я не сомневался, что сейчас там действительно частная психиатрическая больница. Это была оборванная нить. Группа перебазировалась. Видимо, речь шла о попытке достичь ридинг-эффекта у наиболее одаренных экстрасенсов (демиургов) за счет насильственного искажения психики. Скорее всего — глубокий гипноз, наркотики и постоянная обработка психотропными анаболиками. В сообщении Клауса не случайно упоминался «Безумный Ганс». Судя по тому, что я наблюдал в Климон-Бей, этот блокатор нейронов из группы боевых ОВ действительно может вызвать нечто похожее на ридинг — правда, при полной деформации психики, за пределами сознания.

Для нас этот путь был закрыт.

Несомненно.

В девятнадцать ноль-ноль мне позвонили из ВЦ и сообщили, что муляж развалился.

— Мы можем запустить его еще раз, если хотите, — скучно заявил оператор. — Но без новых координат результат будет точно такой же.

— Запускайте, — велел я.

В девятнадцать тридцать было принято предложение Бьеклина о проведении следственного эксперимента со «Звездной группой».

Я не видел в этом никакой пользы.

В двадцать часов мне сообщили, что муляж развалился вторично.

До двадцати пятнадцати я предавался унынию.

В двадцать двадцать пять начали поступать первые обрывочные данные по Ангелу Смерти.

А примерно через полчаса снова ожил красный телефон и деревянный, сухой, белый от старости голос в пластмассовом нутре его тягуче произнес:

— Алексей Викторович? Добрый вечер. Пожалуйста, уделите минутку — у меня к вам небольшая просьба. С вами говорит Нострадамус...

— Слушаю вас, — леденея кончиками пальцев, очень спокойно ответил я.

Я действительно не волновался. Был двадцать один час — ровно.

8. Ангел смерти

Ночью позвонил Хрипун. Денисов лежал в натопленной темноте и слушал, как протискивается из мокрого рокота дождя нудное проволочное дребезжание. Я не подойду, подумал он. Я здесь ни при чем. Ну его к черту! Колыхались шторы. Фиолетовые провалы в пустой беззвездный мир чернели на простынях. Аппарат надрывался, как сумасшедший. Денисов выругался и встал. Надо было тащиться в другой конец коридора — обогнуть парамоновский сундук, велосипеды близнецов, детскую коляску и, главное, не зацепить ненароком опасно держащуюся на кривом гвозде железную оцинкованную ванночку Катерины. Катерине оставалось жить два года. Сказать или не сказать? Атеросклероз. Бляшки на стенках сосу-

дов. Лечить уже поздно. Ему показалось, что дверь в ее комнату слегка приоткрылась, пахнуло сонной теплотой, разогретыми подушками. Так и есть. Завтра будет разговор о том, что ни одну ночь нельзя будет провести спокойно.

Он сорвал раскаленную трубку.

— Идиот! — сказал он.

— Все подтвердилось, — не обращая внимания, захлебываясь слюной, прошипел Хрипун. — Только что. В два часа ночи. Мне сообщила Серафима. Поздравляю. Теперь все они у нас — вот так!

Было похоже, что Хрипун поднял стиснутый пухлый кулак и ожесточенно потряс им.

— Идиот! — повторил Денисов.

— А чего?

— Ничего!

— На вашем месте, Александр Иванович, я бы не ссорился, — примиряюще и одновременно с угрозой в голосе произнес Хрипун. — Ведь Болихат умер? Ведь так? И Синельников тоже умер? Ну — увидимся завтра в институте...

— Идиот! — сказал Денисов в немую трубку. Вытер соленую мокроту со лба. Коридор желтой адской кишкой изгибался за угол, и вереница масляных дверей изгибалась вместе с ним. Идиот! Он вспомнил, как такой же мелкой и густой испариной покрылось вчера внезапно побледневшее лицо Болихата, как тот грузно опустился на заскрипевший стул и зачем-то перелистнул календарь, испещренный заметками. — Значит, сегодня ночью? — Сегодня, Арген Борисович. — Точно? — Точно. Простите меня, — сказал Денисов. Он был выжат, как всегда после «прокола», и не соображал, что надо говорить. — Да нет, чего уж, — ответил, погодя, Болихат и поморщился, как от зубной боли. — Неожиданно, правда. Но это всегда неожиданно. Хорошо, что сказали. Спасибо. — Денисов поднялся и вышел на цыпочках, оставив за собой окаменевшую фигуру в коричневом полосатом костюме со вздернутыми плечами, в которые медленно и безнадежно уходила квадратная седая остриженная под бобрик шишковатая директорская голова. Их было двое в кабинете, и он мог бы поклясться, что Болихат не вымолвит ни полслова, но уже

через час обжигающие слухи, будто невидимый подземный огонь, начали растекаться по всем четырем этажам кирпичного здания института.

Приговор, подумал Денисов. Десятый приговор. А может быть, двенадцатый. Я устал от приговоров. У меня нет сил. Но блестящее лезвие светит в воздухе, раздается удар, и голова откатывается с плахи. Напрасно я затеял все это. Зря. Я ведь не палач. Он повернул выключатель. Жуткая кишка исчезла, проглоченная темнотой. Выступил фиолетовый квадрат окна. Дома напротив были черные. Искажая мир, слонялся вертикальный дождь по каналу. Низко над острыми крышами, чуть не падая, пролетел самолет, и стекла задрожали от его свирепого гула. Войны не будет. На превращенной в лужу набережной, в конусе фонаря, прилепившись к чугунному парапету, горбилась жалкая фигура в плаще под ребристым проваленным зонтиком. У Денисова шевельнулось в груди. Это был Длинный. Конечно — Длинный. Три часа ночи. Бр-р-р... Неужели так и будет стоять до утра? Дождь, холод... Он раздраженно задернул штору. Пусть стоит! Двенадцать приговоров. Хватит! Достаточно! Он зажег свет. Было действительно три часа ночи. Все-таки время он чувствовал превосходно. И не только время — все, связанное с элементарной логикой. Цифры, например. Две тысячи девятьсот пятьдесят четыре умножить на шесть тысяч семьсот тридцать два. Получается девятнадцать миллионов восемьсот восемьдесят пять тысяч триста двадцать восемь. Он сел за стол и на листке бумаги повторил расчет, стараясь забыть о дрожащем человеке на набережной. Девятнадцать миллионов восемьсот восемьдесят пять тысяч триста двадцать восемь. Все правильно. Хоть сейчас на эстраду. Щелчком ногтя он отбросил листок и придвинул шахматную доску, где беспорядочно, словно продолжая жить деревянной условной жизнью, замерли испуганные фигуры. Все равно не заснуть. Чертов Хрипун! Пухлая детская мордочка! Денисов смотрел на сжатую, будто пружина, позицию черных. Что тут было? Партия Хломан — Зерницкий, отложенная на тридцать седьмом ходу... При-

вычно заныли болевые точки в висках, заколебались и стекли, как туман, цветочные обои, обнажая пропитанный дождем мир. Сицилианская защита, схевенингенский вариант. Ферзь уходит с горизонтали, белые рассчитывают образовать проходные на левом фланге, здесь у них явный фигурный перевес, но — ведь так! — следует жертва слона, и выдвинутый вперед слишком растянутый центр стремительно рушится, погребая под собою королевский фланг, перебрасываются обе ладьи, строится таран, удовлетворительной защиты нет, фигуры белых отрезаны собственной пешечной цепью, они не успевают, самый длинный вариант при корректной игре — мат на одиннадцатом ходу, конем, поле «эф один». Победа. Только Зерницкий не заметит. Скорее всего будет долго и нудно маневрировать и сведет вничью. А победа близка. Удобная вещь — шахматы: простая логическая система с конечным числом вариантов, доступная анализу в самых формальных признаках, — «видишь» насквозь.

Наверное, я мог бы стать чемпионом мира. Опять пролетел самолет и задрожали стекла. Как это самолеты умудряются летать в такую погоду? Хотя — чрезвычайное положение, блокада Кубы, американский флот в Карибском море, инциденты с торговыми судами, призваны резервисты США, военные приготовления во Флориде. Заявление Советского правительства от 24 декабря 1962 года — вчерашняя «Правда». Войны не будет. Я так вижу. Денисов поднял голову. Творожистая рассветная муть лилась через окно, обессиливая электричество. Боже мой — половина девятого! Шаркала тапочками Катерина, и на кухне лопались утренние возбужденные голоса. Он опять забылся! Это «прокол сути», как пещерный людоед, пожирает сознание. Будто проваливаешься в небытие. Отключение полное. К одиннадцати часам его ждут в институте, но надо, конечно, прийти пораньше, чтобы уяснить обстановку. Обстановка на редкость скверная. Умер Синельников, и умер Болихат. Время! Время!.. Дождь слабел, но еще моросило, и день был серый. С карнизов обрывались продолговатые капли. Когда он пересекал улицу, то из

подворотни отделилась совершенно мокрая ощипанная фигура и, как привязанная, двинулась следом. Денисов повернулся — чуть не налетев.

— Не ходите за мной, — раздражаясь, сказал он. — Ну, зачем вы ходите?..

— Александр Иванович, одно ваше слово, — умоляюще просипел Длинный.

— С чего вы взяли?

— Все говорят...

— Чушь!

— Здесь недалеко, четыре остановки... Александр Иванович!.. Вы только глянете — магнетизмом...

У Длинного чудовищно прыгали синие промерзшие губы, не выговаривая согласных, и кожа на лице от холода стиснулась, как у курицы, в твердые пупырышки. Он хрипел юношеским тонким горлом. Воспаление легких, сразу определил Денисов. Самая ранняя стадия. Это не опасно. В автобусе, прижатый к борту, он сказал, с отстраненной жалостью глядя во вспухшие мякотные продавленные золотушные глаза:

— Я ничего не обещаю...

— Конечно, конечно, — быстро кивал Длинный, роняя печальные капли с носа.

Старуха лежала на диване, укрытая пледом, и восковая серая голова ее, похожая на искусственную грушу, была облеплена редкими волосами. Она открыла веки, под которыми плеснулась голубая муть, высохшей плетью подняла руку, словно приветствуя. Денисов поймал узловатые пальцы. Сейчас будет боль, подумал он, напрягаясь. Заныли раскаленные точки в висках. Заколебалась стиснутая мебелью комната, где воздух был плотен из-за травяного смертельного запаха лекарств, упирающегося в салфетки. Длинный что-то пробормотал. Рассказывал о симптомах. — Помолчите! — раздраженно сказал ему Денисов. Виски просто пылали. Сухая телесная оболочка начала распахиваться перед ним. Он видел хрупкие перерожденные артерии, бледную кровь, жидкую старческую бесцветную лимфу, которая толчками выбрасывалась из воспаленных узлов. Уже была не лимфа, а просто вода. Зеленым ядовитым светом замерцали спайки, паутинные кло-

чья метастазов потянулись от них, ужасная боль клещами вошла в желудок и принялась скручивать его, нарезая мелкими дольками. Терпеть было невмоготу. Денисов крошил зубы. Зеленая паутина сгущалась и охватывала собой всю распростертую на диване отжившую человеческую дряхлость.

— Нет, — сказал он.

— Нет?

— Безнадежно.

Тогда Длинный схватил его за лацканы и вытащил в соседнюю комнату, такую же душную и тесную.

— Доктор, хоть что-нибудь!

— Я не доктор.

— Прошу, прошу вас! ..

— Без-на-деж-но.

— Все, что угодно, Александр Иванович... Одно ваше слово!..

Он дрожал и, точно в забытьи, совал Денисову влажную пачечку денег, которая, вероятно, всю ночь пролежала у него в кармане. Денисов скатился по грязноватой лестнице. Противно ныл желудок, и металлические когти скребли изнутри по ребрам. Медленно рассасывалась чужая боль. Странно, что при диагностике передается не только чистое знание, но и ощущение его. Это в последний раз, подумал он. Какой смысл отнимать надежду? Лечить я не умею. Трепетало сердце — вялый комочек мускулов, болезненно сжимающийся в груди. На сердце следовало обратить особое внимание. Три года назад Денисов пресек начинающуюся язву, «увидев» инфильтрат в слизистой оболочке. А еще раньше остановил сползание к диабету. Сердце так же можно привести в порядок — ходьба, массаж. «Я, пожалуй, проживу полторы сотни лет, — подумал он. — А то и двести. Профилактика — великое дело». Еще два стремительных самолета распороли небо и укатили подвывающий грохот за горизонт. Войны не будет. Идут переговоры. Серый дождь затягивал перспективу улиц. Денисов поднял воротник, старательно перепрыгивая через лужи. «Вот чем надо заниматься, — подумал он. — Войны не будет. От спонтанного „прокола сути", который возникает только в экстремальных условиях, надо переходить к сознательному

считыванию информации. Частично это уже получается. Я могу считывать диагностику. Все легче и легче. Доктор Гертвиг был бы доволен. Но патогенез воспринимается лишь при непосредственном контакте с реципиентом — ограничен радиус проникновения. Настоящие „проколы" редки. Войны не будет. Теперь надо сделать следующий шаг. Решающий. Надо увеличивать радиус. И главное, надо научиться привязывать увиденную картину к реальному миру. Необходим колоссальный тезаурус: до сих пор если кому-нибудь и удавалось прозреть нечто определенное, то такой носитель истины просто не мог объяснить, что именно он видит, не хватало предварительных знаний. Отсюда хаос и туман знаменитых пророчеств древности — Сивилл, Апокалипсиса и самого подлинного Нострадамуса. Я могу наблюдать те или иные процессы, кажется, в мире элементарных частиц, но я совершенно не способен установить координаты увиденного в структуре современной физики... Две синие пульпочки образуют одну зеленую и при этом жалобно пищат, проникая друг в друга, а зеленая пульпочка — не совсем пульпочка, а пульпочка и кренделек, она не существует в каждый отдельно взятый момент времени, но вместе с тем наличествует как сугубо материальный объект, порциями испуская суматошные вопли, чтобы привлечь к себе такие же пульпочки-не-пульпочки и образовать с ними нечто, представляющее собою дыру в ничто... Вот в таком роде. Невозможно логически интерпретировать картинку. Хлопов пожимает плечами: пульпочки, которые испускают вопли... Чтобы разобраться в деталях, надо сначала досконально освоить новейшую физику и соотнести „образы сути" с уже известными представлениями. Работы на десять лет. А потом окажется, что это вовсе не элементарные частицы, а рождение и гибель галактик или соотношение категорий в типологических множествах».

Он шел по свежему, недавно покрашенному коридору второго этажа, и впереди него образовывалась гнетущая пустота, словно невидимое упругое поле рассеивало людей. Встречные отшатывались и цепенели. Кое-кто опускал глаза, чтобы не здороваться. Все уже были в курсе. «Это пустыня, — по-

думал он. — Безжизненный песок, раскаленный воздух, белые отполированные ветрами кости. Мне, наверное, придется уйти отсюда. Болихат умер, и они полагают, что это я убил его. Сначала Синельникова, а потом Болихата. Дураки! Если бы я мог убивать!» Неизвестно откуда возник Хрипун и мягко зацепил его под руку, попадая в шаг.

— Андрушевич, — осторожно, как чумной сурок, просвистел он, пожевав щеточку светлых пшеничных усов. — Андрушевич...

— Лиганов.

— Лиганов, — тут же согласился Хрипун. — Андрушевич, Лиганов и Старомецкий. Но прежде всего Андрушевич. Он самый опасный.

Денисов остановился и выдрал локоть.

— Я не сразу сообразил, — потрясенный невероятным озарением, сказал он. — Андрушевич, Лиганов и Старомецкий. Это все кандидаты в покойники? Вы их уже приговорили — я вас правильно понял?

— Не надо, не надо, вот только не надо, — нервно сказал Хрипун, увлекая его вперед. — Причем здесь покойники? Это люди, которые мешают мне и мешают вам. Так что не надо демонстрировать совесть. Поздно. И потом, разве я предлагаю?.. Нет! Совершенно не обязательно. Можно побеседовать с каждым из них в индивидуальном порядке. Намекнуть... Достаточно будет, если они уволятся...

Задребезжали стекла от самолетного гула. Войны не будет. Уже идут переговоры.

— Я, наверное, предложу другой список, — сдерживая больное колотящееся сердце, сказал Денисов. — А именно: Хрипун, Чугураев и Ботник. Но прежде всего — Хрипун, он самый опасный.

У Хрипуна начали пучиться искаженные, будто из толстого хрусталя, глаза, за которыми полоскался страх.

— Знаете, как вас зовут в институте? Ангел Смерти, — сдавленно сказал он. — Сами по уши в дерьме, а теперь на попятный? Испугались? И ничего вам со мной не сделать — кишка тонка...

Голос был преувеличенно наглый, но в розовой натянутой детской коже лица, в водянистых зрачках, в потной пшеничной щеточке стояло — жить, жить, жить!..

Казалось, он рухнет на колени.

Денисов толкнул обитую строгим дерматином дверь и мимо окаменевшей секретарши прошел в кабинет, где под электрическим светом сохла в углу крашеная искусственная пальма из древесных стружек, а внешний мир был отрезан складчатыми маркизами на окнах. Лиганов сидел за необъятным столом и, не поднимая головы, с хмурым видом писал что-то на бланке института, обмакивая перо в пудовую чернильницу серо-малинового гранита.

— Слушаю, — сухо сказал он.

Денисов молча положил на стол свое заявление, и Лиганов, не удивляясь, ни о чем не спрашивая, механически начертал резолюцию.

Как будто ждал этого.

Наверное, ждал.

— Мог бы попрощаться, — вяло сказал ему Денисов.

— Прощай.

Головы он так и не поднял.

Все было правильно. Дождь на улице опять усиливался и туманным многоруким холодом ощупывал лицо. Текло с карнизов, со встречных зонтиков, с трамвайных проводов. Денисов брел, не разбирая дороги. Рябые лужи перекрывали асфальт. «Двенадцать приговоров, — подумал он. — Болихат умер, Синельников покончил самоубийством, Зарьян не поверил, Мусиенко поверил и проклял меня. Это пустыня. Кости, ветер, песок. „Скрижали демонов". Я выжег все вокруг себя. Благодеяние обратилось в злобу, и ладони мои полны горького праха. Ангел Смерти. Отступать уже поздно. Надо сделать еще один шаг. Последний. Войны не будет. Суть вещей постигает лишь тот, чья душа стремится к абсолютному знанию. Остался всего один шаг. Один шаг. Один». Он свернул к остановке. Шипели рубчатые люки. Намокали тряпичные тополя. Подъехал голый пузатый автобус и, просев на правый бок, распахнул дверцы.

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

*Сегодня временному поверенному в делах Пакистана в ДРА был заявлен протест в связи с обстрелом с пакистанской территории афганского населенного пункта Барикот. По нему было выпущено 38 реактивных снарядов, в результате четыре мирных жителя убиты и восемь человек ранены. *** Еще два взрыва раздались минувшей ночью во французской столице.*

*Один заряд был установлен около представительства частной авиакомпании «Минерва», а второй — рядом с отделением национального управления по иммиграции Иль-де-Франс. Ответственность за эти преступления взяла на себя левацкая экстремистская группировка «Аксьон директ». *** Оружейный концерн «Мессершмитт-Бельков-Блом» создал новый тип оружия для усмирения полицией демонстрантов. Это оружие, похожее на фаустпатрон, имеет три вида снарядов: миниатюрные ракеты, которые могут проламывать черепа, шарообразные снаряды из твердой резины и алюминиевые коробки — взрывающиеся в воздухе контейнеры с раздражающим газом. *** Под тяжестью неопровержимых улик верховный суд Йоханнесбурга признал виновными трех белых граждан ЮАР в зверском убийстве африканца. Обвиняемые набросились на него на окраине города Грюкерсдорп и, избив, вышвырнули из автомашины на полном ходу. Затем они вернулись, облили африканца бензином и подожгли. Как показало медицинское освидетельствование, пострадавший в это время был еще жив.*

9. Следственный эксперимент

Первая очередь была пристрелочной, она зарылась в чистом застылом серебряном зеркале осенней воды, взметнув глухо булькнувшие фонтанчики, — вроде далеко, но уже вторая легла совсем рядом, по осоке возле меня, будто широкой косой смахнув с нее молочную, не успевшую просохнуть росу. И тут же ударили шмайсеры — кучно, хрипло, распарывая натянутый воздух. Я присел. Вдруг стало ясно ощущаться

тревожное пространство вокруг, открытое и болотистое, поросшее хрупким рыжеватым кустарником.

— Наза-ад!.. — закричал командир.

Ездовые поспешно разворачивали повозки. Передняя лошадь упала, взрыднув, и забилась на боку, выбрызгивая коричневую жижу. Посыпались мешки с мукой.

Сапук яростно рванул меня за плечо.

— Продал, сволочь!

Комиссар, уже на ногах, успел поймать его за дуло винтовки.

— Отставить!

— Продал, цыца немецкая!. .

— Отставить!

Мы бежали к горелому лесу, который чахлыми стволами криво торчал из воды. Две красные ракеты взлетели над ним и положили в торфяные окна между кочками слабый розовый отблеск.

— Дают знать Лембергу, что мы вышли к Бубыринской гриве! — крикнул я.

У меня огнем полыхал правый бок и подламывались неживые ноги. Во весь лес тупо и безучастно стучало по сосновой коре, будто десятки дятлов безостановочно долбили ее в поисках древесных насекомых. Это пересекались пули. Я потрогал саднящие ребра. Ладонь была в крови.

— Ранен? — спросил комиссар, переходя на шаг.

— Немного...

— Прижми пока рукой, потом я тебя перевяжу... Сейчас надо идти, мы просто обязаны выбраться отсюда — ты нам еще пригодишься... Слышишь, Сапук, головой за него отвечаешь!..

— Слышу...

— Поворачивай на Поганую топь...

— Обоз там не пройдет, — сказал командир, догоняя и засовывая пистолет в кобуру.

— Обоз бросим... Оставим взвод Типанова — прикрывать. Есть еще время. Раненых понесем — должны пробиться...

— Попробуем... Собрать людей!

— Есть собрать людей! Сто-ой... Все сюда!.. Разбиться повзводно!..

Местность повышалась, на отвердевшей почве заблестели глянцевитые выползки брусники. У меня звенело в ушах, и неприятная слабость разливалась по всему телу.

Я еще раз потрогал бок.

— Болит?

— Не очень...

— Давай-давай, нам нельзя задерживаться...

Сапук слегка подталкивал. Ноги мои при каждом шаге точно проваливались в трясину. Я хотел уцепиться за край повозки — пальцы соскользнули, редкоствольный сосняк вдруг накренился, как палуба корабля, и похрустывающая корневищная хвойная земля сильно ударила меня в грудь. Я протяжно застонал. Меня перевернули. Из тумана выплыло ископаемое глубоководное лицо Бьеклина.

— О чем он говорил с тобой?

— Кто?

Бьеклин повторил — внятно, шевеля многочисленными рыбьими костями на скулах:

— О чем с тобой говорил Нострадамус?

— Он спросил: нельзя ли приостановить расследование? На пару дней...

— И все?

— Он сказал, что скоро это прекратится само собой, он обещает...

— Не верю!

— Провались ты! Все подробности — в моем рапорте, можешь прочесть...

Тогда Бьеклин взял меня за воротник, будто собираясь душить.

— Ну — если соврал!..

Я лежал на кухне, на полу, и перед глазами был грязноватый затоптанный серый линолеум в отставших пузырях воздуха. Справа находился компрессор, обмотанный пылью и волосами, а слева — облупившиеся ножки табуреток. Бок мой горел, словно его проткнули копьем. Мне казалось, что я немедленно умру, если пошевелюсь. Пахло кислой плесенью,

застарелым табаком и — одновременно, как бы не смешиваясь, — свежими, только что нарезанными огурцами, запах этот, будто ножом по мозгу, вскрывал в памяти что-то тревожное. Что-то очень срочное, необходимое. Болотистый горелый лес наваливался на меня, и по разрозненной черноте его тупо колотил свинец. Это была галлюцинация. Я уже докатился до галлюцинаций. Собственно, почему я докатился до галлюцинаций? Следственный эксперимент. Сознание мое распадалось на отдельные рыхлые комки, и мне было никак не собрать их. Янтарные глаза Туркмена горели впереди всего лица: — Глина... Свет... Пустота... Имя твое — никто... Каменная радость... Ныне восходит Козерог... Вырви сердце свое, подойди к Спящему Брату и убей его... Ты — песок в моей руке... Ты — след поступи моей... Ты — тень тени, душа гусеницы, на которую я наступаю своей пятой... — Голос его, исковерканный сильным акцентом, дребезжал от гнева. Он раскачивался вперед-назад, и завязки синей чалмы касались ковра. Ковер был особый, молитвенный, со сложным арабским узором — тот самый, который фигурировал в материалах дела. Наверное, его привезли специально, чтобы восстановить прежнюю обстановку. На этом настаивал Бьеклин — восстановить до мельчайших деталей. Именно поэтому сейчас, копируя прошлый ритуал, лепестком, скрестив босые ноги, сидели вокруг него «звездники», и толстый Зуня с малиновыми щеками, уже в легком сумасшествии, тоже раскачивался вперед-назад, как фарфоровый божок: — Я есть пыль на ладони твоей... Я есть грязь на подошвах... Возьми мою жизнь и сотри ее... — И раскачивалась Клячка, надрывая лошадиные сухожилия на шее, и раскачивались Бурносый и Образина. Это был не весь «алфавит», но это были «заглавные буквы» его. Четыре человека. Пятый — Туркмен. Они орали так, что в ушах у меня лопались мыльные пузыри. Точно загробная какофония. Радение хлыстов. Глоссолалии. Новый Вавилон. Я не мог проверить — читают ли они обусловленный текст или сознательно искажают его, чтобы избежать уголовной ответственности. По сценарию, текстом должен был заниматься Сиверс. Но машинописные матрицы были раски-

даны по всей комнате, а Сиверс вместо того, чтобы следить за правильностью, нежно обнимал меня и шептал горячо, как любимой девушке: — Чаттерджи, медные рудники... Их перевезли туда... Будут погибать один за другим, неизбежно — Трисмегист, Шинна, Петрус... — Почему? — спросил я. — Слишком много боли... — Речь шла об «Ахурамазде», американской группе экстрасенсов. Я почти не слышал его в кошмарной разноголосице голосов. — Вижу, вижу, сладкую божественную Лигейю! — как ненормальная вопила Клячка, потрясая в воздухе растопыренными ладонями, худая и яростная, словно ведьма. Бурносый стонал, сжимая виски, а Образина безудержно плакал и не вытирал обильных слез. Лицо у него было смертельно бледное, нездоровое, студенистое. Наступала реакция. Сейчас они все будут плакать. В финале радения обязательно присутствуют элементы истерии. Я смотрел, как перевертываются стены комнаты, увешанные коврами. Меня шатало. Светлым краешком сознания я понимал, что тут не все в порядке. Эксперимент явно выскочил за служебные рамки. Нужно было срочно предпринять что-то. Я не помнил — что? Врач, который должен был наблюдать за процедурой, позорно спал. И Бьеклин тоже — вытаращив голубые глаза. Будто удивлялся. — Прекратить! — сказал я сам себе. Отчетливо пахло свежими огурцами. Голова Бьеклина мягко качнулась и упала на грудь. Он был мертв.

Бьеклин был мертв. Это не вызывало сомнений, я просто знал об этом. Он умер только что, может быть, секунду назад, и мне казалось, что еще слышен пульс на теплой руке. Ситуация была катастрофическая. Сонная волна дурноты гуляла по комнатам. Мне нужен был телефон. Где здесь у них телефон? Здесь же должен быть телефон! Я неудержимо и стремительно проваливался в грохочущую черноту. Телефон стоял на тумбочке за вертикальным пеналом. Какой там номер? Впрочем, неважно. Номер не требовался. Огромная всемирная паутина разноцветных проводов возникла передо мной. Провода дрожали и изгибались, словно живые, — красные, синие, зеленые, — а в местах слияний набухали шевелящиеся осьминожьи кляксы. Я уверенно, как раскрытую книгу,

читал их. Вот это линии нашего района, а вот схемы городских коммуникаций, а вот здесь они переходят в междугородние, а отсюда связь с главным Европейским коммутатором, а еще дальше сиреневый ярко светящийся кабель идет через Польшу, Чехословакию и Австрию на Аппенинский полуостров.

— Полиция! — сказали в трубке.

— Полиция?.. На вокзале Болоньи, в зале ожидания, недалеко от выхода с перронов, оставлен коричневый кожаный чемодан, перетянутый ремнями. В чемодане находится спаренная бомба замедленного действия. Взрыв приурочен к моменту прибытия экспресса из Милана. Примите меры.

— Кто говорит? — невозмутимо спросили в трубке.

— Нострадамус.

— Не понял...

— Нострадамус.

— Не понял...

— Учтите, пожалуйста, взрыватель бомбы поставлен на неизвлекаемость. В вашем распоряжении пятьдесят пять минут...

Отбой.

Я опять был на кухне, но уже не лежал, а сидел, привалившись к гудящему холодильнику, и телефонная трубка, часто попискивая, висела рядом на пружинистом шнуре. У меня не было сил положить ее обратно. Куда я собирался звонить? Кому? Еще никогда в жизни мне не было так плохо. Пахло свежими молодыми огурцами, и водянистый запах их выворачивал меня наизнанку. Точно в Климон-Бей. «Безумный Ганс» начинает пахнуть огурцами лишь в малых концентрациях, на стадии паровой очистки. Я видел двух бледных, длинноволосых, заметно нервничающих молодых людей в джинсах и кожаных куртках с погончиками, которые, поставив чемодан у исцарапанной стены, вдруг — торопливо оглядываясь — зашагали к выходу. Болонья. Вокзал. Экспресс из Милана. Это был ридинг, «прокол сути», самый настоящий — глубокий, яркий, раздирающий неподготовленное сознание. Теперь я понимал, почему Бьеклин так упорно настаивал на следственном эксперименте. Ему нужна была «Звездная груп-

па» — если не вся, то по крайней мере, горстка «заглавных букв».

Он безапелляционно потребовал:

— Все должно быть точно так же. Я сяду вместо покойника, и пусть они целиком сосредоточатся на мне.

Покойником был Херувим. Он погиб на прошлом радении, месяц назад, во время медитации и попытки освободить свою душу от мешающей телесной оболочки. Инсульт, кровоизлияние в мозг. Больше никаких следов. У него была гипертония, и ему было противопоказано длительное нервное напряжение. Эксперты до сих пор спорят — было ли это сознательное убийство или несчастный случай. Бьеклин, видимо, рассчитывал на аналогичные результаты. В смысле интенсивности. И поэтому, когда Туркмен, смущаясь присутствием оперативных работников, запинаясь и понижая голос, неуверенно затянул свой монотонный речитатив о великом пути совершенства, который якобы ведет к ледяным и суровым вершинам Лигейи, то Бьеклин почти сразу же начал помогать ему, делая энергичные пассы и усиливая текст восклицаниями в нужных местах. Он хорошо владел техникой массового гипноза и, наверное, рассчитывал, отключив податливую индивидуальность «алфавита», создать из него нечто вроде группового сознания — сконцентрировав его на себе. «Звездники» были в этом отношении чрезвычайно благодатным материалом. Он, видимо, хотел добиться мощнейшего, коллективного «прокола сути» и таким образом выйти на Нострадамуса. Или получить хоть какие-нибудь сведения о нем. Силы его собственного ридинга для этого не хватало. Вероятно, сходные попытки предпринимал и Трисмегист (отсюда методика), но безуспешно: судя по имеющимся данным, коллективное сознание «Ахурамазды» распадалось почти сразу же. А вот со «звездниками» можно было рассчитывать на результат. Особенно, если вывести сознание их за пределы нормы — в экстремум, с помощью специальных средств. Я видел, как он без особого труда, «буква за буквой» переключает «алфавит» на себя и они смотрят ему в глаза, как завороженные кролики, но я не мог помешать: в этом не было ничего противозаконного, формально он лишь помогал проведению

следственного эксперимента. Только когда застучали первые отчетливые выстрелы и захлюпала торфяная вода под ногами, я неожиданно понял, к чему все идет, но остановить или затормозить действие было уже поздно. Бьеклин распылил газ, стены затянуло сизым туманом, захрапел врач, упал обратно на кресло встревожившийся было Сиверс, мир перевернулся, погас — и начался бой на болоте, где выходил из окружения небольшой партизанский отряд. Сорок второй год. Сентябрь. Леса под Минском...

У меня дребезжали зубы от слабости. Оказывается, я уже находился в комнате. Что-то случилось со временем: бесследно вываливались целые периоды. Горячий и торопливый шепот волнами обдавал меня. Я вдруг стал слышать. — Идет дождь, и самолеты летают над городом, — раскачиваясь, бессмысленно, раз за разом, как заведенный, повторял Туркмен. Клячка шипела: — Вижу... вижу... вижу... Ангел Смерти... Тебе остается жить два с половиной года... — Судороги напряжения пробегали по ее впалым щекам. — Разве можно предсказывать будущее, Александр Иванович? — тихо и интеллигентно спрашивал Зуня, разводя пухлыми руками, а Образина, зажмурившись, отвечал ему: — Будущее предсказывать нельзя. — А разве можно видеть структуру мира? — Это требует подготовки. — А, например, долго? — Например, лет пятнадцать... — Они пребывали в трансе. Насколько я понимал, текст относился к Нострадамусу. Бурносый, как лунатик, далеко отставя указательный палец, невыносимо вещал: — Слышу эхо Вселенной, и кипение магмы в ядре, и невидимый рост травы, и жужжание подземных насекомых... — Зрелище было отталкивающее. Не зря при вступлении в группу человеческое имя отбирали, а вместо него давалась кличка — Гамадрил, Утюг... Меня колотил озноб. Диктофон стоял на столике в углу, светился зеленым индикатором. Значит, все в порядке, запись идет. Рамы на окне не поддавались, разбухнув от дождей, я локтем выдавил стекло, и оно упало вниз, зазвенев. Хорошо бы кто-нибудь обратил внимание. Резкий холодный ночной воздух ударил снаружи, выветривая огуречную отраву. Бьеклин был мертв — голу-

бые глаза кусочками замерзшего неба покоились на лице. Мне не было жаль его. Это он убил Ивина. Теперь я знал точно. В кармане его пиджака я обнаружил легкий, размером с палец, баллончик распылителя, а рядом — стеклянный тубус, наполненный крапчатыми горошинами. Транквилизаторы. Они горчили на языке. Я запихал по одной в каждый мокрый слезливый рот. Туркмен, очнувшись, слабо сказал: — Спа-сыба, началныка... — Давать повторную дозу я не рискнул. Я очень боялся, что короткий интервал просветления кончится и я ничего не успею сделать. Больше ни на кого рассчитывать было нельзя. Сиверс лежал в кресле — руки до пола — и шептал что-то неразборчивое. Врач безмятежно храпел. Кажется, только я один частично сохранил сознание. Наверное, я невосприимчив к гипнозу. Или, в отличие от других, я был психологически подготовлен — я уже видел действие «Безумного Ганса», — интуитивно насторожился, и это помогло удержаться на поверхности. Правда, недолго. Я чувствовал, что опять проваливаюсь в черную грохочущую яму, у которой нет дна. Мы все здесь погибнем. «Ганс» приводит к шизофрении. Нужна оперативная группа. Или я уже вызывал ее? Не помню. Телефонная трубка выпадала у меня из рук. Появился далекий тревожный голос. Я что-то сказал. Или не сказал. Не знаю. Кажется, я не набирал номера. Угольная чернота охватывала клещами, я проваливался все глубже. Двое волосатых парней в джинсах и кожаных куртках бежали по брусчатой мостовой, и вслед им заливалась полицейская трель. Вот один на бегу вытащил пистолет из-за пояса и бабахнул назад. Завизжала женщина. Режущая кинжальная боль располосовала живот. Терпеть было невозможно. Меня несли на брезентовой плащ-палатке, держа ее за четыре угла. — Пить... — шлаком спекалось все внутри. Посеревший, тяжело дышащий, обросший трехдневной щетиной Сапук хмуро оглядывался и ничего не отвечал. Поскрипывали в вышине золотые верхушки сосен и медленно проплывали над ними белые хвостатые облака. Сильно трясло. Каждый толчок отдавался ужасной болью. Вот дрогнула и беззвучно осела боковая песочная стена, за ней — другая, провалилась внутрь

крыша, с треском ощерились балки, и на том месте, где только что стоял дом, поднялся ватный столб пыли. Солнечный безлюдный Сан-Бернардо исчезал на глазах. Змеистая трещина расколола пустоту базара, шипящие серные пары вырвались из нее и обожгли мне лицо. Я задохнулся. Навстречу мне по мосту бежали люди с мучными страшными лицами. — Стой!.. Ложи-ись!.. — Часть бойцов залегла на другом берегу, выставив винтовки из лопухов, но в это время от белого в кружевном купеческом камне здания женской гимназии прямой наводкой ударила пушка и земляной гриб вспучился на середине Поганки. Тогда побежали даже те, кто залег. — Пойдем домой, — умоляюще сказала Вера. — Ты совсем больной. — Я не был болен, я умер и валялся на расщепленных досках с горячим металлом в груди. Доктор Гертвиг обхватил затылок руками, похожими на связку сарделек, а ротмистр в серой шинели, перетянутой ремнями, приятно улыбался мне. Долговязый мрачно спросил: — Он вам еще нужен, мистер? — Меня пихнули, затопив огнем сломанные ноги. Фирна. Провинция Эдем. Корреспондент опустил камеру и равнодушно покачал головой — нет. Тогда мичано, тихо улыбаясь, вытянул из ножен ритуальный кинжал с насечками на рукоятке. Было очень жарко. Я даже не мог пошевелиться. Я знал, что меня сейчас убьют и что я больше не выдержу этого. Как не выдержал Бьеклин. Человек должен умирать только один раз. Но мне казалось, что я умираю каждую секунду — тысяча смертей за одно мгновение. Катастрофически рушились на меня — люди, события, факты, горящие дома, сталкивающиеся орущие поезда, шеренги солдат, земляные окопы, капельки черных бомб, тюремные камеры, электрический ток, дети за колючей проволокой, полицейские дубинки, нищие у ресторанов, ядерные облака в Неваде, корабли, среди обломков и тел погружающиеся в холодную пучину океана. Слишком много боли, сказал мне демиург у Старой Мельницы. Шварцвальд, Остербрюгге... Я захлебывался в хаосе. Это был новый Вавилон. Третий. Столпотворение. Я и не подозревал раньше, что в мире такое количество боли. Он как будто целиком состоял из нее. Бледный водяной пузырь надувался у меня в мозге. Я знал, что это финал, — сейчас он лопнет. Взбудораженное лицо Валахова

зависло надо мною. Оно слабо пульсировало, искажаясь, и толстые губы еле слышно шлепали друг о друга:

— Жив?

— Жив...

Длинная игла вонзилась мне в руку на сгибе. Сделали укол. Вдруг начала ужасно разламываться голова.

— Скорее! Скорее! — обретая сознание, прошептал я. — Специалиста по связи! Прямо сюда!.. — Я не был уверен, что выживу. Третий Вавилон. Под черепом у меня плескался крутой кипяток, и я боялся, что забуду разноцветную схему проводов, откуда тянулась тонкая, едва заметная жилочка к Нострадамусу. Фирна. Провинция Эдем. — Скорее! Скорее!.. У нас совсем нет времени!..

10. Фирна. Провинция Эдем

Сестра Хелла стояла у окна и показывала, как у них в деревне пекут бакары. Она месила невидимое тесто, присыпала его пудрой, выдавливала луковицу — вся палата завороженно смотрела на ее пальцы, а Калеб пытался поймать их и поцеловать кончики.

— А у меня мама печет с шараппой, — сказал Комар, — чтобы семечки хрустели.

— С шарапой тоже вкусно, — ответил Фаяс.

Только Гурд не смотрел. Он был — нохо — и не мог смотреть на женщину с бесстыдно открытым лицом. Он лежал, зажмурившись, сомкнув поверх простыни темные ладони, и монотонно читал суры.

Голос его звенел, как испуганная муха.

Фаяс сказал ему:

— Замолчи.

Муха продолжала звенеть.

Сестра Хелла приклеила на стекло две лепешки, и Калеб издал нетерпеливый голодный стон, будто бакары и в самом деле скоро испекутся, но сестра Хелла забыла оторвать руки — вдруг прильнула белой шапочкой к окну, и он тоже прекратил смеяться — нелепо разинул рот, словно хотел проглотить целый хлеб.

На рыночную площадь перед больницей выкатился приземистый массивный грузовик в защитных разводах — чихнул перегретым мотором и замолк. Какие-то люди торопливо выскакивали из кузова. Неожиданно стукнул короткий выстрел, еще один, загремела команда, и истошно, как над покойником, завыли старухи-нищенки.

Тогда сестра Хелла медленно, словно без памяти, попятилась от окна и закрыла потухшие глаза. А Калеб прижался в простенке, и серебряный бисер влаги выступил у него на коричневой распахнутой груди.

— Солдаты, — крупно дрожа, выговорил он.

Железный ноготь чиркнул по зданию, оглушительно посыпались стекла. Фаяс хотел подняться, и ему удалось подняться, он даже опустил на пол загипсованную ногу, но больше ничего не удалось — закружилась голова, и крашеные доски ускользнули в пустоту, он схватился за спинку кровати. Тоненько заплакал Комар: — Спрячьте меня, спрячьте меня!.. — Ему было пятнадцать лет. Калеб, точно во сне, бессильно начал дергать раму, чтобы открыть, — дверь отлетела, и ввалились потные грязные боевики в пятнистых комбинезонах.

— Не двигаться! Руки на голову!

У них были вывернутые наружу плоские губы и орлиные носы горцев. Их называли «мичано» — гусеницы.

Фаяс поднял опустевшие руки. Он подумал, что напрасно не послушался камлага и поехал лечиться в город.

Теперь он умрет.

Была неживая тишина. Только Гурд шептал суры. Он тоже встал, но руки на затылок не положил. Капрал замахнулся на него прикладом.

— Нохо! — изумленно сказал он. — Ты же нохо! — Прижал левую ладонь к груди. — Шарам омол!

— Шарам омол, — сказал Гурд, опустив веки.

— Как мог нохо оказаться здесь? Или ты забыл свой род? Или ты стрижешь волосы и ешь свинину? — Капрал подождал ответа, ответа не было. Он сказал: — Этого пока не трогать, я убью его сам.

Черные выкаченные глаза его расширились.

— Женщина!

Сестра Хелла вздрогнула.

Отпихнув солдат, в палату вошел человек с желтой полосой на плече — командир.

— Ну?

— Женщина, — сказал капрал. Командир посмотрел оценивающе.

— Красивая женщина, я продам ее на базаре в Джумэ, там любят женщин с севера. Всех остальных... Он перечеркнул воздух. Гурд, стоявший рядом с Фаясом, негромко сказал:

— Мужчина может жить, как хочет, но умирать он должен, как мужчина.

Он сказал это на гортанном диалекте, но Фаяс понял. И капрал тоже понял, потому что прыгнул, плашмя занося автомат. — Поздно! — Худощавое тело Гурда, как змея распласталось в воздухе — командир схватился за горло, меж скребущих кожу, грязных ногтей его торчал узкий нож с изогнутой ритуальной рукояткой.

Каждый нохо имел такой нож.

— Не надо! Не надо! — жалобно закричал Комар.

Капрал надул жилистую шею, командуя.

Обрушился потолок.

Фаяс загородился тощей подушкой. Ближайший солдат, выщербив очередью стену, повернул к нему горячее дуло. Сотни полуденных ядовитых слепней сели Фаясу на грудь и разом прокусили ее...

Прицел на винтовке плясал, как сумасшедший. Он сказал себе: — Не волнуйся, тебе незачем волноваться, ты уже мертвый. — Это не помогло. Тогда он представил себя мертвым — как он лежит на площади и мичано тычут в него ножами. Прицел все равно дергался. Тогда он прижал винтовку к углу подоконника. Он терял таким образом половину обзора, но он просто не знал, что можно сделать еще. Видны были двое — самые крайние. Он выбрал долговязого, который поджег больницу. Он подумал: — У меня есть целая обойма, и я должен убить шестерых. — Долговязый вдруг пошел вправо, он испугался, что потеряет его, и мягко нажал спуск.

Нельзя было медлить, но все же долгую секунду он смотрел, как солдат, переломившись, валится в глинистую пыль. Затем острыми брызгами отлетела щебенка, и он побежал. Стреляли по нему, но они его не видели. Он выскочил на опустевшую улицу и перемахнул через забор, увяз в рыхлых грядках фасоли — выдирал ботинки, давя молодую зелень. За сараем был узкий лаз, и он спустился по колючим бородавчатым ветвям. Красные лозы ибиска надежно укрыли его. Пахло древесным дымом. Скрипела на зубах земля, и казалось, что это скрипит ненависть.

Откуда они взялись? До границы было почти двести километров. Мичано никогда не забирались так далеко. Крупная банда, и отлично вооружены — зенитные ружья, базуки... Два дня назад произошло столкновение у Омерры: группа диверсантов пыталась взорвать электростанцию. У них тоже были базуки. Охрана не растерялась, подоспел взвод народной милиции. Вот откуда они — от Омерры. Думали, что они откатились к границе, ждали их там, а они пошли на север.

Он пригнул лозу, и красный цветок неожиданно рассыпался, оголив зеленую плодоножку. Жизнь кончилась. Сад был пуст. Он перебежал через сад. Хорошо бы успеть до почты, должна быть рация на милицейском посту. Он спрыгнул в проулок. Навстречу ему шли два мичано. Они шли вразвалку, попыхивая толстыми сигарами. Он выстрелил, передернул затвор и опять выстрелил, как на учениях, — левый мичано даже не успел снять с плеча автомат. Но правый — успел: раскаленным прутом ударило по бедрам. Он упал на твердую землю. Выстрелов больше не было. Второй мичано тоже лежал, загребая руками пыль, будто плавая. Надо было забрать автоматы, но он боялся, что на выстрелы прибегут, — пролез через дыру в плетне. По коленям текло расплавленное железо. Он шел, цепляясь за ветви деревьев. На почте был разгром: скамьи перевернуты, сейф вскрыт, коммутаторы разбиты. В соседней комнате, где был пост, раскидав на полу ненужные ноги и обратив глаза в другой мир, лежал мертвый Гектор. На груди его, на зеленом сукне мундира, засох багровый творог, а из левой брови был вырезан кусочек мяса — «черная сигфа», ритуал. Кисло пахло кровью. Рация

извергала пластмассовое нутро. Он осторожно опустился перед окном, заметив краем глаза, что от двери через всю комнату тянется к нему мокрая полоса. Он подумал: — Я, наверное, потерял много крови. — Он знал, что отсюда уже не уйдет и останется рядом с Гектором.

Из окна была видна площадь — полукруг деревянных лотков и утоптанное пространство в центре. Стояли мичано с желтыми нашивками, а перед ними — трое стариков в праздничных синих пекештах. И еще одна синяя пекешта лежала на земле. Высокий человек, обвешанный зеркальными аппаратами, отходил, приседал, пятился, поднося к лицу камеру, похожую на автомат, но короче и толще.

— Корреспонденсо, — сказал он сквозь зубы. Опять положил винтовку на подоконник. Винтовка весила тонну, руки больше не дрожали, наплыл серый туман. Он выстрелил в шевелящиеся неясные тени. Выстрел булькнул очень тихо. Он не видел, попал он или нет, и выстрелил еще раз. Тут же упорный свинцовый дождь глухо заколотил по стенам. Горячая капля ударила его в плечо, обожгла и отбросила. Он услышал слабые крики и понял, к нему бегут. У него оставался еще один патрон. Он ничего не видел, что-то произошло с глазами. Он просунул каменную винтовку вперед и потянул за спуск. А когда они добежали до него, то он был уже мертв...

Корреспондент сказал:

— Дети — это всегда трогательно. Наши добрые граждане прослезятся, увидев детей, и начнут обрывать телефоны своим конгрессменам, требуя срочной помощи.

Шарья попытался спрятаться, но жесткие пальцы ухватили его за ухо, больно смяли и вытащили из толпы.

— Маленький разбойник, все-таки как он вас ненавидит, капрал...

Корреспондент был высокий, на паутинных ножках, между которыми перекатывался выпуклый живот. Будто кузнечик. Фотоаппараты его блистали на солнце.

Капрал швырнул старикам праздничные пекешты.

— Одевайтесь!

Старый Ория, помедлив, натянул синий балахон. Глядя на него, надели и остальные.

Испуганная женщина подала железный лист со свежими, еще дымящимися бакарами. Противоестественный запах хлеба ударил в ноздри. Капрал переложил лепешки на расписное глиняное блюдо и накрыл веткой мирта.

— Ты преподнесешь мне это, — отчеканивая каждую букву, — сказал он. — И не забудь, что ты должен все время улыбаться, падаль...

Старый Ория даже не согнул рук, чтобы взять. Тогда капрал, не удивляясь, позвал:

— Сафар!

Один из солдат картинно вытянулся и щелкнул тяжелыми каблуками.

— Есть!

Они бросили Орию на землю и положили под правую ногу чурбан, и Сафар прыгнул на эту ногу. Ужасный мокрый треск раздался на площади. Заскулили старухи в задних рядах. Солдаты перетащили чурбан под левую ногу. Старый Ория замычал, прокусив губу, и из сморщенных подглазьев его потекли слезы. Затем они сломали ему обе руки. Они работали споро и быстро. Это была все старая гвардия, прошедшая многолетнюю муштру в столице — легионы смерти. Сафар наступил на волосы и, блеснув узким ножом, вырезал «сигфу». Осклабился перед камерой, держа этот кусочек в щепоти.

— Уникальные кадры, — волнуясь, сказал корреспондент. — Перережь ему горло, я дам тебе пять долларов.

Старый Ория дышал, как загнанная лошадь. Сафар наклонился и чиркнул ножом по кадыку — засвистела, запузырилась кровь, выходящая из гортани.

Старухи завыли в голос.

— Молчать! — приказал капрал, и плач был мгновенно задавлен. Он сунул блюдо старому Ларпе. — Улыбайся, шакал, и сын шакала!

— Простите меня, люди, — сказал старый Ларпа.

Взял блюдо.

Руки его мелко дрожали.

— Я заставлю тебя жрать собственное дерьмо, — зловеще оскалясь, процедил капрал. — Ты подаешь их задом, ты оскорбляешь меня?!..

Корреспондент махнул рукой.

— Наплевать... Никто не знает, где тут зад, а где перед. Наши добрые граждане посмотрят на счастливые радостные лица и увидят, как простой народ приветствует борцов против коммунистической тирании... Улыбайся, сволочь, — велел он старому Ларпе.

Ларпа улыбнулся, и улыбка его была похожа на гримасу боли.

На Шарью никто не смотрел. Он отступил на шаг, потом еще на шаг и вдруг, быстро повернувшись, побежал через площадь к ближайшим домам. Босые ноги стрекотали в пыли. За спиной его крикнули: — Назад! Стой, червяк!.. — Грохнул выстрел, сбоку распух небольшой пыльный фонтанчик, спасительные дома были уже близко — острый раскаленный гвоздь воткнулся ему в спину пониже лопатки. Шарья упал, перекатился через голову, стукнулся пятками о землю, пополз — почему-то обратно — и застыл на половине движения, скрутившись, как прошлогодний лист.

— Никогда не видел, чтобы по детям, — сказал взволнованный корреспондент. Его мутило. Он помял себе лицо. — Странное ощущение вседозволенности...

Капрал равнодушно пожал плечами. В это время выстрелили со стороны почты. Солдаты, как один, попадали ниц и облили распахнутые окна плотным автоматным огнем. Начали перебегать — умело, на четвереньках. Трескотня была оглушительная, и поэтому второго выстрела никто не услыхал, только корреспондент недоуменно взялся за свой выпирающий живот, отнял руки — они были испачканы красным, — не веря, поднес к самым глазам, смотрел, стремительно бледнея, и вдруг издал долгий, жалобный, тревожный, пронзительный заячий писк...

Навстречу им попались носилки — раненый держался за бок, кряхтел и постанывал. Дальше, у самых домов, лежал мертвый мальчик. Сестра Хелла споткнулась, ударившись о его стеклянный взгляд. Мичано толкнул в спину: — Иди! — Учительница впереди нее ступала, как слепая, а продавщица из магазина, придерживая порванное платье, плакала навзрыд, она до смерти боялась нохо.

Школа состояла из трех больших помещений — бывший дом откупщика. Их загнали в кабинет для младших классов. Там уже были двое солдат и две девушки. Одну сестра Хелла знала — из магистрата, вторая была незнакомая. Девушки стояли у доски, закрываясь трепещущими руками, а солдаты сидели на сдвинутых к стене партах и курили сигары. Они отдыхали.

— Пополнение, — сказал мичано, который привел их. — Это учительница. Ты, Чендар, любишь образованных.

Их поставили рядом с девушками у доски. Сестра Хелла не могла дышать, горло запечатал жесткий комок. Звуки застревали в воздухе. Чендар, у которого топорщились хищные кошачьи усы, лениво подошел. Долго смотрел, попыхивая сигарой. Под его немигающим взглядом учительница отодвигалась, пока не уперлась спиной в доску. Тогда Чендар положил ей руку на грудь, она ухватилась за эту короткопалую руку, чтобы отвести, и он с размаху влепил ей пощечину — мотнулось белое лицо. Расстегнул пуговицы и просунул ладонь под платье. Жмурился, длинно причмокивая. Учительница быстро-быстро беспомощно моргала, держа на весу шевелящиеся пальцы.

— Годится, — наконец решил Чендар и за волосы потащил ее к двум сдвинутым партам, у которых были отломаны спинки, так что образовался широкий лежак. Толкнул ее туда и навалился сверху.

Ботинки лягали потный воздух.

Другой солдат сказал:

— Я возьму — пока эту...

Продавщица в разорванном платье зарыдала еще сильнее, сама, не дожидаясь команды, мелко семеня, покорно встала перед ним, и солдат одним нетерпеливым движением сдернул с нее одежду.

Кто-то заслонил окно с улицы — неразличимо темный против солнца.

— Развлекаетесь?.. Журналист умер. Псург просто взбесился: велел поджигать все дома подряд, так мы до ночи провозимся. — Утерся рукавом. — Оставьте мне, какую помоложе, я скоро...

И провалился в солнечный туман.

Мичано, который привел их, потрогал бедра у одной из девушек, оглядел вторую велел: — Расстегнись! — Смотрел, как она, всхлипывая, поспешно обнажает грудь. Перевел взгляд на сестру Хеллу: — И ты тоже! — Сестра Хелла думала, что не расстегнется, пусть лучше убьют, но увидела его бесцветные, как у всех горцев, ничего не выражающие глáза и, будто в обмороке, взялась за пуговицы.

— Ты мне нравишься, — сказал мичано. Ощерился, показав испорченные неполные зубы. Тронул ее за плечо, она пошла, не понимая — куда и зачем. Ноги сгибались, как резиновые. Гулким колоколом бухала кровь в пустой голове. Со всех сторон возились и сопели. Она ждала, что треснет земля и поглотит ее.

Она хотела умереть.

Вместо этого в дверях возник запыхавшийся молодой солдат и, отчаянно жестикулируя, прокричал что-то. Обрывки фраз доходили до нее с опозданием.

— Патруль... народная армия... на двух машинах...

Выскочил из-за парты Чендар — на кривых ногах, и поднялась ошеломленная учительница, но почему-то сразу упала. И одна из девушек упала тоже. И продавщица забилась в угол между партами и осталась там. Раздавались какие-то слабые хлопки. Зачихал снаружи мотор грузовика. Вторая девушка беззвучно открывала рот, светлую блузку ее наискось испятнали спелые раздавленные ягоды. Мичано, залитый искристым солнцем, очень медленно вставлял свежую обойму в рукоять автомата.

Сестра Хелла отпустила пуговицы. Она поняла, что сейчас ее убьют и обрадовалась...

СООБЩЕНИЯ ГАЗЕТ

Израильские вертолеты нанесли вчера новый ракетно-бомбовый удар по окрестностям южноливанского города Сайда, где расположены лагеря палестинских беженцев. Имеются убитые и раненые. *** *70 тысяч полицейских блокировали основные магистрали южнокорейской столицы, чтобы не допустить манифестации против антинародного режима Чон Ду Хвана. Демонстранты были встречены дубинками, слезоточивым газом и залпами резиновых пуль. Только по*

*предварительным данным арестовано 635 человек. *** Как сообщает агентство ПТИ, за сутки, прошедшие со времени зверского убийства 24 пассажиров автобуса в округе Хошиярпур, еще десять человек погибли от пуль террористов. Вооруженные нападения совершены одновременно в нескольких местах. *** Соединенные Штаты произвели очередной ядерный взрыв на полигоне в Неваде. Это уже 23-е американское ядерное испытание с момента введения Советским Союзом в одностороннем порядке моратория на все ядерные взрывы, соблюдаемого и по сей день. *** В Соуэто, крупнейшем гетто Южной Америки, банда расистских молодчиков промчалась на автомобиле по улицам, обстреливая прохожих. Несколько человек убито. Неизвестными террористами оказались полицейские, угнавшие автобус. *** Кровавую расправу над безоружными людьми учинил в Боготе бывший американский солдат, участник войны во Вьетнаме Элиас Дельгадо. От его рук погибли 29 человек. Находясь под воздействием наркотиков, этот обезумевший «ветеран» застрелил собственную мать и пятерых девушек-студенток, проживающих по соседству, а затем открыл стрельбу по посетителям в ресторане...*

11. Настанет день...

Спасти его не удалось.

Как ни странно, потребовалось довольно много времени, чтобы соотнести увиденную мною схему телефонных соединений с реальной городской сетью. Поэтому, когда оперативная группа прибыла по адресу, то в аккуратной, очень строгой и чистой, наполненной влажными сумерками комнате, где блестели длинным стеклом книжные стеллажи, она застала человека, сидящего за письменным столом и уронившего седую голову на разбросанные в беспорядке бумаги.

Фамилия его была — Денисов.

Александр Иванович.

Он был очень стар.

Он родился в Петербурге, получил диплом врача, участвовал в революции, женился, воевал, был ранен, работал в раз-

личных институтах, защитил диссертацию, написал две монографии, заведовал кафедрой, вышел на пенсию, оставался консультантом по проблемам биологии.

Последние двадцать лет он занимал комнату в большой коммунальной квартире на Павелецком переулке. Недалеко от Маканина.

Комната была метров двенадцать.

Телефон — свой.

Медицинская экспертиза, произведенная немедленно, установила, что смерть наступила сегодня, двадцать девятого ноября, около шести часов утра. Причиной ее явилось резкое кровоизлияние в мозг — геморрагический инсульт. Видимо, он был чрезвычайно острым, внезапным и сопровождался разрушением нервных тканей.

Экспертиза отметила, что в организме пострадавшего совершенно отсутствуют признаки гипертонии и сопутствующих ей явлений, на фоне которых мог бы развиться инсульт такой интенсивности.

Он был удивительно здоров для своего возраста.

Скорее всего, гипертонический криз и связанное с ним поражение мозга имели в своей основе необычайно сильное эмоциональное переживание: внезапный испуг, ужас, горе.

Экспертиза полностью исключила возможность насильственной смерти.

Соседи показали, что жил он на редкость замкнуто, большую часть времени проводил дома и, видимо, не имел в последние годы близких друзей или знакомых.

Его никто не навещал.

Это было понятно: невозможно дружить с человеком, который знает о тебе все.

Родственников у него не было.

Вот так.

Остались многочисленные записи, остались дневники, остались протоколы наблюдений. Все это было изъято. Дело о Нострадамусе мы закрыли.

Краем уха я слышал, что было проведено несколько ответственных совещаний, где анализировались все аспекты внутреннего зрения. Было выяснено, что «прокол» не представляет

собой принципиально нового биологического свойства. В неявной форме он присущ некоторым высшим животным и даже насекомым. В чистом виде «проколом сути» (ридинг-эффект) является, например, так называемое «озарение» у ученых, в момент которого они сразу, минуя все промежуточные этапы, видят конечный результат исследования, или близкое к нему «вдохновение», свойственное художникам и писателям, когда автор очень ясно, до тончайших нюансов ощущает все свое новое, еще даже не написанное произведение.

Так что это факт известный.

Вероятно, ограниченным внутренним зрением в какой-то мере обладают все опытные врачи.

Или инженеры.

Или геологи.

Это называется интуицией.

Наверное, в дальнейшем оно станет одним из основных инструментов познания.

Я надеюсь.

Надо сказать, что участники совещаний пребывали в некоторой растерянности: с одной стороны, метод Нострадамуса имел громадную стратегическую ценность, фактически преобразуя наше видение Вселенной, но с другой — освоение его требовало полутора или двух десятков лет напряженной и самоотверженной работы, а по достижении первых же значимых результатов приводило к быстрой и неизбежной гибели реципиента.

Не знаю, кто бы согласился пойти на это. Я бы не согласился.

Я хорошо помню свои ощущения во время «прокола». Это было настоящее столпотворение ужасов и катастроф.

Третий Вавилон.

Я едва выжил.

Ничего не поделаешь.

Таков наш мир.

Конечно, он не состоит из одной лишь боли. Скорее, наоборот. Основой его являются позитивные гуманистические идеалы. В мире много радости и счастья. Но человеческое счастье есть чувство естественное. Я бы сказал, что это есть

норма, и оно воспринимается как норма — будто воздух, которым дышишь, не замечая. Это необходимый жизненный фон. А социальная патология, которая, пузырясь, захлестывает нашу планету, уродливыми формами своими настолько вываливается из фона, что при настоящем «проколе» ощущаешь прежде всего ее — очень ярко и в полном объеме.

Одно связано с другим, и действительное «проникновение в суть» обязательно сопровождается спонтанным восприятием черного хаоса современности.

Они неразделимы.

Нельзя видеть только часть правды.

Нострадамуса убила Фирна. Или что-то последовавшее за ней.

Я не знаю — что?

Судя по записям в дневнике, он уже начинал догадываться об этом. Картины финальных страниц невыносимы. Но останавливаться было поздно, он добился успеха — началось непрерывное озарение, и вся боль мира хлынула в него.

Третий Вавилон.

Единственное, что он успел, — это попытаться хоть как-то помочь людям.

И то немного.

Я думаю, что метод действительно появился слишком рано. Я читаю газеты и смотрю телевизор: мир полон таких самоубийственных событий, что невольно возникает сомнение в разумности земной цивилизации. Человеку, который непосредственно воспринимает жестокость и кровь, текущие по континентам, просто невозможно существовать в наше время.

Я думаю, что это дело будущего.

Когда-нибудь исчезнут войны и насилие, о геноциде, терроре и расовой дискриминации будут читать только в книгах по истории. А любое преступление против отдельной личности или против общества в целом будет рассматриваться как явный симптом сумасшествия, требующий экстренного и радикального лечения.

Тогда можно будет вновь обратиться к дару, который заложен в нас неистощимой природой. Я уверен, что такое время наступит...

СОДЕРЖАНИЕ

С. Переслегин. Размышления о языке 5

НЕКТО БОНАПАРТ 31

КАК ЭТО ВСЕ ПРОИСХОДИТ 61

ИЗГНАНИЕ БЕСА 93

ТЕЛЕФОН ДЛЯ ГЛУХИХ 147

ДЕТСКИЙ МИР 223

БОГИ ОСЕНЬЮ 347

ТРЕТИЙ ВАВИЛОН 515

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Столяров Андрей Михайлович

Некто Бонапарт

Сборник

Ответственный редактор Е.А. Кривцова
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Л.А. Подъячева
Корректоры Е.В. Артемьева, Ю.О. Голубева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-012645-X

9 785170 126453